МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

РУССКИЙ ЦЕНТР

ISSN: 2664-7362

Донецкие чтения 2022:

образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

МАТЕРИАЛЫ VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета

Том 4 | **Филологические науки. Часть 1**

Уважаемые коллеги! Дорогие друзья!

Проводимая сегодня традиционная VII Международная научно-практическая конференция «Донецкие чтения-2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» отличается от всех предыдущих. Это первая конференция, которая проводится Донецким национальным университетом в новых исторических условиях, когда Донецкая народная Республика стала частью Российской Федерации, воссоединившись со своей исторической Родиной.

Это свершившееся историческое событие, к которому были обращены все наши помыслы и мечты, вошло в нашу жизнь стремительно и основательно. Стало поворотным историческим итогом нашей общей борьбы за восстановление исторической справедливости и консолидации русских людей.

Произошедшие события оказали свое решающее влияние на укрепление сотрудничества ДонНУ с вузами Русского мира и нашими отечественными университетами из Российской Федерации, принявшей Республику после долгой разлуки в свой состав, придали взаимодействию новый импульс, наполнили его новым содержанием, что позитивно сказалось на научном, образовательном, информационном и методическом уровне конференции. Возрос интерес к традиционно проводимым Донецким чтениям, увеличилось число участников конференции, расширилась тематика научных исследований, более углубленным стал подход исследователей к изучению актуальных проблем в различных отраслях науки. Одновременно усилилось внимание к вопросам применения теоретических знаний в практическую деятельность. Сборник трудов конференции издан в 10 томах, включающим 15 книг. Свои доклады и научные статьи на конференцию, выполненные на основании фундаментальных и прикладных исследований в области наиболее важных проблем естественно-математических, технических и социально-гуманитарных наук, были направлены ДонНУ многими известными специалистами и молодыми учеными Российской Федерации, дальнего и ближнего зарубежья.

Все эти научные исследования представляют значительный научный интерес. Они проанализированы и систематизированы, вошли в публикуемый научный сборник конференции.

Отмечу, что проведение традиционной научной конференции одновременно первой в составе России будет способствовать решению новых задач, которые стоят перед фундаментальной и прикладной наукой Российской Федерации и академическим сообществом Донецкой Народной Республики.

С наилучшими пожеланиями, ректор Донецкого национального университета, доктор физико-математических наук, профессор Светлана Владимировна Беспалова

Министерство образования и науки
Донецкой Народной Республики

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

Русский Центр

VII Международная научная конференция,
посвящённая 85-летию
Донецкого национального университета

Материалы конференции

Донецкие чтения 2022:
образование, наука, инновации, культура и вызовы современности

Том 4
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Часть 1

г. Донецк
27–28 октября 2022 г.

Донецк
Издательство ДонНУ
2022

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)
Д672

Редакционная коллегия:

С.В. Беспалова (гл. ред.), В.И. Сторожев (зам. гл. ред.),
М.В. Фоменко (отв. секр.), В.А. Дубровина, Н.А. Ярошенко,
В.И. Теркулов, А.А. Кораблёв, И.М. Артамонова,
М.Н. Панчехина, Е.В. Ладнова, В.В. Панасенкова,
К.В. Першина, А.С. Бурляй (отв. секр. секции)

Д672 **Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности:** Материалы VII Международной научной конференции, посвящённой 85-летию Донецкого национального университета (Донецк, 27–28 октября 2022 г.). – *Том 4: Филологические науки. Часть 1* / под общей редакцией проф. С.В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2022. – 411 с.

Ответственность за содержание материалов, аутентичность цитат, правильность фактов и ссылок несут авторы.

В первую часть четвертого тома материалов VII Международной научной конференции «Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» вошли исследования по актуальным проблемам филологических наук. Рассматриваются вопросы грамматики и словообразования русского языка, актуальные проблемы лингворусистики и регионалистики, общего, славянского и прикладного языкознания, изучения и преподавания славянских языков, истории русской литературы и теории словесности, журналистики и медиакоммуникаций.

Освещенные в сборнике проблемы и направления их решения будут полезны научным работникам, преподавателям, студентам, аспирантам и докторантам, проводящим научные исследования в области филологических наук.

ББК Ш.я431+Ш4я431+Ч612я431
УДК 811+82+070(043.2)

© Коллектив авторов, 2022
© Донецкий национальный университет, 2022

ПРОГРАММНЫЙ КОМИТЕТ КОНФЕРЕНЦИИ

Председатель:

Беспалова С.В., д-р физ.-мат. наук, профессор, ректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Заместитель председателя:

Бабурин С.Н., д-р юрид. наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Президент Ассоциации юридических вузов (г. Москва).

Члены программного комитета:

Аваков С.Ю., д-р экон. наук, профессор, ректор Таганрогского института управления и экономики (г. Таганрог).

Андреев Д.А., д-р ист. наук, доцент, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Аноприенко А.Я., канд. техн. наук, профессор, ректор Донецкого национального технического университета (г. Донецк).

Болнокин В.Е., д-р техн. наук, профессор, гл. науч. сотр., руководитель Центра подготовки научных кадров ФГБУН «Институт машиноведения им. А.А. Благонравова» (г. Москва).

Вартанова Е.Л., д-р филол. наук, академик РАО, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Воронова О.Е., д-р филол. наук, профессор, профессор кафедры журналистики, руководитель Есенинского научного центра Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина, член Общественной палаты Российской Федерации, член Союза писателей и Союза журналистов России (г. Рязань).

Евстигнеев М.П., д-р физ.-мат. наук, профессор, проректор по научной и инновационной деятельности Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Зайченко Н.М., д-р техн. наук, профессор, ректор Донбасской национальной академии строительства и архитектуры (г. Макеевка).

Зинченко Ю.П., д-р психол. наук, профессор, академик РАО, декан факультета психологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кирпичников М.П., д-р биол. наук, профессор, академик РАН, декан биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Кишкань Р.В., председатель Государственного комитета по экологической политике и природным ресурсам при Главе Донецкой Народной Республики (г. Донецк).

Кожухов И.Б., д-р физ.-мат. наук, профессор, профессор кафедры высшей математики НИУ «Московский институт электронной техники» (г. Москва).

Липгарт А.А., д-р филол. наук, профессор, декан филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Лубков А.В., д-р ист. наук, профессор, академик РАО, ректор Московского педагогического государственного университета (г. Москва).

Некипелов А.Д., д-р экон. наук, профессор, академик РАН, директор Московской школы экономики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Нечаев В.Д., д-р полит. наук, доцент, ректор Севастопольского государственного университета (г. Севастополь).

Осмоловский А.А., канд. биол. наук, доцент, заместитель декана по академической политике и развитию интернационализации биологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Полищук В.С., д-р техн. наук, директор ГУ «Научно-исследовательский институт «Реактивэлектрон» (г. Донецк).

Половян А.В., д-р экон. наук, доцент, Министр экономического развития Донецкой Народной Республики, и.о. зав. кафедрой менеджмента Донецкого национального университета (г. Донецк).

Приходько С.А., канд. биол. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий ботанический сад» (г. Донецк).

Разумова Т.О., д-р экон. наук, профессор, зав. кафедрой экономики труда и персонала Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Решидова И.Ю., канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Донецкий физико-технический институт им. А.А. Галкина» (г. Донецк).

Рябичев В.Д., д-р техн. наук, профессор, ректор Луганского государственного университета имени Владимира Даля (г. Луганск).

Савоськин М.В., канд. хим. наук, ст. науч. сотр., директор ГУ «Институт физико-органической химии и углехимии им. Л.М. Литвиненко» (г. Донецк).

Соболев В.И., д-р биол. наук, профессор кафедры здоровья и реабилитации Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (г. Ялта).

Сторожев В.И., д-р техн. наук, профессор, проректор Донецкого национального университета (г. Донецк).

Судаков С.Н., д-р физ.-мат. наук, ст. науч. сотр., и.о. директора ГУ «Институт прикладной математики и механики» (г. Донецк).

Тедеев В.Б., канд. техн. наук, профессор, ректор Юго-Осетинского государственного университета имени А.А. Тибилова (г. Цхинвал).

Третьяков В.Т., профессор, декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

Туранина Н.А., д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Белгородского государственного института искусств и культуры (г. Белгород).

Шемякина Н.В., канд. экон. наук, доцент, директор ГБУ «Институт экономических исследований» (г. Донецк).

Русский язык
Грамматика и словообразование

УДК 81'276

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Алексеенко О.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
o.alekseenko@donnu.ru

Введение. Современный уровень развития языкознания можно охарактеризовать достаточно глубокой степенью изученности лингвистических вопросов. Тем не менее вопрос изучения особенностей морфологических категорий и форм имени прилагательного, в том числе относительных прилагательных, остаётся до сих пор актуальным в виду своей недостаточной изученности, что и представляет интерес для лингвистов, изучающих русский язык в его синхронном и диахронном аспектах. Одним из интересных вопросов является вопрос морфологического своеобразия словообразования относительных прилагательных, но, прежде чем приступить непосредственно к нему, дадим краткое определение для относительных прилагательных.

Основная часть. Относительные прилагательные – это лексико-грамматическая категория прилагательных, обозначающая признак косвенно по отношению к предмету или другому признаку. Такие признаки обычно постоянны, они не поддаются количественной оценке, в связи с чем обобщенное значение данной категории прилагательных можно определить, как «относящиеся к определенному предмету или лицу», «свойство определенного предмета или лица». Относительные прилагательные в предложениях обычно берут на себя функцию определения, реже в составе именного сказуемого. Можно выделить немало разных типов отношений, выражаемых относительными прилагательными: ‘сделанный из чего-то’ (деревянный), ‘содержащийся, находящийся в чем-то’ (морской), ‘предназначенный для чего-то’ (письменный), ‘полученный от чего-то’ (торговый), ‘содержащий что-то’.

Таким образом, главная отличительная черта относительных прилагательных – это лексико-грамматическая категория прилагательных, обозначающая признак косвенно по отношению к предмету или другому признаку.

Перейдем к морфологическим особенностям относительных прилагательных. Специфика любого языка не существует «обособленно», так по выражению К. Мустейкиса: «Один и тот же язык может обладать многими и разными “спецификами”, в зависимости от того, с точки зрения какого языка он будет рассматриваться» [3, с. 3].

Для относительных прилагательных характерными признаками являются те же морфологические признаки, что и для имени существительного – род, число, падеж. Но в отличие от существительных прилагательные изменяются по роду, числу, падежу, причем родовые различия наблюдаются у прилагательных только в форме единственного числа. Это потому, что прилагательные служат для объяснения существительных: прилагательные согласуются с существительными в роде, числе и падеже. Ср.: голубой ковёр, голубая лента, голубое блюдце – голубые ковры, голубые ленты, голубые блюдца.

В.В. Виноградов отмечает, что качество, грамматически обозначаемое в форме имени прилагательного системой окончаний -ый, -ий, -ая и т.п., отыскивается в свойствах того предмета или действия, которые выражаются основой прилагательного [2, 160]. Поэтому количество непроизводных качественных основ прилагательных в русском языке невелико. Непроизводные основы являются таковыми с точки зрения того хронологического среза, на котором они существовали.

Диахронически они являются производными и восходят в большинстве случаев к основам общеславянского языкового фонда. Приведём некоторые примеры:

- Кислый – общеслав., образ. от кысати «киснуть» с пом. суф. –л-.
- Огромный – общеслав., образ. с пом. суф. -ьн- от утраченного русским языком огромъ, префиксального производного к громъ. Первоначально огромъ – «пространство, охваченное громом».
- Великий – общеслав., образовано с пом. вторичного суф. прилагательности -ик- от вель – «большой» (ср. др.р. вель, велий – «большой»).

С точки зрения диахронического подхода абсолютное большинство непроизводных основ прилагательных являются суффиксальными производными от основ существительных и глаголов, отчасти прилагательных

В нашем случае существуют слова, от которых невозможно образовать краткую форму.

- Прилагательные с суффиксом -СК-: драматический.
- Прилагательные с суффиксами -ЕНН-, -ОВАТ- (-ЕВАТ-), -ЕНЬК- (-ОНЬК-), -УЩ-, -ЮЩ-, с приставкой РАЗ-, РАС-: синеватая, здоровенные, хорошенький, длиннющий, распрекрасный.
- Названия цветов, образованных от имени существительного: кремовый, оливковый, шоколадный.
- Прилагательные на – ШИЙ: низший, больший, младший.
- Названия мастей животных: каурый, чалый.
- Сложные прилагательные, которые пишутся через дефис: ярко-синий, бело-зелёный.
- Прилагательные в превосходной степени: прекраснейший, огромнейший.

• Прилагательные в устойчивых словосочетаниях: закадычный друг, проливной дождь.

Есть так же прилагательные, которые всегда употребляются в краткой форме и не имеют полной: рад, горазд. Краткая форма образуется путём прибавления к основе прилагательного окончаний –а, -я (в ж. р.), -о, -е (в ср. р.), нулевое (в м. р.), -ы, -и (во мн. ч.): компетентный – он компетентен, она компетентна, жюри компетентно, они компетентны, близкий – близок, близка, близки, близко, стойкий – стоек, стойка, стойки, добрый – добр, добра, добры.

Также суффиксы, имеющие определенное лексическое и эмоционально-стилистическое значение, выступают в роли словообразовательных формантов, способствующих возникновению в речи самостоятельных лексических единиц. Процесс словообразования продолжается, и суффиксация является одним из активных способов пополнения словарного запаса русского языка.

Заключение. Таким образом, можно заключить, что главная отличительная черта относительных прилагательных – это лексико-грамматическая категория прилагательных, обозначающая признак косвенно по отношению к предмету или другому признаку, а также специализированные суффиксы являются одной из особенностей словообразования относительных прилагательных.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Опыт русской грамматики // Полн. собр. соч. – Т. 3, ч. 2. – М., Л 880. – 667 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1972. – 614 с.
3. Дмитриева О. И. Проблема динамического исследования словообразовательных подсистем русского языка // Развитие словообразовательной и лексической системы русского языка: материалы III Республиканского научного семинара (Саратов, 18–21 ноября 2009 г.). Саратов: ИЦ «Наука», 2009. – С. 54–63.
4. Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс, 1972.
5. Современный русский язык. Морфология. Изд-во МГУ, 1952.

УДК 811.161.1

КЛАССИФИКАЦИЯ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ КОГНИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Борозенец Д.И.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

borozenets.dasha@mail.ru

Введение. В силу того, что с недавних пор «язык стал рассматриваться… как средство доступа ко всем ментальным процессам,

происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [1, с. 9], особое значение приобрели исследования процессов знания и познания во всех аспектах, в том числе и в языковом. Для обозначения когнитивных состояний и процессов, а также субъектов и объектов когниции в русском языке используются как идиомы, так и отдельные лексемы, которые до сих пор не стали объектом полноценного исследования в отечественной традиции.

Целью нашей работы является создание классификации компонентов лексико-семантического поля когниции, которая учитывала бы грамматические и семантические характеристики включённых в неё элементов.

Основная часть. В ходе подбора материала методом сплошной выборки в современном русском языке было обнаружено 1512 лексем со значением когниции, которые в результате первичной обработки материала были объединены в 95 групп. Наполнение последних неравномерно, что обусловлено, во-первых, неравномерной представленностью в поле разных частей речи, а во-вторых, процессами постепенного вымывания семантики когниции в результате словообразования.

Эталонными для классификации лексем данного лексико-семантического поля являются глагольные группы, поскольку именно в глаголах значение когнитивных процессов и состояний выражено наиболее явно. Количество проанализированных глаголов составило 625 единиц, объединённых в 24 субъектных и 14 объектных лексико-семантических групп.

Структура глагольных лексико-семантических групп циклична, что обусловлено особенностями когнитивных процессов и состояний. Основными (интегрирующими) для субъектов и объектов являются шесть лексико-семантических групп, дублирующихся для каждого класса: $Г_1$S. Нехватка знания (ещё); $Г_2$S. Приобретение знания; $Г_3$S. Владение знанием; $Г_4$S. Оперирование знанием; $Г_5$S. Утрата знания; $Г_6$S. Нехватка знания (уже); $Г_1$O. Отсутствие знания (ещё); $Г_2$O. Появление знания; $Г_3$O. Наличие знания; $Г_4$O. Оперирование знанием; $Г_5$O. Утрата значения; $Г_6$O. Отсутствие знания (уже).

Значительную часть лексико-семантического поля когниции составляют существительные, количество которых составляет 501 единицу. В отличие от глаголов, существительные подразделяются на три макрогруппы: субъектные (225 слов), объектные (98 слов) и внеобъектные (178 слов). Такое разделение обусловлено тем, что ряд лексем (например, субстантивированные обозначения когнитивных процессов) не акцентируют свою семантику конкретно на субъекте или объекте.

Лексико-семантические группы существительных преимущественно повторяют аналогичные глагольные группы: так, здесь мы встречаем группы $С_2$S. Субъект познания; $С_3$S. Субъект знания; $С_5$O. Утрата значения / смысла; $С_2$N. Процесс познания и т.д. В то же время существительные включают в идею когниции и новые смыслы – так появляются лексико-семантические группы $С_{2.I}$S. Познавательные способности, ментальные

характеристики субъекта; $C_{2.I}$O. Познавательные характеристики, качества объекта; C_8N. Вместилище знания и проч. Всего субъектных групп существительных 11, объектных – 5, а внеобъектных – 15.

Следующим классом в лексико-семантическом поле когниции является класс атрибутивов, под которыми в нашем исследовании имеются в виду прилагательные и причастия. В общей сложности таких лексем у нас 284. Как и имена существительные, атрибутивы подразделяются как субъектные (124 слова), объектные (155 слов) и внеобъектные (5 слов).

Атрибутивы являются количественно еще меньшей группой носителей когнитивной семантики, поскольку здесь мы имеем лишь 6, 6 и 2 лексико-семантические группы соответственно. Они, как и существительные, дублируют глагольные лексико-семантические группы (так, мы имеем группы $A_{2.3}$S. Получивший знание; A_3O. Имеющееся знание; A_4O. Оперируемое знание, соответствующие глагольным и субстантивным лексико-семантическим группам с теми же индексами), однако наряду с ними функционируют и такие лексико-семантические группы, у которых нет глагольных или субстантивных соответствий ($A_{3.I}$S. Когнитивные способности субъекта знания; $A_{3.II}$S. Принадлежащий субъекту когниции; A_2O. Характеристика знания с точки зрения его связи с процессом познания; $A_{2.I}$O. Характеристика ментальных качеств объекта когниции; $A_{3.I}$O. Характеристика степени выраженности когниции; $A_{3.I}$N. Характеристика специального знания; $A_{4.I}$N. Характеристика процесса передачи знания).

Являясь производными от глаголов и существительных, а также производящими для атрибутивных существительных, атрибутивы очень точно дублируют семантику данных частей речи и, соответственно, занимают в структуре лексико-семантического поля схожие позиции; однако в большинстве своём лексико-семантические группы атрибутивов расположены на периферии дальше от ядра, чем аналогичные группы имён существительных.

Дальнюю периферию лексико-семантического поля когниции занимают наречные лексико-семантические группы (6), включающие 38 субъектных, 13 объектных и 51 внеобъектное наречие. Общее количество наречий составляет 102 лексемы. Лексико-семантические группы наречий можно назвать вспомогательными для лексико-семантического поля знания. Не неся семантики когниции как таковой, наречия подчёркивают когнитивность других лексем ($H_{2;4}$S. Характеристика выполнения действия; $H_{2.I}$S. Степень вовлечённости в когнитивный процесс; H_{3*}S. Специфические формы состояний когниции; $H_{3.I}$O. Характеристика состояния знания; H_3N. Степень вовлечённости в сферу знания; H_4N. Выполнение по примеру субъекта / объекта когниции; $H_{4.2}$N. Степень запланированности / незапланированности). Являясь элементами дальней пеиферии, наречия минимально выражают идею когниции. Они находятся в связи с атрибутивами и глаголами, в меньшей мере – с существительными.

Заключение. Ядром лексико-семантического поля когниции являются глагольные группы, существительные занимают ближнюю периферию, атрибутивы расположены между ядром и дальней периферией, в которую входят наречия. Общее количество лексико-семантических групп данного лексико-семантического поля, по предварительным подсчётам, составляет 95 единиц. Все лексемы данного лексико-семантического поля вступают в синонимичные, антонимичные, конверсивные, характеризующие, взаимодополняющие отношения.

Предложенный вариант рабочей классификации и описания лексико-семантических групп посредством кириллических и латинских букв, а также индексации может использоваться при построении других групп.

Список литературы

1. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

УДК 81’42

ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТОЧЕЧНЫХ ОБЪЕКТОВ

Брацун Д.А., Теркулов В.И., д-р филол. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
darya.bratsun@mail.ru

Цель – комплексное описание аббревиатурного ономасиологического поля (АОП) «точечные объекты» (ТО). **Задачи**: дать определение понятию «АОП»; определить модели дешифровальных стимулов и дешифровальные матрицы гнёзд эквивалентности (ГЭ) АОП «ТО»; выявить модели формальной разновидности эквивалентности АОП «ТО».

Объект исследования – сложносокращенные слова (ССС) со значением ТО. ССС – «единица, связанная мотивационными отношениями со словосочетанием и содержащая в своём составе эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, один из которых является неинициальным (слоговым) аббревиационным конструктом (АК)» [1] (*авиаполигон – авиационный полигон*). **АОП** – объединение ССС, характеризующихся наличием тождественного базисного компонента в составе значений, но обладающих различной спецификой представленности знаний. **ТО –** такие объекты, каждый из которых расположен только в одной точке пространства. По картотеке первых двух томов «Толково-эквивалентностного словаря…» обнаружено 17 ССС со значением ТО.

Ономасиологические базисы АОП «ТО»: ***вокзал*** (1; 5,88 %); ***пост*** (3; 17,65 %); ***развязка*** (1; 5,88 %); ***станция*** (3; 17,65 %), ***ангар*** (1; 5,88 %); ***гавань***

(1; 5,88 %); ***завод*** (1; 5,88 %); ***склад*** (1; 5,88 %), ***техникум*** (1; 5,88 %); ***узел*** (1; 5,88 %); ***школа*** (1; 5,88 %); ***гараж*** (1; 5,88 %), ***пункт*** (1; 5,88 %).

Формальное описание различных типов сложных слов включает: 1) описание модели эквивалентной единицы (конструкции); 2) описание модели ССС в соответствии с соотношением ее конструктов с конструктами эквивалентной единицы.

Модель эквивалентной единицы (конструкции) учитывает те параметры данной единицы, которые релевантны характеристикам ССС. В ней указывается на: количество компонентов продуцирующей единицы (конструкции), на тип связи между ними, порядок их следования, грамматические характеристики.

Базовая единица эквивалентной интерпретации ССС – дешифровальный стимул (ДС) – стереотип расшифровки АК [1, с. 19], т.е. слово или словосочетание слов, являющ. эквивалентом АК и заменяющее его в эквивалентном словосочетании. Зачастую АК имеет несколько ДС (для АК ***авиа*** отмечаются ДС *авиационный*, *авиации*, *авиатехники*, *для авиационной техники*, *авиакосмический* и др.). Это даёт возможность формирования множественной синхронной эквивалентности ССС.

Синхронное описание ССС включает две процедуры: формально-структурный и семантико-ономасиологический анализ.

Модель структуры ДС. Первый этап – установление общей модели использования ДС в эквивалентном сочетании. Для моделирования применяются символы: y – базис. компонент, x – признак., адъект, сущ., предл., a – компонент сложного слова, дополняющий стимул x, но не имеющий эквивалента в аббревиатуре, z – слово, входящее в ДС – словосочетание, но не имеющее эквивалента в ССС.

В ССС, относящихся к ТО, мы насчитали 8 типов ДС (всего выявлено 62 эквивалента для ТО):

1. x – существительное (y-x: *завод* ***авиации*** – *авиазавод*), (7; 11,29 %); **2. x(адъект) – простой адъектив** (y-x(адъект): ***заградительный*** *пост – заградпост*), (17; 27,42 %); **3. x-a – сложное существительное:** (y-x-a(сущ): *развязка* ***автодорог*** *– авторазвязка*), (5; 8,06 %); **4. x-a(адъект) – сложный адъектив** (y-x-a(адъект): ***авиатехническая*** *школа – авиашкола*), (11; 17,74 %); **5. (предл)x − существительное с предлогом:** (y-(предл)x: *развязка* ***для автомобилей*** *– авторазвязка*), (8; 12,9 %); **6. (предл)x-a – сложное существительное с предлогом:** (y-(предл)x-a: *развязка* ***для автотранспорта*** *– авторазвязка*), (5; 8,06 %); **7. x(адъект)-z – словосочетание с зависимым адъективом:** (y-x(адъект)-z: *завод* ***авиационной промышленности*** *– авиазавод*), (5; 8,06 %); **8. (предл)x(адъект)-z – предложное словосочетание с зависимым адъективом:** (y-(предл)x(адъект)-z: *развязка* ***для автомобильного транспорта*** *– авторазязка*), (4; 6,45 %).

Второй этап – определение модели формальной разновидности эквивалентности для всех пар «ССС – эквивалентное словосочетание» в пределах ГЭ. Она отображает тип совпадения элементов словосочетания и

конструктов аббревиатуры, формируя два блока: блок аббревиатуры и блок эквивалента. Общие операторы – грамматич., указывающие на частереч. принадлежность, номер падежной формы, числовую характеристику элементов эквивалентного словосочетания. Для сложных слов, входящих в словосочетание, используется оператор «кп», оператор «инт», обозначающий интерфикс. Если при создании аббревиатуры «игнорируются» к-л элементы, они приводятся в скобках после знака «-». Формальные модели эквивалентности тоже включаются в схему дешифровальной матрицы.

Для АОП «ТО» выявлено 17 моделей формальной разновидности эквивалентности:

1. Прил1ед+Сущ1ед: *заградительный пост* (17; 27,42 %); **2. Прил1ед(кп)+Сущ1ед:** *автотранспортная развязка* (11; 17,74 %); **3. Сущ1ед+Сущ2ед:** *пост заграждения* (5; 8,06 %); **4. Сущ1ед+Сущ2мн(кп):** *развязка автодорог* (1; 1,61 %); **5. Сущ1ед+предл+Сущ2мн:** *развязка для автомобилей* (3; 4,84 %); **6. Сущ1ед+предл+Сущ2Нескл:** *развязка для авто* (2; 3,23 %); **7. Сущ1ед+предл+Сущ2ед(кп):** *развязка для автотранспорта* (4; 6,45 %); **8. Сущ1ед+Сущ2мн+Сущ2мн:** *развязка автомобильных дорог* (1; 1,61 %); **9. Сущ1ед+предл+Прил2ед+Сущ2ед:** *развязка для автомобильного транспорта* (3; 4,84 %); **10. Сущ1ед+Сущ2мн:** *школа авиаторов* (1; 1,61 %); **11. Сущ1ед+предл+Сущ2ед:** *гараж для автомобиля* (2; 3,23 %); **12. Сущ1ед+предл+Сущ2мн(кп):** *гараж для автомашин* (1; 1,61 %); **13. Сущ1ед+предл+Сущ6Нескл:** *станция в метро* (1; 1,61 %); **14. Сущ1ед+предл+Прил2мн(кп)+Сущ2мн:** *гараж для автотранспортных средств* (1; 1,61%); **15. Сущ1ед+СущНескл:** *станция метро* (1; 1,61 %); **16. Сущ1ед+Сущ2ед(кп):** *техникум авиастроения* (4; 6,45 %); **17. Сущ1ед+Прил2мн+Сущ2ед:** *техникум авиационного приборостроения* (4; 6,45 %).

Цель ономасиологического анализа сложных наименований – рассмотреть семантику производного в терминах ономасиологических, понятийных категорий, т.е. изучить способы отражения реальности в структуре производного слова.

Ономасиологическая структура слова включает два основных компонента:

а) ономасиологический базис (ОБ) – родовое понятие, отсылающее к определенному классу референтов;

б) ономасиологический признак (ОП), осуществляющий видовое определение референта внутри данного класса.

В АОП «ТО» выявлено 3 ОП, которые выражаются в следующих моделях:

1. Модель «ТО + квалификатив», ОП указывает на принадлежность объекта к определенному классу (*автогараж – автомобильный гараж* и т.д.).

2. Модель «ТО + дестинатив», ОП указывает на назначение лица, предмета, явления (*авиастанция – станция для авиации* и т.д.).

3. Модель «ТО + посессив», ОП указывает на принадлежность объекта кому-либо/чему-либо (*авиашкола – школа авиаторов* и т.д.).

4. Модель «ТО + локатив», ОП указывает на место события (*метростанция – станция в метро* и т.д.).

Список литературы

1. Теркулов В. И. Сложносокращённые слова: Синхронный и диахронный аспекты описания / В. И. Теркулов // Вестник Московского университета. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

УДК 811.161.1

КОГНИТИВНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛА «СИДЕТЬ»

Будник С.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
Sve24733994@yandex.ru

Работы посвящена анализу одного из глаголов ономасиологического класса (далее ОК) положения в пространстве – глаголу *сидеть*, что представляет собой задачу синтетического плана, именно – произвести через анализ языковых единиц анализ категории пространства, то есть изучить горизонтальную и вертикальную плоскости данной категории, представленные в мире лингвальных сущностей.

Основными проблемами при рассмотрении данной лексико-семантической группы являются проблемы определения и классификации их компонентов. Как указывает М. Д. Виларова-Ангелова, глаголы положения в пространстве характеризуют семантическое сходство “на основании общего значения ‘позиция’, т.е. пространственное расположение, объективно обусловленное законами физики (гравитация, форма предмета, контактная поверхность) и возможными ориентационными позициями (горизонтальной – лежать и вертикальной – стоять, сидеть, висеть)”.

Именно с определением позиции пространственного положения вызвана трудность соотнесения анализируемого глагола с одной из лексико-семантических групп (далее ЛСГ) в пределах ОК: ЛСГ глаголов с семантикой вертикального и ЛСГ глаголов горизонтального положения в пространстве.

Основываясь на лексикографическом определении данного глагола («опираться нижней частью туловища на какую-либо поверхность, держа туловище в положении, близком к вертикальному»), отнесем к гибридному типу микрогруппу, образуемую в пределах *сидеть,* а именно следующие единицы: *восседать, отсиживать, отбывать заключение, высиживать, отсиживаться, трудиться, просиживать, пребывать, находиться, работать, мотать срок, корпеть, а также устойчивые выражения по*

типу сиднем сидеть, сидеть на голодном пайке, сидеть на шее, сидеть сложа руки и т.п.

Ознакомившись с данным перечнем, можем сделать вывод, что не все глаголы обозначают местонахождение в пространстве, однако являются «ипостасями» глагола сидеть в зависимости от его контекстуального значения, на что указывают определения слова в словаре С.И. Ожегова.

Проследим отличия глаголов на уровне стилистики. Далеко не все слова в нашем перечне являются нейтральными и могут использоваться в любом стиле речи. Например, выражение мотать срок не употребляется в высоких стилях. Равно как и употребление глагола восседать маловероятно в разговорном стиле речи.

На наш взгляд, на грамматическом уровне можно заметить наименьшее количество различий между упомянутыми выше глагольными номинатемами. Все они являются непереходными глаголами, что дает основание не усомниться в их принадлежности к глаголам статального типа. Сравним: котенок сидит в корзине – котенка посадили в корзину. Не только субъект действия во втором случае становится объектом, но изменяется и гештальт ситуации. Так, в первом случае перед нами фреймовый гештальт, который представляет собой событие как представление о статической ситуации, а во втором – скриптовый, благодаря которому ситуация представлена в динамическом развитии. Но все же есть некоторые слова в микрогруппе сидеть, которые имеют переходное значение: усидеть ноги, высидеть цыплят. Данные примеры рассматриваются в нашей работе, однако следует отметить, что семантика расположения в пространстве присутствует в них лишь частично, что говорит о мутационности значения данных глаголов.

Однако более всего различий наблюдается на лексическом уровне, где каждое слово приобретает дополнительный оттенок в конкретном речевом проявлении. Например, в зависимости от контекста глагольная номинатема высиживать может иметь значения “выжидать”, “поджидать”, “сидеть известный срок”, “получить что-либо в результате усердной работы”, “выводить птенцов, сидя на яйцах”. Мы можем видеть, что дополнительной семой является “определенное время”, “результативность вследствие сидения”.

На наш взгляд, среди приведенных дефиниций можно выделить одно прямое значение – «находиться, не передвигаясь, в таком положении, при котором туловище опирается на что-нибудь нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты», остальные же значения представляю собой стертые метафоры. Подтверждением этому служит тот факт, что сидеть – это означаемое, имеющее множество различных по своей семантике означаемых в онтологическом мире (мире реальном) и дифференцирующееся в лингвальном мире (мире языка) лишь в контекстах.

Рассматриваемый глагол обладает как гомическими, так и бестиальными признаками: обозначенное им состояние может быть

присуще человеку и животным и не часто соотноситься с неодушевленными предметами. Чаще примером служат контексты, где речь идет об анимизации предметов. Например: *У меня игрушка сидит в шкафу* (Подарки от “бывших” [http://kattrys.ru/node/3743]). В данном случае речь идет о негомическом признаке, хотя в зависимости от контекста данный признак может быть оспорен, ведь человек склонен к анимизации связанных с ним объектов (особенно если речь идет о детях).

Проследим употребление глагола сидеть и реализацию его признаков, описанных нами выше, на конкретных примерах.

Однажды Марья, ходя в роще, увидела на дереве, под которым любила сидеть и предаваться размышлениям, сии слова: люблю тебя! [Н. П. Милонов. История бедной Марьи (1805)]. Актуализировано прямое значение глагола (“находиться, не передвигаясь, в таком положении, при котором туловище опирается на что-нибудь нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты”), гомический признак.

Значение “о животных: находиться неподвижно на одном месте”, соответственно, имеет только бестиальный признак: *Там сидел паук, и ты смыла его струей воды из душа.* [Михаил Шишкин. Венерин волос (2004) // «Знамя», 2005]

Распространенным является значение глагола “отбывать наказание в тюрьме”, однозначно предполагающее гомический признак номинатемы: *Так что, скорее всего, африканских бандитов отправят сидеть в Мордовию (там у нас зона для иностранцев) лет этак на семь.* [Бандиты из Африки (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.08].

Особый интерес вызывает у нас значение глагола сидеть, связанное с семантикой состояния: *Может, и на диетах теперь бы сидеть не пришлось.* [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)], гомический признак.

Таким образом, глагольную номинатему *сидеть* нельзя интерпретировать лишь как глагол положения в пространстве, ведь она может выступать и в качестве глагола состояния: пример о диете никоим образом не связан с локумом, что мотивирует лингвистов к анализу данной языковой единицы не только с точки зрения грамматических, лексических свойств, но и рассматривать глагол *сидеть* в лингвокультурологическом аспекте.

Список литературы

1. Виларова-Англова М. Д. Специфические особенности функционирования болгарских глаголов положения на славянском фоне / М. Д. Виларова-Англова. – Режим доступа: http://rusfil-mggu.at.ua/forum/11-12-1
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – Режим доступа: http://www.ozhegov.org/words/2663.shtml
3. Теркулов В. И. К определению глагола : лингвально-когнитологический подход – Донецк, 2013 – Режим доступа: http://www.linguisticstudies.org/home/linguistics-studies/volume-26/current-problems-of-morphology/to-the-definition-of-the-verb-lingual-cognitological-approach.

УДК 81’32

МОДЕЛИРОВАНИЕ УСВОЕНИЯ ПАДЕЖНОГО ПАРАМЕТРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НОМИНАТИВ И ЛОКАТИВ

Гращенков П.В., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
pavel.gra@gmail.com

В работе представлены результаты проведенного эксперимента по моделированию на корпусных данных процесса усвоения падежных показателей. Цель исследования – попытаться установить оптимальные стратегии, работающие при усвоении различных падежных граммем и способов их выражения. Мы исходим из того, что усваивающий язык ребенок не имеет врожденного знания о количестве падежей и способе их звукового выражения. При этом уже в достаточно раннем возрасте все усваивающие язык дети сходятся на том, что для номинатива в русском языке существуют флексии *-а, -∅, -и, …*; для генитива: *-и, -а, -∅, -ей, -ов,* … и т. д.

Падеж в русском (как и в других языках) усваивается достаточно рано: для форм ед.ч – в возрасте до 20 ммесяцев, для мн.ч позже – до 30 ммесяцев, см. [Цейтлин 2000], [Ionin 2017] и др. Грамматика имен разных склонений (*папа, плакса, доктор*) усваивается при этом с разной скоростью. Первым усваивается номинатив, затем следует аккузатив (примерно в 3 года) и другие падежи.

В процессе усвоения падежа ребенку необходимо построить общее представление о падежных граммемах для единиц разных морфологических форм (парадигм). Все, что поступает «на вход» – поток словоформ, значение которых ребенку не всегда доступно. Учитывая аргумент «слабости стимула», усвоение языка выглядит как некоторый в высшей степени оптимальный процесс, см. [Chomsky, Hauser, & Fitch, 2002].

Для моделирования процесса усвоения падежа нами был использован синтаксически размеченный корпус русского языка СинТагРус, содержащий более 100 т. предложений. Он был выбран как наиболее представительный корпус с верифицированной разметкой синтаксических отношений. Отметим, что наиболее «продвинутые» алгоритмы машинного обучения для русского также используют этот корпус.

Мы исходили из следующих допущений: 1. при усвоении значения падежной граммемы поиск словоформы в искомом падеже происходит в пределах простого предложения; 2. для каждой из применяемых стратегий усвоения в качестве «падежа» выбирается некоторая форма имени как кандидат с нужным значением; 3. В итоге фиксируется количественный результат, «нормированный» по частотности данной флексии в корпусе.

Рассмотренными стратегиями, которые актуальны при усвоении падежа, были подход в рамках порождающей грамматики с одной стороны

и подход, основанный на данных – с другой. С точки зрения порождающей грамматики усвоение языка – максимально эффективный процесс, которому способствует наличие в языке определенной «языковой архитектуры». Вкратце это так называемые функциональные вершины, универсально присутствующие в структуре. За номинатив отвечает функциональная вершина Т, задающая подлежащее всех финитных предикация. Гипотезой, помогающей усвоить номинатив, таким образом, будет: «допускай наличие номинативной граммемы везде, где есть финитная глагольная форма».

Альтернативный подход «на данных» состоит в том, что усваивающий ребенок язык для каждой «управляющей» языковой единицы будет ожидать той формы, которой эта единица управляет. «Записывая» некоторой количество результатов, ребенок однажды придет к обобщению о том, что, например, за флексиями *-а, -∅, -и, …* стоит номинатив. Подобный подход хорошо проверяется на материале русского предложного падежа, т. к. он может управляться только лексическими (но не функциональными) единицами.

Результат нашего исследования показывает, что для структурного падежа (номинатива) подходит усвоение как ожидание присутствия функциональной проекции, в то время как для локатива работает сценарий усвоения из данных. И наоборот, к номинативу оказывается плохо применим сценарий «вывода из окружающих данных», а к локативу – ожидания функциональной вершины.

Список литературы

1. Цейтлин С. Н. 2000. Язык и ребенок: лингвистика детской речи. – М.: «Владос» – 240 с.
2. Chomsky, N., Hauser, M., & Fitch, W. (2002). The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? Science, 298, 1569–1579.
3. Ionin, Tania & Teodora Radeva-Bork. 2017. The State of the Art of First Language Acquisition Research on Slavic Languages. Journal of Slavic Linguistics. 25/2, pp. 337–366.

УДК 81’373.611:371.3

ПОПУЛЯРИЗАЦИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ФОРМАТЕ ГЕЙМИФИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЯ И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ)

Гордиенко О.А., канд. пед. наук, доц., ***Трунова Е.А.***
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет»,
г. Краснодар, РФ
adm@kgtu.kuban.ru

Введение. Под геймификацией понимают новый формат игрового обучения при использовании современных компьютерных технологий.

Геймификация возможна при индивидуальном и коллективном обучении, относится к активным методам обучения. Она позволяет внести в преподавание элемент соревнования, раскрепощённости, обучающиеся получают поощрения в виде виртуальной награды, не бояться ошибиться, проявить самостоятельность в решении проблемы, находятся в состоянии деятельного познания, а не пассивного получения информации.

Нами разработан контент для наполнения игр, ориентированных для иностранных студентов из ближнего зарубежья, для которых русский язык является языком межнационального общения, поэтому его усвоение идёт не только через школьные учебные пособия, но и непосредственно через носителей языка путём самостоятельного выявления языковой логики. Именно этот имеющийся у неполных билингвов навык учитывался нами при создании контента.

Основная часть. Русский язык как язык структурных элементов и построений прекрасно ложится на матрицы компьютерных программ, таких как TurboSite (программа для создания сайта) [3]. Программа позволяет легко осуществлять обратную связь, работать с использованием пазлов, вставлять нужную информацию в таблицы, использовать дополнительную учебную информацию, возвращаться назад, запрашивать помощь и пр. Но главное – она даёт возможность разобраться в структурных особенностях русского языка: в морфемике, в построениях словообразовательных цепочек, парадигм, гнёзд, в принципах структурирования текста при помощи маркеров текстовой цельности и связности (однокоренных слов) – в «словообразовательной грамматике» (О.А. Гордиенко) [2], «деривационной грамматике» (Л.Н. Мурзин), «деривационном функционировании лексических единиц текста» (Ю.В. Трубникова) [4], «деривационной системности лексики» (М.Г. Шкуропацкая) [5], во «влиянии текста на реализацию деривационного потенциала слова» (Н.Д. Голев) [1].

Игра пошаговая. Она начинается с установления чётких понятий в области формообразования. В качестве справок предлагается понятие формообразования, а также подробная таблица частей речи. Первое задание тестовое, оно выглядит следующим образом: Отметить одну строку с единой грамматической формой у всех слов.

Например: налили, помыли, закрыли, зашили (все слова – глаголы совершенного вида, прошедшего времени, множественного числа).

1) думай, делай, комбайн, принимай
2) объединены, туманы, обещаны, сплетены
3) иначе, побольше, будущее, многоточие
4) испуган, ужин, встревожен, создан
5) скучно, криво, заново, распечатано
6) вопросов, столов, аквариумов, конкурсов
7) наступающего, прекрасного, поющего, замечательного.

Как можно видеть, в группы собраны слова, имеющие единые фонетико-графические конечные элементы, но различающиеся при

морфемном анализе слов. Например: комбайн и принимай, заново и распечатано, поющего и замечательного. Это заставляет обучающихся анализировать слова.

На втором шаге предлагается аналитически подойти к значениям приставок русского языка и расставить в разные колонки однокоренные глаголы, префиксы которых делают слова антонимичными с точки зрения передачи ими в ряде случаев негативного значения. Например: поступок – проступок, развенчать – повенчать, усмехаться – насмехаться и пр.

На третьем шаге предлагается выяснить путём наблюдения способ организации слов в словообразовательном гнезде и расставить предложенные слова в нужной последовательности.

Например, предлагается для наблюдения словообразовательное гнездо с производящим бесприставочным глаголом несовершенного вида и с производными приставочными глаголами совершенного вида, имеющие, в свою очередь, в качестве производных глаголы несовершенного вида и отглагольные существительные с нулевой суффиксацией. Наблюдение позволяет выяснить, как структурируется словообразовательное гнездо. Например:

хватать
хватить
вы-хватить
выхват-ыва-ть
о-хватить
охват-ыва-ть
охват

Словообразовательное гнездо следует дополнить при помощи нескольких словообразовательных парадигм так, чтобы получилось логическое продолжение словообразовательного гнезда, соблюдён алфавитный принцип в последовательности словообразовательных парадигм. Ответ должен быть следующим:

об- хватить
обхват-ыва-ть
обхват
под- хватить
подхват-ыва-ть
подхват

Чтобы получить этот ответ, следует самостоятельно организовать структуру словообразовательного гнезда, используя представленные ниже вне системы, единым списком однокоренные слова: обхват-ыва-ть, подхват, об- хватить, под- хватить, обхват, подхват-ыва-ть.

В качестве материала для использования предлагается русский алфавит, который поможет не нарушить алфавитную последовательность словообразовательных парадигм внутри словообразовательного гнезда.

Последний шаг – работа с текстом. Например: Тензором инерции тела называют тензор второго ранга. Этот тензор характеризует инертные

свойства тела при вращении. Можно заметить, что научный текст изобилует повторами, т.к. термины не могут заменяться синонимами, и осуществление местоименных замен не характерно для данного стиля. Наблюдается обычный лексический повтор (тело – тело), повтор форм одного слова (тензор – тензором), корневой повтор (инерция – инертный).

Заключение. Умение при продуцировании текста использовать словообразовательные гнёзда позволяет носителям русского языка (как родного) выстраивать связный и цельный текст. Но этим умением не обладают неполные билингвы, прибывающие в российские вузы из ближнего зарубежья. Разработанные нами и представленные здесь игровые задания позволяют решить эту проблему.

Работа выполнена при финансовой поддержке в форме субсидии Министерства просвещения Российской Федерации № 073-15-2022-1225.

Список литературы

1. Голев Н. Д. Варьирование деривативных контекстов как способ выявления и изучения потенциала деривационного функционирования слова // Явление вариативности в языке. – Кемерово: Изд-во «Кузбассвузиздат», 1994. – С. 82–84.
2. Гордиенко О. А. Обучение корневым повторам на основе словообразовательных гнёзд как средству понимания специального текста (на материале подъязыка физики): автореф. дис. … канд. пед. наук: 13.00.02 / ЛГУ. Ленинград, 1990. – 15 с.
3. Расторгуева Л. Н. Почему TurboSite? – Сайт-учебник про... учебник-сайт. – URL: https://turbosite.do-info.ru/page2.html (дата обращения: 20.09.2022).
4. Трубникова Ю. В. Деривационное функционирование лексических единиц текста: На материале соврем. рус. яз. : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Барнаул, 1997. – 198 с.
5. Шкуропацкая М. Г. Деривационная системность лексики: На материале русского языка: автореф. дис. ... доктора филол. н.: 10.02.01, 10.02.19 / Кемеров. гос. ун-т. – Кемерово, 2004. – 43 с.

УДК 81'373.611

ПОНЯТИЕ ОБ АББРОАФФИКСОИДЕ

Емельянова К.Ю.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
ksyu_emelyanova@mail.ua

Введение. Экспериментальная лаборатория исследований тенденций аббревиации (далее – Лаборатория) при кафедре русского языка Донецкого национального университета выделяет три типа абброконструктов («часть аббревиатуры, сокращённый эквивалент какого-либо слова» [4, с. 16]): абброэквивалент, аббоморфема и абброаффиксоид.

Цель данного исследования – дать общую характеристику такому типу сокращённых элементов, как абброаффиксоид.

Основная часть. ***Абброэквивалент*** – сокращённый элемент аббревиатуры, который используется для замещения какого-либо слова

производящего словосочетания. Слова с абброэквивалентами в теории Лаборатории называются абброэквивалентными аббревиатурами. Они появляются в результате действия ***универбализации*** («процесс трансформации словосочетания в функционально-семантически эквивалентное ему слово» [4, с. 21]). К таким аббревиатурным единицам относятся, например, слова *абондоговор* (*абонентский договор → абондоговор*), *авиаприбор* (*авиационный прибор → авиаприбор*), *архпроектирование* (*архитектурное проектирование → архпроектирование*) и др.

Абброморфема – морфематизированный абброконструкт, используемый вне связи с каким-либо словосочетанием, а по аналогии. Сложносокращённые слова с данным типом абброконструкта называются абброморфемными квазиаббревиатурами и возникают они при ***квазиунивербализации*** («образование единиц, имитирующих структуру универбатов» [4, с. 18]). Таким образом, в этом случае производящей единицей было слово, к которому присоединили абброморфему. Данный тип абброконструктов развёртывается в тождественный эквивалент в результате процесса ***псевдоунивербализации*** («развёртывание аббревиатурного слова в словосочетание с тождественным значением» [4, с. 20]). Иначе говоря, словосочетание в этом случае является производной единицей. Абброморфемными квазиаббревиатурами являются такие, например, сокращения, как *автопоиск* (*авто- + поиск → автопоиск → автоматический поиск*), *велоальпинизм* (*вело- + альпинизм → велоальпинизм → велосипедный альпинизм*), *допминута* (*доп- + минута → допминута → дополнительная минута*) и др.

Аббroаффиксоид – «"упрощённый" вариант абброморфемы, практически не способный разворачиваться в слова и не имеющий текстовых эквивалентов» [1, с. 29]. Сложносокращённые единицы с данным типом абброконструктов называются абброаффиксоидными квазиаббревиатурами. Аброаффиксоидные квазиббревиатуры, как и абброморфемные квазиаббревиатуры, появляются в результате квазиунивербализации. «Упрощённым» вариантом абброморфемы абброаффиксоид является вследствие того, что он не разворачивается во вторичный атрибут (в отличие от абброморфемы): процесс псевдоунивербализации не распространяется на данный тип сложных слов. Так, абброаффиксоидными квазиаббревиатурами являются, например, слова *авиапутешественник* (*авиа- + путешественник → авиапутешественник*), *авиафобия* (*авиа- + фобия → авиафобия*), *еврощит* (*евро- + щит → еврощит*) и др.

Название «абброаффиксоид» отсылает нас к такой единице, как ***аффиксоид***. «В ходе своего всё усложняющегося развития русский язык в недалёком прошлом выработал повторяющиеся в употреблении структурные компоненты сложных слов, называемые по-разному, но преимущественно – префиксоидами и суффиксоидами, обобщённо – аффиксоидами, в чём-то уподобляющиеся префиксам и суффиксам, обобщённо – аффиксам» [2, с. 50].

В современном языкознании происходит «смешение» таких единиц, как абброконструкт и аффиксоид (префиксоид). Например, Т. И. Плужникова отмечает, что «важным фактором в выделении аффиксоидов является разрушение формально-семантической соотнесённости сложного слова с его мотивирующим генеративом» [3, с. 288]. Однако в примерах аффиксоидов, которые даёт учёный, мы находим абброконструкты, легко трансформирующиеся в эквивалентные слова, и это доказывает, что в данном случае разрушения «формально-семантической соотнесённости сложного слова с его мотивирующим генеративом» не происходит. К таким «аффиксоидам» Т. И. Плужникова относит абброконструкты *авиа-*, *авто-*, *теле-*, *гео-*, *био-*. Учёный утверждает, что «…они не мотивируются словосочетанием, в котором есть такое слово…» [3, с. 288]. Опровержение этому можно обнаружить в Толковом словаре сложносокращённых слов русского языка (далее – Словарь) [5], составлением которого занимается Лаборатория. В Словаре присутствует большое количество слов с данными сокращёнными компонентами. Эти слова мотивируются словосочетаниями: *авиаадминистрация* (*авиационная администрация → авиаадминистрация*), *авиабезопасность* (*авиационная безопасность → авиабезопасность*), *авиабензин* (*авиационный бензин → авиабензин*), *авиавыставка* (*авиационная выставка → авиавыставка*); *автоадаптация* (*автоматическая адаптация → автоадаптация*), *автоанализатор* (*автоматический анализатор → автоанализатор*), *автоаккумулятор* (*автомобильный аккумулятор → автоаккумулятор*), *автоаксессуары* (*автомобильные аксессуары → автоаксессуары*); *телеакадемия* (*академия телевидения → телеакадемия*), *телебеседа* (*беседа на телевидении → телебеседа*), *телебиржа* (*телевизионная биржа → телебиржа*), *телевариант* (*телевизионный вариант → телевариант*), *геокарта* (*географическая карта → геокарта*), *геоактивность* (*геологическая активность → геоактивность*), *геостратегия* (*геополитическая стратегия → геостратегия*), *геоцикл* (*геохимический цикл → геоцикл*) и др.

Проблема разграничения префиксоидов и абброконструктов возникает также ввиду того, что даже в определении особенностей аффиксоидов нет единого мнения. Так, Т. И. Плужникова пишет об утрате связи между сложным словом и словосочетанием, в то время как О. В. Русакова подчёркивает соотнесённость аффиксоидов со словосочетаниями.

Заключение. Результатом данного исследования стала характеристика такого типа абброконструктов, как абброаффиксоид. Были разграничены понятия «абброэквивалент», «абброморфема» и «абброаффиксоид», а также понятия «абброконструкт» и «аффиксоид». В дальнейших работах планируется дать детальную сравнительную характеристику абброаффиксоида и аффиксоида.

Список литературы

1. Емельянова К. Ю. Аффиксоидные квазиаббревиатуры в деривационно-эквавалентностном подходе к анализу сложносокращённых слов / К. Ю. Емельянова, В. И. Теркулов // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых учёных (Донецк, 17–20 октября 2017 г.). – Том 4: Филологические науки. Ч. 2: Языкознание, литературоведение, культурология, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2017. – С. 27–29.
2. Левашов Е. А. Ещё раз об аффиксоидах / Е. А. Левашов // Русская речь. – Москва: Изд-во «Российская академия наук», 2008. – С. 50–52.
3. Плужникова Т. И. Механизм формирования аффиксоида / Т. И. Плужникова // Слово и текст в культурном сознании эпохи: сборник научных трудов. – Вологда, 2012. – С. 285–290.
4. Теркулов В. И. Материалы к словарю терминов Экспериментальной лаборатории исследования тенденций аббревиации / В. И. Теркулов // Восточнославянская филология. 2016. №3. – С. 13–25.
5. Толковый словарь сложносокращённых слов русского языка / В.И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, К. Ю. Емельянова и др.; под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2020.

УДК 81.11

К ВОПРОСУ ОБ ИННОВАЦИОННОМ ФРАГМЕНТЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

Колесникова Е.И.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
kolesnikovaeki@mail.ru

Введение. Новые общественно-политические и социально-экономические реалии выдвинули на первый план вопросы обновления существующих подходов к реализации социальной политики, которая должна способствовать обеспечению безопасности российского общества и развитию его социальной инфраструктуры, а также предоставлять населению социальные гарантии. В связи с этим требуется разработка нового понятийного аппарата, который отразил бы происходящие в обществе и в его подсистемах изменения.

Подобные динамические процессы находят отражение в лексико-семантическом поле «Социальная политика», которое в настоящее время расширяет свой состав за счет разного рода инноваций, представленных на лексико-семантическом уровне языковой системы. Ориентируясь на концепцию инноваций, рассматриваемую воронежскими исследователями [1; 2], можем представить новые явления в лексико-семантическом поле «социальная политика» сильными и слабыми лексическими инновациями.

Основная часть. Как показало исследование, значительную часть лексических инноваций исследуемой подсистемы составляют сильные неологизмы – новые узуальные слова общелитературного характера. Активизация процессов образования новых слов в лексико-семантическом поле социальной политики в русском языке собственно новейшего периода обусловлена в первую очередь экстралингвистическими причинами – появлением новых явлений и понятий в сфере социальной политики и социальной работы. В результате такого воздействия появляются наименования: а) новых методик социальной работы (напр., *мобильные службы реабилитации, социальное сопровождение* и др.); б) новых моделей социальной работы (напр., *социальное вспомоществование, индивидуальная помощь* и др.); в) новых видов социальной помощи (напр., *президентские выплаты, социальные доплаты к пенсии* и др.); г) новых субъектов социальной помощи (напр., *Минобрнауки, Минздрав, Федерация независимых профсоюзов* и др.); д) новых объектов социальной работы (напр., *безнадзорный, лицо без определенного места жительства* и др.).

Неологизмы-заимствования часто представляют собой кальки (напр., *продолженное образование* от англ. continuing education – образование для взрослых, меняющих профессиональную ориентацию или дополняющих образование, полученное в школах, колледжах или университетах [3]), а также собственно заимствованные слова (напр., *фандрайзинг* от англ. fundraising – «в учреждениях социального обслуживания населения поиск и привлечение финансовых и материальных ресурсов, сбор средств для осуществления проектов» [3]).

Кроме того, можно отметить ставший регулярным в подсистеме социальной политики в частности и в русском языке в целом процесс заимствования аббревиатур. Ср.: *ВОЗ* – Всемирная организация здравоохранения от англ. WHO World Health Organization; *МОТ* – Международная организация труда от англ. ILO International Labour Organization. Необходимо отметить, что аббревиатуры сохраняют семантическую мотивированность исходных лексических единиц. В одних случаях заимствованные слова, формирующие состав ЛСП «Социальная политика», на современном этапе развития русского языка образуют целые словообразовательные ряды (ср.: *ВОЗовский, ВОЗовцы* и др.), в других – могут заимствоваться целые словообразовательные гнезда (ср.: *краудфандинговый, фандрайзинговый, фандрайзер* и др.).

Помимо заимствованных лексем, сильные инновации в сфере социальной политики и социальной работы представлены словообразовательными неологизмами (ср.: *Минвостокразвитие, МРОТ, бюджетник, ФНБ – Фонд национального благосостояния, ПФР – Пенсионный фонд России, соцконтракт, депопуляция* и др.) префиксального и суффиксального характера, в том числе с особого рода аффиксоидами (ср.: *библиотерапия, музыкотерапия, гарденотерапия, социотерапия* и др.), компонентами сложного слова. Как видно, основной

корпус сильных лексических инноваций представлен именами существительными, что связано с тем, что главная функция неологизмов – номинировать новые предметы, явления и понятия. Этим объясняется большое количество и разнообразие словообразовательных моделей неологизмов-имен существительных. Словообразовательные модели глаголов (ср.: *персонализировать, бюджетировать* и др.) и имен прилагательных (ср.: *клиенто-сервисный, риск-ориентированный, беззаявительный, самозанятый* и др.) представлены меньше.

Немало образованных на русской почве сильных инноваций отмечается также среди фразеосочетаний, которые появились в ЛСП «социальная политика» сравнительно недавно. К таким новым фразеосочетаниям относятся, например, следующие: *расширенное материнство, социальный работник, социальное сиротство, социальный патруль, персонализаиця госуслуг, пособие по безработице* и др.

Слабые (относительные) лексические инновации представлены в первую очередь семантическими неологизмами. Интересным представляется проследить количественные и качественные изменения семантических компонентов лексических единиц. Ср., например, ЛСВ: *добровольчество* – «форма социального служения, направленная на бескорыстное оказание социально значимых услуг» [3] вместо «участие в какой-л. организации, в каком-л. движении по своей доброй воле» [4].

Появление слабых инноваций может быть обусловлено также семантическим сдвигом, который затрагивает словесные знаки, в плане содержания которых произошли изменения: исчезли семы, указывающие на связь той или иной реалии с «буржуазным обществом» или «дореволюционной Россией». Ср.: *«благотворительность – в буржуазном обществе*: оказание частными лицами материальной помощи неимущим; филантропия» [4]; «*попечительство* – благотворительное учреждение *в дореволюционной России* для оказания помощи кому-либо» [4].

Очевидно, что одни из отмеченных лексических инноваций, закрепляясь в языке и речи, могут входить в терминосистему социальной политики и развиваться согласно ее законам; при этом другие могут остаться словами-однодневками, исчезнуть из практики употребления.

Заключение. В целом, как показывают исследования, лексико-семантическая подсистема «социальная политика» весьма активно пополняется за счет сильных и слабых инноваций. Совершенно очевидно, что процессы заимствования и словообразовательные процессы русского языка как основные способы расширения исследуемого разряда словаря отражают две важнейшие особенности: с одной стороны, открытость языковой системы по отношению к иноязычным языковым элементам, с другой – сохранение языковых традиций: большая часть неологизмов образована по существующим в русском языке словообразовательным моделям.

Список литературы

1. Заварзина Г. А. Инновации, связанные с обновлением лексического состава, в языке государственного управления современной России / О. В. Загоровская, Г. А. Заварзина // Политическая лингвистика. – 2012. – № 2 (40). – С. 80-83.
2. Колесникова Е. И. Новации в тематической подгруппе «социальная политика в сфере образования» / Е. И. Колесникова // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителя-филолога: материалы Международной научно-практической онлайн-конференции, посвященной 90-летию Воронежского государственного педагогического университета. – Воронеж, 2022. – С. 205-210.
3. Российская энциклопедия социальной работы / Под общ. ред. д.и.н., проф. Е. И. Холостовой. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. – 1032 с.
4. Словарь русского языка: в 4-х тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981–1984. – Т. 1-4.

УДК 81'23

О ПАРАМЕТРЕ СТАТИСТИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ, ИЗОМОРФНЫХ АССОЦИАТИВНЫМ РЕАКЦИЯМ В ПОЛЕ «АВТОРИТЕТ»

Косаренко О.Т., канд. филол. наук, доц.,
Косаренко С.В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
serg.v.kosarenko@gmail.com

Введение. Вопрос о взаимопроникновении ассоциативного, семантического и синтагматического полей, а также предсказуемости появления языковых изоморфных явлений как среди словосочетаний, так и среди ассоциативных пар не является решенным ввиду вероятностного характера динамичного их соотношения в приложении к каждой тематической и лексико-семантической группе. Проблема корреляции валентностей определенной ЛЕ, выбранной также в качестве слова-стимула, на процесс ассоциирования может быть осмыслена и изучена с помощью квантитативных данных НКРЯ [1]. Наличие расхождений между словарными данными (ассоциативными словарями [2; 3] и словарем словосочетаний [4]), свидетельствует об относительной независимости ассоциативного поля, оказывающего «сопротивление» силе воздействия языка, установившихся синтагматических связей, которые лексикографически зафиксированы в качестве единиц в Словаре словосочетаний, в том числе на основании их статистических характеристик, интуитивно известных носителю языка. Этот тезис проверим на материале коллокаций синтагматического поля, образуемого валентностями ЛЕ «Авторитет», имеющие параллели с омонимичными им ассоциативными единицами. Сопоставительный анализ мы ограничим лишь некоторыми атрибутивно-

субстантивными сочетаниями. В первую группу отобраны сочетания, не имеющие ассоциативного подкрепления – *безусловный А., несомненный А., неоспоримый А.*, *абсолютный А., безоговорочным А-м;* во вторую группу – ассоциаты, не имеющие на синтаксическом уровне эквивалентных единиц: *АВТОРИТЕТ – бесспорный, непоколебимый*. Ассоциат *непререкаемый* выделяется как слово, являющееся одновременно и компонентом словосочетания, лексикографически закрепленного и весьма частотного в дискурсе.

Основная часть. Анализ материала показывает, что между событиями – появлением только в АП или только в синтагматическом поле единиц – не имеется причинно-следственных связей. Между сопоставляемыми фрагментами языковой действительности существенны различия, несколько обособляющие каждый уровень ассоциативно-вербальной сети, т.к. в отличие от статуса речевой единицы, устанавливаемого в системе язык–речь соответственно выполняемым коммуникативным задачам, распределение ассоциатов носит несистемный характер. Развитость синонимических отношений, координированность форм выражения индивидуальной семантики, а также активное «бесперебойное» функционирование в речи всех синонимов на протяжении достаточно длительного периода развития языка расширяют возможности для выбора ассоциатов и тем самым снимают его предопределенность. Эту ситуацию недетерминированности можно интерпретировать двояко. Речевые факты входят в поле сознания, отражаясь в АП в виде синтетической формы, обобщающей несколько форм словосочетаний (морфологическая оболочка ЛЕ ассоциативной пары сводится к начальной форме, уподобляясь во многом заданной при опросе форме слова-стимула). Например, лексикографически зафиксированные словосочетания *наибольший авторитет, в большом авторитете* так сказать лемматизируются в одной реакции *большой.* При этом по данным словаря словосочетаний в качестве речевой единицы с устойчивой структурой признаются лишь некоторые модификации (но не самая частотная форма – *большой авторитет*), маркированные по каким-либо иным причинам. Следовательно, в отдельных случаях игнорируется категориальный признак статистической устойчивости, и лексическо-грамматический спектр словаря словосочетаний не является исчерпывающим и релевантным современным представлениям и требует внесения корректировок. В этом случае становится очевидной вторичность лингвистического понимания существующих отношений в языке, упрощение реальной картины мира, отставание научной рефлексии от выявленных языковых фактов. Непоследовательность в упорядочении состава словаря словосочетаний в отношении морфологической формы, выявленная на неединичных примерах, указывает на необходимость теоретически осмыслить параметры определения данной синтаксической единицы. Так, словарь словосочетаний, выделяя единичные формы косвенных падежей атрибутивных сочетаний, создает, в частности, оппозицию падежных форм И.-В.п. – Т.п., последняя представлена в сочетании *безоговорочн-ым авторитет-ом*. Если исходить из логики

составителей словаря, по которой форма падежа, преобладающая и охватывающая не менее 50% всех вхождений, становится той статистически устойчивой формой словосочетания, которая представляет в речи языковой образец. Однако мы выявили противоречие в метаязыковом описании рассматриваемого кластера словосочетаний. Так, сочетания *неоспоримый+А* и *непререкаемый+А*, в парадигме которых доминируют словоформы Т.п., могли быть также представлены именно в этой форме: *неоспорим-ым+А-ом* 0.5 (50%, или 9 из 18), *непререкаем-ым+А-ом* 0.54 (54 %, или 81 из 150). Для определения разницы между условной и независимой синтагматическими вероятностями необходимо проанализировать микроконтексты. В контактной позиции (на расстоянии 1 от любого существительного) формы Т.п. прилагательного актуализированы в целом в меньшей степени, чем в позиции определения при существительном «авторитетом», иначе говоря, условная вероятность Т.п. прилагательного рядом с существительным, имеющим конкретное вещественное наполнение, выше независимой вероятности появления в синтагматических последовательностях форм Т.п. При таком синтагматическом условии статистика конструкций *безоговорочн-ым+А-ом* и *непререкаем-ым+А-ом* дает незначительный прирост 10-15% употреблений (доля Т.п. от числа словоформ 0.35 и 0.44 – 0.5 и 0.54 соответственно), тогда как для *неоспорим-ым+А-ом* рост употреблений значителен – более чем в два раза с 0.22 до 0.5 (ср. 282 формы Т.п. из 1278 вхождений и 9 форм Т.п. из 18). Таким образом, регистрируемый нами существенный рост функциональной нагрузки отдельной формы является одним из способов маркировки всего словосочетания.

Заключение. Вероятностный характер существования языковых единиц в речи и в ассоциативных связях, выражающийся в количественных показателях, фиксируемых на большом массиве данных, является одним из важнейших параметров определения языкового явления, его релевантного лингвистического описания. Значительные отклонения условной вероятности от независимой создает тот контраст, интуитивно воспринимаемый на фоне восходяще-нисходящего изменения частотности, который важен для языкового сознания в данный исторический период. Воздействующая сила с неизбежностью отразится и на синтаксическом, и на ассоциативном уровне, давая схожие, но не тождественные результаты. В отличие от АП, Словарь словосочетаний, отражающий упорядоченность синтагматического и семантического полей по требованию системного распределения синонимических единиц, нуждается в своевременных поправках с учетом изменения значимости отдельных фактов языка.

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 02.08.2022).
2. Русский ассоциативный словарь // TESAURUS.RU: Информационная система когнитивных экспериментов. – URL: http://www.tesaurus.ru/dict/ (дата обращения: 02.08.2022).

3. Русская региональная ассоциативная база данных – Сибирь и Дальний Восток (авторы-составители: Шапошникова И.В., Романенко А.А.). – URL: http://adictru.nsu.ru (дата обращения: 02.08.2022).
4. КартаСлов.ру: онлайн-карта слов и выражений русского языка. – URL: https://kartaslov.ru/сочетаемость-слова/авторитет (дата обращения: 02.08.2022).

УДК 811’373.611

СЛОЖНЫЕ АПЕЛЛЯТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ МАСС-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Лялюк А.А., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
a.lyalyuk@donnu.ru

Введение. Современная лингвистика активно рассматривает вопросы, связанные с возникновением, распространением и функционированием разного рода новейших наименований. Специализированные разделы языкознания, такие как неология и неография, разрабатывают вопросы, связанные с проблемами определения, описания и систематизации языковых инноваций, а также их лексикографической фиксации.

Целью данной работы является описание (структурная характеристика) и классификация сложных лексических неологизмов современного масс-медийного дискурса. Актуальность исследования обусловлена активизацией механизмов словообразования при создании новейших лексем.

Материалом нашего исследования послужили новейшие сложные наименования, представленные в текстах современных СМИ. В частности, рассматриваемые нами производные единицы, были отобраны из современных публицистических текстов популярного интернет-издания – РБК Стиль [1].

Основная часть. Определения понятия неологизм носит дискуссивный характер. Существуют различные подходы к его определению. В представленном исследовании мы используем в качестве рабочего следующую дефиницию, зафиксированную в Словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило: «Лексические неологизмы – это языковые неологизмы, возникающие:

1) из русских слов по продуктивным словообразовательным моделям: *разработать – разработка, безысходный – безысходность*;

2) путем заимствований: *лимит, факс, ксерокс*;

3) в результате заполнения словообразовательных гнезд по русским моделям: *лимит – лимитировать – лимитирование; лимит – лимитчик – лимитчица; ксерокс – ксерокопировать – ксерокопия* и т.п.» [1, с.216].

Лексические неологизмы новейшего периода могут быть образованы различными способами. Пласт данных слов языка активно пополняется не только за счет заимствования, но и за счет возможностей

словообразовательной системы русского языка. Так, исследователями отмечается продуктивность таких способов словообразования сложных лексических неологизмов, как осново- и словосложение, а также аббревиация [1, с. 139].

Среди отобранных нами сложных неологизмов можно выделить следующие структурные группы новообразований:

1) аббревиатурные неономинации (*ПК – портативный компьютер, ПО – программное обеспечение* и др.), представленные 46 лексемами (18 % от общего количества наименований);

2) сложносоставные слова-неологизмы (*бьюти-новинки, крем-баттер, крем-дренаж, крем-флюид, лифтинг-крем, лифтинг-эффек, румяна-суфле, скраб-дренаж, спа-коллекция*), представленные 131 лексемой (51 % от общего количества наименований);

3) сложные слова-неологизмы с аббревиатурным компонентом (*УФ-излучение, 4G-сеть, PDF-файл, USB-провод, VIP-кабинет*), представленные 30 лексемами (12 % от общего количества наименований);

4) сложносокращенные неономинации (*гастродайджест, телепроект, техноапгрейд, экоупаковка, электросамокат*), представленные 49 лексемами (19 % от общего количества наименований).

Заключение. Всего нами выявлено 4 основных структурных группы вторичных неономинаций, среди которых преобладают сложносоставные лексемы, образованные путем сложения двух слов, одно из которых зачастую представлено заимствованной единицей. К данной группе примыкают наименования, которые содержат в своей структуре аббревиатурный компонент. Выделение их в отдельную группу обусловлено отличной (усложненной) методикой дешифровки и особенностями графической фиксации.

Меньшей частотностью характеризуются сложносокращённые и аббревиатурные неономинации. Несмотря на их меньшие количественные показатели, данный тип лексических инноваций в целом достаточно широко представленном в современных текстах СМИ.

Список литературы

1. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов: Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с. – ISBN 978-5-98993-133-0.
2. РБК Стиль [сайт]. – АО «РОСБИЗНЕСКОНСАЛТИНГ», 1995–2022. – Обновляется в течение суток. – URL: http://style.rbc.ru (дата обращения: 23.09.2022). – Текст: электронный.
3. Современный русский литературный язык: учеб. пособие / В. Д. Стариченок [и др.]; под ред. В. Д. Стариченка. – Минск: Выш. шк., 2021. – 591 с.: ил. – ISBN 978-985-06-2138-2.

УДК 81'373.611

РЕЛЯЦИОННАЯ СЕМАНТИКА СЛОЖНОСОКРАЩЁННОГО СЛОВА

Михайлова Е.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.n.mikhailova@mail.ru

Семантика сложносокращённого слова (ССС) реализуется посредством дешифровальных стимулов (ДС), которые являются стереотипной моделью расшифровки абброконструкта (АК) – сокращённого элемента аббревиатуры.

В исследованиях Экспериментальной лаборатории исследований тенденций аббревиации была разработана трёхчастная типология ДС, которая представлена презентативным, реляционным и модификативным дешифровальными стимулами, которые способны вступать в парадигматические, синтагматические и иерархические отношения. Цель статьи заключается в том, чтобы внести уточнения по причине избыточности этой типологии.

В качестве примера парадигматических отношений можно привести **реляционные ДС** (РДС), которые реализуют актантно-числовую семантику АК. Например, ССС ***информ****ресурс* реализуется посредством трёх РДС: *ресурс* ***с информацией***, *ресурс* ***информации****; ресурс* ***для информации***. С точки зрения формального подхода все три РДС являются словоформами одной лексемы «*информация*» или токенами одной леммы и реализуют одно значение «*ресурс, в котором не только есть информация, но и предназначенный для неё*».

Ономасиологический подход, в отличии от формального, указывает на разный семантический (глубинный) падеж, выраженный аналитико-синтетическим способом. Например: *с информацией* – комитатив, *информации* – посессив, *для информации* – дестинатив. Этот же подход определяет корреляцию релятивов с **презентативным ДС** (ПДС), представленным в виде относительного прилагательного, которое реализует обобщённое значение ССС и используется в номинации в качестве абсолютного синонима аббревиатуры.

Текстовую (речевую) реализацию ПДС мы называем **презентатив**. Его уникальность и предсказуемость доказывается не только тем, что он отмечается для всех ССС без исключения, но и тем, что выступает немаркированным членом привативной оппозиции. Стоит отметить, что по утверждению М.В. Никитина относительные прилагательные выражают не признаки, а «вещи, так как содержат указание не признака, а признаковой функции слова» [2]. Таким образом, денотатом относительных прилагательных является «собственно вещь», а отношения между относительным прилагательным и определяемым существительным строятся по схеме

«предмет+предмет», а не «признак+предмет». По этой причине Е.А. Макарова называет прототипическое значение относительных прилагательных «отражённым» [1]. Иначе говоря, в относительном прилагательном реализуется концептуальная структура производного слова.

Также следует отметить, что атрибутивная семантика относительного прилагательного выполняет функцию идентификации предмета. Например, словосочетание с относительным прилагательным *военная хроника* можно трансформировать в словосочетание *хроника войны*, а словосочетание *строгие нравы* с качественным прилагательным трансформировать невозможно.

Именно поэтому возникающая корреляция на семантическом уровне между релятивом и презентативом прослеживается, в первую очередь, в текстовых эквивалентах ССС. Например, эквивалентные словосочетания ***информационный*** *центр* (ПДС) и *центр* ***информации*** (релятив) аббревиатуры ***информ****центр* выступают в тексте в качестве абсолютных синонимов: «*В большинстве городов Латвии есть туристические* ***информационные центры*** *– В самом центре Старой Риги, рядом с Домом Черноголовых, на Ратушной площади действует Рижский* ***центр информации*** *туризма*» (http://www.meeting.lv/gde-v-rige-raspolojeny-turisticheskie-informacionnye-centry.php).

В связи с этим возникает вопрос: насколько справедливо разделение на семантическом уровне презентативного и реляционного ДС, если обе модели реализуют одни и те же предметные отношения?

В качестве решения может быть предложено выделение в системе дешифровальных стимулов следующих дешифровок (конкретных речевых реализаций ДС): презентатив^1, презентатив^2.

Презентатив^1 (П^1) выступает в роли немаркированного компонента, выполняющего функцию базисной модели дешифрования ССС с нулевой степенью интерпретации семантики аббревиатуры. К этой модели дешифрования относятся эквивалентные словосочетания с квалификативной семантикой, например: авиапромышленность – *авиакосмическая промышленность*. В качестве **презентатива^2 (П^2)** выступают эквивалентные словосочетания с реляционной семантикой в оппозиции немаркированного компонента, которые стремятся к созданию семантической интерпретации ПДС по формуле РДС ≥ ПДС. Например: у ССС *мотоаккумулятор* П^1 представлен в виде эквивалента *мотоциклетный аккумулятор* (квалификативная семантика, нулевая степень интерпретации сокращённого слова), а П^2: *аккумулятор для мотоцикла* (дестинатив), *аккумулятор мотоциклов* (посессив), *аккумулятор на мотоцикле* (локатив), *аккумулятор в мотоцикл* (дестинатив).

Модификационный ДС (МДС) выступает в первую очередь в качестве интерпретации ПДС на семантическом уровне через добавление дополнительного ономасиологического признака, что приводит не только к более сложной форме, чем у ПДС, но и к расширению его семантики.

Например: ССС *евровыборы* представлено презентативом[1] *европейские выборы* и его модификативами: *выборы в Европарламент*, *выборы по европейским стандартам*, *выборы в европейских странах*.

Стоит отметить, что в МДС реализуется как квалификативная семантика в относительном прилагательном (***агро****инженерия* – ***агропромышленная*** *инженерия*), так и реляционная (***агро****рынок* – *рынок* ***агропродукции***). По этой причине по аналогии с $П^1$ и $П^2$, мы предлагаем выделять модификатив[1] и модификатив[2]. Под **модификативом[1]** мы понимаем такую модель дешифрования, в которой реализуется квалификативная семантика на семантическом уровне, а на формальном – дополнительный ономасиологический признак второго порядка, т.е. подчинённый первому. Например: модификатив[1] реализуется в ССС ***авиа****база* – ***авиатехническая*** *база*. **Модификатив[2]** реализует, как правило, реляционную семантику: ***авиа****инспектор* – *инспектор по* ***авиабезопасности***. Однако наличие двух ономасиологических признаков и интерпретация одного из них ведёт к появлению семантики, реализующейся по схеме квалификатив+релятив, т.е. в одном ДС присутствует как квалификационная, так и реляционная семантика, например: *инспектор* ***по авиационной безопасности***.

Таким образом, мы представляем двухчастную типологию ДС, состоящую из презентативного и модификационного интерпретативного ДС, которые имеют свои конкретные речевые реализации с квалификативной семантикой (презентатив[1], модификатив[1]) и реляционной семантикой (презентатив[2], модификатив[2]).

Список литературы

1. Макарова Е. А. Семантика качественных и относительных прилагательных в когнитивном освещении / Е. А. Макарова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – С. 184-190.
2. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 760 с.

УДК 81’42

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ТЕКСТЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ВИДЕОЛЕКЦИЙ

Мочалова Д.А., Евтушенко Т.Г., канд. филол. наук, доц.
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
г. Санкт-Петербург, РФ
mochalova.da@edu.spbstu.ru

Актуальность разработки данной темы обусловлена развитием концепции *life-long learning*, ростом популярности дополнительного

образования и поиском доступного образовательного продукта. Оптимальным форматом производства образовательного продукта является научно-популярная лекция для широкой аудитории.

В рамках данного исследования планируется изучение состава и функционирования средств, маркирующих эмоциональный и оценочный компонент отношение автора к излагаемой информации, распределение внимания читателя посредством установления контакта с аудиторией и фокусированием внимания аудитории на определенных фрагментах, представленной спикером речи.

В основу проводимого исследования легли работы ученых, исследующих лекционный дискурс, таких как С. В. Зайцева, А. В. Волошина, И. П. Хутыз и других.

Несмотря на активную разработку данной проблематики, требуется дополнительное исследование особенностей реализации модусных категорий в речи ученых, работающих в разных областях научного знания.

Целью нашего исследования является описание языковых средств, отражающих позицию автора и влияющих на восприятие текста читателем. Материалом исследования послужили лекции спикеров научного журнала «Постнаука». Авторы лекций – ведущие российские ученые – являются популяризаторами научного знания.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**: раскрыть содержание понятий «метадискурс», «модусная категория», «лекционный дискурс»; определить особенности функционирования языковых средств, отражающих оценку автора, в лекционном дискурсе.

В данном исследовании использовался описательный **метод.** Анализируемые контексты подбирались методом сплошной выборки. Наше внимание было сосредоточено на модусной составляющей лекционного материала. Определены следующие ключевые понятия.

Лекционный дискурс – это коммуникативное пространство, с помощью которого осуществляется информационный обмен как в академической среде, так и в других профессиональных контекстах [1].

Понятия «метадискурс» и «модусные категории» описывают выражение отношения говорящего к действительности и излагаемой информации. **Метадискурс** – это система языковых средств адаптации речевого кода к коммуникативно-деятельностным потребностям в процессе вербального воплощения коммуникативного замысла [2].

Модусная категория – это часть семантического устройства предложения, в которой отражается субъективное отношение говорящего к предмету речи, к речевой деятельности, речевой ситуации, к объективной действительности, к участникам коммуникации. Это смыслы, идущие от говорящего [3].

Идея метадискурса как инструмента, помогающего автору донести идею текста до читателя, созвучна идее диалогичности текста по М. М. Бахтину [4]. Автор сообщения не только информирует слушающего,

но и стремится воздействовать на него, используя разные способы организации передаваемой информации. Таким образом, диалогичность – это, с одной стороны, коммуникативная категория, а с другой – неотъемлемое свойство метадискурса. К. Хайленд развивает эту мысль, определяя метадискурс как зонтичный термин для рефлексивных выражений, обсуждающих значения в тексте, относящиеся к взаимодействию, помогающих пишущему или говорящему выражать некую точку зрения и солидаризироваться с адресатами в качестве членов определенного сообщества [5].

Исследование изученных контекстов показало, что маркеры выражения модусных смыслов широко используются в материалах, посвященных техническому знанию. На грамматическом уровне это, с одной стороны, проявляется в использовании местоимений первого лица множественного числа. Таким образом автор устанавливает контакт с читателем. С другой стороны, для отстранения от повествования используются безличные конструкции. Варьирование вовлеченности и отстраненности от контекста позволяет менять фокус в зависимости от важности представляемой информации. Проиллюстрируем эту мысль примером. Так, автор в начале придаточного предложения использует словоформы «мы», «у нас», повышая диалогичность речи, а затем вводит главное предложение в безличной форме, таким образом устраняясь от изложенных фактов.

*Если **у нас** есть хорошая модель явления, которое **мы** пытаемся описать и потом спрогнозировать, то проблем с переобучением **может не возникнуть**.*

Вовлечение аудитории в диалог помогает автору высказывания подготовить читателей к оценочному восприятию текста. После того, как читатель вовлечен, автор предлагает ему свою оценку текста.

На лексическом уровне навязывание автором читателю собственной оценки происходит посредством использования лексического разнообразия в рамках одного парадигматического ряда, которое может сочетаться с варьированием грамматического значения.

В качестве примера рассмотрим использование имен прилагательных в превосходной степени и наречий с нейтральной и резко порицательной коннотацией. Градация оценочных средств со знаками «+» и «-» варьируется от «хорошо», «наилучший» до «отвратительно».

*В итоге после двух этапов можно просто выбрать **наилучшую** модель из некоторого количества моделей, которые мы изобрели.*

*Кажется, что в сумме они компенсируют друг друга, на обучающей выборке это работает **хорошо**, а на тестовых данных работает **отвратительно**.*

Специфика использования модусных категорий в русскоязычном лекционном дискурсе заключается в использовании широкого спектра речевых средств, для привлечения внимания слушателя. На наш взгляд, лексические и грамматические дискурсивные средства, представленные в

контекстах, приближают лекционный дискурс к бытовому и публицистическому дискурсу, что обусловливает их необычное функционирование в рамках выбранного жанра.

Анализ материала показал, что привлеченные дискурсивные средства позволяют направлять внимание аудитории на различные аспекты рассматриваемого вопроса, а также регулировать оценку и внимание. Особенности русскоязычного лекционного научно-популярного дискурса нуждаются в дальнейшем исследовании в связи с увеличением объема контента в сети Интернет.

Список литературы

1. Хутыз И. П. Особенности конструирования эффективного лекционного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – №3-1 (69).
2. Зайцева А. В. Понятие метадискурса в современной теории коммуникации // Научный журнал. – 2020. – С. 70.
3. Волошина С. В. Модусные категории в дискурсе СМИ: учебно-методическое пособие. – Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 40 с.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Художественная литература, 1975. – 500 с.
5. Hyland K. Metadiscourse: Exploring Interaction in Writing / K. Hyland. – London, New York: Continuum, 2005. – 230 p.

УДК 81’367

АББРЕВИАЦИЯ И СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Назар Р.Н., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
nazar_roman@mail.ru

Введение. Сложносокращенные слова входят в лексику современного человека и актуальны для изучения лингвистами. Для текстов современных СМИ, общения и профессиональной коммуникации характерно употребление аббревиатур и сокращений.

Целью нашего исследования является изучение употребления аббревиатур и сложносокращенных слов в текстах современных СМИ.

Основная часть. В русском языке необходимо рассматривать аббревиатурные процессы многоаспектно. Определения сокращений и принципы их классификации многочисленны и неоднородны. До настоящего времени не выработаны универсальное определение и универсальная теория аббревиации. При изучении проблем слова, можно выделить следующие: значение, деривационные, мотивационные и парадигматические отношения, семантизация внутренней формы, дискурсивная и информационная обусловленность. Работы Д. И. Алексеева, Ю. Д. Апресяна, Е. А. Бирюковой,

А. Вежбицкой, В. В. Виноградова, Е. А. Земской, Ю. В. Горшунова, Е. А. Дюжиковой, В. И. Карасика, А. Д. Краева, О. Г. Косарева, Е. С. Кубряковой, В. В. Лопатина, Р. И. Могилевского, А. С. Мурычева, Т. Г. Нургалеевой, Е. Н. Ожогина, Е. Д. Поливанова, Г. Г. Почепцова, Н. О. Светличной, В. И. Теркулова, М. И. Тибиловой, А. Н. Тихонова, И. С. Улуханова, С. В. Фадеева, А. П. Шаповалова, М. А. Ярмашевич и др. посвящены изучению аббревиации, сокращений и типологии аббревиатур с точки зрения грамматики, орфоэпии, прагматики, семантики, структуры. В XX и XXI столетии исследования лингвистов о проблеме сокращений не охватывают ее полностью и дают разное толкование терминов «аббревиатура» и «аббревиация».

Исследуя тенденции аббревиации, необходимо учитывать противопоставление слова-лексемы как единицы системы реализованному слову-словоупотреблению. В зависимости от специфики знаний и языка, это позволяет проследить наиболее продуктивные способы вхождения в систему функционирующих в речи аббревиатур, разграничить их как закрепленные в системе языка, так и появляющиеся в речи и не ставшие фактами языка. Исследование аббревиатурного пространства дискурса является также важным [3].

Аббревиатуры прочно вошли в современные языки, их количество чрезвычайно велико, они составляют значительную часть словарного состава, проникают почти во все слои лексики, широко применяются как в устной, так и в письменной речи. В текстах СМИ: статьях, заметках, очерках и тезисах, существует активная тенденция к широкому использованию сокращенных лексических единиц различного рода и вполне отчетливо проявляется в последнее время во многих языках. Для существования и образования аббревиатур необходимы внешние (экстралингвистические) и внутренние (внутрилингвистические) условия, например: к внешним относятся общественно-политические и научно-технические факторы, а к внутренним – условия языкового порядка. Аббревиатуры служат базой новых для появления новых слов, и достаточно жизнеспособны. Возникновение и частое употребление сокращённых единиц в речи и языке зависит от экономии речевых средств или принципа наименьшего усилия. Аббревиатуры являются неотъемлемыми элементами современной языковой системы; придают экспрессию тексту, а их количественная представленность в речи и языке нашего времени многократно увеличилась, особенно многочисленны инициальные сокращения буквенного и звукового характера [2].

Продуктивным способом компрессии многословных названий является создание аббревиатур, что отражено в текстах современных СМИ. Аббревиатуры, вследствие этого, во многих тематических сферах занимают доминирующее положение. Как правило, это наименования различных стран, структур, организаций: *РФ* (Российская Федерация), *ДНР* (Донецкая Народная Республика), *ЛНР* (Луганская Народная Республика), *ГОУ ВПО «ДОННУ»* (Государственное образовательное

учреждение высшего професссионального образования «Донецкий национальный университет»), *ФЭУИССН* (факультет экономики, управления, информационных систем в строительстве и недвижимости), *Филфак* (филологический факультет) и др. Аббревиатуры отражают стремление говорящих предельно сократить текст сообщаемого, используя минимальное число языковых средств, т. е. обладают наибольшей степенью имплицитности в языке. Сложносокращенные слова выступают в роли своеобразных синонимов тех многословных названий, от которых они образованы. Например: *вуз* (высшее учебное заведение), *ВПО* (высшее профессиональное образование), *УМС* (учебно-методический совет). Некоторые учебные заведения за свою историю сменили несколько названий, например: *МИСИ* и *МакИСИ* (Макеевский инженерно-строительный институт), *ДонГАСА* (Донбасская государственная академия строительства и архитектуры), *ДонНАСА* (Донбасская национальная академия строительства и архитектуры), *ГОУ ВПО «ДОННАСА»* (Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»). За счет аббревиатур происходит увеличение языкового кода, что дает значительную экономию на уровне текста. Благозвучность является важным условием закрепления аббревиатур в языке. Однако в исследуемый период проявилась тенденция к возникновению неблагозвучных единиц в текстах современных СМИ: *АД* (автомобильные дороги), *гр. ЗАД-51* (группа заочников автомобильные дороги – 51), *ЗАМКОМ по МОРДЕ* (заместитель комитета по морским делам), *МУДО* (Муниципальное учреждение дополнительного образования), *ПИДР* (полицейский инспектор дорожного движения), *ПИЗДЮН* (полицейский инспектор защиты детства и юношества), *ГЕИ* (государственная единая инспекция), *ПУППС* (полицейское управление патрульно-постовой службы), *ОПСОС* (отдел полиции соблюдения общественного спокойствия), *ПИСКА* (полицейский инспектор службы контроля за автотранспортом), *ПДРС* (полицейская дорожно-регулировочная служба) и др. Лексикализация аббревиатур, сознательное приобщение их к обычным лексическим единицам является своеобразной реакцией на аббревиатурное перенасыщение [1]. Активизация этих предельно экономных и семантически емких номинативных единиц обусловлена появлением в реальной действительности сложных денотатов, требующих для своего обозначения многокомпонентных наименований.

Заключение. Возникновение большого количества инициальных аббревиатур, а также отаббревиатурных образований свидетельствует о релевантности данного типа лексических единиц, их коммуникативно-прагматической эффективности и использовании в текстах современных СМИ. Появление аббревиатур и их динамичное языковое отражение обусловило расширение неологического пространства современного русского языка.

Список литературы

1. Касьянова Л. Ю. Инициальная аббревиация в процессах неологизации русского языка [Текст] / Л. Ю. Касьянова // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления: материалы Международной научной конференции. – СПб.: Изд-во «Лема», 2006. – С. 72–75 (0,4 п.л.).
2. Назар Р. Н. Аббревиация в научном репортаже / Р. Н. Назар // Наука и мир в языковом пространстве: сб. науч. трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г.). – Макеевка, 2016. – С. 422–425.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://donnasa.org.
3. Назар Р. Н. Аббревиация в публицистическом дискурсе на примере репортажных текстов / Р. Н. Назар // Сб. статей Международной научно-практической конференции, посвященной Дню славянской письменности «Фукционирование славянских и других языков, литератур и культур в контексте языковой ситуации Республики Молдова». – Комрат: КГУ, 2017. – С. 121–125.

УДК 81'373.611

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ 2-ГО ЛИЦА ВО ВВОДНОЙ ПОЗИЦИИ

Онипенко Н.К., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
onipenko_n@mail.ru

В докладе будет рассмотрен семантический и прагматический потенциал глагольных форм знаете ли, видите ли, понимаете ли в разных синтаксических позициях, показана связь с понятиями коммуникативного регистра речи, субъектной перспективы текста, диалогической цитации.

В докладе будет показана коммуникативно-функциональная обусловленность семантики форм 2-го лица множ. числа с частицей ли: наличие этих форм во вводной позиции указывает на (1) принадлежность предложения информативному или реактивному регистру речи (реактивный – при ироничной цитации) и (2) неуверенность говорящего при первом лице (Я ни в каких театрах не был. Я, видите ли, недавно в Москве – М. Булгаков) и уверенное осуждение при 3-м лице (Твой «друг» даже не думает искать работу, потому что он, видите ли, «художник» – Интернет-ресурс). Первое лицо допускает иронию при взгляде на себя со стороны: (1) при пересказе своих прошлых мыслей, слов и мнений (а потом мы вместе с Костей обняли берёзу, ту самую берёзу, под которой стояла та самая скамейка, на которой мне первый раз в жизни пришла в голову мысль, что я, видите ли, устал быть человеком… – В. Медведев); (2) при пересказе чужого мнения (Ты понимаешь, если бы за дело, я б не обиделся. А она так, на всякий случай. Говорит, превентивная мера. Я, видите ли, её бюст взглядом зацепил. – С. Крещенская).

При многократном повторении вводное слово становится средством словесной характерологии:

— Граждане, извините, произошло недоразумение, – сконфуженно сказал папа, убирая ужа в сумку.

— Я, понимаете ли, не разобрался. Гадюку, понимаете ли, принял за ужа… То есть, извините, наоборот, ужа за гадюку… Я, понимаете ли, вижу плохо. (И. Пивоварова).

При пересказе этого текста в третьем лице вводное слово становится синонимом частиц мол, дескать, де, а значит, может быть квалифицировано как средство «пересказывательного наклонения» (А.А. Шахматов), то есть отнесено к способам выражения категории эвиденциальности (см. работы Р. Якобсона, Н.А. Козинцевой и др.).

В условиях информативного регистра (пересказ оформляется именно этим регистром) глагол видеть теряет перцептивную семантику и соотносится с ментальным модусом.

В докладе будут сопоставлены формы 2-го лица множ. числа и формы 2-го лица един. числа (как в сопровождении частицы ли, так и без нее).

УДК 81'373.611

АББРЕВИАТУРЫ-АПЕЛЛЯТИВЫ И АББРЕВИАТУРЫ-ОНИМЫ КАК ОБЪЕКТЫ СЛОВАРНОГО ОПИСАНИЯ

Рязанова В.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
v.riazanova@donnu.ru

Имена нарицательные и имена собственные формируют одну из основных языковых оппозиций, потому существительные этих категорий принято разграничивать как при теоретических исследованиях, так и при лексикографическом описании. Однако сокращенные апеллятивы и онимы – сокращенные эквиваленты расчлененных имен нарицательных и собственных – традиционно рассматриваются лингвистами в одном ряду как идентичные явления.

Такой недифференцированный подход к исследованию сокращенных единиц можно объяснить стремлением лингвистов структурировать разнородные аббревиатуры, которые в большом количестве появились в русском языке за короткий промежуток времени [2, с. 46]. В течение XX века учеными предпринимались попытки создать универсальную для всех аббревиатур структурную классификацию, основным критерием которой являлась степень линейной протяженности компонентов расчленённого наименования в аббревиатуре.

Описание структурных характеристик аббревиатур стало основной задачей и для лексикографов. Главным элементом словарных статей

специализированных словарей сокращений являются расшифровки – словосочетания, которые трактуются составителями как производящая основа описываемых аббревиатур. Наличие многокомпонентных расшифровок сближает сокращённые апеллятивы и онимы с позиции структурного подхода, потому описание аббревиатур разных категорий по общим моделям не представляло проблемы для лексикографов.

В современной русистике появилась необходимость в создании полноценных информативных словарей сокращений, которые могли бы отразить не только структурную специфику аббревиатур, но также семантические, стилистические и другие характеристики, которые формируются у сокращений в результате их регулярного использования в языке. Различия в способах образования, назначении и возможностях функционирования сокращенных апеллятивов и онимов обусловливают специфику их словарного описания.

Определены существенные различия между сокращенными апеллятивами и онимами как объектами лексикографического описания.

1. Передача лексического значения.

Существует несколько дискуссионных мнений о структуре значения онимов (и сокращенных онимов в том числе). В целом исследователи указывают на специфичность и сложность структуры семантики имени собственного по сравнению с семантикой апеллятивов, что связано с различиями в номинативных функциях этих единиц.

Значение апеллятива включает традиционно выделяемые компоненты – сигнификативный, денотативный и коннотативный, в то время как семантика онима базируется также на экстралингвистических компонентах и включает этнокультурологическое значение, прагматические составляющие и т.д. В целом под лексическим значением онима может рассматриваться «информация об объекте – носителе данного имени» [1, с. 54]. Таким образом, описание семантики апеллятивов и онимов требует различных подходов.

2. Возможность различных системных отношений между сокращениями.

Под системными отношениями понимается возможность сокращения вступать в синонимические, антонимические связи с другими лексическими единицами языка.

Сокращенные апеллятивы могут вступать в отношения синонимии, причем как с простыми словами, так и с другими сокращениями. Например, среди синонимов сложносокращенного слова *автокорреспондент* ('сотрудник средства массой информации, сообщающий известия о происшествиях и событиях в автоотрасли') отмечаются узуальные слова *журналист, корреспондент, обозреватель, репортёр* и сокращенные наименования *автожурналист, автообозреватель, авторепортёр.*

Сокращенные имена собственные могут вступать в отношения текстовой синонимии с апеллятивами, а именно с родовым понятием для онима и его синонимами. Например, сокращенный оним *ДМЗ* (*Донецкий*

металлургический завод) находится в системных отношениях с гиперонимом *завод* и опосредованным синонимом *предприятие*.

3. Стилистические возможности.

Сокращенные апеллятивы, в отличие от сокращенных имен собственных, могут иметь функциональные ограничения. Среди аббревиатур-апеллятивов обнаруживаются термины из области биологии, физики, химии, медицины, информатики (*СНС – симпатическая нервная систем*а; *гравицикл – гравитационный цикл*; *ЯМР – ядерный магнитный резонанс*; *ИМТ – индекс массы тела*; *ОЗУ – оперативное запоминающее устройство*) и т.д.

К средствам пассивного запаса лексики могут относиться как сокращенные апеллятивы (*РЭС – ретикулоэндотелиальная система*, *нарком – народный комиссар*, *воентехник – военный техник*), так и онимы (*Главнаука – Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями*, *ТбилНИИШ – Тблилисский научно-исследовательский институт шелководства*, *ЦШДП – центральный штаб партизанского движения*).

4. Наличие множественных трактовок.

Обнаружение полиэквивалентности аббревиатур связано с развитием синхронно-эквивалентностного подхода к процессу аббревиации. В результате исследования текстов с аббревиатурами было установлено, что сокращению могут быть эквиваленты сразу несколько словосочетаний, которые носители языка используют в качестве абсолютных синонимов аббревиатур. Такие синонимичные комплексные наименования являются синтаксическими эквивалентами сокращения. Например, для сложносокращенного слова *автожурнал* фиксируются синтаксические эквиваленты *автомобильный журнал, журнал об автомобилях, журнал для автолюбителей*, *журнал для автомобилистов*, *журнал про автомобили, журнал об авто*, *журнал про авто*. Использование любого из представленных словосочетаний в качестве эквивалента сокращения возможно при реализации условий: аббревиатура и синтаксический эквивалент содержат одинаковые структурные компоненты; семантика словосочетания совпадает с семантикой аббревиатуры; словосочетание и аббревиатура реализуют одинаковые ономасиологические отношения.

Сокращенный оним имеет единственную возможную расшифровку, регламентированную номинатором и зафиксированную документально. Предполагается, что отступление от регламентированной расшифровки сокращенного онима будет трактоваться как ошибка, поскольку в таком случае разрушается связь онима с денотатом.

Полноценное многоаспектное описание сокращенных апеллятивов и онимов возможно только при разработке для каждого из них индивидуальных методик лексикографического описания аббревиатур.

Список литературы

1. Ариас А. М. Имена собственные VS имена нарицательные: вопросы значения и функционирования / А. М. Ариас, И. А. Щербакова // Ученые записки Санкт-

Петербургского университета технологий управления и экономики. – 2019. – № 1(65). – С. 50-54.
2. Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений / Т. С. Сергеева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 6-2(24). – С. 174-179.

УДК 811.161.1

ДИНАМИЧЕСКИЙ И СТАТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ ВО ВЗГЛЯДАХ СОВЕТСКИХ ЛИНГВИСТОВ-ОНОМАСИОЛОГОВ

Ситько Ю.Л., канд. филол. наук, доц., ***Захарова И.И.***
ФГБОУ ВО «Филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе», г. Севастополь, РФ
yurii.sitko@gmail.com, irinazaharova061@gmail.com

Ономасиологические идеи и представления известны издревле, однако переломным моментом в становлении ономасиологии как лингвистического направления стал XX в. Ономасиология этого периода может быть представлена как два течения: динамическое (процессуальный подход, часто связанный с функционалистскими идеями) и статическое (зачастую это когнитивистский подход, зачастую реализующийся в лексикологии и лексикографии). Однако, вне зависимости от направления внутри ономасиологии и советскими и российскими учеными поднимался вопрос деления процесса номинации на этапы.

Реализация динамического подхода

Яркими представителями динамического подходя являются концепции М.Н. Янценецкой и И.С. Торопцева.

М.Н. Янценецкая изложила отражение последовательных моментов процесса номинации через этапы ономасиологического исследования, параллельно выделяя деление процесса семантизации, т. е. воспроизведения слов (между процессами номинации и семантизации выстраивается сложная взаимосвязь). Весь процесс создания нового слова представлен состоящим из двух моментов. Вначале осуществляется выбор мотивировочного признака из ряда возможных, «замысел высказывания». Далее по этому замыслу находится уже существующая подходящая языковая форма, фонетический облик которой используется для выражения нового смысла. Вторым моментом М.Н. Янценецкая называла подведение нового значения под какую-то обобщенную семантическую категорию, которая могла бы подчеркнуть отличие, т. е. специфику этого нового смысла по отношению к производящей единице. Данная функция реализуется при помощи словообразовательного аффикса [Янценецкая, 1979, с. 59-62]. Таким образом, можно подытожить вышесказанное и выделить основы этапы процесса номинации по теории М.Н. Янценевской:

Нулевой этап – подготовка идеального содержания, т. е. исходной базы, которая не является непосредственным объектом словообразова-

тельного анализа. Первый этап – выбор мотивировочного признака и формы его выражения. Второй этап – выбор классифицирующего значения, которое подчёркивало бы специфику производного слова, и внешней (звуковой) оболочки. Третий этап – создание (восстановление) целостной лексической единицы [Янценецкая, 1979, с. 64].

И.С. Торопцев рассматривает введение общей словопроизводственной модели (далее СпМ), состоящей из шести компонентов, которые можно объединить в четыре этапа (соотношение с четырьмя этапами словопроизводственного процесса).

Первый этап СпМ – подготовка идеального содержания – совпадает с первым компонентом. Ученый вводит четыре разновидности идеального содержания и показывает их соотношение с характером материализации.

Второй этап СпМ – выбор производящего – включает в себя второй и третий компоненты. И.С. Торопцев называет данный этап одним из двух самых важных в СпМ (другой важный этап – третий).

Второй компонент строится вокруг понятия ***мотивировки***. Мотивировка выделяется из содержания нового понятия. Анализируя отношения между мотивировочной частью содержания и всем содержанием, И.С. Торопцев выводит два типа мотивировки. Если мотивировочная часть содержания ***меньше*** всего объктивируемого содержания, то это ***мотивировка признаком***. Если же мотивировочная часть ***совпадает*** со всем объктивируемым содержанием, то это ***мотивировка содержанием***.

Третий компонент раскрывает понятие о производящем, которое формируется в процессе выявления производящих единиц. И.С. Торопцев называет четыре типа производящих: слова, словосочетания, первосигнальные выкрики и звукопредставления.

Третий этап СпМ – добывание звуковой оболочки – содержит четвертый и пятый компоненты.

Способы словопроизводства, на которых базируется четвертый компонент, являются способами добывания звуковой оболочки слова. Сравнение производящего слова с производным выявляет восемь способов словопроизводства: словообразование (аффиксация), преобразование лексических единиц, слияние, контаминация, трансформация, заимствование, звукоподражание и воспроизведение. Для добывания звуковой оболочки может использоваться как один (чистый), так и несколько (смешанные) способов.

Пятый компонент заключается в необходимой обработке подосновы. Способ добывания подосновы И.С. Торопцев понимал как коррекцию звуковой оболочки и писал о таких вариантах, как усечение производящей основы и пределы этого усечения, чередование конечных звуков подосновы на стыке с аффиксами, изменение места ударения в подоснове. В итоге конструируется новая звуковая оболочка, в которой подоснова соединяется с словообразовательным элементом.

Четвёртый этап – сцепление идеального содержания и звуковой оболочки – совпадает с шестым компонентом СпМ, для которого

характерно объединение идеального и материального в лексической единице и осуществление этого объединения. Это сцепление завершается построением новой лексической единицы [Торопцев, 1980, с. 45-139].

Реализация статического подхода: концепция Е.С. Кубряковой

В отличие от динамического подхода, Е.С. Кубрякова рассматривает номинацию как комплексный речемыслительный процесс, в ходе которого происходит выделение и осмысление обозначаемого предмета или события, а также как результат этого процесса, продукт речевой деятельности [Кубрякова, 1978, с. 6]. Такой взгляд на номинацию используется для исследования речевой деятельности и речевых актов в психолингвистике.

Путь от замысла к его вербализации через этапы этого процесса. выражается понятием ***акт номинации***, одновременно используемым и в ономасиологии, и для изучения речевой деятельности.

Акт номинации условно делится на два компонента. С одной стороны, это замысел говорящего, а с другой – различные языковые средства, обеспечивающие его реализацию. Начальным этапом этого процесса Е.С. Кубрякова называет переплетение интенций говорящего с его личностными смыслами. Под личностными смыслами она подразумевает индивидуальное смысловое задание говорящего. Этапы обеспечивают выбор готовой единицы номинации или ее создание.

Е.С. Кубрякова указывает, что путь от мысли к слову может иметь несколько форм благодаря различному сочетанию его этапов. Разнообразие зависит от соотношения формирования личностных смыслов и момента речи. Начало такого формирования может происходить как на довербальной (предметно-образный язык) и внутренне-вербальной (номинация словом и т. д.) стадиях речи, так и непосредственно на вербальной стадии (спонтанная речь, когда человек одновременно думает и говорит). Таким образом, существует три основные формы акта номинации.

Первая форма максимально полная и включает следующие этапы: замысел, личностные смыслы в образном коде, личностные смыслы в коде внутренней речи и речевое высказывание. Вторая форма имеет два вида. С одной стороны, пропуск личностных смыслов в образном коде, тогда остаются замысел, личностные смыслы в коде внутренней речи и речевое высказывание. С другой стороны, пропуск личностных смыслов в коде внутренней речи. Такая форма выглядит как замысел, личностные смыслы в образном коде и речевое высказывание. Третья форма с отсутствием промежуточных этапов включает только замысел и речевое высказывание [Кубрякова, 1986, с. 124].

Таким образом, от направленности на процессуальный или на статический аспект ономасиологического исследования зависит вопрос членения процесса номинации на составляющие (соответственно этапы или компоненты). Представители процессуальной ономасиологии уделяют

большое внимание характеристике словопроизводственной модели. В когнитивном направлении наблюдается сокращение количества составляющих и иное представление о назначении выделяемых ономасиологических сущностей.

Список литературы

1. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 156 с.
2. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 114 с.
3. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель / И. С. Торопцев. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1980. – 148 с.
4. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / М. Н. Янценецкая. – Томск: Изд-во ТГУ, 1979. – 242 с.

УДК 81'373.611

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМАЛЬНОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ НЕИНИЦИАЛЬНЫХ АББРОКОНСТРУКТОВ

Смирнова И.Р., Теркулов В.И., д-р филол. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
smirinaa15@gmail.com

Формально-семантическая структура неинициальных аббревиатур складывается обыкновенно в процессе **универбализации** – синтаксической компрессии словосочетания с целью его преобразования в сложносокращённое слово (далее – ССС), например *государственный департамент > госдепартамент*.

Вследствие универбализации на базе того или иного компонента словосочетания формируется абброконструкт (далее – АК) – «часть аббревиатуры, представляющая собой сокращённый эквивалент (дублет) какого-либо слова» [2, с. 74], например АК *вент* (***вент****ствол – **вентиляционный** ствол),* АК *вет (**вет**лечебница – **ветеринарная** лечебница)* и др.

Таким образом, формальный облик абброконструкта обыкновенно сообщается ему производящим словом: ***ветеринарная** клиника – **вет**клиника, **генеральный** штаб – **ген**штаб*. Однако формально-эквивалентностный анализ единиц, входящих в словник Толково-эквивалентностного словаря сложносокращённых слов русского языка [3], позволил выявить случаи формального несовпадения абброконструкта с его развёрнутым эквивалентом: например, ***воен**часть – **войсковая** часть; **аптеко**управление – **аптечное** управление; **строй**бригада – **строительная** бригада, бригада **строителей**; **вальц**машина – **валковая** машина*.

Объектом исследования являются неинициальные АК, формальный облик которых не совпадает с их лексическим эквивалентом, а **предметом** – особенности формальной эквивалентности таких единиц.

Целью исследования является изучение феномена формального несоответствия абброконструкта его развёрнутому эквиваленту в русском языке. **Задачи** исследования: 1) описать подобные случаи; 2) выявить типы формальных различий между абброконструктом и эквивалентным ему словом; 3) установить причины несовпадения формального облика АК и его лексического эквивалента.

Наличие в составе АК интерфикса – фонем -о или -э, которые отсутствуют в структуре его формального дублета (например, *центр-о-банк – центральный банк; бој-э-готовность – готовность к бою* и т.д.), не рассматривается в исследовании как формальное различие между сокращенным конструктом и эквивалентом. Присоединение к АК интерфикса обусловливается особенностями словообразования (например, композитных ССС: *вод-о-сбыт – сбыт вод-ы*) или соблюдением определенных фонетических законов (например, интерфикс часто возникает на стыке нескольких согласных: *центр-о-банк – центральный банк* и т.д). Интерфикс используется как формальное средство связи между структурными элементами ССС, его наличие факультативно. Следовательно, как компонент АК интерфикс формально и семантически не связан с его развернутым эквивалентом, так как не выводится из структуры последнего и не имеет плана содержания.

В ходе исследования установлено, что феномен формального несоответствия АК развернутому эквиваленту может затрагивать различные аспекты языка. По признаку несовпадения АК с его эквивалентом можно выделить несколько типов формальных отличий между ними.

1. Графические: фонемный состав АК соответствует эквивалентному слову, но отличным образом передается при написании. Например, ***аль**фоль – **алюминиевая** фольга* (в первом случае фонема <л'> передается с помощью буквосочетания "ль", во втором случае – буквой "л"); ***строй**бригада – **строительная** бригада, бригада **строителей*** (в первом случае фонема <j> передаётся буквой "й"; во втором случае после гласной и перед <и> фонема <j> на письме не обозначается).

Остальные типы отличий объединяют случаи фонемного несовпадения АК и эквивалента.

2. Морфемные: при сравнении фонемного состава алломорфов обнаруживается факт чередования (например, <к>//<ч>: апте<к>- – апте<ч>-: ***аптеко**управление – **аптеч**ное управление*; ***кроликo**парк – **кроличий** парк, **кроликo**ферма – **кроличь**я ферма* и т.д.; <г>//<ж>: бо<г>- – бо<ж>-: ***Богo**матерь – Матерь **Божья (Божия)).***

Неинициальные АК реализуют свой формально-семантический потенциал, воплощаясь в системе эквивалентов, или **дешифровальных стимулов** (далее – ДС). Для неинициальных конструктов А. И. Бровцом было выделено несколько типов ДС и их разновидностей (см. [1])

Чередование фонем чаще всего наблюдается в ситуации параллельной дешифровки АК через презентативный и релятивный ДС, представленные прилагательным и существительным соответственно, что особенно характерно для композитных аббревиатур: ***аптеко****управление* – ***аптечное*** *управление* (презентатив, прил.), *управление* ***аптек*** (релятив, сущ. в Р.п. мн.ч.); ***Богоматерь*** *–* *Матерь* ***Божия (Божья)*** (презентатив, прил.); *Матерь* ***Бога*** (релятив, сущ. в Р.п.) и т.д.

Различия морфемного характера обычно обусловливаются спецификой эквивалента АК, который обнаруживает фонемные отличия от остальных ДС в гнезде эквивалентности (перечне всех актуальных расшифровок ССС в языке).

3. Деривационно обусловленные: один из компонентов словосочетания заменяется при универбализации стереотипной формой соответствующего ему в языке АК (*`военный, войсковый`, `воинский` > АК воен-, воен-*; *`валковой`, `вальцевый`, `вальцовочный`* > АК *вальц-* и т.д.), например, ***войсковая*** *часть* – ***воен****часть*; ***воинский*** *учёт* – ***воен****учет;* ***валк****овая машина* – ***вальц****машина*. Данные различия кроются уже в специфике абброконструкта, а не его эквивалента.

Случаи, когда форма АК не выводится непосредственно из формы эквивалента, свидетельствуют о морфематизованности неинициальных АК как языковых единиц. В частности, АК может быть использован в процессе деривации в качестве словообразовательной морфемы (или **абброморфемы**), то есть присоединяться непосредственно к слову, как, например, в ССС *юрислингвистика.* Впоследствии у абброморфем могут возникать мотивационные связи с лексическими единицами, которые осознаются как их синхронные эквиваленты, например *юрис – юридический (****юрис****лингвистика – **юридическая** лингвистика).* Формальные различия между АК и его синхронным эквивалентом в этом случае не связаны с историческими или фонетическими чередованиями фонем, а свидетельствуют о факте псевдоунибербализации.

Таким образом, случаи формального несоответствия АК развернутому эквивалентау дифференцированы нами в рамках графических, морфемных и деривационно обусловленных типов формальных различий. Результаты исследования также позволяют определить АК как морфематизованную языковую единицу, которая может использоваться для образования новых слов.

Список литературы

1. Бровец А. И. Базовые типы дешифровальных стимулов в гнезде эквивалентности сложносокращенного слова / А. И. Бровец // Наука и мир в языковом пространстве: сборник научных трудов II Республиканской очно-заочной научной конференции (23 ноября 2016 г., Макеевка) / редкол.: Е. В. Горохов, Н. М. Зайченко и др. – Макеевка: ДонНАСА, 2016. – С. 51–57 (http://donnasa.ru/docs/nik/nauchnye_konferencii/Sbornik_nauka_i_mir_2016.pdf).
2. Теркулов В.И. Сложносокращённые слова: синхронный и диахронный аспекты описания / В.И. Теркулов // Вестник Московского университета. – Серия 9: Филология. – 2017. – № 6. – С. 73–97.

3. Толково-эквивалентностный словарь сложносокращённых слов русского языка / В. И. Теркулов, А. И. Бровец, В. А. Рязанова, Е. А. Акулич и др.; Под ред. В. И. Теркулова; Фонд «Русский мир», ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Донецк, 2018.

УДК 81'373.611

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА «СУБЪЕКТ» АББРЕВИАТУРНОЙ ГРУППЫ «АВИА»

Халабузарь А.О.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
stebuki@yandex.ru

Введение. Работа над Толковым словарём сложносокращённых слов русского языка показала значимость ономасиологического описания семантических объединений представленных в нём единиц: ономасиологическое моделирование, с одной стороны, определяет каркас семантики лексем и поэтому позволяет сформулировать толкования их значений, а с другой – может быть использовано как шаблон прогнозирования эквивалентностных отношений «слово – словосочетание» в новых аббревиатурных группах. Цель работы – произвести ономасиологическое моделирование в пределах одной лексико-семантической группы сложносокращённых слов, объединённых тождественным препозитивным абброконструктом.

Основная часть. Объектом описания в работе являются сложносокращённые апеллятивы (СА), входящие в лексико-семантическую группу «субъект» аббревиатурной группы «авиа».

К СА относятся «слоговые аббревиатуры, состоящие исключительно из неинициальных абброконструктов», например *авиазент – авиационный брезент*, и «частично сокращённые слова, представляющие сочетание неинициального абброконструкта и полного слова», например *авиадиспетчер – авиационный диспетчер* [4, с. 32]. СА с точки зрения диахронии «создаются путём стереотипного замещения абброконструктом (сокращённым эквивалентом какого-либо слова. – А.Х.) мотивационно связанного с ним слова в словосочетании» [3, с. 104], а с точки зрения синхронии – содержат в своём составе неинициальный абброконструкт, разворачиваемый в эквивалентных текстах (текстах, в которых слово и его эквивалент употребляются как абсолютные синонимы) в полнознаменательные слова. В нашем исследовании СА рассматриваются с точки зрения синхронии. В этом случае в число аббревиатур включаются не только слова, реально возникшие в результате универбализации словосочетания (см. об этом: [2]), но и лексемы, которые создавались путём прямого присоединения абброконструкта как форманта к производящему слову, но в дальнейшем были развёрнуты во вторичное эквивалентное словосочетание в результате псевдоунивербализации,

например *авиабилет*, получившее в результате псевдоунивербализации эквивалент *авиационный билет*. Псевдоунивербализация обусловлена наличием у абброконструкта дешифровальных стимулов, под которыми понимаются «имплицитные знания, которые стимулируют возможность разного дешифрования сложного слова. В данном случае мы говорим о дешифровании как о процессе «развёртывания» сложного слова в словосочетание независимо от деривационного статуса одной единицы по отношению к другой» [1, с. 34]. В силу того, что дешифровальные стимулы развёртывания аббревиатур в эквивалентных текстах могут быть множественными (например, для абброгруппы «авиа» нами отмечается 44 дешифровальные леммы), одно и то же слово может получать несколько эквивалентов. Например, для слова ***Àвиаинспéктор*** «Должностное лицо, осуществляющее надзор за правильностью действий и выполнением законов в области *авиации*» нами отмечаются 14 дешифровок: *инспектор службы авиационной безопасности*, *инспектор по авиационной безопасности*, *инспектор авиации*, *авиационный инспектор*, *инспектор по авиации*, *инспектор по досмотру службы авиационной безопасности*, *инспектор гражданской авиации*, *инспектор авиационной безопасности*, *инспектор в области гражданской авиации*, *инспектор по авиабезопасности*, *инспектор авиакомпании*, *инспектор службы авиабезопасности*, *инспектор авиабезопасности.* Каждая из указанных дешифровок имеет свою ономасиологическую структуру, определяющую модель альтернативной интерпретации значения аббревиатуры. Например, *инспектор авиакомпании* реализует ономасиологическую структуру «субъект – посессив (принадлежность)», а *инспектор авиабезопасности* – «субъект – дестинатив (назначение)».

Ономасиологическая модель включает два компонента: ономасиологический базис, указывающий на объект номинации (в нашем случае «субъект», и ономасиологический признак – модификационный компонент, осуществляющий конкретизацию номинации. Для определения ономасиологического признака используются операторы актантных ролей.

В лексико-семантическую группу «субъект» аббревиатурной группы «авиа», объединяющую 22 аббревиатурных и 85 эквивалентных наименований, входят слова, обозначающие людей, так или иначе связанных с авиацией. Нами обнаружены следующие подгруппы и ономасиологические модели номинаций.

1. **Общее наименование субъектов, связанных с авиацией** (4): *авиаработник*, *авиалюбитель*, *авиаспециалист*, *авиаспец*. Основные ономасиологические модели:

а. Субъект – каузатив (нечто, являющееся стимулом для субъекта, причиной его статуса): *авиалюбитель – любитель авиатехники*;

б. Субъект – квалификатив (отнесённость субъекта к определённой отрасли): *авиаработник – авиационный работник*;

в. Субъект – посессив (принадлежность субъекта определённой отрасли, учреждению и т.д.): *авиаработник – работник авиапредприятия*;

г. Субъект – локатив (указание на сферу, место деятельности субъекта): *авиаспециалист – специалист в области авиации*.

2. **Субъекты, обеспечивающие работу инфраструктуры авиации** (6): *авиаагент, авиаинспектор, авиаменеджер, авиаоператор, авиапоставщик, авиачиновник*. Основные ономасиологические модели:

а. Субъект – квалификатив: *авиаинспектор – авиационный инспектор*;

б. Субъект – дестинатив (назначение, цель деятельности субъекта): *авиаагент – агент по авиаперевозкам*;

в. Субъект – посессив: *авиаменеджер – менеджер авиакомпании*;

г. Субъект – дистрибутив (объект распределения): *авиапоставщик – поставщик авиационной техники*.

3. **Субъекты, обеспечивающие работу летательных аппаратов** (8): *авиаинженер, авиадиспетчер, авиаконструктор, авиаметеоролог, авиамеханик, авиамоторист, авианаводчик, авиатехник*. Основные ономасиологические модели:

а. Субъект – квалификатив: *авиамоторист – авиационный моторист;*

б. Субъект – посессив: *авиамеханик – механик авиации*;

в. Субъект – дестинатив: *авиаинженер – инженер по обслуживанию авиационной техники*.

4. **Субъекты, использующие летательные аппараты** (4): *авиапутешественник, авиатурист, авиаинструктор, авиаспасатель*. Ономасиологические модели:

а. Субъект – квалификатив: *авиатурист – авиационный турист*;

б. Субъект – посессив: *авиаинструктор – авиационный инструктор*.

Заключение. В лексико-семантической группе «Субъект» аббревиатурной группы «авиа» нами обнаружены 4 подгруппы и 13 ономасиологических моделей наименования. В дальнейших работах мы предполагаем описать остальные лексико-семантические группы рассматриваемой аббревиатурной группы.

Список литературы

1. Рязанова В. А. Дешифровальный стимул как фактор образования мутантной группы / В. А. Рязанова // Новые горизонты русистики. – Донецк, 2017. – № 2. – С. 33-37.
2. Теркулов В. И. Универбализация: постановка проблемы / В. И. Теркулов // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 135–142.
3. Теркулов В. И. Сложносокращённые апеллятивы как автономная разновидность аббревиатур // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 1. – С. 97–112. – http://dx.doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-1-97-112.
4. Теркулов В. И., Смирнова И. Р. Абброконструкт: принципы определения и описания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2022. – № 2. – С. 28–42. – http://dx.doi.org/10.29025/2079-6021-2022-2-28-42.

УДК 811.161.1

О СИСТЕМНОМ ОПИСАНИИ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Чуриков С.А., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
churikovsa@yandex.ru

Как известно, обстоятельственные отношения реализуются на различных языковых уровнях (подробнее см., например, [1: 180-181]):

1) **На уровне словосочетания (и в сфере второстепенных членов).** Обстоятельственные отношения реализуются в словосочетании в виде следующих вариантов: временные, причинные, уступительные, целевые, определительно-качественные, количественные, сравнительные.

2) **На уровне сложного предложения и сложного синтаксического целого**. Здесь возможны те же варианты отношений, что и в составе словосочетаний, а также следственные и сопоставительные отношения.

Выражаются обстоятельственные отношения посредством подчинительной связи (показатели: предложно-падежные и иные формы слов, союзы, союзные слова) и бессоюзной связи. В случае реализации бессоюзной связи в сложном предложении с обстоятельственными отношениями могут употребляться единицы местоименного типа, функцией которых является указание не на **связь** частей данного предложения, а на тип **отношений** между ними. К их числу относятся: *поэтому, потому, из-за этого, для этого, после этого* и др. Такие единицы мы будем вслед за рядом исследователей (см. подробнее в [1], [2], [3] и др.) называть **коннекторами.**

Несмотря на то, что к настоящему времени накоплен большой объем знаний о средствах выражения обстоятельственных отношений, эта тема далека от исчерпанности. Нетрудно заметить, что большинство исследований сосредоточено на отдельных группах интересующих нас средств – предлогах, союзах, союзных словах. Работ обобщающего характера крайне мало. Мы предприняли попытку рассмотреть совокупность средств выражения обстоятельственных отношений как определенную систему.

Для этого рассмотрим таблицу, в которой на нескольких примерах мы попытались показать системный характер образования средств выражения обстоятельственных отношений разных типов.

Таблица

Предлог	**Союз**	**Союзное слово**	**Коннектор**
Из-за	Из-за того что	Из-за чего	Из-за этого (того)
Для	Для того чтобы	Для чего	Для этого (того)
После	После того как	После чего	После этого (того)

Рассматривая единицы этих четырех типов вместе, мы можем получить следующие (часто – нетривиальные) результаты. Обратимся к ним.

1. Выявляется бинарный характер обстоятельственных отношений. Все специалисты знают, что союзы *из-за того, что, в силу того, что* и их синонимы находятся с союзными словами *из-за чего, в силу чего* и их синонимами в конверсных отношениях. Указанные союзы используется при совместном описании двух ситуаций, первая из которых является следствием второй, а вторая – причиной первой. Названные союзные слова используется при совместном описании двух ситуаций, первая из которых является причиной второй, а вторая – следствием. Иными словами, мы можем говорить о двух моделях: а) «ситуация-следствие + союз + ситуация-причина»; б) «ситуация-причина + союзное слово + ситуация-следствие».

Как уже было сказано, это является общеизвестным фактом, и в любом современном учебнике по синтаксису (см., например, [4], [4]) мы встретимся с описанием двух сложно-подчиненных предложений: СПП с придаточными причины и СПП с придаточными следствия. Однако если посмотреть на *таблицу 1* внимательно, то мы можем обратить внимание на следующую закономерность. В указанных конверсивных отношения находятся не только единицы, представленные в первых двух строках, но и во всех остальных (количество которых, кстати, легко можно было бы увеличить). Если в первых двух строках представлены средства выражениях причинно-следственных отношений, то, например, в третьей строке мы сталкиваемся с другой конверсивной парой отношений – «цель – средство»: союз *для того, чтобы* используются в конструкциях, устроенных по модели «ситуация-средство + союз + ситуация-цель», а союзное слов *для чего* и коннектор *для этого (того)* употребляется в конструкциях, устроенных по модели «ситуация-цель + союзное слово / коннектор + ситуация-средство».

Аналогичным образом устроены уступительные, временные и другие обстоятельственные отношения. Из этого, в частности, следует, что мы должны выделять целый ряд новых типов придаточных: например, придаточные средства и т.д.

2. Выявляется взаимосвязь моделей образования союзов, союзных слов и коннекторов.

Выше уже было отмечено, что все четыре типа рассматриваемых единиц, выражающих обстоятельственные отношения, часто находятся в отношении регулярной производности.

Так, многие коннекторы были образованы по модели «предлог + местоимение *этот / тот*». Например: предлог *из-за* + местоимение *этот / тот* = коннекторы *из-за этого, из-за того*.

Ряд союзных слов создан по модели «предлог + местоимение *что*». Например: предлог *от* + местоимение *что* = союзное слово *отчего*.

А значительная часть обстоятельственных союзов образована по модели «предлог + местоимение *этот / тот* + союз *что* /*чтобы* / *как*». Например: *из-за того что, после того как, потому что, для того чтобы* и мн.др.

Причем сравнивая модели образования обстоятельственных коннекторов и обстоятельственных союзов, нетрудно заметить, что

последние формируются на основе первых. Ведь первые части перечисленных союзов (*из-за того, потому, после того* и др.) и являются по своему происхождению коннекторами, к которым добавляются союзы *что, чтобы* или *как.*

3. **Становится очевидной вариативность союзов, союзных слов и коннекторов.** Из приведенной таблицы также следует, что поскольку обстоятельственные союзы указанного типа состоят из нескольких частей, то некорректно говорить, например, о целевом союзе *чтобы.* Целевое *чтобы* – это всего лишь часть (усеченный вариант) полноценного союза *для того чтобы.* Первый компонент этого союза мы в целях экономии речевых усилий часто опускаем, но всегда подразумеваем:

После окончания школы я приехал в Москву, ***чтобы*** *поступать в МГУ. <= После окончания школы я приехал в Москву* ***для того, чтобы*** *поступать в МГУ.*

Кроме того, обратим внимание и на еще один лежащий на поверхности факт: некоторые из интересующих нас союзов, союзных слов и коннекторов могут быть представлены в высказываниях в нулевой форме. Достаточно упомянуть так называемые бессоюзные сложные предложения, передающие причинно-следственные отношениях. Например, мы замещаем на письме пропущенный причинный союз двоеточием, а отсутствующий коннектор со значением следствия – тире:

Вдруг потемнело: набежали на солнце тучи <= Вдруг потемнело, ***потому что*** *набежали на солнце тучи.*

Шел дождь – не мог я прийти <= Шел дождь, ***поэтому*** *не мог я прийти.*

Из сказанного можно сделать вывод, что союзы в высказываниях могут быть представлены в трех вариантах: полном, усеченном (типа *чтобы*) и нулевом, а коннекторы и союзные слова – в полном и нулевом.

Таким образом, попытка целостно и системно взглянуть на средства выражения обстоятельственных отношений приводит к ряду интересных результатов, которые заставляют задуматься о корректировке целого ряда устоявшихся в синтаксической науке трактовок.

Список литературы

1. Ломов А. М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка / А. М. Ломов. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 416 с.
2. Данилевская Т. А. Соединительные и противительные отношения в русском сложном предложении: дис. канд. филол. н. / Т. А. Данилевская. – Воронеж, 2008. – 20 с.
3. Чуриков С. А. О «Словаре коннекторов русского языка» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы IV Конгресса РОПРЯЛ, проходящего в рамках I Педагогического форума «Русский язык в современной школе». Сочи, 01-02 ноября 2014 г. Т.1. Направление 1. Русский язык: актуальные аспекты исследования / С. А. Чуриков. – Спб, 2014. – С. 210-213.
4. Валгина Н. С. Современный русский язык: Синтаксис: учебник/ Н. С. Валгина. – 4-е изд., испр. – М.: Высш. шк., 2003. – 416 с.
5. Синтаксис современного русского языка: учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / [Г. Н. Акимова и др.]. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. – 430 с.

Русский язык. Актуальные проблемы лингворусистики Подсекция 1

УДК 372.46

РОЛЬ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР В РАЗВИТИИ РЕЧИ

Бабенко Н.А., канд. пед. наук, доц., ***Рабчун Д.В.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
skurnaygina@mail.ru

Введение. Развитию речи у детей необходимо уделять особое внимание. К трем годам малыш должен уметь строить фразы и простые предложения из нескольких слов. Игра является важной составляющая жизни любого ребенка. С ее помощью дети усваивают социальные отношения, познают окружающий мир, перенимают жизненный опыт, а также учатся говорить. Речевые навыки сами по себе не появляются: с малышом нужно разговаривать, побуждать его делиться впечатлениями с помощью односложных предложений. Развитие речи хорошо поддается игровым приемам, когда взрослые через игру стимулируют разговорчивость малыша. Давайте посмотрим на примерах.

Основная часть. Развитие речи происходит путем регулярного общения и подражания. К сожалению, далеко не все родители уделяют достаточное внимание общению со своими детьми из-за своей занятости на работе или в силу непонимания необходимости регулярного общения с ребенком.

Дефицит общения приводит к различным речевым проблемам, которые приводят к сложностям при обучении в общеобразовательном учреждении.

К таким проблемам относятся:

- примитивность фраз;
- скудный словарный запас;
- недостаточное использование литературных слов и выражений;
- проблемы при пересказе прочитанного или услышанного;
- недостаточно эмоциональная окраска речи, неумение пользоваться интонацией;
- проблемы с дикцией.

Дидактические игры – это игры обучающего характера, с помощью которых можно обогащать словарный запас детей.

Дидактические игры развивают речь детей: пополняется и активируется словарь, формируется правильное звукопроизношение, развивается связная речь, умение правильно выражать свои мысли.

Дидактические задачи многих игр составлены так, чтобы научить детей составлять самостоятельные рассказы о предметах, явлениях в природе и в общественной жизни. Так развивается монологическая речь ребёнка. Так же они используются для закрепления словаря детей, культуры поведения, навыков общения.

Дидактические игры способствуют:

- пополнению словарного запаса ребенка;
- умению выражать свои мысли;
- формированию правильного звукопроизношение слов;
- развитию связной речи;
- формированию более глубоких знаний, научить детей выбирать правильные решения;
- укреплению познавательного интереса, который обеспечивает базу для получения новых, более глубоких и полных знаний;
- побуждению воспитанников к настойчивости и целеустремленности;
- формированию умения использовать разнообразные способы связи предложений в тексте;
- обучению самостоятельному высказыванию мыслей;
- обогащению словарного запаса, научить их грамотно строить речь;
- формирование у ребенка понимания смысла слова.

Цели и задачи дидактической игры разнообразны, они зависят от возраста детей, уровня их развития. И воспитателю важно понимать, какими умениями и навыками необходимо овладеть воспитанникам в данный момент времени, какие мыслительные операции освоить.

Необходимо соблюдать определенные требования к дидактическим играм:

1. Каждая игра должна давать упражнения для умственного развития детей.

2. В дидактической игре обязательно наличие увлекательной задачи, решение которой требует умственного усилия, преодоления некоторых трудностей.

3. Дидактизм в игре должен сочетаться с юмором, шуткой, занимательностью.

Виды дидактических игр:

1. Игры с предметами (игрушками**).**

2. Настольно-печатные игры.

3. Словесные игры.

До возраста 7-8 лет дети очень хорошо воспринимают и запоминают новые слова. Поэтому очень важно сделать всё возможное, чтобы начать развитие речи у детей в самом начале их жизненного пути. Для этого и нужны дидактические игры и упражнения для развития речи детей, помогающие знакомить малыша с новыми словами, учить его обдумывать их и вместе с тем запоминать.

Немаловажная роль в дидактических играх принадлежит игровому действию. Игровое действие – это проявление активности детей в игровых целях: катать разноцветные шары, разбирать башенку, собирать матрешку, перекладывать кубики, отгадывать предметы по описанию, отгадывать, какое изменение произошло с предметами, расставленными на столе, выиграть соревнование, выполнить роль волка, покупателя, продавца, отгадчика и т. д. Благодаря наличию игровых действий дидактические игры, применяемые на занятиях, делают обучение более занимательным, эмоциональным, помогают повысить произвольное внимание детей, создают предпосылки к более глубокому овладению знаниями, умениями и навыками.

Проведение дидактических игр не требует особых знаний в области педагогических наук и больших затрат в подготовке игры. Одна из главных задач подобрать такие варианты игры, чтобы вызвать у детей интерес к играм со словом.

Необходимо достаточно времени уделять звуковому восприятию слова, формировать фонетический и речевой слух ребёнка. Для развития фонетико – фонематической стороны речи проводятся такие игры, например, как «Поиграем в сказку», «Испорченный телефон», «Светофор», «Повтори», где требуется найти картинку и четко произнести звукосочетание, правильно передать звучание слова соседу, выбрать слово, которое по звуковому составу не похоже на остальные три и т. д.

Заключение. Таким образом, дидактические игры способствуют интенсивному совершенствованию речевой деятельности детей. Именно в ходе игры выстраивается система взаимоотношений дошкольника с внешним миром, развиваются психические функции, среди которых речь занимает основное место. Данные игры являются целенаправленной творческой деятельностью, в ходе которой учащиеся более глубоко и ярко узнают о явлениях окружающей действительности и познают окружающий мир.

Список литературы

1. Ворошилова Е. Л. Коррекционно-развивающая работа по совершенствованию потенциальных понятий у младших школьников [Текст] / Е. Л. Ворошилова, А. Ю. Дымкова // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2020. – №4. – С. 14-26.
2. Мурашова И. Недостатки повествовательных навыков у детей с речевой патологией [Текст] / И. Мурашова // Дошкольное воспитание. – 2020. – №1. – С. 79-86.
3. Галасюк И. Н. Основы коррекционной педагогики и коррекционной психологии. Кураторство семьи особенного ребенка: учеб. пособие для СПО / И. Н. Галасюк, Т. В. Шинина. – М.: Юрайт, 2019. – 179 с.
4. Шашкина Г. Р. Логопедическая ритмика для дошкольников с нарушениями речи. – М.: Юрайт, 2020. – 216 с.
5. Шевцова Е. Е. Технологии формирования интонационной стороны речи: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / Е. Е. Шевцова, Л. В. Забродина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – 189 с.

УДК 811.161.1

РУССКИЙ ЯЗЫК – ОБЪЕДИНЯЮЩАЯ СИЛА

***Бессарабов О.В.*[1], *Бессарабова Ю.В.*[2]**
[1]МБОУ «Школа № 150 города Донецка», г. Донецк, ДНР
[2]МБОУ «Школа № 126 города Донецка», г. Донецк, ДНР
bessarabovayulia@mail.ru

Введение. Современная пресса, телевидение и социальные сети не всегда положительно влияют на нашу речь. Сколько «засоряющих» слов мы услышим за просмотр телевизионной рекламы? Кто из вас не удержится прочитать, что в очередной раз случилось в Голливуде, пусть даже статья написана без соблюдения литературных норм? Да, искушение очень большое, но чем каждый из нас готов пожертвовать ради языка, на котором он говорит, думает, мечтает...?

Так что же такое язык? Индикатор патриотизма, инструмент манипуляции политиков или личное дело каждого гражданина Республики? К сожалению, в современном мире язык стал предметом агрессии, поэтому русскому языку, как одному из мировых языков, нужно стать средством объединения общества, который будет держать баланс и толерантность, учить уважать мнение, традиции и культуру.

Тысячелетняя духовная культура, жизнь русского народа своеобразно и неповторимо отразились в русском языке, в его устной и письменной формах, поэтому культура языка и культура слова представляют неразрывную связь многих и многих поколений. Особую, консолидирующую роль играет русский язык сейчас. Именно он объединяет мировое сообщество, учит вести диалог, слушать и уважать друг друга, являясь своеобразным мерилом идентичности великой русской души. Среди разновидностей русского языка четко выделяется русский литературный язык. Он справедливо считается высшей формой национального языка. Эта форма выделяется тем, что в ней есть определенные нормы. Норма утверждается и поддерживается речевой практикой культурных людей, в частности, писателей, черпающих сокровища речи из языка народа.

Основная часть. Можно выделить несколько наиболее примечательных и существенных процессов, которые влияют на развитие русского языка.

Во-первых, это жаргонизация литературной речи. Для нашего времени характерно вхождение в публичную жизнь таких слоев и групп, представители которых в своих привычках и пристрастиях связаны с разного рода жаргонами и другими формами нелитературной речи. Кроме того, превратное понимание демократии и свободы как в общественно-политической сфере, так и человеческих отношениях потворствует проникновению в традиционные средства литературного языка лексики

социально непрестижной среды (преступной, просто малокультурной). Во-вторых, усиление процесса заимствования иноязычных слов. Для развития каждого естественного языка характерен процесс заимствования слов из других языков. Но, вместе с тем, и к самому этому процессу, и в особенности к его результатам носители языка, как правило, относятся с изрядной долей подозрительности и осторожности. На данном же этапе развития русского языка преобладает очень терпимое отношение к заимствованию новых иноязычных слов. В-третьих, использование русского языка как политического инструмента. Нет необходимости пояснять вложенный смысл в эти слова, в окружающей нас действительности много им подтверждений. К сожалению, сегодня мы становимся свидетелями вопиющих нарушений в области языковой политики. Недопустимо использование любого языка для проявления неуважения к правам людей, неуважения к мнению и выбору другого человека, навязывания своей воли окружающим. Л. Н. Толстой говорил: «Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти».

В свою очередь, правила речевого поведения регулируются речевым этикетом сложившейся в языке и речи системой устойчивых выражений, применяемых в ситуациях установления и поддержания контакта. Речевой этикет охватывает собой все, что выражает доброжелательное отношение к собеседнику, что может создать благоприятный климат общения. Если человек не допускает ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в их образовании и построении предложений, его речь правильна. Но этого недостаточно. Речь может быть правильной, но не соответствовать целям и условиям общения. В понятие хорошей речи включаются, как минимум, три признака. Это богатство, точность и выразительность. Показателями богатой речи являются большой объем активного словаря, разнообразие используемых морфологических форм и синтаксических конструкции. Точность речи – это выбор таких языковых средств, которые наилучшим образом выражают содержание высказывания, раскрывают его тему и основную мысль. Выразительность создается с помощью отбора языковых средств, в наибольшей мере соответствующих условиям и задачам общения. Практически ежедневно мы ощущаем, что живём в новом мире, но абсолютно не понимаем, что бессмыслица идей и словесная безвкусица портят многие благие намерения. В сознании каждого человека (от ребенка до государственного деятеля) должна присутствовать мысль, что через язык может вырождаться человек. Получается так, что слова-паразиты, варваризмы, слоганы, пришедшие упростить высказывание, исказили русскую речь и до неузнаваемости изменили истинное значение слова.

Формирование литературного языка в определенной степени повлияло на образование и других разновидностей, как, например,

публичного. Это в большей степени отразилось на детях. Они читают книги, ходят в школу, общаются с учителями, но многие из них отчетливо понимают, что в действительности их встретит новый мир, в котором можно говорить таким языком, который тебе нравится.

Заключение. К сожалению, мы отучаемся от красоты слова, как отвыкаем от красоты и обустроенности своего дома, от красоты напевной русской мелодии, традиционного обряда... Но это неправильно! Мы очень долго разбрасывали родные камни, не заботясь о будущем. Приходит время их собирать. Экология языка и – шире – экология культуры становится одной из актуальнейших задач современности. Для этого нужно следить за своей речью, чтобы не допускать ошибок в произношении, в употреблении форм слов, в построении предложений. Нужно постоянно обогащать свой словарь, учиться чувствовать своего собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и конструкции. И тогда будет возможность «вылечить» русский язык, сделать лучше «экологию» русской литературы, достигнуть высшей формы культуры общения и речевого этикета. Если изменится «экология» литературы, то это повлияет на общество. Именно язык находится в вечном движении, потому что на его носителей постоянно действует множество самых различных факторов, ведь язык формировался много веков, и в течение столетий сможет измениться. Многовековая история русского языка свидетельствуют о том, что он не просто лингвистическая система, одна из многих, он жизнь, освещённая божественным светом. В нём мировая правда, миссия русской нации, что подтверждают слова И.С. Тургенева: «…Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Русский язык невозможно победить, как невозможно это сделать с многонациональным народом, живущим на Донбассе!

Список литературы

1. Ахманова А. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1969.
2. Белик Э. В., Музычук С. В. 800 современных сочинений по русской и мировой литературе для 5-11 классов. – Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2003. – 846 с.
3. Вартаньян Э. А. Путешествие в слово. – М.: Просвещение, 1987.
4. Колесов В. В. Культура речи – культура поведения. – Лениздат, 1988.
5. Розенталь Д., Теленкова М. Словарь-справочник лингвистических терминов. – Г., 1985. – 271 с.
6. Русский язык конца XX столетия. Сб. научных статей // Под ред. Е. А. Земской. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000
7. Филологические исследования. Сборник научных работ. – Вып. 2. – Донецк: Юго-восток, 2000.
8. Юсупова Ф. М. О межпредметных связях в преподавании русского языка / Ф. М. Юсупова // Academic research in educational sciences. – 2021. – №4. – С. 182-185.

УДК 811.161. 1*27

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ДОНЕЦКОГО ВОЕННОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Бурляй А.С.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
anna.burlyai@mail.ru

Российское информационное пространство и формируемый в его пределах медиадискурс с началом проведения специальной военной операции были существенно дополнены и, как следствие, трансформированы под воздействием текстов, созданных военными корреспондентами. При этом особую популярность приобрели персональные блоги военкоров, размещенные в мессенджере Telegram. Они выступают в роли своеобразного дополнения публикаций, размещаемых журналистами в медиа, где они работают, а также служат неформальными каналами для распространения личного мнения военкоров. В свою очередь, это расположило аудиторию к таким ресурсам, позволило установить доверительные отношения между телеграм-каналами военных корреспондентов и их аудиторией.

Учитывая, что «виртуальный дискурс новых медиа существует как совокупность всех текстов, созданных в его пределах» [5, с. 77], мы, с одной стороны, берем во внимание особенности функционирования языковой личности в виртуальном дискурсе, а с другой, определяем специфику функционирования отдельных ее типов в ограниченных дискусом рамках. В то же время «языковая личность журналиста выступает в качестве субъекта, анализировать который необходимо, выделяя три уровня: вербально-семантический, когнитивный и прагматический». [2, с. 192] Чтобы глубже понять сущность процессов, происходящих внутри языковой личности, следует охарактеризовать используемую ею лексику, коммуникативное пространство, в котором она функционирует, а также систему прагматических установок и мотивов речевой деятельности.

В отношении военных корреспондентов, действующих в Донбассе, следует заметить, что их можно условно поделить на тех, кто работают в рамках командировки, постоянно не проживая в пределах проведения СВО, а также тех, кто выполняют свои профессиональные обязанности и являются жителями Донбасса. Для нашего исследования данное деление немаловажно, так как, во-первых, «человек формируется своим окружением, которое, несомненно, несёт в себе „региональное сознание“, те ценностные „вехи“, которые определены жизнью региона» [4, с. 123], а, во-вторых, через вариант языка отдельного человека или группы людей «выявляются не только социально-этнические признаки продуцента, но и

ментальность, национально-культурная сущность индивида, а у представителя того или иного региона – региональная специфика его мировидения» [3, с. 398]. Поэтому в нашем исследовании мы рассмотрим особенности функционирования языковой личности донецкого военного корреспондента на примере Дмитрия Астраханя. Материалом исследования являются авторские посты, размещенные в телеграм-канале «Военкор Астрахань» (45 000 подписчиков) – персональном блоге указанного донецкого военкора.

Для установления специфики реализации коммуникативных потребностей языковой личности донецкого военкора следует придерживаться следующей их классификации:

1. Контактоустанавливающая – необходима автору сообщений для повышения эффективности восприятия аудиторией его информационных продуктов.
2. Информационная – направлена на донесение содержания транслируемых сообщений.
3. Воздействующая – связана с намерением сформировать заданное отношение аудитории к событиям и фактам, стимулировать активность реципиентов. Заметим, что «в основе производимого воздействия лежат прагматические установки автора. Их определение возможно посредством исследования результатов речевой деятельности языковой личности журналиста» [1, с. 76].

Проанализировав авторские сообщения в телеграм-канале «Военкор Астрахань», можно сделать следующие выводы о характере реализации коммуникативных потребностей донецкого военкора:

- Контактоустанавливающая потребность реализуется в **реакции на сообщения медиадискурса**, в котором функционирует языковая личность. Большинство проанализированных авторских публикаций являются своеобразным ответом на сообщения других военкоров и блогеров. В отношении прагматики данных постов заметим, что мотивация языковой личности может быть разной: автор или дополняет написанное своими коллегами, или вступает с ними в дискуссию, или подтверждает опубликованное и призывает своих подписчиков ознакомиться с контентом.

Также важно отметить **подачу сообщений от первого лица**. Например: «*Заметьте, я не говорю, что это хорошо, но у них именно так. И с 14го, и сейчас*» (прим. – тут и далее сохранены авторская орфография, грамматика, лексика, синтаксис и пунктуация) или «*Я вот, например, не без того, что предупреждал. Но тогда весело было считать, что у меня просто не хватает русского духа и патриотизма*» или «*Я предлагал, просто на секунду, поверить американцам, что они и правда, собираются делать именно то, о чем говорят*».

- Информационная потребность в первую очередь связана у языковой личности донецкого военкора с **привязкой к актуальным**

событиям. То есть журналист в первую очередь выполняет свои прямые обязанности: сообщать аудитории актуальную информацию, объяснять происходящие события. Для подтверждения фактов Дмитрий Астрахань **использует фото и видео**. При этом сопровождающий их текст максимально информативный и фактически точный. Например: «*Кировский район Донецка, женщина погибла при прямом попадании в дом*. [Фото]», «*МИ-28 над Ростовом* [Фото]» или «*Сапёры 11 полка армии ДНР ликвидируют обнаруженные боеприпасы. В полном качестве* [Видео]».

Заметим, что указанием на экспертность языковой личности донецкого военкора является **использование военного жаргона**: «*уничтожать Гепарды из пулемёта*», «*окопаная ЗСУ*» или «*Те кто рассказывает о преимуществах ХБшки ходят в мембранах*».

- Воздействующая потребность языковой личности донецкого военкора реализуется в ряде приемов и средств. К наиболее частотным из них следует отнести: **иронический контекст подачи сообщений** (*«„Военный эксперт“ Баранец мог бы сказать это военкорам и в лицо, если бы бывал в тех местах, где бывают военкоры. Заодно, мог бы проверить и свои военные теории и экспертные суждения на практике. Но... Он там не бывает*», «*Восемь лет Слепакову всё нравилось, а теперь почему-то нет*» или «*Расходимся, Онищенко сказал, что аптечка уставная нормальная, её более чем достаточно. Даже при том, что эта аптечка стала меньше, чем была в 80-ые...*»), **использование коннотативно-окрашенной и обсценной лексики** («*Илон Маск продолжает рвать шаблоны в твиттере*», «*А вот и Кристофер Донахью нарисовался в ситуации вокруг Украины*» или «*Так что бегущие комики гавно не то, чтоб по нашим внутренним российским стандартам. Они гавно и по их любимым американским стандартам, даже в большей степени.*»), **риторических вопросов** («*Может дело не в том, что "брат убивает брата", как он читает, а в том, что его братьев укров, убивают?*», «*Ну и как с точки зрения сегодняшнего дня, сильно опозорились американцы в Афганистане? Похоронили там свой статус сверхдержавы?*»), **категорических высказываний в критических сообщениях** («*Мы давно проиграли информационную войну, полностью*», «*Опыт противника необходимо изучать и разбираться в его модели поведения*» или «*Надо не валить все вопросы в одну кучу, и подходить к их обсуждению и решениям системно*»).

Таким образом, коммуникативные потребности языковой личности донецкого военного корреспондента реализуются благодаря реакции на сообщения медиадискурса, подаче сообщений от первого лица, привязке к актуальным событиям, использованию фото и видео, военного жаргона, коннотативно-окрашенной и обсценной лексики, ироническому контексту подачи сообщений, риторическим вопросам и категорическим высказываниям в критических сообщениях.

Список литературы

1. Бурляй А. С. Репрезентация прагматического уровня языковой личности журналиста ДНР в заголовках телевизионных сюжетов / А. С. Бурляй // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции, Донецк, 17–18 ноября 2020 года / под общей редакцией С. В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2020. – С. 76-78.
2. Бурляй А. С. Средства речевого воздействия языковой личности журналиста Донбасса в интернет-дискурсе / А. С. Бурляй // Русский язык в поликультурном мире: Сборник научных статей V Международного симпозиума, включенного в программу Международного фестиваля "Великое русское слово". В 2-х томах, Симферополь, 08–12 июня 2021 года / Отв. редактор Е. Я. Титаренко. – Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2021. – С. 191-195.
3. Курмакаева Н. П. Региональная составляющая в идиолекте языковой личности поэта Донбасса / Н. П. Курмакаева // Русские традиции бытовой лингвокультуры в славянском пограничье: Научные доклады участников Международного научно-просветительского форума, Новозыбков, 17–20 мая 2022 года / Редколлегия: С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтов, С. М. Пронченко. – Брянск: Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского, 2022. – С. 398-403.
4. Теркулов В. И. Региональная дискурсивная языковая личность / В. И. Теркулов // Универсальное и специфичное в вербальных традициях народов современной России: Тезисы Всероссийской научной конференции с международным участием, Новосибирск, 11–15 октября 2021 года. – Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Академиздат", 2021. – С. 122-124.
5. Якель А. О. Речевой жанр "агрессивный комментарий" как коммуникационный инструмент в виртуальном дискурсе новых медиа / А. О. Якель // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 3. – С. 76-80.

УДК 81’42

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ

Выркова Н.А., Гладкая Н.В., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
vyrikovaaa@mail.ru

Введение. Важность исследования массмедийной культуры и новостного дискурса в частности определяется его влиянием на информационную картину мира, которая формирует определенное общественное мнение, а также оказывает влияние на становление языковой личности реципиентов. Для того чтобы информация благотворно влияла на целевую аудиторию редакторы новостных программ соблюдают заранее выстроенный структурный порядок информационных блоков. Коммуникация напрямую зависит как от «образа адресата», так и от целевой и прагматической постановки коммуникантов. Таким образом, можно утверждать, что коммуникативная стратегия диктует речевое поведение.

Основная часть. Коммуникативные стратегии реализуются в коммуникативных структурах предложений. Пример коммуникативного значения, которое имеете регулярное выражение в языках разных типов это намерение говорящих выступать с сообщением, задавать вопросы, обращаться с просьбой или командой. Лингвист В.С. Анохина, рассматривая коммуникативную стратегию, трактует её так: «Выбор определенной линии речевого поведения в конкретной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [1, с. 66]. Т.Е. Янко определяет коммуникативную стратегию как «подбор адресантом определенного коммуникативного намерения, сортировка большого количества информации по тем или иным коммуникативных элементов в тексте» [3, с. 348]. Для того чтобы информация благотворно влияла на целевую аудиторию редакторы новостных программ соблюдают заранее выстроенный структурный порядок информационных блоков.

Наиболее распространенным в современной лингвистике считается разделение коммуникативных стратегий на конфронтационные и неконфронтационные (кооперационные). Конфронтационные стратегии направлены на развитие и формирование остроконфликтных условий. Эти стратегии ориентированы на то, чтобы, действуя активно и самостоятельно, коммуникатор добивался личных целей, не обращая внимания на мировоззрение и интересы партнера по речевому акту. Чаще всего эта стратегия представлена в трех своих вариантах: дискредитация, призыв и угроза. В то же время она характеризуется фактом агрессии, а манипуляция выступает в качестве одного из главных средств выражения этой стратегии. При этом агрессия подразумевает демонстрацию оппоненту безгранично негативного отношения как протест на предыдущие действия собеседника, тогда как второй вариант предполагает урегулирование действием, поведением или собственным мнением собеседника, навязывание ему собственной позиции по тому или иному вопросу. В итоге конфронтационные стратегии используют в ситуациях, когда с собеседником преднамеренно идут на конфликт, что изначально предусмотрено планом акта общения. Неконфронтационные или кооперативные стратегии подразумевают приобретение собственных целей, однако в этой стратегии обязательно сохраняется баланс между интересами обоих сторон, что учувствуют в коммуникации. Данные стратегии противоположны конфронтационным, потому что направлены на поиск компромиссного решения и используют более «мягкие» методы и тактики. В этих стратегиях следует выделить формы их реализации: содействие и призыв. В подобных переговорах преобладают диалоги с ожиданием ответа инициатора диалога, позволяющие учесть мнение собеседника по конкретному вопросу, что ослабляет способ взаимодействия. В целом коммуникативные стратегии, представляют собой совокупность речевых действий, направленных на решение конкретных коммуникативных задач, реализующихся посредством ряда коммуникативных тактик.

Наиболее частотные коммуникативные тактики:

1. *тактика анализ «минус»,* когда сообщение коммуникатора носит крайне неблагоприятный негативный характер, при этом вы испытываете негативные эмоции по отношению к событиям, описываемым латентно с помощью предпочтительно лексических языковых средств. Стратегия используется, как правило, в политических дебатах по дискредитации политического оппонента;

2. *тактика обвинения* – приписывает вину определенному лицу. Эта тактика подразумевает разоблачение оппонента, которое обычно осуществляется при использовании лексем с негативной коннотацией. Один из вариантов использования стратегии – это бесхарактерное обличение, когда коммуникатор не называет напрямую своего противника, а лишь ориентирует на него, используя неопределенно-личные предложения и определяющие слова;

3. *тактика побуждения* используется для призыва к действию, к принятию определенной точки зрения, убежденность адресата поступить выгодным для адресанта образом. Типично использование местоимения «мы», что позволяет адресату чувствовать причастность;

4. *тактика кооперации* – это призыв к мировоззрению и ценностям адресата с целью использования его в собственных интересах, такая тактика способствует установлению баланса в отношениях касающихся коммуникатора – реципиента;

5. *тактика предупреждения* предостерегает адресата от выполнения каких-либо действий, которые могут нанести вред его репутации или текущему положению дел;

6. *тактика провокации* является своеобразным толчком к действию, которое приведёт к негативным последствиям. Тактика предполагает обращение адресанта к запрещённым темам, отказ от общечеловеческих ценностей и отклонение от норм поведения;

7. *тактика очернения* создаёт преднамеренное принижение, когда выставляются напоказ слабые или отрицательные стороны оппонента. Например, грубая насмешка с целью испортить авторитет оппонента и лишить его доверия людей. Изредка тактика может быть использована в качестве демонстрации привлекательности и невинности на фоне оппонента.

Заключение. Таким образом, в современной лингвистике существуют разнообразные подходы к определению понятия коммуникативной стратегии, что обусловливает многообразие их классификаций. В то же время это связано с функционированием стратегий в разных сферах дискурса (рекламный, политический, интернет-коммуникация и т.д.). В целом, коммуникативная стратегия подразумевает совокупность речевых и неречевых средств, используемых для реализации коммуникатором определенной цели и направленных на собеседника в ситуации общения. С другой стороны, – это комплекс тактик, тщательный подбор которых

обеспечивает успех коммуникации и позволяет говорящему умело управлять не только актом общения, но и иногда мнением своего собеседника.

Список литературы

1. Анохина В. С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – № 56. – С. 64-71.
2. Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии русской речи / Т.Е. Янко. – М.: ЯСК, 2001. – 348 с.

УДК 81’42

МЕМ КАК ОСОБЫЙ ВИД ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АКТИВНОГО ТЕКСТА В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Гладкая Н.В., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
Nata.gladkaya25@yandex.ru

Активное развитие Интернета и социальных сетей в последнее десятилетие способствует формированию нового типа общения – интернет-коммуникации, направленному на визуальную составляющую текстов. Традиционно интернет-связи реализуются тремя путями: текст, визуальная информация и креолизованные формы. Активный рост визуальной информации в Интернете вызвал широкий интерес ученых-лингвистов к паралингвистическим средствам сопровождающим интернет-тексты. Наиболее продуктивны в Сети креолизованные тексты (тексты, объединяющие вербальный и невербальный компонент) преимущественно комического характера, т.к. комизм позволяет избежать агрессии, перевести спорные темы в шутку, а анонимный характер публикаций позволяет авторам чувствовать себя защищенными от нападок и критики других пользователей.

Учитывая инстант-характер современной культуры, (направленность на ускоренное восприятие и передачу информации) интернет-мемы становятся идеальными проводниками культуры, возникающими непредсказуемо и вирусно распространяясь в Интернете. Мемы содержат в себе и передают в сжатом виде только культурно значимую информацию. Данный феномен проявляется как реализация творческого потенциала пользователей социальных сетей и реакция на значимые изменения в обществе. Культуросодержащий характер мемов позволяет считать их прецедентными текстами, а для корректного декодирования подобных текстов пользователям необходимо обладать определенным культурным фоном.

Отправной точкой в исследовании теории мемов являются труды Р. Докинза, который рассматривал данное явление с точки зрения биологических аналогий: «Примерами мемов служат мелодии, идеи,

модные словечки и выражения, способы варки похлебки или сооружения арок. Точно так же, как гены распространяются в генофонде, переходя из одного тела в другое с помощью сперматозоидов или яйцеклеток, мимы распространяются в том же смысле, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [2, с. 189]. Работа Р. Докинза стала важным этапом для исследования теории мемов и расширения идеи репликации у других авторов. Р. Броуди рассматривает мем как некую репрезентацию знаний, образ необходимый для того, чтобы у людей «возникло большее количество его копий», а сами мемы представляются репликаторами, воспроизводящими процесс мышления [1, с. 127]. Ю.В. Щурина учитывает носители интернет-мемов: 1) текстовый мем; 2) мем-картинка; 3) видео-мем; 4) креолизованный мем, но аудио-мемы в этой классификации не учитываются [3, с. 165]. Перспективность исследования теории интернет-мемов обуславливается, прежде всего тем, что мемы передают значимую для общества информацию в сжатом виде, объединяя в себе текстовый и иконический компоненты, важную роль играет аффективная функция, т.е. воздействие на эмоциональное состояние реципиента, желание передать чувства, эмоции, также при восприятии мема активизируются различные когнитивные механизмы: фокусирование, диссонанс, инференция и др.

Семантика интернет-мемов вызывает особый интерес, т.к. благодаря этой категории можно рассмотреть принцип декодирования заложенной в мемах информации. Важно понимать, что из-за креолизованного характера мемов, процесс расшифровки значительно усложняется, т.к. вербальная и иконическая составляющие образуют особые семантические связи и при взаимодействии формируют уникальную семантику мемов, поэтому уместно рассматривать смысл интернет-мема в индивидуализированной речевой ситуации.

В нашем исследовании мы рассматриваем смыслосодержание мемов с точки зрения типологии дихотомий с учетом таких признаков:

1) источник мема – дихотомия *истина-ложь,* учитывает функционирование истинных, естественно созданных мемов и форсированных, т.е. мемов, созданных для воздействия на аудиторию с коммерческой, политической или др. целью;

2) требующий отражения объект реальности – дихотомия *персонаж-событие,* учитывает наличие в мемах конкретного образа или легкоузнаваемого персонажа со своей историей, смыслом и ярко выраженной эмоцией, текстовый компонент в подобных мемах усиливает воздействие на пользователей и делает мем более понятным для восприятия и декодирования;

3) апелляция к уровню включенности в культуру – дихотомия *традиция–инновация,* учитывает наличие у реципиентов определенного культурного, исторического фона, а также возрастных, социальных особенностей, в противном случае мем не достигнет нужного эффекта и это приведет к коммуникативной неудаче;

4) смысловые доминанты – дихотомия *фон-фигура* реализуется через образы конкретных персонажей, выразителей культуры со сформировавшимся образом, значением и смыслом;

5) форма отображения – дихотомия *изображение-текст,* выражается в креолизации мема, т.е. подпись к иконической части может реанимировать уже существующий или забытый мем;

6) эффект воздействия – дихотомия *мысль-действие,* учитывает и мемы, которые подталкивают пользователей к конкретным эмоциям, и мемы-флешмобы, которые призывают пользователей социальных сетей повторить слово, действие и проч.

Учитывая эту классификацию, можно описывать любой интернет-мем и его воздействие на реципиента.

Таким образом, интернет-мем как креолизованный продукт и паралингвистически активный текст включает в себя различные семиотические коды, обладает высоким коммуникативно-прагматическим потенциалом, повышает уровень требований к коммуникативной компетенции участников общения. Исследование семантики интернет-мема является актуальным и перспективным направлением для изучения в силу тесной взаимосвязи с импликацией, когнитивным диссонансом, инференцией и требует более подробного рассмотрения.

Список литературы

1. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. / Р. Броуди. – М., 2007. – 304 с.
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. / Р. Докинз. – М.: Мир, 1993. – 318 с.
3. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Филология. 2012. – № 3. – С. 160-172.

УДК 811.161.1

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОХРАНЕНИИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РУССКОГО НАРОДА

Гордиенко В.П.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

v.gordienko@donnu.ru

Величайшее богатство народа – его язык!
Тысячелетиями накапливаются и вечно живут
в слове несметные сокровища человеческой
мысли и опыта.
Михаил Александрович Шолохов

Введение. В статье рассматривается роль русского языка в сохранении нравственных ценностей русского народа, основные тенденции

развития русского языка как национального, типичные нарушения языковых норм, проблемы культуры речи. Автор аргументирует необходимость соблюдения языковых традиций как языковой личностью, так и обществом.

Основная часть. Известно, что развитие языка тесно связано с развитием человеческого общества. Поэтому язык является неотъемлемой нравственной составляющей нации. Русский язык как родной и как язык межнационального общения приобщает человека к культурным, нравственным и гуманистическим ценностям. Поэтому одной из актуальнейших проблем русского языка является возможность влияния на тенденции его развития.

В эпоху бурных общественно-политических процессов развитие русского, как и любого другого языка, так же меняет свой темп, ритм и само содержание. То есть изменения в языке обусловлены изменениями общественно-политического характера. К сожалению, преобладают при этом негативные тенденции.

В настоящее время страницы интернета и экраны телевизоров заполонили жаргонизмы, и не только слова общего жаргона, но и арготизмы и даже нецензурная лексика. Несколько лет назад нецензурная брань в средствах массовой информации могла бы вызвать шок, если бы она там появилась.

Чуть ли не ежедневно в русской речи появляются заимствованные слова, особенно англицизмы.

Кроме изменений в лексике появились новоявленные языковые конструкции, непривычная интонация устной речи, которая затрудняет восприятие смысла высказывания. А между тем именно СМИ сейчас имеют наиболее сильное влияние на формирование узуса русскоязычного населения.

Наблюдается тенденция орализации общества, т. е. возрастание роли устной речи. Возрастает агрессивность, экспрессивность, побудительная активность речи. Причина этих явлений носит личностно-психологический характер: это страх перед неизвестностью, неуверенность в будущем своём и своих детей, государства в целом, мирового сообщества, а также реальная опасность жизни и здоровью.

На наших глазах и при нашем участии грубо нарушаются языковые традиции. Узус лишается своей «русскости», теряет чистоту, выразительность, изящность, и тем самым перестаёт выполнять свою эстетическую и этическую функции, то есть способствует разрушению нравственных ценностей русского народа.

Приведём примеры.

Большой вред русскому языку наносит молодёжный сленг. Сленг – это устный пласт речи молодёжи и подростков, поэтому он никогда не кодифицировался. Часто его использование может обидеть и даже оскорбить собеседника, особенно взрослого, так как молодежь не всегда чувствует неуместность того или иного словоупотребления.

Источниками сленговых языковых средств могут быть:

- словообразование, создающееся при помощи суффиксов, выражающих экспрессию грубости, пренебрежительности, ироничности: *кликуха, спокуха, чернуха, порнуха, чувиха (-ух, их), журналюга, общага, тюряга, деляга, , нахалюга, (-юг, -аг, -яг);*

- переосмысление нейтральных слов в сторону большей выразительности и оценочности: *«блин»*, *«круто», «норм», «тупость», «клёво», «класс»*;

- привычка использования бессмысленных слов-паразитов: *«собственно говоря», «так сказать», «стало быть», «в принципе», «в общем-то»*, «*имеет место быть*», «*получается*», «*вот*», «*понимаешь*».

Сейчас благодаря СМИ уже практически никто не защищён от засилья иностранных слов, особенно англицизмов (американизмов). Устрашающее засорение устной и письменной речи различного рода заимствованными словами, всё шире используется не только в рекламе и названиях торговых организаций, но также и в бытовом общении, и в выступлениях общественных и политических деятелей. В лексике чаще всего активно используются такие слова, как: *провайдер, бутик, модем, хит, дедлайн, худи, фрилансер и другие*.

При употреблении иностранных слов не рекомендуется употреблять иностранные слова, имеющие в языке русские синонимы: *лимитировать* вместо *ограничивать, ординарный* вместо *обыкновенный, индифферентно* вместо *равнодушно, корректив* вместо *исправление, игнорировать* вместо *не замечать*. Злоупотребление иноязычными словами – это не только неуважение к родному языку, признание его несостоятельности по сравнению с языком-донором, но и ограничение жизненного пространства для исконно русских слов и выражений. Такое отношение к родному языку само по себе безнравственно.

Среди **лексических ошибок** в современных Донецких СМИ обращают на себя внимание «укороченные» слова: зелёнка (лесопосадка), гуманитарка (гуманитарная помощь), ответка (ответная стрельба), железка (железная дорога), промка (промышленная зона), марик (Мариуполь) и др.

Такие короткие слова делают язык «простецким», будничным, снижают общий эмоциональный настрой речи.

Заключение. Таким образом, сегодня в России «общество и нация теряют ценности и нравственные ориентиры, и соответственно язык – ориентацию в поле смыслов и стилей» [2].

Как повысить роль русского языка в сохранении нравственных ценностей русского народа?

1) Необходимо уделить особое внимание культуре речи студентов, школьников и преподавателей. Так, в Донецком национальном университете (ДНР) кафедрой русского языка под руководством профессора Теркулова В. И. подготовлен к изданию Практикум по русскому языку и культуре речи «Учись говорить и писать правильно» для студентов и преподавателей вуза.

2) Не засорять родной язык заимствованными и нелитературными словами, ибо язык отображает образ жизни и образ мыслей. Частичным решение проблемы может стать употребление заимствований только в том случае, если отсутствует русский синоним.

Русский язык – не просто лингвистическая система, одна из многих, он данность, освещённая божественным светом. В нем запечатлена миссия русской нации: «…Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу» [3].

Список литературы

1. Вострикова Р. В. Русский национальный язык в современной языковой среде: актуальные проблемы и пути их решения. // «Российский государственный университет правосудия» г. Симферополь, РФ. − Международный научный журнал «Инновационная наука». – №4/2016. – С. 86-89.
2. Тайна русского слова. Заметки нерусского человека. – Даниловский благовестник. – 2009. – С. 35.
3. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Т.11. – М. – 1983. – С. 126.

УДК 80/81

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕОУРОКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО ПОСОБИЯ «УРОКИ ТЕКСТОВЕДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РЕЧИ. РУССКИЙ ЯЗЫК. 5 КЛАСС»)

Евтягина И.В.[1], Венжик Т.В.[2]

[1]Автомобильно-дорожный институт ГОУ ВПО «Донецкий национальный технический университет», г. Горловка, РФ

[2]МОУ «Школа № 25 с углубленным изучением отдельных предметов», г. Горловка, РФ

irina.evtyagina@mail.ru, tvenjik@mail.ru

Введение. Современная система образования ставит задачу освоения учащимися конкретных предметных знаний и формирования универсальных учебных действий, которые обеспечивают компетенцию «научить учиться». Все большая роль отводится методам активного обучения, самообразованию, дистанционным образовательным программам, что чаще всего предполагает использование обучающимися интерактивных электронных курсов.

В дистанционном формате обучения в 5 классе мы использовали электронное пособие для дистанционного обучения и самообразования обучающихся «Уроки текстоведения и развития речи. Русский язык 5 класс» (под ред. Мельниковой Л. В.).

Основная часть. Данный электронный методический продукт ставит целью обеспечить возможность обучающегося самостоятельно осу-

ществлять подготовку к урокам русского языка по конкретному разделу программы, в частности «Текстоведение», а также отрабатывать полученные знания, умения и навыки на уроках развития речи, которые являются логическим продолжением применения полученных теоретических знаний.

Методический аппарат пособия содержит систему вопросов, заданий и упражнений, которые соответствуют требованиям нового Государственного стандарта образования Донецкой Народной Республики. Тексты, предлагаемые для обучения, доступны для понимания детьми пятого класса и имеют четкую воспитательную направленность на морально-нравственные ценности.

В учебном пособии использованы упражнения разной степени сложности, которые способствуют формированию у пятиклассников мыслительных умений: описание, анализ, обобщение, размышление, творческий подход к анализу текста и развитие логического мышления. Задания разнообразны, много оригинальных вопросов, есть возможность сразу проверить ответы.

Видеоуроки рассчитаны на самостоятельную деятельность с интерактивным текстом. Они разделены на темы и содержат мотивационные, познавательные, практические материалы для усвоения школьниками теоретических знаний о языке. При этом ученик не просто визуально считывает видеоматериал, а привлекается к активному мышлению через диалог с учителем (чтецом), который организует этот виртуальный урок. Голосовое сопровождение видеоурока – это общение учителя с другом посредством поиска ответов на поставленные проблемные вопросы и выполнение практических упражнений.

Электронное пособие состоит из двух разделов:

Раздел I. «Текстоведение» состоит из 7 видеоуроков разной продолжительности:

1) Понятие о тексте – (8мин.03 сек.);
2) Разговорный стиль речи – (6 мин. 14 сек.);
3) Тип речи. Повествование – (7 мин. 31 сек.);
4) Тип речи. Описание – (5мин. 36 сек.);
5) Тип речи. Рассуждение – (7мин.02 сек.);
6) План текста – (5 мин. 31 сек.);
7) Нормы построения текста – (4 мин. 40 сек.).

Раздел II. «Развитие речи» состоит из 7 видеоуроков разной продолжительности:

1) Ситуация общения – (8 мин. 30 сек.);
2) Приемы сжатия текста – (9 мин.06 сек);
3) Художник и его творчество – (7 мин. 57 сек.);
4) Описание картины П. Кончаловского «Сирень в корзине» – (7 мин. 05 сек.);
5) Доказательство в рассуждении – (6 мин. 23 сек.);
6) Описание предмета – (7 мин. 16 сек.);
7) Невыдуманный рассказ о себе – (8 мин. 25 сек.).

Текст в видеоуроках читается от первого лица единственного или множественного числа. Для акцентирования внимания на важных моментах автор использует паузы. Цветовая гамма, в которой сделаны уроки, представлена в теплых и неярких тонах, тем самым не переутомляет глаза ребенка. Слова окрашиваются в другой цвет по мере их прочтения, что способствует тому, чтобы ребенок следил за ходом урока и словами автора.

Почти все уроки сопровождаются эпиграфом – происходит знакомство ученика с писателями, историческими личностями, учеными. Каждое высказывание знаменитых людей сопровождается их портретами. Правила, схемы, таблицы – элементы научного изложения материала – помогают в реализации сути познавательного и игрового урока. Переход слайдов происходит в виде перелистывания страниц, что создает впечатления работы с настоящей книгой.

Каждый последующий видеоурок привязан к предыдущему, тем самым дети повторяют пройденный материал. Автор ставит цель каждого урока (они пронумерованы).

Заинтересованность школьников к урокам также достигается с помощью внедрения в видеоряд мультипликационных героев, фрагментов мультфильмов, детских песен, красочных картинок, смайликов.

Автором были включены фрагменты мультфильмов: «Как старик корову продавал», «В стране невыученных уроков», «Сказка о царе Салтане», «За 80 дней вокруг света», «Приключения Точки и Запятой», «Фиксики». Они учат доброте, искренности, трудолюбию, покладистости, дружелюбию и сопереживанию, развивают воображение, память и мышление, креативность. При просмотре ярких, неординарных картинок включается фантазия, нестандартное мышление и это подталкивает ребенка к творческой работе.

Картины П. П. Кончаловского «Сирень в корзине» и М. А. Врубеля «Царевна Лебедь» прививают детям эстетический вкус, способствуют обучению в выражении собственных эмоций.

В пособии есть рубрики: «Останови видео», «Стоит запомнить!», «Проверь себя», «Упражняйся самостоятельно», объяснение незнакомых слов, ссылки на словарь С. И. Ожегова.

Автор видеоуроков применяет разнообразные формы и методы работы, что играет важнейшую роль в формировании УУД (универсальных учебных действий): составить план, описать выразительно предмет, написать рассказ о себе, разрешение проблемных вопросов, создание цветовой гаммы с оттенками, написать сжатое изложение по услышанному тексту, составить план из вопросительных предложений, сосчитать абзацы, восстановить текст.

Заключение. Электронное пособие можно использовать как на дистанционном обучении, так и на классных уроках русского языка. Содержание направлено на реализацию мета- и межпредметных подходов

в обучении. Прослеживаются связи с историей, языками, изобразительным искусством, живописью, музыкой, литературой и др. Наличие разноуровневых заданий (от репродуктивных до творческих), таблиц, поиск ответов на поставленные вопросы, способствует самостоятельной работе над изучением материала как дома, так и на уроке.

Список литературы

1. Мельникова Л. В. Русский язык. Уроки текстоведения и развития речи. 5 класс. Электронное пособие для дистанционного обучения и самообразования обучающихся / Л. В. Мельникова. – Донецк, 2017. – 14 с.

УДК 81-13

КОРПУСНЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИОГРАФИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РУСИСТИКИ

Крылов С.А., д-р филол. наук, проф.
ФГБУН «Институт востоковедения РАН», г. Москва, РФ
krylov-58@mail.ru

Введение. Корпусные методы применимы не только к изучению русского языка (РЯ) неспециальных (художественных) текстов, но также и к изучению РЯ специальных (конкретнее, научных) текстов. Разновидностью последних являются тексты, принадлежащие предметной области лингвистики.

Для изучения этих текстов, взятых во всей их совокупности, целесообразно применить корпусный подход. В рамках этого подхода создаётся т. н. Металингвистический корпус РЯ (МЛКРЯ).

Основная часть. В настоящее время МЛКРЯ состоит из трёх основных подкорпусов: (1) общелингвистический; (2) частнолингвистический; (2а) по лингвистической русистике; (2б) по лингвистическому описанию остальных языков мира.

В МЛКРЯ-1 входят тексты, посвящённые по общей лингвистике; в МЛКРЯ-2а — тексты по лингвистической русистике; в МЛКРЯ-2б — тексты по описанию разных языков мира и их группировок (семей, групп).

Разумеется, границы между этими тремя подкорпусами не всегда легко провести чётко; поэтому для спорных промежуточных случаев надо принимать до известной степени условные решения.

С т.зр. метаязыковых истоков текст может быть оригинальным либо переводным; с т.зр. стилевой принадлежности — собственно научным либо научно-популярным.

Жанровые типы текстов включают: (I). Учебные тексты; (Iа) собственно учебники и учебные пособия; (Iб) сборники задач и упражнений; (Iв) хрестоматии; (II) Собственно научные тексты – как

исследования, так и обзоры; (II.а) Упорядоченные тематически (т. е. монографии, статьи). (II.б). Упорядоченные алфавитно (т. е. словари, энциклопедии). (III) библиографические справочники.

В историографическом и историологическом аспекте важным является такой признак текстов, как «первичность» vs. «вторичность».

«Вторичный» текст есть продукт информационной «переработки» «первичного», предполагающий сохранение значительного содержательного (информационно существенного) инварианта до такой степени, что в ряде коммуникативных ситуаций, реально складывающихся в научной жизни, вторичный текст может успешно (то есть фактически с большим или меньшим успехом) заменить собою первичный (оригинальный) текст. Ко «вторичным» текстам относятся переводы, рефераты, рецензии и обзоры, а также тексты по истории языкознания.

Если «первичные» тексты имеют прямую (простую) соотнесённость с тем годом, в котором опубликован данный текст, то «вторичные» тексты имеют более сложную (а именно, «двойную» или даже в ряде случаев «тройную») хронологическую «привязку». Помимо года выхода в свет данного вторичного текста, они, как правило, содержательно соотнесены также и с той эпохой, в которую создавался «первичный» текст, являющийся объектом описания в данном «вторичном» тексте.

В корпус МЛКРЯ-2а входят, в частности, тексты таких авторов, как:

В. К. Тредьяковский (1703-1768), В. Е. Адодуров (1709-1780), М. В. Ломоносов (1711-1765), Н. Г. Курганов (1725-1796), А. А. Барсов (1730-1791), А. С. Шишков (1754-1841), Н. М. Карамзин (1766-1726), А. Х. Востоков (1781-1864), Г. П. Павский (1787-1863), Н. И. Греч (1787-1867), И. И. Давыдов (1794-1863), В. И. Даль (1801-1872), И. И. Срезневский (1812-1880), Я. К. Грот (1812-1893), К. С. Аксаков (1817-1860), Ф. И. Буслаев (1818-1897), Н. П. Некрасов (1828-1913), А. А. Потебня (1835-1891), И. В. Ягич (1838-1923), И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845-1929), Ф. Ф. Фортунатов (1848-1914), А. Г. Преображенский (1850-1918), Д. Н. Овсянико-Куликовский (1853-1920), Р. Ф. Брандт (1853-1920), А. А. Дмитревский (1856-1929) А. И. Соболевский (1857-1929), В. А. Богородицкий (1857-1941), С. К. Булич (1859-1921), Е. Ф. Будде (1859-1929), А. И. Томсон (1860-1935), Е. Ф. Карский (1861-1931), В. Н. Щепкин (1863-1920), А. А. Шахматов (1864-1920), В. И. Чернышёв (1867-1949), Д. Н. Ушаков (1873-1942), Н. Н. Дурново (1876-1937), А. М. Пешковский (1878-1933), Л. В. Щерба (1880-1944), К. И. Чуковский (1882-1969), Е. С. Истрина (1883-1957), С. И. Карцевский (1884-1955), Н. М. Баженов (1885-1962), М. Н. Петерсон (1885-1962), А. М. Селищев (1886-1942), М. Р. Фасмер (1886-1962), Л. А. Булаховский (1888-1961), С. П. Обнорский (1888-1962), Н. С. Трубецкой (1890-1938), С. И. Абакумов (1890-1949), Б. В. Томашевский (1890-1957), А. Б. Шапиро (1890-1966), Н. С. Поспелов (1890-1984), Е. Д. Поливанов (1891-1938), Л. П. Якубинский (1892-1945), А. Н. Гвоздев (1892-1959), Б. А. Ларин (1893-1964), С. Г. Бархударов (1894-1983), В. В. Виноградов (1895-1969), М. И. Матусевич

(1895-1979), Г. О. Винокур (1896-1947), П. Я. Черных (1896-1970), Р. О. Якобсон (1896-1982), С. Е. Крючков (1897-1969), Е. М. Галкина-Федорук (1898-1965), П. С. Кузнецов (1899-1968), А. М. Финкель (1899-1968), А. П. Евгеньева (1899-1985), С. И. Ожегов (1900-1964), А. А. Реформатский (1900-1978), В. И. Борковский (1900-1982), Д. Э. Розенталь (1990-1994), Н. Н. Прокопович (1901-1972), Р. И. Аванесов (1902-1982), В. Н. Сидоров (1903-1968), И. П. Мучник (1905-1972), Т. П. Ломтев (1906-1972), С. И. Котков (1906-1986), Д. С. Лихачёв (1906-1999), В. Г. Орлова (1907-1991), Ф. П. Филин (1908-1982), Н. А. Янко-Триницкая (1908-1987), О. С. Ахманова (1908-1991), К. Горалек (1908-1992), А. В. Исаченко (1910-1978), Ю. С. Сорокин (1913-1990), В. Д. Левин (1915-1997), Н. Ю. Шведова (1916-2009), В. А. Белошапкова (1917-1996), В. А. Ицкович (1918-1996), К. Ф. Захарова (1918-2003) Л. Н. Булатова (1919-2013), Л. П. Жуковская (1920-1994), В. Ф. Иванова (1920-2001), М. В. Панов (1920-2001), О. А. Князевская (1920-2011), К. В. Горшкова (1921-2002), С. В. Бромлей (1921-2012), Н. М. Шанский (1922-2005), Б. С. Шварцкопф (1923-2001), Н. Д. Арутюнова (1923-2018), С. Г. Ильенко (1923-2019), О. Б. Сиротинина (р. 1923), Т. Г. Винокур (1924-1992), Л. Ю. Максимов (1924-1994), Г. А. Золотова (1924-2020), В. Г. Гак (1924-2004), Вал. Вас. Иванов (1924-2005), М. И. Черемисина (1924-2013), И. П. Распопов (1925-1982), Н. З. Котелова (1925-1990), В. Барнетова (1925-1997), В. П. Григорьев (1925-2007), М. Н. Кожина (1925-2012), В. В. Бабайцева (1925-2016) Д. Н. Шмелёв (1926-1993), И. И. Ковтунова (1926-2007), Е. А. Земская (1926-2012), Л. Л. Касаткин (1926-2020), А. Ф. Прияткина (р. 1926), О. Лешка (1927-1997), В. Л. Воронцова (1927-1999), В. М. Марков (1927-2010), В. И. Трубинский (1927-2010), М. А. Шелякин (1927-2011), Д. С. Ворт (1927-2016), В. Н. Немченко (1928-2013), М. В. Всеволодова (1928-2020), В. Стракова (1929-1995), Т. В. Булыгина (1929-2000), Е. Беличова-Кржижкова (1929-2020), А. П. Сковородников (1929-2022), Н. А. Еськова (р. 1930), Ю. Д. Апресян (р. 1930), В. Г. Костомаров (1930-2020), Прж. Адамец (р. 1930), О. Н. Трубачёв (1930-2002), Ф. М. Березин (1930-2003), А. В. Бондарко (1930-2016), Г. А. Хабургаев (1931-1991), В. Г. Чурганова (1931-1998), Л. А. Новиков (1931-2003), А. Н. Тихонов (1931-2003), В. З. Санников (1931-2019), О. А. Лаптева (1931-2020), Е. А. Брызгунова (р. 1931), И. С. Улуханов (р. 1931), П. А. Лекант (1932-2019), З. Скоумалова (1932-2020), И. А. Мельчук (р. 1932), Л. А. Капанадзе (1934-1999), Л. Л. Буланин (1934-2001), Ю. Н. Караулов (1935-2016), А. А. Зализняк (1935-2017), А. М. Ломов (1935-2018), Е. В. Падучева (1935-2019), В. В. Лопатин (1935-2021), Л. П. Крысин (р. 1935), Н. А. Кожевникова (1836-2005), М. Я. Гловинская (1936-2022), О. А. Крылова (1937-2016), Б. А. Успенский (р. 1937), И. Г. Милославский (р. 1938), С. Н. Цейтлин (р. 1938), Е. Н. Ширяев (1939-2003), Е. М. Верещагин (р. 1939), Г. Кайперт (р. 1941), М. В. Китайгородская (1943-2013), В. М. Живов (1945-2013), Е. В. Клобуков (р. 1947), Ю. П. Князев (р. 1948), И. Б. Шатуновский (1949-2019).

Заключение. Данный корпус позволил бы изучить как (1) формирование русской лингвистической терминологии, так и (2) её историю, а также (3) её семантическую эволюцию, не ограничиваясь судьбой отдельных терминов (однословных или составных), но и прослеживая их контекстные взаимосвязи.

УДК 81’27

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Мозговой В.И., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
mowi48@mail.ru

Введение. Усиливающиеся противоречия новейшей истории, демонстрирующие нигилизм «развитых государств» по отношению к другим народам и государствам, всё чаще расценивается социумом как начало цивилизационной катастрофы. С гуманитарной, а точнее, с филологической точки зрения, в её основе лежит отождествление национального языка с государственным, официальным, региональным или с языками национальностей, противопоставленным языкам нетитульной нации. Между тем в современном многополярном, взаимообусловленном и полилингвальном мировом сообществе такой подход провоцирует распад государства по национальному признаку и грозит уничтожением мировой культуры в целом.

На повестку дня с судьбоносной очевидностью выносится дискуссия о статусе языковых понятий, проблематично акцентирующих их революционную необходимость или политико-идеологическую целесообразность. В качестве альтернативного будет рассмотрен опыт формирования нации в Российской империи.

Основная часть. Сегодня огромное количество её определений базируется на догмах марксистской философии, объясняющей формирование европейских государств развитием у них товарно-денежных отношений и национального рынка [7], а далее на большевистской идее интернационального единства социалистического государства с контрастирующим правом наций на самоопределение [2]. Наиболее полно раскрытие этой идеи находим у И.В. Сталина: «Русские марксисты давно уже имеют свою теорию нации. По этой теории нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырёх основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры» [6, с. 333].

Несмотря на всеобъемлющий характер этой дефиниции, дискуссия по национальному вопросу «…продолжалась между различными теоретиками в советский период и продолжается по сей день» [5, с. 196], что объясняется спецификой русского пути к государственности. Она изначально формировалась не на «базе общей национальности и не на приоритете товарно-денежных отношений или рынка», как в Европе, а путём объединения разных народов единой православной идеей. После принятия христианства и канонизации церковнославянского письма «русские земли» стали называться *Русью*, неважно *Киевской* ли, *Галицкой, Черниговской, Ладожской* или позже *Московской, Белой, Малой* или *Новой*. Это касалось также и границ распространения княжеской власти. Так, Юрий Долгорукий был князем *Ростово-Суздальским* и одновременно князем *Киевским*, а затем *Московским*; князь *Даниил Галицкий* получил в 1253 г. от папы римского титул короля *Руси*, который унаследовали его внуки. По такой же схеме в древних летописях нет ни одного упоминания об *Украинской, Русской* или *Белорусской Руси*. Так что современные украинцы, якобы родоначальники Киевской Руси и «единолично имеющие право на унаследование её традиций», более русские, нежели в самой России, поэтому призывы «*убивать русню*», направлены на самих себя.

К XVIII–XIX вв. строительство Российской империи на духовной основе стало ещё более очевидным: датчанин *Виттус Беринг* и эстонец *Фаддей Беллинсхаузен*, принявшие православие, стали русскими мореплавателями; принцесса *Фике* – великой русской императрицей *Екатериной II*; грузин *Петр Багратион* – русским полководцем; дворянин польского происхождения *Фёдор Достоевский* – русским писателем и т. д.

Это ярко демонстрирует список ***российских дворян***, составленный в начале XIX в.: а) дети бояр по губерниям и уездам: б) великорусское московское дворянство; в) балтийско-немецкое дворянство; г) украинское и донское казачье дворянство; д) польская и литовская шляхта; е) шляхта по губерниям и уездам России; ж) бессарабское, осетинское, грузинское и армянское дворянство; з) инородческое дворянство. Об этом говорят сами дворяне, откровенно свидетельствующие о своём отношении к языку. По данным всеобщей переписи 1897 года, среди них 53 % назвали своим родным языком ***русский,*** 28,6 % – польский, 5,9 % – грузинский, 5,3 % – татарский, 3,4 % – литовский, 2,4 % – немецкий, но никто из них не упомянул об ***украинском*** или ***белорусском языке.***

Вот почему попытка подогнать национально-языковую политику Российской империи под стандарты Европы (единство языка, нации и государства, эксплуатирующего колониальные народы) граничила со смутой, а фанатичная поддержка «европейского пути» в СССР привела к его расчленению на «независимые» республики, а затем и к появлению идеологии национальной уникальности [4]. История народов России, однако, говорит о том, что уникальность национальных сообществ подчёркивалась здесь не враждующим эгоизмом, а стремлением сохранить единый национальный язык, имеющий ключевое значение для развития общероссийской нации.

К сожалению, их исторические истоки со временем были проигнорированы, а знание о них приобрело актуальность лишь тогда, когда национальный язык был заменён понятиями «родной» или «государственный». Так в якобы мононациональной Украине созрела подчёркнуто «патриотичная» мысль о языке титульной нации, которая затем трансформировалась в националистическую модель построения государства, зафиксированную в соответствующих призывах к действию: *«Державна мова має бути тільки українською!», «Україна для українців!», «Нація понад усе!», «Слава нації!»* и *«Смерть ворогам!»*. В противовес этой идеологии в России зрела идея о множестве национальных языков, хотя речь шла о национальных, территориальных или социальных разновидностях общенационального языка (см., статью о ***национальных языках*** (?) на Кубани [1]).

Таким образом, и в первом, и во втором случаях под национальным языком подразумевалась коммуникация, что вписывалось в ленинскую трактовку языка как наиважнейшего средства человеческого общения на территориях «…с населением, говорящим на одном языке, при устранении всяких препятствий развитию этого языка и закреплению его в литературе» [2, с. 258–259]. Общение (речь) и общность (язык) стали отождествляться, что сыграло позже злую шутку при строительстве якобы мононациональных республик в бывшей Российской империи.

В качестве альтернативы их разновекторному пониманию предлагается в связи с этим актуальная характеристика национального языка с рассмотрением его культурной и политической специфики.

Национальный язык в отличие от языков общения – средство общности нации. Это тип общенационального мышления, проявление философии и психологии определённого народа, который способен материализовываться в разных языковых системах (языках национальностей, литературном языке, диалектах, регионолектах, жаргонах, просторечии) ***и любых формах национальной культуры*** (живописи, музыке, архитектуре, балете, танцах, онимосфере (см. об этом [3]) и др.

С точки зрения такого понимания, чем больше форм проявления национального языка, тем богаче нация, а не наоборот. В противном случае, стало возможным запретить в Украине не только русскую, но и украинскую литературу. Её изучение заменилось изучением литературы на украинском языке. В результате Н.В. Гоголь стал запрещённым писателем, а «Русские повести» М. Вовчка, дневники Т. Шевченко, творчество М. Булгакова, М. Зощенко и многих других стали изыматься из программы только потому, что они были написаны на русском языке.

Между тем, социальную значимость писателей, поэтов, художников, музыкантов следует оценивать не по их национальности, месту рождения или языку общения, а по тому, культуру какой нации они представляют. При непонимании социальных мотивов происхождения языка в многонациональном украинском государстве чужим стало большинство населения, что повлекло за собой войну с ним атакующего националистического

меньшинства. А это хуже нацизма, потому что если идеология последнего направлена против «инородцев», то в случае борьбы с национальным языком истребляется собственный народ. Внедрение политики языковой исключительности разрушает в конечном итоге государство, его духовный и культурный потенциал. Таким образом, принудительный мотив при изучении «языка титульной нации» не является мотивом. Его можно выучить для практических потребностей, но скрыто ненавидеть саму нацию.

В качестве **заключения** предлагаются выводы об объективном характере языка и комментарии по поводу стихийности современной национально-языковой политики.

1. ***Государственный – это язык*** (или языки)***, который понимает*** (но не обязательно используется при говорении) ***большинство граждан государства независимо от национальности и территории их проживання***. Статус государственного определяется не голосованием, а объективной реальностью. Если в понимающем диалоге участвуют на равных два или несколько языков, значит, их «государственное значение» следует закрепить конституционно. В Чечне – это русский и чеченский, в ДНР – русский и украинский, в Украине – украинский и русский, в Швейцарии – четыре государственный языка, а в Канаде – два, т.е. столько, сколько есть, и т. п. Нельзя лишь подгонять в таком случае приоритетный язык под категорию «языка коренной национальности», поскольку это грозит эскалацией конфликта между «развитыми» и «неразвитыми» языками.

Государственными языками должны владеть все, поскольку их цель – создать условия для межнационального диалога, что требует, в свою очередь, их изучения в школе в соответствии со статусом.

2. Высшей формой государственного языка является закреплённый Конституцией ***государственный официальный язык, который представляет государство в межнациональных или международных отношениях***. В России им должен быть только русский, в Украине – украинский, в США – английский, а их изучением в качестве делового должны заниматься учебные заведения высшего професионального образования.

3. ***Языки национальностей*** (но не «языки национальных меньшинств» – термин, ущемляющий права и достоинство их носителей) – ***это языки компактного проживания граждан определённой национальности на определённой территории.*** Ими может быть, например, греческий язык в Донбассе, крымскотатарский в Крыму, но никак не русский в Украине, поскольку на русском языке говорят не только русские. Однако в 10-й статье Конституции Украины для русского, как и для остальных ста тридцяти языков, кроме украинского, был закреплён статус языков национальных меньшинств. Так большинство стало меньшинством, не имеющим право на родной язык.

4. ***Родной язык – это язык, на котором человек мыслит и который имеет многочисленные формы своей материализации в рамках национального языка***. Он, таким образом, есть у каждого. Но вспомните абсурдную рекламу: *«Рідна мова у нас одна – українська!»*

5. ***Региональный язык – это язык, который не имеет статуса национального, употребляется населением определённого региона независимо от его национальной принадлежности и используется, как правило, на пограничных территориях для общения***: например, венгерский в Закарпатье, польский во Львове, китайский в Приамурье и т. п. И вот почему, когда по представлению Партии регионов Верховная Рада Украины статуировала русский язык в качестве регионального, он тут же потерял возможность для изучению в школах, перейдя в разряд табуированных в Западной Украине, а затем и во всём государстве

5. ***Нетерриториальные – это языки общения мигрантов и иностранные языки*** (как правило, мировые), ***не имеющие очерченной территории и не входящие в понятие «национальный язык»*** (например, идиш у евреев, английский как один из мировых языков и т. п.).

Список литературы

1. Белякова А. М. Государственный и национальный языки: акценты и приоритеты языковой политики в Краснодарском крае, начиная со второй половины XIX века по настоящее время / А. М. Беликова // Современные проблемы мультилингвизма: инновационные подходы к осмыслению. Сб. научн. статей по итогам работы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Армавир: Армавирский гос. пед. университет, 2020. – С. 237–240.
2. Ленин В. И. О праве наций на самоопределение / В. И. Ленин // ПСС. – М.: Политиздат, 1969. − Т. 25. – С. 255–320.
3. Мозговой В. И. Внеязыковое содержание собственных имён и роль онимных денотатов в передаче правового смысла / В. И. Мозговой // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов VII Международной научной конференции (17 ноября 2021 г.). – Макеевка, 2021. – С. 47–55.
4. Мозговой В. И. Украинское законодательство в области национально-языковой политики и реальность социальных процессов (1917–2021 гг.) / В. И. Мозговой // Неофилология. Научно-теоретический журнал. 2022. Т. 9, № 2. – Тамбов: Тамбовский госуниверситет им. Г.Р. Державина, 2022. – С. 228–242.
5. Ретинский С. Г. Нация и национальный язык // С. Г. Ретинский / Фридрих Энгельс и современность: к 200-летию со дня рождения. Материалы VII международной конференции. Сер. «Социально-гуманитарные исследования учёных Донбасса. Отв. ред. Т. Э. Рагозина. – Донецк: ДонНТУ, 2020. – С. 196–206.
6. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос / И. В. Сталин. // Соч. – М.: Политиздат, 1954. – Т. 2. – С. 290-367.
7. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1961. – Т. 21.– С. 406–416.

УДК 811.161

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ ЗООНИМОВ В РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Никулкина О.Г., канд. филол. наук, доц.
Брянский филиал ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», г. Брянск, РФ
sinbad1982@yandex.ru

Введение. Различные вопросы зоонимии рассматриваются в работах ряда исследователей. Особый интерес для исследования представляют зоонимы в русских народных сказках о животных, поскольку это «один из самых древних пластов лексики во всех языках мира» [3, с. 510]. Источником исследования послужили русские народные сказки о животных, собранные А.Н. Афанасьевым.

Основная часть. На основе наблюдений за языковыми единицами считаем возможным выделить два способа обозначения животных: обозначение персонажа посредством нарицательного существительного и обозначение персонажа с помощью имени собственного.

К группе обозначений персонажа с помощью имени собственного мы относим зоонимы: *Петя, Петенька* (петух), *Миша, Мишка, Михайло Иваныч, Михайло Иванович* (медведь), *Терентий* (тетерев), *Васька, Котай, Котофей, Котонайл Иваныч* (кот), *Левон* (волк), *Лизавета Ивановна* (лиса), *Козьма Микитич* (козел).

Употребление антропонимической модели по отношению к животным, с одной стороны, должно подчеркнуть общественный статус героя и уважительное отношение к нему со стороны окружающих. Но, с другой стороны, этот прием усиливает пародийность, которая вызывается расхождением между образом животного и человеческим именем. В качестве имени используются либо антропонимизированные апеллятивы (*Котай, Котофей, Котонайл*), либо реальные антропонимы в неофициальной их форме (*Михайло, Козьма, Лизавета, Левон*).

Называние животного человеческим именем может толковаться по-разному. Объяснением устойчивого выбора того или иного имени применительно к конкретному животному может служить тот факт, что в древности имя животного было табуировано. Чтобы показать неразрывную связь с тотемом и обеспечить себя защитой, человек «обманывал» неудачи, называя животного человеческим именем.

Именование медведя *Михаилом, Мишкой* и *Михаилом Ивановичем* можно объяснить также иным образом. Известно, что медведь в глубокой древности являлся одной из основных ипостасей языческого бога Волоса. В христианскую эпоху заместителями этого божества всей Руси выступали, в частности, святой Николай (Никола) и святой Михаил. Интересно, что именная форма *Микола* (*Микула*) применительно к святому

Николаю объясняется как результат контаминации имен святого Николая и архангела Михаила, произошедшей предположительно на западе славянской территории. Если учесть также взаимодействие христианских и языческих верований, то в культе святого Михаила можно усматривать несомненные черты языческого происхождения. Одна из них становится очевидной в следующей ассоциации по аналогии: *Волос ↔ святой Михаил, Волос ↔ медведь, святой Михаил ↔ медведь*.

Таким образом, именование *Михаилом* и *Мишкой* сказочного медведя, генетически связанного с образом медведя в древнейших мифах и с культом Волоса, может быть результатом почитания Михаила Архангела как христианского аналога Волоса [4, с. 3–5, с. 18–30, с. 111].

В качестве отчества животного очень часто выступает так называемый условный заменитель всякого отчества – антропоним *Иванович* (в разговорной форме – *Иваныч*), равноценный в современном языке квазиотчеству *Батькович.*

В сочетании с отчеством *Иванович* образуются антропонимические модели именования разных животных. Это отчество используется только в качестве необходимого компонента в структуре имени собственного и не является самостоятельной формой именования. А.В. Юдин форму *Михаил Иванович* считает обычным у русских табуистическим именем медведя [5, с. 97].

По мнению В.М. Мокиенко и О.И. Фоняковой, «некоторые наиболее древние "человеческие" имена животных при глубинном этимологическом анализе оказываются именами нарицательными, не связанными с именами людей, а лишь созвучными им. например, *Мишка, Михаил Потапыч, Миха* и т.д. – медведь – восходит к древнему табуированному славянами апеллятиву со значением 'медведь'. Или *Петя, Петушок, Пётр Иваныч* – петух – в фольклоре восходит, очевидно, в древнерусскому *пътъкъ, потя, потка* – 'птица' (курсив наш. – О.Н.). <...> Такое переосмысление апеллятива помогло не только "специализации" отдельных зоонимов, их укреплению за отдельными видами животных, но и послужило, в конечном счёте прототипом зоонимической модели в древности: антропоним>зооним» [2, с. 321–322].

Применительно к Лисе используется другая модель именования – *Лиса Патрикиевна*. Данное обозначение представляется интересным сразу в двух аспектах. Во-первых, в роли личного имени, хотя и не в свободной позиции, выступает онимизированный апеллятив. Заметим, что ни одно другое нарицательное обозначение животного не переходит в оним. Во-вторых, отчеством послужило личное имя *Патрикий* (вариант *Патрикей*), выбор которого не случаен. Известно реальное историческое лицо конца XIV–начала XV вв. – князь Патрикий Наримантович, проявивший себя как льстивый, двуличный человек. Именно в Новгороде и проявился характер князя Патрикия как льстивого, пронырливого и двоедушного человека, сеявшего между горожанами взаимное подозрение и вражду. В русской истории его имя приобрело нарицательное значение, что и было

использовано народными «редакторами» сказочных текстов при интерпретации образа Лисы, весьма хитрого персонажа, ищущего собственную выгоду в ущерб интересам других и за счет других персонажей.

Использование имени князя в антропонимической формуле объясняется ассоциативной связью хитрости лисы как персонажа с характером исторического лица. В результате названная модель фразеологизировалась и стала использоваться в нарицательном значении при обозначении любого хитрого человека [1, с. 340].

Отчество *Патрикеевна* (от *Патрикей*) зафиксировано также в одном сказочном тексте в изолированной позиции.

Заключение. Таким образом, герои сказок о животных, как и персонажи волшебных сказок, содержат скрытую мифологическую подоснову. Архаический пласт образа демифологизировался и послужил основанием для нового смыслового содержания. Идеологическая установка сказки в виде новообразований, выступающих в функции художественного обрамления, наслаивается на мифологические мотивы образа, составляющие его ядерную часть. Образы животных стали использоваться для иносказания о пороках человека. Каждое животное несет эмоционально-оценочный заряд значения, который ассоциируется с определенной человеческой чертой.

Появление имён собственных в роли зоонимов – идеологическое новообразование, призванное в большей степени отождествить человека с животным и усилить пародийность образа.

Список литературы

1. Бирик А. К. Словарь русской фразеологии: Ист.-этимол. справ. / А. К. Бирик, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; С.-Петерб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Фолио-пресс, 1998. – 700 с. – ISBN 5-288-02132-5.
2. Мокиенко В. М. Способы называния в зоонимии / В. М. Мокиенко, О. И. Фонякова // Ономастика Поволжья. Вып. 4.– Саранск, 1976. – С. 317–322.
3. Назаретян В. М. Фразеологические единицы с компонентом-зоонием в русском и греческом языках / В. М. Назаретян // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Материалы II международной научной конференции. – Салоники: Изд. Высшая школа перевода МГУ, 2011. – С. 510–516.
4. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнослав. культе Николая Мирликийского) / Б. А. Успенский. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 245 с.
5. Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров: имена собственные в русском магическом фольклоре / А. В. Юдин. – Москва: МНФ, 1997. – 319 с. – ISBN 5-89554-013-9.

УДК 81:17

ОСОБЕННОСТИ СЕТЕВОГО ЭТИКЕТА РУНЕТА

Овсяная Е.С., Гладкая Н.В., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
ovsyanayay@mail.ru

С появлением информационных технологий жизнь современного человека изменилась: появились новые виды деятельности и развлечений, и самое главное – особая форма коммуникации, в виде электронных сообщений, писем, комментариев и т.п., которые позволили взглянуть по-новому на межличностное общение.

Интернет-коммуникация имеет некоторые особенности, которые неизбежно влияют на современный русский язык на всех его уровнях. Речевой этикет тоже поддался влиянию глобальной сети.

Суть общения состоит в достижении коммуникативных целей, а без рефлексии они недостижимы. Поэтому одним из важных компонентов успешного коммуникативного акта, является знание и соблюдение норм речевого этикета при реальном общении, и следование правил сетевого этикета (сетикета, нетикета), при виртуальной коммуникации.

Речевой этикет в принципе, ограничен строгими рамками – стилистикой, правилами орфографии и пунктуации. Так как это широкое понятие, то нигде нет единого речевого этикета, идеально подходящего под все социальные требования.

Необходимость сетикета объясняется тем, что чрезмерная коммуникативная свобода в интернете может стать не только способом самовыражения языковой личности, но и препятствием для адекватного и комфортного общения. Формированию такого рода этикета поспособствовали такие характеристики интернет-коммуникации, как опосредованность, т.е. дистантный характер общения, возраст пользователей, диктующих правила сетикета, установка на языковую игру [2, с. 944], анонимность и отсутствие запретов.

В работе О. Ю. Усачевой можно найти такое определение: «Сетевой этикет – это один из способов формирования лингвокультуры языковой личности в электронной среде коммуникации, способ саморегуляции, который сознательно и добровольно вырабатывается и поддерживается самим виртуальным социумом» [3, с. 163]. Это определение мы и будем принимать за основу.

В виртуальной коммуникации сильно переосмысляется речевой этикет, ввиду особенностей интернета как языковой среды. Некоторые правила остаются неизменными, но не все пользователи им следуют. Так, при обращении к человеку практически не приходится делать выбор между ВЫ-общением и ТЫ-общением [4, с. 245], так как диалог или полилог предполагает такие речевые обороты, в которых отсутствует

надобность прямого обращения. В некотором роде это обусловлено особенностью построения системы коммуникации в социальных сетях, на форумах, в чатах. Например, схема ответа на комментарий в Вконтакте состоит из выбора конкретного комментария, нажатия на кнопку «Ответить», после чего в специальной строке для набора текста уже будет вписан адресат, в виде его имени (никнейма) с ссылкой для перехода на его комментарий.

Исходя из примера, можно выделить ещё одну особенность интернет-коммуникации, поспособствовавшую появлению сетикета – ориентация на себя. Это обусловлено тем, что часто участники коммуникации в глобальной сети могут оставаться незнакомыми, и единственное, что остаётся пользователю интернета в такой ситуации, так это выражать своё собственное мнение, но так, чтобы не задеть чувства своего коммуникативного партнёра.

Но чаще всё же между ты- и вы-общением, выбор падает на первый вариант, так как в интернет-коммуникации редко имеет значение возраст и социальный статус, к этому прикрепляется неофициальные отношения между участниками общения.

Правила этикета интернет-коммуникации предписывают использовать подпись, никнейм, для того чтобы адресанта всегда можно было однозначно идентифицировать [1, с. 141]. Это должно быть оригинальное, реальное и логичное имя, в то время как одинаковые и банальные подписи (Котов, Царёва) отбивают всякое желание для дальнейшего общения.

В речевом этикете главным правилом начала коммуникативного акта является приветствие. В интернете же это становится необязательным. Общение может начаться с интересующей человека темы, а прекратиться, когда тема дойдёт до логичного завершения. Общение в интернете предполагает скорость передачи сообщений в режиме реального времени, из чего следует принцип экономии речевых усилий, который можно смело назвать одним из правил сетикета. Как в написании личных сообщений, так и в построении новостной ленты следует избегать излишеств. Пользователей социальных сетей привлекает минимальное количество текста, когда записи на стене в несколько абзацев, или предложений пролистываются, а иногда и дополняются комментариями такого рода: «#Многотекста», «#Многобукв» и т. д.

Другим принципом сетевого этикета является сопровождение текста сообщения смайликами, эмоджи, стикерами и другими изображениями, что дает возможность понять собеседнику, интонацию и эмоцию читаемого им текста, «говорите вы серьезно или шутите, иронизируете или опечалены» [5, с. 124].

Но в то же время нельзя забывать о том, что в разных формах интернет-коммуникации следует придерживаться разных норм и правил общения. Это зависит от взаимоотношений участников общения и от их коммуникативных целей. Так, на форумах, в комментариях

развлекательных сообществ, коллективных чатах по интересам преимущественным будет неформальное общение, и соответствующие ему правила сетикета. К тому же, во многих популярных сообществах социальных сетей есть свои правила и запреты, касательно вольности в написании комментариев. Где-то позволительно обращение исключительно на «вы», в другой группе позволительно использовать матерную лексику, но практически везде можно встретить запрет на оскорбление собеседников, за что наказанием может быть бан.

Правила сетевого этикета всё ещё не вышли за рамки интернет-коммуникации, но всё же этот вопрос требует дальнейшего рассмотрения и изучения.

Список литературы

1. Брусенская Л. А. Интернет-общение: культура речевого поведения в компьютерных сетях // Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей I Международной научно-практической конференции. Москва, РУДН, 8–9 февраля 2017 г. / под общ. ред. А. В. Должиковой, В. В. Барабаша; ред. кол. Г. Н. Трофимова, С.С. Микова, С. А. Дерябина. – Москва: РУДН, 2017. – С. 137–142.
2. Голошубина О. К. Нормы речевого этикета в интернет-коммуникации (на примере речевого жанра «разговор в мессенджере») / О. К. Голошубина. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 8 (67). – С. 944-947.
3. Усачева О. Ю. Лингвокультура языковой личности в интернет-коммуникации // Государственная служба. – 2005. – №5. – С. 97-102.
4. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты): Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2008. – 300 с. – 2-е издание, исправленное и дополненное.
5. Южин В. И. Полная энциклопедия этикета / В. И. Южин. – М.: РИПОЛ классик, 2007. – 512 с.

УДК 811.161.1

К ПРОБЛЕМЕ ОЦЕНКИ ЗНАЧИМОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЯЗЫКА

Прокудина И.М., Талалаева О.Г., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», г. Тамбов, РФ
irina51170@yandex.ru, levseja@gmail.com

Введение. В современном мире, пронизанном высокими технологиями, почти не остается места для обращения к истокам родного языка, истории, культуры. А без опоры на свои корни как развиваться в столь нестабильном, легко меняющемся мире? Как сохранить свою идентичность? Не утратить связь с прошлым?

О важности изучения родного языка в контексте истории Отечества писал еще Ф.И. Буслаев, положив тем самым начало лингворусистике в России. Сегодня обращение к истокам русского языка особенно актуально.

Повсеместная экспансия на русский язык, засилье заимствованными словами, часто необоснованное, от жаргона среди подростков до официальных трибун – угроза не только языку, а личности носителя языка, его сознанию и гражданским качествам. Ибо язык – хранитель духовных ценностей народа.

Основная часть. Лексический состав русского языка всегда был неоднороден. Свое влияние оказывали самые разные процессы в истории государства: политические, экономические, культурные. Лексика расширялась за счет заимствований. Это дело обычное. Но когда идет злоупотребление иноязычными словами, при богатейшей синонимии нашего языка!.. Как ни вспомнить слова И.С. Тургенева: «Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

Оправданием заимствованиям служит отсутствие в родном языке аналогичного понятия из языка-источника, или потребность пополнить выразительные средства языка, объединить многозначие русских слов. Приходящая лексика ассимилируется настолько, что спустя время трудно определить ее происхождение (здесь на помощь приходит этимологический анализ). Изучая переход заимствованных слов, мы можем проследить путь развития русского языка, соотнести его со значимыми событиями в истории Отечества, крупными личностями политическими и общественными.

Особое внимание сегодня стоит уделить историческим заимствованиям из церковнославянского языка и, в целом, широкому изучению этого языка, который особым образом повлиял на становление государственности нашего народа. Пришел этот язык к нам как книжный, вместе с принятием князем Владимиром христианства и, соответственно, с богослужебной литературой. Стал письменным языком русского государства, языком русских летописей. И.И. Срезневский, величайший русский филолог, изучая тексты договоров русских князей (начало X в.), сохранившиеся в списках XIV-XV вв., отмечал, что они написаны с характерными особенностями «удерживать формы церковнославянские, чем русские», предпочитая «книжные <…> формы языка формам устным народным» [1].

М.В. Ломоносов – гениальнейшая фигура в нашей многообразной истории. Время его жизни и творчества пришлось на активное вторжение в русскую культуру «просвещенной Европы» через засилье чужеземных слов даже в быту. В1757 году М.В. Ломоносов пишет труд «Предисловие о пользе книг церковных в Российском языке», где выделяет особое значение языка богослужения, считает его главным языком нашей национальной культуры: «Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспрестрастно объявляю и дружелюбно советую, уверяясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги <…>, российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку не подвержен утвердится, коль долго Церковь Российская славословием Божиим на словенском языке украшаться будет. Сие краткое напоминание

довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нём писателей немало затмится слава всего народа» [2]. Творчество многих русских поэтов и писателей отмечено именно этим особым ревностным отношением к сохранению чистоты и богатства родного языка: Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.К. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.В. Гоголь, Н.С. Лесков, И.С. Шмелев.

Без изучения церковнославянизмов/старославянизмов невозможно всеобъемлюще изучать грамматику русского языка: фонетический строй, особенности графики (утраченные буквы и их влияние на значение слова), морфемика и словообразование. А о лексике и фразеологии можно говорить бесконечно, ибо это бездонный благодатный кладезь мудрости и красоты, без которого восприятие литературы XVIII-XIX вв. будет неполноценным.

Заключение. А.С. Шишков – адмирал Российского флота и госсекретарь, министр просвещения и президент Российской Академии Наук, филолог и литературовед, писатель – считал, что наш родной русский язык должен опираться на свои традиции, стоящие на фундаменте церковнославянского языка, языка древнерусских летописей и прочих литературных памятников. Одну из своих речей в Академии он озаглавил: «Хочешь погубить народ – истреби его язык» [3].

Сегодня наша задача – сохранить величайшее наследие наших предков РУССКИЙ ЯЗЫК. Заимствования неизбежны. Но необходимо трезвенно подходить к их употреблению, не засорять речь иноземными словами. На всех уровнях обучения – от школы до университета – уделять особое внимание формированию правильной лексики растущей личности. Поднимать проблему пагубного влияния иноязычных слов на родной язык на государственном уровне.

Список литературы

1. Срезневский И. И. Материалы для словаря… URL: http://www.ra-s-ved.ru/DATA/sreznevskyslovar1.pdf (дата обращения: 22.09.22)
2. Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / АН СССР. – М.; Л., 1950—1983. Т. 7: Труды по филологии 1739—1758 гг. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 585-592. URL: http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo7/lo7-5852.htm (дата обращения: 22.09.22)
3. Шишков А. С. Славянорусский корнеслов. – Москва: «Концептуал», 2020. – 256 с.

УДК 81.161.1

РОЛЬ ДИСЦИПЛИНЫ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» В ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОЙ ЛИЧНОСТИ

Стебунова А.Н., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
alla.stebunova@mail.ru

Введение. Уровень развития современного общества, постоянно увеличивающийся объем информации требуют коренных изменений в системе образования. В связи с этим одной из важнейших задач, стоящих перед обществом и высшей школой, является создание благоприятных условий для развития творческой конкурентоспособной личности, обладающей нравственными качествами, готовой принимать ответственные решения. Конкурентоспособная личность, по определению В.И. Андреева, – это «личность, для которой характерно стремление и способность к высокому качеству и эффективности своей деятельности, а также к лидерству в условиях состязательности, соперничества и напряженной борьбы со своими конкурентами» [1, с. 468].

Цель нашей работы продемонстрировать важность дисциплины «Русский язык и культура речи» для более глубокого и адекватного восприятия всех дисциплин общегуманитарного цикла, предметов профессиональной подготовки и успешной социализации в обществе.

Основная часть. Одним из важных качеств, которым должен обладать выпускник, является компетентность. Именно такой специалист может быть конкурентоспособным. Любого специалиста-выпускника можно охарактеризовать по наличию у него профессиональных знаний, профессиональных умений и навыков, опыта работы, профессионального потенциала, по его личным качествам [2, с. 673]. Формирование профессиональной компетенции происходит главным образом в образовательном процессе. Целый ряд дисциплин способствуют развитию профессиональной компетенции у студентов.

Осознавая себя как представителей интеллигенции, студенты приходят к пониманию необходимости соблюдения в речи литературных норм, знание и соблюдение которых позволяет поддерживать культурные традиции общества, успешно социализироваться [3, с. 97].

Уверенное владение родным языком, способность быстро понимать речь окружающих и грамотно реагировать на неё, способность ясно излагать свои мысли в устной и письменной форме необходимы специалисту в любой области. Изучение дисциплины «Русский язык и культура речи» способствует, в первую очередь, развитию коммуникативной компетенции. Важнейшие задачи данного предмета:

1) обучение профессиональному общению в области избранной специальности;

2) развитие речевого мастерства для подготовки к сложным профессиональным ситуациям общения (ведение переговоров, дискуссии и т.п.);

3) повышение культуры разговорной речи, обучение речевым средствам установления и поддержания доброжелательных личных отношений.

Русский язык относится к числу важных учебных предметов, составляющих вместе с другими дисциплинами основу профессионального образования выпускников.

Для развития грамотной, связанной речи у студентов на уроках русского языка мы используем лексико-орфографическую работу, грамматический разбор, орфоэпические разминки, работу со словарями и другие.

Особую роль на уроках русского языка и литературы играет работа с текстом.

Чтобы научить студентов созданию текста, в работе по развитию связной речи используются:

– анализ текстов (устных и письменных, положительного и негативного характера);

– составление композиционной схемы, плана, рабочих материалов;

– редактирование текстов;

– установка на определенную речевую ситуацию (то есть уточнение задачи адресата, обстоятельств высказывания);

– обсуждение первых вариантов устных и письменных высказываний и другое.

Одна из особенностей указанных приемов состоит в том, что многие из них являются одновременно и предметом обучения (например, составление плана и прием обучения, и способ деятельности студента, которым он пользуется при создании своего речевого произведения). Вторая особенность этих приемов – в широком сочетании их с таким дидактическим средством, как текст.

Задания, которые используются при этом можно условно разделить на пять групп.

1. Задания аналитического характера по готовому тексту. Например, определить основную мысль высказывания, сформулированную автором; часть, в которой содержится пример, в которой дается описание того-то; найти в тексте лишнее; часть, которую следовало бы расширить; неудачно введенные в тексты цитаты; озаглавить отрывок словами текста; проследить зависимость употребления таких-то языковых средств (от задачи, замысла, высказывания; сопоставить исходный текст м конспект, что в них общего, чем отличаются и так далее.

2. Задания аналитико-синтетического характера по готовому тексту. Эти задания требуют анализа готового текста и создания на его базе элементов текста, но не текста в целом. Например, сформулировать основную мысль автора; озаглавить текст; подобрать эпиграф; составить композиционную схему текста и так далее.

3. Задания на переработку готового текста в плане его совершенствования. Например, устранить такие-то недочеты в содержании и речевом оформлении высказывания; ввести в текст цитаты, подтверждающие такие-то суждения.

4. Задания, требующие создания нового текста на основе данного. Например, изложить подробно, сжато такую-то часть текста или весь текст; подготовить устное сообщение на такую-то тему на основе данного текста; дополнить текст своими рассуждениями по существу обсуждаемого в нем вопроса: записать услышанный рассказ и так далее.

5. Задания, требующие создания своего текста. Например, составить тезисы выступления, написать заметку, описать в научном стиле проведенный опыт, написать отзыв о сочинении товарища; подготовить доклад на такую-то тему.

Заключение. Таким образом, большую роль на формирование и развитие конкурентоспособной личности, его профессиональной компетентности оказывает дисциплина «Русский язык и культура речи». Посредством данного предмета формируется высококвалифицированный специалист, речь которого соответствует принятым в образовательной среде нормам, отличается выразительностью, грамотностью, логичностью. Поэтому именно преподаватель – филолог может эффективно работать над формированием профессиональной компетенции студентов.

Список литературы

1. Андреев В. И. Конкурентология – Казань: Центр инновационных технологий, 2004.
2. Байденко В. И. Модернизация профессионального образования: современный этап / В. И. Байденко, Дж. Зан- творт. – М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2002.
3. Стебунова А. Н. Изучение дисциплины «Русский язык и культура речи» и ее роль в совершенствовании когнитивной мобильности студентов вуза// Донецкие чтения 2021. Образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2: Языкознание, литературоведение, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021. – С. 96-99.

УДК 81.411.2

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ В НАУЧНОМ И МЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Хуснутдинов А.А., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», г. Иваново, РФ
arsen1418@mail.ru

Особенностью нашего времени является активное вхождение в живую речь новых слов и выражений, а также развитие новых значений и

оттенков значений у единиц, которые уже закрепились в словарном составе русского языка. Все это требует научного осмысления и описания, в том числе и лексикографического. Следует, однако, констатировать, что издаваемые «бумажные» словари, даже самого последнего времени, в силу прежде всего объективных причин, не всегда успевают фиксировать новое в русской речи и в словарном составе русского языка, и в особенности те явления, которые возникают в языке в условиях бытования наряду с другими языками (родственными и неродственными) или в особых территориальных зонах, в которых происходят события, заставляющие определять их как зоны чрезвычайных ситуаций, военных действий и т. п. Соответственно, встает задача установления таких фактов, их фиксации, научного осмысления и описания (в том числе и лексикографического).

Одним из эффективных способов описания таких единиц может стать составление их «лексикографических портретов». Жанр лексикографического портрета отдельных слов и выражений в лингвистической литературе, на наш взгляд, только формируется. На это указывает существующее в научных публикациях разнообразие форм и способов описания истории функционирования языковых единиц [1, 2, 5 и др.]. Вместе с тем значимость описания эволюции каждого отдельного слова и выражения с момента возникновения в языке и до современного состояния не подлежит сомнению.

Объем лексики и фразеологии, требующей такого описания, довольно значителен. Это в первую очередь слова и выражения, заимствованные из других языков (*мем, селфи, фейк, халяль, дорожная карта, вишенка на торте*), во-вторых, единицы, вернувшиеся из пассивного словаря в активное употребление (*губернатор, гувернерство, при деньгах*), в-третьих, единицы, у которых появляются новые значения (*басурман, зеленый, исламизм, прилет, чайник, ангел-хранитель, под эгидой*), в-четвертых, это собственно новые единицы, возникшие на памяти нынешнего поколения (*мобильник, ковид, дистанционка, белый и пушистый, подушка безопасности, в шоколаде*). В силу ряда причин, в том числе и объективных, такого рода активно употребляющиеся в живой русской речи единицы либо вовсе не фиксируются имеющимися в обиходе словарями русского языка, либо описываются с недостаточной степенью полноты и точности. Соответственно, встает задача научного, в том числе и лексикографического, описания таких единиц (см. об этом подробнее [4]). В идеале такое описание должно включать биографию конкретных слов и выражений с момента их появления в русской речи (с исследованием источников и условий их возникновения в языке) и фиксировать все изменения, которые они могут претерпевать в процессе функционирования в языке. Эти изменения могут затрагивать разные стороны единицы: ее форму, значение, сочетаемость, грамматические свойства, стилистическую принадлежность, эмоционально-экспрессивную окраску и т. д. Должны быть исследованы также особенности ухода из

языка тех единиц, которые определяются как устаревшие в современной речи. Индивидуальное описание истории каждой лексической и фразеологической единицы уместно называть лексикографическим портретом, так как такое исследование основывается прежде всего на данных словарей, описывающих состав русского языка прошлых эпох и нашего времени, с привлечением, разумеется, языкового материала из разных источников (художественных и нехудожественных текстов) и живой речи. При этом, как уже было отмечено, формы и способы представления результатов таких исследований могут быть разными (ср. [1, 2, 5] и др.).

Составление лексикографических портретов языковых единиц важно прежде всего в научном отношении, так как позволяет представить историю бытования каждой единицы, входящей в словарный состав языка, т. е. не только установить источник, время и условия появления единицы в языке, но и увидеть те изменения, которые претерпевала данная единица в процессе ее функционирования в языке, а также дать научное объяснение всем преобразованиям, которые могут затрагивать формальные и содержательные стороны единицы и особенности ее использования в речи. Так, работа над составлением лексикографического портрета слова *железо* показала, что данное слово, будучи общеславянским (или даже индоевропейским), всегда было актуальным в русском языке, широко использовалось как в устной, так и в письменной речи. Более того, с течением времени слово *железо* расширяло сферу функционирования, что приводило к появлению у него новых значений, а также устойчивых сочетаний, в которых оно выступало в качестве компонента. Это наглядно показывает схема развития у слова *железо* новых значений в разных сферах (в схеме показывается знаком >) и ухода значения в пассив (в схеме показывается знаком <), ср: *I. Хим. элемент > лекарственный препарат<. II. Металл > обработанное железо > металлические изделия: оружие (меч, нож) > пистолет, автомат; орудия пыток <; орудия охоты (капканы); кандалы <; орудия труда, инструменты; > спортивное снаряжение, снаряды и т. п.; > музыкальные инструменты (тарелки) > динамики; > металлические зубы; > монеты > деньги (валюта); > металлические части оружия, орудий и т. п. > металлические части электрогитары; > механизмы из железа > автомобиль > старый, разбитый (в аварии) автомобиль; > корабль > флот; > аппаратная часть компьютера. III. Свойства железа: прочность, крепость, твердость > надежный человек; > суровость, непреклонность; > холодность, бесчувственность* (см. подробнее [5]). Таким образом, лексикографический портрет позволяет получить достаточно полное и объективное представление об истории функционирования слова или выражения в языке, что важно и для словарного дела.

Работа над составлением лексикографических портретов лексических и фразеологических единиц важна и с методической точки

зрения. Наш опыт показывает, что привлечение к такой работе студентов (даже школьников) дает хорошие результаты с разных точек зрения: и с научной (вводятся в обиход новые материалы), и с методической (формируются компетенции, обеспечивающие способность учащегося анализировать языковые факты и проводить научные исследования), и с воспитательной (возрастает интерес к родному языку, усиливается мотивированность обучения и т. д.). Разнообразными могут быть и конкретные формы такой работы (творческие задания, курсовые и квалификационные работы разного уровня, научные проекты, доклады, разработка словарных материалов и др.). Это требует выработки соответствующих методик работы и составления специальных методических пособий [3]. Особенности разработки таких методик могут стать предметом специального обсуждения.

Список литературы

1. Данг Тхи Хуе, Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица *чёртова дюжина* в русском языке // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Научный журнал. Т. 6 (2015). Выпуск 4. – С. 307–310.
2. Старовойтова О. А., Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица *бить челом* и ее дериваты в русском языке: к историко-временной характеристике употребления // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 4. – СПб.: Институт лингвистических исследований РАН, 2021. – С. 46–58.
3. Хуснутдинов А. А. Лексикография от альфы до омеги: проект «Омега» // Языковое образование в России: прошлое, настоящее, будущее: Матер. научно-практ. конф. – Иваново: ГОУВПО Иван. гос. хим.-технол. ун-т., 2005. – С. 22–27.
4. Хуснутдинов А. А. О некоторых задачах отечественной фразеологии и фразеографии // Полипарадигмальные контексты фразеологии в XXI веке: Материалы междунар.науч.конф. – Тула: ТППО, 2018. – С. 460–465.
5. Хуснутдинов А. А., Хуснутдинова А. А. Лексикографический портрет слова железо // Вестник Ивановского государственного университета. Вып. 1. «Филология». Серия «Гуманитарные науки». – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. – С. 54–73.

Русский язык. Актуальные проблемы лингворусистики Подсекция 2

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ЦИКЛЕ Н. В. ГОГОЛЯ «ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ»

Арзямова О.В., канд. филол. наук, доц., ***Ансимова Е.А.***
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
arzyamovyu@yandex.ru

Введение. В нашей работе были рассмотрены особенности функционирования сложных предложений (СП) в цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» [1]. Творческое наследие Н. В. Гоголя изучалось с позиций различных направлений лингвистики – лексикологии, грамматики, идиостиля, когнитивистики и др. Изучением идиостилистического строя его произведений занимались Андрей Белый, В. В. Виноградов, Г. Я. Солганик, В. В. Томачинский и другие. В области синтаксиса внимание уделялось в основном поздним произведениям писателя [2; 3; 4; 5; 6].

Основная часть. Отличительной чертой синтаксиса Н. В. Гоголя можно считать активное употребление сложных синтаксических конструкций (ССК) с разнотипной связью. Сочетание в СП различных видов связи осложняет и обогащает его семантику. Стиль писателя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» определяется характерным построением СП с ведущей бессоюзной связью. Особенность заключается в том, что первый семантический блок таких предложений содержит сообщение о ситуации, а второй семантический блок – значение пояснения, уточнения: «*Опять, как же и не взять: всякого проберет страх, когда нахмурит он, бывало, свои щетинистые брови и пустит исподлобья такой взгляд, что, кажется, унес бы ноги Бог знает куда; а возьмешь – так на другую же ночь и тащится в гости какой-нибудь приятель из болота, с рогами на голове, и давай душить за шею, когда на шее монисто, кусать палец, когда на нем перстень, или тянуть за косу, когда вплетена в нее лента*» [1, с. 15]; «*Черт между тем не на шутку разнежился у Солохи: целовал ее руку с такими ужимка, как заседатель у поповны, брался за сердце, охал и сказал напрямик, что если она не согласится удовлетворить его страсти и, как водится, наградить, то он готов на все: кинется в воду, а душу отправит прямо в пекло*» [1, с. 24].

По нашим подсчетам, в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» представлено 368 ССК, употребление которых, как правило, связано с речью рассказчика. Это обусловлено информативностью и образностью полипредикативных бессоюзных конструкций, которые усиливают выразительность и ритмичность повествования.

В цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголь использует разные синтаксические конструкции, среди которых широкое применение получили бессоюзные сложные предложения (БСП) – 171. БСП широко представлены как в речи рассказчика, так и в речи героев цикла. В БСП регулярно выражаются пояснительно-уточняющие отношения. Высокая частотность употребления подобных конструкций в цикле свидетельствует о желании рассказчика пояснить, уточнить, конкретизировать свою мысль, желании быть правильно понятым читателями [1, с. 22]: «*За Фомою Григорьевичем водилась особенного рода странность: он до смерти не любил пересказывать одно и то же*» [1, с. 15].

Отсутствие союзов придает высказыванию стремительность, насыщенность впечатлениями: «*Великую обиду нанес мне сей человек: предал своего брата, как Иуда, и лишил меня честного моего рода и потомства на земле*» [1, с. 40]

Сложноподчиненные предложения (СПП) включают в свой состав придаточные разных семантических типов: определительные – 100, изъяснительные – 102, времени – 1, места – 4, цели – 17, причины – 11, меры и степени – 13, образа действия – 2, следствия – 1, уступки – 8, условия – 10.

По частоте употребления среди всех типов СПП на первом месте находятся изъяснительные, на втором – определительные [1, с. 16].

СПП с придаточными изъяснительными доминируют в речи рассказчика и выполняют функции дополнения, объяснения и разъяснения образа жизни, внешности и внутреннего мира героев произведения: «*Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было еще никогда и не будет на селе. Оксана знала и слышала все, что про нее говорили, и была капризна, как красавица*» [1, с. 24].

СПП с придаточными определительными также преобладают в речи рассказчика. Благодаря такому использованию, детально изображаются условия, обстоятельства жизни героев, их взаимоотношения с другими персонажами: «*Было уже ему без малого пятнадцать лет, когда перешел он во второй класс, где вместо сокращенного катехизися и четырех правил арифметики принялся он за пространный, за книгу о должностях человека и за дроби*» [1, с. 42].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что СПП с определительными и изъяснительными типами связи способствуют глубокому раскрытию содержания произведения.

В цикле Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» сложносочиненные предложения (ССП) встречаются реже, чем СПП. В произведении отмечается доминирующий количественный состав полипреди-

кативных синтаксических единиц открытой структуры с соединительными отношениями, которые выражают последовательность явлений: «*Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова*» [1, с. 24]; «*Вдруг Катерина, вскрикнув, проснулась, и за нею проснулись все*» [1, с. 35].

Заключение. Наблюдения позволяют сделать вывод о том, что произведение характеризуется сложностью синтаксического строя. СП в нем имеют удельный вес; СПП употребляются чаще, чем ССП; конструкции с союзной связью используются наряду с БСП; отмечается активное использование ССК.

СПП характерны для речи рассказчика, так как они являются способом создания образной картины, а также средством выражения чувств и эмоций героев цикла. Широкое использование сложных предложений в цикле закономерно, так как позволяет писателю создать поэтические красочные картины – объемные, подробные и развернутые, способствующие глубокому раскрытию содержания цикла и позволяющие выразить сложные мысли писателя.

Список литературы

1. Гоголь Н. В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/1088/p.24/index.html (Дата обращения: 24.08.2022).
2. Базавлук Л. М. Особенности структуры и семантики простого и сложного предложения в произведениях Н. В. Гоголя (на материале «Мертвых душ», «Выбранных мест из переписки с друзьями», «Авторской исповеди».). Автореф. дисс…канд-та филол. н. – Орел, 2004. – 24 с.
3. Блохина Н. В. Функционирование простых и сложных предложений в художественном тексте. Автореф. дисс…канд-та филол. н. – Тамбов, 2006. – 26 с.
4. Бокарева Ю. М. Коммуникативно-синтаксические средства адресации в прозе Н. В. Гоголя и место в них метатекстовых элементов. Автореф. дисс…канд-та филол. н. – Санкт-Петербург, 1998. – 22 с.
5. Булатая Е. В. Вставные конструкции как маркер актуализации иронии в произведениях Н. В. Гоголя: прагматический аспект // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2020. – № 1. – С. 25-32.
6. Самойленко В. В. Стилистические особенности функционирования сложных синтаксических конструкций (на материале произведений Н. В. Гоголя) //Научные записки БГПУ. Филологические науки. 2019. – № 3. – С. 87-90. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Самойленко.pdf (bdpu.org.ua) (Дата обращения: 24.08.2022).

УДК 81’42

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫХ КОННОТАЦИЙ В РЕЧИ КОММЕНТАТОРОВ ФИГУРНОГО КАТАНИЯ

Арзямова О.В., канд. филол. наук, доц., ***Сутормина Ю.И.***
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
arzyamovyu@yandex.ru

Введение. Известно, что при помощи оценки реализуются эмоциональная и экспрессивная функции языка, так как оценка всегда является способом выражения субъективного мнения, которое может сопровождаться демонстрацией эмоций. Оценочное и эмотивное содержание слов, используемых в речи комментаторов фигурного катания, зависит от личного восприятия программы и техники выступления спортсменов. Для анализа был использован материал следующих репортажей по фигурному катанию:

1. Алина Загитова. Произвольная программа. Командные выступления. XXIII Олимпийские зимние игры 2018. Комментаторы – Т. А. Тарасова, А. В. Гришин – далее [1].

2. Евгения Медведева. Произвольная программа. XXIII Олимпийские зимние игры 2018. Комментаторы – Т. А. Тарасова, А. В. Гришин – далее [2].

3. Алина Загитова. Произвольная программа «Клеопатра». Гран-при в Японии 2019. Комментаторы – Т. А. Тарасова, А. В. Гришин – далее [3].

4. Алена Косторная. Короткая программа. Финал гран-при по фигурному катанию в Турине 2019. Комментаторы – Т. А. Тарасова, А. В. Гришин – далее [4].

5. Софья Самодурова. Произвольная программа. Чемпионат Европы по фигурному катанию в Минске 2019. Комментаторы – Т. А. Тарасова, А. В. Гришин – далее [5].

Основная часть. Использование комментаторами фигурного катания эмоционально-оценочной и экспрессивно-оценочной лексики свидетельствует об отношении спортивных профессионалов к программным выступлениям фигуристов. Оценочное содержание слов, реализуемое посредством контекста, как правило, сопровождается различными коннотациями – эмотивными, экспрессивными, смысловыми и др. [7], а также обогащается речевыми интенциями спортивного комментатора. Различные средства и приемы художественной изобразительности и выразительности передают индивидуальные эмоции комментаторов и отражают личностное отношение к конкретному фигуристу.

Прямые и косвенные оценочные и эмотивные высказывания активно используются в жанре спортивного комментария. Прямая оценка реализуется посредством фонетических, лексических и грамматических

средств языка, которые выполняют функцию коммуникативно значимых элементов. Спортивные комментаторы (в частности, Т. А. Тарасова и В. А. Гришин) используют в процессе трансляции немало тактик, приёмов и аргументов речевого воздействия [6].

Анализ показал, что в речи спортивных комментаторов фигурного катания можно выделить следующие средства, которые сопровождаются демонстрацией субъективной оценки и эмоций и служат средствами выражения эмотивных и оценочных коннотаций:

1. Фонетические средства: темп: «Так не бывает! Так не должно быть! Так не должно быть!» (Е. М.); фразовое ударение: «Посмотрите, какой докрученный, даже чуть не перекрученный риттбергер!» (А. З.); тембр: «Знаете, Татьяна Анатольевна, с прошедших этапов Гран-при она какую-то дополнительную легкость приобрела» (А. К.); громкость: «Вот это поздравили страну девчата! Вот это поздравили! Вот вы наши милые, сильные!» (Е. М); аллитерация: «Общее впечатление волшебства, определенного совершенства» (А. З.); ассонанс: «Она катается первой и для нее это хорошо в короткой» (А. К.); паузация: «Хорошая работа, настоящая… Тренеры все довольны, прямо счастливы за неё, потому что она уникальная девочка!» (Е. М.), «Оп, Оп… Стоять!» (Е. М.), «Нежно, сложно, четко, мастерски, выверено, профессионально и точно – каждый шаг точно» (А. К.).

2. Лексические средства: эмотивная, оценочная и экспрессивно-оценочная лексика: «Ох, Софья, какая ты *умница*!» (С. С.); «Это, конечно, *потрясающая* работа тренерская, что и, конечно, здесь голова работает, на мой взгляд, очень *здорово*» (А. К.): «Молодцы!» (А. З.).

3. Эмотивно-оценочные морфемы: «Видите, как поднимает *ручки*?» (А. З.), «Стой, *котик*!» (С. С.), «Милый, маленький, хороший *котеночек*!» (С. С.).

4. Морфологические средства: повтор и преобладание определенных частей речи: «*Браво! Браво!* Бомба – я её так зову!» (А. З.), «Стоять! Стоять!» (Е. М.), «А вращения *какие* хорошие! *Какие* положения хорошие!» (А. К.); повтор междометий: «*Оп!*» (А. З.), «*Ах*, какая умная девочка!» (А. З.), «Ух ты, посмотрите, какие баллы!» (А. З.), «*Ох*, какая радость!» (С. С.).

5. Тропы: метафора: «Для меня лично это какая-то сенсация, это *открытие этого сезона*» (С. С), «Главное *зрелище дня* – произвольная программа Алины Загитовой» (А. З.), «Так должно быть в короткой программе: каждый элемент должен быть *вбит* в этот лёд (А. К.); сравнение: «Она *прямо парила* надо льдом» (А. К.), «*Поднимает прямо* себя вверх, висит там» (А. З.), «Безоговорочно – разница *очень маленькая*! *Очень маленькая* разница!» (Е. М.); синекдоха: «Золото и серебро в нашей команде!» (Е. М.); гипербола: «Эти две девочки сделали то, чего ждет *вся страна*!» (Е. М.); перифраз: «Это фигурное катание, и на льду – *олимпийская чемпионка и чемпионка мира*» (А. З.) и др.

6. Фигуры и синтаксические средства: парцелляция: «Она первая в произвольной. Нет, судьи непреклонны. Здесь не то место, где кого-то жалеют» (Е. М.); параллелизм: «*Человек, который* два года держит весь мир в напряжении… *Человек, который* борется» (Е. М.); риторические вопросы: «Видите, как поднимает *ручки*?» (А. З.); инверсия: «Переживает, переживает она» (С. С.).

Заключение. Употребление эмоционально-оценочных средств языка комментаторами фигурного катания свидетельствует о неравнодушии профессионалов к выступлениям спортсменов. Именно коннотации, содержащие смысловые компоненты «эмотивность» и «оценка», делают речь тех, кто сидит за микрофоном, образной и яркой, то есть такой, какой она и должна быть, когда рядом демонстрируется сила духа и невероятная воля к победе.

Список литературы

1. Алина Загитова. Произвольная программа. Командные выступления. XXIII Олимпийские зимние игры 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=VAUZY68BV2w&t=26s (дата обращения: 11.08.2022).
2. Евгения Медведева. Произвольная программа. XXIII Олимпийские зимние игры 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=swJ9QLIvkDA (дата обращения: 11.08.2022).
3. Алина Загитова. Произвольная программа «Клеопатра». Гран-при в Японии 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=FwfdXuWm4ws (дата обращения: 11.08.2022).
4. Алена Косторная. Короткая программа. Финал гран-при по фигурному катанию в Турине 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mAWyHgYbsh4
5. Софья Самодурова. Произвольная программа. Чемпионат Европы по фигурному катанию в Минске 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=j1-eWxkzoN8
6. Большова Е. И. Анализ речевого воздействия спортивных комментаторов Т. А. Тарасовой и А. В. Гришина во время трансляции Олимпийских игр 2018 года // Современные научные исследования и инновации. 2021. № 5 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2021/05/95530 (дата обращения: 11.08.2022).
7. Шаховский, В. И. Коннотация: история, результаты, перспективы // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXVII. Язык и познание в современной науке. – Санкт-Петербург: Политехника-принт, 2018. – С. 9-28. – ISBN 978-5-906.

УДК 81’42

АНТРОПОМОРФИЗАЦИЯ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ НА МАТЕРИАЛЕ ОБРАЗНОГО ПАРАЛЛЕЛИЗМА В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПРИМЕТАХ

Доброва С.И., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
svetdobr@mail.ru

Введение. Бинарная структура народной приметы, композиционные части которой реализованы на материале макрокосмических (природных) и микрокосмических (человеческих) образов, обусловливает формирование приема образного параллелизма приметогенной ситуации и прогноза исследуемого фольклорного жанра [Доброва 2004, 2022].

Основная часть. Антропорфизация макрокосмических объектов в границах приема образного параллелизма, исследованного на материале более 10000 текстов русских народных прим*ет в зап*исях XIX-XX веков [1-5 и др.], проявляется в видоизменении образов макромира, при котором природные объекты «наделяются способностью производить действия, свойственные только человеку, и его качествами; образы природы антропоморфизируются («очеловечиваются»)» [Доброва 2004: 44], обретают черты функционального и внешнего человекоподобия.

Антропоморф*изация* образов макрокосма прежде всего реализуется в динамическом аспекте на функциональном уровне путем наделения природных объектов действиями, присущими человеку. Для выражения антропоморфной трансформации макрокосмических образов широко привлекаются лексемы всех без исключения глагольных рядов (ГР) (по классификации Е.Б. Артеменко) [Доброва 2004: 29], что свидетельствует о формировании в границах образного параллелизма русской народной приметы всеобъемлющего спектра функциональных репрезентантов антропоморфизации природных объектов: выявлены глаголы движения, положения и изменения положения в пространстве, бытия ГР-1 (*прийти, зайти, прыгать, убегать, вставать*), глаголы со значением «каузировать перемещение (resp. движение) или определенное положение предмета в пространстве» ГР-2 (*взять*), глаголы со значением восприятия ГР-3 (*заглянуть, чуять*), глаголы физического действия и взаимодействия ГР-4 (*играть, делить, менять, припрятаться, умываться, загулять, делать запасы*), глаголы эмоционального состояния ГР-5 (*печалить, злиться, плакать, принасупиться, радоваться*), глаголы ментальной деятельности ГР-6 (*морочить*), глаголы речевой деятельности ГР-7 (*охать, петь, запеть, приумолкнуть, кричать, заладить, шуметь, храпеть*).

Параллелизмы приметогенной ситуации и прогноза различаются по функциональному назначению макро- и микрокосмических образов параллельных миров.

В приметах с образами макромира (натурфактами и артефактами) в символической части и образами микромира (человек) в реальной части выявлена антропоморфизация природных образов в приметогенной ситуации, на основе данных которой в прогнозе формулируются рекомендации по деятельности человека. В границах приема на основе глаголов движения небесное светило как движущийся объект представлено в обозначении действий, присущих человеку, и наделено способностью к хождению: «*Солнце* ***заходит*** *в красную переливающуюся зарю – ожидается сильный ветер и возможно дождь*» (Селянгина); «***Припрятались*** *звезды – жди дождя»* (Селянгина). Широко используются глаголы речевой деятельности, которые представляют аудивный спектр звучащего мира природы посредством наделения его объектов способностью осуществлять процессы говорения или, напротив, констатируют факты отсутствия таковых: «***Заладил*** *зяблик: «Рюм-рюм» – жди дождь и гром*» [Харченко, Тонкова 2008: 84]; «*Лягушка* ***кричит*** *– пора сеять*» (Селянгина); «*Конь* ***захрапел*** *– жди вьюговея*» [Харченко, Тонкова 2008: 65]; «*Птицы* ***примолкли*** *– ожидай грома»* (Селянгина). Глаголы физического действия отличаются низкой частотностью и демонстрируют акции природных объектов: *«Кошка* ***умывается*** *– к гостям*» [Харченко, Тонкова 2008: 179]; «*Белка* ***делает большие запасы*** *в своих дуплах – жди долгой и холодной зимы*» (Селянгина). Антропоморфизация образов макромира на основе данных чувственной сферы выражена глаголами эмоционального состояния: «*Зима* ***принасупилось*** *– знать, ненастье станет*» [Харченко, Тонкова 2008: 72-73]. Антропоморфизация образов макромира представлена в ее статическом аспекте на основе атрибутивных показателей: «***Дружная*** *весна – жди большой воды*» (Стрижев); «***Праздные*** *вилы: вилы копён не кидают и пластов не поднимают, на работу не спешат...*» (Селянгина).

В приметах с образами микромира (человек) в символической части и образами макромира (натурфактами и артефактами) в реальной части антропоморфизация природных образов выявлена в прогнозе, представлена меньшим количеством примеров и реализована только в динамическом аспекте на функциональном уровне. Спектр лексем *уже* и репрезентирован глаголами со значением «каузировать движение или положение предмета в пространстве»: «*Зимней дороги не уровняешь – метель свое* ***возьмет***» (Рыженков), глаголами речевой деятельности: «*В июне весело: цветы цветут, соловьи* ***поют***» (Селянгина), лексемами с семантикой эмоционального состояния: *Срезать цветы для букета лучше утром или вечером, днем они <цветы>* ***утомлены***» (Стрижев).

Антропоморфное представление природных объектов одновременно в двух параллелях приема имеет свои особенности и реализуется в приметогенной ситуации на функциональном уровне, в прогнозе на атрибутивном уровне: «***Накричали*** *галки тепла –* ***бабья*** *осень светла*» [Харченко, Тонкова 2008: 84]. Исследуемые построения на материале народного численника как многовекового «расписания» погоды и

земледельческих трудов отличаются тем, что микрокосмическая параллель средствами присущей ей образности репрезентирует макрокосмическую картину, характерную для определенного календарного времени: «*Придет батюшка Василий Капельник – и зима* ***заплачет***» (Рыженков); «*Прольет Власий маслице на дороге – зиме пора* ***убирать ноги***» [Харченко, Тонкова 2008: 69]. Антропоморфизация образов природы на атрибутивном уровне выражается повтором лексем, характеризующих макрокосмические объекты в приметогенной ситуации и прогнозе: «*Евдокия* ***красна*** *– и весна* ***красна***» [Харченко, Тонкова 2008: 79].

Богатая коллекция вариантов антропоморфизации образов природы выявлена в приметах с имплицитной картиной из человеческой жизни: «*На Сретение небо звездное – зима не скоро начнет* ***плакать*** *(весна поздняя)*» (Рыженков); «*Небо* ***залысилось*** *(очистилось от облаков, прояснело)*» (Рыженков); «*На Пасху солнышко* ***от радости играет***» [Харченко, Тонкова 2008: 77]; «***Злится*** *февраль-коротышка*, что ему мало дней дадено» (Рыженков); «***Зашепчет*** *дождь тихим голосом –* ***поднимется*** *рожь тучным колосом*» [Харченко, Тонкова 2008: 78]; «*Осень* ***говорит****: я поля* ***упряжу****; весна* ***говорит****: а я еще* ***погляжу***» (Стрижев). Художественное воплощение получают мерцание звезд и марево как природные явления (мираж, рефракция, преломление света): *«Звезды* ***играют*** – зимой к вьюге, а летом – к дождю» (Жарков, № 187); *«Марево увесь свет* ***мороче****»* (Жарков, № 194). Метеоприметы содержат антропоморфную характеристику приметоносителя, демонстрирующую образную трансформацию внешнего облика природного объекта, который наделяется соматизмами (*уши*) или принимает вид христианского символа (*креста*): «*Солнце с* ***ушами*** *– к морозам»* (Жарков, № 178); «*Луна в* ***кресте*** *– к морозу»* (Жарков, № 182).

Заключение. Антропоморфизация макрокосмических объектов на материале образного параллелизма получает детализированное выражение в жанре русской народной приметы, что свидетельствует о значимости исследуемой разновидности приема как способа выражения культурных смыслов, воплощенных народным сознанием в фольклорном тексте.

Материалы исследования

1. Жарков С. Н. Народные приметы и предсказания погоды / С. Н. Жарков. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1954. – 169 с.
2. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г. Д. Рыженков. – М.: Современник, 1992. – 127 с. – URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/rugenk/01.php (дата обращения: 22.09.2022).
3. Селянгина К. Н. Календарь народных примет погоды на все дни года / Национальная библиотека Республики Алтай; Сост. К. Н. Селянгина. – Горно-Алтайск: Национальная библиотека Республики Алтай, 2005. – 74 с. – URL: https://royallib.com/read/selyangina_klara/kalendar_narodnih_primet_pogodi_na_vse_dni_goda.html#0 (дата обращения: 22.09.2022).

4. Стрижев А. Н. Календарь русской природы. – М.: Московский рабочий, 1972. – 272 с. – URL: http://geoman.ru/books/item/f00/s00/z0000041/st000.shtml (дата обращения: 22.09.2022).
5. Харченко В. К. Лингвистика народной приметы. Монография / В. К. Харченко, А. А. Тонкова. – Белгород: Изд-во ОАО «Белгородская областная типография», 2008. – 224 с.

Список литературы

1. Доброва С. И. Эволюция семиотических основ образного параллелизма макро- и микрокосма в фольклорном тексте / С. И. Доброва // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 2 (45). – С. 94-113. – URL: https://api-mag.kursksu.ru/api/v1/get_pdf/4435/ (дата обращения: 22.09.2022).
2. Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия: моногр. / С. И. Доброва. – Воронеж : ВГПУ, 2004. – 175 с.

УДК 81’42

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ГЕНДЕРА В БЫЛИННЫХ ТЕКСТАХ

Доброва С.И., канд. филол. наук, доц., ***Терехова Е.С.***
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
svetdobr@mail.ru

Введение. Изучение языка фольклора как мировоззренческого феномена является одним из перспективных направлений современного языкознания. Гендер, будучи социокультурным конструктом, получает разноаспектную объективацию в былинных текстах, воплощающих непреходящие идеи патриотизма и любви к Родине.

Основная часть. Материалом исследования послужили 69 былинных текстов из авторитетных в научном отношении сборников былин в записях середины XVIII века – начала XX века [Орлов 1957, Путилов 1986]. В процессе анализа гендерно маркированной лексики на материале былинных текстов разработана методология исследования, которая включает этапы подготовки электронного корпуса былинных текстов, структурирования материала исследования с применением компьютерных программ с целью автоматизации подсчетов показателей частотности лексем, обработки корпуса текстов методом сплошной выборки с целью составления словников различной функциональной направленности – алфавитного, частотного, в том числе на материале выявленных лексико-семантических групп [Доброва, Станева 2022: 49-56, Доброва, Халилова 2019: 238-244]. Корпус разнофункциональных словников гендерно маркированной лексики как лексикографический продукт является инструментальной основой аналитической обработки гендерно маркированной лексики в аспекте ее структурно-типологических и эволюционно-генетических характеристик, изучения полевой

организации гендерно маркированной лексики былинного текста. Выявленная на материале исследуемого корпуса текстов система гендерно маркированной лексики включает 142 лексемы в 3728 словоупотреблениях, из которых 89 лексем в 2674 словоупотреблениях репрезентируют мужское начало, 37 лексем в 764 словоупотреблениях – женское начало, 16 лексем в 290 словоупотреблениях – метагендерное начало.

Способы репрезентации гендера как социокультурного конструкта в былинном тексте детерминированы спецификой исследуемого фольклорного жанра. Выявлены номинации с непосредственным типом гендерного маркирования [Доброва, Мудрая 2017: 175-181], реализованного в денотативном значении языкового знака. Исследуемый пласт лексики репрезентирован в двух лексико-семантических группах: *социофактах* и *корпусфактах*.

В группе *социофактов* зафиксированы 132 гендерно маркированные лексемы: мужское начало представлено 85 лексемами, женское – 33 и метагендерное – 14. Лексемы группы социофактов отражают различные типы социальных отношений, разнообразные сферы жизни человека как социокультурного существа. В группе социофактов выявлены восемь подгрупп репрезентантов гендера: номинации, представляющие кровное родство; номинации, представляющие некровное родство; номинации, представляющие индивидуальный статус человека; номинации с положительной коннотацией; номинации с отрицательной коннотацией; номинации, репрезентирующие представителей сословий; номинации, представляющие профессии; национально-этнические номинации. В группе *корпусфактов* на материале подгруппы номинаций по возрасту выявлены 11 гендерно маркированных лексем: мужское начало представлено 5 лексемами, женское – 4 и метагендерное – 2.

Доминирование репрезентантов мужского начала в обеих группах исследуемого пласта лексики обусловлено жанровыми особенностями былинных произведений, посвященных героической защите родной земли.

Мужское начало репрезентировано следующими гендерно маркированными лексемами с наиболее высокими показателями частотности: *князь* (397), *царь* (227), *богатырь* (170), *дружина* (148), *калика* (139). Одно из ключевых мест в былинах отводится богатырю, образ которого выражает патриотические идеи, связанные с религиозно-нравственными духовными идеалами народа: «А и на небе просветя светел месяц, / А в Киеве родился могуч *богатырь*, / Как бы молоды Вольх Всеславьевич» [Орлов 1957: 53].

Женское начало репрезентировано следующими гендерно маркированными лексемами с наиболее высокими показателями частотности: *матушка* (137), *девица* (58), *княгиня* (55), *невеста* (40), *жена* (22). Патриархальный уклад общества предполагает покорность и повиновение женщины как хранительницы семейного очага, которая провожает, ждет, встречает, предостерегает сыновей, братьев, мужей,

воплощает идеал преданности и верности: «*Матушка* Добрынюшке говаривала, / *Матушка* Никитичу наказывала...» [Орлов 1957, с. 77].

Метагендерное начало репрезентировано следующими гендерно маркированными лексемами с наиболее высокими показателями частотности: *татары* (67), *гости* (35), *чадо* (29), *народ* (13), *младенец* (8). В фольклорных тестах лексема *татары* выступает номинацией чужого человека, антагониста богатырей, противника, от которого надо защищать святую Русь: «Тут пришли *татары* ты поганые / А нападали на старого казака Илью Муромца / А-й сковали ему ножки резвые / И связали ему ручки белые» [Орлов 1957, с. 128]. Показательно, что номинация врагов русской земли в былине воплощает метагендерное начало и отличается наиболее высокими показателями частотности, что актуализирует идею общечеловеческого характера самоотверженного противостояния захватчикам.

Заключение. Анализ системы гендерно маркированной лексики в былинном тексте позволяет определить многофункциональный характер исследуемого пласта лексики, выполняющей ценностно-ориентированную (аксиологическую), социорегулятивную, дидактическую, суггестивную, эстетическую и другие лингвокультурологические функции**.** Анализ механизмов вербализации структурно-семантических и функциональных характеристик гендерно маркированной лексики в былинных текстах расширяет научные данные о гендерном аспекте фольклорно-языковой картины мира [Доброва 2004, 2019: 194-203], отраженной в русском былинном эпосе.

Материалы исследования

1. Орлов В. Н. Былины: Сборник. – Л.: Сов. Писатель, 1957. – 495 с. – С. 47-442. Корпус исследуемого материала включает 61 былинный текст.
2. Путилов Б. Н. Былины: Сборник. – Л.: Советский писатель, 1986. – 464 с. – С. 52-56, 178-184, 265-268, 355-357, 359-360, 360-361, 472-476, 476-477. Корпус исследуемого материала включает 8 былинных текстов: «Илья Муромец и Святогор», «Константин Саулович», «Чурила и Катерина», «Ловля филина», «Небылица в лицах», «Старина-небывальщина», «Глеб Володьевич и Маринка Кайдаловна», «Чурила Пленкович».

Список литературы

1. Доброва С. И. Система гендерного маркирования параллелизмов-перечней в фольклорном тексте (на материале любовных заговоров) / С. И. Доброва // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий: материалы X Международной научной конференции / научный ред. А. Д. Черенкова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2019. – С. 194-203.
2. Доброва С. И. Эволюция художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия : моногр. / С. И. Доброва. – Воронеж: ВГПУ, 2004. – 175 с.
3. Доброва С. И. Репрезентация гендера в фольклорном тексте (на материале пословиц) / С. И. Доброва, М. В. Мудрая // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – № 2 (275). – 2017. – С. 175-181.
4. Доброва С. И. Лексикографический аспект типологии эпитетов в русских народных загадках / С. И. Доброва, А. Е. Станева // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания: материалы Всероссийского научно-практического Форума (11–23 апреля 2022 г., Воронеж): Филология.

История. Экономика / под ред. Г. А. Заварзиной. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2022. – С. 49-56.
5. Доброва С. И. К вопросу о типологии словников номинаций бытовых реалий (артефактов) в фольклорном тексте: структура, содержание, функциональное назначение (на материале сказок А. Н. Корольковой) / С. И. Доброва, Д. Х. Халилова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – № 2 (283). – 2019. – С. 238-244.

УДК 821.161.1:81'37

РОЛЬ СЛОВАРЯ ВЛАДИМИРА ДАЛЯ В ИССЛЕДОВАНИИ ТВОРЧЕСТВА МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

Дьякова Т.А., канд. филол. наук, доц.
ГОУК «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», г. Луганск, РФ
diako122@rambler.ru

Введение. Развитие антропоцентрической парадигмы исследования языка способствовало появлению и исследованию понятия «идиолект», изучением которого занимались такие выдающиеся отечественные ученые, как М. Гаспаров, В. Григорьев, Ю. Караулов, А. Северская и другие. Поскольку само понятие «идиолект» находится в стадии разработки, существуют различные его трактовки. Полагаем наиболее корректным определение В. Виноградова. Ученый говорил об этом понятии в широком смысле, подразумевая под ним совокупность текстов, порождаемых говорящим и исследуемых лингвистом с целью изучения системы языка.

Одним из основных процессов формирования, развития и существования языка является перераспределение лексики между активным и пассивным запасом. Лексический строй литературных произведений как нельзя лучше иллюстрирует процессы перераспределения лексических единиц в плане активности / пассивности, сферы использования.

Цель работы – проанализировать роль словаря В. Даля в описании устаревшей и ограниченной по сфере употребления лексики как составляющей идиолекта Михаила Матусовского.

Основная часть. Частью лексики пассивного запаса являются устаревшие слова. Анализируя устаревшую лексику произведений М. Матусовского, будем использовать понятия «историзм» и «архаизм». Под историзмами подразумеваем слова, вышедшие из словоупотребления вследствие того, что обозначаемые ими предметы отсутствуют как часть повседневной жизни говорящих.

В работе, посвященной устаревшей лексике, мы рассматриваем различные группы таких слов. Здесь же остановимся на отдельных лексических единицах, которые являются наименованиями водных транспортных средств и использованы писателем для воссоздания

локального исторического колорита: …*Невозможно читать спокойно эти названия, певучие и легкие, как бы уносимые от нас быстрым течением – унженки, бархоты,* ***шитики****, барки, полубарки, коломенки, асланки,* ***тихвинки, соминки, беляны, дощанники****, межумки, подчалки, расшивы <…> Этот перечень звучит для меня не менее торжественно и поэтично, чем список гомеровских кораблей* [3, с. 371].

Далеко не все лексикографические источники современного русского литературного языка фиксируют перечисленные наименования, частично информацию находим в «Словаре русских народных говоров» [4], однако в нем, в большинстве случаев, подается ссылка как на источник информации именно на «Толковый словарь живого великорусского языка» [2].

Для толкования и лексикографического описания выделенных единиц используем словарь Владимира Даля, который предоставляет достаточно подробную информацию об интересующих устаревших словах:

беляна – *волжск*. плоскодонное, неуклюжее и самой грубой работы речное, сплавное судно; самая большая барка, белая, несмоленая, в ней нет ни одного железного гвоздя, и она даже проконопачена лыками; длиной 20–50 саженей, шириной 5–10; сидит 15–20 четвертей, подымает от 50 тысяч до 150 тысяч пудов; беляны развалисты, кверху шире, палуба настлана помостом, навесом, шире бортов; идут только по воде, строятся по Каме и Ветлуге, и спускаются по полноводью с лесом, смолою, лыками, рогожами, лычагами (веревками); на них и парус рогожный. Их вытеснили пароходы с баржами;

дощаник – речное перевозное судно различной величины, плоскодонное, с мачтой; большая плоскодонная лодка, с палубою или полупалубами;

соминка – речное судно, по реке Шексне; ходит больше на шестах;

тихвинка – от названия города, речное судно, по Мариинскому сообщению, подымающее от 2000 до 12 тысяч пудов;

шитик – *волжск*. мелкое речное судно, крытое округлою палубою, как тихвинки [2].

Как видим, в словаре Владимира Даля находим не только толкование указанных слов, но информацию и о происхождении наименований транспортных средств, их техническом устройстве и оснащении, географии применения.

Помимо историзмов, в произведениях Матусовского использованы и архаизмы – устаревшие названия существующих реалий, у которых есть другие, современные названия, одним из множества которых является слово ***франзоля***.

Лексикографические источники не фиксируют данную единицу, нет ее и в реестре самого словаря Даля. Лишь в статье В. Даля «О наречіяхъ рускаго языка» (1852) находим следующее: «Слов, принадлежащих собственно Новороссийскому краю, кажется, нет – кроме разве одесского: франсоля, французский или немецкий хлеб…» [1, с. LXXXII].

Косвенное подтверждение происхождения слова находим в «Полутолковом словаре одесского языка» В. Смирнова: *франзолетта* – длинный тонкий батон, *франзоля* – сдобная булочка; в кулинарном смысле термины не употребляются более полувека [5]. Лексема используется писателем для воссоздания локального бытового колорита, Матусовский приводит и контекстуальное толкование слова: *…человек сугубо земной и к полетам не склонный, свободно парил в воздухе, не выпуская из рук авоськи с продельной крупой и свежими французскими булочками, которые у нас на юге назывались* ***франзолями*** [3, с. 55].

Применяем словарь Даля и для толкования собственно диалектных лексических единиц, одной из десятков которых является ***елоха*** ‘дерево ольха’ [2]. Михаил Матусовский, рассказывая о путешествии на озёра Селигера, расположенные в Тверской и Новгородской областях, приводит выразительную пейзажную зарисовку (подано и контекстуальное авторское толкование лексической единицы): *Лес никогда не может утомить и наскучить: если даже открытая поляна долго остается однообразной и пустынной, театральные задники все время меняются, то полностью повторит грязно-зеленые болотные краски ствол старой ольхи, называемой в некоторых деревнях «****елохой****», то словно стены выкрашенной мелом горницы, светло и обновлено забелеет березовая роща…* [3, с. 383].

Заключение. Таким образом, изучая язык произведений Михаила Матусовского как совокупность текстов, созданных автором, можем говорить об органичной части идиолекта писателя – устаревшей и диалектной лексике, которая в современных условиях нуждается и в семантическом анализе, и в культурно-историческом комментарии. Исследование этого слоя лексического фонда произведений М. Матусовского зачастую просто невозможно без привлечения «Толкового словаря живого великорусского языка» Владимира Даля. Так и перекликается изучение художественных текстов одного луганчанина с выдающимся лексикографическим трудом другого уроженца нашего города. Видимо, не случайно В. Далю и его словарю посвятил строки стихотворения «В музее Даля в Луганске» М. Матусовский:

Сидят сейчас четыре института
Над словарем одним.
А Даль все так же нужен почему-то,
А Даль – незаменим.

Список литературы

1. Даль В. И. О наречіяхъ рускага языка / В. И. Даль // Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка: в 4 т. – М., 1999. – Т. 1. – С. XLIX–XCIII.
2. Даль В. И. Толковый словарь живаго великорускаго языка: в 4 т. / В. И. Даль. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://slovardalja.net/letter.php?charkod=192
3. Матусовский М. Семейный альбом / М. Матусовский // Матусовский Михаил. Проза. – Луганск, 2011. – С. 7–550.

4. Словарь русских народных говоров. – Вып.1–47. – Л. – СПб., Наука. – 1965–2014.
5. Смирнов В. П. Полутолковый словарь одесского языка / В.П. Смирнов. – Одесса, 2002. – 276 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/smirnov_valeriy/polutolkoviy_slovar_odesskogo_yazika.html

УДК 81’373

К ВОПРОСУ О СООТНЕСЕННОСТИ ПОНЯТИЙ *КОНЦЕПТ* И *КОНЦЕПТОСФЕРА*

Евсеева М.Г., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
m.evseeva@donnu.ru

Введение. Данная работа посвящена обзору и анализу ключевых моментов становления в отечественном и зарубежном языкознании и соотнесенности понятий ***концепт*** и ***концептосфера***.

Основная часть. Идея филологического осмысления гностического понятия концепт принадлежит, как известно, С.А.Аскольдову (Алексееву), работа которого “Концепт и слово” [1] долгое время оставалась малоизвестной после первой публикации. Обращение к названной работе Д.С. Лихачева в статье 1993 г. [3] и повторное опубликование обеих работ в 1997 г. породили новую волну научного интереса к проблемам дифференциации и функционирования концептов в языке, культуре, художественном тексте. С.А. Аскольдов, с одной стороны, трактует концепт семиотически и “статически” – как “общее понятие” [1, с. 267], “мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода” [1, с. 269], с другой стороны, “динамически” – как “зачаточный акт к возможным операциям над конкретностями” [1, с. 263]. Художественный концепт мыслится исследователем как “потенциал” образа, “ключ” к нему, “задача найти по части целое” [1, с. 275]. Среди художественных концептов С.А.Аскольдов выделил концепты художественно-эмотивные, “заключающие не только потенцию к раскрытию образов, но и разнообразно волнующих чувств и настроений” [1, с. 276]. Как видим, тесная сопряженность концепта с предметными сферами коннотации и художественной образности была определена “с первых дней” его существования в филологии.

Д. С. Лихачев, развивая в упомянутой работе [3] идеи С. А. Аскольдова, предлагает считать концепт своего рода “алгебраическим выражением значения”, которым мы оперируем в своей письменной или устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек не может” [3, с. 281]. Кроме того, содержание концепта, по Лихачеву, существенно обусловлено языковыми опытом и компетенцией говорящего (а “качество” восприятия концепта – теми же характеристиками слушающего). Поэтому “концепт не только подменяет собой

значение слова, и тем самыми снимает разногласия, различия в понимании значения слова (…), он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества” [3, с. 282]. Как видим, частичное пересечение сфер обозначаемого концепта и коннотации прослеживается и в данном рассуждении. В адекватном восприятии концепта важную роль играет его контекстуальное окружение. Таким образом, «концепт находится между богатыми возможностями, возникающими на основе его “заместительной функции”, и ограничениями, определяемыми контекстом» [3, с. 282]. Существенным является также замечание Д. С. Лихачева о том, что “своими концептами обладают не только отдельные слова, но и целые фразеологизмы” [2, с. 283]. Собственно, это утверждение справедливо в той мере, в какой фразеологизм (идиома) приближается к слову в плане нечленимости своего значения. Иными словами, идиома представляет собой “единицу смысла” – так же, как и концепт. Совокупность концептов и “открываемых (ими. – М.Е.) потенций” Д. С. Лихачев предложил называть *концептосферой* [3, с. 282] “по типу терминов В. И. Вернадского ноосфера, биосфера и пр.” [3, с. 287]. Исследователь выделяет концептосферу языка и концептосферу конкретного человека.

Ю. С. Степанов [4] определяет концепт как «“пучок” представлений, понятий, значений, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» [4, с. 43]. Для нас существенно проводимое исследователем разграничение сфер, обозначаемых терминами ***концепт*** и ***понятие***. “В понятии, – отмечает Ю.С. Степанов, – различают объем – класс предметов, который подходит под данное понятие, и содержание – совокупность общих и существенных признаков понятия, соответствующих этому классу” [4, с. 44]. В гуманитарной гностике “термином ***концепт*** называют лишь содержание понятия; таким образом, термин ***концепт*** становится синонимичным термину ***смысл***. В то время как термин ***значение*** становится синонимичным термину ***объем понятия***” [4, с. 44]. Комментируя данную понятийную дифференциацию, Ю.С. Степанов приводит известные слова Готтлоба Фреге (“Смысл – это путь, которым люди приходят к значению”) и констатирует далее: “Такое понимание смысла включает в него и историю концепта, как бы подвергшуюся “компрессии”, сжатую и синтезированную” [4, с. 45]. Соответственно, в концепт (в данной его трактовке), наряду с синхроническим значением соответствующей языковой единицы, латентно входят ее диахронические (глоттогонические) семантические реляции и весь спектр возможных для нее коннотаций – референтных и эмоционально-экспрессивных (как в приводимом Ю.С. Степановым примере «‘петух’ – ‘вещая птица, с которой связано много поверий и обрядов’» [4, с. 45]).

В.И. Карасик [2], основываясь на анализе ряда существующих исследований, предлагает следующее определение: “концепт – многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная,

образная и понятийная стороны” [2, с. 129]. Исследователь сопоставляет два сложившихся к настоящему времени подхода к пониманию концепта – лингвокогнитивный и лингвокультурный и приходит заключению о том, что эти подходы “не являются взаимоисключающими: концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т.е. в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида” [2, с. 139].

Л.А. Шестак [5] также определяет концепт синкретично – в русле лингвистической и культурологической трактовок одновременно, – как “смысловое поле, ценностно осмысленное традиционное знание” [5, с. 16], где “ценностность” – категория культуры; “смысл (знание)” – когнитивной лингвистики. Исследовательницей принимается и понятие концептосферы. “Концептосфера и тезаурус национального сознания, – отмечает Л.А. Шестак, – различаются отражением объективно-субъективного плана (тезаурус) и ценностно-осмысленных (концептосфера) точек бытия” [5, с. 16].

Заключение. Завершая обзор основных трактовок понятия *концепт* в соотнесенности с понятием *концептосфера*, считаем необходимым отметить, что определение концепта до сих пор является проблематичным для ведущих представителей отечественного и зарубежного языкознания. Поэтому для исследователя, оперирующего этими понятиями, на наш взгляд правомерно не выдвигать собственной его формулировки, а воспользоваться каким-либо из существующих определений. Нам близко вышеприведенное определение, предложенное В.И.Карасиком: ***Концепт*** – “многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны” [2, с. 129].

Список литературы

1. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс.– Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280-305.
4. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – 989 с.
5. Шестак Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса. – Волгоград: Перемена, 2003. – 311 с.

УДК 81’42

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОДНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИСТОРЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Заварзина В.А.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
zva0604@yandex.ru

Введение. Ресурсы Национального корпуса русского языка позволили выявить количественные данные по частотности употребления лексической единицы «гимназия», которая, на наш взгляд, относится к ряду «культурных историем, т.е. словесных единиц, обозначающих принципиально важные для национальной русской культуры реалии и значимых для правильного восприятия русских исторических и художественных текстов» [1].

Основная часть. Как известно, частотность употребления лексической единицы «гимназия», относящейся к числу так называемых «культурных историем», поскольку обозначает весьма важное для русской культуры понятие, менялась в разные исторические периоды развития российского государства и зависела от происходящих в обществе трансформаций (см. рис. 1). Подобные изменения сопровождались серьезными трансформациями в плане ее содержания, представленными на уровне разных компонентов лексической семантики.

Рис. 1. Динамика изменения частотности употребления слова «гимназия» от начала ее появления до настоящего времени

К началу XXI века отмечается увеличение частотности употребления словесного знака «гимназия» в связи с нарастающим процессом воссоздания гимназий, в основе которого лежал принцип формирования учащихся как представителей интеллигенции, способных сыграть большую роль в глобальных изменениях новой России. Следует отметить,

что в современный период развития русского языка из плана содержания слова «гимназия» исчезает темпорально-стилистическая сема «устаревшее», «дореволюционное», «в дореволюционной России», «в царской России», «в России до 1917 г.» и появляется семантический компонент «современное» [2]. Ср.: «гимназия – в России до 1917 г. и некоторых других странах: общеобразовательное среднее учебное заведение» [3; 4]; «гимназия – в современной России: среднее учебное заведение с расширенной и углублённой программой изучения некоторых школьных предметов (обычно гуманитарного цикла)» [3].

Как показал анализ данных Национального корпуса русского языка, пик роста частотности употребления словесного знака «гимназия» приходится на 2015 год со значением словоупотреблений, равным 35.666004. Ср.: 13.12505 в 2000 году, 18.766 в 2007 году, 21.7991 в 2019 году и др. (см. рис. 2). На наш взгляд, это обусловлено начавшимся в 2010-2012 годах новым витком реформирования системы отечественного образования, связанным с унификацией образовательного процесса, инклюзивизацией всех типов образовательных учреждений, тенденциями к ликвидации межшкольного неравенства, курсом на внутреннюю, а не внешнюю, дифференциацию обучающихся.

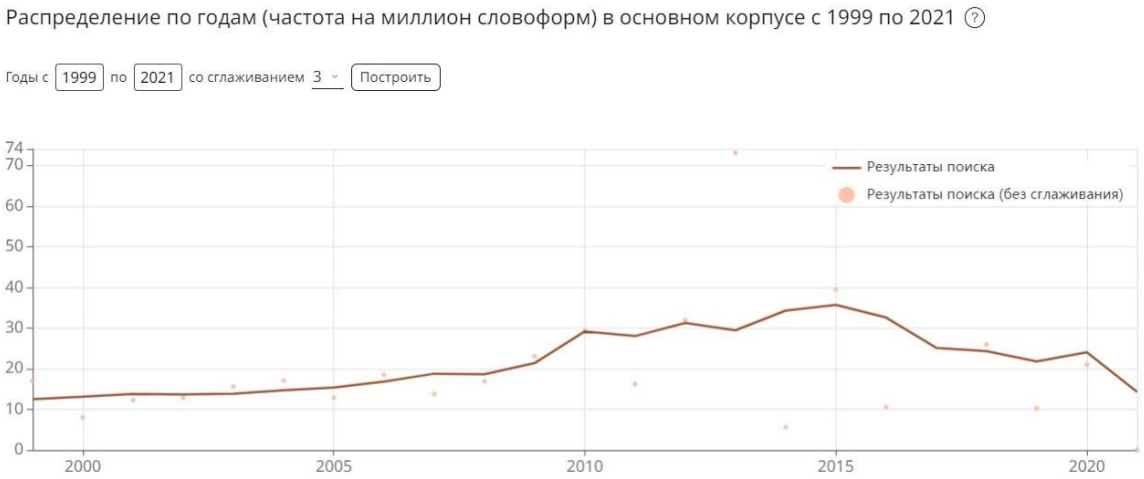

Рис. 2. Динамика изменения частотности употребления слова «гимназия» с 2000 до настоящего времени

Так, с принятием 29 декабря 2012 г. Закона №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательные учреждения утратили статус гимназий и лицеев. И потому в 2012-2017 гг. в российских средствах массовой информации, в том числе на образовательных порталах, в газетах и журналах, посвященных образованию, появляется большое количество заголовков, посвященных начавшемуся реформированию образовательного процесса. Ср.: «Новый закон об образовании отменит лицеи и профильные школы» (Комсомольская правда, 22.10.2012), «Коррекция классов: в России ликвидируются элитные школы и гимназии» (lenta.ru, 10.10.2014) «Гимназии станут школами» (Пензенская правда, 04.02.2015) и др. На исполнение закона отводилось 5 лет, было необходимо разработать

проект нового устава школ. И к 2017 году стало возможно заявить, что понятия «гимназия», «лицей», «школа с углубленным изучением» какого-либо предмета, «коррекционная школа» вышли из системы образования. Ср.: «Столичные гимназии и лицеи перевели в статус обычных школ» (pedsovet.org, 31.08.2017) и др. К 2017 году индекс частотности употребления словесного знака «гимназия» уже составлял 25.12126 и к 2021 году значительно уменьшился, достигнув значения, равного 14.28663. По нашему мнению, снижение внимания к данной языковой единице напрямую связано с выходом гимназии как особого типа образовательного учреждения из системы российского образования и, следовательно, выведением из активного применения, пассивизации лексической единицы «гимназия» в системе современного русского языка.

Заключение. Проведенный анализ показал, что к настоящему времени частотность употребления лексической единицы «гимназия» значительно снизилась по сравнению с частотностью ее употребления в начале XXI века. Это обусловливается начавшимися в 2010-2012 гг. изменениями в структуре системы отечественного образования, стремлением к ее унификации и, следовательно, упразднением к 2017 году гимназий как особого типа образовательных учреждений в современной России.

Список литературы

1. Загоровская О. В. Состав и основные разряды устаревшей лексики в русском языке новейшего периода / О. В. Загоровская // Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии: монография. – Воронеж, 2013. – С. 69–77.
2. Заварзина В. А. Ресурсы национального корпуса русского языка в исследовании культурных историем (на примере словесного знака «гимназия») / В. А. Заварзина // Известия Воронежского государственного педагогического университета, 2021. – № 4. – С. 194–199. – DOI 10.47438/2309-7078_2021_4_194.
3. Кузнецов С. А. Толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – С. 212.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1. – М.: Советская энциклопедия; ОГИЗ, 1935. – С. 267.

УДК 82.161.1-2”20”

СВОЕОБРАЗИЕ РЕМАРОЧНОГО ПЛАСТА СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

З***айцева И.П.,*** д-р филол. наук, проф.
УО «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»,
г. Витебск, Республика Беларусь
irinazaj91@mail.ru

Введение. Современная драматургическая речь – словесное пространство пьес, созданных в XXI веке, – в настоящее время изучена

явно недостаточно, причём как в лингвистическом аспекте, так и с позиций соприкасающихся с лингвистикой междисциплинарных областей. Между тем исследования этого феномена видятся чрезвычайно актуальными хотя бы потому, что именно в драматургии во все периоды её существования – в данном случае речь идёт прежде всего о драматургии русской – словесная ткань была максимально приближена к тому, как говорили «в жизни», т. е. к живому языку той или иной эпохи, который функционирует преимущественно в сфере разговорного общения (как разговорно-литературного, так и разговорно-бытового и разговорно-просторечного).

Основная часть. Безусловно, наибольший исследовательский интерес при изучении драматургической речи представляет «зона персонажей» пьесы – речевые проявления действующих в произведении лиц, которые практически всегда преобладают в нём и пространственно; словесная ткань, воплощающая «зону автора», как правило, значительно уступает первой по объёму, а в некоторых пьесах сводится к минимуму (так, например, этот композиционно-речевой пласт может ограничиваться лишь перечнем действующих лиц или единичными, весьма лаконичными, ремарками). Однако в современной драматургии отчётливо прослеживаются и ряд тенденций, свидетельствующих об определённой трансформации «зоны автора», что позволяет сделать вывод и о некотором изменении отношения драматургов к характеру и степени представленности в пьесе авторского «голоса», что, в свою очередь, может быть обусловлено различными причинами.

Примечательно, что в течение нескольких десятилетий (начиная с середины прошлого столетия) произошли некоторые изменения и в терминологической трактовке ремарки как элемента драматургического произведения (в данном случае мы ограничиваемся анализом лишь филологических толкований, не затрагивая, к примеру, собственно театроведческие и культурологические; впрочем, будучи синкретичным по своей природе, словесное искусство драматургии, безусловно, испытывает влияние смежных с филологией сфер, что отражается и в терминологии). Так, Б.В. Томашевский в работе «Теория литературы. Поэтика» (впервые издана в 1925 г.) определяет ремарки как фрагменты, «которые дают указания руководителю спектакля – режиссёру, какие сценические средства должны быть применены в осуществлении спектакля» [1, с. 212]. Таким образом, заключает исследователь, «ремарки имеют служебную роль сообщения о художественном замысле актёрам и режиссёру и поэтому **обычно излагаются простым, обычным прозаическим языком**. В редких случаях мы видим **применение художественного стиля в ремарках в целях большей эмоциональной убедительности указаний**» (выделено мною. – И. З.) [1, с. 212].

В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987), где в целом ремарка определяется сходно с трактовкой Б.В. Томашевского – как «указание автора в тексте пьесы (обычно в скобках) на поступки героев, их жесты, мимику, интонацию, на психологический смысл их высказываний,

на темп речи и паузы, на обстановку действия», в то же время отмечается, что «**для многих пьес 20 в. характерна развёрнутая, беллетризованная ремарка**» (выделено мною. – И. З.) [2, с. 293]. О ещё большем возрастании значимости ремарки в структуре драматургического дискурса можно судить по определению этого термина в словаре «Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий» (2008), где предлагается функциональная классификация ремарок, довольно заметно отличающаяся от принятых ранее (ср., в частности, замечание о назначении ремарок в предыдущем определении): «**РЕМАРКА** – драматургический термин, обозначающий пояснения, замечания, комментарии к изображаемому в драме событию. ... Ремарка должна отвечать на вопросы: где, когда совершается изображённое событие, кто участвует в нём, в какой зависимости изображённое событие находится с предшествующим ходом действия. Различаются в зависимости от функций **вступительные**, **технические** и **психологические** ремарки» [3, с. 206]. В приведённом определении содержится также замечание о том, что некоторые вступительные ремарки могут дополнительно выполнять ещё одну специфическую функцию, указывая режиссёру «на монтажную последовательность в изображении, что является отличительным признаком **сценарных** ремарок. Считается, что сценарная ремарка – это образная характеристика свершающегося в настоящий момент действия, которая **даёт направление для кинематографического прочтения**» (выделено мною. – И. З. [3, с. 206].

Приведённые определения ремарки, отражающие осмысление этого компонента произведения драматургии на протяжении почти векового периода, как представляется, свидетельствуют о постепенном, но при этом довольно существенном расширении его функций в драматургии XX и XXI веков, что, безусловно, нашло отражение и в речевом оформлении ремарок. Помимо уже довольно давно замеченных исследователями большей *развёрнутости* и *беллетризованности* ремарок в пьесах XX столетия, для ремарок в драматургии XXI века практически привычным свойством стала также очевидная *оценочность* и явная *включённость в «монтирование»* драматургического сюжета, что, с нашей точки зрения, обусловило и повышение роли ремарочного пласта в выражении авторской концепции в принципе. В первую очередь отмеченные свойства характерны для ремарок вступительных – композиционных фрагментов, начинающих пьесу, – что позволяет классификационно объединить эту разновидность ремарок в особую группу, которую ещё предстоит детально изучить.

Подтвердим сказанное выше лишь одним примером, типичным, по нашему мнению, для драматургии последних двух десятилетий, – вступительной ремаркой из оригинальной как по композиции, так и по ряду иных особенностей пьесы – произведения Е. Черлака «Ипотека и Вера, мать её» (2011), содержащей, как представляется, все отмеченные особенности: «*Обычный кабинет в районной прокуратуре: видавшая виды мебель с инвентарными номерками, заваленный бумагами и справочниками*

стол. На подоконнике – полузасохший столетник. На стене тикают часы. Под ними – календарь, пластмассовый бегунок которого, по-видимому, уже давно не отмечает новые дни. Но что действительно приковывает взгляд – так это шикарные рыцарские латы. Они стоят в углу, блестящие металлические руки пустотелого «крестоносца» опираются на длинный меч.

За столом сидит Ярослав Игоревич. Несмотря на то, что в кабинете жарко и душно, он одет по всей форме: рубашка, галстук. Синий прокурорский китель застёгнут на все пуговицы. Вера пристроилась на шатком стуле рядом со столом хозяина кабинета. Она равнодушно отвечает на вопросы следователя, а сама то и дело поглядывает на большой свёрток, в котором – её новорождённая дочь, плотно упакованная в одеяло и пелёнки. Свёрток с ребёнком Вера оставила на другом столе – у двери, рядом с зачехлённой пишущей машинкой» [4, с. 43].

Заключение. Таким образом, ремарочный пласт современной драматургической речи демонстрирует очевидное своеобразие, которое, с одной стороны, обусловлено опорой на существующие в рамках этого литературного рода традиции, однако одновременно отражает явное расширение функциональной значимости данного композиционно-речевого пласта. Более глубокое и разноаспектное исследование ремарочной сферы современных пьес позволит дополнить теорию драматургического дискурса, которая в настоящее время находится в стадии становления.

Список литературы

1. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие / Вступ. статья Н. Д. Тамарченко; Комм. С. Н. Бройтмана при участии Н. Д. Тамарченко / Б. В. Томашевский. – Москва: Аспект-Пресс, 1996. – 334 с.
2. Хализев В. Е. Ремарка / В. Е. Хализев // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – Москва: Советская энциклопедия, 1987. – С. 583.
3. Польшикова Л.Д. Ремарка / Л. Д. Польшикова // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – Москва: Издательство Кулагиной, Intrada, 2008. – С. 206.
4. Черлак Е. Ипотека и Вера, мать её. Неоконченное дело в одиннадцати параграфах / Е. Черлак // Современная драматургия. – 2011. – № 2. – С. 43–58.

УДК 81'42

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ С НОМИНАЦИЕЙ «ЕДА/НАПИТКИ» В СТРУКТУРЕ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. В. ГОГОЛЯ

Калмыкова Д.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
darya-kalmikova@mail.ru

В словарном составе современного русского литературного языка обращают на себя внимание тематические группы, наиболее тесно связанные с жизнедеятельностью человека. Одним из важнейших фрагментов словаря следует считать лексико-тематическую группу «еда / напитки», лексические единицы которой по своим семантическим особенностям относятся к предметно-бытовой лексике. Поскольку пища является необходимым условием существования социума, то лексика, относящаяся к этой понятийной сфере, занимает центральное место в лексиконе каждого человека [5, с. 16]. Возросший интерес к лингвистическому исследованию номинаций пищи вполне закономерен. Во-первых, под влиянием ценностных установок общества ученые в настоящее время активно изучают лексические номинации, представляющие бытовую сферу жизни, с позиций истории их становления и эволюции, а также лингвокультурологической характеристики, приобретающей особую значимость в связи с необходимостью исследования языка как орудия создания, хранения и трансляции культуры народных говоров в составе художественных произведений Н.В. Гоголя.

Цель данной работы состоит в том, чтобы изучить, описать и проанализировать лингвокультурные особенности русской бытовой лексики с номинацией «еда, напитки» в структуре драматических произведений Н.В. Гоголя

Основная часть. Лексика народных говоров сохраняет богатый фактический материал не только для лингвистики, но и для истории, этнографии, что и привлекает к себе внимание исследователей. В современных условиях развития общества, пришло время глубокого разноаспектного изучения лексики быта и жизни диалектоносителей разных регионов, которое, помимо других задач, имеет цель сохранения колоритной диалектной лексики как свидетельства истории культуры народа [1, с. 36].

Важным источником для изучения данного пласта лексики являются лингвистические работы различных авторов, которые помогают выяснить вопросы, связанные с историей языка, определить этапы его функционирования, ведь «при всей очевидности изменений в словарном составе языка, лексическая система сохраняет такие архаичные черты, которые часто несут большую информацию, чем реликты других структурных уровней» [2, с. 93].

Отдельного внимания заслуживает такой пласт бытовой лексики как «еда / напитки», поскольку именно лексическая категория «еда/напитки» является основанием, на котором выстраивается обширная парадигма человеческого мировосприятия и человеческой деятельности. Поэтому внимание к этой сфере проявляют такие направления, как когнитивная лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология и другие области языкознания. Подобного рода исследования, опирающиеся на антропоцентрический подход, помогают осмыслить «человека в языке» и «язык в человеке» [5, с. 18].

Лексическое значение гастрономической лексики (глюттонимов) часто является производным и образно мотивированным. Сохраняя живую внутреннюю форму, это лексика часто служит источником образных наименований и характеристик различных фактов и явлений действительности [4, с. 10].

Иерархическая смысловая структура единиц, номинирующих лексико-семантическую группу «еда / напитки» в художественном тексте, проявляется в различных типах отношений, связанных с денотативным и коннотативным значениями. В первом случае объединение единиц осуществляется на основе понимания питания как жизненного явления; во втором – как жизненного явления, преобразованного в авторском сознании (как особого культурного феномена, получающего смысловые репрезентации в текстах). Все лексические единицы, образующие концепт «еда / напитки», в пространстве художественного текста объединяются как слоты единого фрейма [1, с. 74].

При этом глюттонимы не только отражают, но и во многом способствуют формированию картины мира современного человека, или его когнитивной модели мира. Именно специфика гастрономической номинации составляет характерный для каждой нации арсенал языковых средств, в котором находит своё отражение дух народа. Данное явление со всей очевидностью прослеживается в номинациях значимых для русской культуры продуктов питания.

Таким образом, названия продуктов питания гастрономического дискурса способны внедряться в сознание носителей языка и тем самым участвовать в формировании его языковой картины мира наряду с понятиями, составляющими актуальный когнитивный слой. Представление о значимости круга лексики бытовой сферы в литературном языке 19-го века может дать краткий перечень ее тематических групп, имеющейся в работе Н.С. Марушкиной [3, с. 9]: Слова-названия блюд: *пряник, книш, сайка, вареники, галушки, щи*; слова-названия напитков, преимущественно хмельных: *брага, сбитень, варенуха, узвар, медовуха, сивуха*.

Этот перечень может быть продолжен.

Следует заметить, что к лексике бытовой сферы относятся слова, являющиеся именами существительными, которые называют предметы и явления быта, обычаи, материально-культурные ценности (в данном случае связанные номинацией «еда / напитки»). Функции бытовой лексики

в художественных произведениях Н.В. Гоголя разнообразны. По наблюдениям, в драматических произведениях Н.В. Гоголя бытовая лексика чаще всего используется для создания повседневных картин быта. Такая лексика встречается в художественных зарисовках автора при описании устройства быта героев произведения: «Теща *отсыпала* немного *галушек* из большого казана в миску*, чтобы не так были горячи*», а также в сравнительных оборотах: «Тот *имеет отличного французского повара*, … но, увы, *должен довольствоваться* каким-нибудь *немецким обедом из картофеля*». Названия пищи и напитков достаточно широко употребляются в речи, что позволяет нам делать выводы о мировосприятии и ментальности определённого народа. Именно в названиях еды и напитков в большой степени отражена национальная картина мира, что мастерски воплощается автором в структуре большинства его произведений. Данным обстоятельством и характеризуется интерес к номинации национальной еды и напитков в структуре художественного произведения, что и обуславливает актуальность темы исследования.

Заключение. Следовательно, можно утверждать, что лексический фонд произведений Н.В. Гоголя представлен относительно большим количеством колоритной бытовой гастрономической терминологии. В процессе исследования особенностей использования бытовой гастрономической лексики в произведениях Н.В. Гоголя было установлено, что автор соблюдает уникальные народные традиции при изображении блюд национальной кухни, а средства, которыми автор репрезентует описание блюда и процесса его поглощения, свидетельствует об уникальности авторской манеры одного из виднейших русских писателей первой половины 19-го века. Авторское использование бытовой гастрономической лексики даёт возможность ознакомить читателя с лингвокультурными реалиями эпохи творчества автора.

Список литературы

1. Демчук И. Ф. Концепт еды в рассказе Владимира Сорокина «Настя» / И. Ф. Демчук. – Тернополь: ТНПУ им. В. Гнатюка, 2018. – 85 с.
2. Кириленко С. А. Наслаждение вкусом / С. А. Кириленко // Studia culturae. Вып. 1. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 93–106.
3. Марушкина Н. С. Концепт «еда» в контексте диалога культур: автореф. дис. … канд. филол. н. / Марушкина Надежда Сергеевна. – Иваново, 2014. – 25 с.
4. Яковлева Е. Л. Многоапектность гастрономических повседневных практик: лингвокультурологический код / Е. Л. Яковлева // Лингвокультурология. – 2018. – № 1(19). – С. 7–16.
5. Якушева В. М. Концепт «еда / напитки» как фрагмент языковой картины мира в произведениях русских писателей 19 в. / В. М. Якушева. – Санкт-Петербург: СПбГУ, Филологический факультет, 2019. – 86 с.

УДК 81’42

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ТЕКСТАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЫ

Капиносова М.А., Гладкая Н.В., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
kapinosova.mari@mail.ru

Введение. Современную реальность невозможно представить без рекламы. Рекламные тексты отражают культуру самого общества на разных этапах его существования. Считается, что период ее становления и активного развития начинается с распада Советского Союза. Как в языке в целом, так и в рекламе любого государства, присутствуют особенности национального менталитета. Одним из новых элементов информационной насыщенности рекламных текстов стали исторические факты, аллюзии и упоминания о конкретных событиях.

Задача любой рекламы состоит в том, чтобы найти средства и методы для выражения определенных положений. Один из лучших способов добиться этой цели – создать уникальный и запоминающийся рекламный слоган с помощью языковой игры. Исследователь В.З. Санников предлагает следующее определение: «Языковая игра – это некоторая неправильность (или необычность), осознаваемая и намеренно допускаемая говорящим» [1]. ***Цель*** нашего лингвистического исследования – продемонстрировать основные приемы языковой игры, используемые в рекламных текстах современной российской рекламы. ***Объектом*** исследования являются рекламные слоганы и тексты современной российской рекламы. ***Предметом*** данного исследования являются приемы языковой игры и особенности их реализации в рекламных текстах российской рекламы.

Основная часть. Наглядная классификация языковой игры приводится в исследовании С.В. Ильясовой [2].

1. Фонетическая игра, при которой в качестве шутки используются графические приемы, позволяющие донести до читателя как графическую, так и фонетическую форму слова. Например, ***«Бисплатно – все входящие с мобильных. Билайн»***.

2. Графическая игра, которая строится на основе букв или знаков препинания. Сюда относятся приемы сокращения слов, проблемы между словами, капитализация, отступы, подчеркивании и другие. ***«REMские каникулы»*** – REM – название рок-группы (графогибридизация).

3. Морфологическая игра, основанная на нарушении морфологических признаков слов. Например, ***«Его правда убили? – Нет, в шутку, правдее некуда»***.

4. Словообразовательная игра, которая заключается в производстве слов с нарушением законов действия продуктивных типов, по типам

непродуктивным, по конкретному образцу или по типам, специфическим для окказионального словообразования. Например, ***«Обуватели с обойки».***

5. Игра с прецедентными феноменами. Под прецедентными феноменами понимаются языковые явления, «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества. Например, ***«С чего начинается PROдина?»*** (трансформация строчки из известной песни).

6. Обыгрывание неоднозначности, т.е. столкновение значений многозначных слов. Например, ***«НАКИПЕЛО? Защитить вашу стиральную машину от разрушительной накипи и ее последствий вам поможет Calgon».***

Границы употребления языковой игры в рекламных текстах достаточно широки, поэтому в данном исследовании мы приведём классификацию приёмов этого явления на *материале современной российской рекламы.* Мы использовали примеры рекламных *текстов из телевизионной и интернет рекламы продукции и услуг*.

1) *Графическая языковая игра* строится на основе букв или знаков препинания. Сюда относятся приемы сокращения слов, проблемы между словами, отступы, подчеркивании и другие. С помощью графического искажения автор рекламного слогана создаёт так называемое «двойное» прочтения одной фразы: «***Ну, замороЗИЛ» (реклама холодильников ЗИЛ); «Приглашаем на КОРОНАцию» (реклама пива «Сибирская корона»).***

2) Фонетическая языковая игра

Слова, выделенные ритмом и рифмой в стихотворении, запоминаются потребителем гораздо лучше, поэтому в рекламе мы часто встречаем рифмованные фразы: «***M&M's – в любом месте веселее вместе!»; «Кофе Жокей – смотри на жизнь веселей!»; «Пей Вико, живи легко!»; «Пейте без остановки "Напитки из Черноголовки"!».***

3) Лексическая языковая игра:

*Использование позитивно и негативно окрашенной лексики (****«Bounty – райское наслаждение», «Venus – почувствуй себя богиней!»; «Orbit. Самая вкусная защита от кариеса»);*** **о**кказиональные *выражения (****«Чистота – Чистотайд», «Volvo S40. Жемчужина эVOLVOлюции», «Кириешнутые советы»)*** *и многозначные слова (****«Mars – всё будет в шоколаде!», «Хорошо иметь «Домик в деревне»!», «Где наслаждение, там «Я»).***

4) Морфологическая языковая игра.

С точки зрения языковых особенностей, в них преобладает повелительное наклонение: «будь», «носи», «живи», «пей» и т. д.: ***«Сделай паузу, скушай Twix!»; «Zewa – Положитесь на нашу мягкость»; «Пейте без остановки "Напитки из Черноголовки"!» (в данном случае также есть фонетическая игра с рифмой).***

5) Словообразовательная языковая игра

Использование префиксов, типа МЕГА-, СУПЕР-, УЛЬТРА-, МУЛЬТИ-и т.д. помогают заложить максимум убеждающей информации в

минимум рекламный текст. Например: ***МЕГАскидки, СУПЕРфрэш, МУЛЬТИвалтный вклад, УЛЬТРАлифтинг.***

6) *Синтаксическая языковая игра*

Как мы уже отмечали, авторы рекламных текстов часто используют повелительное наклонение, чтобы замотивировать покупателя: ***«Загляни! (реклама магазина сотовой связи «Связной»)»; «Зарядись по полной! (реклама зарядного устройства)».***

Заключение. В ходе данной работы мы доказали, что рекламный текст – это полноправный языковой жанр. На многочисленных примерах мы продемонстрировали, что в создании рекламных слоганов задействован весь спектр приёмов языковой игры: от фонетических до синтаксических. Частое использование побудительных предложений, шуточных форм и множество художественных средств подтверждает мысль о том, что реклама призвана оказывать эмоциональное воздействие на потенциального покупателя продукта.

Список литературы

1. Санников В. З. Русская языковая шутка: От Пушкина до наших дней. М., 2003. – С. 247-253.
2. Ильясова С. В., Амири Л. П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – 5-е изд., стер. – М.: Флинта, 2015. – 296 с.

УДК 81’42

БАЗОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМЫ *ИГРА*

Карпенко А.В.

ГБУ ВО «Академия Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики имени Ф.Э. Дзержинского», г. Донецк, РФ

davd@davd.su

Язык является универсальным средством определения мира и воплощением ценностного смысла культуры. Данный термин создан на основе термина «культурема», обозначающего элемент действительности, свойственный определённой культуре. Термин «лингвокультурема» был предложен В. В. Воробьёвым и включал единство знака, значения и соотносимого с культурой понятия [3, с. 48] Языковой знак обозначает культурему как фрагмент действительности, свойственный определённой культуре, а лингвокультурема – проекция элемента культуры в языковой знак.

Л. Г. Веденина определяет этот термин, как название предметов, концептов одной лингвокультурной общности, которые не встречаются у представителей другой лингвокультуры. В. Г. Гак рассматривает лингво-культурему как понятийную сферу культуры, определяющую связь языковой и внеязыковой действительности посредством мышления. По мнению Н. Н. Кирилловой и А. Л. Афанасьевой, лингвокультурема –

«абстрактная сущность, конкретным выражением которой является языковая единица определенной структуры (лексема или фразеологическая единица, включающая в себя не только денотативно-сигнификативное значение, но и культуроносные семы, выражающие определенные культурные коннотации)» [4, с. 73]

Используя когнитивный подход при определении лингвокультуремы, В. Воробьёв полагает, что это микрофрейм, представленный блоком знаний о культуре, который включает языковую форму, знак с определённым лексическим значением, прикрепляемый к лингвокультурологическому полю. В. В. Воробьев сравнивает лингвокультурему со словесным образом, отражающим эстетическую ценность и моделирующим действительность в языке художественной литературы. По определению Г. М. Алимжановой, лингвокультурема – единица, которая появляется в тексте с целью реализации конкретного значения.

Феномен игры является предметом изучения многих наук, так как игра – одна из древнейших разновидностей человеческой деятельности. Во всех культурах концепт «игра» одинаково значимый и вызывает интерес. Й. Хейзинга определяет игровой характер культуры, составляющими которой являются мифология, поэзия, музыка, религиозные обряды, война, представленные игрой. Мы рассматриваем лингвокультурему «игра» с точки зрения языка и внеязыкового культурного смысла. По мнению Э. Финка, с помощью игры можно понять разные стороны бытия, взаимоотношения между людьми, поведение человека и общества.

Как было сказано выше, лингвокультурема – особый микрофрейм, поэтому концепт «играть» – фреймовая структура, которая отражает определённую ситуацию и включат объект и субъект. По мнению Болдырева, «фрейм – это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определённой, часто повторяющейся ситуации» [2, с. 61]. Как полагает Н. А. Кобрина, предикат устанавливает отношения между субъектом и объектом и способен комбинировать единицы различного коммуникативного назначения, определяющие деятеля и его действия, в единую ситуацию. Предикат, в данном случае «играть», выступает пропозициональным фреймом и является неизменным, а вид игры определяет её участников. Фрейм является базовой пропозициональной моделью и состоит из слотов – узловых и терминальных, причём узлы содержат объективные (постоянные) данные, а терминалы – переменные, отражённые в конкретной ситуации.

Фрейм «игра» может быть выражен как открытыми, так и закрытыми предикатами – латентными, явно невыраженными, но обозначающими те или иные признаки, которые отражены в самой концептуальной структуре. Например, узловой слот «детская игра» выражен открытым предикатом «играть», в котором субъект – дети, объект – игрушка. Фрейм азартной игры включает узловой слот банкомёт (объект) – предикат играть – фараон (субъект).

Однако латентные предикаты игры могут быть отражены в неигровых областях, так как для лингвокультуремы важным остаётся

определение метафорического и метонимического выражения, посредством которых можно выявить все значимые для этноса культурные смыслы.

При лингвальной объективации) игры используются метафорические и метонимические способы выражения. Метонимическая модель «часть-целое – за счёт метафоры происходит замена целого «некоторая часть подвергаемого категоризации объекта может заменить целое в его осмыслении» [5, с. 41]: «поэт – игрок»;

Метафора реализует представления о человеке как о центре мира. Согласно определению Н. Д. Арутюновой, метафора единицей концептуального поля является метаформетафора является «связующим звеном в концептуальном поле». [1, с. 72]. Н. Д. Арутюнова выделяет следующие виды метафор:

1) Номинативная – утратившая образность – перенос названия с одного объекта на другой: «играют в кубари»; «не мешай русской удалой игре» (за определением «удалая игра» понимается «игра в бабки»;

2) Образная метафора – скрытое сравнение – индивидуализация объекта идентифицирующее значение: «щек румяных цвет *игривый»,* «движенья милые, игривый разговор»;

3) Когнитивная – конкретное значение понимается как абстрактное (за счет переноса значения выражения): «играет локоном власов», «Когда, бушуя в бурной мгле, // играло море с берегами»;

4) Генерализирующая – способствует появлению полисемии из-за отсутствия границ между логическими порядками: «задумчивой игрой мне струны отвечали»; «Дудил я непрестанно;// Нескладно хоть играл»;

Наряду с Н.Д. Артюновой метафору классифицировал В.П. Москвин, выделив структурную, семантическую и функциональную, объясняя тем, что набор признаков метафорических наименований включает: исключительность содержания и выражения, зависимость от контекста и определённое значение метафорического знака.

1. Структурная – построенные на пропозициональной модели (жизнь – игра): «Давайте пить и веселиться//Давайте жизнию играть»;

2. Семантическая – основана на сравнении субъектов (основного и вспомогательного: «игривый разговор», «хладен ручеек игривый»;

3. Функциональная метафора – представлена:

1) декоративной (как средство украшения речи): «ума огонь игривый»;

2) оценочной: «несчастливо играл!»; «На ***игроков,*** как ты, однажды //Сатиру злую написал».

На примере рассмотрения метафорических моделей была выявлена их зависимость от контекста и функциональная специфика. Таким образом, предикаты, которые входят в игровой фрейм, составляют не только понятийную структуру, но и содержат набор ситуаций, хранящихся в сознании говорящих в виде фреймовых структур, что позволяет считать концепт «играть» пропозициональным.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Теория метафоры : сборник: пер. с анг., фр., нем.,польск.яз / Н. Д. Арутюнова; под ред. Д. Арутюновой М. А. Журинской. – М.: Изд-во Прогресс, 1990 – 512 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. – 123 с.
3. Воробьев В. В. Культурологическая парадигма русского языка. Теория описания языка и культуры во взаимодействии. – М.: Ин– т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1994 – 76 с.
4. Кириллова Н. Н., Афанасьева А. Л. Практическое пособие по лингвокультурологии: французский язык. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. –212 с.
5. Теркулов В. И. Основы когнитивной лингвистики: учебное пособие – Донецк: ДонНУ, 2019.

УДК 81’42

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА Б. ВАСИЛЬЕВА «ЗАВТРА БЫЛА ВОЙНА»

Казютина Е.С.
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
eukaziutina@yandex.ru

Введение. Актуальность исследования стилистического приёма алогизма как автоимпликата (Бакланова Е. А.) в художественном тексте «Завтра была война» Б. Васильева обусловлена экстралингвистическими и лингвокультурологическими факторами языковой картины мира писателя, в том числе антропоцентрической и функционально-прагматической направленностью идиолекта, формирующего тезаурус языковой личности Б.Л. Васильева.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что грамматический троп вынесен автором в название повести «Завтра была война» и может иметь значение для дальнейшего изучения ономастики в творчестве писателя.

Практическая значимость определяется экспликативностью алогизма-онима в качестве текстообразующего, интерпретативного и эмотивно-стилистического функционирования феномена авторского речемышления в конкретном коммуникативном акте, которые выполняют прагмастилистическую функцию.

Основная часть. Дефиниция «Завтра» в толковых словарях обозначает недалёкое будущее, представляющимся следующим за сегодняшним днём, а за ним – ещё одним днём – послезавтра. В лексико-грамматическом строе языка и традиционной адвербальной системе русского языка наречия-сирконстанты синтаксически подчиняются предикативным словам, выполняющим первичную функцию и выступают в роли обстоятельства времени.

«– Знаете, вы прикоснулись к одному из моих самых важных писательских ходов. Я, бывает, мучительно долго ищу именно название и первую строчку – как в лирике, где первая строчка задаёт тему, метр и ритм» [2: 18], – ответит на вопрос собеседника о роли названий в его произведениях Б.Л. Васильев – прозаик и публицист, мыслящий поэтическими категориями даже в серии очерков «Люби Россию в непогоду». «*От нашего класса у меня остались воспоминания и одна фотография*» [1: 7], – напишет в первой строке своей повести о ненаступившем для 9-го «Б» послезавтра Борис Львович и назовёт её «Завтра была война».

Название произведения актуализирует интенцию архитектоники многомерного пространственно-функционального плана координат текста на двойную проекцию повествования: прошлого и будущего. «*Целую тебя за все прошлое и будущее*» [1: 118], – напишет перед смертью Вика, говоря о связи времён, в которой нет категории настоящего. А если не будет будущего, если не будет завтра, тогда только память убережёт человека от небытия и забвения, только память сохранит в человеке и для человечности человека: «*уже не будет больно, не будет горько и не будет стыдно… Тогда ничего не будет, понимаешь, ничего. Пустота одна. Одна пустота останется, а мы сами перестанем быть людьми»* [1: 118].

Из первой строки произведения следует, что повествование является данью памяти погибшим на войне. Погибших совсем юными и не по-детски героически, подающих многообещающие надежды в спорте, образовании, науке, автор наделяет уникальными речевыми характеристиками и портретами, например: «*У нас того тихаря звали Вовиком Храмовым: чуть ли не в первом классе он объявил, что зовут его не Владимиром и даже не Вовой, а именно Вовиком, да так Вовиком и остался»* [1: 8]. Коммуникативная избыточность в предложении усиливается указанием «у нас» и репрезентирует стилистическую специфику речевого акта, фокусирующего авторскую интенцию на эмпатии читателя по отношению к персонажам.

Семнадцатилетние мальчики и девочки мечтают в ожидании будущего, которое войной войдёт в их короткие жизни, будущего, которое останется в памяти выживших чередой потерь и горя: *«станем старенькими бабушками и дедушками; каждого ожидали куча детей и вагон счастья; подаришь людям новое лекарство; третий сын будет гениальным поэтом; любить и быть любимой; И пусть будут дети. Трое; построишь самый красивый; у него будет очень счастливая жена...»* [1]. Такими они остались в памяти и растворились во времени.

Использование в качестве стилистического приёма алогизма-онима в названии приобретает философско-метафорический смысл во всём текстообразующем нарративе, поскольку алогична и не естественна смерть детей: *«– Какой тяжелый год!... – Следующий будет счастливым, вот увидите!... Следующим был тысяча девятьсот сорок первый..» [1: 132]. Для одних учеников в повести, выживших, не стало настоящего, для*

других, погибших – настоящим стало прошлое: «Все в прошлом, ибо это прошлое прочно вошло в их настоящее» [1: 109].

«Индивидуально-авторское переживание событий достигается особым семантическим пространством в триаде: человек – время – пространство. Темпоральная структура текстов Б. Л. Васильева представлена языковыми ресурсами, эксплицирующими авторские топики смысловой организации художественного времени, и демонстрирует взаимодействие реального и авторского времени» [4: 20]. *«И самое точное время в городе было у бывших учеников когда-то горестно знаменитого 9 го «Б». Самое точное»* [1: 134].

Заключение. Экстралингвистические факторы становятся текстообразующими, поскольку Б. Васильев рассказывает о своём поколении, о погибших одноклассниках и наделяет учеников 9-го «Б» характерными чертами знакомых и близких ему людей (жена писателя Зоря явилась прототипом героически погибшей Искры в повести). Алогизм, стилистический приём воздействия, вынесенный автором в название, эксплицирует стилистическую специфику намерения автора как основания коммуникативного акта и автоимпликата.

У Б. Васильева использование грамматического тропа, как грамматического строя авторской речи, эксплицитно коммуникативно-прагматической (интерпретативное текстообразование), когнитивно-эмотивной (эмпатия) и лингвокультурологической (память) функциям. Стилистическая специфика используемых автором приёмов для достижения своего замысла обусловливает архитектонику тезауруса Б. Васильева и генерирует ценностно-смысловые факторы текстообразования.

Борис Васильев, признанный при жизни классиком русской литературы, пережил войну её участником, оставил военное поприще капитаном и призвал к себе на службу художественное слово, сделав его своим оружием, в борьбе за человека, человечность и ЗАВТРА человечества. А на вопрос Сергея Филатова, которому «*было нестерпимо больно за погибших, убитых героев. Ну зачем нужно было так безжалостно поступать с ними… так остро ранить читателей?», последовал ответ: «– Голый нерв быстрее заставляет осмыслить и понять происходящее»* [2: 275].

Список литературы

1. Васильев Б. Л. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 2: Завтра была война: Повесть; Рассказы. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2016. – 400 с.
2. Есть такая профессия…: Борис Васильев в воспоминаниях современников / под общей редакцией Т. В. Кузовлевой. – М.: Фонд СЭИП, 2014. – 304 с.
3. Kazyutina, E. S. National codes in artistic text of Boris Vasiliev's «gentlemen volunteers» / E. S. Kazyutina, E. G. Ozerova // Национальные коды в Европейской литературе XIX-XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации: коллективная монография. – Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета им. Н. И. Лобачевского, 2020. – P. 217-224.

4. Озерова Е. Г. Стилистика художественных текстов Бориса Васильева / Е. Г. Озерова, И. М. Чеботарева, Е. С. Казютина, И. А. Лютых // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2020. – Т. 11. – № 2. – С. 20. – EDN OLJYKR.
5. Словари и энциклопедии на Академике / URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/236046 (дата обращения: 30.06.2022).

УДК 81’42

ОБРАЗ *БОЛЕЗНИ* И НАРОДНЫЕ СРЕДСТВА ВОЗДЕЙСТВИЯ НА НЕЁ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРТОТЕКИ АРХАНГЕЛЬСКИХ ГОВОРОВ)

Ковригина Е.А.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ
el.kovrigina7@yandex.ru

Доклад посвящен рассмотрению метафорической глагольной сочетаемости базовых номинаций, обозначающих состояние болезни, в архангельских говорах и описанию народных представлений о *болезни* на основе считывания буквальных значений глаголов, сочетающихся с абстрактным именем в роли вторичных предикатов. Также в докладе представлен анализ данных духовной народной культуры, которые отражены в фольклоре, традиционных обрядах, ритуалах, верованиях, до настоящего времени бытующих на архангельской территории.

УДК 81’371: 811’373

СОВЕТСКИЕ ИДЕОЛОГЕМЫ В НЕФОРМАЛЬНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

Ляшева М.Н., канд. филол. наук
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, РФ
marina-lyasheva@mail.ru

Введение. Советский период – один из наиболее значимых в истории России. Лексика, отражающая реалии того времени, широко используется и в настоящее время. Многие лингвисты предлагают выделять её в особый пласт с терминологическим обозначением советизмы. На данный момент существуют отдельные словари советской лексики. Среди советизмов можно выделить немало идеологем. В российской лингвистической науке существует несколько определений данного понятия. Наиболее полное и обобщённое даёт Е.Г. Малышева, которая понимает под идеологемой «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или

на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [Малышева 2009, с. 35]. Н.И. Клушина считает, что не менее важным для идеологемы является стилистический компонент, который в большей степени влияет на её отражение в языке [Клушина 2014, с. 56]. Функционирование идеологем можно пронаблюдать в различных типах дискурса, не только в политическом. Так, на данный момент уже есть работы, посвящённые идеологемам в массмедийном, спортивном, развлекательном и др. дискурсах.

Основная часть. В этом докладе мы предприняли попытку рассмотреть советские идеологемы в неформальном дискурсе Рунета. Большинство проанализированного материала взято из различных групп развлекательного характера в социальной сети «Вконтакте» и личных блогов на платформе «Яндекс.Дзен». На первый взгляд, употребление идеологем в неформальном контексте кажется парадоксальным, поскольку основной целью коммуникативных практик в интернет-дискурсе является общение, проведение досуга и развлечение. Данный дискурс менее всего ориентирован на манипулятивные единицы, которыми и являются идеологемы.

Среди идеологем, которые встречаются в неформальном пространстве Рунета, можно выделить личностные, указывающие на конкретного, чаще всего политического, деятеля (*Ленин, Владимир Октябритель, Сталин, Брежнев* и др.), и ситуативные, представленные выражениями, отсылающими к тем или иным известным событиям (*террор, 37 год, сталинские репрессии, возьмём Берлин!* и т.п.).

Одним из наиболее часто употребляемых и идеологически нагруженных является оним *Сталин*, который получает различные обозначения как в постах и мемах, так и в пользовательских комментариях. Это отчётливо видно в примере ниже, где в тексте сначала упоминается фамилия вождя, которая затем заменяется на перифразу – *император всея СССР*. Заметим, что подобное описание представляет собой оксюморон, ведь государственным строем СССР была не монархия, а Сталин при этом назван императором. Эпитет усатый подчёркивает отличительную внешнюю черту личности. В последней фразе также видим идеологему – *суровый и великий Совок.* Здесь наблюдается ирония автора, который употребляет разговорное, порицательное обозначение Советского союза (*Совок*), но при этом определяет его прилагательными, указывающими на грандиозность.

*На Арбатской выглянул **Сталин**. Глубоко под землёй, на станции метро Арбатская в Москве обвалилась штукатурка, обнажив **лик усатого Императора всея СССР**. Отклеилась демократия, под ней **суровый и великий Совок**. Как же много значит данное событие!* https://vk.com/mrzlk?w=wall-42923159_662548, дата обращения: 17.09.2022

Кроме того, идеологема *Сталин* встречается в контекстах уже в рамках устоявшегося выражения – *«Сталина на кого-либо нет»*, что означает отсутствие жёсткого и волевого человека, который смог бы устранить неблагоприятное событие, разрешить какое-то явление, что видно в следующем примере.

Кресло на голову пенсионера на юго-западе Москвы сбросил пятиклассник. <…> ***Сталина на этих п*здюков нету...*** *https://vk.com/mrzlk?w=wall-42923159_475616,* дата обращения: 17.09.2022

Интересным для анализа представляется следующий контекст:

Жена на поле сорвала 4 пшеничных колоска.

- Ты понимаешь, что в ***24 году*** *тебя за это уже расстреляли бы?*

- Как хорошо, что сейчас ещё только ***21.*** *https://vk.com/polit_yumor?w=wall-26103858_202841,* дата обращения 17.09.2022.

Шутка построена вокруг известного исторического события – введения новой экономической политики (НЭП) в СССР, которая была реализована с 1921 по 1928 гг. На это указывает сам случай, который описан автором (жена сорвала 4 пшеничных колоска), и идеологемы *24* и *21 год*. Комический эффект здесь создаётся за счёт непонимания двух коммуникантов – один из них обращается к прошлому, второй воспринимает это как будущее.

Одной из наиболее частотных выступает идеологема *37 год,* которая заключает в себе отсылки к массовому террору, происходившему во времена сталинской политики. Сейчас она встречается в контекстах, которые рассказывают о массовых заключениях и преследованиях. Именно это имеет в виду пользователь, который оставляет комментарий в блоге под записью о захвате Капитолия в США в январе 2021 года. Здесь также заметна ирония комментирующего, который в какой-то степени высмеивает американскую демократию, сравнивая её с событиями тоталитарного периода.

… ну и хорошо. Пусть у себя устроят ***37-Й год.*** 😀 *(комментарий к новости https://dzen.ru/media/1politic_amateur/kto-k-nam-s-demokratiei-pridet-5ff65fd1fe4e686f6a4cbf72?%20&,* дата обращения 17.09.2022.

Как и проанализированные нами выше, идеологема *37-й год* и синонимичная ей *красный террор* употребляются в шуточных постах, где служат фоном для создания комического эффекта.

Советская власть:

устраивают* ***красный террор***.*

Белогвардейцы:

устраивают белый террор

Махно: Могу ли я быть зелёным ниндзя?

https://vk.com/politicsmeme?z=photo-85806349_457271693%2Falbum-85806349_00%2Frev, дата обращения 17.09.2022.

Заключение. Проанализировав различные публикации в развлекательных сообществах, записи в блогах и комментарии к ним, мы можем

сделать вывод, что слова и выражения, отсылающие ко временам СССР, часто употребляются пользователями. Зачастую эти слова сохраняют свой идеологический статус. В неформальном интернет-дискурсе советские идеологемы выполняют самые разные функции: от создания комического эффекта до описания актуальных событий посредством создания аналогии.

Список литературы

1. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х / Г. Ч. Гусейнов. – Москва: Три квадрата, 2003. – 272 с.
2. Клушина Н. И. Теория идеологем / Н. И. Клушина // Политическая лингвистика. – 2014. – №4(50). – С. 54-58.
3. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2009. – №4(30). – С. 32-40.
4. Мокиенко В. М., Т. Г. Никитина. Толковый словарь языка Совдепии. – СПб: Фолио-пресс, 1998. – 704 с.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие / А. П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.

УДК 81-119

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОК-ПОЭЗИИ 1980-х: СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Малышева М.С., канд. филол. наук
ГБОУ ВО «Белгородский государственный институт искусств и культуры»,
г. Белгород, РФ
mergen1616@mail.ru

Введение. Дискурсологические исследования во втором десятилетии XXI века вышли на принципиально новый уровень. Дискурсология по праву стала считаться междисциплинарным научным направлением. При этом, особый акцент хочется сделать на лингвистической составляющей любого дискурсивного исследования. Ведь механизмы порождения дискурса находятся в неразрывной связи с процессами смыслопорождения и вербализации. Представители различных дискурсивных формаций могут выразить свои мысли, касающиеся одного и того же события, принципиально различными лингвистическими средствами. Например, для юридического дискурса характерны отсылки к нормативным актам, законам, кодексам и иным документам официально-делового стиля речи; публицистический дискурс невозможно представить без риторических фигур, ярких и образных определений, метафоризации и эмоционального изложения сути рассматриваемого явления. Однако, наиболее эмоционально и многообразно репрезентация событий окружающей действительности представлена в текстах поэтического дискурса [1].

Поэтический текст – это всегда выражение эмоций и переживаний его автора и лирического героя. Именно поэтому эмоциональная составля-

ющая поэзии может быть такой многообразной, а репрезентация в поэтических текстах различные авторов одного и того же значимого события – диаметрально противоположенной. В центре нашего исследования – рок-поэзия 1980-х годов и ее переосмысление с позиций современности.

Основная часть. Обратимся к тексту песни первой «официальной» советской рок-группы «Ария» «С кем ты?» (1986). Автор поэтического текста – А. Елин – поднимает глубинные и актуальные во все времена вопросы самоидентичности, принадлежности каждого конкретного человека к определенной социальной группе, политическому течению:

«Разделился весь мир на «они» и «мы»,
Бьют набатом сердца и бурлят умы,
Чей металл тяжелей и верней посты?
Разделился весь мир, отвечай с кем ты?!» [3].

Песня была написана «на злобу дня» и была посвящена начавшемуся в СССР процессу Перестройки. Разумеется, как и у любого исторического преобразования, у данного процесса в конце 1980-х г.г. были свои сторонники и свои противники – “они” и “мы”, по выражению поэта, и теперь каждому из живущих тогда людей предстояло ответить самому себе на вопрос: “С кем ты?”, какого курса придерживаешься – традиционализма или курса на экономические и политические преобразования государства.

Однако, в 2022 году текст ставшей уже классикой отечественного рока песни прирастает новыми смыслами и может трактоваться как отражения современной геополитической ситуации. Так, после 24 февраля 2022 года, когда Российская Федерация начала специальную военную операцию на Украине, не только весь мир, но и все российское общество разделилось на “они” и “мы”, на сторонников и противников СВО. Вопрос “С кем ты?” звучит по-новому, разделяя общество, условно говоря, на патриотов своего Отечества и сочувствующих западному миру. И теперь каждому гражданину России снова предстоит ответить на данный вопрос. Развитие темы гражданской самоидентификации иллюстрирует продолжение текста А. Елина:

«Кто, скажи мне, кричал: “Покорись, Восток”?
Как слепой автомат нажимал на курок,
Кто, надев балахон, зажигал кресты?
Разделился весь мир, отвечай с кем ты?» [3].

На момент написания поэтического текста автор выразил свое отношение к решениям о вводе и выводе советских войск из Афганистана, что репрезентировано фразой “Покорись, Восток”, а также к религиозной политике советской власти – Кто, надев балахон, зажигал кресты?

В современной интерпретации “Покорись, Восток” – это и военная поддержка Сирии, и ситуация на юго-востоке Украины, и взаимоотношения с Турцией. В зависимости от контекста фраза может трактоваться по-разному, но в каждом из отдельно взятых случаев она будет выражать отношения к мировым геополитическим процессам, к разделению мира на сферы влияния между Россий и США.

Заключительные строки текста песни «С кем ты?» (1986):

«Только действиям счет, все слова пусты –

Разделился весь мир, отвечай с кем ты?» [3] – представляют собой квинтэссенцию философских и идеологических смыслов, вкладываемых в поэтический текст не только автором, но и адресатами данного теста. В 1980-е гг. в этих строках можно было увидеть скрытую аллюзию на образ генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, который славился своим красноречием, с одной стороны, и очень противоречивыми, порою взаимоисключающими политическими решениями – с другой. С позиций современности действиям счет может пониматься и как успехи вооруженных сил РФ на Украине, и как политические и социально-экономические преобразования (изменение Конституции, пенсионная реформа, национальные проекты и т.д.), осуществленные в новейшей истории России.

Сама возможность такой трактовки поэтического текста свидетельствует о его актуальности и злободневности, пронесенной через тридцатилетнюю историю рок-поэзии в контексте исторического развития России.

Заключение. Дискурсивное пространство рок-поэзии 1980-х гг., несомненно, обладает огромным прагматическим потенциалом. На примере текста песни «С кем ты?» российской рок-группы «Ария» мы можем сделать вывод, что в контексте различных исторических событий 1980-х и 2020-х гг. формируются «междискурсные связи, выступающие механизмом смыслообразования, который отвечает эстетической концепции поэта» [2].

Основная задача современной рок-поэзии – формирование отношения читателя / слушателя к трактуемым автором поэтического текста историческим событиям, а также предоставление возможностей для поиска новых граней в классических образцах российской рок-поэзии конца XX века. Поэтом, исполнителями рок-песен и адресатами этих произведений данная задача воспринимается по-разному, формирует различные эмоциональные отклики среди исполнителей и массового потребителя продуктов современной культуры.

Таким образом, можно сделать вывод об огромном прагматическом потенциале текстов современной российской рок-поэзии. Они пробуждают чувства и побуждают к действиям, порождают многообразие трактовок и неоднозначное отношение со стороны различных социальных слоев населения.

Список литературы

1. Малышева М. С. Языковые маркеры исторического дискурса в поэтическом тексте (на материале произведений И. А. Чернухина): дисс. … канд. филол. н. / М. С. Малышева. – Белгород, 2020. – 186 с.
2. Малышева М. С. Дискурсивное перекодирование: условия для работы механизма (на материале текстов белгородского поэта И. А. Чернухина) / М. С. Малышева, С. Н. Гламазда // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции

(Донецк, 26-28 октября 2021 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2: Языкознание, литературоведение, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк : Изд-во ДонНУ, 2021. – 324 с. – С. 73–76.
3. С кем ты? // Ария : официальный сайт группы «Ария». – 2022. – URL: https://aria.ru/albums/nomernoy-albom/s-kem-ty (дата обращения: 30.08.2022).

УДК 398.9

ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННЫЕ ЗООНИМЫ В ПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО НАРОДА

Мудрая М.В., канд. филол. наук, ***Ансимова Е.А.***
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
mariya.mudraya@gmail.com

Введение. В современной лингвистике и лингвофольклористике в фокусе научного внимания находится феномен гендера. Целью настоящего исследования является анализ зоонимов, которые в текстах пословиц имеют символическое значение и обладают гендерным маркированием. Зоонимы – это номинации представителей мира животных. Они являются лексико-семантическими вариантами слов, выступающих в качестве родового названия животного [4, с. 11].

Гендер (англ. gender, от лат. genus «род») – «идеологический конструкт, в котором аккумулированы представления о том, что значит быть мужчиной и женщиной в данной культуре» [1, с. 5].

Источником исследования выступает сборник «Пословицы и поговорки русского народа» В.И. Даля [2], всего проанализировано более 10000 пословиц.

Эволюционно-генетический анализ гендерно маркированных символов в тексах пословиц через призму интеграции научных данных философии, культурологии, лингвистики, лингвофольклористики отражает комплексный и системный характер онтологического статуса категории гендера и обосновывает системный подход к ее исследованию.

Основная часть. В результате анализа пословиц русского народа выявлено 57 зоонимов, обладающих гендерным маркированием на коннотативной (образно-символической) основе. В текстах представлено 25 номинаций, символизирующих мужское начало (собака, баран, карась, сокол и другие), 26 номинаций, символизирующих женское начало (кошка, ярочка, овца, коза, корова, лебедь и другие), 6 номинаций, символизирующих метагендерное начало (рыба, птица и другие) [3].

В текстах пословиц распределение обязанностей по атрибутивному признаку (мужская и женская работа) реализуется в гендерной паре зоонимов СОБАКА – КОШКА.

СОБАКА символизирует мужское начало, главу семьи, который кормит и защищает, а КОШКА – женское начало, ответственность женщины за домашний очаг.

Казаки обычаем собаки. Казак – глазастая собака [2, с. 264].

Кошку бьют, а невестке наветки дают [2, с. 80].

В пословицах реализуется следующая гендерная пара: БАРАН – жених (мужское начало), ЯРОЧКА – невеста (женское начало).

Жених да невеста парочка, что твой баран да ярочка [2, с. 384].

В пословицах гендерно маркированные зоонимы ОВЦА и КОЗА символизируют женственность, нежность и мягкость, которые традиционно соотносятся с женским началом.

Лакома овца к соли, коза к воле, а девушка к новой любви [2, с. 284].

Девки не люди, козы не скотина [2, с. 284].

Символика КОРОВЫ, связанная с женским началом, актуализирует народные представления о хозяйственности, плодовитости и изобилии.

Красна баба повоем, а корова удоем [2, с. 346].

Пусти бабу в рай, а она и корову за собой ведет [2, с. 244].

КАРАСЬ в фольклоре ассоциируется с образом казака, его благополучной жизнью и символизирует мужское начало.

Казак донской, что карась озерной: икрян (и прян) и солен [2, с. 264].

РЫБА является обобщенным символом метагендерного начала человека и олицетворяет хитрость в рамках образной модели «человек – рыба».

Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше [2, с. 109].

СОКОЛ в фольклоре символизирует мужское начало. В свадебном обряде жениха именуют соколом, невесту лебедушкой или голубкой. Традиционным является обращение к жениху «ясный сокол» в величальных песнях.

ЛЕБЕДЬ символизирует женское начало. В свадебном обряде, фольклорных текстах лебедушкой называют невесту или супругу. В северно-русских свадебных песнях лебедь может выступать «в паре с соколом или орлом, воплощающими мужскую символику (сокол выискивает себе лебедь белую, орел-жених догоняет лебедушку-невесту и т. п.)» [5, с. 89].

Знать сокола по полету, а доброго молодца по походке (по выступке) [2, с. 522].

Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая [2, с. 182].

Конструкция уподобления проясняет общие свойства двух частей (образно-символической и «человеческой»), сопоставляемых в текстах пословиц.

Символический зооним ПТИЦА, репрезентирующий метагендерное начало, в текстах пословиц реализуется в качестве родовой категории по отношению к видовым символическим номинациям ПЕТУХА и КУРИЦЫ, номинирующих, соответственно, мужское и женское начала.

Курице не быть петухом, а бабе мужиком [2, с. 173].

Курица не птица, а баба не человек [2, с. 173].

Единство мужского и женского начал в рамках объединяющего метагендерного начала находит выражение, в том числе в категории

пространства. При реализации метагендерного пространства в текстах пословиц транслируется расширение границ до статуса всей земли и Отчизны Вселенной.

Рыбам вода, птицам воздух, а человеку вся земля [2, с. 161].

Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку отчизна вселенный круг [2, с. 294].

Заключение. Вербализация мужского, женского и метагендерного начал осуществляется в рамках общефольклорной взаимосвязи реального и символического миров. Анималистический код, используемый в народной культуре, отражает мировоззренческие представления, опыт культурно-символического и мифологического освоения мира. В языке фольклора зоонимы используются для создания гендерно маркированного образа человека: его внешних особенностей, характера, возрастных этапов жизни, оценки объектов окружающей действительности, характеристики действий. Традиционная народная культура, вербализованная в фольклорных текстах, транслирует наиболее значимые для социума категории в доступной для каждого представителя этноса форме. Символические образы животных в текстах пословиц обладают культурной коннотацией и манифестируют национально маркированные представления о человеке в его гендерной ипостаси.

Список литературы

1. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера: автореф дис. д-ра филол. н. / Е. С. Гриценко. – Новгород, 2005. – 48 с.
2. Даль В. И. Пословицы и поговорки русского народа / В. И. Даль. – Москва: Эксмо-Пресс, 2000. – 468 с.
3. Мудрая М. В. Реконструкция системы гендерно маркированных лексем (на материале пословиц) / М. В. Мудрая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2017. – № 10 (76), ч. 3. – С. 142-146.
4. Новьюханова Г. Б. История изучения зоонимов в отечественном языкознании / Г. Б. Новьюханова // Современное педагогическое образование. – Ханты-Мансийск, 2019. – № 4. – С. 11-13.
5. Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общей редакцией Н. И. Толстого. – Москва: Международные отношения, 2004. – Т. 3: Круг – Перепелка. – 704 с.

УДК 81’42

«ГОРОД» КАК ЛИНВОКУЛЬТУРЕМА В ПОЭЗИИ АЛЕКСЕЯ ПАРЩИКОВА

Панчехина М.Н., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
mpanchehina@gmail.com

Лингвокультурема является базовой единицей лингвокультурологического анализа. Использование данной единицы при анализе художест-

венного текста позволяет обозначить как собственное языковое значение лексемы, так и обозначить ее внеязыковой контекст. Разработка данного понятия принадлежит В.В. Воробьеву, который отмечал, что «Лингвокультурема вбирает в себя, аккумулирует в себе как собственно языковое представление (“форму мысли”), так и тесно и неразрывно связанную с ним “внеязыковую, культурную среду” (ситуацию, реалию), – устойчивую сеть ассоциаций, границы которой зыбки и подвижны» [1, с. 48]. Из определения следует, что лингвокультурема не равна слову, так как она затрагивает внеязыковой культурный смысл.

Ранее нами описывалась специфика создания авторского словаря лингвокультурем в поэзии метареализма (стихотворения Алексея Парщикова, Ивана Жданова, Александра Ерёменко). Предполагается, что «лексикографическое издание такого типа позволит решить сразу несколько задач: оно даст представление об особенностях языка метареализма; выделит базовые единицы поэтического высказывания; обозначит культурологическую значимость направления; определит специфику лингвокультурных полей в текстах авторов, представляющих данное направление» [2, с. 56].

Среди выделяемых лингвокультурем, обнаруженных во время анализа методом сплошной выборки, концептуально значимыми для поэзии метареализма оказываются следующие: *лиман, лес, лесополоса, нефть, степь, уголь, холм, шлак.* Кроме указанных, одной из смыслопорождающих является лингвокультурема *город.*

Традиционно город является локацией, местом действия событий, описанных в художественном тексте. Однако в поэзии Алексея Парщикова лингвокультурема *город* получает собственно авторские коннотации. Например: *Тот город фиговый – лишь флёр над преисподней.* Традиционный для автора переход от физики к метафизики прослеживается в стихотворении «Из города», в финале которого между человеком и пространством едва ли не поставлен знак равенства: *Ты же актриса, ты можешь быть городом, стой!*

При интерпретации данной лингвокультуремы в поэзии Алексея Парщикова следует учитывать биографический пласт – тот факт, что автор жил в разных городах и странах, безусловно, способствовал созданию некого обобщённого урбанистического пространства, вобравшего черты Донецка, Киева, Москвы, Кёльна и др.

Предполагаемая словарная статья Город, включённая в авторский словарь лингвокультурем в поэзии метареализма, может выглядеть следующим образом.

(1) **ГОРОД**

(2) От гордъ – «городить, огораживать». Первоначальное значение – ограда, забор. Впоследствии слово город стало означать «огороженное место» (жилье нужно было защищать от врагов).

(3) Относительно крупный населённый пункт, жители которого заняты, как правило, вне сельского хозяйства.

(4) В поэзии Алексея Парщикова город почти всегда описывается как мета(мета)форическое пространство:

Этот *город* возник на ветровой развязке в шестом часу, ты была права.

Собаки с керосиновыми очами, чадящие факелы, вертолёты.

Оглядка северного оленя взвинтила суда и оставила их, как подвёрнутые рукава.

Многопалубных лабиринтов свободно плавающие повороты.

В контексте метареализма город представляет собой одушевлённое пространство, населённое сверхъестественными существами и способное жить по собственным метафизическим законам: *горизонта блеснул неизвестный город, и его не стало.*

(5) Ср.: Не стоит город без святого, селение без праведника.

В плане данной словарной статьи намечены пути интерпретации лингвокультуремы: рассмотрена этимология слова, его лексическое значение, представлены иллюстративные примеры из стихотворений Алексея Парщикова, приводится для сравнения поговорка с анализируемой лексемой. Разумеется, в плане словарной статья невозможно описать уникальность собственно авторского использования лингвокультуремы *город.* Однако нами намечены пути её лингвокультурологического анализа, которые будут способствовать комплексному рассмотрению и описанию при подготовке авторского словаря к публикации.

Список литературы

1. Воробьёв В. В. Лингвокультурология / В. В. Воробьёв. – М.: Издательство РУДН, 2006. – 331 с.
2. Панчехина М. Н. Структура авторского словаря лингвокультурем в поэзии метареализма» // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – №4. – С. 56–60.

УДК 81’42

СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ГРАЖДАНСКОЙ ПОЭЗИИ Д. ТРИБУШНОГО

Твердюк А.Д.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

a.tverdyuk@donnu.ru

Религиозная лексика как обладающий большим символическим потенциалом, маркированный стилистически и культурологически значимый языковой пласт – важная составляющая русскоязычного поэтического дискурса. В современном отечественном языкознании

сакральная лексика в творчестве писателей и поэтов – это продуктивная многоаспектная область исследований. В частности, ученые рассматривают экспрессивно-стилистический потенциал библеизмов (Гак В. Г.), приемы включения библейской фразеологии в художественный текст (Бакина М. А.), функционирование религионимов в фольклоре, религиозные концепты в творчестве русских авторов (Иванова Н. М.). Отдельный интерес представляет исследование особенностей использования религиозной лексики как один из этапов комплексного описания дискурсивной личности поэта.

Творчество современного донецкого поэта Дмитрия Трибушного – чрезвычайно благодатный материал для исследования специфики бытования религиозной лексики в художественных текстах человека, глубоко погруженного в православное мировоззрение и его исповедующего (Дмитрий Трибушный – священник Донецкой епархии). Если сам факт присутствия такого рода лексики в его поэзии закономерен, то вот особенности использования, объем, языковое оформление, сопутствующие контексты могут дать неочевидные и при этом необходимые сведения для составления представления о дискурсивной личности поэта.

Поэзия Дмитрия Трибушного – по преимуществу философская, а с 2014 года – гражданско-философская, отзывающаяся на события новейшей истории Донбасса. Осмысляя то, что происходит на родине, поэт активно использует библейский и вообще христианский словарь не только как очевидный источник устоявшихся символов и цитат, но и как благодатную почву для создания новых образов. С этой точки зрения можно условно разделить религиозную христианскую лексику в его творчестве на две группы в зависимости от контекста: 1) религиозная лексика, прямо отсылающая к Библии или Преданию, называющая предметы, детали, атрибуты церковной жизни, богослужения, 2) религиозная лексика внутри авторской метафоры или языковой окказиональной игры.

Первая группа представлена преимущественно абстрактными понятиями православной веры, конкретная лексика обозначена буквально несколькими примерами («у православных *пост*», «спрятали Господа в звук *звонари*, не верь последнему “*аминь*”, «не зря *волхвы* готовят дар», «у всякой *твари* есть нора»). К этой группе относятся все упоминания имени «Господь», «Бог» и его авторские именования: «Тот, Кто сочиняет жизни», «Глядишь, созвездия висят, / *Другой* их для тебя повесил» – поскольку используются только в одном – прямом значении как называние триединого Бога-Творца, исповедуемого православием. Сюда же включены слова «рай», «небо» и их авторские синонимы («как будто ты не уходил из *рая*», «покинул *горнюю отчизну*»). Другие примеры: «Как *молитва Иисусова*, все на свете повторяется», «они, как *ангелы* полночные, скорбят», «сюда *архангелы* боялись направить быстрые крыла», «на час открыли *херувимы* ворота в рай».

Вторая группа, более обширная, также представлена и конкретной, и абстрактной лексикой. Используя конкретную лексику, автор с помощью

контекста придает ей метафорический оттенок, формирует окказиональное переносное значение: «*пророки* обещали *манну*, а выпал снег» (пророки и манна в контексте стихотворения могут трактоваться и в библейском смысле, и иносказательно, как медийные эксперты, политики, обещающие скорые блага); «Счастливый *звездочёт* / Несёт в *вертеп* пакет с гуманитаркой» (под вертепом может пониматься любая бедствующая семья Донбасса, детский дом и т.д.); «в глухой столице *Ирод* веселится, задумывая новый холокост» (глухая столица – Киев, Ирод – украинский правитель). Другие примеры: «человек человеку – и вера, и боль, и аминь, и *алтарь*, и *причастье*», «каждая ива торопится в *святцы*», «в каждом прохожем *ангеле* пытался узнать своего».

Религиозные понятия переосмысляются таким образом, чтобы придать многомерность, онтологический смысл описываемым реалиям: «ангел участковый», «над крышами коньки архангелов скользят», «у каждой твари есть своя нора, сын человечий может жить в воронке» (Сын Человеческий – одно из именований Христа, также тут отсылка к цитате из Евангелия Мф 8:20: «У лис есть норы, у птиц есть гнёзда, а Сыну Человеческому негде преклонить голову»).

С той же целью автор создает новые контексты для библейских отвлеченных понятий: «рай прифронтовой», «этот город бестолковый, приспособленный под рай». В этой группе особенно примечательны примеры поэтической деконструкции библейских фразеологизмов. Так, например, устойчивое выражение «земля обетованная» в тексте Трибушного претерпевает такое изменение: «звони, Донбасс *обетованный*, на самый верх». Обещанной (обетованной), а значит сакральной, связывающей людей и Бога этим обетованием землей становится воюющий, терпящий бедствия Донбасс. И рядом с этим образом встречаем второй пример трансформированного библейского устойчивого образа: «Гори, Донецк неопалимый, и не сгорай» (отсылка к ветхозаветной неопалимой купине (горящий, но не сгорающий терновый куст), через которую Господь призвал Моисея вывести израильский народ из Египта в Обетованную землю. В православии купина также считается одним из ветхозаветных прообразов Богоматери). В этом стихотворении использован еще один образ, дополняющий предыдущие два, хотя и не основанный на устойчивом выражении: «мужайся, город *непорочный*, где каждый дом проверен градами на прочность, крещен огнем». Определение «непорочный» в православии относится прежде всего к Богородице, называет одну из главных добродетелей. В контексте стихотворения можно трактовать его как духовную чистоту, которая приобретается через страдания, тяжелые испытания.

Таким, образом, можно сделать вывод, что религиозная христианская лексика в гражданской поэзии Дмитрия Трибушного выполняет двоякую функцию: с одной стороны, это отражение убеждений, мировоззрения самого автора, его культурная база, с другой – инструмент поэтического осмысления действительности, основание для ее метафорического

описания. Используя христианский словарь и его образный потенциал, автор создает плотное интертекстуальное поле, для адекватного восприятия которого от читателя требуется определенный уровень знаний о православии, его литургической составляющей, знакомство с текстом Ветхого и Нового Заветов.

Список литературы

1. Бугакова Н. Б. Религиозная лексика и особенности ее употребления на примере произведения И. С. Шмелева «Богомолье» / Н. Б. Бугакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики: Тамбов: Грамота – 2016 – № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 2. – С. 45.
2. Пестов Н. Е. Основы православной веры. М: Изд-во «Артос-Медиа», 2005. – 220 с.
3. Скляревская Г. Н. Словарь Православной церковной культуры. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 447 с.
4. Час мужества. Гражданская поэзия Донбасса 2014-2015 годов. Сборник стихов. – М.: Издательство «Перо», 2015. – 112 с.

УДК821.161.1

«ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ» Ю. М. КУРГУЗОВА КАК МЕТОД ПОСТИЖЕНИЯ ИСТОРИИ ВОРОНЕЖСКОГО КРАЯ

Филатова М.И.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
mar.fil.11@yandex.ru

Ю. М. Кургузов (род. в 1957 г.) является известным в Воронеже журналистом, писателем, публицистом, издателем и редактором [4]. Во вступительной статье к 8-ому тому своих «Избранных произведений» он пишет: «История любого города, края естественным образом складывается из «историй» сонма населявших ранее и населяющих их сегодня отдельных людей. Особенно если это фигуры значительные, оставляющие заметный след в науке, литературе, искусстве, культуре в целом. Личности, воистину олицетворяющие собой современную им эпоху» [2, с. 4].

Ю. М. Кургузов, получивший историческое, педагогическое образование, много лет посвятивший работе с воронежской литературой обстоятельно подошёл к тому моменту автобиографии, что ему выпало на долю знакомство и сотрудничество со многими выдающимися личностями: Василий Песков, Рой Медведев, Всеволод Абдулов, Михаил Кононов, Александр Чаплыгин, Александр Ножкин, Тамара Давыденко, Олег Сысоев, Вячеслав Дёгтев, Борис Бабкин [2, с. 194]. Личности эти оказали значительное влияние на формирование самого Ю. М. Кургузова, способствовали развитию и раскрытию его творческого потенциала и уже через художественное и публицистическое наследие автора продолжают воздействоватьи сегодня на читателей его книг.

Краеведение буквально означает «ведение», знание края. В первую очередь, человек должен знать о своём родном крае, о своей малой родине, потому что именно из любви к малой родине, невозможной без знания и уважения её истории и культуры, вырастает любовь к родной стране.

Ю. М. Кургузов родился и вырос на территории Воронежского края.

Российский город Воронеж, основанный в 1856 году и являющийся в настоящее время административным центром Воронежской области, представляет собою современный город, имеющий индивидуальный неповторимый облик города-ратая и города-ратника. Воронеж – город памятник с исторически трудной, но важной в масштабах страны судьбой [3]. Известный воронежский поэт А. Жигулин (1930–2000 гг.) писал: «И что ты там, судьба, городишь?! // Тебе вовек не сдамся я, // Пока на свете есть Воронеж – // Любовь и родина моя» [1].

В названии вступительной статьи Ю. М. Кургузова так же, как и в поэтической строке А. Жигулина фигурирует притяжательное местоимение «мой»: «Моё человеческое краеведение». Для поэта Воронеж – это целая вселенная, своеобычный мир, это то, что равнозначно собственной жизни. Позиция субъективная, глубоко лирическая. Прозаик же Ю. М. Кургузов предлагает посмотреть на Воронежский край с позиции анализа жизни людей, которыми знаменит данный край, но именно тех людей, с которыми ему довелось пообщаться лично. Это его взгляд на родной край, которым он желает поделиться с другими. Это позиция независимого журналиста, который, оперируя объективными фактами, выводит справедливые заключения с поправкой на собственную жизнь.

«Человеческое краеведение» Ю. М. Кургузова – это изучение истории, культуры, географии Воронежа через знакомство с портретами воронежцев как с уникальными комбинациями разнообразных краеведческих кодов, требующих дешифровки в виде авторских очерков-комментариев.

Структурно 8-ой том «Избранных произведений» подразделяется на три ключевых раздела: «Воронежский телеграф», «Идти упрямо в глубь веков…», «Вот какою жизнью жить я хочу вовеки…».

Из первого раздела читатели узнают об истории Центрально-Черноземного книжного издательства в лицах. Например, о работе над книгой Владимира Высоцкого «Не вышел из боя» автор повествует через живые воспоминания дочери одного из участников творческого процесса о своём отце, А. С. Чаплыгине. И с этими воспоминаниями переплетаются собственные воспоминания Ю. М. Кургузова. В итоге образуется такое удивительное «реплико-мозаичное» литературное построение, которое не может оставить равнодушным. Читатель имеет уникальную возможность заглянуть в мастерскую редактора: «Александр же Сергеевич не унимается. «Смотри, Юрк! Стихотворение «Я не люблю». У вас четвёртая строчка в первой строфе – «когда весёлых песен не пою». А у Владимира Семёновича был и куда более сильный вариант – «в которое болею или пью». А?» [2, с. 20]. Ведь, открывая книгу, мы видим выглаженные сроки,

а то, как эти строки стали таковыми, для нас остаётся тайной. Ю. М. Кургузов делится своим редакторским опытом, попутно открывая читателям воронежских мастеров слова.

Во втором разделе 8 тома речь идёт об истории и историках, об ученичестве и об учителях. Так, Ю. М. Кургузов пишет о своих преподавателях, среди которых был и известный воронежский и российский археолог А. Т. Синюк. «Первое впечатление об Арсене Тиграновиче (на первой у нашего курса лекции) – могучий бородатый красавец, точно сошедший со страниц книг Казанцева, Немцова, Ефремова герой – учёный, путешественник, исследователь» [2, с. 198].

Третий раздел посвящён знакомству с самим Ю. М. Кургузовым и представляет собой два объёмных интервью, взятых у автора современными воронежскими журналистами и писателями: Б. В. Подгайным (род. в 1964 г.) и А. В. Бунеевым (род. в 1961 г.).

Из диалогов читатели узнают о биографических, «кургузовских», штрихах: «В издательство я пришёл, почти не зная творчества большинства воронежских писателей. Нет, читал, конечно, некоторые произведения Кораблинова, Задонского, Троепольского, Гончарова, Третьякова, Дубровина, Добрякова, но с трудами основной массы наших литераторов знаком не был» [2, с. 263]. Таким образом, Центрально-Черноземное книжное издательство оказалось для Ю. М. Кургузова загадочной планетой, о которой частично знаешь, которую желаешь узнать глубже, а, узнавая, предпочитаешь открывать на ней новые материки вместе с другими отважными первопроходцами. На основе интервью складывается представление и о творческом потенциале автора: «…тогда я впервые подумал, что было бы занятно попробовать свои силы в самых разных жанрах. И – попробовал. Были позже у меня и детективы, и «мистика», и фантастика, и «реализм» – вещи абсолютно непохожие, хотя и, пожалуй, имеющие «общий знаменатель» – ироничный стиль письма» [2, с. 278]. Действительно, ирония красной нитью проходит через всё творчество писателя, раскрывая его как человека морально устойчивого, способного преодолевать жизненные перипетии с улыбкой на лице, находящей гармоничное отражение в авторской строке.

Метод «человеческого краеведения», практикуемый воронежским писателем Ю. М. Кургузовым в публицистической литературе, на наш взгляд, очень эффективен при изучении истории Воронежского края. Он способен трансформировать трудоёмкий процесс обучения в формулу, практикуемую в своё время С. Л. Соловейчиком: «учение с увлечением».

Список литературы

1. Есть город в России… Стихи о Воронеже. – Воронеж: ГУК «Журнал «Подъем», 2011. – С. 99. – ISBN 978-5-87456-974-7.
2. Кургузов Ю. М. Избранные произведения: Статьи, очерки, интервью. Том 8 / Коммент. и примеч. В. Демитриенко. – Воронеж: ООО «Центр.-Черновем. кн. изд-во», 2018. – 340 с. – ISBN978-5-7458-1195-1.

3. Филатова М. И. Образ города Воронежа в художественном пространстве / М. И. Филатова // Тезисы докладов студенческой научной конференции по итогам работы за 2021 год. Вып. 26. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2022. – С. 63. – ISBN978-5-00044-907-3.
4. Филатова М. И. Философия смеха в цикле новелл Ю. М. Кургузова «Приключения звездного волка» / М. И. Филатова // Тезисы докладов студенческой научной конференции по итогам работы за 2018 год. Вып. 23. – Воронеж : Воронежский государственный педагогический университет, 2019. – С. 71. – ISBN978-5-00044-702-

УДК 81.373

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВНУТРИКАТЕГОРИАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОМОНИМОВ

***Шевелева Т.Н.*[1]**, канд. филол. наук, доц., ***Лаухина С.С.*[2]**, канд. филол. наук
[1]ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск, РФ
[2]ВА МТО «Омский автобронетанковый инженерный институт», г. Омск, РФ
tata-omsk@yandex.ru, svetlau@mail.ru

Введение. Язык – явление развивающееся. Одним из проявлений развития языка является омонимия. Отношение к этому явлению в лингвистике двоякое. Одни исследователи считают, что это «языковая помеха» (Ж. Жильерон), «досадное неразличение того, что должно различаться» (А. А. Реформатский), «помеха пониманию» (А. Н. Гвоздев), другие полагают, что это «неизбежный результат исторического развития языка» (Б. Н. Головин), «явление закономерное» (Л. В. Малаховский). Разделяют это мнение и психологи, отмечая, что воспринимать нечто новое человек способен только на основе уже известных языковых форм.

Несмотря на дискуссии вокруг омонимии, это явление относится к числу универсальных, так как свойственно всем языковым уровням и обусловлено самой природой языкового знака. Как показывает анализ научных исследований и словарей, до сих пор нерешенными остаются и проблемы фразеологической омонимии.

Фразеологическая омонимия освещалась в работах В. В. Виноградова, В. В. Истоминой, В. М. Глухова, М. И. Сидоренко, А. Т. Липатова, Н. А. Павловой и др., однако до сих пор некоторые вопросы не имеют однозначного решения, что проявляется в противоречивой подаче фразеологических омонимов во фразеографии. Под фразеологическими омонимами вслед за Н. А. Павловой понимаем «языковые единицы, характеризующиеся тождеством структурной модели и компонентного состава, но имеющие несовмещающиеся значения» [1, с. 3].

Основная часть. Дискуссионным и наиболее сложным является вопрос о критериях разграничения многозначных и омонимичных фразеологических единиц. В большинстве работ, посвященных вопросам

фразеологической омонимии, отмечается, что к числу главных критериев относится семантический. Он подразумевает наличие несовмещающихся значений, несовмещающиеся значения при этом не означают абсолютного отсутствия общих признаков: категориальные и в некоторых случаях субкатегориальные семы у внутрикатегориальных фразеологических омонимов совпадают. Исследователи фразеологической омонимии объясняют это тем, что фразеологические омонимы образуются в результате разделения многозначной единицы. Количество общих и различных сем определяется типом категориального значения.

В качестве одного из ведущих критериев, вытекающего из различий в семантике, называют различную лексико-семантическую сочетаемость омонимичных единиц. На это указывают В. П. Жуков, Н. А. Павлова, В. И. Зимин и др. Под лексико-семантической сочетаемостью вслед за А. М. Чепасовой, понимаем «способность лексем или фразеологизмов соединяться друг с другом в соответствии со связями и отношениями предметов, явлений, процессов и признаков объективного мира» [2, с. 182].

Различия внутрикатегориальных фразеологических омонимов проявляются также в наличии разных синонимических и антонимических рядов, что является еще одним критерием разграничения. Данный критерий был выделен Е. М. Галкиной-Федорук на лексическом материале: «Проверить, что перед нами … можно подстановкой к соответствующим словам синонимов. Если подобные синонимы не встанут в синонимическое отношение между собой, значит, перед нами омонимические ряды» [3, с. 16].

Также одним из критериев различения внутрикатегориальных фразеологических омонимов в некоторых исследованиях называют стилистические различия. Однако вопрос о стилистической дифференциации фразеологизмов до сих пор остается наименее исследованным.

Рассмотрим, как реализуется действие обозначенных критериев на примере некоторых внутрикатегориальных фразеологических омонимов.

Так, фразеологические омонимы качественно-обстоятельственного типа семантики ***за глаза 1*** со значениями *1. «скрытно, тайком, незаметно»*, 2. *«заочно, в отсутствии кого-либо»* и ***за глаза 2*** со значением *«вполне, с избытком»* во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под редакцией А. И. Федорова зафиксированы в одной словарной статье как многозначный фразеологизм, а во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова как фразеологические омонимы с общепринятыми условными обозначениями. Данные фразеологизмы имеют общую категориальную и субкатегориальную сему, различия обнаруживаются на уровне групповой и дифференциальных сем. Так фразеологизм ***за глаза 1*** содержит в своем составе групповую сему *«способ осуществления действия»* и дифференциальные семы *«скрытно»*, *«тайно»*. Омонимичный фразеологизм ***за глаза 2*** характеризуется групповой семой *«степень проявления действия»* и дифференциальными семами *«много»*, *«достаточно»*.

Различия в структуре значения находят отражение в разной сочетаемости. Так, фразеологический омоним ***за глаза 1*** сочетается с глаголами речи и глаголами, обозначающими активное действие (называть, именовать, ругать, дразнить, величать и др.; купить, делать, нанять и др.), ***а за глаза 2*** – с глаголами, обозначающими проявление чего-либо в достаточной мере (хватить, довольно, станет и др.). Проиллюстрируем примерами.

За глаза 1. Анну Сергеевну мы все *за глаза* зовем Анютой. (К. Арбенин. Секундант).

За глаза 2. Вузы давно надо сократить раза в два-три: 500-600 хватило бы *за глаза* («Огонек», 2015)

Исследуемые фразеологические омонимы являются также членами разных внешних (синонимические отношения между фразеологизмами и словами) синонимических рядов. Так, фразеологизм ***за глаза 1*** вступает в синонимические отношения в первом значении со словами *скрытно, тайно, незаметно, украдкой*, во втором значении – со словом *заочно,* фразеологизм ***за глаза 2*** – со словами *много, с избытком, достаточно*. Внутренние синонимические ряды во фразеологических синонимических словарях не зафиксированы.

Как мы уже отмечали, стилистическая характеристика фразеологизмов в настоящее время не имеет однозначной квалификации. Во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова данные фразеологизмы не содержат стилистических помет, а во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» под редакцией А. И. Федорова фразеологический омоним ***за глаза 1*** имеет помету разг., а ***за глаза 2*** – разг. и экспресс.

Таким образом, анализ фразеологических единиц с учетом предложенных в лингвистике критериев разграничения фразеологических омонимов позволяет заключить, что данные фразеологизмы являются омонимичными. Как показывает проведенный анализ, к числу наиболее весомых критериев разграничения фразеологических омонимов можно отнести семантические различия, различия в сочетаемости и наличие разных синонимических и антонимических рядов.

Список литературы

1. Словарь фразеологических омонимов современного русского языка/под ред. Н. А. Павловой. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 304 с. – ISBN 978-5-9765-0103-4
2. Челябинская фразеологическая школа: Научно-исторический очерк. – Челябинск: ЧПГУ, 2002. – 304 с.
3. Галкина-Федорук Е. М. К вопросу об омонимах в русском языке // Русский язык в школе. – 1954. – №3. – С. 14–19.

Русский язык. Актуальные проблемы регионалистики

УДК 81’373.211.1

МИКРОТОПОНИМЫ ГОРОДА ГОРЛОВКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРИНЦИПОВ НОМИНАЦИИ

Герасименко И.А., д-р филол. наук, проф***.,*** ***Алексеенкова У.Р.***
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, РФ
alekseenkov.1978@gmail.com

Лексико-семантический аспект изучения микротопонимической системы города Горловки базируется на ряде принципов номинации. Принципы номинации обусловлены неязыковыми факторами, в числе которых свойства объекта, его пространственные характеристики, промышленный потенциал, а также социально-экономические и политические условия. Фактически, в основе принципов номинации лежат неязыковые факторы, связанные с развитием города и региона в целом.

Как пишет Н. Б. Ковалёва, принцип номинации – это «основное направление, по которому осуществляется связь слова с называемым объектом» [1, с. 133]. Эта связь осуществляется, по мнению исследователя, через ряд однотипных признаков. Признак, который лёг в основу наименования, является внутренней формой микротопонима, определяет его дотопонимическое значение. Таким образом, под принципом номинации понимается путь создания номинации, в котором отображается связь названия с денотатом. В свою очередь, принцип номинации является непосредственным языковым воплощением описываемой связи.

Микротопонимикон города Горловки как часть его топонимического пространства включает 195 номинаций. Как показывает материал исследования, это сложная и уникальная группа лексических единиц, требующая детального анализа.

Согласно традиционному подходу в топонимике (см. работы В. А. Никонова, А. В. Суперанской, Л. А. Климковой и др.) существует три принципа, соответствующих мотивировочным признакам, которые были положены в основу номинации микротопонимов: 1) присущие называемому объекту признаки; 2) определяемые соотносительно с другими объектами признаки; 3) появляющиеся относительно человека признаки. Материал нашего исследования позволил доработать данную типологию и выделить следующие принципы номинации в микротопонимике Горловки: 1) антропоцентрический, связанный с а) именами и фамилиями; б) деятельностью человека; в) нациями и народностями; 2) пространственный; 3) качественный, связанный с свойствами объекта: цветом, формой, размером и под. Рассмотрим перечисленные принципы номинации анализируемых микротопонимов.

1. Антропоцентрический принцип номинации, лежащий в основе анализируемых лексических единиц, связан с именем человека, который имеет отношение к называемому объекту.

1а. Микротопонимы, восходящие к антропонимам, которые подразделяются на имена собственные, произошедшие от а) фамилий, имён и отчеств первопоселенцев – *Голубицкий Хутор, Решетиловка, Фёдоровка, Федяевка, Балка-Блюм, Блюмин, Гладосово, Голодосы, Марков Яр, Шевченко, Батуривка, Бондаривка, Гончаривка, Давидовка, Мажаривка, Роспутькивка, Бондаривка, Дыденовка, Кузнецовка, Новогригорьевка, Царивка* и др.; б) фамилий владельцев-помещиков – *Николоевка, Фурсово, Андреевка, Вянковский Лес, Гуэновский Лес, Каранов Яр, Успеновка, Фурсово, Версановка, Каютино, Поклонск, Поклонский Лес, Шмид, Загрева Гора, Заграйша, Аксёновка, Ксеньевка* и др.; в) фамилий известных деятелей – *Короленко, Косиор, Штеровка, Комарова, Куйбышева, Мичурино* и др.; г) фамилий землемеров – *Михайловка, Алексеевка*. Анализ микротопонимов данной группы показал, что территория современной Горловки активно заселялась как выходцами из России, Украины, Белоруссии, так и жителями европейских государств, которые способствовали расширению и развитию города, а также созданию промышленных предприятий и сельского хозяйства. Таких, восходящих к антропонимам микротопонимов, насчитывается 47 ед., что составляет 24,1 % от общего числа всех анализируемых единиц.

1б. Микротопонимы, восходящие к наименованиям традиционных видов деятельности человека. В данную группу входят микротопонимы *Скотовая Балка* (номинация связана с вербализацией выпаса скота в указанной местности), *Житний* (<от укр. *жито* – микротопоним связан с вербализацией посева пшеницы на данной территории), *Садовод* (номинация восходит к названию одного из основных видов деятельности местных жителей), *Соломенная Балка* (номинация актуализирует традицию покоса травы и заготовки сена в указанной местности) и др. Сюда же можно отнести и микротопоним *Кулачная гора* (наименование восходит к актуализации традиции проведения кулачных боёв). Перечисленные названия восходят к наименованию основных видов деятельности местных жителей и мотивированы лексемами, которые вербализуют развитие промышленности и аграрного сектора Горловки, а также традиционных занятий местных жителей. Всего микротопонимов данной группы насчитывается 23 ед., что составляет 11,8 % от общего числа анализируемых единиц.

1в. Микротопонимы, восходящие к названиям наций и народностей, к которым принадлежали местные жители. Например: *Татарский Посёлок, Цыганский Хутор, Тель-Авив, Финский, Аргентина, Волохи, Куба, Русский Край, Финский* и др. Микротопонимы анализируемой группы сохранили факты полиэтническиого характера города Горловки. Всего микротопонимов данной группы насчитывается 22 ед., что составляет 11,3 % от общего числа всех анализируемых единиц.

Следует отметить, что антропоцентрический принцип является определяющим в микротопонимике Горловки. На основе данного принципа возникло 92 микротопонима Горловки (47,2 %) от общего количества всех примеров.

2. Следующий принцип номинации, лежащий в основе образования микротопонимов Горловки, связан с характеристикой пространства. Характеристика пространства включает два признака: а) местоположение объекта в пространстве (направление, удалённость по отношению к другому объекту) и б) связь одного объекта с другим объектом. Рассмотрим данные подгруппы:

2а. Микротопонимы, восходящие к названиям местоположения объекта в пространстве, представлены следующими номинациями: *Верхний Хутор, Восточная Проходная, Нижний Хутор, Северная Проходная, Центральная Колония Верхняя Колония, Восточный* и др.

2б. Микротопонимы, внутренняя форма которых связана с номинациями других объектов, отображены в таких примерах: *Домбэ, Косиор, Озеряновка, Ставки, Жованый лес, Байракский Хутор, Интернат, Бахмутка* и др. Называемый микротопонимом объект, как правило, меньше по размерам, чем объект, чьё наименование является основой для анализируемой единицы языка. В качестве производящей основы выступают названия населённого пункта, реки, а также различных учреждений. Так, в данную группу входят микротопонимы.

На основе данного принципа номинации образовано 29 микротопонимов Горловки, что составляет 14,9 % от всех анализируемых лексических единиц.

3. В основе третьего принципа номинации микротопонимов лежит качественная характеристика называемого объекта, включающая признаки цвета, формы, размера, особенностей флоры и фауны и под.

3а. Микротопонимы, в основе номинации которых лежит семантика цвета именуемого объекта, представлены следующими примерами: *Красный Базар, Чёрный Хутор, Белая Водокачка, Красный Яр, Чёрная Курганка, Зелёный Дуб* и др.

3б. Микротопонимы, в основе номинации которых лежит форма и размер именуемого объекта, отображены в номинациях *Кривая Балка, Широкая Балка, Круглый Лес, Большой Лес, Высокий Лес* и др.

3в. Микротопонимы, производящей основой которых являются номинации, отображающие особенности местной флоры и фауны, реализованы в таких примерах, как *Грачёвский Лес, Собачёвка, Грецкий, Гледовая Балка, Яловый Лес, Еловый Лес, Сухая Балка.*

3г. Микротопонимы, в номинации которых вербализовано время появления именуемого объекта, объективированы в примерах *Новая Колония, Старая Колония, Новосёловка, Новокаютино, Старобазарный* и др.

3д. Микротопонимы, связанные с номинациями внутренних свойств объектов, включают следующие примеры *Байкал, Майский, Мёртвая*

Балка, Мирный, Стандартный, Соловки, Собачёвка, Стенки, Степный, Шанхай, Нахаловка и др.

С помощью третьего принципа номинации образовано 74 микротопонима, что составляет 37,9 % от всех анализируемых номинаций.

Исходя из проведённого анализа, мы можем сделать вывод, что принципы номинации лежат в основе образования всех анализируемых микротопонимов и вербализуют представления носителей языка о различных особенностях местности, национальном своеобразии её жителей, путях экономического развития региона и традиционных видах деятельности. Данный материал требует дальнейшего исследования, что и будет нами сделано в последующих работах.

Список литературы

1. Ковалева Н. Б. К вопросу о принципах номинации в топонимике / Н. Б. Ковалева // Ученые записки УрГУ. Серия филологическая. – М., 1971. – № 114. – Вып. 18. – С. 133-136.
2. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов. – М., 2011. – 184 с.
3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – 2- е изд. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

УДК 81'373.21(075)

АНТРОПОМОРФНЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ КОД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГОДОНИМИКОНА СОВРЕМЕННОЙ ГОРЛОВКИ

Герасименко И.А., д-р филол. наук, проф., ***Пивень А.В.***
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, РФ
GIFL1949adm@yandex.ru

Комплексное изучение годонимов современного города является одним из актуальных направлений современной лингвистики. Особо значимыми выступают исследования наименований линейных адресных объектов в рамках лингвокраеведческого аспекта в силу того, что годоним представляет собой маркированную языковую единицу, способную реализовывать культурные коды. Изучение культурных кодов входит в сферу интересов многих лингвистов. В их числе исследования М. В. Голомидовой, Л. В. Егоровой, И. А. Королевой, В. В. Красных, А. М. Мезенко, К. В. Першиной, Н. А. Симбирцевой, Е. И. Сьяновой, В. Н. Телии, С. М. Толстой, М. Фуко, Н. А. Ярошенко и др.

Согласно мнению Н. И. Толстого, культурный код – это «вторичная знаковая система, использующая разные формальные и материальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к «картине мира», к мировоззрению данного социума» [5, с. 7]. Изучение специфики культурного кода сквозь призму годонимикона

является важной задачей ономастов в связи с тем, что «культурный код управляет номинативным процессом как в апеллятивной, так и в онимной сферах» [2, с. 118]. Кроме управления номинативным процессом к функциям культурного кода мы можем отнести интегрирование между собой носителей культуры в процессе жизнедеятельности, оказание влияния на последующие поколения при помощи актуализации собранного ранее опыта, изучения языковых знаков в качестве маркированного символа по причине того, что «коды способны «сдерживать» («стягивать») смысловую ценность и влиять на этнокультурную адаптацию» [4, с. 159].

Мы в данном исследовании придерживаемся мнения вышеуказанных лингвистов, понимая *код культуры* как совокупность представлений, стереотипов, эталонов, входящих в основу «картины мира» определённой нации.

Объектом данного исследования выступают годонимы г. Горловки, общее количество которых составляет 1633 языковых знака.

Предметом исследования является анализ годонимов, репрезентирующих антропоморфный культурный код.

В рамках изучения специфических характеристик культурных кодов мы придерживаемся мнения А. М. Мезенко, которая на материале внутригородских названий славянских стран выделяет семь базовых культурных кодов, а именно: 1) топоморфный, 2) антропоморфный, 3) физико-географический, 4) флористический (ботанический), 5) фаунистический, 6) цветовой (условно-цветовой), 7) темпоральный [1].

В ходе анализа годонимикона современной Горловки нам удалось выяснить, что наиболее частотными по количеству наименований выступают годонимы, в которых отражён **антропоморфный** культурный код.

Антропоморфный код культуры реализуют группы годонимов, восходящие к ряду имён. В их числе:

1. Имена известных военачальников, партизан, партийных и государственных деятелей, революционеров, участников Великой Отечественной войны. Например: ул. *Адмирала Истомина*, ул. *Бирюзова*, ул. *Бондаренко*, ул. *Болотникова*, бульвар *Димитрова*, ул. *Дундича*, и др. (269 единиц, или 16,5 % от 1633 анализируемых наименований).

2. Имена писателей, деятелей культуры, артистов, скульпторов, композиторов, художников. Например: ул. *Мамина-Сибиряка*, ул. *Немировича-Данченко*, ул. *Островского*, ул. *Радищева*, ул. *Твардовского*, ул. *Чаадаева*, ул. *Чернышевского* и др. (207 единиц, или 12,7 % от 1633 анализируемых наименований).

3. Имена академиков, учёных, космонавтов и исследователей разных областей знания. Например: ул. *Академика Вильямса*, ул. *Гагарина*, ул. *Космонавтов Волковых*, ул. *Мечникова*, ул. *Павлова*, ул. *Циолковского*, ул. *Чкалова* и др. (95 единиц, или 5,8 % от 1633 анализируемых наименований).

Стоит отметить, что годонимы, репрезентирующие антропоморфный код культуры, отображают меморативный принцип наименования с целью

«увековечивания памяти известных людей» [3, с. 540], а также идеологический принцип.

4. Названия профессиональных и социальных групп и объединений. Например: ул. *Комсомольская*, ул. *Молодёжная*, ул. *Молодой Гвардии*, ул. *Партизанская*, ул. *Педагогическая*, ул. *Пионерская*, ул. *Пролетарская*, ул. *Тимуровцев*, ул. *Шахтёрская* и др. (25 единиц, или 1,5 % от 1633 анализируемых наименований).

Итак, годонимы современной Горловки – это маркированные единицы языка, способные последовательно реализовывать антропоморфный культурный код (596 единиц, или 36,5 % от 1633 анализируемых наименований).

Данное исследование не является исчерпывающим. Дальнейшим направлением работы считаем рассмотрение специфики реализации комплекса культурных кодов в годонимиконе современной Горловки, а именно реализацию топоморфного, физико-географического, фаунистического и других культурных кодов.

Список литературы

1. Мезенко А. М. Урбанонимия как язык культуры / А. М. Мезенко // Учёные записки Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. – Т. 24 (63). – К., 2011. – С. 388–393. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/urbanonimiya-kak-yazyk-kultury (дата обращения: 09.08.2022).
2. Першина К. В. Растительный код в топонимии Донбасса / К. В. Першина // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : матер. IV Междунар. науч. конф. (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Т. 4: Филологические науки. Культура и искусство. – Донецк : ДонНУ, 2019. – С. 118–121.
3. Пивень А. В. Демонстративный и меморативный принципы в наименовании годонимов-советизмов города Горловки / А. В. Пивень // Чтения молодых учёных : материалы VII Междунар. очно-заочной науч.-практ. конф. (Горловка, 1-2 апреля 2021 г.). – Горловка, ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – С. 540–451. – URL: http://gifl1949.ru/images/00%20Document%20GIFL/Sborniki/%D0%A7%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F_%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4%D1%8B%D1%85_%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D1%8B%D1%85_2021._%D0%9C%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B8.pdf (дата обращения: 01.08.2022).
4. Симбирцева Н. А. Код культуры как культурологическая категория / Н. А. Симбирцева // Проблемы культурологии. Знание. Понимание. Умение. – № 4. – Екатеринбург, 2016. – С. 157-167. – URL : https://cyberleninka.ru/article/n/kod-kultury-kak-kulturologicheskaya-kategoriya/viewer (дата обращения: 01.08.2022 г.)
5. Толстой Н. И. О словаре «Славянские древности» / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. – М.: Междунар. отношения, 1995. – Т. 1. – С. 5–14.

УДК 8.81

ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА БЕЗГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Трунаева А.С.
МБОУ «Школа №88 г. Донецка», г. Донецк, РФ
trunaeva-alla@mail.ru

Введение. Одним из приоритетных заданий становления Донецкой Народной Республики как молодого государства является повышение уровня языковой грамотности и уровня владения русским языком. В связи с этим актуальным будет проведение глубинного анализа актуальных проблем лингворусистики, а также ряда мероприятий, направленных на их устранение и повышение мотивации к овладению нормами русского языка.

Основная часть. На существование современного русского языка оказывает воздействие ряд факторов. Например, мышление и общий фонд знаний носителей языка, внеязыковая и экстралингвистическая реальность, коммуникативная ситуация и др.

Одной из актуальных проблем лингворусистики является истребление факторов, понижающих качество преподавания русского языка. Это связано с тем, что длительное время на территории Донбасса изучение и преподавание русского языка происходило не на должном уровне. С момента создания Донецкой Народной Республики фокус изменился, а вместе с тем модифицировался и процесс изложения учебного материала.

К сожалению, уровень лингвистической грамотности современного социума довольно низкий. Это связано с рядом причин:

1) скорость развития научно-технического прогресса, за которым языковая система из-за своей консервативности не успевает;

2) воздействие средств массовой информации и сети Интернет;

3) снижение уровня общения в «живом» формате;

4) направленность системы образования на самостоятельное изучение учебного материала, внедрение дистанционного обучения в онлайн-режиме;

5) снижение интереса к чтению книг, которое, в свою очередь, воздействует на формирование интуитивной грамотности;

6) дегуманизация технического образования, направленная на внедрение компетентностного подхода.

Помимо того, современная лингвистика нуждается в расширении паспорта научной специальности, приведении его в соответствие с современными направлениями русистских исследований. Так, по мнению Ф.М.Литвиненко, формирование лингвистических понятий имеет непосредственное отношение к интеллектуальной сфере общественности [4].

Массовым мероприятием по профилактике безграмотности на территории республики является ежегодный тотальный диктант. И

участники, и люди, наблюдающие за этим действием со стороны, смогут убедиться в том, что изучение русского языка – это нелегкое, но увлекательное и полезное занятие. Смысл тотального диктанта в том, чтобы напомнить себе о правилах русского языка, заставить работать мозг в верном направлении. Более глубинная цель проведения тотального диктанта – единение русскоговорящего населения всего мира.

В социальных сетях популярность набирают демотиваторы, короткие видеоролики, обыгрывающие типичные ошибки нарушения норм русского литературного языка [3]. Так, решением глобальной коммуникативной безграмотности могут стать Интернет и средства массовой информации. С их помощью можно организовать благоприятное воздействие на носителей языка. Для этого следует часто и систематично освещать аспекты лингвистической грамотности, выявлять красоту родного языка, расставлять языковые акценты с помощью данных ресурсов.

Помимо того, обществу необходимо донести социальную значимость правильной речи, цену посягательства на время других людей. В потоке существующих изменений мира чтение, письмо и устная речь (говорение) тоже модифицируются, но неизменно являются источником получения информации и знаний, приобщения к культуре.

Заключение. Таким образом, создание условий для формирования коммуникативной грамотности является гарантом успешного социума. Важно, обучить не только грамотно писать и говорить, но еще и четко формулировать свои мысли.

Список литературы

1. Баженова Ю. А. Что ожидает современный русский язык: языковая политика РФ / Ю. А. Баженова, Е. О. Аквазба, П. С. Медведев // Инновационная наука в современном мире: Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции. – Нефтекамск, 2018. – С. 128-131.
2. Кукушкина О.В. Проблемы и задачи современной русистики (по итогам работы VI Международного конгресса исследователей русского языка) / О. В. Кукушкина, М. Л. Ремнева // Вестник Московского университета. Филология. – 2019. – №4.
3. Нефляшева И. А. Интернет-феномен «новой грамотности» в контексте теории постмодернизма / И.А. Нефляшева // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. – №5. – С. 402-407.
4. Ратникова И. Э. Современная русистика: актуальные вопросы лингвистических исследований / И. Э. Ратникова // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. – 2019. – №1. – С. 118-124.

УДК 81'282.2

МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ В ДИАЛЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ АРТЕФАКТОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛЕКСИКИ ОСКОЛЬСКИХ ГОВОРОВ)

Шубина Н.Г., канд. филол. наук, доц.
Старооскольский филиал ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, РФ
shubinang@yandex.ru

Введение. Диалектный язык, сохраняя сведения о способах освоения окружающего мира человеком, в определенной степени позволяет прояснить ту национальную специфику видения мира, которая в литературном языке может трансформироваться в силу изменившихся условий жизни и социально-общественного обустройства. Обращение к анализу диалектных слов помогает выявить особенности отражения единицами языка и региональной культуры, и культуры всего народа. Наименования же артефактов как предметов материальной культуры содержат лингвистическую информацию и часто становятся объектом наблюдения специалистов разных научных дисциплин, потому что и сами предметы, и слова, номинирующие их, дают представление о жизни и деятельности человека того или иного региона на разных этапах его исторического развития.

Основная часть. Особый интерес представляют говоры тех территорий, где на протяжении многих веков селились выходцы из разных мест. Так, например, на территорию современной Белгородской области в XVI-XVII веках были направлены неравномерные колонизационные потоки из разных мест России и Украины [5]. А лексическая система Оскольских говоров, относящихся к особой межзональной группе, отражает процесс становления и развития южнорусского наречия в целом и ее межзональной группы и позволяет выявить специфику формирования региональной культуры.

Лексика говоров представляет различные мотивировочные признаки, на основе которых создаются наименования различных реалий, представленных в разных диалектах и говорах русского национального языка. При этом основой номинации, как в литературном, так и в диалектном языке, выступает познавательная деятельность человека [1: 103].

Среди номинантов артефактов встречаются и мотивированные, и немотивированные слова. Так, при изучении наименований жилых построек говоров Старооскольского района Белгородской области, включающей 63 наименований, было выявлено 47 мотивированных слов (*двойник, пятистенка, припéчик, подзагнéта* и др.). При этом у 30 из них определяется прозрачная внутренняя форма, характеризующаяся прямым

способом номинации, при котором «мотивировочный признак выражен ... корневой морфемой слова» [2: 99]. А 17 слов имеют историческую мотивацию и опосредованный способ номинации, при котором мотивировочный признак обозначен ассоциативно [2: 99] (*двор, усадьба, поместье, хата, кут, су́дница, ко́мин, примостье* и др.).

В ходе анализа бытовой лексики оскольских говоров Белгородской области были выделены 5 основных мотивационных признака для наименований артефактов:

1) функция предмета (Например, ***творило*** «деревянный щит, которым накрывают погреб; то, "чем затворяют"», ***маслобойка*** «предмет кухонной утвари, в виде кадки с отверстием и мутовкой внутри, для сбивания из молока или сливок, животного масла» и др.);

2) форма предмета (Например, ***угольник*** «треугольная полочка, на которую ставятся иконы», ***скул′ы*** «передние углы русской печи, напоминающие скулы на лице человека» *[Пасерёт пе́чи задви́нуть еше́ каки́е-нибу́ть т′ыквы / а-па-скула́м стаи́ть пасу́да ва́рица //]*, ***рогач*** «приспособление в виде полумесяца с длинной ручкой, с помощью которого вынимали горшки из печи», ***парочка*** «женская праздничная летняя одежда, состоящая из двух предметов (кофты и юбки)» и др.);

3) место расположения предмета, часто по отношению к другому элементу или помещению (Например, ***верх*** «стропила с уложенным на них кроющим материалом (соломой, железом и т.п.), ***подзагнета*** «ниша, расположенная под загнетой во фронтальной стене печи» и др.) – этот признак выделяется лишь у названий построек и их частей;

4) объект, для которого предназначен предмет (Например, ***судница*** «часть жилой камеры, угол перед устьем русской печи, предназначенный для хранения кухонной утвари, посуды и приготовления пищи»; ***нагрудник*** «вид рабочей одежды, закрывающий грудь женщины, надевался сверху платья», ***масленка*** «ручная маслобойня, высокая узкая кадушка с крышкой, в которую пропущена палка с крестом» и др.);

5) материал, из которого изготовлен предмет (Например, ***чугун*** «литой чугунный горшок для варки пищи» *[Быва́ла чуу́н барша́ паста́вють у-пе́чь вари́ть / а-мо́жа карто́х це́лых]*, ***плюшка*** «женская верхняя одежда из плюша, укороченная и приталенная, фабричного производства» и др.).

Следует заметить, что при наименовании артефактов в диалектной лексике признак цветообозначения не является основным для мотивации. Так, среди наименований построек, посуды и одежды (обуви) в оскольских говорах нами было отмечено всего лишь несколько слов, для которых характерен прямой способ номинации по цветообозначению: в наименованиях построек и их частей – *светлица, светёлка*; в наименованиях одежды – *кумак, красная панёва.*

Мотовологический анализ слов – наименований одежды, в основе которых формально представлен признак цвета, выявил следующие особенности. Для *красной панёвы,* являющейся разноцветной, основным

отличительным признаком в семантике следует рассматривать «время функционирования», так как надевалась она как праздничная одежда: *[Кра́сная панёва была́ д'ю́жа разукра́шена / 'э́та была́ пра́здничная ба́бья панёва //]*. То есть прилагательное *красная* сохраняет в рассматриваемом наименовании значение «красивая», не связанное с наименованием предмета по признаку цвета. В слове *кумак* «самотканый красный пояс» признак цвета не является также смыслоразличительным, так как при характеристике предмета информанты выделяют назначение и способ изготовления: *[/Эта падпа'ясывались / Кумак тка́ный / кра́сный //]*. Признак же цвета, заложенный в заимствованном тюркском корне *kumaš* “красная хлопчатобумажная ткань” [4, II: 415], информанты рассматривают как второстепенный.

Выбор мотивационного признака для наименования артефакта в диалектном языке связан в первую очередь с восприятием диалектоносителя специфики самой реалии, которая обусловлена не только природными и социальными условиями жизни человека на той или иной территории, но и особенностями материальной и духовной культуры языкового коллектива.

Заключение. Таким образом, мотивировочные признаки, обусловленные природными условиями, историческим опытом и особенностями духовной культуры, сохраняют прозрачность внутренней формы диалектного слова, функционирующего в качестве наименования артефакта.

Список литературы

1. Анохина Л. И. Отражение быта, нравов и обычаев носителей говоров в языке (на материале названий хлеба на Орловщине) / Л. И. Анохина // Лингвистическое отечествоведение. Коллективная монография. – Т.1. – Елец, 2001. – С. 101-111.
2. Блинова О. И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии / О. И. Блинова // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. 1971. – Л.: Наука, 1972. – С. 92-104.
3. Плетнева С. А. Кочевники средневековья: Поиски исторических закономерностей / С. А. Плетнева – М.: Наука, 1982. – 188 с.
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / М. Фасмер – М.: Прогресс, 1986 – 1987.
5. Шубина Н. Г. История заселения Белгородских земель как фактор формирования местных говоров / Н. Г. Шубина // Европейские языки: историография, теория, история, методика. Межвузовский сборник научных работ. – Вып. 3. – Елец: ЕГУ, 2002. – С. 83-90.

Общее, славянское и прикладное языкознание

УДК 81`34

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РЕЧИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Агафонова М.П., канд. филол. наук, ***Кутьева А.В.***
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»,
г. Санкт-Петербург, РФ
m.p.agafonova@yandex.ru

Введение. В современном мире изучение иностранных языков является важным аспектом жизни. Перенос определенных правил и законов родного языка на иностранный язык в процессе изучения неизбежен и может быть, как положительным, так и отрицательным. Целью данного исследования было выявление наиболее распространенных ошибок при реализации гласных и согласных звуков в речи китайских студентов на русском языке. Определение произносительных ошибок в русской речи китайских обучающихся позволит скорректировать курс обучения фонетике русского языка.

Методика эксперимента. Сравнительный анализ фонетических систем русского и китайского языка [1; 2; 3] позволил определить потенциальную зону фонетической интерференции: для анализа были выбраны гласный звук [ɨ], 7 согласных звуков [r], [ɬ], [ʂ], [ɛː], [ʐ], [t̪ʲɕ], [tʲ], так как именно эти звуки могли потенциально вызывать трудности у изучающих русский язык. Материалом исследования послужили записи речи восьми дикторов: им было предложено прочитать фонетически представительный текст «Был тихий серый вечер…» [4]. В качестве дикторов были выбраны студенты 2 и 3 курса Санкт-Петербургского Политехнического университета, направление Лингвистика. Для дикторов были введены условные обозначения, M1–M4 дикторы мужского пола, F1–F4 дикторы женского пола. Все респонденты являются студентами из Китая и проживают в России. Срок изучения русского языка 2–3 года. Уровень владения русским языком A2–B1.

После получения восьми аудиофайлов был проведен слуховой и инструментальный анализ с помощью программы для анализа речи “Praat”. Текст «Был тихий серый вечер…» содержит в себе 75 звуков [ɨ]. Для определения правильной реализации звука [ɨ] у каждого из восьми дикторов были выявлены данные первой и второй форманты этой гласной. Для согласных звуков был проведен слуховой анализ с целью выявления ошибок при реализации. Всего текст содержит 103 звука [r], 116 звуков [l], 22 звука [ʂ], 13 звуков [ɛː], 17 звуков [ʐ], 31 звук [t̪ʲɕ], и 30 звуков [tʲ]. Всего было проанализировано 3256 звуков у всех восьми дикторов. Во время

эксперимента было проанализировано 64 минуты 22 секунды аудиофайлов.

Результаты. Согласно нормам русского языка, для звука [ɨ], первая форманта должна быть приблизительно равна 300 Гц, а вторая форманта приблизительно равна 1480 Гц [5]. В таблице представлены средние значения первой и второй форманты для каждого из дикторов.

Таблица

Средние значения формант для звука [ɨ] в речи дикторов

Диктор	**F1**	**F2**
F1	507	2181
F2	519	2252
F3	441	1901
F4	373	2412
M1	409	2177
M2	408	1935
M3	361	1871
M4	408	1805

Было выявлено, что самой частотной ошибкой являлось произнесение звука [ɨ] в более переднем положении. При слуховом анализе может быть ошибочно идентифицирован как звук [ɪ]. Так же осуществлялась замена звука [ɨ] на другие фонемы: [ɛ] или на китайский дифтонг [əi].

Наиболее трудными согласными для китайских студентов является пара [r] и [ɬ]: в китайском языке нет аналогов звука [r] в фонетической системе языка, а китайский звук [l] по месту образования является альвеолярным, а не переднеязычным (как в русском языке). Во время эксперимента было выявлено, что в 63 % случаях дикторы ошибочно заменяли звук [r] и [ɬ]. На рисунке 1 представлен процент правильных реализации звука [r] для дикторов.

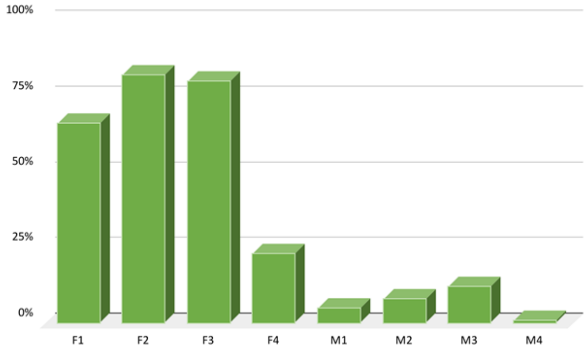

Рис. 1. Процент правильной реализации фонемы [r] в речи дикторов

7 из 8 дикторов справились с реализацией звука [ɬ] более чем на 50%. Стоит отметить, что диктор F2 лучше всех справился с реализацией звука [r], однако хуже всех справился с реализацией звука [ɬ]. Во время чтения текста диктор F2 ошибочно заменял звук [ɬ] на звук [r]. Еще одной частотной ошибкой стала подмена твердого звука [ɬ] на мягкий [lʲ] в середине слова.

При анализе реализации шумных согласных было выявлено несколько типов ошибок. Звук [ʂ] оказался наиболее простым, результативность выше 50 % показали все дикторы. Простыми для реализации оказались согласные звуки [ɬ] и [t͡ɕ], с ними с высокой точностью справились 7 дикторов из 8. Оставшиеся звуки по трудности артикуляции для дикторов можно поставить в следующей последовательности: [ʐ], [tʲ], [ɕː]. Наиболее сложным в этом ряду оказался звук [ʐ] – с ним справились только 4 из 8 дикторов. Пять дикторов справились с [tʲ] и шесть с [ɕː] соответственно более чем на 50%.

На рисунке 2 представлен достаточно высокий процент правильной реализации звука [ɕː] в речи дикторов. Однако именно ошибки при реализации этого согласного чаще всего мешали распознаванию слов на русском языке.

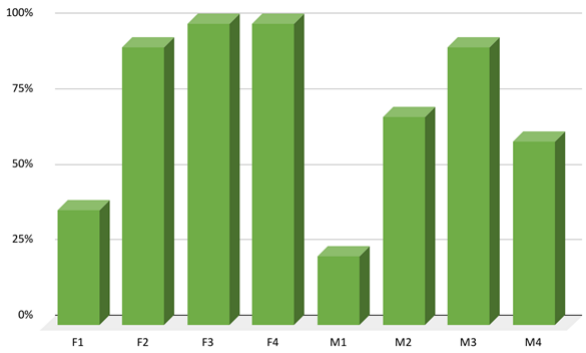

Рис. 2. Процент правильной реализации фонемы [ɕː] в речи дикторов

В китайском языке звук [ɕ] является дорсальным щелевым и артикулируется в более заднем положении, чем русский переднеязычный щелевой [ɕː]. Предполагалось, что в речи дикторов будет произведена замена на знакомый звук в родном языке, однако данная ошибка встретилась только у одного из дикторов. При слуховом анализе самой частотной ошибкой являлась замена звука [ɕː] на звуки [ʂ], [ʂʲ] и [t͡ɕ]. Не владея в полной мере артикуляцией сложного щелевого звука, китайские студенты заменяли его на более знакомый и простой звук в русском языке.

Заключение. Наибольшее количество ошибок было допущено при реализации фонем [ɨ] и [r]. Ошибки при реализации проанализированных шумных согласных встречались статистически реже в речи дикторов, однако именно эти ошибки могли затруднять распознавание слова носителями русского языка. Любопытным замечанием является то, что дикторы не всегда ориентировались на фонетическую систему родного языка, а предпочитали реализовывать уже известную им более простую фонему в русском языке. Фонетическая система русского языка довольно сложна для китайских студентов: фонетические ошибки сохраняются даже в речи студентов 2 и 3 года обучения, проживающих в стране, где говорят на изучаемом ими языке. Во время обучения русскому языку следует обращать внимание студентов и на артикуляции звуков, которые

полностью отсутствуют в фонетической системе родного языка учащихся, и на различия в артикуляции звуков, похожих на звуки в их родном языке.

Список литературы

1. Чжао Ч. Звуковая интерференция в русском языке под влиянием языка-субстрата в условиях русско-китайских языковых контактов: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01 / Чжао Чжэ; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. – Москва, 2017. – 22 с.
2. 王璐，吴洁茹。语音发声。–2 版 – 北京：中国传媒大学出版社，2009 页. [Ван Лу, У. Цзежу. Артикуляция китайского языка. – Пекин: Изд-во Китайского университета коммуникаций, 2009. –280 с.].
3. Брызгунова Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. Пособие для преподавателей, занимающихся с иностранцами. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1963. – 306 с.
4. Бондарко Л. В. Текстовый модуль «Фонетически представительный текст» / Л. В.Бондарко // Бюллетень Фонетического фонда русского языка. Bochum-Л. – 1992. – № 4. – С. 132–134.
5. Основы общей фонетики: учеб. пособие для студентов лингв. и филол. спец. / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. – 4-е изд., испр. – М.: Академия; СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004 (ГУП Сарат. полигр. комб.). – 160 с.

УДК 811.161.1’373.22:82-31

КОНЦЕПТОСФЕРА ВОЙНА И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В РОМАНЕ-ЭПОПЕЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»

Арзямова О.В., канд. филол. наук, доц., ***Панова А.А.***
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
arzyamovyu@yandex.ru

Введение. Творчество Л. Н. Толстого отличается богатством языковой картины мира, в которой представлены различные содержательные концепты и характеризующие их семантические признаки. В романе-эпопеи «Война и мир» одним из наиболее значимых концептов является «война». На материале романа Л. Н. Толстого «Война и мир», мы рассмотрим основные ментальные образования, возникающие при восприятии концепта «война», проанализируем ассоциативный ряд, который формируется в тексте и реализуется в восприятии героев романа.

Основная часть. Концепт «война» – это абстрактное понятие, значение которого характеризуется неоднородностью и тесно связано с особенностями национального сознания. Так человек вбирает в себя факты и события, которые, как правило, строятся на историческом прошлом, и в котором такое явление, как война, играет особую роль.

Концепт «война» приобрел многозначность уже в ранний исторический период, что отражено, например, в «Толковом словаре

живого великорусского языка» В. И. Даля. В структуре рассматриваемого концепта можно выделить следующие лексико-семантические варианты: 1) раздор между государствами; 2) ратный бой между государствами; 3) международная брань [1, с. 230]. В современных словарях русского языка также представлены различные трактовки этого концепта [2, с. 852].

Рассматривая концептосферу «войны» и ее реализацию в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», стоит отметить, что лексико-семантический анализ этого концепта во многом обусловлен событиями Отечественной войны 1812 года, а также культурным сознанием героев романа начала XIX века. Основные характеристики концепта «война» наиболее ярко представлены в третьем и четвертом томах романа [4; 5]. Здесь рассматриваемый концепт является одним из ключевых, и потому его реализация многогранна.

Основное лексическое значение *войны* выражено в следующих строках: «*... внешняя деятельность государств и народов, в их столкновениях между собой, выражается войнами…*» [5, I, с. 46]. «*Цель войны – убийство, орудия войны – шпионство…*№ [4, XXV, с. 81]. Подобное толкование совпадает со словарным значением, представленным в Словаре В. И. Даля [1, с. 230].

Содержание концепта «война» в романе раскрывается через сравнение с театральным, постановочным явлением: «*... А то война – это любимая забава праздных и легкомысленных людей…*» [4, XXV, с. 81]. Если в мирное время война воспринималась как сценическая постановка для удовлетворения зрителя, то в сложное для страны время, как объясняет автор, война – это необходимое дело, а не забава, она лишает людей свободы и несет смерть: «*... Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость*» [4, XXV, с. 81]; «*...война так война, а не игрушка…*» [4, XXV, с. 81]. В зависимости от состояния среды и событий, влияющих на жизнь общества, лексико-семантическое значение концепта «война» изменяется, что непосредственно находит отражение в сознании героев романа.

В начале произведения война – это спектакль. Однако Л. Н. Толстой дает определение войне как нечто страшному, антигуманному, не имеющему ничего общего с человеческой природой: «*...Началась война, то есть совершилось противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие*» [4, I, с. 1]. Автор осуждает войну и все то, что она несёт за собой.

Л. Н. Толстой отдельно характеризует русскую и наполеоновскую войну. Концепт *русской войны* реализуется в представлении о высокой цели, гуманности и самоотверженности: «*...это была война здравого смысла и настоящих выгод, война спокойствия и безопасности всех; Это было для великой цели, для конца случайностей и для начала спокойствия*» [4, XXXVIII, с. 100]. Наполеоновская война связана с *«...представлениями*

об антихристе, конце света и чистой воле» [4, IX, с. 56], она губительна для французского народа. Если русская война – это стремление к благу, то война Наполеона – это смерть духовная и физическая.

Концептосфера «война» реализуется и через гендерное восприятие героев. Андрей Болконский и Марья по-разному видят картину войны и имеют свое отношение к этому явлению. Для Марьи война сначала не приобретает особого значения, она, прежде всего, является причиной расставания с братом, как скрытый враг, вторгшийся в ее мирную жизнь. Такое женское отрицание войны отметила Т. А. Михалкина [3, с. 269]. Андрей Болконский сначала видел в войне источник славы, но впоследствии его представления меняются: война – это насилие, жестокость и смерть. «Мужское представление» о войне заключается в следующем: «*Война не любезность, а самое гадкое дело в жизни…*» [4, XXV, с. 81]*;*

Концептосфера «война» в романе-эпопее образует ассоциативный ряд, который составляют различные лексические единицы: *смерть, убийство, шпионство, Родина, шахматная игра, безопасность, подчинение, ремесло, гадкое дело, горе, любимая забава, слава, последствие* и т.д. Эти слова, как правило, имеют негативный оттенок и отражают отрицательное восприятие войны героями романа.

Заключение. В романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» концептосфера «война» реализуется не только через авторскую позицию, но и через восприятие войны героями романа. Происходит сравнение различных составляющих концепта: *русская война – война Наполеона,* что позволяет рассмотреть его под разным углом авторского восприятия. Важную роль играет гендерное представление героев о войне, которое позволяет проанализировать концепт с позиции «женского» и «мужского» восприятия.

Основное лексическое значение концепта «война» выраженно автором посредством понятия, близкого к толкованию, представленному в словаре В.И. Даля. В романе создаётся развернутый ассоциативный ряд, в котором каждая лексическая единица является частью языковой картины концептосферы «война», характерной для романа-эпопеи.

Таким образом, концепт «война» приобретает в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» различные оттенки значений, однако причины возникновения войны как социального и политического события не раскрыты: «*Почему происходит война или революция? Мы не знаем…»* [5, VII, с. 126].

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1989. – Т. 1. – 699 с.
2. Ефремова Т. Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова. – 9897 с. – URL: https://bookscat.org/book/592109 (дата обращения: 14.09.22).

3. Михалкина Т. А. Концепт война в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» / Т. А. Михалкина // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г.: в 2 ч. / редкол.: И. Ровдо (отв. ред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2006. – Ч. 1. – С. 267–269.
4. Толстой Л. Н. Война и мир: Том 3 / Л. Н. Толстой. – 2007. – 153 с. – URL : https://bookscafe.net/book/tolstoy_lev-voyna_i_mir_tom_3-75154.html (дата
5. обращения: 15.09.2022).
6. Толстой, Л. Н. Война и мир: Том 4. / Л. Н. Толстой. – 2007. – 133 с. – URL : https://bookscafe.net/book/tolstoy_lev-voyna_i_mir_tom_4-75155.html (дата обращения: 15.09.2022).

УДК 81'373; 81'37

ЛЕКСЕМА *СЛУЖИТЬ* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Борисова Л.П., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
donnuborisova@yandex.ru

Проникновение в «удивительный мир слов и значений» с использованием разных аспектов изучения истории лексического строя русского языка в наше время не утрачивает своей актуальности. Подчеркивая значимость таких исследований, М. М. Маковский справедливо утверждал, что каждое слово в языке является «немым свидетелем человеческой истории и культуры», что «развитие значений слов лучше любых хроник и свидетельств современников отражает человеческие судьбы, интересы, нравы, обычаи, верования, способы мышления» [4, с. 5]. Иначе говоря, такое знание создаёт и дополняет внутреннее содержание языковой картины мира.

Многие проблемные вопросы истории слов и выражений еще в начале XX века были обозначены в частных научных исследованиях, проводимых учеными отечественной филологической школы, которые (как, например, В. В. Виноградов, Ф. П. Филин, Б. А. Ларин, М. М. Покровский, Л. В. Щерба и др.) считали, что «историческая лексикология русского языка вообще, а литературного, в частности, еще только в зародыше» и что эта наука «еще не может представить таких глубоких и разносторонних обобщений и выводов из своих исследований, как наука о грамматическом строе разных языковых систем и типов» [1, с. 5]. Несмотря на значительные усилия и успехи наших современников в развитии исторической лексикологии с таким заключением и сегодня можно согласиться. Кроме этого, можно поддержать мнение и о том, что «слова, идеи и вещи должны изучаться как аналогические и взаимодействующие ряды явлений» в контексте историко-лингвистического описания значений слов русского языка как в синхронии, так и в диахронии [1, с. 5]. Успешным в этом направлении, по нашему мнению,

может быть изучение истории отдельных слов через структуру словообразовательных гнезд, организация которых (благодаря синхронно-диахронному методу исследования) позволяет одновременно прослеживать эволюцию элементов лексического, словообразовательного и морфологического строя русского языка.

В качестве вершины словообразовательного гнезда можно рассмотреть глагол действия *служить*, лексему, которая, без сомнения, интересна богатством смысловой структуры, реализованной как в книжной, так и в разговорной русской речи. Как показывают наблюдения, многообразие значений и употреблений этого вершинного слова были обусловлены спецификой лексической системы, отражающей сложные процессы взаимодействия человека и государства на разных этапах его становления и развития. Востребованность этого глагола в языке совпадает с периодом зарождения российской государственности. Именно в это время русский человек стал понимать, что государственная власть дана Богом и что для князей, избранных народом, первостепенным является служение православной вере и Отечеству. Заимствованное из религиозной сферы выражение *служить Богу* стало основой для формирования и развития в этом глаголе нового значения: в определённых сочетаниях семантическая структура лексемы *служить* постепенно обогащалась дополнительным смысловым элементом ‘проявлять, испытывать чувство патриотизма’ (*служить Отечеству, служить Родине, служить России* и т. д.). Такое изменение было стимулировано общим процессом обогащения смысловых структур многих русских слов в лексико-семантической системе языка в XVIII – начале XIX века. В приведенном примере отразилась потребность русского языка номинировать новое понятие. Каких-либо нарушений, связанных с внутренними отношениями элементов лексической системы, в этот период, видимо, не было, поскольку похожие процессы наблюдались в истории других слов, «помогающих» развитию новой семы. Так, слово *отечество*, до XVIII века имевшее значение ‘принадлежность по родству, место рождения’, приобрело новое (социальное) значение ‘родная страна, государство’. Слово *патриот* (*patria*), заимствованное из латинского языка, и сочетание *сын Отечества* стали рассматриваться как синонимы [3, с. 87]. В сочетаниях *служить Отечеству (Родине, Отчизне)* существительные-дополнения выполняли роль конкретизаторов значения ‘быть патриотом’, ‘испытывать чувство патриотизма’, которое ранее в лексико-семантическом поле слов с корнем -*слуг*- отсутствовало.

Этимологический анализ лексемы *служить* показывает, что его история имеет прямое отношение к древнейшему пласту лексики общеславянского и даже праславянского языка. И хотя, как утверждал В. В. Виноградов, «этимологическое объяснение слова в большинстве случаев вовсе не является раскрытием предмета, обозначаемого словом» [1, с.10], по имеющимся данным можно приблизительно судить о первых

реальных прямых значениях, заложенных в корне этого слова. Признак действия ‘*работать*’, ‘*поддерживать, помогать*’ присутствовал еще в праславянской форме **slugiti*. Эти (позднее и другие) значения были закреплены в однокоренных образованиях глаголов, существительных и прилагательных, представленных и в церковнославянском, и в древнерусском языках. Лексемы с этим корнем сохраняются до сих пор не только в русском, но и в других славянских языках (подробнее см. материалы этимологических словарей [5, с. 8]). Связь лексем *служити* и *слуга* со значением ‘быть в рабстве’, ‘раб, крепостной’ вызывает сомнение и требует научного подтверждения. Этимология и праславянское словообразование (в первую очередь – направление производности) древнерусской формы *служити*, по нашему мнению, также не имеют ясной научной интерпретации. Представленные в лексикографических источниках объяснения и гипотезы требуют более глубокого изучения. По этой причине наши наблюдения были ограничены материалами специальных словарей, которые отмечали все возможные употребления слов с корнем -*слуг*- в исторический период, когда их функционирование было чётко зафиксировано в письменных текстах. Общеупотребительный глагол *служити* имел в своей истории книжный вариант – *слуговати* ‘служить, совершать служение, оказывать почтение, повиноваться’, представленный в церковной литературе (в разговорной речи этот глагол активно не использовался).

Тавтологическое выражение *службу служити (служивати)* ‘нести воинскую повинность’ известно русскому языку с конца XIV – начала XV века. Характер складывающихся в феодальном государстве общественных отношений заключался в устойчивых выражениях, которые чаще всего были связаны с военным делом: *службу чинити, службу давати (отдавати), службу имати* и др. Активное функционирование глагола действия *служить* в прямом значении ‘работать, совершать определённый вид деятельности’ следует соотнести с Петровской эпохой и с развитием в это время «служилой бюрократии». В Табели о рангах 1722 года был определён принцип *служебной годности*: каждый гражданин Российского государства (независимо от принадлежности к сословию) в обязательном порядке должен был служить (по выбору) на гражданской, сухопутной или военно-морской службе. Такая «кабала» была отменена в начале XIX века Петром III, который «всему дворянству дал вольность». Екатерина II в своих мемуарах отметила, что отныне «*служить* и *не служить* по воле всякого» [2, с. 48]. Известное выражение А. Чацкого *«служить бы рад, прислуживаться тошно»* (комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума») имеет прямое отношение уже к новой истории, продолжение которой следует.

Список литературы

1. Виноградов В. В. История слов / В. В.Виноградов / Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. – Москва: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1999. – 1138 с.

2. Екатерина II (Записка на российском языке). Первые дни царствования Петра III / Путь к трону: История дворцового переворота 28 июня 1762 года. – Москва: СЛОВО/SLOVO, 1997. – 360 с.
3. История лексики русского литературного языка конца XVII – начала XIX века. – Москва: Наука, 1981. – 374 с.
4. Маковский М. М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике / М. М. Маковский. – Москва: Высшая школа, 1989. – 200 с.
5. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – Москва: Госиздат иностранных и национальных слова рей, 1958. – 1284 с.
6. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И. И. Срезневский. – Т. 3. – Санкт-Петербург: Типография Императорской АН, 1912. – 1684 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. – Т. 4. – Санкт-Петербург: Издание М. О. Вольфа, 1882. – 683 с.
8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – Т. 3. – Москва: Прогресс, 1987. – 831 с.

УДК 34.0

КОМПЬЮТЕРНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНОВ

Волков Ю.В., канд. юрид. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет
им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, РФ
vyuv001@usla.ru

Введение. Целью, описанного в работе исследования, является поиск и разработка способов замены трудоёмкого и длительного анализа юридического текста его аналогом на основе информационных технологий. Любое решение, постановление, сообщение, комментарий, в том числе о ненадлежащем применении закона, могут стать достоянием социальных сетей в считанные секунды. С другой стороны, анализ, проверка фактов, толкование положений закона требуют значительного времени. Эти традиционные «медленные» способы работы с юридическими текстами уже не удовлетворяют многих. Исследователи предлагают несколько новых подходов анализа текстов с применением компьютеров (составление корпусов, векторный и тензорный анализ). Одним из предлагаемых методов, который доступен практически каждому филологу и юристу, является компьютерный анализ отдельных терминов на основе расчета векторов. При соответствующем развитии и доработке векторный анализ может быть применён для анализа всего текста. Прогрессивное развитие метода может привести к замене на быстрый технологический ныне существующего длительного документального (устного, письменного) процесса согласования текста документа.

Основная часть. Работы по анализу текстов статистическими методами начались в начале XX века в нескольких странах. Очередная

волна интереса к ним появилась после изобретения электронных вычислительных машин (ЭВМ). Позднее, в 60-е годы XX века чешский исследователь Виктор Кнапп отмечал необходимость «логико-математического описания волевых процессов для дальнейшего продвижения кибернетики» [1, с. 68]. Важную роль в продвижении компьютерной лингвистики сыграли также работы Ноама Хомского, Джорджа Миллера и других авторов [3]. Аналогичные исследования проводились и в СССР, однако, высокая стоимость ЭВМ, их малая мощность и отсутствие разветвленных сетей препятствовали широкому внедрению методов машинного анализа. Тем не менее, отдельные методики математического анализа текстов были разработанны В. И. Кодуховым [2, с. 87; 96].

Ряд факторов, которые не способствуют стабильному, неторопливому, вдумчивому анализу текста закона, – это рост объёмов законодательства и, что более важно, его частые изменения. В настоящее время ЭВМ используются преимущественно для хранения текстов законов (в различных форматах). Правоведение (если не принимать во внимание правоохранительную деятельность) также, как филология основным предметом труда имеет текст. Художественные и правовые тексты имеют много общего. Язык, как средство коммуникации, имеет строение и определённые черты, в том числе: нормативность (правила: орфографические, синтаксические и т. д.); логичность; формальность. Право реализованное в тексте, также содержит несколько сходных признаков, в том числе: нормативность; формальную определённость; объективность. Это делает подобным (изоморфным), если не полностью, то в основной части, процесс работы с правовым текстом (технический анализ). Последние достижения лингвистики (языковые корпуса и векторный анализ) позволяют давать текстам формально определённую, математическую оценку.

В наши дни особенный интерес представляет векторный анализ, как разновидность компьютерного анализа и промежуточный, переходный (от термина к тексту) вариант анализа. Метод стал доступен в связи с развитием современных информационных технологий (для малых экспериментов достаточно персонального компьютера). Андреем Кутузовым представлен авторский вариант WebVectors на общедоступном сетевом ресурсе (http://rusvectores.org/ru) вместе с необходимыми для исследований инструментами и описанием порядка работ [5]. Основная цель WebVectors – быстрое развертывание веб-сервисов, обрабатывающих запросы к векторным семантическим моделям, независимо от конкретного языка. Это позволяет практически мгновенно сделать сложные языковые ресурсы доступными для широкой аудитории. Следует отметить, что данный метод на фоне иных аналогичных методов корпусной лингвистики является, если не самым, то одним из самых передовых. Он позволяет представить результат литературного анализа термина в числовом формате. Таким образом,

любой исследователь, который просто знает числа, сможет наглядно представить общность и/или различие литературных структур и текстов.

Приведем несколько примеров. Группа исследователей затратила значительные усилия для установления соотношения понятий «принуждение» и «ограничение» [4]. В условиях ограниченного объема доклада приводится только одна из нескольких работ. Результат анализа – неполное соответствие содержания терминов. Нами проведена прямая и встречная верификация полученных результатов с использованием WebVectors. Получен следующий результат. Семантические аналоги для термина «принуждение» (вычисленные на модели НКРЯ и Wikipedia): понуждение 0.635; принуждать 0.616 насилие 0.610 и т. д. В первом десятке термин «ограничение» отсутствует. Семантические аналоги для термина «ограничение» (вычисленные на модели НКРЯ и Wikipedia): запрет 0.667 регламентирование 0.583 и т. д. В первом десятке термин «принуждение» отсутствует. Таким образом, встречный компьютерный (векторный) анализ терминов «принуждение» и «ограничение» показал отсутствие корреляции (соответствия) понятий. Продолжительность анализа 10-15 минут.

Другой пример. Верификация терминов «распространение» и «передача» на соответствие понятий. Пример взят из дела по жалобе А. И. Сушкова, рассмотренного Конституционным Судом РФ [Постановление КС РФ № 25-П]. В основе конфликта разное толковании терминов, которые описывают отправку сообщения электронной почты с «рабочего» на «домашний» адрес. В случае передачи нарушения нет. В случае распространения, которое подразумевает или допускает разглашение информации, имеет место нарушение. Для А. И. Сушкова, заявителя по делу, разница заключается в сохранении или утрате рабочего места в результате нарушения. По данному делу Конституционный Суд РФ не дал ответ на вопрос что имело место распространение (разглашение) или передача, но при этом констатировал факт нарушения (практически приравнял термины друг к другу) и отправил дело на пересмотр. Проведённый векторный анализ терминов показал безусловное различие терминов «распространение» и «передача». Их семантическая «близость» обнаружена на 18-м из 23-х возможных уровней. Термины «распространение» и «передача» различны по содержанию понятий. Таким образом, передача (самому себе) не предполагает разглашение. Продолжительность анализа 10-15 минут.

Развитие методики компьютерного (векторного) анализа можно представить в виде следующей модели. Текст закона подвергается анализу на предмет установления всех возможных «векторов», ключевых терминов. Далее анализ отдельных терминов. На следующем этапе сравнительный анализ текстов, представленных для исследования. Вариативно, можно проводить сравнительный анализ суммы векторов всех анализированных терминов. Наличие отклонения покажет степень соответствия термина искомому понятию.

Заключение. Компьютерный анализ терминов позволяет оперативно уточнять их значение. Это сокращает время анализа документов по делу. Дальнейшее развитие метода будет способствовать замене длительных процедур анализа текстов. Важным обстоятельством является доступность анализа любому обладателю персонального компьютера. Все положения представлены для продолжения дискуссии.

Список литературы

1. Кнап В. О возможности использования кибернетических методов в праве / В. О. Кнап. – М.: Прогресс. 1965. – 288 с.
2. Кодухов В. И. Общее языкознание / В. И. Кодухов. – М.: Высшая школа, 1974. – 303 с.
3. Хомский Н. Ведение в формальный анализ естественных языков / Н. Хомский, Дж. Миллер. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 64 с.
4. Чашников В. А. О соотношении понятий «принуждение» и «ограничение» / В. А. Чашников, Т. Ю. Фалькина // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 9. – С. 50-54.
5. Kutuzov A., Kuzmenko E.: WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In: Ignatov, D. et al. (eds) Analysis of Images, Social. Networks and Texts. 2016; Communications in Computer and Information. Science, vol 661. Springer, Cham, 155 – 161, 2017. – DOI: 10.1007/978-3-319-52920-215.

УДК 81.37

СПОСОБЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

***Джиоева В.П.*[1],** канд. филол. наук, ***Букулова В.М.*[2]**

[1]Юго-Осетинский государственный университет, г. Цхинвал, Республика Южная Осетия

[2]Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Владикавказ, РФ

jio.varvilina@mail.ru, viki.bukulova@mail.ru

Введение. Представленное исследование посвящено изучению способов терминообразования и терминологического моделирования в сфере осетиноязычной экономической терминологии. Исследование представляется актуальным ввиду того, что Республика Южная Осетия только строит свою государственность и специальная терминология, используемая в различных сферах, недостаточно разработана. Исследование может решить некоторые проблемы лексикографии и терминообразования в осетиноязычной узкоспециальной коммуникации (в области политики, экономики и других жизненно важных областях).

Цель исследования – рассмотреть и проанализировать наиболее рекуррентные модели образования терминологических сочетаний на осетинском языке в сфере экономики.

Материалом для работы послужили тексты онлайн версий осетиноязычных периодических изданий. В представленном исследовании проанализировано 160 терминологических единиц сферы экономики на осетинском языке. Рассмотренный анализ был осуществлен на основе изучения 29 текстовых фрагментов из периодических изданий, выпускаемых в Республике Южная Осетия за 2019–2022 годы.

Основная часть. Структурно эмпирический материал представлен следующим образом: 92 простых (однокомпонентных) термина (57,5 %), 52 двухкомпонентных терминологических словосочетания (32,5 % выборки), 7 трехкомпонентных словосочетаний (4,4 %), таким же количеством – 7 словосочетаний – представлены 4-компонентные сочетания, по 1 в выборке 5- и 6-компонентных словосочетаний (по 0,6 %).

Наиболее продуктивными способами терминообразования являются следующие: аффиксальный (25 терминов) и словосложение (20 терминов). В осетинском языке практически все аффиксы не дифференцированы между частями речи, одни и те же аффиксы образуют как глагольные, так и именные основы (существительные и прилагательные) [1, с. 120–121]. В выборке представлены различные структурные модели образования терминов. Термины образуются от существительных по следующим моделям: 1) преф+исходное С→производное С: *æ-гуыст* ‘безработный’; 2) преф+исходное С+суф→производное С: *æм-гуыст-дзинад* ‘*сотрудничество*’; 3) исходное С+суф→производное сущ: *дæсны- й-ад* ‘ремесло, специальность’. Часть терминов образуется таким морфолого-синтаксическим способом, как субстантивация: *хъæуын-дзинад* ‘потребность, спрос’ (Г+суффикс), *хъуаг-дзинад* ‘дефицит’ (П+суффикс); от прилагательных при помощи суффиксов: *гæвзыкк-дзинад* ‘нужда, финансовая несостоятельность’, *ифтонгад/ифтонгдзинад* ‘обеспечение, оснащение’.

Одним из наиболее продуктивных способов словообразования считается словосложение [3, с. 168]. Словосложение считается вторым по продуктивности способом словообразования после аффиксации [2, с. 70]. Существительные-композиты образуются по таким моделям, как: С+Г→С: *æм-куыст-кæнын-ад* ‘сотрудничество’; *амалиуæг-гæнæг* ‘предприниматель’; *бар-дар-æг* ‘владелец, собственник’, *товар-уадз-джытæ* ‘производители’; П+С→С: *хи-исбон-дзинад, ис-бон-ад* ‘личная собственность’; С+С→С: *фæллой-бон* ‘трудодень’; С+П→С: *куыст-хъом-дзинад* ‘трудоспособность’. В исследовании рассмотрены случаи семантической деривации: *æввонгхор* ‘безработный’, *гæртамхор* ‘взяточник’.

В процессе заимствования новая лексика включается в грамматическую систему языка, подчиняясь ее правилам, например: *экономик-он* ‘экономический’. Лексические единицы, включающие как исконные морфемы, так и заимствованные, называются словами-гибридами или гибридными образованиями [4]. В выборке примечательно наличие гибридных композитов с русской основой, присоединяющей осетинскую основу (иногда, сокращенную), например: *товар-æрзылд*

‘товарооборот’, *мид-базар-ад* ‘внутренняя торговля’, *лыстæг-товар-он* ‘мелкорозничный’, *цæрæн-уат-он* ‘жилищный’.

В. А. Судовцев определяет терминологические словосочетания как связанные по смыслу два и/или более слова, соединенные посредством предлога или беспредложным способом [5, с. 136]. В рамках данного исследования в группе 2-х компонентных словосочетаний выделены следующие модели – П+С: 34 сочетания (65,4%), напр.: *базарад-он* х*æдзар* ‘фермерское хозяйство’, *розниц-æ-й-он товар-æрзылд* ‘розничный товарооборот’ (гибридное образование), *фæстауæрцон фонд* ‘резервный фонд’; С+С: 12 (23,1 %), напр.: *финанскæныны фарстытæ* ‘вопросы финансирования’; 3 словосочетания образованы по модели «причастно-деепричастное образование+С» (5,8 %), напр.: *кусгæ бон* ‘рабочий (будничный) день’, и по одному сочетанию в комбинациях П+Г: *хæлæттаг кæнын* ‘хищение’, С+причастие: *экономикæйы размæцыд* ‘развитие экономики’ и Наречие+С: *бонгай кусæг* ‘поденщик’. Среди 3-компонентных словосочетаний выделяются следующие модели – П+С+С: *экономикон рæзты министрад* ‘Министерство экономического развития’, *цæрæнуатон-коммуналон хæдзарады комитет* ‘комитет жилищно-коммунального хозяйства’; Причастие+С+Г: *фæлывд митæ кæнын* ‘махинация’; С+П+С: *программæйы финансон хай* ‘финансовая сторона программы’; П+П+С: *æххæст паддзахадон финанскæнынад* ‘полноценное государственное финансирование’; С+Г+Г: *куыстхъомдзинад рæзын кæнын* ‘повышение производительности’; С+С+Г: *куыстæй хæс бафидын* ‘отработка’. Четырехкомпонентные словосочетания отвечают следующим моделям – П+союз+П+С: *бæрцон æмæ гъæдон бæрæггæнæнтæ* ‘количественные и качественные показатели’; П+П+С+С: *егъау специализацигонд куыстуæтты ифтонгад* ‘строительство крупных специализированных предприятий’; С+С+П+Г: *размæцыды программæ сифтонг кæнын* ‘разработать программу развития’, *кондады гуырахст фæкъаддæр кæнын* ‘уменьшение объёмов производства’; С+С+Г+Г: *куысты ахадындзинад рæзын кæнын* ‘способствовать росту производительности труда’; П+С+С+Г: *прогрессивон технологи биноныг кæнын* ‘внедрять прогрессивные технологии’; С+Г+П+С*: базайрæгтæн фидыны законон фæрæз* ‘законное средство наличного платежа’. 5-компонентное словосочетание в выборке образовано при помощи следующей модели: С+С+С+П+Г: *кондады гуырахсты рæзт сифтонг кæнын* ‘увеличить объем производства’. 6-компонентное терминологическое словосочетание складывается из «С+Г+союз+местоим+С+Г»: *проекттæ бакусын æмæ сыл уынаффæ кæнын* ‘разработка и обсуждение проектировок’.

Наиболее продуктивные терминообразующие форманты – такие аффиксы, как: адъективный суффикс *-он*; отглагольные образования *-æг, -æн;* суффикс с дистрибутивным значением *-гай;* суффикс отглагольного употребления *-гæ;* суффикс, имеющий отыменное употребление *-ад.*

Заключение. Более 50 % эмпирического материала состоит из простых терминов. Среди терминологических словосочетаний выделяются

2-компонентные, представленные, как и 3-, 4-, 5- и 6-компонентные, различными грамматическими моделями терминообразования.

Список литературы

1. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка / В. И. Абаев. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959. – 168 с.
2. Амосова И. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка / И. Н. Амосова. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1956. – 218 с.
3. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В. В. Виноградов // Исследования по русской грамматике: избр. тр. / отв. ред. И. И. Толстой. – Москва: Наука, 1975. – С. 166–220.
4. Мусатов В. Н. Русский язык: морфемика, морфонология, словообразование: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 360 с.
5. Судовцев В. А. Научно-техническая информация и перевод / В. А. Судовцев. – М.: Просвещение, 1989. – 232 с.

УДК 81'42 + 811.161.1

ПАРАМЕТРЫ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ МОДЕЛИ МИРА: БИНАРНЫЕ ПРИЗНАКИ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРОСТРАНСТВА

Дмитриева Ю.Л., канд. филол. наук, доц.
Горловский институт иностранных языков, г. Горловка, РФ
Juls88Dmutrieva@yandex.ru

Введение. Пространство в современной науке о языке не имеет единого трактования, его определение зависит от аспекта рассмотрения. Однако согласно нашим исследованиям доминирующей является дефиниционная модель «пространство – категория» (см. работы Р. Н. Порядиной, Н. С. Болотновой, Т .В. Матвеевой, А. П. Боярова, М. В. Всеволодовой, Е. Ю. Владимирского, Ф. Г. Гусейнова, А. И. Даниленко, Т. П. Засухиной, Л. И. Ивановой, М. В. Игнатьевой, Ю. Г. Мартиросян, М. Н. Мурзина, О. А. Радутной, Д. В. Уткина, С. Т. Саевич и др. По указанной модели трактуется рассматриваемый феномен и в этнолингвистическом словаре «Славянские древности».

Однако в ряде исследований пространство описывается как моделируемый феномен, обладающий такими признаками, как «протяжённость», «объём», «вместимость». Так, в монографии В. В. Красных «“Свой” среди “чужих”: миф или реальность?» описывает пространство как модель мира, включающую несколько зон (внутренний мир, личную зону, «своё» и «чужое»). И. В. Захаренко также рассматривает пространство как модель мира. В коллективной монографии «Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте» выделяются как характерные черты пространства, так и несколько его моделей.

Мы под пространственной моделью мира понимаем совокупность представлений этноса об устройстве как непосредственно данного для

восприятия пространства, так и недоступного такому восприятию. «Переживаемость» пространства (см. [3, с. 5]) квалифицируется исследователями как одна из неотъемлемых черт данного феномена. Оно не мыслится человеком изолированно, а выступает в виде совокупности образов тактильных и/или визуальных образов объектов, конституирующих пространство. В число таких объектов относим образы дома, двора, поля, леса, которые формируют пространственную модель мира, характерную, по данным этнографического словаря «Славянские древности», для русской лингвокультуры (см. [5, с. 304]).

Кроме того, пространство в качестве модели мира обладает рядом параметров, позволяющих описать исследуемый феномен. Применительно к модели мира, согласно В. Н. Топорову, разрабатывались системы бинарных признаков, квалифицируемых нами как параметры описания модели. Это, как правило, противопоставления, связанные с характеристикой пространства (а), временными координатами (б), цветовыми схемами (в) и культурно-социального начала (г) [4, с. 161–163]. Мы в число базовых параметров рассматриваемой модели относим «(1) геометрические позиции объектов, выраженные формами языка, (2) бинарные признаки характеристики пространства («верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство»), отчасти соотносимые с геометрическими позициями, (3) признаки культурно-социального начала» [1, с. 37], а также (4) горизонтальное / вертикальное измерение пространства.

Целью настоящего исследования является описание бинарных признаков характеристики пространства как одного из базовых параметров пространственной модели мира. Материал исследования – произведения С. Есенина.

Основная часть. В число бинарных признаков характеристики пространства входят «верх – низ», «небо – земля», «земля – подземное царство», которые отчасти совпадают с частными позициями локализации трёхмерного пространства. Так, в поэзии С. Есенина объективированы оппозиции «верх – низ» и «небо – земля». В тексте ***Под венком лесной ромашки*** */ Я строгал, чинил челны, /* ***Уронил кольцо*** *милашки / В струи пенистой волны* [2, с. 19] признак «низ» выражен предложно-падежной конструкцией *под венком* и глаголом *уронил*, в значении которого зафиксировано направление движения вниз. Признак «верх» эксплицирован предложно-падежными конструкциями с компонентом *над*. Ср.: *Смолкшим колоколом* ***над прудом*** */ Опрокинулся отчий дом* [2, с. 76]; *Только ивы* ***над красным бугром /*** *Обветшалым трясут подолом* [2, с. 76]; *И вечер, свесившись* ***над речкою****, полощет / Водою белой пальцы синих ног* [2, с. 79] и т.д.

Оппозиция «небо – земля» выражена лексическими единицами *небо, месяц, земля, поле, берег* и их производными. Ср.: *Ели, словно копья, уперлися* ***в небо*** [2, с. 38]; *Тихо, тихо в божничном углу, /* ***Месяц*** *месит кутью на полу...* [2, с. 77]; *Там с утра над церковными главами / Голубеет*

небесный песок [2, с. 22]; *Только гость я, гость случайный / На горах твоих,* ***земля*** [2, с. 104]; *Гляну* ***в поле****, гляну* ***в небо****, / И* ***в полях*** *и* ***в небе*** *рай* [2, с. 112].

Отметим, что данные параметры не указывают на небо как пространство инобытия, где обитают Бог и ангелы. В данном случае, это непосредственно воспринимаемый человеком локус. Так, в тексте *Топи да болота / Синий плат* ***небес*** [2, с. 65] образ неба выражен метафорической моделью «небо → объект материальной культуры», где область источника указанный локус, а область цели – номинация (и её цветовая характеристика, эксплицированная колоративом *синий*) материального объекта *плат*, т.е. платок. В другом примере *За ровной гладью вздрогнувшее* ***небо*** */ Выводит облако из стойла под уздцы* [2, с. 80] репрезентирована модель «небо → человек», где локус наделяется чертами, свойственными индивиду, а именно: способностью переживать и действовать.

Аналогично трактуем слово *земля*, используемое автором для обозначения пространства вообще (или культурно ассимилированного человеком и природного пространства). Ср.: *Глаза, увидевшие* ***землю****, / В иную землю влюблены* [2, с. 25]; *Всё встречаю, всё приемлю, / Рад и счастлив душу вынуть. / Я пришёл на* ***эту землю****, / Чтоб скорей её покинуть* [2, с. 39]; *Только гость я, гость случайный / На горах твоих,* ***земля*** [2, с. 104] и др.

К бинарным признакам характеристики пространства относим также признаки расположения сторон света: «восток – запад» и «север – юг». Ср.: *Но все так же день взойдет с* ***востока****, / Так же вспыхнет миг* [2, с. 133]; *Принакрытые сереньким ситцем / Этих* ***северных бедных небес*** [2, с. 205].

В **заключении** стоит отметить, что бинарные признаки характеристики пространства как один их характерных параметров пространственной модели мира соотносятся с геометрическими позициями объекта и позволяют выявить особенности восприятия как пространства вообще, так и основных пространственных образов, которые в русской лингвокультуре соотносятся с пространством инобытия, или сакральным пространством. В произведениях С. Есенина рассматриваемый параметр объективирован словами *небо (небеса), земля, восток, северный* и др. Однако выделенный нами параметр требует дальнейшего детального изучения, что обусловливает перспективу исследований.

Список литературы

1. Дмитриева Ю. Л. Параметры пространственной модели мира (на материале поэзии С. Есенина) / Ю. Л. Дмитриева // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – № 1. – Донецк: Изд-во ГОУ ВПО «ДонНУ», 2021. – С. 33–38.
2. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений: В 7 т. Т. 1. Стихотворения / С. А. Есенин; Подготовка текста и коммент. А.А. Козловского. – М.: Наука – Голос, 1995. – 672 с.

3. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р. Н. Порядина, Л. Г. Гынгазова, Ю. А. Эмер и др. Отв. ред. – проф. З. И. Резанова. – Томск: UFO-Plus, 2007. – 384 с.
4. Мифы народов мира. Энциклопедия [в 2-х т.]. Т. 2 : К–Я.; Гл. ред. С. А. Токарев. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – 719 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 4 / Под общ. ред. Н. И. Толстого. – М.: «Международные отношения», 2009. – 656 с.

УДК 81’374.2 «10/18 вв.»

«СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА X–XVIII ВЕКОВ» Е. С. ОТИНА: К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕМЕ И СОСТАВЕ

Касьяненко Н.Е., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
Kasyanenko_natusya@mail.ru

Введение. В современной отечественной лексикографии особое место занимает жанр учебного словаря, который, начиная со второй половины XVII века, а особенно в XVIII–XIX вв. благодаря интеграции России в европейскую науку и культуру, приобретает все большую популярность. Между тем современные исследователи отмечают, что, несмотря на обилие выходящей словарной продукции, словари «до сих пор не стали необходимым орудием познавательной деятельности в разных типах учебных заведений» [1, с. 12]. При этом одной из наиболее важных проблем лексикографии «по праву считается словарное описание языка с целью его изучения» [2, с. 335]. Это касается, прежде всего, высшей школы, в частности филологических факультетов, где изучается курс истории языка, в первую очередь требующий обращения к словарям, в том числе историческим, которые, по справедливому замечанию П. А. Магомедовой, делают «владение родным языком <…> более осознанным», «пробуждают языковую рефлексию» [3, с. 105]. Но, как отмечают В. А. Козырев и В. Д. Черняк, «даже в существующих учебных пособиях для филологов словарям, как правило, отводится периферийное место» [1, с. 12]. Справедливости ради следует отметить, что этому есть объективные причины. Имеющиеся исторические словари («Материалы для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.», Словарь «Русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII в.»), безусловно, основательные, составленные на высоком уровне, с одной стороны объемны (картотека каждого из самых престижных содержит порядка 2 млн употреблений), а с другой, – не всегда доступны, особенно в условиях аудиторных занятий.

Основная часть. На этом фоне достаточно заметным явлением стал «Словарь русского языка X–XVIII веков» Е. С. Отина, являющийся фактически первым *учебным историческим* словарем [4]. Объем

лексикографического труда, содержащий, по нашим подсчетам, 6015 словарных статей, позволяет максимально продуктивно, а главное, оперативно использовать его на занятиях по истории языка. Сам автор в предисловии в связи с этим замечает: «Для этого [работы в аудитории – Н. К.] непригодны существующие многотомные исторические словари русского языка <…>» [4, с. 4].

В имеющейся лингвистической литературе словарь Е. С. Отина еще не получил всестороннего освещения. Едва ли не единственной работой такого плана является рецензия на данный труд В. И. Теркулова (см. [5]). Именно этим обусловлено обращение к словарному произведению Е. С. Отина, тем более что в нынешнем году его автору исполнилось бы девяносто лет…. Поэтому целесообразно, думается, осветить особенности данного словарного труда, носящего учебный характер, в частности вопрос о его объеме и составе, что и является целью данной работы.

Автор словаря Е. С. Отин – талантливый ученый, историк языка, основатель и многолетний лидер Донецкой ономастической школы, специалист в области топонимиии, гидронимии – известен и как лексикограф. «Словарь русского языка X–XVIII веков» стал, по сути, последней работой ученого. По типу это *переводно-толковый* словарь, предназначенный для чтения письменных текстов, прежде всего учебного характера.

Центральной проблемой любого словаря является проблема объема словника и его состава. Учитывая тот факт, что труд Е. С. Отина носит учебный характер, отбор реестровых слов должен быть максимально целесообразным: с одной стороны, он призван продемонстрировать объективную картину лексики русского языка указанного периода, а с другой – подчиняться требованиям краткости. Анализ словника рассматриваемого словарного труда свидетельствует о том, что автор использует в нем широкие тематические слои лексики древнерусского языка. Это слова, относящиеся к сфере быта: *высыток* – посуда, в которой сытят мед, *горнушка* – углубление в русской печи, куда загребают угли, и пр.; наименования драгоценных камней: *кирпук* – рубин, карбункул, *галштын* – янтарь; названия монет: *дублон, ефимок, златица*; *резана*, названия мер и весов: *берковеск* – мера веса, равная десяти пудам, *литр злата* – единица веса золота, серебра, шелка, *локоть*; слова, именуемые ткани: *даба, обирь, камка, паволока*.

Представлена в словаре лексика ремесел, например *башлык* – глава рыболовной артели, *кузнь* – кованые изделия из благородных металлов, слова, относящиеся к сфере религии: *бельц* – священник, принадлежащий к белому духовенству, *кумирница* – языческий храм; номинации должностей *доможарич* – домоуправитель, *дукс* – князь, правитель города или области, *камерир* – камергер; *кудерма* – палач; *пахолок* – оруженосец и др.; наименования растений, птиц и животных: *евшан* – полынь, *зеньзебиль* – имбирь; *желвь* – черепаха, *ветютень* – дикий голубь, *львичищь* – львенок, *жюк мотыльный* – навозный жук и многое другое.

Отражены в словаре и специальные слова, имеющие высокую социальную значимость. В частности, в анализируемом материале представлено около 100 номинаций, называющих медицинские понятия, например, *ворогуша* (лихорадка), *селезень* (селезенка), *усови* (воспаление внутренних органов) и др. В реестровой части присутствует и юридическая терминология: *ответчик, правда* (суд, свод постановлений), *самовидец* (свидетель), *продажа* (денежная пеня за преступление) и т.п. Примечательно, что Е. С. Отин фиксирует у специальной лексики данной сферы значения, не вошедшие в специализированные лексикографические труды исторического профиля, в частности в словарь М. А. Исаева [6]. Например, в упоминаемом словаре у термина *правда*, отсутствует значение ‘присяга’ [6, с. 82], а специальное слово *свод* лишено значения ‘очная ставка’ [6, с. 96]. Использованы здесь и термины физической географии, что, безусловно, связано с древностью данной науки, лексика которой формировалась несколько столетий: *гирло* (морской пролив), *гора* (берег, суша), *пазуха* (залив), *планина* (гора, поросшая лесом) и т.п.

Значительное место в реестровой части отводится наименованиям военного дела: *зелейник* (казенная часть орудия, куда кладется заряд), *палисад* (фортификационное сооружение), *плутонг* (мелкое подразделение войск в строю).

Бесспорно, столь разноплановая в тематическом отношении лексика словаря обусловлена характером памятников письменности, которые послужили его источниками. Многие из них имеют научный характер. Например, в их числе следует отметить «Книгу Большому Чертежу или древнюю карту Российского государства…» (1727 г.), «Древнюю российскую вивлиофику» (1774 г.), «Лексикон российский…» В. Н. Татищева (1793 г.), «Путешествие вокруг света» И. Ф. Крузенштера и многое другое. В целом же источниковая база словаря широка и разнообразна как в хронологическом отношении, так и качественно. Почти 200 использованных памятников письменности включают русские летописи, грамоты, акты, торговые договоры, своды законов, эпистолярную литературу, разножанровые художественные произведения, книги жанра путешествий, пародийные тексты. Письменные источники являются оригинальными и переводными, как, например, «Хроника Георгия Амартола» (сер. XI в.), «История государствования Марии Терезии» (1791 г.), «Поденные записки о плавании на северный китовый промысел» В. Скорезби (1825 г.) и др. Использование столь авторитетных текстов позволило автору словаря представить оптимальный словник языка указанного периода.

Заключение. Таким образом, словарь Е. С. Отина дает не только представление о словарном составе языка X–XVIII вв., но и импульс к новым лексико-семантическим исследованиям, позволяющим уточнить значения слов, «вскрыть» системные связи лексических единиц, а также выявить фрагменты картины мира носителей языка.

Список литературы

1. Козырев В. А. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография / В. А. Козырев, В. Д. Черняк. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. –631 с. – ISBN 978–5–8064–2129–7.
2. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб пособие / В. В. Дубичинский. – Москва: Наука: Флинта, 2008. – 432 с. – ISBN 978–5 (Флинта), ISBN 978– 5 (Наука).
3. Магомедова П. А. Основы русской лексикографии: учеб. пособие / П. А. Магомедова. – Махачкала, 2012. – 217 с.
4. Отин Е. С. Словарь русского языка X–XVII веков / Е. С. Отин. – Донецк: Юго-Восток. –2014. –436 с. – ISBN 978-966-374-804-7.
5. Теркулов В. И. Последний словарь Е. С. Отина. Рец. на книгу: Отин Е.С. Словарь русского языка X–XVIII веков. – Донецк: Юго-Восток, 2014. – 436 с.
6. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства / М. А. Исаев. – Москва: Спарк, 2001. – 119 с. – ISBN 5-88914-167-8.

УДК 81:378.147

ДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ У СТУДЕНТОВ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Могила Н.Н.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
n.mogila@donnu.ru

Введение. Основной практической задачей при обучении студентов филологических направлений является формирование языковой личности, получение лингвокультурологических знаний для развития их профессиональных умений и навыков. В качестве главного источника информации студенты-филологи обращаются к текстам различного предназначения (технические, художественные, авторские и др.). Специфика работы над текстом при изучении языка определяется прежде всего его дидактическими качествами: соотнесённостью содержательной и грамматической темы, степенью «грамматической показательности» изучаемого явления с одной стороны, и конкретной учебной целью – с другой.

Цель работы – рассмотреть особенности формирование у студентов лингвокультурологических компетенций с помощью художественного текста при изучении лингвистических дисциплин.

Основная часть. Обращение к художественным текстам имеет свою историю в методике преподавания русской словесности. В нашей работе остановимся на использовании текста как основного лингвокультурологического источника получения знаний студентами. Определим на примере выбранного произведения роль литературы в формировании языковой

личности будущих учителей словесности, их профессиональных умений и навыков, что и обуславливает *актуальность* предложенной работы.

Лингвокультурологическая компетенция представляет собой совокупность знаний и умений обучающихся, развитие их индивидуальных качеств в процессе освоения образовательных программ по языку. Как отмечает М. С. Бирюкова, под «лингвокультурологической компетенцией» следует понимать овладение студентами языковыми умениями и навыками для успешного осуществления коммуникативного акта, их национальной сознательности и уровня культурного развития [1, с. 7].

По мнению ведущих исследователей-лингвистов, занимающихся вопросами лингводидактики и педагогики, лингвокультурологическая компетенция (далее ЛК) – это «способность понимать при обучении языка культурно-национальную ментальность его носителей [3, с. 158]. И. В. Харченкова, В. В. Воробьев, Л. А. Конева настаивают на том, что лингвокультурологическая компетенция (далее – ЛК) – это совокупность знаний из области языкознания, культурологии и дидактики, объединенных в определенную систему и влияющих на расширение кругозора обучающихся. Впервые о формировании ЛК у студентов стало возможным говорить при введении предметов междисциплинарного характера в образовательный процесс: связь лингвистики, педагогики, культурологии, литературы, психологии, философии между собой. Данная тенденция позволила рассматривать текст как один из основных инструментов в демонстрации культурного наследия того или иного народа, а литературу – как важный источник в получении знаний и, как следствие, повышении уровня образованности среди студентов.

В зависимости от предназначения и направленности тексты могут играть знаковую роль в формировании языковой личности среди представителей молодого поколения. Например, технические тексты отличаются строгой профессиональной ориентированностью, которые характеризуются большим количеством узкоспециализированной лексики и терминологии; в текстах с художественным уклоном основной особенностью являются литературные приёмы и тропы.

Следует отметить, что любой художественный текст имеет в своем активе окказиональную лексику. Главное преимущество таких произведений кроется в их уникальности с точки зрения лингвистического анализа, пополнении словарного запаса читателей, а также в объемах работы с текстом. Определим ряд ключевых особенностей художественного текста и окказиональной лексики:

- ненормативность;
- невоспроизводимость (не имеет семантических эквивалентов перевода);
- одноразовость употребления (в рамках одного произведения);
- зависимость от контекста.

Согласно видовой классификации Т. В. Поповой выделим следующие типы окказионализмов: *фонетические; лексические; грамматические; семантические; фразеологические.*

Для примера возьмём произведение «Дарители» Е. Соболь и проанализируем окказиональные, безэквивалентные лексические единицы, которые впоследствии могут иметь влияние на расширение творческих способностей студентов, пополнение лексического пласта русского языка, развитие индивидуальных речевых качеств обучающихся. Отобранный для работы материал можно проклассифицировать по группам в зависимости от семантического содержания слов:

1) Наименования персонажей:

Таблица

Лексическая единица	**Семантическое значение**	**Роль персонажа**
Разбудильник	Волшебная птица, которая будит людей по утрам. Если обидеть дрозда-разбудильника, то человек плохо спит или не может проснуться по утрам.	*Второстепенный*
Коготок	Орел, покровитель Приречья. Любил читать книги (для этого у него были специальные очки), а также был первоклассным почтальоном.	*Второстепенный*
Скриплер Пал	От слова «скрип». Мифическое существо в виде бревна.	*Второстепенный*
Худое Пальтишко	Волшебное существо небольшого роста с огромными ногами. Помогает заблудившимся путникам найти дорогу в нужное место.	*Второстепенный*
Странник	Самый могущественный из четырех волшебников, которых создал Барс. Никто не знал, как он выглядит, про него никто не рассказывал сказки, потому что он был Смертью, но мало кто про это знал.	*Главный*
Барс	Мифическое существо, не имеющее отношение к одноименному животному. Хранитель даров.	*Главный*

Данную группу слов следует отнести к лексическим окказионализмам. С точки зрения лингводидактики, выбранные единицы могут способствовать развитию мыслительных, визуальных процессов студентов, а также формировать представление о создании их творческого потенциала.

2) **Фонетические окказионализмы:** *«оуи»* вместо «уиии» – обозначение радостного восклицания одним из второстепенных персонажей истории; *«фырг-фырг»* аналог звукосочетания «фырк» – выражение неудовольствия одним из питомцев.

3) **Морфологические окказионализмы**: *«подболотье»* – местность, находящаяся в низине; «*офелить*» от «Офелия» – юлить, убегать без оглядки; «*касталланить*» от именования сказочного королевства «Касталлан» – быть преданным кому-то, чему-то.

4) **Фразеологические окказионализмы:** «*Лечись, лечись, лягушачий хвостик. Не заживет сегодня – заживет завтра»* – употребляется в значении «не падать духом / идти до конца / верить в собственные силы»; «*Aliis inserviendo consumor»* – Служа другим, расточаю себя.

Как видим, авторская лексика, представленная Е. Соболь в произведении «Дарители», способствует увеличению словарного запаса студентов, развитию мыслительных категорий (воображение, скорость мышления, логика, решительность). Предложенную систему работы можно рассматривать как «модель» анализа произведения, учитывающую специфику художественного текста.

Вывод. Лингвокультурологическая компетенция студентов посредством анализа текста позволит сформировать у них начитанность, любознательность, умение оценивать культуру и многообразие языковых средств русского языка. В основе методических рекомендаций лежит ориентация вопросов и заданий на выборочное обращение к тексту и на взаимосвязь лингвостилистических наблюдений с конкретным компонентом анализируемого художественного произведения.

Список литературы

1. Бирюкова М. С. Лингвокультурологическая компетенция: содержание и теоретические основы / М. С. Бирюкова // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – №4 (40) – С. 7–16. – ISSN: 2074-1774.
2. Соболь Е. Н. Дарители / Е. Н. Соболь // РОСМЭН – М.: 2016. – 396 с. – ISBN: 978-5-353-07776-3.
3. Хайруллина Р. Х. Формирование лингвокультурологической компетенции у студентов-инофонов (на материале художественного текста) / Р. Х. Хайруллина, Л. Г Саяхова, Р. А. Пожидаев // Вестник Башкирск. ун-та. – 2018. – №1. – С. 157–161. – ISSN 1998-4812.
4. Шкурат Л. С. О формировании лингвокультурологической компетенции иностранных студентов при обучении русскому произношению / Л. С. Шкурат // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020. – № 4 (29). – С. 140–143. – ISSN: 2309-9380.

УДК 81:378.147

МЕТОДИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СТУДЕНТАМИ ЧАСТОТНО-СИНТАКСИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ СИНТАКСИСА

Могила Н.Н., Могила С.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

n.mogila@donnu.ru, mamaj1975@yandex.ru

Введение. В русском языке существуют четыре основные единицы, представляющие его базис как системного образования. К ним относятся

морфема, фонема, а также слово и предложение. При этом предложение как одна из основной единицей синтаксиса имеет более высокий системный уровень.

Цель работы – раскрыть методику использования студентами частотно-синтаксического анализа при изучении раздела «Синтаксис».

Основная часть. Синтаксис – раздел науки о языке, в котором изучается строение и значение словосочетаний и предложений. Как утверждают исследователи Е. И. Плотникова, Д. И. Иваненко [3], данный раздел языкознания является особенно сложным для студентов в изучении языка, но именно он есть одним из самых важных. Обучающиеся через изучение синтаксиса понимают грамматическое сочетание слов внутри предложения, учатся навыкам правильно выстроенной речи, а через изучение синтаксических материалов приобретают навыки пунктуационной грамотности. Как показывает анализ научных работ ученых (Р. С. Аликаев, М. Р. Аликаева [1], А. К. Голландам [2]), частотный анализ в лингвистике сегодня является одним из актуальных методов обработки текста. Его результатом является список букв, слов и синтаксических единиц, которые наиболее часто встречаются в тексте. Он позволяет получить представление о тематике и основных понятиях текста.

Следует отметить, что частотный анализ слов не является находкой современности. Научному миру он известен ещё с IX века. Его создание связывают с именем Ал-Кинди. Многие лингвисты убеждают в том, что частотный анализ выступает одной из разновидностей криптоанализа и основывается на предположении о существовании статистического нетривиального распределения отдельных символов и их закономерных последовательностей как в открытом, так и шифрованном виде текста.

Прежде чем описать методику использования частотно-синтаксического анализа текста рассмотрим его дефиниции. *Частота* – число, показывающее, сколько раз данное значение признака встречается в данной выборке. *Частотно-синтаксического анализа* – это анализ единиц синтаксиса, то есть словосочетания и предложения, при котором выявляется строение данных синтаксических единиц, их типы, средства связи, которые в них используются с указанием частоты каждой характеристики [2]. Его анализ целесообразно выполнять на компьютере, так как электронные технологии на языковедческих занятиях вырабатывают мотивацию и познавательную активность студентов, расширяет их кругозор. Но преподавателю необходимо учесть, что работа по использованию данного анализа требует от обучающихся терпения, усидчивости и определенных лингвистических знаний. Методика частотно-синтаксического анализа текста предусматривает несколько этапов.

Первый этап – планирование частотно-синтаксического анализа. Студенты самостоятельно выбирают текст (преподаватель может предложить свой электронный вариант). В офисной программе *Microsoft Word* оформляют его согласно принятым правилам. Далее следует разбить

текст так, чтобы каждое предложение начиналось с новой строки (данная опция находится в правом верхнем углу документа: *Найти «.» и Заменить на «^p»)*. Открываем *Microsoft Excel*, так как данная программа лучше справляется с большим объемом информации. Создаем таблицу с четырьмя колонками: *порядковый номер, предложение, тип предложения по структуре и словосочетания.*

Вставляем скопированные предложения во 2 колонку. Если появляются пустые ячейки, тогда выполняем следующий набор действий: выделяем ячейки с данными таблицы, в меню «Найти и выделить» и находим пункт «Выделить группу ячеек», отмечаем пункт «Пустые ячейки» и пункт «Удалить». Затем, во всплывающем окне пункт «Строку». Получаем готовую базу, с которой будем работать.

Таблица

№ п/п	Предложение	Тип предложения по структуре	Словосочетания
1	2	3	4

Второй этап – непосредственное проведение анализа. Методом сплошного отбора анализируется каждое предложение по установленной классификации. В данном случае частотно-синтаксический анализ представляет собой классификацию предложений по структуре: *простое* или *сложное* предложение (сложносочинённое, сложноподчинённое, сложное с разными видами связи или бессоюзное сложное предложение), возле которого делается запись: *ПП, ССП, СПП, СРВС и БСП*. После этого в колонку «Словосочетания» выписываются все словосочетания из предложения. В конце устанавливаем фильтр на колонке «Тип предложения по структуре» и фильтруем от ***А*** до ***Я*.** После этого в начало поднимутся бессоюзные сложные предложения (БСП) и так дальше по алфавиту. Можно использовать фильтр по цвету. Тогда на этапе обработки предложений нужно присвоить каждому типу предложению цвет и залить ячейку. Устанавливается фильтр на колонке «Предложения» и выбирается опция «Фильтр по цвету». Подсчитываем количество каждого типа предложений и переходим к следующему этапу.

Третий этап – оформление выводов. На основе полученных данных строится диаграмма, в которой в процентном соотношении указывается, каких типов предложений в тексе больше.

Четвертый этап – презентация выполненной работы. На данном этапе студенты совместно с преподавателем обсуждают проделанную работу. Решают проблемы, которые возникли при анализе, вносят определенные коррективы, разрабатывают рекомендации по улучшения самого анализа с помощью сетевых программ.

Как показывает практика, данный вид работы позволяет «набить руку» и без сложности определять студентам тип предложения и связи в

словосочетаниях. Следует отметить, что частотно-синтаксический анализ можно проводить не только на электронном носителе, но и в рабочей тетрадке. Он активно используется в школе. Для этого учитель должен предварительно разработать задания с учетом темы и особенностей обучающихся, целенаправленно и конкретно сформулировать задания.Например: «Прочтите текст. Замените простые предложения на сложные с разными видами связи. Придумайте и запишите продолжение текста, используя только сложные предложения. Подчеркните и посчитайте каких союзов больше.

«Невнимательность может привести к травмам. Это я понял, когда, запнувшись за какую-то загогулину, теряя равновесие, полетел вниз. Пытаясь удержаться, схватился за прикрученный к стене факел, но, выдрав его из крепежа, все-таки шмякнулся на твёрдый пол. Но не просевшее здоровье заинтересовало меня. А факел! Я держал его в руках!» (отрывок из произведения Дмитрия Руса «Играть, чтобы жить»)

Описанную выше методику часто используют для исследования произведений конкретного автора или публичной личности. Это позволяет студентам, не читая произведение, предположить к какому стилю относится текст, выявить, какие предложения активно используются писателем, какие синтаксические конструкции формируют общий авторский стиль, индивидуальность, оригинальность мысли, делают произведение узнаваемым. Если для анализа предложить произведения авторов родного края, тогда задание будет иметь еще и лингвокультурологический подход.

Таким образом, предложенная методика частотно-синтаксического анализа направлена на закрепление теоретических знаний и умений по разделу синтаксис, а также на практическое овладение офисной программой *Microsoft Word* и *Microsoft Excel*. Современный преподаватель высшей школы имеет возможность корректировать методический материал, предоставлять его не только в традиционном виде, но и с использованием компьютерных технологий, а необычный и правильно подобранный дидактический материал практические задания гарантируют успех в изучении студентами лингвистических дисциплин.

Список литературы

1. Аликаев Р. С. Частотные параметры словосочетаний в семантико-синтаксических универсалиях научного текста / Р. С. Аликаев, М. Р. Аликаева // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – №13. – С. 178–184. – ISSN 2079-6021
2. Голандам А. К. Программа частотного анализа по распознанию языкового уровня заданного текста / А. К. Голандам // НК. – 2012. – №4. – С. 75–83. – ISSN: 2782-3261
3. Плотникова Е. И. Основы изучения синтаксиса русского языка: учеб. пособие / Е. И. Плотникова, Д. О. Иваненко // Урал. гос. пед. ун-т. – 2018. – 155 с. – ISBN 978-5-7186-0978-3.

УДК 81’366/’37:81’276:070

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ДОНБАССА (НА МАТЕРИАЛЕ ГАЗЕТЫ «КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)

Могила С.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
mamaj1975@yandex.ru

Введение. В составе русского языка по различным исследованиям насчитывается от 10 до 20 % иноязычной лексики. С каждым днем ее число возрастает, что объясняется рядом причин. По мнению Л. П. Крысина, существенными причинами притока новых слов в русский язык являются «потребность в наименовании новых вещей, необходимость разграничивать различающиеся понятия, близкие по смыслу, необходимость специализации понятий, а также социально-психологические причины и факторы заимствования» [4].

М. А. Брейтер говорит о том, что иноязычные заимствования происходят по причине отсутствия должного понятия в когнитивной базе языка-реципиента, отсутствия более точных названий предметов, для выражения негативных и положительных оттенков, для обеспечения стилистического эффекта [2]. Кроме того, А. А. Евтюгина отмечает еще одну причину, по которой появляются в языке заимствования, – это актуальность, то есть понятие становится употребительным, легко образует производные [3].

Основная часть. Современные СМИ отображают важнейшие социально-экономические процессы в обществе. Задачей газетно-публицистического стиля является информирование читателя и воздействие на него.

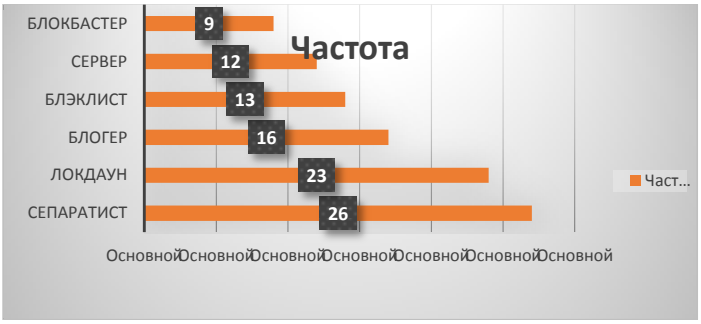
С целью выборочного выделения частоты употребления иноязычной лексики была проанализирована газета «Комсомольская правда» объемом в 10000 слов (за период с 18 апреля 2021 года по 9 мая 2022 года (см. таблицу).

Таблица

Слово	**Частота**	**Эмоц. окраска**	**Часть речи**
1	*2*	*3*	*4*
сепаратист	26	шероховатый	существительное
локдаун	23	шероховатый	существительное
блогер	16	плохой	существительное
блэклист	13	впечатлительный	прилагательное
сервер	12	холодный	существительное
блокбастер	9	хорошая	существительное
гамбургер	7	простая	существительное
чизбургер	6	хорошая	существительное
чикенбургер	5	грубая	существительное

Продолжение табл.

1	*2*	*3*	*4*
оверхэд	4	плохая	существительное
пиллинг	4	добрая	существительное
абьюз	4	грубая	существительное
триллер	3	хорошая	существительное
паб	3	шероховатый	существительное
аутсорсинг	2	яркая	существительное
эйчар	2	хорошая	существительное
фишбургер	2	плохая	существительное
хейтер	2	тусклая	существительное
принтер	1	страшная	существительное
имидж	1	хорошая	существительное
тинэйджер	1	добрая	существительное

В представленной газете наиболее употребляемыми являются слова: *сепаратист* – 26, *локдаун* – 23, *блогер* – 16, *блэклист* – 13, *сервер* – 12, *блокбастер* – 9. Среди самых частотных заимствований – имена существительные.

Заключение. Проанализировав современную прессу, мы пришли к выводу, что заимствования могут выполнять не только прямую, номинативную функцию, для обозначения новых реалий, прочно вошедших в русский язык (*Интернет, провайдер, электорат, рейтинг, допинг, сепаратист* и т.д.), но и стилистическую, придавая языку СМИ образности.

Список литературы

1. Аверьянов Л. Я. Контент-анализ : учеб. пособие [для студентов, преподавателей, филологических факультетов высших учебных заведений] / Л. Я. Аверьянов. – Москва: КноРус, 2009. – 450 с.– ISBN 978-5-390-00495-1.
2. Брейтер М. А. Англицизмы в русском языке: история и перспективы / М. А. Брейтер. – Москва: Изд-во АО «Диалог-МГУ», 1997. – 156 с.– ISBN 5-89209-058-2.
3. Евтюгина А. А. Функциональная стилистика [Электронный ресурс] : учеб. пособие / А. А. Евтюгина. - Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. – 75 с. – URL: http://elar.rsvpu.ru/ – ISBN 978-5-8050-0651-8.
4. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Крысин Л. П. – Москва: Издательский дом «ЯСК», 2004. – 888 с.– ISBN 5-94457-183-7.

УДК 81’373.2

ВНУТРИГОРОДСКИЕ ХОРОНИМЫ ДОНЕЦКА: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО КОДА

Першина Кл. В., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
pershinakv@mail.ru

Городское пространство воспринимается как состоящее из фрагментов, границы между которыми часто имеют диффузный характер, но тем не менее хорошо выделяются жителями, о чем свидетельствует наличие у них проприальных названий.

Онимное пространство города оценивается специалистами как важнейшая часть его семиотического образа в языковом сознании горожан и приезжающих в данный город. Эта сторона городских топонимов в настоящее время вскрывается в ходе установления путей выражения региональной идентичности в урбанонимии российских городов [3].

Онимный образ города создается в ходе разновременного применения номинативно-культурных кодов в их приложении к конкретным номинативным ситуациям и обстоятельствам. Эти коды продуцируют появление определенных онимных единиц на базе конкретных производящих лексических средств того или иного языка; эти средства отбираются носителями определенного номинативного сознания (топонимическими личностями), учитывающими природу именуемых референтов и традиции реализации того или иного культурного кода в топонимной традиции народа.

В данной работе речь идет о реализации пространственного кода во внутригородских хоронимах Донецка. Под внутригородскими хоронимами (далее – ВГХ) понимаются проприальные обозначения поселков и других участков территории города. Целью является характеристика лексических ресурсов, которые при этом используются.

Реализация указанного кода в этом разряде урбанонимов Донецка имеет, как правило, векторную направленность от центра номинации и в этом отношении вписывается в общерусский номинативный стандарт, поскольку данная направленность номинации, по утверждению Е. Л. Березович, является преобладающей в русской топонимии [1, с. 147]. Репрезентируется пространственный код разными лексическими средствами апеллятивного и онимного характера.

Апеллятивные лексемы, обозначающие общие пространственные отношения, представлены во внутригородской хоронимии Донецка в небольшом количестве названий, что можно объяснить их невысоким различительным потенциалом в условиях ограниченного пространства (ср. выражения *в черте города, за городом, в границах города*). К ним относятся лексемы *центральный, дальний, верхний, нижний, северный,*

южный, *восточный, широкий.* В ряде случаев данные лексемы оказались отраженными в названиях поселков и других участков городского пространства в результате трансонимизации, при использовании в качестве производящей базы названий шахт, автовокзалов, улиц, площадей.

Непосредственное использование апеллятивов пространственной семантики наблюдается в названиях *Центральные Балаганы, Центральные Бакины, Дальние Бакины, Дальняя Алексеевка, Верхняя Семеновка, Нижняя Семеновка, Верхние Линии, Нижние Линии, Верхний Городок, Нижний Городок, Застанционный, Пристанционный, Привокзальный*, возможно, отапеллятивным является название поселка *Восточный* в Пролетарском районе. Апеллятив *центральный* обозначает центр именуемого участка городского пространства, *дальний* – удаленную часть от участка, который является (воспринимается жителями) центром, *верхний* и *нижний* обозначают пространственное расположение по уклону местности (по отношению к течению Кальмиуса участки территории не обозначаются; это имеет место в ойконимии края, например *Верхняя Крынка*, *Нижняя Крынка*).

В результате трансонимизационных процессов возникли внутригородские хоронимы *Заперевальная* (вариант *Заперевальный)* < шахта «*Мушкетовская-Заперевальная*», *Южная* < шахта «*Южная*». *Южный* < автовокзал «*Южный*», *Северный* < автовокзал «*Северный*», *Широкий* < балка *Широкая, Хутор Широкий* < *хутор Широкий*, *Ниженка* < ул. *Нижне-Курганская*.

Пространственный код реализуется в городских хоронимах и путем использования коннотативных топонимов. С их помощью наименовываются отдаленные от центра (в момент номинации) участки территории города. К таким внутригородским хоронимам относятся *Соловки* и *Таймырка*. Внутригородской хороним *Таймырка* образован по аналогии с ранее возникшим внутригородским хоронимом *Соловки*. Соловки в момент возникновения данного названия были отдаленной территорией по отношению к историческому центру Юзовки. Таймырка – это окраина Петровского района. Название образовано от топонима *Таймыр,* названия самого северного полуострова Азии между морями Карским и Лаптевых, оконечность Красноярского края РФ, наделенного в речи жителей значением ‘отдаленная территория’.

Возможно, что в основе названия пруда *Сахалин* в Буденновском р-не (окрестности Заперевальной) лежит хороним той же семантики, что и *Соловки* и *Таймырка*. Е. С. Отин отмечает, что коннотативный топоним *Сахалин* неоднократно встречается на разных восточнославянских территориях в ойконимах и внутрипоселенческих хоронимах , в том числе и в Донбассе [2, с. 329].

ВГХ, содержащие в своем составе лексемы *верхний* и *нижний*, отражают характерную природно-географическую черту облика Донецка – всхолмленность его территории, которая хорошо видна, например, на городских автодорогах с их многочисленными спусками и подъемами.

Актуальным во внутригородской хоронимии Донецка является и противопоставление «центр – окраина», реализуемое с помощью введения в состав названия лексем *центральный* и *дальний*.

Отражается в анализируемых онимах и традиционное членение городского пространства согласно географическим координатам «восток – запад» и «север–юг». В Донецке оно переплетается с аналогичным номинированием шахт, которое осуществляется в пределах не городского, а производственного членения территории.

В целом пространственный код реализуется во внутригородской хоронимии Донецка в соответствии с общими принципами его реализации в русской урбанонимии с учетом местных реалий.

Список литературы

1. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с – ISBN 5 –7525–0823–1.
2. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С Отин. – Москва: ООО «А Темп», 2006. – 440 с. – ISBN 5–9900358–3–7.
3. Разумов Р. В. Трансляция регионально идентичности в урбанонимии российских городов: современное состояние / Р. В. Разумов, С. О. Горяев. // Вопросы ономастики. – 2020. – Т. 17. – №2. – С. 201–219. – DOI 10.15826 /vopr_onom.2020.17.2.024.

УДК 81’371

ПОЛИСЕМИЧНОСТЬ РУССКОГО СЛОВА *МИР*: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Титаренко Э.А., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
e.titarenko@donnu.ru

Многозначность русского слова *мир* не раз упоминалась в исследованиях различных ученых: литературных критиков (при анализе названия романа-эпопеи Л. Н. Толстого, например); б) философов (в последнее время – при определении понятия «русский мир»); в) лингвистов (при сравнении концептов на материале разных языков).

Учитывая, что одним из аспектов работы в лингвокультурологии является описание языкового менталитета – специфического способа репрезентации в национальной картине мира знаний об окружающей действительности, системы ценностей и моделей поведения носителей языка, в статье предпринята попытка выявить особенности мышления человека о мире на примере анализа значений слова *мир* в разных языках.

Ю. С. Степанов [1, с. 106], представляя характеристику основных значений звукового комплекса *мир* в современном русском языке,

фиксирует два омонимичных значения: *мир* (1) с исконным «і» десятиричным имеет значение «вселенная, система мироздания» и отличается формами единственного и множественного числа; *мир* (2) с исконным «и» восьмеричным указывает на «покой, тишину, согласие в обществе» и имеет только одну форму единственного числа. Ученый говорит о том, что эти значения были связаны: изначально в древнегреческом языке русскому слову *мир* соответствует слово *κόσμος*, что означает «порядок, приведение в порядок, устроение», «благопристойность», «мировой порядок, мироздание», а также перен. «свет, люди, народ». Впервые слово *κόσμος* в значении «мироздание, вселенная» как «прекрасно устроенный, украшенный мир», насколько известно, было употреблено знаменитым древнегреческим математиком и философом Пифагором.

А. С. Шишков определяет *міръ* как «весь свет, вся вселенная со всеми содержащимися в ней светилами, небом и землею»; «земной шар, все области, державы земные»; «люди, населяющие землю»; «собрание жителей какого-либо селения», «люди, живущие по плоти»: *не туда иди, куда манит тебя міръ, но куда зовет Христос*; и *мир* как «покой, тишина», «согласие, дружба между государствами и людьми»: *Со всеми человеки мир имейте* [3].

А. Г. Преображенский не выделяет слово *міръ*, объединяя значения в одной статье о слове *миръ* и указывая, что в значении *εἰρήνην* пишут *миръ*, в значенни *κόσμος* – *міръ* [2, с. 538]. Лингвист отмечает родство с инд-е. **mēi* «кроткий, мягкий, дружественный» и пишет, что «в обоих значениях *εἰρήνην* и *κόσμος*, *спокойствие* и *свет*, в сущности, одно и то же слово». Оба слова – *миръ* и *міръ* восходят к сскр. *mitrás* «друг» [2, с. 539].

Рассмотрим возможность совмещения указанных значений «вселенной» и «покоя» на материале западноевропейских языков.

В английском значение слова *мир* «вселенная; планета» реализует лексема ***world***: *the world around* (окружающий мир), *the whole world* (целый мир). Слово *world* также употребляется со значением «сфера, область, категория»: *the literary world* (литературный мир). В тоже время значение субъективного ощущения – «спокойствия, тишины» – реализует лексема ***peace***: *live in peace and harmony* (жить в мире и согласии), *peace of mind* (букв. мир ума, душевное спокойствие), *let smb go in peace* (отпустить кого-либо с миром), *make peace* (заключать мир). Этимологически *peace* восходит к латинскому *pax, pac-* «мир». Заимствование из латинского *pax* функционирует в английском в религиозной сфере со значением «содействие, благоволение, милость»: *pax vobis* / *pax vobiscum* (мир вам; мир да будет с вами (церковное приветствие)); *pax Romana* (мир между народами, входящими в Римскую империю).

В испанском, например, эти значения реализуют лексемы ***universo*** «вселення», ***mundo*** «человеческое общество; среда» и ***paz*** «спокойствие»: *¡vive en paz!* (мир тебе!). В итальянском: ***universo***, ***cosmo***, ***mondo***

«вселенная, область жизни»; ***pace, concordia*** «согласие, отсутствие вражды, войны»: *lasciare andare in pace qd* (отпустить с миром). В португальском языке мир как вселення – ***mundo, universo*** и как отсутствие войны, тишина, спокойствие – ***paz***. В немецком: ***Welt, Erde*** «земной шар»; ***Welt, Reich*** «сфера, область; группа»; ***Frieden, Eintracht*** «мирное состояние, согласие»: *in Frieden gehen lassen* (отпустить с миром). В французском языке мир как вселенная – ***monde, univers*** и мир как спокойствие, соглашение – ***paix***: *faire la paix* (заключить мир), *vivre en paix* (жить в мире). Отмеченные значения по происхождению связаны с латинскими словами ***mundus*** «мироздание, вселенная», «преисподняя», «человечество»: ***Mundus*** *vult decipi ergo decipiatur* (Мир желает быть обманутым, пусть же его обманывают); и ***pax*** «спокойствие, содействие»: ***Pax*** *huic domui* (Мир дому сему). Анализ материала западноевропейских языков не иллюстрирует связи в пределах одной лексемы понятий «космоса, вселенной» и «спокойствия, тишины», отмеченной Ю. С. Степановым для слова *мир* в русском и древнегреческом языках.

Сравним с восточнославянскими: в белорусском языке мир как вселенная – *свет* (ср. синонимичность слов *мир – свет* в выражениях типа *по всему свету, тот свет*), мир как отсутсвие вражды – *мір*: *заключыць мір*; *голуб міру*; *лепш благі мір, чым добрая сварка*. В украинском – *світ* и *мир*. У слова *мир* в украинском языке как устаревшее фиксируется значение «земля з усім, що на ній існує; світ»; значение «община» – как историческое : *всем миром – усією громадою, усім миром*; *на миру* «среди людей».

А. Д. Шмелев писал, что, согласно общепризнанному представлению, порядок не входит в число базовых ценностей русской культуры, но для русской языковой картины мира определенную ценность представляет *обустроенность* и гармония [5, с. 111]. Советские лозунги «*миру мир*», «*за мир во всем мире*» и церковнославянский призыв «*о мире всего мира*» не только хорошо знакомые нам строчки, но и особенность языка, демонстрирующая соединение в одном слове смыслов «вселенной» и «гармонии» – мироздания и умиротворения. Закрепленная и сохраненная в языке возможность одной лексемы именовать как действительность, так и ее естественное состояние, может свидетельствовать о том, что для носителя этого языка невраждебное, спокойное ощущение жизни, реальность без войны является нормой, определяющей мировоспиятие.

Отчасти данная работа является ответом на вопрос А.Д. Шмелева, могут ли лексические единицы быть ключом к пониманию русской культуры [4, с. 17], причем речь должна идти о каких-то представлениях о мире, находящих отражение в семантике языковых единиц, свойственных носителям русского языка и русской культуры и воспринимаемых как нечто самоочевидное.

Список литературы

1. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
2. Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. В 2-х т. / А. Г. Преображенский. – Т. 1. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, – 1910–1914. – С. 538–539. – URL: https://imwerden.de/pdf/preobrazhensky_etimologihesky_slovar_tom1_1914.pdf (дата обращения: 17.09.2022).
3. Шишков А. С. Славянорусский корнеслов / А. С. Шишков. – СПб.: Фонд славянской письменности и культуры, 2002. – 272 с.
4. Шмелев А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка / А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С.17–24.
5. Шмелев А. Д. В поисках мира и лада / А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 110–132.

УДК 81-11

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Чижова Л.А., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва, РФ
lachizov@ yandex.ru

Изучение словообразования в онтологическом плане предполагает выделение классов явлений действительности, которые способны быть выраженными лексико-грамматическими значениями при сопоставлении с классами в сфере лексики, морфологии и синтаксиса. Таким образом, в плане онтологии следует определить общие и специфические черты ономасиологических словообразовательных значений.

Выявление спектра анализируемых словообразовательных значений и их классификация зависит от того, в пределах какого уровня или уровней системы языка проходит исследование. По нашему убеждению, базовым уровнем должен стать синтаксис, а не лексический уровень, но, естественно, на следующих этапах должны стать и морфология, и лексикология. Эволюция лингвистических идей уже во второй половине XX века вывела уровень семантического синтаксиса в центр исследовательских интересов, что связано со становлением функциональной научной парадигмы в лингвистике с последней трети XX века: современную лингвистику характеризует «помещение в центр грамматики не фонологии и морфологии, а синтаксиса и синтаксических отношений» [2, с. 175]. Многосторонний анализ коммуникативной ситуации, а также текста, презентирующего эту ситуацию, предполагает выделение предложения как единицы языка с коммуникативной функцией

и высказывания как единицы речи в качестве базы, в котором развертывается номинация объектов, действий и их атрибутов – номинация, в том числе, происходит и в сфере словообразования, в том числе при выражении оценок и прагматических установок со стороны создателя текста, что должно учитываться адресатом при декодировании текста в акте коммуникации.

Наша задача – рассмотреть возможности выражения грамматических значений, реализуемых в синтаксических структурах, в системе словообразования – лексико-грамматическими значениями – на примере русского языка. В связи с поставленной задачей мы будем описаться на семантическое описание синтаксических конструкций с целью выявить те классы распространителей предиката, которые отражают соответствие, изоморфность, в классах лексико-грамматических значений.

Подвергнут анализу лишь один тип высказываний – предложения действия, при этом квалитативные и бытийные пока останутся без внимания. Наш выбор определен следующим соображением: в предложениях действия возможно провести семантический анализ глагола в предикативной функции, чтобы определить синтаксические позиции актантов и сирконстантов в рамках традиции грамматики Л. Теньера [3], поскольку установилась тенденция более широкой интерпретации глагола как представителя семантического поля и лексико-грамматической группы в качестве предиката как ядра маленькой драмы, в которой есть свои действующие лица и свои обстоятельства и атрибуты действия. Именно эта традиция, в которой устанавливаются связи между грамматикой и лексикой, позволяет при семантическом описании с привлечением данных когнитивной лингвистики выявить вклад словообразовательных средств в лексическое значение производного слова в аффиксирующих языках. К тому же в предложении действия глагольный предикат выступает в виде матрицы будущего высказывания, что позволяет рассмотреть словообразовательный процесс как развертывание фрейма семантической структуры предложения действия [4].

В нашем исследовании важно подчеркнуть наличие онтологических свойств у словообразовательных значений в их соотношении с синтаксическими позициями, семантическими ролями в высказывании. Свертывание коммуникативной единицы – предложения, переход от предложения к производному слову, которое способно своей морфемной структурой, своими лексическими, лексико-грамматическими и грамматическими значениями выразить все многообразие синтаксических ролей словоформы в предложении с её онтологическими свойствами, – такое соотношение предложения и производного слова позволяет более детально представить онтологическое своеобразие лексической, синтаксической и словообразовательной систем, с одной стороны, и специфику знаний о действительности нации, отраженную в системе языка.

В результате анализа онтологических свойств производного слова в предложениях действия, выявлены следующие классы лексико-грамма-

тических значений, изоморфных синтаксическим функциям актантов и сирконстантов: субъект, объект, инструмент, атрибут действия, время, место, количество. Приведем примеры классов словообразовательных структур при выражении типов лексико-грамматических значений: *кормилица; арестант / решение; косилка; веселя; сделав; убежище; хаживать / привстать* и др.

Следует заметить, что многие лексико-грамматические значения не представляют развертывание лексической валентности предиката в структуре одного высказывания, кроме того появление сирконстантов определяется не только типом предложения действия, поскольку возможно во всех трех типах предложений. Для нашего исследования важно подчеркнуть, что словообразовательная морфемная структура русского слова способна проявить актантные и сирконстантные значения в том числе и без отношения к предикату предложения действия: так, лексема *арестант*, в словообразовательной структуре выражающая актантное значение объекта, может выступать в синтаксической конструкции не только в функции объекта, но и субъекта, и адресата в предложении действия, а также быть членом синтаксической конструкции предложения бытийного и квалитативного типов. Кроме того, в дальнейшем следует обозреть синонимику словообразовательных средств при выражении актантных и сирконстантных значений одного онтологического класса и выявить закономерности семантического «согласования» онтологических типов лексических значений производящей основы, с одной стороны, и онтологических типов лексических значений производных слов – с другой. Интерес представляют как случаи «затухания» значений производящей основы в составе производного слова, так и случаи «фразеологизации» указанных типов значений в производном слове, что характерно для композитов разных типов, причем не только в синтетических языках аффиксирующего типа.

Из приведенных примеров явствуют, что не все синтаксические позиции в семантическом синтаксисе отражаются в словообразовательной структуре русского слова. Прежде всего, обращает внимание тот факт, что обстоятельственные значения уступки, цели, причины, условия не представлены в аффиксальном русском словообразовании, что, вероятно, объясняется сложностью представления этих значений в восприятии человека и их вторичностью в онтологической сфере.

Рассмотрение проявления однотипных значений в лексике и грамматике, выявление связей между синтаксическими и словообразовательными значениями, – указанные аспекты лингвистического анализа предполагают возможность новой постановки вопроса в сфере создания функциональной грамматики – актуальной области современного общего и частного языкознания XXI века.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Издательство «Наука, 1976. – 383 с.
2. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигматического анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995. – С. 145–238.
3. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер. – М.: Прогресс, 1985. – 656 с.
4. Чижова Л. А. Коммуникативная грамматика русского языка. Т. 12 / Л. А. Чижова. – Тайбэй, 1997.

УДК 378:81-13

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОСМИЧЕСКИХ ЭКИПАЖЕЙ

Шокотко Н.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
n.shokotko@donnu.ru

Введение. Изучение русского языка для иностранных космонавтов является важнейшим инструментом овладения специальными компетенциями и шире – профессиональными знаниями на русском языке. В контексте возрастающей поликультурности современного общества особую важность приобретают поиски новых подходов к формированию личности, способной вести диалог с представителями других этносов. Язык является проводником общественных установок и инструментом взаимодействия людей, медиатором в манифестации человеческих отношений, особой формой взаимодействия людей, важнейшим механизмом их социального поведения. Он сохраняет и передаёт из поколения в поколение информацию, накопленную коллективным сознанием, образуя особое «концептуальное пространство, отражающее мировосприятие людей современной эпохи» [1, с. 124], в котором создаётся, перемещается и потребляется информация. Определяя информационное пространство как совокупность знаковых систем, сигналов и проявлений информационных связей, язык можно рассматривать как особый вид социальных информационных связей. Специфика использования языка в информационном обществе обусловлена массовым характером коммуникации и глобализацией информационных процессов.

За годы освоения космического пространства с помощью пилотируемых космических аппаратов в России сложилась собственная уникальная система подготовки космонавтов, которая существенно

отличается от зарубежных аналогов. Достигнуть такой адаптивности систем обучения космонавтов удалось благодаря усовершенствованию организационных, методических и технических элементов системы их подготовки. Безусловно, это в полной мере относится и к достижениям в обучении иностранных космонавтов русскому языку. Роль преподавателей-русистов весьма значительна и в преподавании языка, и в знакомстве иностранных космонавтов с национально-культурными особенностями социализации и спецификой стратегий межличностного общения, понимаемых как усвоение космонавтами образцов поведения, социальных норм и ценностей, знаний и навыков. Всё это помогает космонавтам успешно функционировать в профессиональном сообществе и преодолевать сложности адаптации к системе подготовки международных космических экипажей в русскоязычной языковой среде.

Основная часть. Информационно-образовательные, игровые, проблемные методы обучения русскому языку в рамках поликультурного подхода позволяют реализовывать гибкие модели обучения, основанные на прямом взаимодействии иностранных космонавтов с учебным окружением, что детерминирует выработку развития языковых умений, формирование компетенций, необходимых для решения коммуникативных задач на русском языке в учебной и профессиональной сферах деятельности. Российская система подготовки астронавтов гибко адаптируется к изменениям в системе «человек-машина», обусловленным расширением и усложнением космических программ, техническими новшествами пилотируемых космических аппаратов, перераспределением функций между членами экипажа. Достигнуть такой адаптивности систем обучения удалось благодаря «усовершенствованию организационных, методических и технических элементов системы их подготовки» [5, с. 125], включая и подготовку по русскому языку, где важную роль также играет «развитие электронных устройств, цифровых, инфо- и теле-коммуникационных технологий, насыщение ими не только бытового, профессионального, но и образовательного пространства, возникновение принципиально новой информационной среды деятельности, которую мы называем сетевой мир» [6, с. 61].

Следует отметить, что национальный язык космонавта – это целостный и упорядоченный образ мира, в котором классифицируются и опознаются объекты, явления и ситуации. Способность к общению на русском языке «складывается из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть «языковой картиной мира» носителей этого языка (формирование вторичного языкового сознания) и «глобальной (концептуальной) картиной мира» [3, с. 12]. Русский язык является инструментом овладения специальными знаниями как системой взаимосвязанных понятий, обозначающих существующую в действитель-ности иерархию объектов, явлений и отношений различной степени обобщенности. В то же время космонавт, выстраивая высказывания из уже знакомых ему в родном языке средств, часто переносит на высказывания

формально-грамматические показатели своего родного языка и культурно-психологические особенности своего менталитета. Очевидно, что при решении проблемы формирования и развития языковой компетенции необходимо обращать внимание на формирование новой целостной языковой картины мира, которая накладывает отпечаток на уже сформированную.

Различные формы и методы работы, активизирующие речевую деятельность одновременно игровую и учебную, представляют собой модель профессионального межличностного общения и вызывают потребность в коммуникации на русском языке. Они являются средством активизации речевой деятельности, стимулируют мобильность, развивают коммуникативные и творческие способности космонавтов, обеспечивают высокую мотивацию, прочность знаний, улучшают групповое взаимодействие в международном космическом экипаже.

Успешная языковая подготовка иностранных космонавтов способствует выполнению поставленных полетных задач и расширению влияния российской школы космонавтики. Ситуации и темы общения астронавтов порождаются потребностями в совместной деятельности, включающей в себя обмен информацией на русском языке. Язык не только средство коммуникации, семиотическая (знаковая) система, хранящая и передающая информацию, но и фактор безопасности космического полета.

Заключение. В практике преподавания русского языка иностранным космонавтам накоплен большой опыт, разработана уникальная методика подготовки, которая включает в себя широкий спектр научных проблем и конкретных практических задач, обусловленных и совершенствованием общей методологии, и конкретных методов и приемов преподавания. Такая система представляет собой специфическое отражение лингвистической системы, её рациональную модель. Разработка оптимальных методов обучения иностранных космонавтов, для которых русский язык является средством профессиональной и общеобразовательной подготовки, связана с большим кругом вопросов лингвистического и дидактического характера. Успешная подготовка иностранных космонавтов по русскому языку способствует выполнению поставленных перед международными космическими экипажами полетных задач и расширению влияния российской школы космонавтики. Развитие средств коммуникации привело к формированию новой информационной среды, которая является неисчерпаемым ресурсом обучающего материала для астронавтов. Перенос языковых навыков и умений из виртуального общения в реальное не может осуществляться автоматически, он нуждается в ясном теоретическом и методическом обосновании, четко определенном подходе к феномену языка. Здесь «происходит своеобразное наложение языковой и информационной картин мира, что, в частности, выражается в лингвокультурных особенностях организации информационного пространства» [2, с. 165].

Список литературы

1. Гарцов А. Д. Инновационная среда обучения РКИ в условиях формирования сетевого мира / А. Д. Гарцов // Русский язык в многополярном мире: новые лингвистические парадигмы диалога культур. – М.: Изд-во РУДН, 2009. – С. 437–441.
2. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов / Т. Г. Добросклонская. – М.: УРСС Эдиториал, 2005. – 288 с.
3. Новикова М. Л. Русский язык и космос. Подготовка международных космических экипажей: цели, задачи, перспективы / М. Л. Новикова // Вестник РУДН. Серия: «Вопросы образования: языки и специальность». – 2016. – № 2. – С. 7–16.
4. Новикова М. Л. Язык как информационная система и средство общения: на Земле и на космической орбите / М. Л. Новикова // Вопросы теории и практики журналистики. – 2018. – Т. 7, № 1. – С. 59–75.
5. Сороко С. М. Структура информационного пространства культуры / С. М. Сороко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е: Педагогические науки. – 2012. – № 15. – С. 123–127.
6. Проскурин С. А. Геополитическое измерение глобального информационного пространства / С. А. Проскурин // Геополитика. – М.: РАГС, 2007. – С. 59–71.

УДК 81-112

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА БЫТОВОЙ И ДЕЛОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ ПО ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Янышевская В.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
wera742007@rambler.ru

Определение статуса языка бытовых и деловых памятников древнейшего периода нашей истории сохраняется в кругу проблемных вопросов учебного курса истории русского языка, представленного в двух дополняющих друг друга частях: в исторической грамматике русского языка и в истории русского литературного языка. Нет необходимости говорить о важности проведения в студенческой аудитории анализа языка древнерусских и старорусских текстов, цель которого зависит от объекта исследования. Следует при этом установить, какие конкретно лингвистические факты в анализируемых текстах дают нам основание для самостоятельных выводов по поводу исторических истоков в развитии устной и письменной восточнославянской речи, для установления сложного взаимодействия элементов разговорного и книжного характера в пределах одного текста. Опора на прочные знания студентами традиционной классификации памятников древнерусской письменности по закрепленным в их языке типам нормы представляется крайне необходимой (о системе жанров см. в «иерархически организованной пирамиде» Н. И. Толстого [2, с. 86]).

Опыт показывает, что обучение основам истории русского языка, проводимое сегодня на филологическом факультете в дистанционном

формате, не всегда даёт желаемые результаты в приобретении студентами важнейших компетенций в процессе самостоятельной работы с древнейшими текстами (в первую очередь – не церковнославянского происхождения). Проблемным оказывается для них определение типа письменного источника, что приводит к грубым ошибкам при ответах на простейшие вопросы учебного курса. Например, затруднение вызвал правильный ответ на такое тестовое задание по истории русского литературного языка: 1. Какой тип памятников древнерусской письменности, *по мнению большинства ученых*, по своим языковым особенностям не включается в разряд литературных? Возможные ответы: а) деловая литература; б) бытовая литература; в) светская литература; г) церковно-книжная литература. Многие студенты подчеркнули первую строчку (деловая литература), несмотря на то, что рядом в перечне была обозначена литература бытового характера, язык которой, как известно, отражал исключительно диалектную восточнославянскую речь и никогда не подвергался нормализации. Ошибка представляется существенной, поскольку ранее тексты бытового характера уже использовались на практических занятиях по исторической грамматике русского языка в качестве источника изучения лексического своеобразия, фонетических, морфологических и синтаксических особенностей разговорного древнерусского языка. Приведём текст берестяной грамотки № 43 (стратиграфическая дата – XIV–XV вв.): *Ѻ҃ бориса . ко . ностасии . како приде сѧ . грамота . тако пришли ми . цоловѣкъ . на жерепцѣ зане ми . здѣсь . дѣлъ . много да пришли . сороцицю . сороцицѣ забыле* (*перевод: От Бориса к Настасье. Как придёт эта грамота, так пришли мне человека на жеребце, так как дел у меня здесь много. Да пришли сорочку, сорочку забыл*) [4, с. 33] Студенты должны усвоить, что к памятникам письменности бытового характера относятся не только грамотки (частная переписка), но и другие надписи, не связанные с религиозным содержанием. Например, надпись на Тмутараканском камне 1068 г.: *…Глѣбъ кнѧзь мѣрилъ море по леду Ѻ҃ тъмутороканѧ до кърчева*…[4, с. 17], на могильных плитах, на домашней утвари, на стенах храмов и других зданий. Язык этих небольших по объему записей не отражал систему норм литературного языка того времени, которая была ориентирована на церковнославянский язык. Они были написаны, как правило, рядовыми жителями разных территорий (новгородской, смоленской, псковской, тверской, витебской и других земель), для которых (что очень важно!) письмо и чтение не было профессией. В языке таких источников, как мы видим, не упорядочена орфография, по неверному написанию многих слов можно говорить о действии живых фонетических процессов в разговорной речи того времени. В приведённых выше отрывках фиксируется отражение процесса падения редуцированных гласных, присутствие цоканья, а также доказательства формирования новой глагольной системы прошедшего времени в диалектном языке.

Отношение к языку деловой литературы, начиная с XX века – времени зарождения науки об истории русского литературного языка, было разным и противоречивым. Как отмечала Л. Н. Саркисова, от соотношения понятий *литературный язык* и *деловой язык* зависело установление границ литературного языка и его объёма (подробнее см. [3]). Следует напомнить, как осторожно к определению статуса «русской письменно-деловой речи» относился академик В. В. Виноградов, который «четко определял коррелятивные отношения разных языковых идиомов в отдельные периоды истории русского литературного языка». В состав таких «идиомов», кроме церковнославянского языка, им включалась и разговорная речь, и деловой язык, и просторечие (подробнее см. [2, с. 8]).

Характеризуя язык деловых бумаг, на котором писались частные и общественные документы, имевшие какую-либо юридическую силу, историки русского литературного языка не сомневались в том, что этот язык не был церковнославянским (исключение составляли документы, связанные с церковной юрисдикцией). По мнению авторитетных ученых, в основе таких текстов лежал живой (восточнославянский) разговорный язык (диалект), имевший прочную связь с памятниками обычного русского права (до XVII века эти документы назывались *грамотами*). Однако, в отличие от языка бытовой письменности, в языке деловых документов отчетливо намечалась тенденция к его постепенной нормализации. Справедливо считать, что сосуществование двух различных письменных языков – церковнославянского и русского административного – являлось самой оригинальной чертой языковой ситуации, сложившейся в Древней Руси. Однако второй письменный язык, деловой, создаваемый на устной основе, на всех уровнях своей системы был более обработанным с точки зрения узуальной нормы, чем памятники бытового характера, которые демонстрировали диалектное разнообразие. Для сравнения можно привести примеры из «Русской правды», которые чаще всего анализируются нами на занятиях по истории русского языка. Памятник государственной деловой письменности, «патриархальная правда», сохранившаяся в большом количестве списков (оригинал до нас не дошёл), содержит немалое количество государственно-юридической, общественно-политической и социальной терминологии периода Древней Руси начала XI века. Следует заметить, что лексика и фразеология «Русской правды» во многом не совпадают с единицами этого же уровня языка в других памятниках письменности названного периода. Восточнославянский языковой узус представлен здесь, однако, не только в лексике, но и в фонетике, в морфологии и синтаксисе. Для примера: *Оже придеть кръвавъ моужь на дворъ . или синь то видока ѥмоу не искати . нъ платити ѥмоу продажу* .г. *грвн . или не будеть на немь знамения . то привести ѥмоу видокъ . слово противу слова . а кто будеть началъ . томоу платити . ѕ. кунъ*…[4, с. 70]. Термины *видокъ* ‘свидетель; тот, кто видел’; *продажа* ‘штраф в пользу князя за нарушение вещного права и за личные

оскорбления’, *знамение* ‘доказательство’; название денежных единиц *куна, гривна*; древнерусская форма существительного *против слова* (ср. книжное *словесе*), сложные формы будущего времени *будеть началъ*, в синтаксисе наблюдается наличие инфинитивных предложений: *не искати, нъ платити, привести;* представлена цепь условных конструкций типа *оже (аче)…, то*, которые являются классической формой выражения в разных статьях закона и др. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что язык памятников делового письма, восточнославянский в своей основе, не являлся прямым воспроизведением разговорной речи, как это было в языке текстов бытового характера. Языковые формулы сохраняли в них свою устойчивость и подтверждали этим причастность языка памятников делового типа к сфере литературного языка. Таким образом, анализ деловых текстов древнерусского периода обязательно должен включаться в систему практических занятий по истории русского литературного языка, в то время как тексты бытового характера, равно как и делового письма, могут привлекаться к анализу только на занятиях по исторической грамматике, в рамках которой изучается специфика русской разговорной речи.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков / В. В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1982. – 528 с.
2. Толстой Н. И. Церковнославянский и русский: их соотношение и симбиоз / Н. И. Толстой // Вопросы языкознания. – 2002. – №1. – С. 8–90.
3. Саркисова Л. Н. О концепции курса «История русского литературного языка» / Л. Н. Саркисова // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б. Гуманитарные науки. – № 2. – 2009. – С. 36–47.
4. Хрестоматия по истории русского языка / авт.-сост.: В. В. Иванов, Т. А. Сумникова, Н. П. Панкратова. – М. : Просвещение, 1990. – 496 с.

УДК 811.161.1

СЛОЖНЫЕ НОМИНАЦИИ ЛИЦА В «ОБЩЕРОССИЙСКОМ КЛАССИФИКАТОРЕ ПРОФЕССИЙ РАБОЧИХ, ДОЛЖНОСТЕЙ СЛУЖАЩИХ И ТАРИФНЫХ РАЗРЯДОВ – 2018»: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОСТАВА

Ярошенко Н.А., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
nyaroshenko@yandex.ru

Наименования деятеля (nomina agentis) занимают ключевое место как в поле номинаций лиц в целом, так и среди наименований лиц по роду деятельности в частности. При этом вопрос о сущности категории деятеля и о границах этого класса слов относится в лингвистике к числу наиболее дискуссионных (см. [6]).

Nomina agentis отражают деятельностный аспект жизни человека. В подсистему имён деятеля в рамках поля номинаций лица входят такие группы: 1) названия людей по профессии; 2) номинации человека по роду занятий, по различным видам трудовой, в том числе и непрофессиональной деятельности (см. [6]).

Разноаспектное комплексное изучение сложных номинаций лица в целом и сложных номинаций деятеля (nomina agentis) в частности принадлежит к числу актуальных проблем лексикологии, дериватологии, дискурсологии, когнитивной лингвистики.

В работе придерживаемся узкой трактовки категории деятеля, согласно которой в эту группу номинаций входят только названия одушевлённых лиц, но не просто как биологических существ, а как субъектов деятельности. При этом под именем деятеля понимается «субъект деятельности, занятый в той или иной сфере социальных отношений» [2, с. 8].

Цель работы заключается в том, чтобы установить структурно-семантические особенности анализируемых лексем и классифицировать данные номинации по тематическим группам и словообразовательным типам.

Объектом исследования являются сложные номинации лица, зафиксированные в «Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов – 2018» [3]. В то время как **предмет исследования** составляют структурно-семантические особенности номинаций лица названного типа.

Авторская картотека включает 990 единиц, извлечённых из указанного источника: 1) 547 номинаций профессий рабочих и 2) 443 номинации должностей служащих.

При формировании базы фактического материала исследования во внимание принимались номинации лица (деятеля) следующего типа:

1. Композиты. При этом в работе придерживаемся широкого понимания термина ***композит***, т. е. «такой подход предполагает привлечение в качестве материала исследования всех номинаций, в структуре которых выделяется более одного корня (независимо от того, в полном или сокращённом виде этот корень представлен в сложном слове), а также сложных заимствований и сложнопроизводных слов» [5, с. 72-73]. Например: *автоклавщик, асфальтобетонщик, аэрографист, аэрографщик, агрометеоролог, бармен, боцман, брынзодел, водораздатчик, вышкомонтажник, гидроакустик, кинорежиссёр* и др.

2. Составные номинации, включающие помимо композита, уточняющие компоненты, выраженные согласованными и несогласованными определениями, предложно-падежными конструкциями. Например: *автоклавщик (на запарке брикетов), автоклавщик (литья под давлением), боцман береговой, бронеобмотчик проводов, водораздатчик порта, горнорабочий на геологических работах, зоотехник государственной заводской конюшни* и др.

3. Юкстапозиты (< лат. *juxta* ‘рядом, возле’ и *positio* ‘место’), т. е. соединение нескольких слов или словоформ в одном сложном слове. Например: *антенщик-мачтовик, аппаратчик-вальцевар, аппаратчик-комплекторщик, асфальтобетонщик-варильщик, аппаратчик-краскотёр, аппаратчик-лаковар, водитель-испытатель* и др.

4. Составные номинации, включающие помимо юкстапозита, уточняющие компоненты, выраженные согласованными и несогласованными определениями, предложно-падежными конструкциями. Например: *автоклавщик-сушильщик аккумуляторных пластин в производстве свинцовых аккумуляторов, аппаратчик-дозировщик на изготовлении и поливе фотоэмульсий, вакуум-прессовщик керамической массы и заготовок, выборщик-сортировщик огнеупорного лома, загрузчик-выгрузчик абразивных изделий в периодические обжигательные печи, мастер-художник по созданию и реставрации музыкальных инструментов*, *сборщик-монтажник в производстве цветных кинескопов* и др.

Прежде всего, безусловно, самая общая семантическая классификация рассматриваемых сложных номинаций лица отражена в той рубрикации, которая представлена как в названии источника материла («Общероссийский классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов – 2018»), так и в двух основных рубриках классификатора:

1. Профессии рабочих: *автоклавщик*, *аппаратчик-лаковар*, *аппаратчик-нейтрализаторщик*, *аппаратчик-олифовар*, *аппаратчик-подслойщик* (*фотостекла*), *аппаратчик-поливщик* (*магнитных лент*), *асфальтобетонщик*, *асфальтобетонщик-варильщик*, *аэрографист*, *аэрографщик*, *бармен*, *бондарь-укупорщик*, *бортмеханик*, *бортоператор*, *бортпроводник*, *бортрадист*, *бортштурман*, *брынзодел*, *брынзодел-мастер*, *буртоукладчик*, *водолаз*, *водопроводчик* (*доменной печи*), *водопроводчик* (*шахтной печи*), *гидрогенизаторщик*, *гидромониторщик*, *гидропескоструйщик*, *гидротермист*, *гидроциклонщик*, *гидрочистильщик*, *горнорабочий*, *горнорабочий* (*очистного забоя*) и др.

2. Должности служащих: *артист-вокалист* (*музыкальной комедии и эстрады*), *артист-вокалист* (*оперный и камерный*), *артист-вокалист* (*солист*), *артист* (*кукловод*) *театра кукол*, *археограф*, *археолог*, *аэролог*, *аэрофотогеодезист*, *аэрохимик*, *багермейстер*, *багермейстер-капитан*, *багермейстер-наставник*, *бактериолог*, *балетмейстер*, *балетмейстер-постановщик*, *библиограф*, *биолог*, *биофизик*, *биохимик*, *бухгалтер-ревизор*, *бухгалтер-эксперт*, *гидрометнаблюдатель* и др.

В свою очередь каждая из выделенных родовых лексико-семантических групп, как видно из примеров, может быть дифференцирована по семантическим подгруппам.

Как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, для поля номинаций профессий рабочих и должностей служащих характерно следующее наполнение его семантического ядра:

1. Обязательные семы:

1.1. Сема *‘лицо’*, указывающая на то, что все наименования данной группы являются названиями лиц (интегральная сема).

1.2. Семы *‘трудовая деятельность’* и *‘профессия’*, указывающие на то, что деятельность, осуществляемая лицом, является профессиональной, т. е. требует определённых знаний, умений, навыков, приложения физических или интеллектуальных усилий, осуществляется на благо общества и приносит доход лицу (интегральная сема).

2. Инвариантные семы: семы *‘специальность’, ‘квалификация’, ‘должность’, ‘производство’, ‘обслуживание’*.

В семантической структуре номинаций профессий рабочих и должностей служащих понятие *профессия* представлено семой ‘трудовая деятельность’, понятия *специальность, квалификация, должность* – семами ‘специальность’, ‘квалификация’, ‘должность’ соответственно.

3. Факультативные дифференциальные семы: семы *‘место’, ‘средство’, ‘объект’, ‘результат’, ‘материал’* и др.

Следующая задача нашего исследования будет заключаться в том, чтобы, опираясь на тематико-семантическую классификацию агентивных имён, разработанную З. С. Ахматьяновой [1], а также принимая во внимание классификацию тематических групп наименований профессий, предложенную в работе М. А. Соловьёвой [4], распределить сложные номинации профессий рабочих и должностей служащих, представленные в «Общероссийском классификаторе», по тематическим классам в соответствии с общностью лексических значений и с функциональными и должностными обязанностями лиц, занимающихся трудовой деятельностью. Далее ряд рубрик тематической классификации сложных номинаций профессий рабочих и должностей служащих при необходимости может быть детализирован по частным разновидностям на основании различных критериев. В свою очередь по структурному параметру анализируемые сложные номинаций профессий рабочих и должностей служащих также могут быть сгруппированы по подтипам. Однако обозначенные задачи требуют отдельного исследования.

Список литературы

1. Ахматьянова З. С. Существительные Nomina agentis в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. н.: 10.02.01 / Земфира Саитовна Ахматьянова. – Уфа, 2000. – 221 с.
2. Мурзабулатова Ю. А. Неологизмы со значением деятеля в современном русском языке (на материале прессы конца XX – начала XXI вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. н. / Ю. А. Мурзабулатова. – Уфа, 2013. – 23 с.
3. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов – 2018 – URL: http://okpdtr.ru/ (дата обращения: 18.01.2019 г.).
4. Соловьёва М. А. Имена существительные – номинации лиц по профессии и роду занятий в русском языке XXI века: Дис. ... канд. филол. н. / Марина Александровна Соловьёва. – Владимир, 2018. – 193 с.
5. Ярошенко Н. А. Сложные номинации лица в структуре фильмонимов (на материале названий русскоязычных фильмов и сериалов 1992–2019 годов) / Н. А. Ярошенко //

Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 1. – Донецк: ДонНУ, 2019. – С. 69–79.
6. Ярошенко Н. А. Ономасиологические типы сложных номинаций деятеля в диалектах русского языка / Н. А. Ярошенко // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур: сб. материалов Всероссийской с международным участием научной конференции (Волгоград, 23–25 апреля 2019 г.) / гл. ред.: Е. В. Брысина, В. И. Супрун. – Волгоград: Фортесс, 2019. – С. 270–275.

УДК 81’373

ГОДОНИМЫ г. ТОРЕЗА ДНР: СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ

Ярошенко Н.А., канд. филол. наук, доц., ***Ладнова Е.В.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
nayaroshenko@yandex.ru, ekaterinaladnowa@yandex.ru

Данная статья продолжает цикл публикаций представителей Донецкой ономастической школы, в которых осуществляется комплексное исследование урбанонимии Большого Донбасса.

Исследование урбанонимикона представляет собой актуальную проблему современной ономастики, лингвокультурологии и лингвистического краеведения. Годонимы, т. е. наименования линейных адресных объектов, входят в ядро урбанонимического поля (см. [2]).

Цель предлагаемой публикации заключается в том, чтобы определить структурные типы годонимов г. Тореза ДНР и установить специфику их функционирования. **Объектом анализа** являются названия линейных адресных объектов указанного населённого пункта как компонент системы годонимов Большого Донбасса. В то время как **предметом исследования** выступают структурные параметры годонимикона г. Тореза. Анализу подвергаются официальные, письменно фиксируемые формы годонимов. Аспект анализа – синхронный.

Как свидетельствуют систематизация и анализ фактического материала, в годонимиконе г. Тореза ДНР зафиксировано 464 годонима, среди них 340 наименований (73,3 %) с термином-классификатором *улица*, 116 наименований (25 %) с термином-классификатором *переулок*, 5 наименований (1,1 %) с термином-классификатором *микрорайон*, 1 наименование (0,2 %) с термином-классификатором *проспект*, 1 наименование (0,2 %) с термином-классификатором *бульвар* и 1 наименование (0,2 %) с термином-классификатором *квартал*.

Стоит отметить, что при структурном анализе годонимов мы анализируем только онимную часть названий, поскольку термин-классификатор входит в состав наименований такого типа в обязательном порядке. Таким образом, в первую очередь можно выделить две структурные разновидности годонимов: однокомпонентные и многокомпонентные наименования.

В системе названий линейных адресных объектов г. Тореза преобладают однокомпонентные наименования – 423 единицы (91,2 % от общего числа наименований). Анализ фактического материала свидетельствует о том, что в этой группе названий представлены три морфологических типа: субстантивные, адъективные и нумеративные годонимы.

В г. Торезе было зафиксировано 199 субстантивных годонимов (47,1 % от общего числа однокомпонетных наименований). Такие названия образованы по трём моделям:

1. С**убстантивная генитивная мемориальная модель** (187 наименований, или 93,9 % от общего числа субстантивных годонимов) представлена отантропонимными годонимами, объективирующими антропоморфный код культуры. Такие наименования мотивированы именами политических деятелей, участников Великой Отечественной войны, писателей, учёных, композиторов, т. е. личностей, важных в контексте региональной и общегосударственной истории: б-р *Ильича*, пер. *Айвазовского*, пер. *Капустина*, пер. *Крупской*, ул. *Достоевского*, ул. *Жуковского*, ул. *Тимирязева*, ул. *Шевцовой* и др.
2. **Субстантивная генитивная модель** (10 наименований, или 5 %) представлена годонимами, эксплицирующими антропоморфный, социально-идеологический и топоморфный культурные коды: пер. *Декабристов*, пер. *Коминтерна*, пер. *Коммунаров*, пер. *Новостройки*, пер. *Свободы*, ул. *Дружбы*, ул. *Коминтерна*, ул. *Обогатителей*, ул. *Победы*, ул. *Свободы*.
3. **Субстантивная номинативная модель** (2 наименования, или 1,1 %) представлена годонимами, реализующими топоморфный код: ул. *Лесхоз*, ул. *Островок*.

В годонимиконе исследуемого населенного пункта функционирует 218 адъективных годонимов (51,5 % от общего числа однокомпонетных годонимов), которые образованы по пяти словообразовательным моделям.

1. **Адъективные годонимы с суффиксами *-н-, -енн-, -альн-, -онн-*** (64 наименования, или 29,4 % от общего числа адъективных годонимов): *Авиационный* пер., *Амбулаторный* пер., *Степной* пер., *Театральный* пер., *Башенная* ул., *Инженерная* ул., *Овражная* ул. и др. Для обозначения отношения к другому географическому объекту используются приставки *за-, на-, под-, при-*: *Загородный* пер., *Запрудная* ул., *Набережная* ул., *Нагорная* ул., *Подгорная* ул., *Пригородная* ул. Такие наименования реализуют топоморфный, физико-географический и антропоморфный коды культуры.
2. **Адъективные годонимы с суффиксами *-ск-, -овск-, -евск-, -инск-, -к-*** (118 наименований, или 54,2 %): *Байкальский* пер., *Заводской* пер., *Изюмский* пер., *Пролетарский* пер., *Азовская* ул., *Горняцкая* ул., *Коммунистическая* ул., *Красноармейская* ул., *Шахтерская* ул. Годонимы, образованные по этой модели, объективируют топоморфный, антропоморфный и социально-идеологический культурные коды.

3. **Адъективные годонимы с суффиксами *-ов-/-ев-*** (13 годонимов, или 5,9 %): *Мостовой* пер., *Почтовый* пер., *Береговая* ул., *Межевая* ул., *Сосновая* ул., *Терновая* ул. и др. Такие наименования реализуют топоморфный, физико-географический и фитоморфный коды культуры.
4. **Флексийные годонимы** (14 наименований, или 6,4 %) реализуют топоморфный культурный код и мотивированы ойконимами, имеющими в своем составе суффикс *-ск-* и *-к-*: *Мурманский* пер., *Смоленский* пер., *Донецкая* ул., *Луганская* ул., *Хабаровская* ул., *Челябинская* ул. и др.
5. **Первообразная модель** (9 наименований, или 4,1 %) экплицируют эмоционально-характерологический и физико-географический коды культуры: *Весёлый* пер., *Тихий* пер., *Весёлая* ул., *Дальняя* ул., *Широкая* ул. и др.

Нумеративные годонимы представляют собой небольшую группу (4 наименования, или 1,2 % от общего числа однокомпонентных годонимов): мкрн *1*, мкрн *2*, мкрн *3*, мкрн *4*. Кроме того, в системе годонимов г. Тореза зафиксировано одно наименование (0,2 % от общего числа однокомпонентных годонимов), содержащее буквенный знак: квартал *Г*.

Многокомпонентные годонимы менее частотны в системе наименований линейных объектов г. Тореза. Всего зафиксирована 41 единица такого типа (8,8 % от общего числа наименований). Среди них также можно выделить несколько словообразовательных моделей:

1. **Расширенная субстантивная генитивная модель** (17 наименований, или 41,5 % от всех многокомпонентных годонимов): ул. *Глеба Успенского*, ул. *Клары Цеткин*, ул. *Веры Листопад*, ул. *Карла Маркса* и др. Такие годонимы реализуют антропоморфный культурный код.
2. **Мемориальная числовая генитивная модель** (13 наименований, или 31,7 %): мкрн *30 лет Победы*, пер. *40 лет Октября*, ул. *10 лет Октября*, ул. *50 лет СССР*, ул. *7 Ноября*, ул. *8 Марта* и др. Данные названия эксплицируют социально-идеологический и темпоральный коды культуры.
3. **Нумеративно-адъективная модель** (1 наименование, или 2,4 %): *2-й Центральный* пер. Данный годоним реализует физико-географический культурный код.
4. **Адъективно-субстантивная модель** (3 наименования, или 7,3 %): ул. *Парижской Коммуны*, ул. *Советской Конституции*, ул. *Максимова Балка*. Наименования этой группы объективируют социально-идеологический и топоморфный коды культуры.
5. **Нумеративно-субстантивная генитивная мемориальная модель** (4 наименования, или 9,7 %): пер. *1 Можайского*, пер. *1 Жуковского*, пер. *2 Можайского*, пер. *2 Жуковского*. Годонимы этого типа,

представленные в нашем материале, в первую очередь направлены на объективацию антропоморфного кода культуры.

6. **Адъективно-субстантивная номинативная модель** (1 наименование, или 2,4 %): пер. *Горноспасательный городок*. Данное название эксплицирует антропоморфный и топоморфный культурные коды.
7. **Расширенная субстантивная номинативная модель** (2 наименования, или 2,8 %): ул. *Колонна Дроново*, ул. *К. Зорька*. Годонимы этой группы прежде всего реализуют социально-идеологический код культуры.

Таким образом, система годонимов г. Тореза как в структурном, так и в семантическом аспектах в целом характеризуется набором характеристик, присущих номинациям линейных адресных объектов населённых пунктов Большого Донбасса (см. [3, с. 70]). Так, среди годонимов г. Тореза ДНР представлены два структурных типа (однокомпонентные и многокомпонентные названия) со значительным преобладанием однокомпонентных единиц. При этом среди однокомпонентных годонимов наиболее частотными являются субстантивные и адъективные названия. По характеру реализации термина-классификатора, как и во всех уже проанализированных нами системах годонимов различных населённых пунктов Большого Донбасса, по критерию частотности среди годонимов г. Тореза абсолютным лидером также является номенклатурный термин *улица*. Вместе с тем наименования линейных адресных объектов, представленные в годонимиконе г. Тореза, реализуют разнообразные словообразовательные модели, которые характеризуются разной продуктивностью и объективируют определённые коды культуры.

Список литературы

1. Егорова Л. В. Структурные типы годонимов Чувашской республики / Л. В. Егорова // Вестник Чувашского университета. – 2012. – № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-tipy-godonimov-chuvashskoy-respubliki (дата обращения: 21.09.2022).
2. Мадиева Г. Б. Система современной урбаномистической терминологии / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 2. – С. 115–125.
3. Ярошенко Н. А. Структурно-семантическая классификация годонимов города Новоазовска / Н. А. Ярошенко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – № 1. – Донецк: ДонНУ, 2022. – С. 64–73.

УДК 811.161.1

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЗООМОРФНОЙ МЕТАФОРЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ А. А. ПРОХАНОВА

Ярошенко Н.А., канд. филол. наук, доц., ***Менякина А.А.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
nyaroshenko@yandex.ru, menyakina.2000@mail.ru

Одной из актуальных задач современной лингвистики является изучение связи языка с мышлением, важную роль во взаимодействии которых играет метафора. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон, рассматривая метафору как когнитивный механизм, отмечают, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии» [2, с. 387]. Метафора, таким образом, является не только сугубо языковым явлением, но также представляет собой феномен сферы познания и сферы культуры.

Политическая обстановка в стране и в мире – это один из так называемых вечных вопросов. Выступления политиков и общественных деятелей, затрагивая интересы простых граждан, направляют их взгляды в нужное русло, формируют убеждения, реализуя при этом прагматическую и волюнтативную функции, которые ярче всего проявляются в политическом дискурсе.

А. П. Чудинов определяет политический дискурс как «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи: другие тексты, содержание которых учитывается автором и адресатом данного текста, политические взгляды автора и его задачи при создании текста, политическая ситуация, в которой создается и “живёт” данный текст, репутация издания, в котором он опубликован» [5, с. 18].

Становясь средством реализации такого влияния, метафора представляет собой так называемое «мягкое» оружие, множество примеров которого можно найти, например, в публицистике А. А. Проханова. При изучении публицистических текстов Проханова мы пришли к выводу, что чаще всего автор прибегает к метафоре в тех случаях, когда необходимо указать на слабые стороны оппонента, поставить под вопрос его компетентность, напомнить о негативных фактах его биографии и под. Ср., например, следующий контекст: *«Это **дельфин-богоборец**… уверяет, что люди произошли от микроорганизмов. Дельфина зовут **Александр Глебович Невзоров**. Он питается морской рыбой, которую кидают в бассейн дрессировщики Ольга Журавлёва и Виталий Дымарский»* [4].

Цель настоящей работы – установить структурно-семантические и функциональные особенности зооморфных метафорических конструкций, представленных в политических статьях А. Проханова [4], опубликованных в газете «Завтра» за 2018-2019 годы.

Предложенная работа продолжает цикл публикаций авторов, посвящённых изучению особенностей реализации метафорических моделей в политическом дискурсе на материале текстов А. А. Проханова (см. библиографию в [3]).

Зооморфная метафора как средство когнитивной деятельности человека восходит к тем временам, когда людьми предпринимались первые попытки осмысления окружающей действительности, выражавшиеся в тотемизме и мифологии. На протяжении многих веков человек, как известно, отождествлялся с животными на основе каких-либо отличительных физических особенностей или поведенческих характеристик.

Зооморфная метафора регулярно попадает в поле зрение исследователей. Так, Е. М. Вольф выделяет оценочную функцию метафорических конструкций такого типа: «Чёткие и постоянные оценочные коннотации несут метафоры типа *животное – человек*. Цель этих метафор – приписать человеку некоторые признаки, которые всегда или почти всегда имеют оценочный смысл, так как перенос на человека признаков животных подразумевает оценочные коннотации. Сами названия животных оценки не содержат» [1, с. 59].

Борьбе за власть как основной цели политического дискурса подчинено употребление базовой оппозиции «свой – чужой», которая раскрывается у Проханова с помощью зооморфного компонента: *«Я со всеми этими людьми виделся, и они научили меня не верить западному зверю.* ***Западный зверь хитёр, беспощаден, лжив»*** [4]. Маркером «чуждости» в данном контексте выступает метафора *зверь*, которая говорит о враждебности и агрессии со стороны западных политических деятелей. Негативной характеристикой наделяются и российские предприниматели, метафорически описывающиеся как хищники и пиявки, которые своей деятельностью лишь истощают страну, лишая её необходимого запаса ресурсов: *«Поражает и ужасает другое: сколько же алчных и ненасытных* ***хищников*** *навалилось на народ! Рывок не предвидится, ибо к народному телу* ***присосались тысячи и тысячи пиявиц****, набухают народной кровью, обрекая страну на* ***дистрофию****»* [4]; *«Вся* ***хищная ненасытная стая, лязгающая клыками****, высунувшая* ***мокрые языки****, та, что гонится по пятам за Россией, как волки гонятся за затравленным оленем – всё это социально ответственные предприниматели?»* [4].

Обращаясь к зооморфной метафоре, Проханов говорит и об отношениях, которые происходят между действующими членами власти и их оппозицией. Оппозиция выступает в роли маленьких злых крикливых птиц, которые нападают на филина – власть: *«На него со всех сторон безнаказанно для себя налетает* ***лесная мелюзга, клюёт*** *его****, пищит,*** *а филин в ответ открывает* ***хищный клюв и шипит.*** *Филин – это власть. Крикливые и злые пичуги – оппозиция»* [4]. Действия сторонников либеральной идеологии представляются чем-то незаметным, но существенно мешающим в осуществлении какого-либо процесса:

«Президент измотан нескончаемой борьбой с либералами, с их ***болезненными комариными укусами****…»* [4].

Телевизионная передача «Дом-2» с ведущей Ксенией Собчак, которую публицист называет ведьмой, представляется зоофермой, где участники метафорически выступают в роли зверей, откармливающихся и дрессирующихся для дальнейшей выгоды: *«И публика, которая двадцать лет развращалась этой восхитительной ведьмой в её передаче «Дом-2», в этой* ***звероферме****, где люди превращаются в скотину, в её гламурных походах по прилавкам и страницам глянцевых журналов, эта публика отдаст Собчак свои голоса»* [4]. В данном контексте автор сам говорит о том, как во время сильнейших социально-экономических и политических сдвигов эффект влияния средств массовой информации на людей является практически неограниченным.

Совокупность агитационных мероприятий, осуществляемых кандидатами на выборные должности и их партиями в избирательной борьбе, чтобы получить максимальное количество голосов на предстоящих выборах, метафорически описываются публицистом как комплекс необходимых действий для процесса перевоплощения обыкновенной птицы в ухоженную и изящную жар-птицу: *«"Единая Россия", готовясь к выборам в Думу…* ***чистит свои мытые пёрышки, прихорашивается, выщипывает лежалый пух, из серой неприглядной птахи хочет превратиться в жар-птицу****»* [4]. Сама же предвыборная борьба кандидатов представляется петушиным боем, где специально обученные хозяевами боевые петухи натравливаются на драку друг с другом для дальнейшей победы: *«Предвыборные баталии – это…* ***петушиные бои. Бойцовые петухи и куры… выщипывают друг у друга перья, выклёвывают глаза, кровенят брови****»* [4]. В следующем примере зооморфизмы *кукареканье* и *клёкот* характеризуют речь кандидатов предвыборной компании, в которой они говорят народу о своих действиях, идеях и реформах, необходимых для развития страны: *«В этом* ***клёкоте и кукареканье*** *ни разу не прозвучала идея государства – государства, которым они хотели владеть и управлять»* [4].

Таким образом, анализ зооморфных метафорических конструкций, представленных в публицистических текстах А. Проханова, позволяет утверждать, что метафоры с зооморфным компонентом играют важную роль в политическом дискурсе, поскольку посредством взаимодействия зооморфного и антропоморфного кодов культуры публицисту удаётся дать разностороннюю глубокую оценку политических лидеров, органов власти и самого государства в целом.

Список литературы

1. Вольф Е. М. Метафора и оценка / Е. М. Вольф // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 52–64.
2. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

3. Менякина А. А. Метафорическая модель со сферой-источником «окружающая антропогенная среда» в политическом дискурсе (на материале публицистики А. Проханова) / А. А. Менякина // Новые горизонты русистики. – 2022. – Вып. 17. – С. 156–160.
4. Проханов А. А. Завтра / А. А. Проханов. – URL: https://zavtra.ru/blogs/authors/8 (дата обращения: 05.02.2021 г.).
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гуманит. ин-т, 2003. – 193 с.

Актуальные проблемы изучения и преподавания славянских языков

УДК 811.161.1

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Казанцева И.Г.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
i.kazantseva@donnu.ru

Язык делового общения – это официально-деловой стиль, предназначенный для коммуникативного взаимодействия в сфере бизнеса, права, экономики, коммерции и другой профессиональной деятельности. Деловая коммуникация в устной и письменной формах проникла во все сферы общественной жизни и стала самым массовым видом социального общения. Поэтому не вызывает сомнения актуальность исследования такой коммуникации, так как знание её норм значительно облегчает официальную сторону нашей жизни, экономит время, способствует достижению профессионального успеха.

Вот почему деловое общение и речь должны соответствовать разработанным в определённом обществе нормам языкового поведения, грамматики и стилистики, типовым готовым формулам, позволяющим формировать этикетные ситуации приветствия, согласия, просьбы, благодарности и т.п. Язык делового общения обладает огромной базой средств, которые следует применять с учётом ситуации, сферы использования и его формы, обстоятельств, задач для достижения целей коммуникации.

Речевые характеристики делового общения весьма разнообразны, однако среди них можно выделить наиболее важные. Первое правило устной коммуникации гласит, что речь говорящего должна быть разборчивой, в противном случае теряется нить беседы. Необходимо следить за тем, чтобы речь не была монотонной, иначе собеседники потеряют интерес к теме разговора. Следующее правило предписывает, что речь должна звучать в среднем темпе. Замедленный темп приводит опять же к потере интереса к беседе, а слишком быстрый – к тому, что партнёр может не успевать за ходом мыслей говорящего. Необходимо также чередовать короткие и длинные предложения, так как перегруженные фразы затрудняют устное восприятие, а только короткие не оказывают должного воздействия на собеседника.

Важнейшими требованиями к деловому разговору являются также точность и ясность. Под точностью понимается соответствие употребления слов их значению, ясность же вытекает из точности. Поэтому не следует в

беседе злоупотреблять иностранными словами (к примеру, «пролонгировать» вместо «продлить», «эксклюзивный» вместо «исключительный» и т. п.) Доступность деловой речи – залог её успешности.

Следует выделить и такие черты делового общения, как официальность, объективность изложения. Недопустима возможность двоякого толкования, поэтому используются стилистически нейтральные языковые средства. Официальная информация подаётся детально, развёрнуто, но при компактности изложения.

Нельзя обойти вниманием и такие черты деловой коммуникации, как отсутствие эмоциональности, бесстрастность изложения. Даже при необходимости попросить, потребовать, извиниться и т. п. следует избегать средств образности, при устном общении – эмоциональности изложения.

Характерной особенностью является и модальность подачи информации. Для этого используют слова типа «надлежит», «необходимо», «следует» и т. п.

Отметим и такие черты письменного/устного делового общения, как:

- стандартность изложения (клишированный деловой текст имеет чёткую структуру, делится на модули: части, рубрики);
- стереотипность документов. Все используемые речевые средства стандартизируются, все участники общения имеют фиксированные названия в соответствии с заданными функциями (арендатор, получатель, поставщик, арендодатель, заёмщик…) Строго установленные названия имеют и официальные документы (доверенность, акт приёмки, договор, докладная, протокол, справка и т.п.);
- отсутствие индивидуальности изложения. В документах собраны сведения о типизированных официальных ситуациях;
- высокая степень повторяемости языковых форм;
- предписывающий характер изложения информации (к ознакомлению, к исполнению и т.п.).

Языковые характеристики деловой речи также разнообразны. И при устном общении, и в официальных бумагах заранее задан набор используемых языковых средств. Главная её особенность – широкое употребление языковых формул-шаблонов как результат регламентированности служебных отношений. Если в других стилях это является недостатком, то для деловой коммуникации это позитивная черта, естественная принадлежность. Использование таких шаблонов упрощает восприятие информации, экономит время, исключает вероятность неправильного понимания. Участники общения имеют возможность не отвлекаться на поиск формулировок, получить дополнительное время для решения других задач.

Весьма частотно и употребление слов в одной падежной форме: в основном в родительном падеже, реже – творительном («нарушение охраны труда и техники безопасности», « получение прибыли от дополнительных поставок» и т.п.).

Активное использование канцеляризмов («указанный, вышеизложенный, нижеподписавшийся» и т. д.). Включение аббревиатур, сложносокращённых слов, что характерно для письменной формы общения. Употребление официально-деловой терминологии («входящее-исходящий, недоимка, недопоставка, доверенность»).

Отсутствие неологизмов. Широкое использование пассивных конструкций, возвратных глаголов, пассивных причастий («письмо отправлено, своевременность гарантируется, необходимо предоставить» и Включение сложных слов, образованных от двух основ («материально-технический, квартиросъёмщик, нижеизложенный»).

Активное использование производных предлогов («вследствие нарушения, ввиду недопоставок, в результате срыва»).

Специфическая особенность деловой речи – ограниченная сочетаемость слов, что способствует адекватности восприятия сообщения или текста документа:

- сроки устанавливаются, а не назначаются;
- благодарность объявляется, а не выносится;
- служебная записка составляется, а не пишется.

Чрезвычайно активно используются конструкции с отглагольными существительными (к примеру, «оказать содействие» вместо «посодействовать»).

В основном письменному деловому общению свойственно ограниченное употребление глаголов в форме 1-го лица единственного числа, чаще они используются в форме 1-го лица множественного числа и 3-го лица единственного/множественного числа («направляем, удостоверяем, гарантируем, сообщает, транспортируют, поставляют» и т. п.).

При построении предложений употребляются преимущественно простые распространённые предложения, часто – сложные бессоюзные и сложноподчинённые предложения с придаточными причины, условий, цели.

Таким образом, только знание и использование особенностей делового общения может способствовать достижению целей коммуникации. При устной форме общения необходимо пользоваться своей речью так, чтобы заинтересовать партнёров, привлечь их на свою сторону для получения желаемого результата.

Список литературы

1. Громова Н. М. Основы деловой переписки / Н. М. Громова. – Москва: РУССЛИТ, 1992. – 224 с.
2. Организация работы с документами / В. А. Кудряев и др. – Москва: ИНФА – 1999. – 185 с.
3. Справочник по деловой переписке. – Москва: «Межрегионсервис», 1998. – 318 с.

УДК 811.161.1

ОБУСЛОВЛЕННАЯ СИТУАТИВНОСТЬ МОДЕЛЕЙ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Кулиш С.В., Сторчак Л.В., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
s.kulish@donnu.ru

Ситуация речевого общения исследуется с различных позиций в лингвистике, психологии и социологии. В зависимости от аспекта рассмотрения выделяется тот или иной план её содержания и компонент структуры. Но в реальном общении все эти планы взаимосвязаны и выступают как единое целое. Требование современной методики – обучать не только языку, но и общению на языке – предполагает целостное представление о ситуации РО, а её описание как некоторой многоплановой структуры, все уровни и компоненты которой связаны между собой.

Так, например, в социолингвистике наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой *ситуация* – это сумма социальных условий речевого общения, экстралингвистических по отношению речи, а речевая деятельность человека характеризуется прежде всего целенаправленностью и состоит из нескольких последовательных фаз: ориентировки, планирования, реализации и контроля. Именно в соответствии с этими фазами осуществляется каждое отдельное речевое действие, исходным моментом которого является именно речевая ситуация, то есть такое стечение обстоятельств, которое побуждает человека к речевому действию. Реальные речевые ситуации могут быть самого разного плана: необходимость ответить на вопрос, сделать сообщение на заданную тему, написать письмо, поговорить с другом и т.п. Речевая ситуация, таким образом, порождает мотив высказывания, который в отдельных случаях перерастает в потребность совершения конкретного действия. Другими словами, каждая речевая ситуация становится обусловленной рамками общения, требует от участников вполне конкретных действий, знания определенных грамматических моделей построения высказывания, речевого интонирования и поведения. Из этого следует, что именно речевая ситуация и обусловливает выбор моделей речевого общения.

Поскольку главная цель речевого общения – это обмен информацией, т.е. передача и восприятие смысла высказывания, то человек всегда стремится быть правильно понятым. Для этого необходимо учитывать и правильно использовать факторы, оказывающие влияние на процесс общения, а именно: *формы* и *типы речевой коммуникации* (устную и письменную формы, каждая из которых характеризуется рядом признаков, определяющих тип речевой коммуникации). К таким признакам можно отнести следующее:

- *условия общения* (прямое, общение с активной обратной связью, опосредованное общение);

- *количество участников* (монолог, диалог, полилог);

- *цель общения* (информирование, убеждение, развлечение…);

- *характер ситуации* (деловое общение, бытовое общение…).

Считается, что любая речевая ситуация может быть отнесена к определенному типу. Например, если студент звонит приятелю, чтобы пригласить его в гости, то их разговор можно охарактеризовать как устную форму, непосредственное общение, диалог с целью убеждения, бытовую беседу. Для каждого типа коммуникации существуют специфические языковые средства и тактики поведения, владение которыми на практике является необходимым условием достижения успеха в процессе речевой коммуникации. Владение *речевыми тактиками* трудно переоценить, поскольку в полемике нередко одерживает верх не тот, на чьей стороне истина, а тот, кто умеет быстро и точно анализировать речь оппонента и продуктивно выстраивать свою речь.

В каждой ситуации общения используется и своя стратегия: осознание ситуации в целом, определение направления развития и организация воздействия в интересах достижения цели общения. *Стратегия общения* реализуется в речевых тактиках, под которыми понимаем речевые приёмы, позволяющие достичь поставленных целей в конкретной ситуации. Но речевые тактики разных уровней общения могут, с определенной коррекцией, взаимопроникать. При речевом воздействии на различные группы студентов следует выбирать соответствующие речевые тактики, имея в виду при этом, что ни одна из тех или иных тактик не является универсальной и эффективной во всех случаях жизни. Речевые тактики используются как в монологической, так и в диалогической речи. Стратегической целью их использования может быть не только убеждение, но и получение максимума информации по теме общения или о собеседнике; установление контакта и др. Например, если стратегической целью является получение максимума информации, то студент может применить речевую тактику «перевоплощение». Эта тактика наиболее активна в бытовом общении и заключается в том, что говорящий искусственно устанавливает разрыв в знаниях, перевоплощаясь при этом в «незнайку», «дилетанта». Весьма полезной может быть и речевая тактика – «прогнозирование». Остановимся на характеристике непосредственно самих речевых действий. В реализации любого речевого действия обычно выделяют три структурных компонента:

- *подготовка высказывания:* осознание мотивов, потребностей, целей, прогнозирование результатов высказывания;

- *структурирование высказывания:* выбор слов, их грамматическое оформление – всё это происходит во внутреннем плане. Данный план наименее изучен в системе речевого действия, поскольку не ясны механизмы выбора слов и грамматического оформления. Предполагается,

что выбор слов осуществляется методом проб и ошибок, определённую роль при этом играют также личные словесные ассоциации;

- *переход к внешней речи:* звуковое оформление высказывания. Именно этот этап определяет результат высказывания. Если переход от внутренней речи к внешней нарушен, т.е. внутренняя небрежно или с ошибками оформлена во внешней, то такая речь, как правило, не достигнет своей главной цели – обмена информацией.

О качестве речевого действия, как правило, судят по его восприятию и по реакции на него, т.е. *обратной связи.* Важно то, что составная часть процесса восприятия включает два уровня: языковой и содержательный. Первый без второго возможен, а второй без первого – нет.

Реакция на высказывание, т.е. обратная связь, - важный элемент контроля речевого действия, позволяющий оценить его результат. Наиболее полно обратная связь осуществляется в диалоге. Качество понимания сообщения зависит от различных условий, при которых осуществляется коммуникация. Совокупность таких условий принято называть контекстом. Общий контекст речевого общения складывается из явного и скрытого. Явный (или эксплицитный) контекст включает то, что подлежит непосредственному наблюдению, и может быть вербальным или невербальным. Скрытый (или имплицитный) контекст – это то, что не поддается непосредственному наблюдению. В скрытый контекст входят мотивы, цели, личностные характеристики. Кроме того, содержание коммуникации, взаимоотношения её участников, развёртывание ситуации во времени и пространстве, способ осуществления - всё это находит отражение в отборе и в употреблении единиц языка. Выбор говорящим тех или иных единиц языка контекстуально обусловлен, поэтому и контекст общения становится также ситуативно обусловленным.

Таким образом, ситуативная обусловленность высказывания понимается как его зависимость от речевого контекста, в котором реализуется данное высказывание, а практически каждая речевая ситуация, с которой сталкиваются студенты, даёт возможность им для самовыражения, стимулирует их к осознанным, мотивированным речевым действиям.

Список литературы

1. Батаршев А.В. Психология личности и общения / А.В. Батаршев.– Москва: Владос, 2003. – 248 с.
2. Зарецкая Е.Н. Теория и практика речевой коммуникации / Е.Н. Зарецкая. – Москва: Эксмо, 1999. – 480 с.

УДК 81.344

ЗВУКОВОЙ ПОВТОР С ПОЗИЦИЙ ФОНОСЕМАНТИКИ

Светличная В.Ю.
ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики», г. Донецк, РФ
v.y.svet@mail.ru

В последнее время стремительно возрастает научный интерес к порождению образно-ассоциативных связей посредством звукового орнамента текста. Довольно сложная способность звуков вызывать широкий спектр эмоций, а также различные слуховые, зрительные, осязательные, обонятельные, вкусовые отклики получила название звукового символизма.

Первая попытка классифицировать звуки в зависимости от впечатлений, которые они вызывают, была предпринята в Древней Руси в XII в. монахом Ефимием, который, принимая во внимание качественную характеристику звуков, оценки и коннотации, связанные с ними, разделяет их на шесть групп: «грусни» (все гласные звуки), «грубы» (*б, в, г, д*), «громны» (производящие впечатление грохота и шума *к, п, р, т*), «натужны» (трудные для понимания *л, м, н*), «немы» (вызывающие ассоциативные связи с наговорами, сплетнями и доносами *з, с*) и «шепетливы» [4, с. 421]. Позже М. В. Ломоносов в «Кратком руководстве по красноречию» обратил внимание на то, что некоторые звуки способны вызывать определённые ассоциации: «В российском языке, как кажется, частое повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха; учащение письмен *е, и, ѣ, ю* – к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; чрез *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; чрез *о, у, ы* – страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль. Из согласных письмен твёрдые *к, п, т* и мягкие *б, г, д* имеют произношение тупое и нет в них ни сладости, ни силы, ежели другие согласные к ним не припряжены, и потому могут только служить в том, чтобы изобразить живяе действия тупые, ленивые и глухой звук имеющие, каков есть стук строящихся городов и домов, от конского топоту и от крику некоторых животных. Твёрдые *с, ф, х, ц, ч, ш* и плавкое *р* имеют произношение звонкое и стремительное, для того могут спомоществовать к лучшему представлению вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных. Мягкие *ж, з* и плавкие *в, л, м, н* имеют произношение нежное и потому пристойны к изображению нежных и мягких вещей и действий, равно как и безгласное письмя *ь* отончением согласных в средине и на конце речений» [1].

На рубеже XIX–XX веков гипотезой о связи между звуком и смыслом заинтересовывается всё больший круг учёных. К исследованиям

данного феномена подключились психологи, увидевшие в звуковом символизме проявления синестезии (феномена, при котором соединяются не всегда несовместимые сигналы разных органов чувств, например, ощущение цвета или звука на вкус). Активное изучение связи звука и смысла слова привело к формированию новой отрасли лингвистической науки – фоносемантики, основателем которой считают исследователя проблем звукосимволизма С. В. Воронина. Образовавшаяся на стыке фонетики (в плане выражения), семантики (в плане содержания) и лексикологии (в совокупности этих планов) фоносемантика также неразрывно связана с психолингвистикой и ставит своей целью изучение звукоизобразительной системы языка.

Основываясь на результатах исследований в данной области, учёные создали качественные фоносемантические шкалы (размер, форма, сила, активность, температура, оценка, вкус, цвет, свет, скорость и др.), которые позволяют оценить воздействие звуков на психическое состояние человека, критерии фоносемантического анализа текста. Так, исследователями установлено, что с округлостью, темнотой в цвете, темнотой в интенсивности света и медлительностью регулярно ассоциируются звонкие согласные и низкие гласные, а с остроконечностью, яркостью в цвете, яркостью в интенсивности света и быстротой – звонкие согласные и высокие передние гласные [5].

На основе исследований в области фоносемантики разработаны компьютерные программы (Пси-офис, Диатон, ВААЛ), предназначенные для определения фоносемантического значения сообщения, позволяющие анализировать тексты, выявлять повторяющиеся фрагменты или вложенные слова и фразы, имеющие суггестивное значение, а также прогнозировать и создавать тексты с эффектом неосознаваемого воздействия на реципиента.

Фоносемантика продолжает своё активное развитие, а открывающиеся её грани важны не только с научной точки зрения, т. к. прикладной характер этой дисциплины демонстрирует положительный и устойчивый результат на уровне художественных произведений, публицистики и маркетинга. Например, в брендинге и нейминге активно используется обоснованное положение учёных о том, что некоторые слова, не имеющие смысла, но включающие в свой состав определённые звуки, их сочетания и дублирование, являются удачными наименованиями для некоторых объектов, тем самым подсознательно настраивая конкретные сенсорные ожидания в сознании потребителей, оказывая влияние на их мнение и поведение, а также повышая лояльность к бренду (продукту, фирме). Основы фоносемантики используются не только в практике современного брендинга и нейминга. Так, знания о том, что гласные [o], [u] и [a] ассоциируются с большими и круглыми объектами, а [i] – с маленькими и острыми, используются (возможно, неосознанно) при выборе имени персонажа (напр., *Микки* и *Гуфи, Бим* и *Бом*) [2, с. 178–179]. Эксперименты со значением звуков также нашли своё отражение в произведениях поэтов-

символистов (К. Д. Бальмонта, Андрея Белого, Велимира Хлебникова). Кроме того, фоносемантический компонент активно используется с целью привлечения внимания читателя в публицистике. Например, грамотно подобранный фоносемантический компонент позволяет автору газетной статьи преподнести свою публикацию с наиболее выгодных позиций, побуждая тем самым к прочтению именно её и приобретению именно того издания, в котором она опубликована [3, с. 108].

Правильно подобранные, с точки зрения фоносимволизма, единицы речи оказывают нужное влияние, однако не каждый реципиент способен распознать и воспринять звуковую символику, заложенную автором в тексте. Для того, чтобы звуковое оформление сообщения создало задуманное автором впечатление, «нужные» звуки должны быть замеченными, создавать некоторую избыточность, т. е. повторяться, т. к. структурная активность и заметность того или иного элемента становится возможной именно в случае его нарочитого «сгущения» в употреблении.

Список литературы

1. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая, в которой содержится риторика, показующая общие правила обоего красноречия, то есть оратории и поэзии, сочинённая в пользу любящих словесные науки / М. В. Ломоносов // Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 89–378. – URL: http://www.rgo-sib.ru/book/kniga/252.htm (дата обращения: 05.08.2021).
2. Раевский А. Е. Звуковой символизм как полимодальный когнитивный феномен / А. Е. Раевский, Нобуюки Сакаи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2020. – № 10 (839). – С. 174–184.
3. Рогожина Г. С. Фоносемантика газетного заголовка / Г. С. Рогожина // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2012. – № 1. – С. 104–112.
4. Хрестоматия по истории русского языкознания / под ред. Ф. М. Березина. – Москва: Высшая школа, 1977. – 440 с.
5. Шляхова С. С. Звукосимволизм как NBIC-технологии: прагматика звукосимволизма гласных и согласных / С. С. Шляхова, В. А. Ташкинова // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 3. – С. 8–19.

УДК 808.5

ВОПРОС О СРЕДСТВАХ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ К СТИЛИСТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ ТЕКСТА В РАМКАХ ЕГЭ

Субботина М.В., канд. филол. наук, доц., ***Морозова Е.В.***
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
subbo-igor@yandex.ru

Новое задание № 1, появившееся в КИМах по русскому языку в 2021 году, поставило перед учителем задачу подготовить выпускников к

комплексному анализу текстов, относящихся к разным функциональным стилям. Ученики должны теперь не только знать типы речи и средства выразительности, но и хорошо представлять себе характерные признаки книжных и разговорных стилей.

Как показала практика, трудности при определении стилевой принадлежности текста нередко создает использование в нем тех или иных средств выразительности. Наличие в тексте сравнений, метафор, эпитетов нередко подталкивает школьников к неверному ответу, поскольку использование подобных тропов у многих выпускников ассоциируется только с художественными произведениями. Поэтому представляется необходимым в процессе подготовки к ЕГЭ внести ясность в характер тропов и закономерности их использования в текстах разных стилей.

Подчеркнутая объективность, безэмоциональность, четкость и предельная точность изложения, характерные для научного стиля речи, казалось бы, исключают использование слов, употребленных в переносном значении. И действительно, термины, возникшие как результат вторичной номинации (*книжка – отдел желудка жвачных животных; пестик – часть цветка, образованная одним или несколькими сросшимися плодолистиками; сумка – небольшая уплощенной формы полость, отграниченная от окружающих тканей капсулой*), пережили процесс деметафоризации. Следует обратить внимание на то, что подобные слова в анализируемом тексте становятся наименованиями научных понятий и образуют терминологические системы. Но ученикам необходимо дать представление и о научно-популярном стиле, который используется для написания произведений, ориентированных на широкую аудиторию. Стремясь заинтересовать своих читателей и облегчить восприятие научной информации, автор нередко прибегает к различным средствам выразительности, в том числе к тропам и фигурам речи.

Например, к эпитетам: *На одиноком, осиротелом языке, не похожем ни на какой другой, говорят баски – народ, что живет на границе Испании и Франции* [1, с. 27].

Чаще всего выпускники путают тексты, относящиеся к художественному стилю, и авторскую публицистику. И в том, и в другом случае они обнаруживают в тексте разнообразные тропы и фигуры речи.

Например, в художественном тексте *«Что за сладкая музыка, что за возносящая боль, что за очищающее томление – стоять на площади, у собора, и внимать вам, среброголосым, и плыть, плыть в распинающих душу теплых звуках…»* [2, с. 25] мы видим разнообразные эпитеты (*сладкая музыка, возносящая боль* и др.), метафору (*плыть в теплых звуках*), анафору (*что за музыка, что за боль, что за томление*).

А в публицистическом тексте *«Во время перерыва на обед или вечером, когда жена Виктора уже спит, он садится за клавиатуру, входит в Интернет и начинает грызть науки в том месте, которое ему обозначил профессор, стоящий на кафедре в миллионе километров от его*

дома» [2, с. 121] встречается фразеологизм (*грызть гранит науки*), метафора (*входит в Интернет, садится за клавиатуру*), гипербола (*в миллионе километров*).

В публицистическом тексте можно обнаружить не только эпитеты, метафоры, сравнения, олицетворения, но и различные риторические фигуры, градацию, парцелляцию. Но все эти средства выразительности будут направлены не на создание образной системы, воздействующей на чувства и воображение читателя, как в художественной прозе, а способствовать внедрению в сознание читателя определенной идеи, информированию и убеждению его в правоте авторской позиции, выраженной прямо. На наш взгляд, последнее обстоятельство ученик и должен учитывать прежде всего. Задания, предполагающие сопоставительный анализ подобных текстов, помогут учащимся увидеть принципиальную разницу в целях использования средств выразительности в публицистических и художественных текстах.

Отдельного внимания заслуживают фрагменты, представляющие собой отрывки из художественной прозы и в то же время являющиеся иллюстрацией разговорной речи в условиях непосредственного общения:

– Ты чего там елозишь? – хрипло спросила из темноты бабушка – В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

– Не-е, – откликнулся я. – Сон приснился… [3, с. 46].

В таких текстах возможно обнаружение оценочных эпитетов, метафор (*Он – хитрая лиса!*), сравнений. Все они, как правило, выражают негативную оценку лиц и событий. Употребление восклицательных и вопросительных предложений, а также неполноструктурность не более чем стилевые особенности этой функциональной разновидности.

Что же касается официально-делового стиля речи, отличающегося сухостью и стандартизованностью изложения, в определенных документах можно выделить наименования механизмов, их частей или самих процессов, возникших в результате вторичной номинации (ползун – звено, совершающее поступательное движение относительно стойки; вулканизация – технологический процесс взаимодействия каучуков с вулканизирующим реагентом). В этом случае надо сделать акцент на включение выделенных слов в текст документа и ярко выраженную деметафоризацию.

Чтобы выпускники смогли успешно выполнить данное задание, учителю необходимо:

1) объяснить отличие разных стилей речи друг от друга, предоставить готовый теоретический материал с примерами;

2) научить определять тему, идею текста, тип речи;

3) научить выделять функции, цели и стилевые черты текста; находить средства художественной выразительности и индивидуально-авторские стилистические особенности текста;

3) составить банк текстов разных стилей, так как в учебниках русского языка в основном представлены тексты художественной литературы;

4) выполнять не только комплексный анализ выбранных текстов, но и использовать разнообразные традиционные и нетрадиционные упражнения по отдельным частям задания.

Следует отметить, что работу необходимо проводить систематически, начиная с 5 класса, каждый год дополняя и усложняя материал.

Список литературы

1. ЕГЭ 2022. Русский язык. Сборник заданий и методических рекомендаций / Г. Т. Егораева. – М.: Издательство «Экзамен», 2022. – 447 с. – ISBN 978-5-377-17231-4.
2. ЕГЭ 2022. Русский язык. Типовые варианты экзаменационных заданий / И. П. Васильевых, Ю. Н. Гостева. – М.: Издательство «Экзамен», 2022. – 152 с. – ISBN 978-5-377-17250-5.

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА КАК ОДНА ИЗ ВАЖНЕЙШИХ СОСТАВЛЯЮЩИХ ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Суслова И.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
irina.al.su@mail.ru

Введение. Понятие картины мира является одним из фундаментальных понятий в науке вообще, отражает мироощущение человека, его представления о мире, о себе в этом мире, его взаимодействие с миром, является универсальным посредником между разными сферами человеческой культуры и выступает средством интеграции людей в обществе. Временем возникновения термина *картина мира* считают начало XX века – 1914 год. В современной лингвистике картина мира – это целостный образ мира, который является результатом духовной, ментальной жизни человека. Это уникальная психическая организация отдельного человека с его собственным мироощущением, представлениями о мире, природе и жизни в обществе. В формировании картины мира участвуют все стороны психической деятельности человека. В картине мира отражается наиболее древняя форма общественного сознания. Следует отметить, что набор функций, присущих картине мира, обусловливается самой природой мировосприятия именно потому, что картина мира и есть его составляющая. Картина мира – это не только процесс наблюдения, анализа окружающей действительности, но и результат – итог – данного восприятия. Из этих процессов и проистекает интерпретационная функция картины мира. Благодаря картине мира человек находит своё место в жизни, учится выстраивать отношения, позиционирует себя как личность.

Основная часть. Поскольку одной из реализаций картины мира является её реализация в языке, то необходимо выделить её особую

разновидность – языковую. Языковая картина мира (ЯКМ) стала предметом рассмотрения в трудах Вильгельма фон Гумбольдта – одного из самых авторитетных лингвистов-теоретиков XIX века языковая картина мира – это система представлений об окружающей действительности, сложившаяся в обществе на протяжении столетий под влиянием внешних и внутренних факторов, представляющих ценности нации, материальные и духовные, закреплённые в сознании определённого социума. Эти процессы отражаются в концептуализации действительности социума. Понять характер народа, его менталитет, значит уловить его особенности, социально-психологические черты, которые вырабатывались у народа под влиянием исторических процессов, климата, географического положения, традиций, образа жизни, религии и т. д. Естественно-логическим продолжением картины мира является языковая картина мира, формирующаяся вместе с обществом, меняющаяся вслед за изменениями, происходящими в социуме и, наконец, в полной мере отражающая всё осознанное и только концептуализирующееся в недрах сознания нации. Язык играет одну из важнейших ролей в функционировании картины мира. Язык – это субъект и объект самого понятия языковая картина мира. Без языка невозможно развитие ЯКМ. Языковая картина мира выражается посредством различных языковых средств. Язык выражает разные картины мира, используя специальную лексику, таким образом закрепляя эти картины мира в сознании человека.

Огромное значение для развития современных подходов к изучению языковой картины мира имеют исследования академика Ю. Д. Апресяна. Он указывает, что исследования ведутся в двух направлениях:

- исследуются отдельные концепты, характерные для данного языка, например, типично русские концепты, душа, судьба, тоска и др.
- ведётся поиск и реконструкция присущего языку цельного донаучного взгляда на мир.

Актуальным является исследование индивидуальных языковых картин мира. Наиболее яркие примеры таковых – языковые картины мира писателей и поэтов.

Языковая картина мира писателя определяется как индивидуально и творчески воплощенное в слове представление о мире, пропущенное через призму сознания автора, как внутренняя духовная действительность, которую автор стремится воплотить в своих произведениях.

Лингвокогнитивные подходы к изучению языковых единиц были описаны целым рядом языковедов.

Например, для характеристики научных направлений в отечественной когнитивной лингвистике Е. Ю. Балашова [2, с. 6] выделяет два основных подхода: **лингвокогнитивный** и **лингвокультурный.**

Лингвокультурный подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы – от культуры к сознанию. По мнению Е. Ю. Балашовой, исследованиями в рамках данного метода занимались

следующие учёные: Ю. С. Степанова, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, Н. Ф. Алефиренко и др. Этот подход определяет концепт как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентом, с преобладанием последнего (В. И. Карасик). Также Е. Ю. Балашова выделяет **психологический, психолингвистический, нейропсихолингвистический, семантический, логико-понятийный, логический** анализ культурных концептов и подход в рамках традиционной лингвистики, отождествляющий термины «понятие» и «концепт» [2, с. 6]. Учёные считают, что можно говорить, по крайней мере, о следующих пяти направлениях в когнитивной лингвистике: культурологическом, лингвокультурологическом, логическом, семантико-когнитивном, философско-семиотическом.

Можно говорить также о существовании групповых концептосфер. Все концептосферы представляют интерес для когнитивной лингвистики. В связи с этим целесообразно сопоставлять групповые и индивидуальные концептосферы с национальной концептосферой, групповые концептосферы с индивидуальными, групповые и индивидуальные концептосферы друг с другом и т. д.

Заключение. Когнитивная лингвистика (и работы по изучению и формированию языковой картины мира современного человека, в частности) вне всякого сомнения получит широкое применение и в сугубо прикладных направлениях работы с индивидуумом, поскольку именно это направление имеет перспективу воздействия как на отдельную личность, так и на общество в целом, что в сложившихся исторических реалиях имеет чрезвычайно важное значение.

Список литературы

1. Апресян Ю Д. Образ человека по данням языка: попытка системного описания / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37–67.
2. Балашова Л. В. Общественно-политическая лексика как источник метафоризации вне политического дискуса / Л. В. Балашова // Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 21-42.
3. Брутян Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Философские науки. – 1973. – №1. – С. 108-110.
4. Будагов Р. А. Писатели о языке и язык писателей / Р. А. Будагов. – Москва: Изд-во МГУ, 1984. – 280 с.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт. – Москва: Прогресс, 1984. – 398 с.
6. Кочнова К. А. Языковая картина мира писателя: аспекты и методы исследования // К. А. Кочнова. – Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – №3. – С. 53-56.
7. Лихачев Д. С. Русская словесность: Антология / Под ред. В. П. Нерознака. – Москва: Academia, 1997. – С. 280-287.

История русской литературы и теории словесности

УДК 882

АНТРОПОНИМЫ В РАССКАЗЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АЛЕША ГОРШОК»

Борисова У.Ю., канд. филол. наук
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
ulianaborisova91@gmail.com

Введение. Анализ антропонимов в художественном тексте – важный аспект исследования поэтики произведения, позволяющий выявить картину мира писателя. При изучении антропонимов в произведениях Л.Н. Толстого исследователи преимущественно отдают предпочтение его романам. В меньшей степени ономастическому анализу подвергаются народные рассказы писателя, чем обусловлена актуальность данной работы.

Цель настоящего исследования – рассмотреть антропонимы в рассказе Л. Н. Толстого «Алеша Горшок» с позиции определения их форм, семанитики и функционирования.

Основная часть. Имена собственные в художественном тексте обозначают «индивидуальные предметы безотносительно к их признакам» [1: 169] и обладают особой семантической значимостью. В антропонимике принято выделять ряд функций имен собственных в художественном произведении: «номинативная, идеологическая, характеризующая, эстетическая, символическая» [2: 63] и другие. Основными (помимо номинативной) функциями антропонимов можно считать: 1) характеризующую («говорящие» имена и фамилии, например, Скотинин, Милон, Стародум в «Недоросли» Д. И. Фонвизина); 2) предуведомительную (прогнозирующую) функцию, при которой в антропониме заложена подсказка относительно поведения, судьбы героя или указание на его роль в судьбе других персонажей (например, Ольга *Ильинская – Илья* Обломов. Встреча с героиней стала решающей в судьбе героя); 3) аллюзийную функцию, т.е. «функцию отсылки к другим текстам, благодаря которой расширяется план содержания текста, создается предпосылка для выражения концептуальной информации» [3: 584] (например, имена героев в пьесе Л. Н. Толстого «Живой труп» – Виктор Каренин, Анна Каренина – отсылка писателя к своему же роману «Анна Каренина» с целью показать безнравственность поведения персонажей в ситуации разрушения брака).

Употребление антропонимов в произведениях Л. Н. Толстого представляет большой интерес для филологов и лингвистов. В разных произведениях по-разному мотивирован выбор имен героев, а где-то эта

мотивированность до конца не определена (в романе «Война и мир» все любимые герои автора названы русскими именами, но наиболее близкий Л.Н. Толстому персонаж именован на французский манер – Пьер, наравне с отрицательными Элен и Анатолем).

В народном рассказе «Алеша Горшок» (1905) мотивированность выбора антропонимов более очевидна. Данное произведение Л.Н. Толстой создал в рамках агиографической (житийной) традиции. На нескольких страницах писатель рассказал историю жизни «святого дурачка» Алеши, который будучи крестьянским мальчиком, посвятил всю свою жизнь безответному служению другим людям, при этом в своей простоте и кротком смирении сумел познать чистоту совести, внутренний свет и совершенный покой (что оказалось недоступно самому автору).

Рассказ об Алеше Горшке есть не что иное, как смешение житий святого и юродивого. Выбор имени героя в данном контексте мотивирован аллюзийной функцией, отсылающей читателя к житию Алексея (Алексия) человека Божия, в котором обнаруживается не только тезоименитство героя рассказа Л.Н. Толстого и византийского святого, но и ряд деталей и сюжетных мотивов.

Алексей человек Божий носит церковное полное имя, которое в переводе с греческого означает «защитник». Имя же главного героя рассказа Л.Н. Толстого встречается в нескольких формах: Алешка, Алеша, Алексей. Каждая форма имени имеет особую эмоциональную окраску и сюжетно мотивирована. Форма имени Алешка образовано при помощи уменьшительно-ласкательного суффика -к-, который добавляет слову смысловой оттенок уменьшительности или уничижения. В рассказе «Алеша Горшок» данный антропоним употребляется в обоих значениях. В начале рассказа, когда мы узнаем о детстве героя от рождения до девятнадцати лет, Л.Н. Толстой называет героя Алешкой, тем самым указывая на юный возраст героя и его положение в семье: «*Алешка* (курсив – У.Б.) был меньшой брат» [5: 196]. Далее, повествуя о жизни своего праведника в городе, писатель лишь раз именует его Алешкой, указывая на пренебрежительное отношение к нему хозяев: «Ты что ж это, *Алешка,* забыл, что ль?» [5: 197].

Наиболее употребительный антропоним в рассказе – Алеша. Это краткая форма имени Алексей, нейтральная по эмоциональной окраске, предназначенная для бытового общения близких или хорошо знакомых людей. Так героя называют и купец, и купеческая жена, и Устинья, и повествователь, указывая на отношение к герою как простому, добродушному, глуповатому юноше.

Полную форму имени – Алексей – Л.Н. Толстой использует лишь дважды. Писатель не вкладывает ее в уста какого-либо из персонажей, а посредством повествователя акцентирует внимание читателей на значимости описываемого события и напряженности в отношении купца и купеческой жены к Алеше, выраженной в использовании официального дистанцирующегося полного имени Алексей: «Купцова жена узнала, что

Алексей задумал жениться на Устинье, и ей не понравилось это. «Забеременеет, с ребенком куда она годится». Она сказала мужу. Хозяин отдал деньги *Алексееву* отцу» [5: 199]. Употребление данного антропонима еще в большей степени сближает героя рассказа с Алексеем человеком Божьим. В ночь после обручения святой оставил свою молодую жену, так и не ставшую ему супругой по плоти. Таким образом, антропоним Алексей, упомянутый накануне самого важного и трагичного события в жизни героя (запрет на женитьбу), выполняет предуведомительную функцию, прогнозируя одинокую праведную жизнь героя. В контексте несостоявшейся женитьбы стоит упомянуть антропоним Устинья, который также выполняет аллюзивную функцию. Известна святая Устинья (Иустина), бывшая замужем за Киприаном (священномученником), которая жила с мужем как брат с сестрой, в духовном браке. Кроме того, антропоним Устинья появляется лишь в момент обнаружения Алешей в своей душе новых чувств (до этого она трижды названа лишь кухаркой). Номинация героини, выделение ее из ряда безымянных персонажей происходит в связи с обретением значимости в жизни главного героя.

Заключение. Жить необходимо в соответствии с христианскими заповедями, по законам нравственности, ведь «как здесь хорошо, коли слушаешь и не обижаешь, так и там хорошо будет» [5: 200] – к такой мысли приводит Л.Н. Толстой своих читателей. Понять эту идею помогают антропонимы, которые оказываются семантически осложненными благодаря своим аллюзивным и прогнозирующим функциям.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1966. –
2. Бандалетов В. Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. №2101 «Рус. яз. и лит.» / В. Д. Бандалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Лаврова Н. Н. Антропонимы в рассказе «Франсуаза» и в пьесе «Живой труп» Л. Н. Толстого (к столетию со дня смерти писателя) / Н. Н. Лаврова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2010. – №4 (2). – С. 584-586.
4. Терешкина Д. Б. Интертекст «Четьих-Миней» в рассказе Л. Н. Толстого «Алеша Горшок» / Д. Б. Терешкина // Вестник Московскго государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – М.: Изд-во МГГУ им. М. А. Шолохова, 2005. – № 2. – С. 31-38.
5. Толстой Л. Н. Алеша Горшок / Л. Н. Толстой // Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 14. – С. 196-200.

УДК 82 – 992

ПУТЕШЕСТВИЕ КАК МЕТАЖАНР: ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ

Губарева М.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
Marina.gubareva96@mail.ru

Введение. Вопрос о жанровых границах и признаках путешествия в современном литературоведении до сих пор остаётся открытым, что связано со сложностью и синкретичностью изучаемого объекта. Внимание специалистов, в основном, сосредоточено на проблеме принятия/отрицания статуса путешествия как самостоятельного жанра художественной литературы.

Основная часть. Мнения исследователей условно можно разделить на два лагеря: первая группа учёных – В.А. Михельсон, В.А. Канторович, Г.Н. Поспелов, Б.О Костелянец, не рассматривает путешествие в качестве отдельного, самостоятельного жанра, так как в форме путевых записок может быть реализован любой эпический жанр [1, с. 8].

Вторая группа – В.А. Михайлов, В.М. Гуминский, М.Г. Шадрина, В.А. Шачкова – утверждает статус путешествия как самостоятельного жанра художественной литературы, выделяя в нём комплекс жанрообразующих особенностей [2, с. 11].

На наш взгляд, целесообразно определить путешествие как особое метажанровое образование или жанроид, понимаемый как переходная форма, расположенная в межжанровом дискурсивном пространстве и обладающая рядом специфических отличительных черт.

Наиболее характерной чертой путешествия является его способность к синтезу жанровых форм, а также их трансформация в единое гармоничное целое. Наглядно отображает принцип синтеза синкретизм «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, где чётко прослеживается три повествовательных модели:

1) лирическая: «Отчего сердце моё страдает иногда без всякой известной мне причины? Отчего свет помрачается в глазах моих, тогда как лучезарное солнце сияет на небе?» [3; 139],

2) очерковая: ««Кенигсберг, столица Пруссии, есть один из больших городов в Европе, будучи в окружности около пятнадцати верст. Некогда был он в числе славных ганзейских городов» [3; 46],

3)аналитико-публицистическая: «Говорить ли о французской революции?...Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных французов, которые славились своею любезностию и пели с восторгом от Кале до Марсели…История не кончилась, но по сие время французское дворянство и духовенство кажутся худыми защитниками трона» [3; 120].

Ещё одной специфической особенностью литературного путешествия является дихотомия восприятия, а именно: противопоставление автором «своего» «чужому» в процессе странствий.

Следующей особенностью закономерно назвать образ автора – рассказчика, выступающего связующим звеном сюжета и повествования.

Важно заметить, что в путевой литературе воля повествователя в контексте выбора изображаемых акцентов практически не ограничена. Эта отличительная черта жанроида выражена В.М. Гуминским в идее «свободы» автора. Однако во избежание неверного понимания, исследователь уточняет: «Свобода не отменяет композиционной стройности и соотнесённости частного с целым. Все разновидности подчинены законам жанрового единства» [4, с. 43].

К законам жанрового единства, прежде всего, относится такая структурная особенность путешествия как наличие маршрута, заранее намеченного или установленного пути следования. Также к ним относятся довлеющая роль пространства над временем и прямое линейное построение событийного ряда. В этом контексте «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина [3] тем более интересны, что за одно путешествие автор посетил 4 страны, о городах которых последовательно излагает впечатления.

Однако всякое путешествие по своей природе отличает двуплановость, выраженная в наличии внешнего и внутреннего плана произведения. Внешний план путешествия соотносится с активным передвижением героя в пространстве новой местности, внутренний же напротив: соответствует выражению переживаний и чувств странствующего героя.

Следует выделить важнейшую особенность, связанную с не тождественностью терминов «поездка» и «путешествие. Как справедливо замечает А.А. Кораблёв, «Поездка –это выбранное или вынужденное движение из пункта А в пункт Б, которое не является событием в жизненном сюжете. Путешествие – это всегда больше, чем перемещение в пространстве; это ещё и ответное, внутреннее движение – духовное, душевное, смысловое. Именно они делают поездку путешествием» [5, с.136]. Так, жанроиду путешествие присуща духовная и душевная, а нередко и интеллектуальная эволюция главного героя.

Несмотря на оригинальность и собственный опыт каждого автора путешествия, в нём существуют некоторые распространённые мотивы или же так называемые «дорожные ситуации». Подробно изучает их В.А. Шачкова, которая заключает: ««Текст путешествия состоит из событий и ситуаций, формирующихся вокруг двух основных пространств – пространство дороги (процесса перемещения, плавания по морю) и города (любых пунктов, где на более или менее долгое время останавливается герой)» [2, с.4]. В «Письмах…» Н.М. Карамзина содержится множество упоминаний о подобных ситуациях, начиная от невозможности осуществить

морскую поездку из Петербурга в связи с недействительностью полученного в Москве паспорта для данного вида путешествий и заканчивая многочисленными описаниями театров, библиотек, трактиров, корчм и кофеен, посещённых автором. Н. Карамзин сообщает: «В корчмах находили мы по сие время, что пить и есть: суп, жареное с салатом, яйца; и за это платили не более, как копеек по двадцати с человека. Есть везде кофе и чай; правда, что всё не очень хорошо!» [3, с. 15]. Подобные впечатления рассказчика встречаются на протяжении всего произведения. К ним относятся также упоминания о пребывании в гостиницах Берлина, информация о ценах на товары в Швейцарии и т.д.

Заключение. Итак, жанрообразующие аспекты формы и содержания путешествия – сложное взаимодействие документальных, художественных и фольклорных форм, объединённых образом путешествующего героя.

Под путешествием мы понимаем особое метажанровое образование, обладающее рядом формальных (внешних) и содержательных (внутренних) особенностей, к главным из которых относятся последовательное передвижение героя рассказчика согласно определённому маршруту, отличающееся высокой степенью событийности, описательности и динамизма, а также непременно вызывающее душевный отклик главного героя, способствующий его личностной эволюции.

Список литературы

1. Поспелов Г. Н. К проблеме содержания и формы // Красная новь. – 1925. – № 5. – С. 245-262.
2. Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник ННГУ. – 2008. – № 3. – С. 277-281.
3. Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Письма 1–50 // Н. М. Карамзин Избранные сочинения в двух томах. – М.; Л.: Художественная литература, 1964. – Т. 1. – С. 79–215.
4. Гуминский В. М. Проблема генезиса и развития жанра путешествий в русской литературе: Дис канд филол наук. – М., 1979. – 184 с.
5. Культура в фокусе научных парадигм [Текст]: Материалы IV Международной научно – практической конференции (Донецк 6-7 апреля 2016 г.)/ научн. Ред. Кравченко О. А., Каина Н. Е. – Донецк: ДонНУ 2016 – Вып. 4. – 312 с.

УДК 82.02

ПОЭТЫ-ТРАДИЦИОНАЛИСТЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Даренский В.Ю., д-р филос. наук, доц.
Луганский государственный педагогический университет, г. Луганск, РФ
darenskiy1972@rambler.ru

Среди основных направлений поэзии Серебряного века до настоящего времени «не находится места» целому ряду очень значительных поэтов, которые сознательно придерживались традиций русской класси-

ческой поэзии XIX века и поэтому не соответствовали тем признакам, которые присущи авторам Серебряного века. Как правило, поэтика Серебряного века, при всем разнообразии её авторов, в целом рассматривается как русский литературный модерн. На этом фоне авторы, которых можно назвать «традиционалистами», оказываются под вопросом: можно ли их относить к Серебряному веку вообще? Классическим примером является И.А. Бунин. Наиболее корректным является подход, согласно которому, эпоха Серебряного века в силу своей тяги к культурному универсализму, органически включает в себя все художественные направления этой эпохи без исключения, даже если они и не соответствуют тем её тенденциям, которые принято выделять как основные и определяющие.

Тем самым, и И.А. Бунин, и другие поэты традиционного направления – это тоже Серебряный век, но его иное измерение. Вполне естественно, что далеко не все поэты той эпохи были подчинены «веяниям времени», но многие по складу своего характера и творчества были в первую очередь продолжателями классической традиции, и именно в этом и их ценность. Характерно, что центральное положение фигуры А. Блока в поэзии Серебряного века обусловлено именно тем, что он органически соединил в себе все новейшие веяния символизма, импрессионизма, декаданса и др. – с той классической поэтикой «гармонической точности» (Л. Гинзбург), которая доминирует в его самых лучших стихотворениях. У других же поэтов, которые являются «знаковыми» для Серебряного века, разрыв с классической традицией выражен намного сильнее. Но исключение в этом отношении составляют Н. Гумилев, А. Ахматова, В. Ходасевич и Г. Адамович, которых в целом можно назвать «неоклассиками».

В целом поэтическое мировидение Серебряного века определялось двумя взаимодополнительными тенденциями: 1) углублением внимания к лирическому «Я» и его самовыражению, что требовало изменения всего строя поэтической речи; 2) «тоска по мировой культуре» и стремление к культурному синтезу разных эпох в некий поэтический универсум. Естественно, что эти мотивы присутствовали и в эпохи Пушкина, Тютчева и Фета, однако тогда они еще не стали художественными доминантами. Поэзия «золотого века» стремилась к созданию поэтического бытия как объективного состояния мира, и этой цели было подчинено авторское «Я», не становившееся поэтому чем-то самодовлеющим, как это происходит позднее. Этой же цели было подчинено и усвоение поэзией инокультурных элементов, но оно еще не становилось специальной целью «синтеза культурных миров», как это затем происходило в символизме. Эти общие тенденции и отделили Серебряный век от «золотого» века классиков.

К числу ярко выраженных поэтов-традиционалистов, кроме уже названных авторов, можно отнести, в частности, Б.А. Садовского, Ю.Н. Верховского, С.Я. Маршака, А.А. Коринфского, С.Я. Парнок.

В.А. Зоргенфрея, Л.П. Гроссмана (позднее – известного литературоведа). Эти авторы считаются поэтами второго и третьего «ряда» – но во многом именно потому, что их поэтика считается «устаревшей», хотя по качеству поэтического текста они часто и не уступают более известным фигурам. Только И.А. Бунин в настоящее время оценен как один из главных поэтов той эпохи, противостоя господствующим в ней направлениям модернизма.

В особую группу поэтов-традиционалистов составляют поэты Белой идеи – Сергей Бехтеев, Николай Туроверов, Арсений Несмелов, Иван Савин (последний высоко оценен И.А. Буниным) и близкий им Владимир Палей. Предшественником этой группы традиционалистов не только по их поэтике, но и по мировоззрению следует считать поэта с псевдонимом «К.Р.» – великого князя Константина Романова. Особенность этих поэтов состоит в соединении традиционной поэтики с глубокой православной религиозностью и мощными гражданскими мотивами – но мотивами не «прогрессивными», а наоборот, антиреволюционными, православно-монархическими. По своему мировоззрению и поэтическому миру – это люди даже не XIX века, а века Державина или даже допетровской Руси. Но поскольку таким в начале XX века было мировоззрение и мирочувствие еще подавляющего большинства русского народа, то эти поэты, как это ни парадоксально на первый взгляд, являются поэтами народными в самом буквальном смысле слова – не в меньшей степени, чем Есенин.

Во второй XX века в рамках советской поэзии произошло мощное стихийное возвращение к поэтике «золотого века», к сознательной ориентации на Пушкина, Тютчева, Боратынского и Фета как поэтический «канон». «Знаковыми» фигурами в этом процессе стал поздний Н. Заболоцкий, а затем поэты «тихой лирики» (Н. Рубцов и др.). Однако на самом деле разрыва этой традиции не было, поскольку она продолжала существовать и в рамках поэзии Серебряного века. Но важным является вопрос о том, насколько эта традиция является универсальной и каковы причины «неистребимости» поэтического традиционализма? Возможный ответ на этот вопрос состоит в том, что в основе поэтического традиционализма лежит иная мотивация и вообще иной тип человека, чем в основе исторически сменяющихся литературных эпох. Главным мотивом поэта-традиционалиста является не «самовыражение», а поэтическое служение – восстановление гармонии бытия с помощью слова, при относительном равнодушии к собственному «Я». Тип человека, который именно так понимает поэзию, может быть определен как «человек традиции», устремленный не к «самовыражению», а к защите красоты.

Для определения специфики поэтики традиционализма, как нам представляется, наиболее целесообразно использовать термин «школа гармонической точности», в свое время предложенный Л. Гинзбург. По её определению, «школа “гармонической точности” – самое верное из возможных определений русской элегической школы. Здесь точность – еще не та предметная точность, величайшим мастером которой стал Пушкин в своей зрелой поэзии; это точность лексическая, требование

абсолютной стилистической уместности каждого слова» [1, с. 28]. Однако и по отношению к Пушкину и другим классикам понятие «гармонической точности» также является наиболее адекватным, хотя по отношению к ним становится более богатым по содержанию, включая в себя точность уже не только лексическую, но и смысловую. Как пишет Л. Гинзбург, «большие поэты умели сочетать узнаваемое с неожиданным. Эпигонам это было не по силам» [1, с. 47]. «Сочетание узнаваемого с неожиданным» – это одна из «формул» смысловой «гармонической точности».

Смысловая «гармоническая точность» в предметном отношении состоит в том, что «символический смысл мировых процессов увиден уже сквозь единичную вещь», причем это принцип классиков от позднего Пушкина и Тютчева – затем возрождается «в русской лирике XX века, особенно начавшей складываться после распада символизма» [1, с. 55]. Это наблюдение Л. Гинзбург принципиально важно – оно и указывает на факт непрерывности поэтики классиков – которую можно определять и как «поэтический традиционализм» – она остается некой константой, которая всегда существует параллельно любым модным влияниям, и к которой часто возвращаются и поэты, начинавшие как модернисты (характерные примеры – Н. Заболоцкий и Б. Пастернак). Иногда, наоборот, уходят от неё, как О. Мандельштам – вполне традиционалист в «ранний» период, но затем радикальнее всех строивший модернистскую образность.

Таким образом, поэты-традиционалисты представляют собой своего рода «другой Серебряный век», который был просто продолжением поэтики «золотого» XIX века и поэтому вообще не могут быть выделены в какую-то отдельную «эпоху». Поэтические эпохи выделяются по смене модных «течений» и стилей, но глубинная традиция не знает моды и, по сути, всегда остается одной и той же. Она требует иного понимания.

Список литературы

1. Гинзбург Л. Я. О лирике / Л. Гинзбург. – М.: «Советский писатель», 1974. – 408 с.

УДК 821.161.1

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И В. Г. БЕЛИСКИЙ: КОРРЕКТИРОВКА НАСЛЕДИЯ

Житкова Л.Н., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ
pnv1108@gmail.com

Введение. В литературоведении до сих пор остается доминирующим представление о Белинском как основоположнике реализма, что справедливо, а последним итогом эволюции его методологических

достижений считается принцип историзма, выходящий будто бы в социальную и политическую парадигматику, что в действительности глубоко проблематично [1, 2, 3]. На самом деле, для него остается более приоритетным эстетический критерий. «Никакое направление, – пишет Белинский в последней обзорной статье, – гроша не стоит без таланта», а талант творит по «инстинкту, темному, бессознательному чувству» [4, с. 368]. Статья со всей очевидностью демонстрирует незавершенность эстетико-методологических поисков критика. Об этом говорит ее первая теоретическая часть, вся составленная из открыто противоречащих друг другу тезисов, но также и вторая ее часть – практическая, с анализом романов Герцена «Кто виноват?» и Гончарова – «Обыкновенная история».

В идеале Белинский стремился к методологическому синтезу исторического и эстетического принципов, но цель эта не была достигнута им в силу ряда причин. Одна из них, в частности, – это абстрактно-универсальный характер историзма Белинского и не оформившиеся в систему его исторические знания. Очевидно и то, что он всегда понимал опасность идеологического давления на искусство, сознавая, что это может угрожать самой его природе. Видимо, необходимо было бы ради больших аналитических возможностей методологическим синтезом пренебречь ради более глубокого осмысления связи искусства с историей и самого механизма этой связи. Эту задачу решил Чернышевский.

Ко времени, когда Чернышевский пришел в некрасовский журнал «Современник» и возглавил отдел критики в нем, он был уже человеком со сложившимся мировоззрением достаточно радикального характера и вполне определившейся эстетической концепцией. В защищенной им в 1855 году магистерской диссертации выведено и сформулировано эстетическое триадическое ценностное кредо, согласно которому задачи искусства и его содержание заключаются в том, чтобы воспроизводить действительность, объяснять ее и выносить ей приговор, что, собственно, и должно было определять стратегию литературной критики, ее программу-максимум. Это была стратегия идеологического управления литературным процессом, вовлечения писателей в общественно-политическую жизнь.

Формула Чернышевского об отношении искусства к действительности, восходящая к Белинскому, содержит, однако, существенную трансформацию, во-первых, в виде дополнения элемента «приговора» и, во-вторых, иной интерпретации категории действительности. Если для Белинского «действительность» – это духовно-культурная сфера бытия, «умственные» интересы человечества, то для Чернышевского – это конкретно-реальная практика социально-политической жизни с назревшей задачей ее радикального переустройства, в чем литература должна была играть немаловажную роль. Но здесь перед Чернышевским возникает задача методологического значения: понять и реализовать теоретически и практически форму и способы взаимодействия с писателями и их творчеством. Стратегически определившись с самого начала, методологическую тактику критического поведения Чернышевский осваивал,

однако, эволюционно с учетом складывающихся в жизни и в литературе обстоятельств. Вначале, когда он писал рецензию на пьесу Островского «Бедность не порок» (1854), ему представлялось, что идея может прямо переключаться в образ, но при этом условием высокой художественности может быть только «правильная» (разумеется, как это мыслил сам Чернышевский), «качественная» идея. Пьеса Островского художественно ущербна, полагает автор рецензии, в силу именно утопического, славянофильского мировоззрения автора.

В контексте методологических поисков в работах Чернышевского актуализируется тема Гоголя, о котором после его смерти много писали. Он внимательно следил за всем, что выходило из печати о Гоголе, и откликался на эти материалы. Чернышевский хотел понять загадку совмещения в писателе, казалось бы, несовместимого, именно: «наивный идеализм» (религиозность) странным образом, с точки зрения критика, не «мешал» искусству Гоголя, не «убивал» в нем гениального художника. Загадка не была понята, хотя, в сущности, все объяснялось просто: Чернышевский в силу своих атеистических убеждений не смог бы допустить мысли о том, что именно религиозная философия и породила восхищавший Чернышевского целостный гоголевский художественный мир.

С середины 50-х годов литературный процесс в России набирает силу, в него один за другим вступают великие классики. Становится очевидным, что творчество большинства из них протекает совсем в ином направлении – не идеологическом, а общегуманистическом. В этих условиях необходимо было скорректировать тактику отношения к литературе, в результате чего Чернышевский отказывается от принципа диктата, еще даже не использовав его, и предпочитает не прямой, а опосредованный метод работы с литературой, используя ее факты и идеи для интерпретации современных событий, проецируя их (идеи) в жизнь, обнаруживая ее глубинные смыслы в образах и сюжетах литературных произведений.

Чернышевский обращает внимание, ~~как это ни странно на первый взгляд,~~ на молодого Л. Толстого с его автобиографическими и военными повестями и рассказами, которые, казалось бы, никаким образом с интересами Чернышевского не соприкасаются. Но он пишет на них рецензии (1856 год). Это был сугубо эстетический анализ без какого-либо акцента на содержании. Чернышевский сосредотачивается исключительно на психологизме Толстого, отмечая, что это психологизм нового типа, когда автор анализирует не отдельные психические состояния человека, а непрерывно длящийся, изменяющийся психический процесс.

В это же время в своей литературно-критической деятельности (середина 1850-х годов), продолжая обдумывать и нарабатывать свои подходы к литературе и опорные аналитические позиции, Чернышевский предложил также собственное осмысление истории новой русской литературы от Пушкина до Огарева в статье-рецензии «Стихотворения Н. Огарева» (1856 г.). Он поддержал наблюдения Белинского, увидевшего в

качестве одной из важнейших констант в историческом развитии русской литературы героя онегинско-печоринского типа, и продолжил эту линию Бельтовым и Рудиным – героями писателей нового поколения. Но Чернышевский совершил над ними смелую методическую манипуляцию, а именно: «переместил» их из художественной реальности в современную историческую реальность, переключив философского-эстетический анализ Белинского в логику публицистической проблематики и указав на общественный запрос на личность иного типа. «Мы ждем такого человека, – пишет Чернышевский, – и его речи бодрейшей … в которой слышалась бы не робость теории перед жизнью, а доказательство, что разум может владычествовать над жизнью и человек может свою жизнь согласить с своими убеждениями. Но до сих пор мы еще не дождались этого» [5, 14].

В рецензии этого же времени на сборник Салтыкова-Щедрина «Губернские очерки» Чернышевский, изучив всех его персонажей и сюжеты в интегративной тенденции под углом зрения воздействия на них разного рода внешних обстоятельств, показывает, что в силу реально действующего закона детерминизма возможно через образ героя выходить к образу мира в проблематику действительности. Следовательно, критик, не разрушая художественной целостности литературного произведения, не диктуя писателю волю и оставляя его в его творческой свободе, может решать и собственные, идеологические, цели и установки, произносить свой «приговор».

Так в конечном итоге оформилась аналитическая технология критического метода Чернышевского, закрепленная в термине «реальная критика». Анализ произведения в этой технологии строго соответствует трехэлементной эстетической системе Чернышевского и развертывается также в соответствующей последовательности трех элементов. Данная модель классически реализована в статье позднего периода (1858 год) «Русский человек на Rendez-vouz».

Первому логическому звену (что воспроизведено в произведении?) соотвествует размышление критика об интересе современной литературы к типу апатичной личности, каков главный герой повести Тургенева «Ася». Поскольку подобный личностный тип встречается как в других произведениях Тургенева, так и у Некрасова и других писателей, следует сделать вывод, считает Чернышевский, что это общеинтересное явление, значит сущностное и закономерное.

В дальнейшем анализе повести, на этапе «объяснения», задается вопрос о том, прав ли писатель, представляя своего героя в качестве типического явления времени. Ответ на этот вопрос мог бы дать сюжет героя, его биография и опыт жизни. Но дело в том, что в повести нет истории жизни героя – автора ее интересует исключительно психология и философия любви как таковой. В этом моменте цели и установки критика и автора расходятся: Чернышевский-критик начинает выстраивать собственный текст повести с расширенной сюжетной структурой, с другим уже, по существу, героем: обладая незаурядным беллетристрическим

талантом, он «дописывает» биографию героя и таким образом выходит в обстоятельства жизни до встречи его с Асей. Здесь специально подчеркнуто, что условия его жизни и воспитания не благоприятствовали развитию сильной воли и широких интересов, «привычки» к «участию в гражданских делах» – поэтому он «бессильно отступает от всего, на что нужна широкая решимость и благородный риск…» [3, с. 204]. Образ героя социально и политически типизируются: то, как описывает Чернышевский господина N, перенаправляет наше внимание на весьма конкретную политическую ситуацию, актуальную для самого Чернышевского и круга его единомышленников – среды радикальных разночинцев, завоевывавших для себя первое место в русской истории, когда наступало время решительных действий.

Третий элемент – «приговор» предполагает открытый и непосредственный выход критика к читателю с разъяснением своей идеологической программы – это именно та часть анализа, которая прямо вводит литературное произведение в контекст современной живой действительности. Так литературно-критическая статья, оставаясь в рамках своего жанра, приобретает одновременно черты публицистичности. Белинский уже начинал в свое время выстраивать подобный литературно-критический текст с двунаправленной функциональностью, например, в анализе «Обыкновенной истории» Гончарова («Вгляд на русскую литературу 1847 года»), в котором читатели Белинского явственно улавливали критику славянофильского романтизма.

В этой части статьи ставится вопрос о «беде» и «вине» героя. Были времена, когда действие оказывалось невозможным вследствие давления обстоятельств – это время снимало вопрос о вине», и нужно было говорить о «беде. Но, пишет Чернышевский, наступила «благоприятная минута», сложились «счастливые обстоятельства»: «Поймете ли вы требования времени, сумеете ли вы воспользоваться тем положением, в которое поставлены теперь – вот в чем теперь для вас вопрос …» [3, с. 210]. Это уже прямой призыв к действию, обращенный к современникам, действию, которое сейчас возможно и необходимо.

Заключение. Критический метод Чернышевского вводит, таким образом, литературу в жизненный контекст, наделяет ее функцией общественно-активного элемента, формирующего национальное сознание и самосознание. Абстрактно-просветительский историзм Белинского Чернышевский углубил до конкретного историзма, выработав системный механизм литературно-критической методологии, каковой не владел Белинский. Но, как и Белинский, Чернышевский сознавал, что исторический подход в литературе не является исключительно адекватным и чреват подменой смыслов. О его понимании того, что разбор повести Тургенева носит интерпретационный характер и не претендует на объективную полноту свидетельствует подзаголовок к статье «Размышление по прочтении повести Тургенева «Ася»».

В дальнейшем ученики и последователи Чернышевского, начиная с Добролюова, упростили и вульгаризировали его метод, что в конечном счете привело критику к жесткому социологизму, за что ответственны именно они.

Список литературы

1. Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России в середине XIX века / Б. Ф. Егоров – Л.: «Искусство», 1982. – С. 130-132.
2. Школьников В. В. Белинский и «конец искусства». Эстетика Гегеля и становление русского реализма / В. В. Школьников // Русский реализм XIX века. Общество, знание, повествование. – М.: НЛО, 2021. – С. 37-53.
3. Житкова Л. Н. Последняя статья Белинского: итоги или новые проблемы? // Дергачевские чтения – 2004. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы VII Всероссийской научной конференции, Екатеринбург, 2–3 октября 2004 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 37-40.
4. Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 8. / В. Г. Белинский. – М.: Художественная литература, 1981. – 783 с.
5. Чернышевский Н. Г. Литературная критика: в 2 т. Т. 2: Статьи и рецензии 1856-1862 годов / Н. Г. Чернышевский. – М.: Художественная литература, 1981. – 367 с.

УДК 821.161.1

Я. А. САТУНОВСКИЙ В ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ «ЗВЕЗДЕ» (1937–1938 гг.)

Зыкова Г.В., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
gzykova@mail.ru

Яков Абрамович Сатуновский в 1961-м так вспоминал о своем дебюте:

Мальчишкой я подхалтуривал
В области политической карикатуры.
Чемберлен, Бриан, Желтый Интернационал.
Бывало, не хуже Ефимова
кромсал их до единого.
Как бог черепаху, уродовал
врагов народа:
Бухарина, Радека, Сокольникова, Пятакова.
Халтурный художник,
поэт халтурный,
я не был бездарный,
я был бездумный.

Близкие Сатуновского, его младший брат Петр и племянник Леонид, вспоминали эти стихи как проявление нравственной честности. Л. Сатуновский приводит список псевдонимов, под которым дядя появлялся в «Звезде», и указывает время сотрудничества с газетой:

«…В январе 1937 г. <…> Яков становится ведущим и, практически, единственным автором рубрики “В шутку и всерьез”. В ней публикуются маленькие реплики на письма читателей, шаржи, <…> стишки и заметки, сопровождаемые незатейливыми рисунками. <…> На рисунках внизу в правом углу – греческая лямбда. Под заметками: Лямбда, Лямин, Лямин-сын, Кордовер, Я. Тонин, Як. Тонин, Як. Яковский… <…> Ляма – так называли в семье отца Якова, а Кордовер – девичья фамилия его матери <…>. Кроме этой рубрики в газете временами появляются поэмы и рассказы и под этими псевдонимами, и с подписью – Я. Сатуновский. Конечно, к литературе и к изобразительному искусству все эти произведения имеют опосредованное отношение <…> В 1938 году Яков оканчивает институт, получает распределение на работу, надобность в побочном заработке исчезает и к концу года публикации прекращаются…» [Сатуновский 2009]

Обращение к газете (в фондах РГБ) позволяет прокомментировать приведенные выше стихи Я. Сатуновского и рассказ Л. Сатуновского.

Примеров «политической карикатуры», принадлежащей Сатуновскому, в «Звезде» встречается мало (басня про «троцкиста-пса» 11 июля, «Историческая справка» 11 ноября 1937); этого немногого поэт, видимо, потом стыдился, потому и запомнил, – в основном юмористика бытовая, принадлежащая к той традиции стихового фельетона, из которой вырос Н.А. Некрасов. Заметная ее часть – перепевы, работающие как противоядие излишнему пафосу: «Июнь. Папанин, торжествуя, / На льдине обновляет путь…» (29 июня 1937 г.). Природа юмористического стихотворения «на случай» позволяла использовать интонации устной речи, уходить от клише. Получается, что яркие формулы позднего стихотворения, фиксируя правду личного воспоминания, неполно отражают факты 1937 г.

Некоторые приемы, разработанные во времена юношеской «халтуры», оказались востребованы «взрослым» Сатуновским. В манере ранних газетных рисунков, иногда портретных и острых, много общего с шаржами, которыми полны его письма1960-х гг. (см., например, шарж на В. Луговского – 17 января 1937 г.).

«Экономическое» объяснение ухода из «Звезды» тоже, думается, не вполне точно. Рубрика «В шутку и всерьез» во второй половине 1937 г. встречается в «Звезде» все реже и теряет свой «бытовой» характер, а в 1938-м исчезает. В газете меняются ответственные редакторы и порядки. Тексты днепропетровских авторов и карикатуры Лямбды вытесняются перепечатками из центральных изданий (напр., 10 октября даны карикатуры Б. Ефимова, того, которого Сатуновский «не хуже»).

27 февраля 1938 г. Сатуновский напечатался не под псевдонимом, а под своим именем и фамилией. Очерк «Детство» находится на «Литературной странице», занявшей всю третью полосу (в других номерах такой рубрики мы не видели). Отказ от маски обусловлен природой текста: очерк автобиографический. Эпизод не состоявшегося расстрела, возможно, относится к июлю-августу 1919 г. («младший брат»,

которому «не было еще двух месяцев», – Петр, родившийся 10 июня 1919-го? Сатуновскому, значит, 6 лет). Очерк отражает не только упрощенное представление о недавнем прошлом, но и «расклад» сил, каким он виделся ребенку: мир делится на красных и белых, и «белые» – не только Петлюра, но и Махно. «Детство» – одно из немногих свидетельств о жизни большого поэта; Сатуновский предстает – в идеологическом отношении – в непривычном виде, однако на «бездумное» воспроизведение внешних установок очерк не похож и дает представление о драматической духовной истории. В очерке есть тема, важная для взрослого Сатуновского: рассказано, как его семья ждала расстрела за то, что они евреи; именно о страшном опыте детства поэт позднее в стихах не упоминал, но он, видимо, многое определил в них.

«ДЕТСТВО

Около двадцати лет назад на дне узкого двора-колодца группа мальчишек играла в «войну». Ворота, обитые листовым железом, были наглухо заколочены. За углом стреляли. В городе хозяйничали белые банды.

Павлик, Изя, Борис, – помните эти дни? Дни, когда пули, свистя, залетали к нам во двор. Когда мы по очереди грызли один кусок землистой макухи. Когда наши родители стояли у надклеванной пулями стенки под дулами белых.

Мальчишками мы хорошо разбирались во всех мастях белых – махновцев, петлюровцев, шкуровцев. Сейчас я не помню, кто из них повел расстреливать наших родителей.

Мы были красными. Это не трудно объяснить – на нас влияли убеждения домашних, подслушанные разговоры. Да мы и сами уже начинали разбираться в событиях. Мой старший брат, горячо любимый мной, ушел на фронт с частями Красной армии.

Город переходил из рук в руки. Он стал неузнаваем. Мы шныряли по обезлюдевшим переулкам и читали тайком расклеенные большевистские листовки. Мелом мы писали на ребристых магазинных шторах – «Долой белых!». Однажды какой-то офицер избил одного из нас, Михаила, нагайкой. Кровавый след на лице товарища остался надолго.

В сырой, дождливый день белые согнали во двор «всех жидов» дома. Говорили, что мы прячем большевика. Моя мама держала на руках младшего брата – ему не было еще двух месяцев. Вместе с евреями к стенке стали несколько человек русских. Расстрел не удалось привести в исполнение – помешали внезапно налетевшие части красной конницы.

Мать одного из моих друзей в этот день от потрясения сошла с ума.

Помню еще, как мы бегали к базару смотреть повешенных комиссаров. Здесь мы впервые черпали ненависть к врагам народа – ненависть, которая покинет нас лишь с последним дыханием.

Я смотрю на вас сейчас, дорогие друзья моего невеселого детства. Борис недавно возвратился из Ленинграда, где служил в частях НКВД. Изя – танкист. На днях с Дальнего Востока приехал в отпуск Михаил. На нем

шинель с красными петлицами. Павлик и Николай кончают институт, осенью они пойдут в Красную армию. В моем военном билете значится – средний командный состав. Род войск – артиллерия.

Во дворе новые дети играют в «войну». Я с радостью вижу, как выросшая мощь нашей армии отражается даже здесь, в детской игре. В «бою» принимают участие самодельные танки, гаубицы, самолеты. Я начинаю думать, что, в сущности, мы были «партизанами». Мы имели на весь «отряд» один, брошенный какой-то частью из-за полной непригодности, пулемет.

Жизнь идет. Бывшие мальчишки стали бойцами. С улыбкой наблюдают они за детскими играми во дворе. Дети могут играть спокойно – у них есть надежная защита.»

В сентябре 1938 г. Сатуновский напишет первые «настоящие» стихи.

Список литературы

1. Сатуновский Л. Неизвестные страницы творчества Яна Сатуновского. – https://imwerden.de, опубл.: 2009 (дата доступа: 23.09.2022)

УДК 821.161.1

ФАБУЛЬНОСТЬ ЛИРИКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. ТВАРДОВСКОГО

Криволап С.С.
ГОУК «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», г. Луганск, РФ
krivolap_2016@mail.ru

Введение. Среди великих русских поэтов, произведения которых теперь принадлежат нашей стихотворной классике, свое особое место занимает Александр Трифонович Твардовский. Истинно народный поэт, живший с народом и для народа, он был замечательным художником слова, по-настоящему взыскательным и строгим к себе и другим. Поэт-гражданин был большой и совершенно самобытной личностью, словно по фамилии, твердым в своих идейных, нравственных и художественных убеждениях. И вместе с тем и в своих произведениях, и в жизни он был самым обычным человеком, только удивительно искренним и прямым, поразительно чутким к человеческой и поэтической красоте. Твардовский был современником своей эпохи, но его поэзия будет, вне всякого сомнения, современной и для наших потомков.

Цель работы – проанализировать фабульность произведений А.Т. Твардовского как стилевой особенности лирики поэта.

Основная часть. Ранние годы жизни А. Твардовского пришлись на так называемый «великий перелом», когда резко, радикально, трагически, менялась крестьянская жизнь.

Во время коллективизации (1928–1937) его отец несправедливо был признан кулаком и сослан с семьей в Сибирь. Но Александр, поверив в идеалы лучшей жизни, начал воплощать эту идею в стихотворениях. И «главным учителем в поэзии для Твардовского был Н. Некрасов, как своеобразный бытописатель крестьянской судьбы» [1, с. 200].

В ранних стихотворениях определились основные свойства лироэпики поэта, во многом близкие некрасовской линии творчества: деревенская тематика (его довоенные произведения публикуются в разделе под названием «Сельская хроника»); форма развернутого описательного стихотворения – стихотворные рассказы; разговорная интонация, так называемый «говорной стих»; широкое использование разнообразных малых фольклорных жанров и устной речи: поговорок, частушек, каламбуров, диалектных словечек.

Все эти особенности могли ярче реализовываться в большой стихотворной форме. Поэтому главенствующим жанром творчества Твардовского, становится лирический эпос, поэма.

Поэма «Страна Муравия» (1934–1936) о становлении нового, социалистического сознания крестьянина-середняка, «сделала Александра Твардовского официально признанным и знаменитым среди авторов второй половины XX столетия» [5, с. 306].

«В поэме наличествует фабула. Это – фактическая сторона повествования, те события, случаи, действия, состояния в их причинно-хронологической последовательности, которые компонуются и оформляются автором в сюжете на основе закономерностей, усматриваемых автором в развитии изображаемых явлений. В поэме она напоминает некрасовский эпос о поисках счастливого человека» [1, с. 90]. Герой – крестьянин-единоличник, трудяга, мечтающий о скромном счастье в стране Муравии: *Земля в длину и ширину / Кругом своя. / Посеешь бубочку одну, / И та – твоя* [3, с. 229].

Никита Моргунок – главный герой поэмы отправляется в путь по стране в поисках места, где не доберется коллективизация: *Вот я Никита Моргунок, / Прошу, товарищ Сталин, / Чтоб и меня и хуторок / Покамест что… оставить* [3, с. 252].

По пути он встречается с родственниками и попом, оказывается на печальной гулянке кулаков, высылаемых на Соловки. У него крадут любимого коня. Он сам, удивляя людей, впрягается в телегу. Позже конь находится. В конечном итоге, дорога приводит героя в идеальный колхоз на счастливую свадьбу после уборки урожая, где и начинается пир на весь мир, о котором мечтали мужики из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: *Поспела свадьба новая / Под пироги подовые, / Под свежую баранину, / Под пиво на меду, / Под золотую раннюю / Антоновку в саду* [3 с. 260].

Последним этапом в разнообразных приключениях и духовных странствиях героя становится другой человек, словно пришедший из поэмы того же Николая Некрасова. Фабула поэмы А. Твардовского была

условна, утопична. Она соответствовала социальному заказу, и никто не мог предположить, что это своего рода разворачивавшаяся трагедия в СССР. Читателя покорила простота описания происходящих событий, свобода поэтической речи, богатство интонаций.

В «Стране Муравии» «поэт «поверил всем лозунгам до конца», показал осуществление утопической мечты и лишь отчасти намекнул на драматизм эпохи. Дальнейший путь автора был движением от утопии к реальности» [2].

«Василий Теркин» оказался главной книгой Твардовского, глубоко отразившей описанные события Великой Отечественной войны. Не случайно автор ставит под ней даты: 1941–1945 гг., ведь поэма оказалась равной войне. Слово «книга» стало обозначением жанра «Василия Теркина».

Теркинская фабула строится на поэтике обыкновенного, опирается на события, которые могли происходить с каждым солдатом: привал – отступление, случайный приход в родную деревню – переправа – ранение – встреча на фронтовой дороге – бой за населенный пункт Борки – наступление – еще одно ранение – встреча с генералом – письмо из госпиталя – вторая переправа, форсирование Днепра – еще одна случайная встреча по дороге на Берлин – солдатская баня. «Внутри большого враждебного мира создается свой маленький внутренний мир знакомых предметов и человеческих связей. Война описывается как часть человеческой жизни, где есть место веселью, юмору, любви, ненависти, страху и т. д.» [2].

В «Книге про бойца» создается не только образ веселого, неунывающего солдата-победителя, но и передается ощущение страшной войны. Фабулу постоянно расширяет применение приема панорамы, то есть отрываясь от главного героя, Твардовский описывает семь раз в тридцати главах войну, и читатель словно охватывает ее одним взглядом. Это – своего рода масштабная картина: *Заняла война полсвета, / Стон стоит второе лето. / Опоясал фронт страну. / Где-то Ладога… А где-то / Дон – и то же на Дону…* [4, с. 226].

После эпического действия, рамки повествования резко сужаются, начинается очередная история о Василии Теркине: *Где-то будто на задворке, / Будто знать про то не знал, / На своем участке Теркин / В обороне загорал* [4, с. 228].

Заключение. Мир «Василия Теркина» – это идеальное пространство, где русское и советское не конфликтуют, а мирно сосуществуют. Твардовский, как ранее Андрей Платонов, как позднее Василий Шукшин, мечтает о той будущей, несостоявшейся России, в которой советская история оказывается продолжением и идеальным воплощением истории русской – с родимым сельсоветом, домом у дороги, березой под окном, девчонкой на вечерке, мирным трудом на своей земле.

Список литературы

1. Акаткин В. М. Александр Твардовский. Стих и проза / В. М. Акаткин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. – 214 с.
2. Сухих И. Н. Русская литература для всех. Классное чтение! От Блока до Бродского [Электронный ресурс] / И. Н. Сухих // Культурология. – URL: https://royallib.com/book/suhih_igor/russkaya_literatura_dlya_vseh_klassnoe_chtenie_ot_bloka_do_brodskogo.html (дата обращения: 17.09.2022).
3. Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. / А. Т. Твардовский. – М.: Худ. лит, 1976. – Т. 1. – 432 с.
4. Твардовский А. Т. Собрание сочинений: в 6 т. / А. Т. Твардовский. – М.: Худ. лит, 1977. – Т. 2. – 432 с.
5. Турков А. М. Александр Твардовский / А. М. Турков. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 408 с.

УДК 82-1/9 : 82-2 : 225(045)

РОЛЬ ГРОТЕСКА В ПЬЕСЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО «КЛОП»

Курылко М.Э.
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, РФ
mterri2@mail.ru

Драматургия Владимира Маяковского одно из самых интересных явлений в русской литературе футуризма. Писатель эпохи футуризма Владимир Маяковский применяет гротескные элементы в сатирической комедии, что делает её уникальным примером футуристической пьесы. Уникальность изображения, сатирического обличения, синкретизм, включение в комедию элементов балагана, комедии дель арте указывает на синтезирующую природу творчества писателя. Соединение несоединимого, что свойственно Владимиру Маяковскому как писателю-футуристу и драматургу делает его комедию не всегда понятным и способным к толкованию произведением для современников, но актуальным для изучения сегодня.

Для анализа гротеска в творчестве Владимира Маяковского обратимся к пьесе автора «Клоп». Гротескное начало произведения раскрывается, прежде всего, в амбивалентных образах в пьесе Владимира Маяковского (например, Пьер Скрипкин, он же Присыпкин и Олег Баян (Бочкин): их неординарность, двуличность, нелогичность, скрытность натуры, фантастичность. Комедия была написана в 1929 году, в период кризиса в творчестве автора, который был обусловлен слишком высокими ожиданиями к идеалам революции. Поэтому именно в комедии «Клоп» раскрылось гротескное восприятие Владимиром Маяковским окружающих его событий. Яркие краски, комизм, пафос, скрывает в себе безысходность, пустоту, бессмысленность пугающие самого автора. Основным моментом гротескного плана в пьесе становится превращение – метаморфозы

Присыпкина, который становится Пьером Скрипкиным. Именно метаморфоза является здесь важнейшим элементом гротескной поэтики произведения. М. М. Бахтин отмечал, что в гротеске: *«движение перестает быть движением готовых форм <…>, а превращается во внутреннее движение самого бытия, выражающееся в переходе одних форм в другие, в вечной неготовости бытия»* [1, с. 43]. Примером лишь намеченного подобного перехода может послужить сцена из первого действия, где Присыпкин говорит: *«В нашей красной семье не должно быть никакого мещанского быта и брючных неприятностей. Во! Захватите, Розалия Павловна»* [2, с. 552]. Кроме того, интересна реплика Присыпкина к Баяну в отношении превращения себя самого и понимание этого: «*Товарищ Баян, я против этого мещанского быту – канареек и прочего…Я человек с крупными запросами… Я – зеркальным шкафом интересуюсь…»* [2, с. 552].

Анализируя реплики соседей Присыпкина в рабочем общежитии, можно проследить особенности трансформации главного героя в героя «нового класса*»: «Макдональд и есть! Не в галстуке дело, а в том, что не галстук к нему, а он к галстуку привязан. Даже не думает – головой пошевелить боится*» [2, с. 555]. Обозначим также, что превращение и модификация Присыпкина – типично гротескный прием, внешняя метаморфоза, пафосная и несомненно наигранная призвана скрывать внутреннюю опустошённость героя, как незаурядного и жалкого персонажа.

Следующий пример раскрывает нам гротескный план уже в условно второй части пьесы. Автор пьесы переносит читателя в будущее, где находят замерзшее тело Присыпкина. Так называемая Федерация Земли пристально наблюдает за этим событием, а некие «правильные» люди яростно рассуждают о возможности возвращения Присыпкина к жизни. Фраза оратора: «*На перекрестке 62-й улицы и 17-го проспекта Тамбова…обнаружила засыпанный землей оледеневший погреб… Институт считает возможным воскрешение индивидуума*», *«Мы голосуем человеческую жизнь»* [2, с. 565–566] – является знаковой, так как раскрывает следующий этап гротескной трансформации героя. Однако, Присыпкин не соответствует новым стандартам, что роднит его с автором: его внешний вид, реплики все обрекает эпидемическую природу: *«Чего? Это вы чевой-то отморозили. Еще посмотрим, кто из нас были пьяные. Вы, как спецы-доктора, всегда сами около спиртов третесь. А я себя, как личность, всегда удостоверить сумею. Документы при мне. (Выскакивает, выворачивает карманы.) 17 руб. 60 коп. при мне. В МОПР? Уплатил. В Осо-авиахим? Внес. «Долой неграмотность»? Пожалуйста. Это что? Выписка из загса! (Свистнул.) Да я же вчера женился!.. Это ж за сколько у меня в профсоюз не плочено! Пятьдесят лет! Справок-то, справок спросют! Губотдел! ЦК! Господи! Жена!!! Пустите! (Обжимает окружающим руки, бросается в дверь. Хором. Это что он такое руками делал? Совал и тряс, тряс и совал…»* [2, с. 571].

Сам герой воспринимается как пережиток прошлого, возврат в нецивилизованный доисторический период жизни, ведь новое поколение напрочь лишено иррациональности, натуры и максимально материализировано. Происходит также и трансформация мира, наряду с героем. Идентификация Присыпкина людьми «нового класса» была недолгой: анализируя личность Присыпкина, председатель и директор института исследований делают вывод, что он не *«гомо сапиенс»*, а равный *«клопусу нормалису», «обывателису вульгарис»*, а именно *«живое человечье тело для постоянных обкусываний и для содержания и развития свежеприобретенного насекомого»* [2, с. 581]. Директор зоосада, куда помещают Скрипкина, указывает на окончательную метаморфозу и приравниванию Присыпкина к существу доисторической эпохи: *«По внешним мимикрийным признакам – мозолям, одежде и прочему – уважаемый профессор ошибочно отнес размороженное млекопитающее к «гомо сапиенс» и к его высшему виду – к классу рабочих* [2, с. 581]. Эта метаморфоза оказывается последней, Присыпкин навсегда остается жителем зоосада, окруженным защитным стеклом, отфильтровывающим выражения, звуки, запахи. М. М. Бахтин отмечает: *«Все, что в обычном мире было страшным и пугающим, в карнавальном мире превращается в веселые – смешные страшилища»* [1, с. 59].

Кроме превращения Присыпкина, тот же гротескный характер имеет трансформация Бочкина в Баяна. Герой торжественно отзывается о получении нового жизненного статуса: *«И вот теперь я Олег Баян, и я пользуюсь, как равноправный член общества и могу выражаться, то есть нет – выражаться я не могу, могу разговаривать, хотя бы как древние греки, и мне может вся страна отвечать, как какие-нибудь трубадуры»* [2, с. 561]. Однако вновь мы сталкиваемся с псевдотрансформаций лишь на благозвучную фамилию Баян, которая ни коим образом не меняет натуру героя. Оценить превращение героя можно благодаря репликам персонажей: *«Он – писатель. ... стихи, говорит, Апухтина за свои продал, а тот как обиделся, опровержение написал. Дураки, говорит, вы, – это я у Надсона списал. ...знаменитый он теперь очень – молодежь обучает. Кого стихам, кого пению, кого танцам, кого так... деньги занимать*» [2, с. 556].

Далее по ходу пьесы представлен трагифарс всего происходящего: ведь кроме НЭПовских порядков уничтожаются буржуазные устои, стремления к духовному развитию и к любому другому. «Идеальные» индивиды лишены личностного начала, которое вопреки всему присутствует у персонажей «прошлого».

Итак, подобные гротескные метаморфозы, таким образом, раскрывают общую для гротеска тенденцию *«выражения внутреннего, подлинного через искажение видимого, внешнего»* [3, с. 118]. В форме гротескной комики раскрыты трагические противоречия, которые производят гротескный и противоречивый эффект: стремление к улучшению и развитию оборачивается еще большим падением личности, а борьба приводит к разрушительным результатам.

Проанализировав сущность гротеска в произведении Владимира Маяковского «Клоп» мы пришли к выводу, что благодаря гротескным планам, превращениям, соединением комичности, сатиры, трагифарса, балагана в драматургическом произведении автору удалось раскрыть свои взгляды на окружающую его действительность, на революционную борьбу и социальные устои. Сам Владимир Маяковский называл свою пьесу феерической комедией, а сюжет пьесы в полной мере отражает характер уникального авторского письма, включающего гротескные элементы в сатирическую пьесу.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. Собр. соч.: в 7-ми т. – М.: Языки славянских культур, 2010. – Т. 4 (2). – 640 с. – URL: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_rable_1990.pdf (дата обращения 18.08.22).
2. Маяковский В. В. Сочинения в двух томах / сост. Ал. Михайлова: Прим А. Ушакова. – М.: Правда, 1988. – 768 с.
3. Рюмина М. Т. Эстетика смеха: Смех как виртуальная реальность. / М. Т. Рюмина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 320 с.

УДК 821.161.1

ЛЕРМОНТОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РАННИХ ПОВЕСТЕЙ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Лардыгина О.А., канд. филол. наук
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Старый Оскол, РФ
ola_la789@mail.ru

Введение. Первыми пробами пера М.Е. Салтыкова стали его лицейские стихи и постлицейские повести «Противоречие» (1847) и «Запутанное дело» (1848). Лицейские стихи традиционно рассматривают в русле романтизма и подчеркивают влияние на молодого автора Байрона и Пушкина, а в раннем творчестве Салтыкова отмечают сильнейшее воздействие как поэзии, так и прозы М.Ю. Лермонтова. Н.С. Никитина, в статье «Салтыков М.Е.» из «Лермонтовской энциклопедии», отмечает, что ему присуща «с первых его шагов в литературе рефлексия, неудовлетворенность жизнью, трагическое восприятие» и отношение «к Лермонтову как близкому поэту» [Никитина, 1999, с. 495]. В.Я. Кирпотин подчеркивал, что «подражание молодого Салтыкова Лермонтову не было простым следованием моде», а «имело глубокие основания», «было следствием всё углублявшегося разлада между начинающим писателем и окружающей “гнусной” действительностью» [Кирпотин, 1948, с. 12].

Основная часть. В ранних произведениях Салтыкова можно обнаружить не только прямое цитирование Лермонтова (например, эпиграф в

повести «Противоречие»: «И дерзко бросить им в глаза железный стих, Облитый горечью и злостью…»), но и трансформацию лермонтовского текста. В повести Салтыкова «Запутанное дело» можно увидеть парафразу знаменитого лермонтовского стихотворения «Листок». В этом стихотворении, как охарактеризовал его в «Лермонтовской энциклопедии» К.Н. Черный, центральный образ – листок, гонимый жестокой бурей, «символ одинокого, не имеющего цели скитальческого существования [Черный, 1999, с. 263]. Листок – «оторвался от ветки родимой»:

«И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Черного моря»
[Лермонтов, 1990, Т.1, с. 221].

В своей повести Салтыков изображает вынужденный разрыв родовых связей. Герой «Запутанного дела» – Мичулин – покинул дом, чтобы поступить на службу в Петербурге. Он уезжает в поисках лучшей доли, но не наперекор отцу, исход Мичулина из родительского дома сопровождается его напутственным заветом [Салтыков, Т.1., с. 201].

Героя Салтыкова впервые мы встречаем одиноко бредущим в темноте холодным ноябрьским вечером: «Печальное и неприятное зрелище представляет Петербург в десять часов вечера и притом осенью, глубокою, темною осенью», – констатирует Салтыков-Щедрин [Салтыков, Т.1, с. 202].

В культурологическом плане в образе Мичулина как представителя города происходит трансформация лермонтовского «Листка», который у поэта был природным дубовым листком, «гонимом бурей», а у Салтыкова преобразился в Мичулина, «бедного человека», которым играет ветер, «как бумажкою, случайно брошенною на дороге» [Салтыков, Т.1, с. 204], где «бумажка», бумага – это уже оцивилизованный маркер города, куда попадает герой.

Промозглым петербургским осенним вечером одинокий путник Мичулин видится Салтыкову бумажным листком, гонимым пронизывающим ветром по мостовой Невского проспекта. Не случайно, каждый раз при появлении Ивана Самойловича в комнате его соседки Нади Ручкиной последняя будет собирать на полу бумажки [Салтыков, Т. 1, с. 216, 217, 247].

Вопреки незначительному, но играющему свою роль, мотиву холодной петербургской осени, ветер в повести разрастается до масштабов целого образа. Он тоже, с одной стороны, выступает маркером неустойчивого положения героя в мире, подчеркивает его социальную нестабильность, но, с другой стороны, ветер, который «жалобно стонет и завывает» [Салтыков, Т. 1, с. 203], это полноценный художественный образ, живущий на правах олицетворения.

Ветер оживает рядом с бредущим Мичулиным, как будто сопровождает путника, проверяет его на крепость, бросая его из стороны

в сторону, но, в то же время, по-своему жалеет «бедного человека» [Салтыков, Т. 1, с. 204].

Если у Лермонтова, подобно другим романтикам, буря, ветер – это прежде всего символ свободы, неуправляемой стихии, то у Салтыкова образ ветра многолик. Во-первых, это символ неуютности, нестабильности, холода и бесприютности, царящих в ужасном мире, где человеку тяжело найти свое место. Во-вторых, сам ветер, как бы находящийся между мирами – символ небытия и пустоты, неприкаянности и странничества, символ бесконечного, вселенского одиночества. Он один в этом мире, безмерно одинок и бесприютен: «А ветер по-прежнему дрогнул на дворе и стучался в окна бедных обитателей бедного “гарнира” и молил их, чтоб они пустили его обогреть окостеневшие от стужи руки – и по-прежнему никто не хотел сжалиться над его сиротскою участью...» [Салтыков, Т. 1, с. 247].

В-третьих, что не раз отмечалось исследователями, ветер – это символ неумолимого движения исторического процесса, который, подобно этой стихии, никогда не затихает и не стоит на месте. Следовательно, ветер – это символ исторических изменений, ветер перемен, перемен не скорых, но неотвратимых. Доказательств тому у Салтыкова множество. Например, если у Лермонтова буря – свободная, неуправляемая романтическая стихия, которая оторвала «листок от ветки родимой», и носит его без цели как бесприютного странника, то у Салтыкова процесс «отрыва» «от ветки родимой» не только доброволен, но и получил благословение старика-отца. Не случайно произведение Салтыков начинает со слов завета родителя Мичулина, писатель сразу, в начале повести ставит читателя перед фактом: старая жизнь закончилась и уже нельзя существовать по-прежнему, необходимо строить жизнь по-новому. Именно поэтому герой, «подгоняемый ветром» бредет по Петербургу. Именно поэтому так глуп совет Пережиги ехать домой, в деревню [Салтыков, Т. 1, с. 214]. В то же время Мичулин не оторвался от корней полностью, но это был процесс, необратимость которого понимает даже старое почтенное поколение. Салтыковский герой, хотя и подобен бесцельно метущемуся лермонтовскому Листку, все же озадачен не просто поиском своего места в жизни, но и поиском смысла жизни, что требует перемен, глобальных, исторических, т.к. старый мир, патриархальный мир отцов отжил свой век, а новый ещё не наступил. И Петербург в связи с этим тоже выступает символом мрачного российского безвременья, того же небытия и пустоты, междувременья, куда в поисках «приюта» стекаются тысячи русских «странников», порвавших с «родимой веткой». Петербург – это своего рода «чинара» северных морей, холодная и беспощадная, дающая временный приют, в реальности оборачивающийся приютом «вечным», что выражается и примером из жизни, приводимом Пережигой, рассказывающего историю о мелком чиновнике Емеле, которого выгнали с казенного места, выгнали за неуплату из дома на

улицу, а там – рюмочка... [Салтыков, Т. 1, с. 214]. А дальше звучит горькая ирония Салтыкова, описывающего зябкую петербургскую ночь: «Словом, всё было благополучно; даже пьяный мужик преспокойно лежал себе посреди самой улицы и не был поднят» [Салтыков, Т. 1, с. 247].

И даже не важно, тот ли это самый мужик Емеля, одиноко замерзающий среди улицы, или это человек другого имени и звания – итог для многих один. Об этом же говорит читателю Салтыков в первой главе, сравниваяМичулина с бумажкою, гонимою ветром [Салтыков, Т. 1, с. 204]. Трансформируя «листок» в «бумажку», которую ветер носит по мокрым мостовым Петербурга, Салтыков подчеркивает недолгий век всех, «оторвавшихся от ветки родимой» и приехавших покорять этот холодный, равнодушный город.

Странник-листок у Лермонтова встречает молодую чинару, у которой «молит приюта», но ей не интересен ни сухой листок, ни его рассказы «одальних далях», так как она избалована пением райских птиц, и как пишет К.Н. Черный, чинара отказывается приютить странника со словами: «Иди себе дальше...», а за этим дальше – край земли, Черное море, а значит, для листка – неминуемая смерть [Черный, 1999, с. 263].

С одной стороны, лермонтовская чинара – это салтыковская Надя Ручкина, в которую давно и безответно влюблен Мичулин. Салтыковская «чинара» прельщает своим голосом Мичулина, прерывает череду мучавших его вопросов и воспоминаний, он увлекается «волшебной песней», вырывающей на мгновение его из круга одиночества, с тем только, чтобы через мгновение усилить его: «Но вот тихо-тихо замер последний звук песенки, ещё раз, и уж в последний раз, стукнула в такт нога Ивана Самойлыча,ещё раз ускоренным шагом стукнуло его сердце, и вдруг ничего не стало слышно, и прежняя темнота опустилась на его душу, прежний холод охватил сердце...» [Салтыков, Т. 1, с. 209]. Иван как будто вспоминает, что песня звучала не для него и у её исполнительницы был другой «дорогой князь», а Наденька, как та «чинара», категорически, наотрез отказала ему: «было сказано, что уж чему не быть, так и уж не бывать, и беспокоиться о том не извольте» [Салтыков, Т. 1, с. 209].

С другой стороны, лермонтовская чинара трансформируются в Петербург – «чинару» северных морей, отказ Мичулину, которой звучит в диалоге с «нужным лицом» – «нет места, нет, нет и нет» [Салтыков, Т.1, с. 240].

Заключение. Салтыков в повести «Запутанное дело», обращаясь к сюжетной схеме лермонтовского "Листка", сохраняя внешнее сходство в структуре образов (странничество, свобода, неприкаянность, одиночество), в образе Мичулина подчеркивает мотив вынужденной свободы, сохранение внутренней нерасторжимой связи с отцовским родом, с его заветами, с патриархальными традициям, лишая тем самым образ лермонтовского романтического ореола. Если К.Н. Черный трактует «листок» в романтическом духе как символ одинокого, «не имеющего цели скитальческого существования» [Черный, 1999, с. 263], то Мичулин

проявляет противоположную сущность: он странник целеустремленный, т.к. именно в этот момент, пик тоски, одиночества и бессилия, у пригвожденного к креслу героя возникает впервые непростой вопрос: «Да что же я, в самом деле, такое?» [Салтыков, Т. 1, с. 207].

Список литературы

1. Кирпотин В. Я. М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество / В. Я. Кирпотин. – М.: Советский писатель, 1948. – 516 с.
2. Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах / М. Ю. Лермонтов // Сост. и комм. И. С. Чистовой; Ил. В. А. Носкова. – М.: Правда, 1990.
3. Никитина Н. С. Салтыков М. Е. / Н. С. Никитина // Лермонтовская энциклопедия; Гл. ред. Мануйлов В. А. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 495.
4. Черный К. М. «Листок» / К. М. Черный // Лермонтовская энциклопедия; Гл. ред. Мануйлов В. А. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – С. 263.
5. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Художественная литература, 1965–1977.

УДК 82.0

СТИХОТВОРНЫЕ СБОРНИКИ О ВОЙНЕ ЗА РУССКИЙ МИР НА ДОНБАССЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

Логвинова И.В., канд. филол. наук
ГБОУ «Московский государственный институт музыки им. А. Г. Шнитке»,
г. Москва, РФ
Logrina@gmail.com

Война за русский мир на Донбассе, которая продолжается уже девятый год (2014–2022), находит свое отражение в мемуарной литературе, публицистике, в художественной прозе, а также в стихотворениях, которые публикуются в газетах, журналах и сборниках, некоторые из которых мы и рассмотрим в нашей статье как дающие представление о восприятии войны коренными жителями Донбасса и россиянами. Мемуарную прозу о войне и Русской Весне 2014 года автор статьи освещает с 2017 года в блоге газеты «Завтра» [1]. Стихотворные же сборники [3; 4; 5] – явление более редкое и тираж у них не так велик. Многие из них невозможно приобрести в магазинах, а только на фестивалях и мероприятиях, которые проходят на различных площадках в Москве и других городах России, ДНР и ЛНР.

Идея проанализировать и сравнить стихотворения донбасских и российских поэтов, написанные о событиях Русской Весны, о войне и в поддержку спецоперации появилась, когда у нас оказалось в руках несколько сборников, вместе составляющих довольно цельную для осмысления картину. Многие авторы публикуются в сети Интернет.

Однако, нас интересовали прежде всего печатные сборники, которые можно оценить как историческое и художественное явление, поскольку у сборников есть редакторы, которые осуществляют отбор стихотворений и отвечают за концепцию книги. Так, сборник «Я – израненная земля» представляет собой стихи, которые встали, подобно солдатам «в общем строю» [5, с. 8]. Сборники, изданные в Луганске и Москве, приурочены к началу спецоперации и, в частности, освещают деятельность Международного фестиваля школ искусств и детско-юношеского творчества «Za мир без нацизма», который возглавляет Ю. В. Воинова-Жунич, глава Русско-сербского Центра поддержки традиционной культуры. Также есть подборка стихотворений в поддержку спецоперации, опубликованная в альманахе, но это голос российских поэтов о войне, а не голоса тех, кто непосредственно живет на войне и пишет стихи.

Наталья Макеева отмечает, говоря о том, почему Афган не породил литературы, а битва за Новороссию рождает и поэзию, и прозу, и публицистику: «Новороссия разбудила нашу русскость, спавшую где-то в переплетениях генетического кода. И сама вошла в наш генетический код, став такой же его неотъемлемой частью, как Революция 1917 года и Великая Отечественная война. Дело тут именно в этом – в русской истории, в русской войне, русской революции» [2]. Точно такую же картину мы наблюдаем в литературе периода Великой Отечественной Войны, которая также полна и поэзии, и прозы, и публицистики. Недаром многие считают войну на Донбассе продолжением 1945 года, когда наши деды и прадеды не добили фашистскую сволочь, которую теперь приходится добивать нашим братьям и сыновьям. Интересно при этом проанализировать содержание поэтических сборников. Так же, как и стихотворения, рожденные в окопах Великой Отечественной Войны, стихи донбасских поэтов сразу становятся достоянием публики в сети Интернет, где никакой цензуры и редакторов нет. Но затем стихотворения печатаются в сборниках, проходя некоторый редакторский отбор. Если внимательно изучить страницы стихотворных сборников и альманахов, можно выделить две группы стихотворений: 1) исторические документы, не всегда обладающие высоким художественным достоинством, и 2) художественные явления, написанные не только с патетикой, но и с соблюдением всех правил версификации. При этом можно отметить, что стихотворений первого типа больше, чем второго, что можно объяснить желанием составителей и редакторов не обидеть никого из пишущих о войне и выражающих свое к ней отношение.

Думается, что читатели и критики в будущем еще не раз будут обращаться к этим сборникам и черпать в них исторические факты и художественные смыслы. Но хочется отметить, что при всей пестроте имен и лиц, эти сборники удивительно цельны. Историческое и художественное в них находится в живом взаимодействии. В самом деле, трудно отказать не очень профессиональному поэту в публикации, когда

стихотворение живо откликается на общую боль всех, кто вынужден жить под обстрелами, ходить на работу, ездить в транспорте, рискуя жизнью. Такие стихи можно отнести к явлениям историческим, к документальным свидетельствам. Но есть и такие, которые звучат как выражение сути времени и представляют собой явления не столько документальные, сколько художественные. Так, сборник З. Прилепина «Я – израненная земля» открывает нам новые имена в поэзии, чьи стихи звучат камертоном гражданской лирики: Анна Долгарева, Андрей Дмитриев, Семён Пегов, Ирина Евса, Владимир Скобцов, Анна Ревякина и др. Также в одном ряду с поэтами из Донбасса стоят имена, известные широкому кругу читателей: Юрия Кублановского, Светланы Кековой, Олеси Николаевой. Концепция сборника четко прочерчена во вступительной статье составителя: «В стихах Светланы Кековой я увидел впервые часть тех имен, что примут на себя ответственность: “На камнях раздавленная калина, / или это кровь – посмотри скорей! / Напиши о Харькове мне, Ирина, / о Славянске мне расскажи, Андрей” <…> Следом имена являлись одно за другим <…> Насколько органично и веско случившаяся с нами беда, посредством русского слова, влилась в контекст мировой – поэтический, религиозный, мифологический, песенный» [5, с. 6]. Нужно отметить, что сборник З. Прилепина – лучшее, что издано в лирическом жанре о нашей войне. Стихи подобраны грамотно и со вкусом. В отличие от двух других сборников, где не вполне соблюдены правила оформления, и стихи по большей части представляют собой исторические свидетельства и документы, поскольку и задача их была иной, чем у сборника З. Прилепина: поддержать наших бойцов на передовой и донести всему миру боль и трагедию Донбасса. Здесь можно выделить песню В. Скобцова «Донбасс za нами» [3, с. 106], стихотворения Натальи Макеевой [3, с. 76-79], луганской поэтессы Витомиры Белян [3, с. 36-41], председателя луганского православного литобъединения «Свете Тихий» Светланы Тишкиной [4, с. 11-21], Людмилы Гонтаревой из Краснодона [4, с. 84-89] и другие имена. Думается, что лучшая лирика лучших авторов войдет впоследствии в антологии современной поэзии XXI века. Точно так же не все стихотворения, которые были написаны в годы Великой Отечественной Войны, вошли затем в антологии или стали песнями. Однако, говорить о том, какие стихи останутся в памяти народной, а какие будут просто лирическим дневником, свидетельством историческим, критика будет уже после окончания войны. В данное время все стихотворения нужны и важны, как вдохновляющие наших бойцов на подвиги и поднимающие патриотический дух, вселяющие надежду на избавление и веру в Победу.

Таким образом, война на Донбассе находит свое отражение в лирике современных поэтов, стихотворения которых делятся на две группы: исторические документы и свидетельства о войне, и подлинно художественные произведения, которые запечатлели память об этих событиях на века.

Список литературы

1. Логвинова И. В. Блог в газете «Завтра» / Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://zavtra.ru/blogs/authors/14429?ysclid=l8odzb7req440277048 (30.09.2022).
2. Макеева Н. Война в Новороссии: феномен литературного процесса // блог в газете «Завтра». Электронный ресурс. Режим доступа: URL: https://zavtra.ru/blogs/vojna_v_novorossii_fenomen_literaturnogo_protcessa (30.09.2022).
3. Мы Vыбираем мир! Za Мир без нацизма… : сборник произведений современных авторов / Сост. С. Тишкина. – М.: ИД Академии Жуковского, 2022. – 144 с.
4. Свете Тихий – Защитникам Отечества: сборник произведений современных авторов / Сост. С. Тишкина. – Луганск: Пресс-экспресс, 2022. – 108 с.
5. Я – израненная земля: Русская поэзия о земле крымской и войне донбасской / Сост. и вступ. Сл. З. Прилепина. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2017. – 288 с.

УДК 801.671.1.88-14(477.62)

РИТМИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДОНЕЦКИХ ПОЭТОВ)

Майборода Н.В., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
n.mayboroda@donnu.ru

Введение. Специфика детской поэзии, ориентированной на особую категорию читателя, обусловливает и особую организацию ритмико-интонационной структуры таких произведений.

В отечественной науке вопрос ритмико-интонационной организации детского стихотворения на данный момент освещен мало, в основном на примерах фольклорных произведений или стихотворений, ставших уже классикой в детской литературе. Наше исследование посвящено особенностям интонации и ритмики в произведениях современных поэтов. В качестве объекта исследования выбраны стихотворения донецких авторов Елены Филатовой (два шестистишия и одно восьмистишие) и Елены Лаврентьевой (4 катрена из цикла «Новости соседки, что живет на ветке»).

Основная часть. Особенности произведений для детей диктуются в первую очередь возрастом читателя. В этом аспекте следует отметить одну особенность рассмотренных стихотворений. Книги для детей, как правило, маркируются рекомендациями, которые помогают родителям при выборе чтения для конкретного возраста. В советские времена это были пометки «для дошкольного возраста», «для младшего школьного возраста» и др., позднее – 0+, 3+, 6+ и так далее.

Рассмотренные же издания Е. Филатовой и Е. Лаврентьевой не снабжены такими маркерами, что усложняет не только выбор книги для ребенка, но в нашем случае – и затрудняет определенные аспекты анализа. Скажем, сама стилистика цикла Елены Лаврентьевой «Новости соседки, что живет на ветке», размеры стихотворений, тематика указывают на то, что это произведения для самых маленьких читателей. В то же время,

употребление лексем *плебей, бей, барин*, явно не рассчитанных на детское восприятие, ставит перед исследователем новый вопрос.

Стихотворения Елены Филатовой по своей тематике ориентированы как на дошкольников, так и на младших школьников. Они передают мир детства, находящегося в гармонии с природой.

Возраст влияет на тематику произведений, их сюжет, образную организацию. Однако и их ритмико-интонационное строение также обусловлено этим фактором.

Интонация большинства рассмотренных в рамках исследования стихотворений повествовательная. Авторы рассказывают ребенку о тех или иных событиях, описывают неживую природу, повадки животных. Но есть и другой тип интонации (в стихотворениях Елены Лаврентьевой) – восклицательно-вопросительный, который повышает экспрессивность, эмоциональность стихотворения.

К примеру, в стихотворении «Новость жуткая» восклицательная интонация передает трагизм ситуации, вызванной пропажей ежа: *Похищен еж! Похищен еж! / На всех других ежей похож.*

А в стихотворении «Новость громкая» восклицание передает боевое настроение воробья, который кричит: *«Не люблю я слова «бей»! / Я не плебей, не бей, не барин! / За крошку хлеба благодарен!».*

Вопросительная же интонация в стихотворении «Новость грустная» характеризует грусть маленьких ежат, которые задаются вопросом:

Где мамочка-ежиха?

Итак, в рассмотренных стихотворениях наблюдается два типа интонации: размеренная при повествовании и вопросительно-восклицательная – в тех случаях, когда необходимо передать особенности описываемых событий или эмоциональное состояние героя.

Размеренность повествования подчеркивается и стихотворным размером. Все рассмотренные стихотворения Е. Филатовой написаны четырехстопным хореем, из четырех стихотворений Е. Лаврентьевой три также написаны четырехстопным хореем, а одно – четырехстопным ямбом. На основе этого приходим к выводу, что детские поэты ориентируются на «удобный» двухстопный размер, где в строке всего 7-8 слогов. Большее количество стоп маленькому ребенку уже будет сложно воспринимать. Точно так же не совсем приемлем для ребенка и трехстопный размер, чему подтверждением являются и стихотворения классиков русской детской литературы – А. Барто, К. Чуковского, С. Михалкова, написанные ямбом или хореем (как правило, четырехстопным).

В плане легкости восприятия текстов детьми отметим катрены Е. Лаврентьевой. Именно в четверостишиях содержится тот оптимальный объем информации, который легче всего воспринимается и запоминается маленькими детьми (из чего мы еще раз приходим к выводу, что целевая аудитория этого автора – дошкольники).

Для всех стихотворений цикла характерна смежная (парная) рифмовка, когда рифмующиеся строки находятся рядом. На наш взгляд, это самая простая, самая легкая рифмовка, поэтому она и применяется в детской поэзии. Такой способ часто применяется и в дразнилках, кричалках, загадках, то есть произведениях детского фольклора.

Примечательно то, что наиболее легкую рифму – глагольную – автор почти не использует, хотя для детской динамичной поэзии это вариант вполне приемлем. Тем не менее, в четырех катренах, то есть в 16 строках, глагольная рифма встречается только один раз.

Среди рассмотренных нами стихотворений Е. Филатовой два шестистишия и одно восьмистишие (без разбивки на строфы). Более взрослая аудитория читателей предусматривает больший объем предаваемой информации, что мы и наблюдаем в данных стихотворениях (хотя еще раз отметим, что возраст читателей автор и издатели не указали).

В этих стихотворениях также преимущественно парная рифмовка, за исключением одного примера перекрестной (рифмовка стихотворения «Первый снег»: aa bc bc, в остальных случаях aa bb cc и aa bb cc dd).

У данного автора глагольная рифма встречается чаще: рассмотрено 20 строк из трех стихотворений, и в восьми строках рифмуются именно глаголы. Как уже было отмечено выше, такой тип рифмовки для динамичной детской поэзии вполне закономерен.

Обратим внимание и на такую особенность ритмического строя детской поэзии, как повторы. В стихотворении Е. Лаврентьевой «В парке» повторяется лексема *мошка* в сочетании с другими существительными: *мошки-крошки, мама-мошка*. Эти повторы можно трактовать как выделение особо значимого для восприятия текста слова (мошки – главные герои стиха) и, в то же время, как средство для достижения аллитерации (повторы шипящего звука *ш* создают впечатление звука, издаваемого насекомыми).

В стихотворениях Е. Филатовой отмечены два примера повторов. Первый из них: *Похищен еж! Похищен еж!*. Данный повтор, как и интонация восклицания (о чем речь шла выше), подчеркивает важность момента, связанного с пропажей животного. Второй пример – это повторы частицы *не* в стихотворении «Новость громкая». Этим повтором усиливается степень отрицания, которую воробей (герой стихотворения) вкладывает в свой монолог.

Заключение. Таким образом, для детской поэзии характерны такие ритмико-интонационные особенности, как повествовательная манера подачи текста, которая с целью повышения экспрессивности может сменяться вопросительной или восклицательной; четырехстопный хорей или ямб как основной размер; парная рифмовка; нередко глагольная рифма; повторы.

Данные выводы сделаны на основе проанализированных 7 стихотворений, не являются окончательными и требуют подтверждения в дальнейших исследованиях.

Список литературы

1. Лаврентьева Е. Петушок: Стихи / Елена Лаврентьева. – Донецк: Каштан, 2005. – 40 с.
2. Филатова Е. Скворушка: Рассказы и стихи для детей. / Елена Филатова. – Донецк: ООО «Цифровая типография», 2014. – 36 с.

УДК 82.091

СОВРЕМЕННАЯ АНТИУТОПИЯ: О РОМАНЕ Д. ДАНИЛОВА «САША, ПРИВЕТ!»

Ничипоров И.Б., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
il-boris@yandex.ru.ru

Введение. Новый роман прозаика и драматурга Дмитрия Данилова (род. в 1969) «Саша, привет!» (впервые: Новый мир. 2021. № 11[1]) стал обсуждаемым литературным событием и вошел в короткий список Большой книги за текущий год.

Основная часть. Кинематографическая композиция произведения, состоящего из 81 короткого эпизода, воссоздает гротесковую модель современности. «Воображаемая кинокамера» [1] выхватывает знаковые проявления высокотехнологичной среды [2]. По улицам «великолепной» Москвы «идет современный, опрятный, сверкающий транспорт», «весьма комфортен» и зал суда, где законнейшим образом приговаривается к смерти филолог Сергей Фролов, специалист по советской литературе 20-30-х гг., старший преподаватель столичного вуза, вступивший в связь с не достигшей 21 (!) года студенткой и становящийся «смертником, которого все воспринимают как интересный случай, а не живого человека» [3]. В ожидании казни осужденный «заселяется» в Комбинат гостиничного типа, где во время одной из утренних прогулок – уже завтра или через много лет – сработает заранее нацеленный на него пулемет, по-домашнему прозванный Сашей. Словно заговаривая ужас перед неизбежным, герой эстетизирует действительность, постит фото белого пулемета и даже учится тепло приветствовать орудие расправы.

Вынесение заведомо не подлежащего обжалованию приговора и заключение в Комбинате обостряют в рефлексирующем персонаже-интеллигенте комплекс отчуждения от неведомо куда устремленной повседневности. Знакомое по пьесам Данилова («Человек из Подольска», «Сережа очень тупой», «Свидетельские показания», «Что вы делали вчера вечером?», «Выбрать троих») абсурдистское преломление обыденности составило здесь ведущий принцип изображения личных и общественных

[1] Текст романа цитируется по журнальному варианту.

отношений в стране, которая объявила «режим Общей Гуманизации» и вернула смертную казнь «по преступлениям в сфере морали».

Диалоги героя с матерью, случайной возлюбленной, с «почти» бывшей женой, тоже преподающей раннюю советскую литературу и рассказывающей студентам о писателе, которого официальная критика «размазала по стенке», – оборачиваются «разговором с небытием» и безнадежно вязнут в безликих репликах и лукавых умолчаниях. Редкий проблеск человечности угадывается, впрочем, у завкафедрой, убеждающего Сергея преподавать онлайн из тюремной камеры и даже в сердцах просящего простить его «как человека, у которого все хорошо». Не утратила живой непосредственности и появляющаяся на Комбинате молоденькая волонтер и социолог Даша из Мурома – дочь прокурора, студентка соцфака МГУ, участница митингов за свободные выборы.

Дистанционная лекция Сергея Петровича о Пильняке, как и аудиторное занятие его жены Светланы о «Серапионовых братьях», об усиливавшемся в 20-е гг. «советском прессе», обессмысливаются нескончаемыми вопросами, суждениями, нелепыми спорами слушателей о приговоре и тюрьме, напоминающими шквал агрессивных комментариев, обрушившихся на героя в соцсетях. Содержательное обсуждение литературы, истории, ориентиров общественной жизни оказывается затрудненным в условиях тотальной атомизации. В «прекрасном парке» при Комбинате Сергей был удручен прогуливающимися здесь взаимно обособленными людьми, подавившими в себе потребность в коммуникации. Микросоциум «молчащих сотюремников» выглядит пародией на цивилизованное общество, ценящее личные и гражданские свободы.

Пребывание в стенах Комбината складывается в историю системного манипулирования сознанием посредством иллюзии предоставления «многих степеней свобод, возможностей выбора». Радикальное, подтвержденное судебным вердиктом отрицание государством права личности на устроение частной жизни «компенсируется» разнообразными формами «сервиса». Гулаговский аппарат за минувший век мимикрировал под новейшие технологические решения. Жестоких конвоиров сменили предупредительные охранники, величающие заключенных по имени-отчеству и призывающие их во всем искать «хорошие стороны»; вместо ссылок на край света можно «полюбоваться Москвой», следить за прессой и общаться в соцсетях. Даже за побег с Комбината не полагается теперь ни пыток, ни расстрела, а лишь простым нажатием кнопки беглец подключается к программе «Доброе возвращение», которая обретает неограниченную власть над его психикой, телесными движениями, речью и заставляет узника мчаться обратно в камеру, твердя слова извинений. Фантастическая технология принудительного возвращения в прошлое вырастает у Данилова в емкую метафору общественного регресса, программируемой реанимации отживших дискурсов и символов.

Искушенный гуманитарий, неспроста специализирующийся именно на советском периоде, выведен в произведении как жертва игры в

полусвободу. Он прельщается мнимой информационной открытостью, бытовыми удобствами, возможностью, по выражению начитанного охранника, заказать в камеру «хоть ананасы в шампанском», легко «заливать» на свои виртуальные страницы «снятый им ролик», обретением в популярных сетях «большого количества друзей». Но его сознание замутняется «ежедневной последовательностью говорения» обученных соглядатаев, подтачивается неотвязной мыслью о том, что «все хорошо, кроме завтрашнего прохода по коридору», кроме «вида из окна неизвестно на что» из «сияющей этой тюрьмы». Безотчетно для себя из независимого интеллектуала он на расстрельном «красном участке белой полосы» перерождается в бессловесное существо, которое «скорчивается, горбится, делается ничтожным», заискивает перед пока не изрешетившим его пулеметом, «ловит себя на дикой, страшной благодарности Саше», ужасается устроенной как-то ночью «профилактической стрельбой холостыми». На завершающих роман отрывистых «кадрах» видно, что эти психологические мутации приводят героя к умственному оскудению, обрекают на невольное воспроизведение косноязычных формул и превращение в безучастного созерцателя внеположного Комбинату городского пространства.

В абсурдистский интерьер современности вписаны и регламентированные распорядком Комбината посещения заключенных представителями «традиционных» религий. Православный священник, раввин, мулла, лама, обязанные их «как-то религиозно… обслуживать», – искренние и сердечные люди, которые беспомощны от понимания, что у их собеседника «впереди жизни нет». В ситуации формализации и огосударствления религиозной сферы они пытаются «просто беседовать» «о вопросах нравственности» или «хоть о футболе» и «больше ничего, просто побыть с человеком». Проникновенны эпизоды, где в разговоре с Сергеем скромно живущий в маленькой квартирке с облезлой мебелью раввин цитирует Хармса, где отец Павел, не желающий никого осуждать и признающий, что «спасение души – дело добровольное», печально говорит о себе как священнике-«неудачнике», коль скоро он служит «при тюрьме, из которой нет выхода», а прямолинейный скептик лама, который тут «за буддизм отвечает», нарушает должностные инструкции признанием в том, что «ржет просто» над «дикой бюрократической идеей» в обязательном порядке утешать обитателей комбината, и в ответ на любопытство чересчур образованного персонажа о медитации делится бесхитростным рецептом: «Пришла мысль – прибивайте ее как муху. Старайтесь, чтобы в голове мыслей не было. Это самая главная медитация в жизни».

Заключение. Открытым остается финал этой оригинальной современной антиутопии о «приглашении на казнь» с неопределенной датой. Как будто во сне герой вместе с охранником покидает Комбинат, проходит по улицам Москвы, пересекает ТТК, углубляется в окраинные кварталы, чудесным образом встречает у домов знакомых людей, а между тем насилие сбрасывает маску учтивости и пулемет «Саша начинает

стрелять по пустой Красной зоне, кроша кафельный пол в пыль, он стреляет по пустому месту, и кафельная плитка пола разлетается во все стороны». Что это: сбой системы или прицеливание к новым мишеням?

Список литературы

1. Данилов Д. Писатель – не рабочий у станка [интервью] // URL: https://godliteratury.ru/articles/2022/05/07/dmitrij-danilov-pisatel-ne-rabochij-u-stanka (дата обращения: 25.08.2022).
2. Кириенков И. Важная книга: «Саша, привет!» Дмитрия Данилова // URL: https://polka.academy/materials/837 (дата обращения: 25.08.2022).
3. Лисицына Е. «Саша, привет!» Дмирия Данилова: ЗА // URL: https://gorky.media/reviews/sasha-privet-dmitriya-danilova-za/ (дата обращения: 25.08.2022).

УДК 821.161.1

О ЖЕСТЕ ГЕРМАННА В «ПИКОВОЙ ДАМЕ» А. С. ПУШКИНА

Овчаренко А.И., Кораблёв А.А., д-р филол. наук, проф.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
dikoepole@rambler.ru, novcharenco@yandex.ru

Вопрос о моменте перерождения персонажа Пушкина (из человека рационального склада в одержимого) остаётся актуальным. По мнению В. Афанасьева, «демоническая сила Германна возрастает <…>, но подлинную власть над самим своим субъектом она обретает в происшествии на похоронах графини <…>. Роковой случай (падение наземь) – это действительно переходный момент, знаменующий перевоплощение самого Германна (здесь можно усмотреть связь с русской фольклорной традицией, в которой герой для смены облика должен удариться об земь…) [1, с. 4].

Однако это – следствие предыдущего действия: Германн поклонился в землю и несколько минут лежал на холодном полу, усыпанном ельником. Каково возможное психологическое содержание этих минут? На уровне разума Германн собирается просить прощения у графини, на уровне сердца – одержим сребролюбием и желанием узнать тайну. Т.е. «приближается ко Мне устами своими, и языком своим чтит Меня, сердце же его далеко отстоит от Меня» (Ис.29:13). Повествователь указывает, что две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе. Соответственно страсть побеждает рацио и поклонение Германна адресуется не Богу, а маммоне (ср.: Мф.6:24). Падение героя является следствием грехопадения: Снова переносит Его диавол на гору весьма высокую, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: Все это я отдам Тебе, если Ты, повергшись ниц, поклонишься мне (Мф.4:9).

Одна из современных читательниц по поводу данного отрывка повести пишет: «Странное место, однако, нашла я <…>. Не верится что-то.

Да и фраза какая-то странная: поклонился и лежал. <…> Я уж думаю, может, что-то перепуталось, и на полу Германн всё же оказался в результате падения? Никаких комментариев к этому фрагменту я не нашла» (https://lilac2012.livejournal.com/39072.html). Надеемся, наш комментарий (с позиций «религиозной филологии») станет одним из возможных.

Список литературы

1. Афанасьев В. А. Демонизм в «Пиковой даме» А. С. Пушкина с точки зрения семиотики карт и карточной игры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://naukavestnik.ru/doc/gv1802Afanasev.pdf (дата обращения: 28.07.2022).

УДК 81’42

ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Озерова Е.Г., д-р филол. наук, доц.
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», г. Белгород, РФ
ozerova@dsu.edu.ru

Введение. Поэтика художественного текста обусловлена антропоцентрическими факторами и сфокусирована на личности автора, поскольку является тем действующим участником, благодаря которому порождается текст, номинируются персонажи, создается архитектоника произведения, формируются языковые средства выражения авторского замысла.

Следует отметить, что для процесса восприятия художественного текста важны как субъект, порождающий текст, так и субъект, воспринимающий текст, поэтому проблема исследования поэтики художественного текста раскрывается через исследование языковой личности не только автора, но и читателя, так как «в сфере компетенции когнитивной поэтики оказываются различные этапы цикла функционирования художественного произведения: автор (индивидуальная концептосфера) – художественная реальность (концептуальная структура текста) – читатель (когнитивные механизмы восприятия)» [Тарасова, 2018: 6].

Поэтика художественного текста выявляется через призму когнитивно-эмотивного порождения и восприятия автора – читателя, которые являются важными участниками коммуникативного взаимодействия.

Основная часть. Поэтика художественных текстов лирической прозы формируется благодаря интенциональности как проявлению индивидуально-авторского смысла, который «совмещен с переживанием особого рода» и рефлективно направлен «на опыт, затем – на душу носителя этого опыта» [Богин, 1994: 3], но при этом, по мнению автора, важным является «зачаток действия», а признак действия актуализируется наличием рефлексии.

Термин «интенциональность» принадлежит Ф. Брентано, который, рассматривая происхождение нравственного познания, указывает на наличие индивидуально-своеобразной компоненты: «нет … веры – без того, во что верят, надежды – без того, на что надеются» [Брентано, 2000: 48].

Анализ функционирования интенциональности в художественных текстах лирической прозы позволяет говорить о том, что субъективные доминанты переживания и чувственного восприятия автора аккумулированы в художественную реальность произведения, благодаря чему формируется поэтика восприятия.

«Любить свою семью, свои впечатления детства, свой дом, свою школу, своё село, свой город, свою страну, свою культуру и язык, весь земной шар необходимо, совершенно необходимо для нравственной осёдлости человека» (Д. Лихачёв). Автор порождает текст, который выражает интенциональную модальность и воздействует на читателя, ее действие сфокусировано на глаголе «любить». Нейтральная форма слова дополняется индивидуальными смыслами, повествование-наррация обусловлено логической организацией высказывания и выявляет смысловое наполнение нравственной осёдлости человека.

Ментальная и субъективная интерпретация нравственного поведения сосредоточена на культурных и семейных ценностях, способности любить, именно глагольная лексема формирует не только модальную нагрузку, но и смысловую вариативность: любить свою семью – ‘заботиться, оберегать, помогать’, любить свои впечатления детства – ‘помнить’, любить свой дом – ‘чувствовать защиту, беречь’.

Языковая экспликация интенциональности формирует поэтику художественного текста посредством сенсорного восприятия. 1) Зрительное: звезды – голубой хрусталь; 2) обонятельное: земляникой пахнет; 3) тактильное: резанёт, ожжёт морозом; 4) осязательное: тёплый запах мёда.

Взаимодействие когнитивного и эмотивного чувственного восприятия формирует синтез интенциональной модальности: И звон услышишь. И будто это звёзды – звон-то! Морозный, гулкий – прямо серебро…. И всё запело, тысяча церквей играет (И.С. Шмелев, «Лето Господне»).

Вариация смыслов создает ценностно-смысловой фон, раскодируются имплицитные смыслы, «которые эксплицируются с помощью когнитивно-дискурсивной интерпретации текста и когнитивных интенций автора» [Озерова, 2010: 183].

Взаимодействие поэтики и антропоцентричности в художественных текстах репрезентирует чувственное «Я», которое порождается автором и актуализируется мировосприятием читателя. Чувственное восприятие в художественном тексте является не только фоном повествования, но и эксплицирует многогранные процессы, отражающие внутренний мир человека.

Чувственные впечатления, порождаемые действительностью, остаются в памяти и воспроизводятся автором художественного текста.

Именно воспоминания порождают поэтику художественного текста в произведениях А.П. Чехова, И.А. Бунина, И.С. Шмелева, В.А. Никифорова-Волгина, В.Н. Крупина.

Чувства определяют поступки и формируют память. А память – может быть, главная составляющая души (В.Н. Крупин, «Событие, вписанное в вечность»).

Лингвопоэтическая сущность, национально-культурная и ценностно-смысловая архитектоника произведения отображают индивидуально-авторское мировидение при порождении художественной действительности.

Заключение. Проявление поэтики в художественном тексте обусловлено экстралингвистическими факторами, поскольку когнитивные процессы воспоминания являются центральной константой всей архитектоники художественного текста, постоянно обновляемой динамикой ценностно-смысловых представлений автора.

Образное и индивидуально-авторское мировидение раскрывает палитру чувственных ассоциаций и переживаний, которые порождают поэтичность художественного текста. Смысловое пространство ментальных образов способствует формированию авторских интенций, актуализации чувственной и ассоциативной памяти, посредством которой репрезентируется поэтика в архитектонике художественного текста.

Список литературы

1. Богин Г. И. Интенциональный акт как ситуация появления смысла // Язык и культура: III-я междунар. конф.: Докл. и тез. – Киев, 1994. – С. 3-27.
2. Брентано Ф. О происхождении нравственного познания / Ф. Брентано. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ, 2000; – СПб.: Алетейя, 2000. – 186 с.
3. Озерова Е. Г. Дискурсивно обусловленные коннотативно-смысловые вариации слова в русской поэтической прозе // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. Федеральный научно-практический. – 2010, №6 (14). – С. 180-183.
4. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография / И. А. Тарасова. – Москва, 2018. – 164 с.

УДК 82-1

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ДУХОВНОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

Панасенкова В.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

v.lantukh@donnu.ru

Введение. В середине XVIII века ведущим направлением в русской литературе становится классицизм. Одним из ведущих жанров в

литературе этого периода была ода. Отметим, что данный жанр был представлен несколькими разновидностями. К числу таких жанровых разновидностей относятся духовные оды (стихотворные переложения псалмов). Традиция переложения псалмов имеет особое значение в истории русской литературы.

Актуальность данной работы обусловлена, по нашему мнению, связана с недостаточной изученностью истоков формирования переложения псалмов в русской литературе. Также, на наш взгляд, необходимо основательнее рассмотреть особенности стихотворных переложений псалмов поэтов XVIII века: М. Ломоносова и Г. Державина и вопрос о жанровой трансформации духовной поэзии: от стихотворных переложений псалмов к философской оде.

Цель данной работы состоит в выявлении специфики стихотворных переложений псалмов М. Ломоносова и парафрастических од Г. Державина.

Основная часть. Отметим, что переложения псалмов являются таким типом произведений, который включает в себя черты различных жанров. До сих пор одной из важных проблем остается вопрос о жанровой природе стихотворных переложений. Поисками жанра для такого типа сочинений занимались еще сами поэты – авторы переложений. Так, М. Ломоносов называл свои произведения «парафрастическими одами», в то время как А. Сумароков опубликовал свои сочинения под названием «Духовные стихотворения» и т.д.

Классическая торжественная ода была достаточно регламентированным жанром, что привело к появлению нескольких разновидностей данного типа произведений. Строгая система литературных жанров классицизма не позволяла писателю выразить все те чувства, которые волновали поэта. Торжественная ода тяготеет к риторической традиции, тогда как переложения псалмов отходят от риторизма.

Если торжественные оды были строго ограничены в тематическом плане, то «в переложениях псалмов вполне уместно развитие любой темы – от самой отвлеченно-философской до глубоко личной, частной» [1, с. 59]. Это способствовало тому, что авторское начало в духовных одах получило наибольшее развитие по сравнению с торжественными одами.

Как известно, М. Ломоносов переложил девять псалмов: в 1743 году автор выполнил перевод одного псалма, в 1747 – трех, один – в 1749 и в 1751 году поэт переложил четыре текста. Тематически большинство псалмов тем или иным образом связаны с личной жизнью самого М. Ломоносова. Опираясь на известные факты биографии поэта, мы можем утверждать, что 1747 и 1751 годы были для поэта чрезвычайно тяжелыми, омраченными негативным отношением со стороны руководителей Академии наук.

Для своих переложений М. Ломоносов выбирал именно те псалмы, которые больше всего соответствовали его душевному состоянию на тот

момент. Автор ощущал себя одиноким человеком, которого окружали враги, обидчики, гонители.

В стилистическом плане стихотворные переложения псалмов М. Ломоносова также отличаются от его торжественных од: они лаконичны и лишены метафоризации и гиперболизации.

Духовные оды привлекли внимание и Г. Державина. В своей лирике поэт стремится понять сущность человеческой жизни. Для этого он обращается к жанру духовной оды, который позволяет развивать интересующую его тематическую линию.

Г. Державин, как и М. Ломоносов, не перелагал Псалтирь полностью, а выбирал для своих духовных од «нужные» псалмы. Однако в отличии от имеющихся в русской литературе известных образцов парафрастических од XVII–XVIII вв., произведения Г. Державина нельзя назвать простым стихотворным пересказом псалма.

Канонический текст избирался поэтом в качестве готовой формы, которую он наполнял наиболее важным, актуальным на тот момент содержанием. Таким образом, Г. Державин разрабатывает новые принципы переложения ветхозаветного текста в текст поэтический, соединяя в нем духовное и светское, гражданское. Переложения Г. Державина можно считать поэтической вариацией на тему библейского псалма.

Новаторский характер философской лирики Г. Державина проявился не только в соединении духовного и светского. Так, в произведениях поэта отмечается усиление индивидуально-авторского начала и особый подход к образу лирического героя. Произведения Г. Державина постепенно трансформировались из переложения псалмов (переводного текста, зависящего от ветхозаветного первоисточника) в самостоятельное лирическое произведение.

Заключение. Жанр оды получил широкое распространение в русской литературе (как ни в одной литературе мира). Однако в силу того, что ода является риторическим жанром, она не могла воспроизвести все многообразие жизни.

Важное место в творчестве М. Ломоносова занимали духовные оды. Под духовными одами в XVIII веке понимали стихотворные переложения псалмов. Именно в духовных одах личностное начало получило большее развитие по сравнению с торжественными одами.

Анализ духовной лирики Г. Державина убеждает нас в том, что поэт явно трансформирует традиционные для русской литературы каноны. Так, переложения псалмов в творчестве поэта постепенно превратились в философскую лирику.

Список литературы

1. Серман И. З. Русский классицизм. Поэзия. Драма. Сатира / И. З. Серман. – Л.: Наука, 1973. – 284 с.

УДК **7**_7.11

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ К ЕВРОПЕЙЦАМ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ»

Петренко Н.В.
МОУ «Школа №46 города Донецка», г. Донецк, РФ
nata575@inbox.ru

Введение. Реалии современного мира таковы, что вопрос взаимоотношения России и западных стран приобретает все большую актуальность. И тем актуальнее становится переосмысление классиков русской литературы, которые обращались к освещению данного вопроса в прошлые века. Проблема взаимоотношения России и Европы в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского рассматривается в нескольких аспектах. Самое явное, что сразу бросается в глаза при прочтении «Заметок…», – это ироническое отношение автора не только к европейцам, но и к тем русским, которые активно перенимают европейские традиции.

Основная часть. Достоевский в начале своего произведения отмечает, что посетил несколько стран. Но наиболее детально он отображает особенности Англии и Франции. Лондон, по его мнению, является центром капиталистической промышленности Европы, а Франция интересует автора как мир, порожденный буржуазной империей Наполеона III.

Тем не менее, «достается» от писателя и немцам: «К тому же сами берлинцы, все до единого, смотрели такими немцами, что я, не посягнув даже и на фрески Каульбаха (о ужас!), поскорее улизнул в Дрезден, питая глубочайшее убеждение в душе, что к немцу надо особенно привыкать и что с непривычки его весьма трудно выносить в больших массах» [1]. В этом отрывке нет никакого презрения к немцам, это просто незлая ирония, которая показывает разницу в культуре, в мировоззрении, из-за чего Достоевскому и сложно «выносить» немцев. Но основная суть данного высказывания в том, что автор не испытывает раболепного восхищения перед первыми же встретившимися на его пути европейцами, хотя для многих русских такое поклонение Европе стало чем-то привычным.

Интересна и его оценка Кельнского собора – вершины немецкой готической архитектуры: «В обратный проезд мой через Кельн, то есть месяц спустя, когда, возвращаясь из Парижа, я увидал собор во второй раз, я было хотел «на коленях просить у него прощения» за то, что не постиг в первый раз его красоту, точь-в-точь как Карамзин, с такою же целью становившийся на колени перед рейнским водопадом…» [1]. В этой цитате несложно увидеть не столько ироничное отношение к архитектурному шедевру, сколько все то же неприятие раболепия. Намекая на то, что

Н.М. Карамзин в свое время стал на колени перед рейнским водопадом, сам Достоевский подчеркивает, что он не собирается преклоняться перед чужой культурой. Тем более, что красоты собора он не оценил и во время второго посещения.

Отношение к Карамзину и его произведению, повествующему о европейских достопримечательностях, сменяется более «благожелательным» воспоминанием о другом русском писателе – Д.И. Фонвизине: «Рассудка француз не имеет, да и иметь его почел бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написал еще в прошлом столетии Фонвизин, и, боже мой, как, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь об заклад, что у него щекотало от удовольствия на сердце, когда он ее сочинял» [1].

Данное высказывание становится прямым указанием на то, в каком ключе сам Достоевский будет оценивать особенности французского менталитета. И его первое знакомство с французами это только подтверждает: «Но нет, однако, почему же рассудка француз не имеет, спрашивал я себя, рассматривая четырех новых пассажиров, французов, только что вошедших в наш вагон» [1]. Это оказываются полицейские, которые фактически становятся первыми французами на пути автора. От своего попутчика путешественник узнает о тотальной слежке, принятой во Франции, что позже подтвердят и хозяева гостиниц, в которых он останавливался (они собирали о своих постояльцах как можно более подробные сведения, особенно это касалось иностранцев). Это не может не испортить первое впечатление автора от Франции, которое затем подтвердится рядом негативных явлений французской буржуазной действительности. Париж для Достоевского – не город влюбленных или город архитектурных красот, а город буржуазии, которая диктует свои правила всей Европе, фактически внедряя свои принципы индивидуализма и стяжательства.

Лондон также не вызвал у Достоевского особо теплых чувств. Анализируя свои впечатления от этого города, автор иронизирует: «Кто бывал в Лондоне, тот, наверно, хоть раз сходил ночью в Гай-Маркет. Это квартал, в котором по ночам, в некоторых улицах, тысячами толпятся публичные женщины… Во всем мире нет такого красивого типа женщин, как англичанки» [1]. Он не говорит о том, что проституция – это негативное явление, а просто обращается к теме красоты английских женщин. Выставляя себя напоказ, они якобы не продают себя, а просто демонстрируют свою красоту. Понятно, что таким образом Достоевский хочет подчеркнуть и социальную подоплеку: общество, в котором женщины вынуждены торговать своей красотой, не может считаться благополучным. И эту мысль подчеркивают другие описания, где на фоне красивого дворца субботним вечером появляются толпы пьяных рабочих, несчастные дети, на лицах которых «горе и безвыходное отчаяние»; а также голодное население в Вайтчапеле. Все это приводит к мысли о том,

что жизнь в Англии очень далека от того идеала, которым сразу может показаться неопытному путешественнику.

Размышляя о своем отношении к европейцам, Достоевский отмечает: «О, ради бога, не считайте, что любить родину – значит ругать иностранцев и что я так именно думаю. Совсем я так не думаю и не намерен думать, и даже напротив... Жаль только, что объясниться-то яснее мне теперь некогда» [1]. Он и не «ругает» иностранцев, а просто делится своими впечатлениями от посещения их городов, от особенностей их быта и мировоззрения. Но мысли его поданы в ироническом контексте, который подчеркивает многие негативные стороны жизни европейцев.

Что же касается русских в их отношении к иностранцам, здесь автору тоже есть что сказать: «Действительно ли мы русские в самом-то деле? Почему Европа имеет на нас, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатление?» [1]. Здесь он не может не вспомнить того же Д.И. Фонвизина, который критиковал французов, а сам «таскал … всю жизнь на себе неизвестно зачем французский кафтан, пудру и шпажонку сзади, для означения рыцарского своего происхождения (которого у нас совсем не было)» [1].

Ф.М. Достоевский считает, что образ Запада у русских сложился под влиянием статей в журналах и литературных произведений, в то время как в реальной жизни это совсем другой тип и стиль жизни. Влияние Европы на Россию, по мнению автора, вряд ли можно считать привнесением цивилизации, хотя об этом многие и говорят: «Я именно размышлял на тему о том: каким образом на нас в разное время отражалась Европа и постепенно ломилась к нам с своей цивилизацией в гости, и насколько мы цивилизовались, и сколько именно нас счетом до сих пор отцивилизовалось? Теперь я сам вижу, что всё это тут как бы лишнее. Да я же вас и предуведомил, что вся глава лишняя» [1].

Заключение. Тем не менее, называя эту главу лишней, автор приводит в ней свой ответ на заданный самим же вопрос. Он считает, что в России «варварски смешивают цивилизацию и законы нормального истинного развития», а потому и преклоняются перед Западом, хотя он и не настолько достоин преклонения. По мнению Ф.М. Достоевского, западная цивилизация совершенно не достойна для подражания, поскольку Запад уже давно интересуется только материальными благами, а для настоящего развития необходима «натура, потом наука, потом жизнь самостоятельная, почвенная, не стесненная, и вера в свои собственные, национальные силы» [1].

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Зимние записки о летних впечатлениях. – Текст: электронный – URL: https://royallib.com/read/dostoevskiy_fedor/zimnie_zametki_o_letnih_vpechatleniyah.html#0

УДК 82

ФУНКЦИИ АРХЕТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В НАРРАТИВЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ДРАМЫ

Плахтий Т.П.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
t.plakhtiy@donnu.ru

Введение. Архетипические образы в нарративе древнерусской религиозной драмы многогранны и многофункциональны. Они постоянно проявляют свои связи с архаическими текстами культуры: славянским фольклором, библейскими притчами и сказаниями. Интерпретация зрителем театра барокко мотивов, образов и символов древнерусской религиозной драмы была обусловлена способом мышления барочной эпохи, сформированным эстетическим чувством, способностью к восприятию сакральных символов православной религиозной культуры. Степень осознания сакрального начала религиозных пьес зависело от глубины познаний библейского писания, широты мировоззрения и духовных характеристик человека барокко.

В своей работе мы опираемся на труды по истории древнерусской драмы В. Резанова [3] и исследования современных литературоведов [4]. Цель данной статьи – проанализировать архетипические образы в нарративе древнерусской религиозной драмы, определить специфику их функционирования.

Основная часть. В первую очередь необходимо указать на ритуальную функцию архетипического образа в древнерусской религиозной драме, поскольку само соприкосновение верующего человека с сакральными образами сравнимо с актом молитвы, а «… древнейшие образы могут иметь литургический статус, когда представляют некий вид молитвы, в основе которой лежит исповедание веры» [2]. Библейский образ в нарративе религиозной пьесы приобретает характеристики художественного явления, которое, с точки зрения семиотики, «… представляет собою иконический знак, содержащий новую эстетическую реальность, созданную на основе первичной реальности» [4]. То есть, необходимо рассмотреть и эстетическую функцию архетипического образа в древнерусских пьесах. Так, например, образ Богородицы в пьесе Д. Ростовского «Успенская драма (комедия на Успение Богородицы)» обусловлен семиосферой барочной культуры. Богородица в сознании христианина – прекрасная непорочная Дева, заступница всего человечества, мать Христа. Наряду с эстетической функцией художественного образа реализуется и его иконическая функция. Реципиент драмы воспроизводит в своем сознании все знакомые иконические изображения Богородицы. Этот образ впитал в себе уже сформированные архетипические смыслы и символы, связанные не только

с канонами православия, но и со светскими образами невесты, матери – основательницы рода. Поэтому мы можем говорить о реализации имманентной функции архетипического образа: одновременно память реципиента драмы актуализирует не только скульптурные изваяния и живописные изображения матери, но и образ родительницы. Поскольку архетипический образ в древнерусской религиозной драме организует конкретное текстовое пространство, он имеет в своей структуре оригинальный содержательный компонент, отражающий мировоззрение ее автора. В этом случае архетипический образ транслирует авторское видение мира. Реализуется авторская трансляционная функция образа.

Смыслопорождающим центром в текстах древнерусских пьес является символ гармонии, вселенского порядка, который отображен в образе Бога. Такое представление о Всевышнем созвучно представлениям, отраженным в русских народных пословицах: «Сильна божья рука»; «Божья рука – владыка»; «Бог не в силе, а в правде»; «Велик бог милостью». Образ Духа в древнерусской религиозной драме связан с персонифицированными фигурами Суда Божьего и Гнева Божьего. В евангельском тексте образу Духа противопоставляется образ грешной плоти: «… дух бодр, плоть же немощна» (Мф. 26, 41); «Дух животворит; плоть не пользует нимало» (Ин. 6, 63); «… рожденное от плоти есть плоть, а рожденное от Духа есть дух» (Ин. 3, 5-6) [1]. С образом тела (плоти) в древнерусской религиозной драме связаны персонифицированные фигуры человеческих грехов и добродетелей. Быть живым – значит иметь душу, быть душой: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2, 7) [1]. В то же время, «отдать душу», «потерять душу» значит умереть: «… выходила из нее душа, ибо она умирала» (Быт. 35, 18) [1]. Такое представление о душе находим в русских пословицах и загадках: «Душа – перелетная птицы, в теле долго не гнездится», «Душа в теле, имущество в руках», «Ты – во мне, я – в тебе» (отгадка – «душа»). Библейский образ души связан в древнерусской драме с символикой преобразования, развития, движения: распятый на кресте и воскресший Иисус Христос, воскресшая после своего успения Богородица, дорога в Иерусалим, странник (пилигрим) и др.

Глубже раскрывают концепцию религиозной пьесы или тематического цикла древнерусских драм лейтмотивы. Под термином, который был заимствован из музыковедения, имеется в виду ведущий мотив – конкретный образ, главная тема или идея, определяющая интонация, пронизывающая драматическое произведение или цикл. Лейтмотив является ключевым для раскрытия авторского замысла. Благодаря взаимосвязанности различных лейтмотивов древнерусской религиозной драмы (лейтмотивы «дорога», «покаяния», «исповедь», «причастие», «смерть») воспроизводится художественная модель религиозного мировоззрения. В древнерусских религиозных пьесах эти мотивы находят

свое развитие в таких малых жанровых формах как молитва, исповедь, покаяние, богородичен и др. В пьесе Д. Ростовского «Успенская драма (комедия на Успение Богородицы)», благодаря приему параллелизма, созвучно разработаны мотивы «успения Богородицы» и «ожидания грешником смерти». Изображение земных событий в драме отражает сакральный сюжет в профанном измерении. Каждая из древнерусских пьес является вариацией на заданную тему, детализированным ее представлением, своеобразным переплетением мотивов, составляющих основу сюжетных линий. В драмах рождественского цикла из мотива «рождение Христа от Святого Духа», как, например, в пьесе Д. Ростовского «Рождественская драма (комедия на Рождество Христово)», разворачиваются сюжетные линии – «преследование Христа» и «убийство царем Иродом невинных младенцев». Сюжет рождественской драмы Д. Ростовского формирует образ Наказания Господнего. В пасхальном моралите XVIII в. «Царство Натуры Людской» с мотивом «грехопадения» связаны две сюжетные линии. В сакральном измерении – сюжетная линия «распятие Христа», а в профанном – «наказание и покаяние грешного человека». Из сакральной сюжетной линии рождается образ Христа Спасителя. Сюжетная линия, отражающая земные события, формирует образ раскаявшегося и освободившегося от бремени своих грехов человека. В религиозных драмах о житиях святых, как, например, в древнерусской пьесе неизвестного автора «Драма про Алексея, человека Божия» и пьесе Д. Ростовского «Успенская драма (Комедия на успение Богородицы)», из мотива «смерти» параллельно развиваются сюжетные линии «погребения и воскресение Богородицы» и «грехопадения и покаяния человека». Первая сюжетная линия выкристаллизовывает образ Матери Божьей, вторая – образ грешного человека.

Заключение. Образы древнерусской религиозной драмы архетипичны, ибо их первичные смыслы уже определены ранее в библейских притчах, православных молитвах, христианских песнопениях, духовных стихах и т. д. Архетипические связи позволяют сохранять целостность, духовный потенциал и сакральный символизм древнерусской драмы. Архетипические образы связаны с христианскими символами, их значение осмысленно в старозаветных и новозаветных текстах. В нарративе религиозной драмы такие образы выполняют ритуальную, эстетическую, иконическую, имманентную функции, а также функцию трансляции авторского видения мира.

Список литературы

1. Библейское учение о человеке. Электронный словарь – URL: https://www.xpa-spb.ru/slov/1-04.html (дата обращения – 19.09.2022).
2. Прижан П. Образы христианские, образы священные. Об одной историко-богословской проблеме древнего христианства – URL: http://krotov.info/library/16_p/ri/zhan.htm (дата обращения – 19.09.2022).

3. Рѣзанов В. Изъ истории русской драмы. Школьныя дійства XYII–XYШ вв. и театръ іезуитов. – Москва, 1910. – 342 с.
4. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. – Т. 1: Н. Д. Тамарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – М.: Издательский центр «Академия», 2004 – 512 с.

УДК 821.161.1

СВЯТООТЕЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ: О ДУХОВНОЙ ПРОЗЕ СВТ. ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

Пращерук Н.В., д-р филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», г. Екатеринбург, РФ
pnv1108@gmail.com

Введение. Духовно-аксиологическая база русской литературы, христианская в основе своей, представлена сегодня гуманитарной наукой достаточно объемно и широко. Целые научные коллективы (ИРЛИ РАН, ПетрГУ, НовГУ, ИМЛИ РАН и др.) на протяжении ряда лет исследуют религиозную составляющую русской литературы, изучают «Евангельский текст» в художественных произведениях в его различных претворениях, формах, аллюзиях и преображениях, разрабатывают новый, отвечающий теме категориальный аппарат. Накоплен огромный исследовательский материал.

Вместе с тем – в контексте уже сделанного – очевидно, что назрела проблема более широкого «вовлечения» святоотеческой традиции в литературоведческие исследования. Духовное наследие свт. Игнатия (Брянчанинова) представляет для филолога в этом плане огромный интерес, поскольку, во-первых, сами сочинения святителя – это не только богословские тексты, но и явление художественной словесности. А, во-вторых, его размышления о природе человека, о художественном творчестве имеют несомненную ценность в методологическом ключе, содержат ключи к осмыслению духовной составляющей русской литературы.

Основная часть. Свт. Игнатий (Брянчанинов) (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов) (1807-1867) – известный православный деятель, духовный писатель, автор знаменитых сочинений «Слово о смерти», «Аскетические опыты» и др.

В своей статье «Христианский пастырь и христианин-художник» святитель утверждает (статья построена как диалог), что источником подлинного творчества является духовное устремление человека и «один Бог – предмет, могущий удовлетворить» это устремление: «Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Талант человеческий во всей своей силе и несчастной красоте развился в

изображении зла; в изображении добра он... слаб, бледен, натянут. Истинный талант, познав, что Существенно-Изящное – один Бог, должен извергнуть из сердца все страсти, устранить из ума всякое лжеучение, стяжать для ума евангельский образ мыслей, а для сердца – евангельские ощущения» [1, с. 186-187]. В диалоге обозначены этапы духовного пути художника, что также открывает перспективы к новому прочтению судеб многих классиков. Важно и то, что на основании опытных построений святителя оказывается возможным прояснить само понятие *духовное*, которое в гуманитарных исследованиях трактуется неоправданно широко и расплывчато. При этом главное в определении св. Игнатия – то, что *духовный, духовное* относится не к статическому разделению *дух-душа-тело*, а к динамическому различению состояний души [2, с. 445-446]. Думается, это чрезвычайно важное пояснение, которое могло бы послужить методологическим ключом к интерпретации духовного состояния литературных персонажей.

Само творчество святителя, его духовные сочинения наряду с богословской глубиной отличаются яркой литературностью, мастерством художественного слова. Следует отметить обширный (богатый) жанровый диапазон его произведений. Мы писали ранее о его миниатюрах, по своей природе тяготеющих к стихотворению в прозе («Кладбище», «Сад во время зимы», «Роса» и др.), о библейской повести «Иосиф» [3, с. 11-21]. Эти сочинения вошли в труд святителя «Аскетические опыты». Еще предстоит их осмыслить в контексте русской литературы 19 века. Так, поучительным представляется сопоставление миниатюр святителя и стихотворений в прозе И. С. Тургенева, а повесть «Иосиф» и «Героя нашего времени, в полемике с которым она и была написана.

Проза свт. Игнатия (Брянчанинова) включает также особые эпические повествования, плачи, паломничества. Остановимся на его сочинении «Фарисей», которое по многим параметрам возвращает нас к древнерусскому жанру слова – духовного поучения. Слово в силу своей жанровой природы, связанной с воспроизведением прежде всего перед слушателями, несет в себе черты предполагаемой активной коммуникации, а, значит, особым образом выстроено. Слово должно максимально воздействовать на читателя, а, следовательно, оно четко структурируется, изобилует целым комплексом выразительных фигур речи, богатством изобразительных средств и вместе тем сохраняет черты свободного устного высказывания. Не случайно именно со словом связывают происхождение жанра эссе [4, с. 68].

Слово св. Игнатия включает краткое предисловие, начинающееся обращением «Братия!», которое сразу обозначает диалогический способ развертывания содержания, диалогическую структуру построения текста. На протяжении всего произведения эта установка последовательно реализуется, повествователь не замыкается в своих рассуждениях, он настроен на читателя/слушателя, прямые обращения к читателю

перемежаются многими и многими вопросами. Особое место занимают вопросы, адресованные главному герою произведения – фарисею. Характерна интонация сердечного, живого, личностного переживания того, о чем стремится поведать читателю автор. Слово, кроме предисловия, содержит две части. В первой – с максимальной содержательной и богословской полнотой раскрывается феномен фарисейства и обрисовывается образ фарисея, указываются главные его черты. Задействован широкий круг образных средств. Фарисейство трактуется как тягчайший грех, приводящий к Богоубийству: «Величайшее злодеяние на земле совершено фарисеями. Всегда были они верны, и доселе они верны своему адскому призванию. Они – главные враги и гонители истинной, христианской добродетели и благочестия, не останавливающиеся ни пред каким средством, ни пред каким преступлением [5, с. 74]; «Фарисейство – страшный яд; фарисейство – ужасный душевный недуг» [5, с. 70]. Речь становится обличительной, полной сильнейшего эмоционального накала: «Эта душа в страшном запустении, в страшном мраке, в страшной мертвости. Это – вертеп темный, обитаемый одними лишь лютыми зверями, или еще более лютыми разбойниками. Это – гроб украшенный снаружи для чувственных глаз человеческих, так легко обманывающих, внутри исполненный мертвых костей; зловония, червей, всего нечистого, богоненавистного» [5, с. 72]. Щедрая изобразительная и метафорическая составляющая – характерная черта образного и языкового воплощения темы. Любопытно, что, описывая фарисея, святитель прямо обозначает свой метод репрезентации героя как живописание, но живописание особое, опирающееся на Евангелие: «Постараемся начертать изображение фарисея, заимствуя живопись из Евангелия, чтоб каждый, вглядываясь в это страшное, чудовищное изображение, мог тщательно храниться по завещанию Господа «от кваса фарисейска» (Мф.16:6) [5, с. 70]. Тем самым евангельский текст, широко представленный в произведении, становится живым, зримым, та реальность переживается здесь и сейчас.

Если в первой части нам дается образ фарисея во всей полноте его качеств – от жестокосердия и неспособности к смирению до лицемерия, тщеславия, сребролюбия, то вторая часть построена, главным образом, на поучении, как нам избежать «закваски фарисейской». Святитель приводит примеры поведения праведников, на которые читатель должен ориентироваться в своем духовном пути. Завершается произведение фрагментом с тем же обращением «Братия!», который содержит сердечные наставления пастве по очищению себя от страстей не только телесных, но и душевных.

Заключение. Таким образом, произведение свт. Игнатия (Брянчанинова) «Фарисей», как и ранее рассмотренные его сочинения, открывает нам не только глубочайшего духовного писателя, но и яркого художника слова, блестяще владеющего принципами и приемами высокого литературного письма.

Список литературы

1. Жизнеописание епископа Игнатия Брянчанинова. – М.: РНБ, 2002. – 512 с.
2. Игнатий Брянчанинов, святитель. Полн. собр. писем: в 3 т. Т. 2. – М.: Паломник, 2011. – 703 с.
3. Пращерук Н. В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика. – Екатеринбург: изд-во Урал. ун-та, 2018. – 110 с.
4. Кайда Л. Г. Эссе. Стилистический портрет. Монография. – М.: Наука, Флинта, 2008. – 184 с.
5. Игнатий (Брянчанинов), святитель. Песнь под сенью Креста. – М.: Неугасимая лампада, 2014. – 224 с.

УДК 82.091

ЭПИСТОЛЯРИЙ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ

Пустовит В.Ю., д-р филол. наук, проф.
ГОУК ЛНР Луганская Государственная Академия Культуры и Искусств им. М. Матусовского, г. Луганск, РФ
lgaki.info@mail.ru

Первоочередной задачей современной гуманитаристики является воспитание гражданина, ориентированного на общечеловеческие нравственно-поведенческие и государственные ценности, способного противостоять социально разрушающим, в том числе и враждебным, выпадам, деструктивно влияющим на становление характера молодежи, на формирование ответственной гражданской позиции сегодняшнего студенчества. Приоритетная роль в решении этой задачи отводится нами занятиям по русской словесности, на которых обеспечивается не только приобщение обучающихся к образцам искусства слова, но и происходит более глубокое, по сравнению со средней школой, ознакомление с биографией и творческим наследием писателей как личностей, внесших мощнейший вклад в развитие не только русской культуры и отечественной педагогики, но и существенно повлиявших на развитие мирового литературного и образовательного процессов.

Для человека XXI века ассоциация с письмами, с перепиской сводится разве что к электронному письму, а в большинстве случаев – к общению онлайн в сети и современных порталах с помощью электронных гаджетов. В этом, как и в каждом другом современном явлении, есть положительные стороны: быстрый, даже мгновенный ответ, постоянная связь, возможность «не разрываться» в зависимости от места нахождения, удобство и т.д. Однако актуализируется не менее важная проблема – такая переписка (т.е. электронная по форме и средствам) не сохраняется в материальном виде, т.е. не может стать «наследием» для потомков, а ведь, возможно, кому-то будет интересно узнать через двадцать-тридцать лет,

например, о студенческой культуре и быте, интересах и выборе досуга, отношениях и т.д., в которых прошла молодость родителей или знаменитых соотечественников.

В последнее время издательства активно публикуют письма, дневники выдающихся людей прошлого, а писатели обращаются к подзабытому жанру историко-биографического романа. Очевидно, это своеобразная реакция на потребность и возрождения, и обращения к переписке – эпистолярному жанру – как культурному феномену, сохраняющему для будущих поколений и картины эпохи, и портреты людей, и общий фон общественной жизни, и черты индивидуального наследия тех или иных конкретных людей. Безусловно, первенство такого возрождения принадлежит прошлому – изучению эпистолярия выдающихся творческих личностей отечественной культуры.

Так, например, писательский эпистолярий дает возможность исследовать и осветить не только творческие контакты выдающейся личности с единомышленниками, но и открыть читателю (исследователю, студенту, школьнику) многогранный образ автора с разных сторон, ведь человек, особенно творческий, оставшись наедине с листком бумаги, как правило, не контролирует и не сдерживает чувства, стремится «излить» в письме все, что наболело, как следствие, перед читателем – «обнаженная» душа творческой личности.

Заявленная тема научного поиска выбрана нами не случайно, ведь в процессе изучения творческой биографии русских писателей и поэтов неоценимую роль, с нашей точки зрения, играют именно жанры мемуаристики, особенно частная переписка в письмах. Мы рассматриваем эпистолярное наследие писателей в учебном процессе как источник достоверной информации именно о личности писателя, его творческом потенциале, дружественных (и враждебных) отношениях с обществом или с конкретными людьми, оставившими в отечественном искусстве заметный след.

На важность изучения такого рода источников указывает немало факторов. Например, на необходимость создания писателями собственных мемуаров постоянно указывает А. Тартаковский в научных публикациях: «Создание мемуаров можно понимать как целенаправленную деятельность личности по сохранению опыта своего участия в историческом бытии, по закреплению памяти о своем времени и о прошлом или как акт осознания себя в потоке» истории. Таким образом, в мемуарах особенно полно выражается историческое самосознание личности и в этом и заключается первичная социальная функция мемуаристики» [1, с. 11]. Достояние этого жанра интерпретируется как самопознание человека, эпохи, в которой он жил, поколения в целом и т.д. Поскольку писательский эпистолярий, как и мемуары, способствует отслеживанию эволюции личности и творчества художника, то в научных публикациях неоднократно отмечалось, что переписка комплексно и достоверно отражает лабораторию авторского стиля, освещает экспериментирование художника слова в поисках жанра,

является отражением проявления психологии творчества, гендерных предпочтений, мастерства и таланта и т.д.

Введение в обучающее занятие такого содержания требует от преподавателя как методических умений отбора значимой информации из эпистолярных источников, так и внесения этой информации в современные эффективные формы проведения занятий, цель которых – изучение творческой биографии писателя, формирование интереса к его наследию, гражданское и нравственное воспитание студенческой молодежи на лучших образцах отечественной словесности.

Традиционное использование писательского эпистолярия при ознакомлении с его биографией и творчеством несет в себе значительный воспитательный потенциал, поскольку способствует формированию на положительных примерах устойчивых жизненных убеждений, мировоззренческих позиций, основанных на идеальных образцах человеческого самосовершенствования, воплощения нравственного идеала гармоничной личности.

Современный взгляд на проведение обучающих занятий предполагает широкое использование мультимедийного сопровождения, что позволяет сочетать в учебной презентации актуальный видеоряд: от трансляции аутентичных страниц писем до прослушивания записи «живого» голоса писателя. Безусловно, в таком случае комплексно обеспечивается высокая эффективность изучения жизненного пути и наследия творческой личности.

Важно акцентировать внимание студентов и на том, что уникальность аутентичной переписки, ее значение для потомков заключаются в первую очередь в исторической ценности, ведь этот вид писательского наследия практически не попадал под традиционную для прошлых времен цензуру (в отличие от вышедших в печати произведений), т.е. письма – своеобразная летопись эпохи, содержащая нравственно-культурную информацию, не искаженную идеологическими установками-однодневками, «несогласием» того или иного чиновника, предвзятым отношением главного редактора издания и т.д.

Таким образом, эпистолярное наследие выдающихся людей эпохи прошлого ожидает современных молодых исследователей, а сохраненная в письмах социокультурная информация – обнародования в научных источниках. Из мозаичных фрагментов писем со временем образуется разноцветная мозаика кросс-культурного взаимодействия между народами, нациями, культурами, людьми.

Список литературы

1. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в. От рукописи в книге / А. Г. Тартаковский. – М.: Наука, 1991. – 288 с.

УДК 82

ОБРАЗ РЕБЕНКА В ПОЭЗИИ Б. АХМАДУЛИНОЙ

Рябцева Н.Е., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», г. Волгоград, РФ
ryabtzeva.natalya@mail.ru

Художественная семантика основных пространственных типов и моделей, репрезентирующих тему детства в творчестве Б. Ахмадулиной, отличается ярко выраженной культурологической доминантой. Топос детства в художественном мире поэта всегда соотнесен с пространством памяти, в котором личный жизненный опыт представлен в диалогическом единстве с образом культуры. Культурологическая парадигма лирического высказывания определяет такую особенность художественного мира Ахмадулиной, как «вторичность» её эстетики и поэтики. Концепт культурной памяти, как значимой составляющей поэтической картины мира, особым образом организует структуру художественного пространства детства в стихах Ахмадулиной. Художественное пространство детства в творчестве Ахмадулиной можно представить как «модель мира, выраженную на языке пространственных представлений» [3, с.414].

Обращение Ахмадулиной к топосу детства связано главным образом с рецепцией темы собственного материнства, осмыслением себя в двойственной роли – матери и поэта. Современными исследователями неоднократно отмечалось, что для лирической героини Ахмадулиной характерно редуцирование материнской ипостаси женщины-поэта: «безгрешность» Поэта – перед листом бумаги, перед читателем – как основной «смысл» творчества превалирует над ценностью материнской ипостаси» [5, с.333]. Вместе с тем необходимо учесть, что редуцирование материнской роли поэта в стихах Ахмадулиной не может быть сведено исключительно к конфликтному столкновению двух ипостасей образа – женщины-матери и женщины-поэта. В стихотворении «Что за мгновенье! Родное дитя…» образ ребенка обретает амбивалентную семантику, которая реализуется именно с учетом диалектического единства всех смысловых граней образа ребенка: ребенок – «родное дитя» и ребенок – «детище речи» (дар/творчество). Образ поэта обретает статус медиатора между миром высших сфер – Творчества, Вдохновения, Поэзии, и повседневной реальностью, в которой «лютый младенец кричит за стеной» [1, с.115]. Однако этими семантическими полюсами образ ребенка не исчерпывается. Тема двойной вины (перед «родным дитем» и «ремеслом») раскрывается с помощью образа зеркального двойника: лирическая героиня, «содрагается», встречая своё лицо «в зеркале». Мотив зеркального отражения, актуализирующий семантику «самоотчета-исповеди» (Бахтин М.М.), обращает нас к широкому спектру

литературных традиций. Но наиболее значимую роль играет пушкинская традиция, являющаяся ключом к прочтению стихотворения. Пушкинский предтекст, как наиболее семантический сильный – «ядерный» текст русской литературы, реализуется в стихотворении Ахмадулиной в соответствии с принципом «тесноты стихового ряда» (Ю.Н. Тынянов), рождая дополнительные художественные значения образов, расширяя орбиту интертекстуальных связей практически до бесконечности.

Аллюзии на пушкинский образ Поэта представлены в первой и заключительной строках текста, образуя таким образом композиционное кольцо. Стихотворение открывается пушкинской строкой, актуализирующей тему «мгновенья» – как приобщения лирической героини, крадущейся «сквозь чащобу житья», к духовному миру – к Творчеству. Заканчивается стихотворение внутренним «содраганием» героини, скрывающейся от своего зеркального двойника. Оппозиция поэтическое/высокое и человеческое/обыденное может быть прочитана в контексте пушкинского стихотворения «Поэт» (1827). Финальный образ стихотворения отсылает нас к пушкинскому образу «пробудившегося орла» – «встрепенувшейся души» поэта. «Детская» семантика, эксплицированная в пушкинском стихотворении («И меж детей ничтожных мир, / Быть может, всех ничтожней он»), своеобразно преломляется в образной системе стихотворения Ахмадулиной, трансформируя и контамирируя образные пары «мать – ребенок», «женщина/мать – поэт». Семантика детства проецируется на образ самого поэта – жителя иных миров, чужестранца, постигающего тайны ремесла. Пушкинский образ вступает в своеобразный диалог с лирическими текстами раннего В. Маяковского и Б. Пастернака, переосмысливающих на новом историческом витке традиционный для поэзии конфликт быта/пошлого мира и бытия/идеала. Антитеза *земное – небесное*, зафиксированная в эпатажном обращении лирической героини «Эй, в небесах! Как ты любишь меня?», – напоминает бунтарский вызов лирического героя Маяковского из поэмы «Облако в штанах» («Эй, вы! Небо! Снимите шляпу! Я иду!» [4, с.196]). Образная антитеза реального и идеального, мотив двойничества отчасти преодолеваются в русле пастернаковской традиции: ассоциативного сближения образов высокого и низкого. Осуществленная Пастернаком в творчестве и в жизни идея единства всего со всем, преломляется у Ахмадулиной в семантическом отражении двух образов – Я поэта и Вселенной («И, заточенный в чернильную склянку, / образ Вселенной глядит из темна» [115]).

В научной литературе тема вины, больной совести в данном стихотворении традиционно осмысливается исключительно в плоскости конфликта материнского и творческого начал в душе поэта. На наш взгляд, природа этой темы глубже. Тема вины и сопряженная с ней тема страданий, мучений, расплаты («муча меня, как сокровище скрягу», «чем я плачу за улыбку твою») напрямую связана с авторской рефлексией над философией творчества, над тайнами поэтического ремесла. Лирическая

героиня Ахмадулиной размышляет над тем, как рождается поэзия – буквально поэтический звукообраз. Разрозненные в тексте стихотворения концепты «буквы», «звука», «речи» должны, по мысли поэта, пресуществиться, воплотиться в Гармонию. В этом смысле рождение слова, поэзии сродни акту Творения Вселенной, а Поэт – это одновременно и Демиург, и Божественный Ребенок, творящий и чутко охраняющий свой мир: «И, заточенный в чернильную склянку,/Образ Вселенной глядит из темна,/Муча меня, как сокровище скрягу». Тема творчества раскрывается у Ахмадулиной в ракурсе антропологического пространства. Особенно ярко в этом аспекте выделяются признаки пространственного континуума рождения /смерти, которые, в свою очередь, маркированы литературной традицией, отсылающей читателя к образу пушкинского «Пророка». В стихотворении встречаем целый ряд образов, пересекающихся с лирическим сюжетом из стихотворения Пушкина «Пророк»: сердце, земля-небо, свет/огонь – тьма/чащоба. Но особое внимание следует обратить на мотивы зрения/слепоты и речи/молчания. В стихотворении эти мотивы взаимосвязаны: забвение поэтического дара («Гаснут два фосфорных пекла во лбу», «Лишь содрогнусь и глаза притворю») влечет за собой утрату Слова/Речи, что оборачивается творческой немотой, искажением истинной сути Слова – «Божественного глагола» («Я – погубившая детище речи», «Так говорю я и знаю, что лгу»).

Таким образом, в ранних стихотворениях Ахмадулиной создается идиллически-романтическое пространство детства в проекции топоса творчества, что обусловлено императивом времени «оттепели» и спецификой поэтического мира автора. В стихотворениях последующих лет Ахмадулина не раз будет возвращаться к топосу детства, раскрывая его различные грани уже в новом художественном ключе.

Список литературы

1. Ахмадулина Б. А. Стихотворения / Б. А. Ахмадулина. – М.: Профиздат, 2001. – 302 с.
2. Лихачев Д. С. Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст / Д. С. Лихачев. – М.: «Согласие», ОАО «Типография „Новости"», 1998. – 356 с.
3. Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3-х т. / Ю. М. Лотман. – Таллин: «Александра», 1992–1993. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – 1992. – 479, [1] с.
4. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13ти томах / В. В. Маяковский. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1955. – 464 с.
5. Михайлова М. С. Амбивалентность творчества в лирическом цикле Беллы Ахмадулиной «Возле ёлки» / М. С. Михайлова // Культура и текст. – 2011. – №12. – С. 328-337.

УДК 801.73

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ХАРАКТЕРОВ В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Савинков С.В., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
svspoint@yandex.ru

В художественной антропологии Достоевского человек осмысливается в категориальной парадигме «середины», «верха» и «низа» (или иных крайностей). Если строить типологию с учетом этих категорий, то все персонажи писателя делятся на тех, кто имеет середину и тех, кто ее не имеет. Первый тип в этой классификации может быть обозначен как человек «середины» (то есть не знающий крайностей), а второй – человек «без середины» (то есть не знающий «середины»).

Остановимся на характеристике человека «середины». В самом общем виде это человек, существование которого связывается с серединой – с положением между верхом и низом. А вот характер его отношений с этими крайностями указывает на его разновидность.

«Золотая середина» осмысливается Достоевским весьма иронично и отнюдь не по-аристотелевски. Тот, кто к ней принадлежит, не знает ни «верха», ни «низа», поскольку живет «на всем готовом» [Савинков 2010, 108–132] и обращен исключительно на самого себя. В его системе координат он – центр мироздания, а мир – зеркало, отражающее его самодовольное «я». К этому типу у Достоевского можно отнести все разновидности приживальщиков, начиная с Фомы Опискина («Село Степанчиково и его обитатели») и мужа мадам М* («Маленький герой») и заканчивая такими лакеями, как Видоплясов и Петр Верховенский.

Еще одна разновидность человека «середины» – «ординарный» человек. Он тоже не знает крайностей, но уже потому, что его существование подобно движению в колее, удерживающей от возможных отклонений и не позволяющей ни достичь вершины, ни оказаться в самом низу. При этом, однако, ординарный человек амбициозен и, по слову Достоевского, «весь, с ног до головы… заражен желанием оригинальности» [Достоевский 1973, VIII, 385]. Так будет сказано о Гавриле Ардалионовиче Иволгине, которого повествователь отнесет в своей классификации к разряду тех, «кто поумнее». При этом и «ограниченные», и те, «кто поумнее», будучи самыми что ни на есть ординарными, свято верят в свою исключительность.

Третью разновидность представляют те персонажи, для которых «верх» и «низ» не имеют никакого значения потому, что их нет в системе координат, где точкой отсчета является не действительность, а «живая жизнь» и Христос как средоточие любви, как середина, все к себе

стягивающая и всех уравнивающая. Если в пространстве действительности «верх» и «низ» всячески нацелены на размежевание между собой, то в пространстве «живой жизни», напротив, – на снятие различий, разводящих их по разные стороны. Жизнь во Христе Сони Мармеладовой невероятным образом ставит знак равенства между блудницей и святой.

Для второго типа персонажей Достоевского общим признаком является отсутствие середины. Но и «человек без середины» имеет несколько разновидностей. Одну из них представляют те герои, существование которых может быть выражено разделительным союзом «либо-либо»: либо верх, либо низ. Это и Настасья Филипповна («Идиот»), и Грушенька («Братья Карамазовы»), и Лиза («Бесы). А первым из персонажей Достоевского, кто отрефлексировал такое состояние, был автор «Записок из подполья»: «Либо герой, либо грязь, средины не было» [Достоевский 1973, V, 133]. Отсутствие середины подвигает таких персонажей на метание между крайностями. А в случае с Настасьей Филипповной – «безысходной неодолимости двух противоположных стихий духа» [Скафтымов 1972, 43].

Человеком «без середины» является, безусловно, и игрок, персонаж из одноименного романа. В отличие от подпольного человека, который, по его признанию, ничем не смог сделаться (ни героем, ни грязью), игрок с помощью рулетки имеет фантастическую возможность безо всякой, по слову Достоевского, «выделки» – сразу и вдруг – все получить в готовом виде, «один оборот колеса и все изменяется».

Еще одну разновидность «человека без середины» представляют те персонажи, которые на «внутреннем» языке творчества Достоевского определяются словосочетанием «широкий человек».

В романе «Идиот» князь Мышкин в разговоре с Ипполитом противопоставит современного человека человеку прошлого времени: «Тогда люди были как-то об одной идее, а теперь нервнее, развитее, сенситивнее, как-то о двух, о трех идеях зараз... теперешний человек шире, – и, клянусь, это-то и мешает ему быть таким односоставным человеком, как в тех веках...» [Достоевский 1973, VIII, 433]. Но наиболее развернутое высказывание о широком человеке инкорпорировано в рассуждение Дмитрия Карамазова о красоте: «…иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеалы Мадонны… Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил» [Достоевский 1976, XIV, 100].

Широкий человек – человек без середины не потому, что мечется между крайностями, а потому, что эти крайности так в нем между собой сходятся, что оказываются неразличимыми. В этом случае определяющей чертой «человека без середины» является не раздвоение, предполагающее балансирование между «верхом» и «низом», а двойственность, предполагающая неразличимое соприсутствие крайностей.

Широкому человеку противопоставлен человек «односоставный», у которого нет середины и нет «верха» и «низа» – он целиком сориентирован на какую-либо крайность: либо на «верх», любо на «низ». Такую однополярность, можно наблюдать, к примеру, в Рогожине. И в самом деле: «Его предки с неистовым остервенением поклонились деньгам, он же с не меньшим остервенением поклоняется Настасье Филипповне» [Курганов 2001, 58.]. К этому же типу можно отнести и Аглаю Епанчину, бешеная ревность которой к Настасье Филипповне сродни рогожинской ревности к Мышкину.

Возможны, конечно, и некие промежуточные или смешанные варианты. Раскольникову, к примеру, присущи и раздвоение, и двойственность.

Раздвоение Раскольникова обусловлено его балансированием между «верхом» и «низом» из-за невозможности разрешения вопроса о принадлежности к одному из двух разрядов – «право имеющих» или «тварей дрожащих». Двойственность же – как бы наложением друг на друга систем координат с разными точками отсчета: «действительности» и «живой жизни». Как остроумно подметили: «Раскольников – это Соня Мармеладова, в которую вселился (временно, но цепко) бес рациональности и неверия» [Андреев, 2003, 155]. При этом и «двойственность» и «раздвоенность» Раскольникова можно считать следствием его уклонения (по каким-то причинам произошедшего) от изначально ему данной «односоставности». Ее, по всей видимости, и имеет в виду Порфирий Петрович: «Я ведь вас за кого почитаю? Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль бога найдёт» [Достоевский 1973, VI, 351].

Список литературы

1. Андреев А. Н. Персоноцентризм в классической русской литературе XIX века. Диалектика художественного сознания / А. Н. Андреев. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2021. – 430 с.
2. Джексон Р. Л. Достоевский: поиск формы. Философия искусства писателя. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2020.– 228 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Ленинград: Наука, 1972 – 1990.
4. Курганов Е. Роман Ф. М. Достоевского «Идиот» / Е. Курганов. – СПб.: Звезда, 2001. – 205 с.
5. Савинков С. В., Фаустов А. А. Аспекты русской литературной характерологии / С. В. Савинков, А. А. Фаустов. – М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. – С. 108–132.

УДК 82-31:82-311.6 «18»

ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРА СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «БЕДНОЙ ЛИЗЫ» Н. М. КАРАМЗИНА)

Сенчина Л.Т., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
senchina.liudmila@yandex.ru

Введение. Проблема жанра – проблема традиционная и в то же время неизменно сохраняющая актуальность. В последние годы появилось немало интересных и авторитетных научных исследований, которые касаются изучения категории «жанр» и становления отдельных жанров в тесной связи с понятием художественной литературы и ее этапных моментов развития.

Отмечая устойчивый интерес к изучению жанра повести в современном литературоведении, подчеркнем, что исследование роли сентиментальной повести XVIII в. в развитии этого типа произведений уделялось мало внимания. Этот вопрос остается проблематичным и сегодня.

Цель исследования состоит в определении роли жанра сентиментальной повести в развитии этого типа произведений в историко-литературном контексте.

Основная часть. Обращаясь к художественному опыту XVIII в., нельзя забывать, что в Новое время формировалась именно светская литература. Наиболее существенные изменения и трансформацию жанра повести можно наблюдать в творчестве Н. Карамзина, в частности, в его произведении «Бедная Лиза». Влияние этого произведения на последующее развитие жанра повести несомненно.

Прежде всего, центральным героем повести является «естественный человек», человек «природы» (Лиза). Основной конфликт в произведении – противопоставление этого «естественного человека» человеку «цивилизации» (Эраст); идиллический мир противопоставлен миру реальности. И в этой связи реальная жизнь, с ее противоречиями, сложностями, порой непредсказуемостью, становится основным предметом изображения в художественной литературе. Подчеркнем, что попытки использовать в литературе описание конкретных мест (напомним трагедию «Димитрий Самозванец» А. Сумарокова) к успеху не привели и остались незамеченными. Карамзинское описание конкретных мест стало реальностью, появилось название «Лизин пруд» и т.п. Все, происходящее в повести, воспринималось как жизненная реальность.

Конечно же, правдивое описание местности: Симонов монастырь, Воробьевы горы, Москва-река и т.п. – в «Бедной Лизе» не делают эту повесть правдоподобной. Успех повести, прежде всего, в глубине познания человеческой души, противоречивости внутреннего мира, понимании

сложности человеческих отношений. Н. Карамзин всячески подчеркивает противоречивость характера Эраста: он одновременно «разумен» и «ветренен»; «добр» и «способен совершать злые поступки». Эраст лишен воли, его поступки порой лишены всякого смысла и логики. Герой мечтает о пастушеском счастье, стремится к душевной гармонии, но делает нравственный выбор, утверждаясь в мире зла. Н. Карамзину удалось изобразить сложный, противоречивый мир человеческой души, что и роднит читателя и героя, что входило, по-видимому, в задачу писателя.

Таким же противоречивым является и характер Лизы. Она – «природный» человек по своей сути. Мир Лизы – это мир идиллии в своей канонической основе, она в нем живет так же естественно, как дышат или ходят по определенным правилам, не подвергая их специальному анализу. Выход из этого мира для Лизы, бесспорно, будет трагичным. Но героиня также делает свой жизненный выбор: Лиза из-за любви нарушает сложившиеся нормы, идет на самопожертвование и гибнет.

Н. Карамзин осознавал трагичность ситуации, понимал, что в обществе нет равноправия, знал писатель и о социальном неравенстве людей в России. Отметим, что Н. Карамзину были известны случаи, когда осуществлялись браки «по любви» разных сословий, которые, как правило, не имели счастливого конца. В интересном исследовании О. Елисеевой «Повседневная жизнь русских литературных героев…» [1] приводятся конкретные примеры браков «по любви», которые в реальной жизни заканчивались драматически.

Н. Карамзин в «Бедной Лизе» делает попытку указать путь к преодолению противоречий внутри человека. Для писателя это прежде всего «чувствительная душа», «открытое сердце». «Сердце» становится у Н. Карамзина символом гармонизации человеческой жизни во всех ее проявлениях.

Новаторским в повести Н. Карамзина «Бедная Лиза» является манера повествования. В произведении явно ощутим авторский диктат, хотя есть ссылка на чужое сознание, дающая возможность подчеркнуть правдоподобие происходящего. Проблема повествования в повести «Бедная Лиза» многоаспектна и требует дальнейшего изучения.

Заключение. «Бедная Лиза» Н. Карамзина – это этапное произведение последних десятилетий XVIII в. в русской литературе. Данная повесть опередила свое время, новаторский, поисковый характер ощутим на всех уровнях текста: новый принцип изображения героя, повышенный интерес к внутреннему миру человека, психологизм в изображении характеров, четко выраженная позиция автора, новая манера повествования. Найденное Н. Карамзиным в жанре сентиментальной повести послужило основой для последующего развития этого типа произведений в русской литературе, что нашло отражение в повестях А. Пушкина, Н. Гоголя.

Список литературы

1. Елисеева О. И. Повседневная жизнь русских литературных героев. XVIII – первая треть XIX века / О. И. Елисеева – М.: Молодая гвардия, 2014. – 399 с. – ISBN: 978-5-235-03686-4.

УДК 811. 161.1

ДЕСЯТИКНИЖЬЕ В. В. БУДАКОВА

Слинько М.А., канд. филол. наук, доц.
ВГБОУ ВО «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
lokos1k@yandex.ru

Творчество Виктора Викторовича Будакова – общественного деятеля, поэта, писателя, публициста – неотъемлемая составляющая современной литературы российской провинции, прежде всего Воронежского края [8, 221].

Писатель работает в русле национально-почвеннического направления русской литературы. Нравственные ориентиры воронежского литератора связаны с эпохой социализма. Забота о вопросах нравственных для писателя – главное. Как справедливо отмечает критик В. Лютый, Будаков принадлежит к поколению «отцов», для которого, воспоминание о прошлом становится доминирующим компонентом [6].

Становление личности художника отражают материалы десятитомного собрания сочинения (2014 – 2021). Здесь представлена значительная часть творчества В. Будакова. Как заявлено в аннотации к первому тому, собрание сочинений «включает цельные книги, поэтические и прозаические циклы, которые создавались вне чётких временных границ, не в одно время – от середины двадцатого века и до начала двадцать первого. В каждом томе «имена и времена» предстают в разных жанрах, в разной тональности: эпической, лирической, публицистической. Но есть внутренняя связь между ними: тематическая, событийная, именная. Каждый том в прозе и стихах отображает вехи культуры, истории и современной жизни отечества и мира, Дона и придонского края, где пересекались, переплетались судьбы многих племён и народов» [1, 4].

По признанию автора, отправная точка в его творчестве – поэтическая [2, 397]. Читателю же он стал известен сначала как прозаик, затем как автор идеи и редактор известной в СССР книжной серии «Отчий край», публицист, потом – как поэт. Это отражено в архитектонике собрания сочинений. Первый том объединяет рассказы разных лет и задает общую авторскую идею концепции жизненного пути человека от ребёнка до зрелого человека. Во второй том входят эссе и короткие повести, продолжая лейтмотив первого тома: осмысляются начало жизни, война, послевоенная жизнь, школа, творчество. В третьем томе помещены

поэтические произведения за полувековой период – с 1955 по 2005 год. В четвертый том включены поэтические книги родных местах, любовь к которым определила судьбу писателя, – «Великий Дон» и «Воронеж-град». В произведениях находят философское осмысление такие важнейшие на всех этапах творчества В. Будакова категории, как память и любовь. Как считает автор, память – «показатель степени самосознания народа, его желания обрести истинное место в истории человечества» [2, 337]. В связи с этим появляется мысль о значимости каждой человеческой жизни, пусть и давно прожитой. Все люди имеют одинаковое право на память живущих. Любовь, по мысли Будакова, – спасительница мира. Как точно отмечает А. Гачев, нить «памяти и любви связует писателя с русским Черноземьем, с землёй предков, через неё – с бескрайним пространством России, сыном которой он себя ощущает, а ещё дальше – с пространством Земли: она тоже есть «отчий дом» нас…» [2, 338]. Пятый том продолжает важное для автора направление историко-культурного просветительства, связанное с родным воронежским регионом. В характерной для автора особой лироэпической манере здесь представлены выдающиеся литераторы-земляки – И. Бунин, А. Платонов, Б. Стукалин, А. Прасолов, А. Жигулин, В. Песков. Шестой том представляет книгу «Честь имею. Геополитик Снесарев: на полях войны и мира». В главах-статьях описана научная, военная и военно-педагогическая деятельность А. Е. Снесарева, исследуются его научные, педагогические концепции и взгляды. Как признается автор книги, ему важно познакомить мир с человеком «большого аналитического ума, чести, высокой нравственной требовательности» [3, 525]. Седьмой том связан с предыдущими, продолжает культурно-просветительское направление в творчестве писателя. В книге три части: «Подвижники русского слова», «Зелёные огни на дальних перегонах», «Благодатный край творящих». Через судьбы связанных с Воронежем литераторов, общественных деятелей (Е. Болховитинов, К. Рылеев Д. Веневитинов, Е. Ростопчина А. Кольцов, И. Никитин), произведения великих предшественников и современников автор осмысляет нравственные ориентиры в жизни человека, роль России в развитии мировой культуры. Публицистику (статьи и эссе из газетных, журнальных, книжных изданий разных лет) В. Будакова в восьмом томе объединяет тема «Книга, литература и жизнь». Писатель представляет себя «книжным пахарем», который знает, как выращивать «книжную рожь» [4, 585]. Тема завершающего собрание сочинений десятого тома – «Человек, семья, страна, человечество» – лироэпическая мозаика воспоминаний, размышлений, заметок. Обо всем, что волновало и волнует автора на дорогах жизни, он хочет поведать. Чувство благодарности – одно из важнейший качеств личности В. Будакова. На высокой эмоциональной ноте писатель завершает повествование о времени и о себе, о преходящем и вечном в десяти книгах: «С детства живёт во мне чувство благодарности не только родным и близким, отчему дому и окрестному миру, но и тогда

неясное, трудно осознаваемое, трудно объяснимое чувствование чего-то величавого, всеохватного, надмирного – Божественного. И перед открытыми вратами вечности снова и снова захватывает чувство любви и благодарности – благодарение Богу, природе, праведно или греховно (но во внутреннем покаянии) живущим и жившим на нашей разделённо-неделимой земле» [5, 696]. Пребывание в мире писатель воспринимает как счастье и испытание. Известный писатель и журналист, один из «героев» В. Будакова, В. Песков по этому поводу тонко заметил: «Всё – в древнейших и тончайших связях, всё обретает целостность, неделимость, единство: Дон, где в слободе Нижний Карабут Виктор родился за год до войны; Италия, откуда в войну на Дон приходил искать славы Альпийский корпус; Германия, Имперская рейхсканцелярия, которую отец автора штурмовал со своей ротой в сорок пятом; Моравия, Чехия, Польша, где сам автор бывал на древних славянских городищах; Кавказ, где он же в молодости преподавал мировую и отечественную классику. Вбирая родники и малые реки, Дон – в конечном счете – впадает в океан. Все мы дети Океана – единого земного шара. Но каждый начинает с истока, с “колодезя на родниках”…» [7, с. 437– 438].

Творчеством и жизнью В. Будаков противостоит «эрозии высоких понятий» в жизни и культуре, в основе его гражданской позиции – любовь к человеку, родине, миру, Богу.

Список литературы

1. Будаков, В. В. Собрание сочинений: в 10 т. / В. В. Будаков. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2014. – Т. 1. – 336 с.
2. Будаков, В. В. Собрание сочинений: в 10 т. / В. В. Будаков. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2015. – Т. 3. – 444 с.
3. Будаков, В. В. Собрание сочинений: в 10 т. / В. В. Будаков. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2018. – Т. 6. – 576 с.
4. Будаков, В. В. Собрание сочинений: в 10 т. / В. В. Будаков. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2021. – Т. 9. – 605 с.
5. Будаков, В. В. Собрание сочинений: в 10 т. / В. В. Будаков. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2021. – Т. 10. – 726 с.
6. Лютый В. Д. Современная литература: «отцы» и «дети» / В. Д. Лютый // Подъем. – 2019. – № 8. – С. 200 – 203.
7. Песков В. М. Живая душа творчества Виктора Будакова / В. М. Песков // Будаков В. В. Век неповторный / В. В. Будаков – Воронеж, 2019. – С. 437-438.
8. Слинько, М. А. «Студенческая тетрадь» В. В. Будакова как опыт самоидентификации личности художника / М. А. Слинько // Известия Воронежского государственного педагогического университета. Серии: «Педагогические науки». – Воронеж: ВГПУ, 2020. – № 1 (286). – С. 121-124.

УДК 82-31

ПОИСК «ФЕНОМЕНА ЗАПАДНИЗМА» В РОМАНЕ «ЖЁЛТЫЙ ДОМ» А. А. ЗИНОВЬЕВА

Сорокин А.А., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
aa40in@inbox.ru

Как известно, к проблеме создания блока объединённых европейских государств как к определённому феномену, известный мыслитель, писатель и социолог А.А. Зиновьев подошёл глубоко и аналитически всеобъемлюще в своём труде «Запад. Феномен западнизма» [1].

Стремление к объемному охвату социальных явлений свойственно и на уровне слова, не просто порождающего ряд воображаемых ассоциаций, а вырабатывающих из себя целый корпус осмысляемых ассоциаций.

Так, например, не укладываются в рамки оксюморона слово-смыслы «зияющие высоты», «гомо советикус», «глобальный человейник».

Слово «западнизм» ассоциативно предполагает не только объединение стран Запада с определённой идеологией, но и «западание», «падение», «западню».

Однако приход к парадоксальной ассоциативности такого рода стал возможен только тогда, когда слово изначально воплотилось художественно. На наш взгляд, одной из предпосылок для создания социологического труда о «феномене западнизма» явился роман «Жёлтый дом» (1979) [2; 3]. Здесь наблюдается не просто осмысление настоящего в Западной Европе и прогнозирование её будущего, а то, каким мы его мыслим вообще с точки зрения организации нашего мышления о мире.

Мы обращаем наше внимание на роман «Жёлтый дом» А.А. Зиновьева. Как и в подавляющем большинстве его произведений, в этом романе множество главок. Здесь просматривается определённая закономерность. Автору важен индивид во всех его проявлениях. И, в большей степени, в проявлении социологическом, требующем социумной расщеплённости. В связи с этим, «люди описаны в социологических романах А.А. Зиновьева как «атомы социальности», которые не индивидуализированы, а, напротив, напоминают «безликие величины», а основное внимание сосредоточено на законах «коммунальности» [4, с. 50].

В романе «Жёлтый дом» многие его герои говорят, рассуждают о Западе, обсуждают жизнь Западной Европы.

Главки, в которых речь идёт о жизни за границей, условно можно разделить на блоки.

Первый, авторско-биографический, составляет меньшинство и составляют в основном угадывающееся личностное мнение (главки «Восток и Запад», «Стенгазета, мы и Запад», «Всё о том же», «Об иностранцах», «Парадоксы социальной критики», «Их нравы и общие

выводы» [2; 3]), однако в меньшинстве этом централизуется и суммируется всё то, что есть в других блоках. Здесь подразумевается и «альтер эго» автора.

Второй блок – гипотетический. Он подразумевает разные мнения на правду социальной жизни, которая возможна за границей, поэтому существует, в основном, в рассуждениях сотрудников института философии, в их «трёпе» (главки «Разговоры на площадке», «Кандидат о Западе», «Обычный трёп на западные темы», «Затрапезный трёп», «Запад и мы», «Мы и Запад», «Закон сообщающихся систем», «О диалектике общественного развития» [2; 3]).

Третий, наиболее представленный на эту тему блок – представление народное, народная молва о Западной Европе. Он самый обширный и связан с именем Матренадуры (главки чаще всего называются «Матренадура о Западе», хотя могут иметь и некоторые оттенки – например, «Из мыслей Матренадуры о Западе» [3]).

Нельзя, однако, полностью утверждать, что главки замкнуты в своих блоках. В отдельных главках представляется и гипотетическая позиция интеллигенции, и молва-сплетня Матренадуры (например, «Запад и мы» [3]), в иных случаях вторгается и авторский голос (например, главка «Шуты» [3]).

В целом же, жизнь Запада охватывается социально с разных позиций, с различными точками зрения на Западную Европу.

К бытовой жизни европейцев Матренадура относится критически, где-то скептически, соотнося постоянно с жизнью в Советском Союзе. Достаточно обратить внимание на некоторые её «народные» изречения: «…много всякой ерунды делают. Не меньше нашего. Правда, делают они ее аккуратно»; «У нас лечат как следует, говорит Матренадура, но плохо. На Западе тоже плохо лечат, но зато как следует»; «На Западе нет настоящей любви, говорит Матренадура. Почему? О Господи! Да это же ежику понятно! Жрут здорово» [3] и т.д.

Метренадура способна к умозаключениям о социальной градации на Западе. По её мнению, дог не пойдёт жить в рабочую семью, «ему гостиную подавай», пудель будет жить у доцента, ниже «не опустится» [3].

В интеллектуальной среде свои взгляды на западную жизнь. Например, «…они (представители Западной Европы) не видят сущности происходящего. Дело в том, что происходящее там вообще не имеет никакой сущности. Сущность имеет только происходящее у нас» [3]. Это умозаключение произносит один из докторов наук, хваставшийся поездками по миру, но заметивший, что в голову у него на Западе приходили одни пустяковые мысли.

А одно из таких мнений достаточно актуально сегодня: «Запад слишком сыт, потому он не способен сопротивляться. Все дело в Америке. Конечно, Китай – сила серьезная. Но он рассчитывает на то, что США начнут войну с нами из-за Европы, мы друг друга разгромим основательно,

и Китай продиктует нам свою волю» [3]. Парадоксально то, что мнение это приходит в голову собеседникам, начавшим разговор с того, что чей-то знакомый из СССР, знавший всего три фразы по-английски, был признан в Англии «настоящий джентльмен», так как «не злоупотребляет английским».

Концептуально выразителен биографический персонаж, за которым угадывается автор. Так, «альтер эго» автора утверждает: «Последствием их (представителей Запада) страданий будет коммунизм. Последствиями наших будет Бог». Сам же автор убеждён: «Когда я начинаю влезать в информацию о западной жизни, у меня начинает сразу же возникать такое состояние, будто где-то есть прекрасная райская жизнь, и я насильно лишен ее благ». А «другое Я» суммирует за двоих: «…весь мир есть концлагерь для таких, как мы. Есть только различия в уровнях или категориях режима. Для нас с тобой и Запад будет концлагерем, только более мягкого режима, чем тут» [2].

В таком же споре души и разума, в столкновении позиций Восточника и Западника (главки «Восток и Запад» [2]), вырабатывается корпус идей, который позже составит труд «Запад. Феномен западнизма». В последнем появятся утверждения об общих чертах западнизма («склонность к индивидуализму, высокий интеллектуальный и творческий уровень, изобретательность, практицизм, расчётливость, тщеславие, повышенное чувство собственного достоинства, самодисциплины и самоорганизации» [5]), – западнизма, порождающего, если обобщать зиновьевские мысли, по Ю.Н. Солодухину, «систему, обладающую способностью и средствами управлять огромными массами людей, преодолевающую рамки национальных государств, действующую в глобальных масштабах» [5].

Список литературы

1. Зиновьев А. А. Запад. Феномен западнизма. – URL: https://flibusta.club/b/252864/read (дата обращения 30.06.2022).
2. Зиновьев А. А. Желтый дом. Том 1. – URL: https://flibusta.club/b/299343/read (дата обращения 30.06.2022).
3. Зиновьев А. А. Желтый дом. Том 2. – URL: https://flibusta.club/b/315853/read (дата обращения 30.06.2022).
4. Комовская Е. В. Жанровое своеобразие «социологической трилогии» А. А. Зиновьева // Вестник Брянского государственного университета. – 2010. – № 2. – С. 49-85. – DOI: 10.30987/ISSN 1999-8775.
5. Солодухин Ю. Н. Феномен Александра Зиновьева. – URL: https://zinoviev.org/az/alexander/ klub/phenomen/ (дата обращения 30.06.2022).

УДК 82–1/29

МЕСТО АВТОРСКОЙ ПЕСНИ В ПОЭЗИИ «ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»

Таирова И.А., канд. филол. наук
АНО ВО «Российский новый университет», г. Москва, РФ
tetavr-in@mail.ru

Введение. После смерти И. В. Сталина, с приходом к власти Н. С. Хрущёва стала переосмысливаться прежняя политика и культурная жизнь страны. Продолжалась реабилитация политзаключённых, восстановившая имена многих деятелей науки и культуры. С выходом повести И. Г. Эренбурга «Оттепель» (1954), его критической статьи «О работе писателя», заметках В. М. Померанцева «Об искренности в литературе» начался новый период в развитии советской культуры, относительно оживляющий все её сферы. В литературе периода оттепели ярко выразили себя поэты-«шестидесятники», среди которых особое место заняла «авторская песня» (первоначально называемая «студенческой» или «самодеятельной»).

Основная часть. Феномену авторской песни, появившейся в конце 50 – начале 60-х гг., посвятили научные исследования М. В. Каманкина, С. С. Бирюкова, А. И. Жебровская, С. П. Распутина, Д. Н. Курилов, отметившие колоссальное влияние авторов-песенников на своих современников. В «Бардах» Л. А. Анненского авторской песне даётся предыстория, начиная с творческой деятельности А. Н. Вертинского (1889–1957). Ю. А. Андреев в книге «Наша авторская… История, теория и современное состояние самодеятельной песни» (М., 1991) рассмотрел это явление в контексте мировой литературы. Проблему нового жанра и творческие биографии поэтов проанализировали в своих трудах В. А. Зайцев, И. А. Соколова, Л. А. Левина, И. Б. Ничипоров, А. Г. Михайловская, А. В. Кулагин и другие.

Одним из ярких представителей авторской песни является ученик К. С. Станиславского, актёр, с Комсомольским фронтовым театром покоривший души советских солдат и офицеров во время Великой Отечественной войны, а после войны ставший известным как драматург и кинодраматург, Александр Аркадьевич Гинзбург. После пьесы «Вас вызывает Таймыр» (1947), написанной в соавторстве с киносценаристом К. Ф. Исаевым, он взял псевдоним Галич **(**до этого в 1946 г., в поисках себя как драматурга, он использовал также псевдоним А. Гай). Аккомпанируя себе на гитаре, в 60-е А. А. Галич своеобразно пел о своём новом мироощущении. Его драматические песенные тексты похожи на целые комедии и трагедии, мелодрамы и фарсы.

В стихах А. А. Галича говорится о его современниках – самоотверженных тружениках, как, например, о малярах: «Пятую неделю я хожу больной, / Пятую неделю я не сплю с женой…» («Про маляров,

истопника и теорию относительности», 1962). В стихотворении «Облака» (1962) выражена народная боль о сосланных выживать в тяжёлых условиях ГУЛАГа, погибших и еле уцелевших: «Облака плывут, облака, / В милый край плывут, в Колыму» [1, 1, с. 87]. Ту же мысль он продолжает в «Поезде» (1966): «…Наш поезд уходит в Освенцим – / Сегодня и ежедневно!» [1, 1, с. 304]. Через год после написания песни «Облака» рефреном звучит его призыв к молчанию, подспудно осуждающий бездействие людей, в стихотворении «Старательский вальсок» (1963). После ввода советских войск в Чехословакию (21 августа 1968 г.), А. А. Галич, не поддерживая решение партии, в стихотворении «Петербургский романс» в 1970 г. написал: «Я выбираю свободу, / Но не из боя, а в бой. / Я выбираю свободу / Быть просто самим собой» [1, 1, с. 273].

Крещённый отцом Алесандром Менем, А. А. Галич жил на пенсию по инвалидности, выступал на квартирниках, а в 1974 г. вместе с семьёй был отправлен в эмиграцию. Но там его песни были мало понятны зарубежной публике и не приносили успеха. Жизнь А. А. Галича (по официальной версии, поражённого электрическим током) трагически оборвалась 15 декабря 1977 г. в Париже. В черновом варианте эпитафии он оставил ёмкую заметку о себе: «…Но будут мои подголоски / Звенеть и до судного дня!.. / И даже не важно, что в сноске / Историк не вспомнит меня» [1, 1, 30]. В завершении пророческого стихотворения «Когда я вернусь» (1972) поэт вопрошал сам себя: «А когда я вернусь?» [1, 1, 333]. Восстановление доброго имени А. А. Галича произошло посмертно.

Проста по форме и языку и одновременно психологически сложна романтическая лирика Булата Шалвовичи Окуджавы. Он не высказывается так явно, как Галич, о своих наблюдениях за противоречиями жизни., а лишь намекает. Красноречивы в этом отношении образы «бумажного солдатика» («Он переделать мир хотел, / чтоб был счастливым каждый…» [5, с. 177], «московского муравья» («Но я – московский муравей, и нет покоя мне…»[5, с. 200], «Что нужно муравью, когда он голоден?»), «петухов», символизирующих стоящих у власти («Но не может петух промолчать, / потому что он создан кричать…» [5, с. 559]) и т. п. Главным лирическим мотивом стихотворений Б. Ш. Окуджавы выступает любовь – к родине, своему московском двору, к людям, природе, литературе и т. д. «Мы – дети своего времени, – отвечал он в интервью, опубликованном в журнале «Столица» в 1992 г., так характеризуя своё творческое поколение «шестидесятников» – и судить нас надо по его законам и меркам. <…> И всё было – и равнодушие, и страх, и слепая вера, и цинизм» [4, с. 11–12].

Песенное творчество Юрия Иосифовича Визбора посвящено доблестному труду мужественных моряков, лётчиков, покорителей горных вершин, расширяющих кругозор журналистов. Так же, как и Б. Ш. Окуджаве, ему близка тема Москвы с её легендарными улицами, дорогами, метро, где проходили встречи и разлуки его лирического героя («Песня о Москве», «Такси», «Ночная дорога», «Ты у меня одна…» и др.).

Воспоминания о Грушинском фестивали подвигли его к написанию душевной туристической песни «Милая моя» («Всем нашим встречам разлуки, увы, суждены…», 1973). Он писал о городской и подмосковной природе («Подмосковная зима», «Октябрь. Садовое кольцо» и др.), о горах и дружественных восхождениях («Синие горы», «Домбайский вальс», «Горнолыжная», «Фанские горы», «Памирская песня» и др.).

Среди представителей бардовского движения выделяется творчество Юлия Черсановича Кима. Сатирическим содержанием наполнены его стихи «Эй, душа моя» (1957): «Не решу никак незадачу я: / Отчего у собак жизнь собачая? / Знать, хозяин их хуже Каина, / Убежать бы им от хозяина...» [2, с. 340]. Под псевдонимом Юлий Михайлов бард Ю. Ч. Ким писал песни к кинофильмам «Бумбараш», «Двенадцать стульев», «Про Красную Шапочку», «Обыкновенное чудо», «Формула любви», «Человек с бульвара капуцинов», «Собачье сердце».

Полны гротеска, иносказательности и экспрессии стихи Владимира Семёновича Высоцкого (1938–1980), считающегося «ведущим бардом» [3, с. 5] наряду с Окуджавой и Галичем.

Заключение. А. А. Галич, Б. Ш. Окуджава, Ю. И. Визбор, Ю. Ч. Ким, В. С. Высоцкий были первыми исполнителями своих песен-исповедей о мечтаниях отдельно взятого человека, его философском поиске смысла жизни и общественных коллизиях, приводящих к трудным обстоятельствам жизни. Позже традицию авторской песни продолжат И. В. Тальков, В. Р. Цой, А. Н. Башлачев.

Список литературы

1. Галич А. Собр. соч.: в 2 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / Сост. А. Петраков, худож. В. Крючков. – М.: Локид, 1999. – С. 527. (Голоса. Век XX).
2. Ким Ю. Эй, душа моя / Авторская песня. – М: ООО «Издательство А18 «Агентство «КРПА «Олимп», 2002. – С. 340.
3. Кулагин А. В. Барды и филологи: авторская песня в зеркале литературоведения. – Коломна: Московский гос. обл. социальногум. инст., 2011. – 156 с.
4. Окуджава, Б. Мы больны, мечемся в бреду: [беседовал] А. Николаев // Столица. 1992. № 24 (июнь). – С. 11–12.
5. Окуджава, Б. Ш. Стихотворения / Вступ. Статьи А. С. Дубшана и В. Н. Сажина. Сост. В. Н. Сажина и Д. В. Сажина. Примеч. В. Н. Сажина. – СПб.: Академический проект, 2001. – С. 177.

УДК 821.161.1

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПРОЦЕСС В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Талалаева О.Г., канд. филол. наук, ***Прокудина И.М.,***
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина», г. Тамбов, РФ
levseja@gmail.com, irina51170@yandex.ru

Введение. В последнее время интернет-пространство не перестает расширять свою географию и захватывать все новые сферы, тем самым сближая разные группы пользователей. Уникальность сети интернет состоит в первую очередь в ее масштабности и стремительности развития. Поэтому рунет – это не только способ коммуникации доступный большинству, но и возможность самовыражения.

Все события и явления, происходящие в мире, освещаются в сети. На многочисленных интернет-площадках и форумах на первый план выступает обилие статей, заметок, очерков и произведений других жанров. В этой связи стоит говорить об особом пути формирования так называемой сетевой литературы, которая противопоставлена литературе в традиционном понимании.

Основная часть. Сегодня представляется актуальным рассмотрение понятия сетературы как с теоретической, так и с практической стороны. Данный феномен – это явление исключительно XXI века, порожденное научно-техническим взрывом. Произведения опубликованные в рунете разительно отличаются от привычных нам ранее печатных изданий. Колоссальное количество разнородных текстов, в которых отчетливо прослеживается ряд черт, характерных для сетевой литературы: смелость мысли, свобода в выборе тем, оригинальность стиля написания, быстрая ответная реакция автора на комментарии читателей – все это особый пласт литературы в рамках современного литературного процесса. В числе главных особенностей данного вида искусства состоит общедоступность сетевых произведений для широкого круга читателей. Вместе с тем уровень качества художественных текстов по сравнению с книгами, выпускаемыми издательствами, значительно ниже, это объясняется возможностью каждого желающего разместить свои произведения на специализированных библиоплощадках.

Одним из популярных сайтов для чтения стал author.today. Эта площадка позиционирует себя как электронная библиотека современной литературы. Создатели проекта определяют его как социальную сеть, объединяющую творческих людей. Проект дает возможность авторам познакомить посетителей библиотеки с еще незавершенным произведением. Читатели могут следить за написанием книги буквально в реальном времени, оставлять свои комментарии и вступать в диалоги с автором.

Появление сетературы дало возможность молодым авторам без труда публиковаться, не испытывая никаких материальных затрат. На фоне экономического кризиса в России Интернет оказался новой удобной средой обитания для художественных текстов, а современные технологии позволили писателям создавать произведения с интерактивным содержимым, на стыке комикса и мультфильма. Подобные эксперименты не редкость и имеют успех у отдельной пользовательской аудитории.

Понятие сетевой литературы не имеет единого толкования, до сих пор этот вопрос вызывает споры у ученых-литературоведов. Одной из популярных точек зрения считается, что под сетературой следует понимать любое художественное произведение, которое после написания впервые было опубликовано в сети. Отсутствие бумажной версии издания служит неким маркером, определяющим художественный текст в разряд сетературы.

Однако правильно ли разграничивать художественные произведения таким образом? Будет ли текст принадлежать к сетевой литературе, если у него появится бумажная версия? На этот и другие вопросы нет однозначного ответа, но трактуя понятие сетературы, правильнее следовало бы говорить о тех текстах, которые изначально создавались в интернет-пространстве и не могут без потерь быть изъяты из него, т.е. для них невозможно создание полноценного бумажного варианта.

Заключение. Информационное пространство XXI века заставляет авторов подстраиваться под запросы читателей, искать новые темы и проблематику, экспериментировать со стилем, успешность этих действий подтверждает растущая популярность платных электронных библиотек с постоянно расширяющимся функционалом. С момента своего появления сетература стала самостоятельным видом творчества, который основан «на интеграции литературы, визуального искусства, музыки в интерактивной, мультимедийной среде» [1].

Таким образом, рассуждая о сетевой литературе, следует понимать ее как элемент современного литературного процесса. В результате расширения среды существования художественный текст меняет свой формат, увеличивает читательскую аудиторию и, наряду с этим, обогащает сетевую словесность.

Список литературы

1. Гмызина Э. В. Литературный интернет как среда взаимодействия автора и читателя [Электронный ресурс] / Э. В. Гмызина // Научное обозрение: электрон. журн. – 2018. – № 1.
2. Урбан К. Н., Токарь О. В. Особенности сетевой литературы, отличия и сходства с традиционной литературой // Труды БГТУ. – Минск, 2019. – Серия 4, № 2. – С. 95-100.

УДК: 82-1/-9

МОТИВ ПАМЯТИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РОМАНЕ В. В. НАБОКОВА «МАШЕНЬКА»

Шевкопляс А.М., Миролюбова А.Ю., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»
г. Санкт-Петербург, РФ
riss.miln@gmail.com

Введение. Роман «Машенька» – первый крупный опыт Владимира Набокова в прозе, который он считал «серым и недоработанным». Произведение действительно сильно отличается от последующих работ писателя своей тургеневской легкостью и прозрачностью образов, простотой и реалистичностью. Однако, несмотря на это, уже в первом романе мы четко ощущаем еще не идеально выверенную, но с четким направлением авторскую поэтику. В «Машеньке» мы четко можем выделить мотив памяти, который реализуется как на текстовом, так и на символическом уровне. Цель нашего исследования – осмыслить мотив памяти, раскрывающийся в романе и выделить средства, способствующие раскрытию этой темы.

Основная часть. Роман начинается со слова «воспоминание». Здесь автор использует эпиграф из первой главы «Евгения Онегина» А. С. Пушкина:

«Воспомня прежних лет романы,
Воспомня прежнюю любовь...»

Как Онегин, уносившийся мечтой к началу жизни молодой, уносится также и Ганин. В хронотопе романа мы можем увидеть две основные линии: замкнутый мир представителей русской эмиграции в Берлине и мир воспоминаний, в котором живет Ганин. Две эти линии четко контрастируют друг с другом. Если мир будничного Берлина наполнен бюрократическими проблемами и бытом обывателей, то линия воспоминаний Ганина – очень яркая, легкая. Этот мир максимально реален, в отличие от системы городского пространства Берлина. Это подчеркивается подробнейшим описанием мест, где проходили свидания юного Ганина и Машеньки. Именно в памяти главного героя это прошлое приобретает такое яркое наполнение: *«Он (роман с Машенькой) длился всего четыре дня, – эти четыре дня были, быть может, счастливейшей порой его жизни».* Мы не знаем, помнит ли его таким сама Машенька. Ведь любое воспоминание искажает, преувеличивает и преуменьшает. Возможно, реальные свидания значительно отличались от тех, которые в своем воображении рисует Ганин. Воспоминание и реальность в его сознании меняются местами. Интересно также то, что здесь можно упомянуть о двоемирии, которое присутствует у Набокова в других романах. Это вечная борьба реальности и воспоминаний ярко выражена в

автобиографии писатели «Другие берега». Можно также обратить внимание на значительные сходства свиданий Ганина с Машенькой и самого Набокова с его первой любовью Тамарой. Герой также долго едет к своей избраннице на велосипеде, описываются идиллические черты аллей и парков, в которых проходят свидания. После эта идиллия прерывается закономерной сменой времен года. Семьи покидают загородные имения и возвращаются в городское пространство.

Другой взгляд на историю взаимоотношений Ганина и Машеньки дает Н. А. Анастасьев в монографии, где фигура Машеньки становится «метафорой России». Ближе к финалу Машенька становится прямым олицетворением России во внутреннем монологе Ганина: *«Завтра приезжает вся его юность, его Россия»*. Здесь имеется в виду, конечно, образ России дореволюционной, некоего «потерянного рая». Машенька так и остается для Ганина лишь воспоминанием. Все это напрямую связано с биографией самого Набокова и его судьбой эмигранта. Набоков рос и воспитывался в богатой аристократической семье, с детства говорил на трех языках и получил лучшее по тем временам образование. У него не наблюдалось психологических проблем и травм до семнадцати лет, пока в России не началась Октябрьская революция 1917 г.: здесь биография автора повторяется в жизнеописании его главного героя Ганина.

Один из основных символов в романе – тень. Воспоминания становятся настоящей жизнью, все остальное – лишь их тень. Обитатели пансиона превращаются в «семь русских потерянных теней», которые также живут своей памятью о России. Например, поэт Подтягин, который символично не может получить новые документы. Здесь метафора тени становится связующей между любовью Ганина к воспоминаниям о Машеньке и трепетным отношением к России эмигрантов первой волны: *«Идя к обеду, он не подумал о том, что эти люди, тени его изгнаннического сна, будут говорить о настоящей его жизни – о Машеньке».* Тенью становится и Ганин: *«Тень его жила в пансионе госпожи Дорн – он же сам был в России, переживал воспоминанье своё, как действительность. <…> Это было не просто воспоминанье, а жизнь, гораздо действительнее, гораздо «интенсивнее» – как пишут в газетах, – чем жизнь его берлинской тени».* В финале романа тенью неожиданно становится и сама Машенька. И это напрямую связано с тем, что Ганин, отказавшись от идеи воссоединиться с девушкой, освобождается от воспоминаний и начинает новый этап жизни: *«Но теперь он до конца исчерпал своё воспоминанье, до конца насытился им, и образ Машеньки остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминаньем. И кроме этого образа, другой Машеньки нет, и быть не может».*

Заключение. В художественной реальности Набокова воображение, внутренний мир человека, а в случае данного романа – воспоминание, имеют гораздо большее влияние на героев, чем мир внешней реальности. С

помощью этого двоемирия, а также метафоры «тени», «потерянного рая», «России», Набоков четко выделяет для нас мотив памяти в романе.

Список литературы

1. Набоков В. В. Машенька / В. В. Набоков. Собрание сочинений в четырёх томах. Том I / Под ред. В. М. Вилковой. – М.: Правда, 1990. – С. 35-112.
2. Анастасьев Н. А. Феномен Набокова. – М.: Советский писатель, 1992. – 318 с.
3. Болдырева Е. М. Les signe de la mémoire: «вещные» эквиваленты памяти в романе В. Набокова «другие берега» // Ярославский педагогический вестник. – 2016. – №6.
4. Идрисова М. М. Мотив памяти в творчестве В. В. Набокова // Lingua mobilis. – 2012. – №2 (35).
5. Левин Ю. Заметки о Машеньке В. В. Набокова // Russian Literature. – 1985. – Т. 18. – №. 1. – С. 21-30.

УДК 81.11

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ГЛАГОЛОВ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Ягодина И.Д.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж, РФ
vspihist@rambler.ru

Введение. Как известно, художественный текст имеет по преимуществу глагольный характер [1], при этом глагол обладает «чрезвычайно мощным конструктивным, семантическим и экспрессивным потенциалом, что обеспечивает ему ведущую роль в репрезентации индивидуально-авторской модели мира» [2]. Проблеме функционирования глаголов в русской художественной литературе посвящены многие исследования (см. работы Ю.Ю. Архиповой, Г.Ш. Артыковой, О.О. Арзамасцевой, Ю.В. Вронской, С.Б. Ковеневой, И.А. Крыловой, И.А. Никандровой, М.В. Фроловой, О.Н. Чарыковой и др.). Однако состав лексико-семантических групп (ЛСГ) глаголов, участвующих в репрезентации женских образов романа М.А. Шолохова «Тихий Дон», характер их синтагматических и парадигматических отношений до настоящего времени не изучены, что обусловливает актуальность данного исследования.

Основная часть. Как показало исследование, в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» для репрезентации образа главной героини Аксиньи Астаховой используется большое количество глагольных лексем, способных передать весь спектр действий, движений, событий, процессов и характеризующих персонажа в пространстве художественного произведения:

1) акциональные глаголы речевого действия [3; 4] (напр., голосисто *крикнула; говорила прерывисто; поправляя волосы, сказала; визжит;*

переводя дух, рассказывает; жалобно говорит; погутарить надо; насилу выговорила; сказала хрипло и др.) [5], играющие ведущую роль в создании психологического портрета героини романа М.А. Шолохова. Несомненно, изобразительные функции глаголов данной группы неодинаковы. Так, глаголы *сказала, рассказывает, погутарить* характерны для начальных сцен общения Аксиньи с другими героями, где она предстает перед читателем уравновешенным и спокойным человеком. Но по мере развития сюжета мы видим, что в глубине души Аксинья – весьма импульсивный персонаж, способный к проявлению сильных эмоций (напр., *бесновалась, неистовствовала в поздней своей любви и др.*). Кроме того, твердость характера героини сочетается с чуткостью к чужому горю. Автор подчеркивает открытость женщины к любви, острую потребность в ней. Любовь превратила ее в независимую и счастливую женщину, именно она стала единственным средством протеста против жестокого отношения к ней законного супруга. *Ср.:* «*…Я не навязываться пришла… Не боись!».*

2) акциональные глаголы ментального действия (напр., *от ума отошла, думала, вспоминала, не таюсь; уловила сухой и тревожный блеск его глаз; от ума отошла и др.),* представленные незначительным количеством примеров, поскольку писателю было важно показать не особенности развития мыслительного процесса, а все грани горячей натуры Аксиньи, ее чувственность и искреннюю эмоциональность. Так, например, глагол *робеть* был употреблен для описания состояния Аксиньи только три раза: отмеченный факт свидетельствует о том, что робость не присуща героине и может проявиться в крайне редких случаях*: «Я робела, Гриша… думала, что ты бросишь…».*

3) акциональные глаголы движения и перемещения в пространстве (напр., *клонилась вперед; ноги зашлись, резко рванулась, водворилась, падала на кровать, забивалась в угол, привязалась, бесстыдно мотнула подолом, запыхавшись, прибежала; присела, привстала, не навязываться пришла, ничком упала, качнулась, встала, пошла и др.)*. Глагольные предикаты и глагольно-именные конструкции *легкой раскачкой пошла, рысью пошла, грудью пошла, гордо несла (голову) и т.д.* употребляются только в портретной характеристике Аксиньи: автор создает образ гордой и выносливой женщины с непростой судьбой.

4) акциональные глаголы физического действия (напр., *суетливо зашарила, забилась рука, ловко зачерпнула ведро воды, на ходу повернула голову, сняла платок, затянула в узел волосы, привязалась, стала наряжаться, норовила чаще попадаться ему на глаза, переродилась, бесстыдно мотнула подолом, напирала, вытесняла, задыхаясь; со вздохом целует, удерживает вздох, резко выдергивает руку, хватает Гришкины руки, жмет к груди, бешено целует и др.)*, фиксирующие перемены, происходящие в героине, когда приходят настоящие чувства.

5) акциональные глаголы восприятия (напр., *любовно по-собачьи заглядывала ему в глаза, с любопытством заглядывает, жгла полымем черных глаз, с ужасом глядела, ласкала мутным взором, целовала глазами,*

насторожившись, слушала; глянула, уловила сухой и тревожный блеск его глаз и др.), представленные глаголами слухового (*сузив глаза, слушала, прислушалась*) и зрительного (*глянула исподлобья, метнула взглядом, холодно оглядела*) восприятия [6]: Аксинья хочет разобраться в характере Григория, боится услышать то, чего не хотела бы.

6) статуальные глаголы, обозначающие эмоциональное состояние (напр., глаголы в сочетаниях *нависла слезинка, жалко дрогнули губы, вздрагивала, заплакала, злобно рванула* передают подавленное душевное состояние Аксиньи, так как ею постоянно овладевает чувство страха из-за угрозы потерять Григория, а глагольные единицы *улыбнулась, не разжимая губ, скупо улыбнулась, примиряюще улыбнулась, смеялась и отрицательно качала головой, пересмеиваясь, улыбнулась* появляются в тексте романа, когда Григорий в очередной раз возвращается к Аксинье и героиня воодушевляется, поскольку для нее любовь к Григорию – это благо, долгожданное счастье, пусть и кратковременное.

В данной группе особое место принадлежит эмотивным глаголам, способным передавать фрустрационные эмоции (напр., *горевать, страдать, грустить, пугаться, мучиться и др.*). Очевидно, что выбор автором подобных глаголов, является предельно осознанным: «*Нет, нет! Ой, что ты! –* ***испугалась*** *Аксинья»; «Она сама* ***страдала****, видя, как ему тяжело…»,* «*Аксинья…рассказывала, как жила без него, как много* выстрадала за это время», «…так много она перестрадала, где полжизни промучилась с нелюбимым мужем…». Глаголы эмоционального состояния в художественном тексте М. Шолохова отражают динамику развития внутреннего мира героини, изменяющегося по мере развития сюжета, а также характеризуют персонаж в различных обстоятельствах, в отношениях с другими героями.

Заключение. Анализ ЛСГ глаголов в романе М.А. Шолохова показал, что писатель изображает поведение, эмоции и переживания героини крупным планом, чтобы ее характер во всей сложности и противоречивости оказался в фокусе восприятия читателя. Исследуемые глаголы участвуют в речевой характеристике героев романа, передают их психологическое состояние в конкретной ситуации и отражают динамику персонажных взаимоотношений.

Список литературы

1. Голуб И. Б. Грамматическая стилистика современного русского языка / И. Б. Голуб. – М.: Высшая школа, 1989.
2. Чарыкова О. Н. Роль глагола в репрезентации индивидуально-авторской модели мира в художественном тексте: автореф. дис…д-ра филол. н. / О. Н. Чарыкова. – Воронеж, 2000. – 39 с.
3. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи. Очерки по семантике русского глагола / Л. М. Васильев. – Уфа, 1971. – 266 с.
4. Никандрова И. А. Лексико-семантические группы глаголов как средство репрезентации персонажа в художественном дискурсе (по роману Ф. М. Достоевского

«Преступление и наказание») / И. А. Никандрова // Научный диалог. – 2013. – № 10 (22): Филология. – С. 36-47.
5. Шолохов М. А. Тихий Дон: Роман. В 2т. / М. А. Шолохов. – Москва: Издательство АСТ, 2018.
6. Архипова Ю. Ю. Состав, семантика и функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия (на материале художественных текстов): дисс… канд. филол. н. / Ю. Ю. Архипова. – Санкт-Петербург, 2000. – 197 с.

УДК 821.161

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ НАСЛЕДИЕ П. БАЙДЕБУРЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ ДОНЕТЧИНЫ

Ярошевич И.А., канд. филол. наук, доц.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. Павел Андреевич Байдебура вошел в общекультурный процесс Донбасса**,** как талантливый и самобытный прозаик, старейшина его «литературного цеха», представитель «второго эшелона» писателей-«забойцев» [2, с. 161]. Практически во всех его произведениях внимание сосредоточено на значимых аспектах жизни Донбасса, которые охватывают глубокое и системное художественное осмысление событий, как прошлого, так и современного, иногда прогнозируют будущее, утверждают проблемы культурно-исторической, морально-этической значимости достижений нашего общества.

На П. Байдебуру была возложена огромная ответственность – руководить донецким отделением Союза писателей Украины, с чем он успешно справлялся на протяжении многих лет.

Художественное наследие писателя, как и его важнейшие жизненные вехи, освещались не только краеведами (В. Замковой, В. Романько, В. Олифиренко и др.), но стали пристальным предметом исследования в работах разного поколения донецких ученных, сотрудников филологического факультета Донецкого национального университета (Е. Волошко, Н. Федорчук, А. Загнитко, И. Ярошевич).

Заявленная тема исследования представляет научный интерес, поскольку раскрывает не только новые грани художественного творчества П. Байдебуры, но и является частью определенного аспекта изучения литературного краеведения Донбасса, ведь потенциал региональной литературы играет значительную роль в становлении нашего самосознания и формировании идентичности.

Цель настоящего исследования – выяснить особенности вхождения писателя в литературный процесс Донетчины, проанализировать проблематику и тематику его произведений, которые в художественной форме передают историю жителей родного края, учитывая специфику шахтерского региона.

Основная часть. Свою биографию, крестьянский парень с Кировоградщины, начал с местной агропрофшколы. Отслужив в рядах Красной Армии, получив сильнейшую закалку и опыт, уволился и решил попытать свое счастье в Донбассе.

В очерках, воспоминаниях П. Байдебура неоднократно подчеркивал, что это был правильный выбор, который навсегда связал его судьбу с гостеприимным шахтерским краем. Был рядовым работником на шахте, это и определило тематику его произведений. *«Старіші й досвідченіші в шахтарстві пішли до забою видобувати вугілля,* – так пишет он в автобиографическом рассказе «З минулих літ». – *А мені випало бути вантажником. Робота ця не потребує великого вміння, була б сила та деяка вправність»* [1, с. 178]. В свободные от работы минуты любил заняться поэзией: «*На порозі задумана осінь, // В повногрудім зітханні вітрів… // Закрутив вітер коси, і в росах // Мідяні акварелі розлив»*.

Служение слову – поэзией и прозой, подтолкнули парня продолжить обучение на факультете журналистики Харьковского университета. Но сразу же после его окончания он возвращается на Донбасс, в Алчевск, где работает редактором многотиражки «Углекоп». Такая работа предоставляет возможность опубликовать ему рассказы в республиканской прессе, сразу же издано несколько произведений о ратном труде шахтеров: «Біля врубівки» (1931), «На плитах» (1932), «Вугілля» і «Протест» (1933). Внимание привлекает сборник рассказов «Вугільні дні», определяющей особенностью произведений которого была романтическая тональность в изображении героических будней шахтеров, демонстрация новых подходов в передаче психологии и поведения людей трудовой профессии.

Писатель глубоко проникает во внутренний мир своих героев, раскрывает источники их трудового вдохновения и рвения. Это своеобразный дух времени, навеянный событиями Октябрьской революции, осознание и ощущение свободы шахтеров, как полноправного хозяина родной земли и, вместе с тем, чувство огромной ответственности за нее. Типичные факты действительности легли в основу рассказа «Сьогодні і завтра», главный герой – Йоган Райбандт, прибыл с Рура (промышленный район в Германии) как специалист на работу в Донбасс, но был приятно удивлен тому, каким искренним энтузиазмом, неподдельным благородством, любовью и взаимным уважением наполнены сердца дончан. Сопоставляя информацию, полученную у себя дома с реальными событиями на Донбассе, к которым он имел уже отношения, принимает важное решение – остаться и продолжить работу на донецких шахтах.

Успех на литературном фронте, приобретенный авторитет, способствовали тому, что Павел Андреевич был избран руководителем Харьковской организации писателей. По его инициативе, для писателей был открыт дом творчества, в котором, по воспоминаниям В. Замкового, вместе с ним работали коллеги по профессии: Кость Гордиенко, Игорь Муратов, Давид Вишневский, Лев Озеров, Мате Залка и др. [2, с. 161].

В июне 1941 г. писатель, записался добровольцем на фронт, находился на передовых позициях, а впоследствии появились его публикации на страницах газеты «Знамя Родины». После освобождения Донбасса, в январе 1944 г., писатель возвращается на свою малую Родину, в шахтерский край, активно возобновляет деятельность организации писателей, становится редактором альманаха «Литературный Донбасс».

Первым послевоенным изданием стал сборник «Земля донецька», содержащий восемь новелл, тесно связанных между собой проблемно-тематическим аспектом: отображение реальности военных событий, обобщение историй непростых человеческих судеб, осознание ценности каждой «маленькой» победы, из которых и состоит большая всеобщая победа, прославление героизма и жертвенности героев-земляков [3, с. 235].

За полувековую активную деятельность в литературе П. Байдебура опубликовал более тридцати книг, которые посвятил людям труда, прежде всего, шахтерам. Но разрабатывал он не только эту тему. Разные времена и события, в том числе исторические, нашли отражение в его произведениях. Весьма интересны романы о событиях 1648-1654 гг., которые приобретают особую актуальность в наши дни, «Універсал гетьмана Богдана Хмельницького», о заселении Дикого Поля (трилогия «Вогонь землі») и других событиях отечественной истории.

Особое место писатель отводит теме детства и всему, что с ним связано: неоднократно переизданные сборники «Діти шахтарів», «Як ми шахту будували», повесть «Таємниця степового шурфу», пользовались особой популярностью у читателей разных возрастов.

В заключении стоит отметить, что творчество П. Байдебуры позволяет познать историю родного края, ощутить бурные события 20-х гг. прошлого века, сопереживать героям тревожных 30-х гг., шагать тяжелыми дорогами Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и вместе с действующими лицами художественных произведений восстанавливать Донбасс, возрождать его духовный потенциал.

Список литературы

1. Байдебура П. А. Вибрані твори. Спогади про письменника. Дослідження творчості / уклад. Ю. П. Байдебура; заг. ред. А. П. Загнітка / П. А. Байдебура. – Донецьк: Східний видавничий дім, 2001. – 220 с. – ISBN 966-7804-09-7
2. Замковой В. П. Артемовский литературный цех: Культурологический очерк / В. П. Замковой. – Артемовск : Б. и., 1993. – 228 с. – ISBN отсутствует
3. Ярошевич И. А. «Земля донецька» П. Байдебуры как художественное повествование о событиях Великой Отечественной войны // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы VI Международной научной конференции (Донецк, 26–28 октября 2021 г.). – Том 4: Филологические науки. Часть 2: Языкознание, литературоведение, журналистика / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2021 – С. 232–235. – URL: https://donnu.ru/public/files/Tom_4_Filologicheskie_nauki_2021.pdf (дата обращения: 20.09.2022).

УДК 821.161.1

АВТОР-ПОВЕСТВОВАТЕЛЬ И ГЕРОЙ-РАССКАЗЧИК В ШАХТЕРСКИХ СКАЗАХ ДОНБАССА

Ярошевич И.А., канд. филол. наук, доц.***, Шулика А.В.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
irinayaroshevich5@mail.ru

Введение. Возникновение и развитие сказа как жанра в повествовательной форме происходило постепенно, его источником стали не произведения русской литературы, а жанр новеллы, появившийся в Западной Европе, в Италии в эпоху Возрождения. В процессе развития русской литературы, со времен А. С. Пушкина, сказ непрерывно трансформировался как художественное и языковое явление, постоянно корректировался и обновлялся в соответствии с требованиями времени и реалиями жизни и в конце концов стал уникальной формой повествования. Сказ представляет собой «особую форму авторской речи, проводимую на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица, от имени которого ведется повествование» [3, с. 269]. Значительную роль в повествовании, в первую очередь в сказе, играют автор-повествователь и герой-рассказчик. Их сущности трансформируются в зависимости от принадлежности сказа к литературе или фольклору.

Цель настоящего исследования – раскрыть особенности автора-повествователя и героя-рассказчика в литературных и фольклорных сказах Донбасса.

Основная часть. В литературном сказе главное отличие образов автора-повествователя и героя рассказчика от фольклорного сказа в том, что герой-рассказчик – это, как правило, неумелый рассказчик, которому одному отдано право вести рассказ, а образ автора-повествователя отсутствует.

В подобных сказах рассказчик – это человек, повествующий историю некоторого объекта разговора; он выступает в качестве посредника, связывающего автора и персонажей, а иногда играет роль персонажа. Рассказчик активен как ответственный инструмент автора, с помощью которого он формирует художественный мир произведения и его языковое пространство. Рассказчик в шахтерских сказах Донбасса имеет свою специфику. Творческие принципы писателей во многом зависят от среды, в которой они живут, и от художественного сознания общества. Большинство героев сказов Донбасса – выходцы из разных слоев общества, например крестьяне, ремесленники, разночинцы и т. д., они имеют свои уникальные поведенческие привычки и языковую специфику: *«У нас на шахте работал один горновой, кузнец значит. Моторный был такой, подхватистый парень и придумщик большой. Говорят, на политической каторге бывал – за правду, за народ»* [2, с. 240].

Писатели отражают в своих записях разнообразие говоров, их лексическое и грамматическое богатство. При этом передается это разнообразие через рассказчиков. Кроме того, с помощью образа рассказчика, основная задача которого – объяснить подробности события, авторы подталкивают читателя к сосредоточению, чтоб он задумался, как и почему так произошло, что сподвигло именно этого человека поступить так, что читатель может осознать для себя нового. Нередко рассказчик – шахтер, который особенно любит описывать незначительные подробности своей жизни и быта.

Многогранностью своего языка, воплощенной с помощью образов, писатели Донбасса обязаны прикосновением к различным социально-историчным слоям: *«Было это давным-давно, еще при царе. Тогда в донецких степях только-только появились первые шахты. Были они совсем не такие, как сейчас. Уголек рубили обушком, лопатой грузили на вагонетку человек тащил на четвереньках за собой к штреку, по штреку к шурфу вагонетки доставляли кони, потом уголь поднимали бадьями на-гора»* [2, с. 236]. Авторы-повествователи убедительно используют жанр сказа и его определенный стиль в своих произведениях, что позволяет рассказчику свободно передавать историю, дополнив ее информацией о себе.

Таким образом, перед читателями разворачивается картина жизни народа. В каждом произведении писатель отводит рассказчику определенную роль, наделяя его самобытными чертами как с точки зрения социального статуса, так и формирующего структуру текста, его сюжетные линии.

От имени «я» может говорить и такой рассказчик, которого нельзя назвать героем: он не принимает участия в событиях, а только рассказывает о них. Рассказчик, не являющийся героем, стает, однако, частью художественного мира: он тоже, как и персонажи, предмет изображения. Как правило, такой рассказчик, наделен именем, биографией, а главное – его рассказ характеризует не только персонажей и события, о которых он рассказывает, но и его самого: *«Нет людей отчаянней коногонов. И одеваются они не так, как все. Рубахи у них красные навыпуск, картузы кожаные, сапоги со скрипом в гармошку. В руках кнуты. Держатся отдельной артелью. Стоят, семечки щелкают, рыгочут»* [4, с. 8].

Следовательно отметим, что отведенная роль автору-повествователю и герою-рассказчику не тождественна в литературном сказе. В отличие от рассказчика, повествователь не может быть участником событий произведения, его не могут видеть герои. Рассказчик персонифицирован, он существует как личность в художественном мире, повествователь же всегда безличен, он «невесомый, бесплотный и вездесущий дух повествования» [1, с. 163].

В фольклорном сказе образ автора четко обозначен, от его лица и ведется первоначальный рассказ. Автор-повествователь сам был участником событий, которые в дальнейшем будет описывать и передавать

от читателя к читателю: *«В молодости я работала в шахте №31 г. Ирмино, на шахте им. Стаханова»; «Я работала на шахте в г. Донецке»* [5, с. 33].

В зафиксированных шахтерских сказах на Донбассе образ автора и героя тесно связаны между собой. Герой-рассказчик передает мысли и чувства автора, однако со своими эмоциями и коррективами ввиду человеческого фактора. Герой-рассказчик – это второй, третий, четвертый информатор, который снова и снова пересказывает историю, созданную автором. Меняя некоторые факты, каждый последующий носитель информации сам становиться автором фольклорного сказа: *«Рассказывают, что Шубин был рабочим на одной из шахт в царские времена. Условия труда были тяжелыми, а оплата мизерная, вот и решили шахтеры устроить забастовку»* [5, с. 34].

Такие рассказы «вырваны из жизни» человека не описывают его биографию и жизнь до или после определенной ситуации. Фольклорные сказы начинают свое существование с начала повествования и заканчивают после последнего слова рассказчика или повествователя.

В заключении отметим, что образы автора-повествователя и героя-рассказчика могут быть тесно связаны (в фольклорных сказах), и противоположны друг другу (в литературных). Однако они не тождественны, поскольку нить, связывающая рассказчика и повествователя оказывается ближе или дальше в зависимости от жанра сказа и его повествования, «которое соотносит автора и рассказчика, стилизуется под устно произносимый, театрально импровизированный монолог человека, предполагающий сочувственно настроенную аудиторию…» [1, с. 310].

Список литературы

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений / М. М. Бахтин – Москва: Наука, 2000. – 563 с. – ISBN 5-89216-010-6
2. Ионов А. В. Песни и сказы Донбасса / А. В. Ионов. – Донецк: Книгоиздательство. 1960. – 365 с. ISBN отсутствует
3. Квятковский А. П. Поэтический словарь / А. П. Квятковский // Москва: Сов. энциклопедия, 1966. – 375 с. URL: https://kslipl.pnu.edu.ua/wp content/uploads/sites/ 108/2020/02/Квятковский-А. Поэтический-словарь-1966.pdf (дата обращения: 22.09.2022).
4. Коновалов Е. Г. Байки, сказы и бывальщины старого Донбасса. Годы и люди Донеччины / Е. Г. Коновалов // Киев: Изд-во Европейского университета, 2004. – 504 с. URL: https://miningwiki.ru/wiki/Евгений_Коновалов._Два_коногона (дата обращения: 21.09.2022).
5. Протекших дней очарованье: сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / запись, сост., вступ. ст., подгот. текстов, словарь П. Т. Тимофеева. – Донецк: Донбасс, 2008. – 219 с. – ISBN 978-966-1615-03-7

УДК 81

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ КОСМОСА В РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (2020–2021 гг.)

Антипова А.С., Ильченко Д.С., Смирнова О.В., канд. филол. наук, доц.,
Денисова Г.В., канд. филол. наук, д-р культурологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
alineant@yandex.ru

В рамках междисциплинарного подхода гуманитарная наука все чаще вступает в диалог с техногенными открытиями. Одним из значимых направлений исследований второй половины двадцатого века стало, несомненно, исследование космического пространства. Двадцать первый век бросает вызов современному миру, требуя пересмотра уже известных знаний о космосе ввиду все увеличивающегося объема полученных данных. Это происходит отчасти на основе возможности осуществлять непрекращающийся диалог с космическим пространством, репрезентируемым в современных средствах массовой коммуникации, которые в контексте продолжающейся цифровизации интенсивно способствуют медиатизации космической тематики и обеспечивают ее большую доступность [1, 2].

Данное исследование является продолжением изучения космической тематики в отечественном медиадискурсе [3, 5] на примере ведущих федеральных общественно-политических газет «Комсомольская правда», «Российская газета» и «КоммерсантЪ», а также интернет-изданий Lenta.Ru и Газета.Ru. С помощью ранее апробированной методики [3, 4, 5] были изучены количественные и качественные характеристики публикаций о космосе и проведен семантический анализ данных в выбранных массмедиа за период 2020-2021 гг.

На первом этапе исследования осуществлялось выявление динамики присутствия проблематики космоса на основе анализе удельного веса публикаций с ключевыми словами *космо** или *космическ** в общем контенте массмедиа в период 2020-2021 гг. Отбор и анализ публикаций по заданной теме был проведен с использованием информационно-поисковой системы мониторинга и анализа СМИ «Интегрум», индексирующей материалы и содержащей архивы более 12 000 источников. Оригинальная методология позволила оценить долю публикаций о космосе в общем массиве сообщений СМИ, выявить ключевые тематические сферы космической информационной повестки и особенности ее географии.

Была сформирована выборка №=5908 публикаций (выборка В1-2021), содержащая ключевые слова *космо** или *космическ**. Выборка В1-2021 была соотнесена с общим количеством публикаций в исследуемых СМИ за 2021 год (выборка В0-2021) №=303814 публикаций. Эти данные затем сравнивались с аналогичным образом полученными результатами за 2020 год: выборкой В1-2020 №=3964 публикаций и выборкой В0-2020 №=263981 публикаций.

При анализе удельного веса публикаций с ключевыми словами *космо** или *космическ** в общем контенте массмедиа была выявлена положительная динамика. Доля публикаций выросла в 1,3 раза: с 1,5 % в 2020 году до 1,9% в 2021 году. Приведенные результаты свидетельствуют о стабильном росте объема информации о космосе в отечественных массмедиа за последние два года. Актуальной представляется задача определения различных факторов, в том числе ключевых инфоповодов, влияющих на данный процесс. С этой целью была проанализирована динамика количества публикаций о космосе за период 2020-2021 гг. и выявлены месяца с четко выраженным максимум публикаций: декабрь 2020 г., апрель, июль и октябрь 2021 г. Данные периоды соответствуют таким важным событиям в развитии отечественной и мировой космонавтики, как успешный запуск ракетоносителя тяжелого класса «Ангара-А5» (14 декабря 2021 г.) и празднование 60-летней годовщины первого полета человека в космос (12 апреля 2021 г.). Кроме того, в апреле 2021 г. состоялся запуск китайской модульной орбитальной станции «Тяньгун»; в июле 2021 г. были осуществлены запуск на орбиту и стыковка с МКС многофункционального лабораторного модуля «Наука», а также состоялись успешные суборбитальные пилотируемые полеты кораблей VSS Unity и New Shepard.

Задачей второго этапа исследования стало определение семантических признаков исследуемой категории с целью более детального анализа возрастающего интереса СМИ к освещению данной проблематики. Для получения более достоверных и отвечающих поставленной задаче результатов анализируемый корпус медиа текстов подвергся предварительной обработке. Предпроцессинг традиционно включает в себя: удаление стоп-слов, графических символов и цифр, не являющихся значимыми для более глубокого семантического анализа. Затем проводится процедура нормализации – приведение словоформ к заданным в рамках необходимых параметров грамматическим категориям. Дальнейшая процедура лемматезации позволяет включить в анализ только необходимые словоформы: ключевые для анализа части речи, однокоренные слова, отличающиеся семантически значимыми флексиями и т.п. Последующая токенизация позволяет создать так называемый словарь токенов, который представляет собой очищенный корпус, используемый для дальнейшего построения семантических полей с использованием автоматизированных машинных методов. Для математической обработки корпуса используется векторный алгоритм, позволяющий перевести слова

в числовые векторы и в кратчайшие сроки установить наличие связей внутри больших текстовых массивов. Нашей задачей было выявить близкий по смыслу контекст для понятия «космос» в виде ядра близлежащих слов. Семантически сходный набор понятий, отобранный автоматически на основе алгоритма по признаку частотности встречаемости связей в контексте является, таким образом, контекстуальным комплексом. Описанный алгоритм позволяет в автоматизированном виде произвести анализ представленности языковых категорий в корпусе в виде частоты совместной встречаемости отдельных единиц. При этом слова рассматриваются в качестве элементов, которые создают пары с ключевыми категориями – космос* и космич*. При таком подходе есть возможность математически описать модель связи категорий за счет векторных расстояний, рассчитать среднюю частоту, близость лексических единиц друг к другу, выявить семантическое ядро и описать периферию.

В нашем исследовании в состав основного семантического ядра по принципу наибольшей частотности совместной встречаемости с ключевыми категориями космос* и космич* вошли следующие единицы: российский, США, ракета, система, заявлять, американский, космос, компания, корабль, получать, роскосмос, программа, Рогозин, МКС, становиться. При анализе временных периодов, которые на предыдущем этапе исследования стали ключевыми в плане присутствия тематики космос в новостной повестке (декабрь 2020, апрель, июль и октябрь 2021), были простроены семантические ядра отдельно по каждому из исследуемых изданий, которые отразили специфику каждого периода присутствием лексических единиц, заслуживающих особое внимание. К ним можно отнести следующие: проект, спутник, запуск, оружие, новость, Китай и отмечать.

Заявленная методика помогает рассмотреть процесс медиатизации космической тематики на более глубоком уровне и определить возможности дальнейшей оптимизации работы с большим массивом данных в короткие сроки. Вместе с тем алгоритм позволяет исследовать краткосрочные семантические сдвиги пар понятий и проследить динамику этих изменений.

Список литературы

1. Вартанова Е. Л. Динамика общего и особенного: современные теоретические подходы к анализу российской медиасистемы / Е. Л. Вартанова // Параллели и меридианы медиапространства. – Москва: Изд-во Фак. журн. МГУ, 2014. – С. 10-34.
2. Гурова Е. К. Популяризация науки: задачи, стратегии, технологии. Методическое пособие для журналистов: Аналитическое исследование по государственному контракту № 14.597.11.0010 / под ред. Е. Л. Вартановой. – М.: Ф-т журн. МГУ, 2016. – 100 с.
3. Смирнова О. В., Денисова Г. В., Панкеев И. А., Ильченко Д. С., Антипова А. С. Проблематика космоса в современном российском медиадискурсе (2020-2021 гг.), Научно-техническая информация. Серия Организация и методика информационной работы. – 2022. – № 6. – С. 36-40.

4. Antipova A. S., Smirnova O. V., Rabeson M. D. Semantic shift in conflict terminology in contemporary Russian socio-cultural media discourse, Training, Language and Culture, издательство Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Российский университет дружбы народов (РУДН) (Москва). – 2021. – № 5(2). – С. 73-89.
5. Smirnova O. V., Denisova G. V., Alevizaki O. R. et al. (2021) Space-Related Scientific and Technical Information in Current Media Discourse: Research Results. Sci. Tech. Inf. Proc. – 2021. – № 48. – P. 133-138.

УДК 316.77;070

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ

Антоненко Ц.А.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
c.antonenko@donnu.ru

Донбасс – один из самых динамичных и неспокойных регионов на сегодняшней карте мира. Он пережил немало экономических, политических и социальных трансформаций, превратился из важного региона самой большой в Европе страны в Республику, обладающую всеми атрибутами государственности. Эти трансформации оставили свой след не только в истории Донбасса, но и в его информационном пространстве. Они формировали и преображали его на протяжении почти двухсот лет. Они подготовили его к тому политическому землетрясению, резкому экономическому и социальному сдвигу, который случился в 2014 году.

Цель этой работы – рассмотреть этапы формирования и становления информационно-коммуникативного пространства современного Донбасса, опираясь на ретроспективный анализ масс-медийного поля.

Актуальность работы связана с развитием новой самоидентичности Донбасса, а в связи с этим повышается интерес к его истории, формированию его информационного пространства и масс-медийного комплекса.

На сегодняшний день понятие «информационное пространство» рассматривается в самом широком аспекте в работах таких известных учёных, как Е. Прохоров, А.В. Манойло, И.М. Дзялошинский и другие.

С.А. Проскурин определяет информационное пространство как *«пространство, в котором создаётся, перемещается и потребляется информация»* [2]. В противовес ему А.В. Манойло описывает информационное пространство как *«сферу деятельности отдельных людей, профессиональных групп, субъектов государственного управления, экономических и политических отношений и т.п. – т.е. фактически любого субъекта деятельности, осуществляющего таковую целиком или частично с использованием возможностей современных информационных технологий»* [1].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что информационное пространство – это, по сути, поле, внутри которого формируется, сохраняется, передаётся, принимается и обрабатывается самая разная информация (знание). Причём это поле может быть международным, национальным, локальным (региональным) и персональным.

Опираясь на это понимание, мы выделили периоды формирования информационного пространства Донбасса:

1. Период Российской Империи (1838–1917). Этот этап малоизучен, поскольку архивных записей о жизни Донбасса в тот период времени крайне мало. Учёным точно известно, что именно в этот период в Донбассе начинает зарождаться самостоятельная журналистика, развивается печатное дело, возникает заинтересованность людей в информации, появляются первые ростки информационного пространства. Основными темами в прессе этого периода стали освещение деятельности местных органов власти, материалы о сельском хозяйстве и торговле, выборах в земские управы и государственную думу, культурной жизни края и т.п. По известным данным, в разные периоды этого этапа в масс-медийный комплекс региона входило от 15 до 28 газет и журналов – государственных и частных.

2. Период становления советской власти (1917–1920). Этот этап формирования информационного поля Донбасса ещё меньше изучен, чем предыдущий. В архивах почти нет данных о том, как работали и работали ли вообще СМИ в Донбассе в период немецкой оккупации Первой Мировой войны. Центральной газетой Донбасса на тот момент были «Известия Юзовского совета рабочих и солдатских депутатов», которая начала выходить ещё в 1917 году. Газету основали меньшевики, а потому она выступала за мирную передачу власти Временным правительством социал-демократам, но уже в 1918 году власть в Юзовке перешла в руки большевиков, а газета стала называться «Донецкая правда». Выходила газета всего один месяц.

3. Межвоенный период (1921–1941). Этот этап можно назвать одним из самых важных в формировании информационного поля Донбасса. Революция и Первая Мировая война отгремели, оставив в руинах страну, которую нужно было восстанавливать, и Донбасс в этом восстановлении играл одну из ведущих ролей. С 1920 по 1940 год главной темой всех газет было прославление труда. Именно с тех пор осознание себя как народа-труженика плотно сформировалось в сознании донбассовцев.

4. Период Великой отечественной войны (1941–1943). Этот этап стимулировал развитие информационного поля. Особую роль получила фотожурналистика, развитие коснулось и радио. Особую роль в поднятии боевого духа солдат, в сборе и распространении информации, в документировании событий сыграли писатели и журналисты, которые ушли на фронт. На войне они выполняли сразу несколько функций: военных и журналистов. Не только сражались, но и записывали всё, что видели, слышали, переживали, распространяли листовки, рассказывали о скорой победе. Всего на войну ушло порядка 950 журналистов и писателей, более 200 из них были из Донбасса.

5. Период восстановления мирной жизни (1943–1953). После немецкой оккупации Донбасс представлял собой выжженную землю. Восстановление началось сразу после освобождения от немцев. Уже в апреле 1946 года в г. Сталино было создано областное книжно-газетное издательство, которое впоследствии стало известно в СССР как издательство «Донбасс». В нём работали корреспонденты, возвращающиеся с фронта, журналисты и литераторы, писавшие о восстановление региона, его духе и силе, непокорности.

6. Период развития Сталинской (Донецкой) области (1950–1991). Это самый длительный, на сегодняшний день, и один из самых важных периодов становления информационного пространства Донбасса. Он дал Донецку телевидение. Сначала государственное, а после и независимое. Первая телетрансляция прошла в 1956 году, а уже через 20 лет вещание стало цветным. Ко второй половине 1980-х годов Донбасс был самым активным регионом Союза, журналисты писали о забастовках, поднимали социальные и экономические проблемы. Этот период стал историческим отражением того, что ждало Донбасс впереди.

7. Период постсоветской Украины (1991–2014). На этом этапе в Донбассе, благодаря независимым СМИ, начинает формироваться национальная идентичность. Масс-медийный комплекс развивается быстро и активно, появляются медиа-холдинги, развивается интернет. По состоянию на 01.01.2013 года в Донецком регионе зарегистрировано 1574 печатных изданий и 161 телерадиорганизация. Донбасс не просто один из регионов страны, а один из мощнейших промышленных, научных и культурных центров, который обретает собственную социальную позицию, резко выступает во время Оранжевой революции в Киеве. Именно этот этап стал подготовкой к следующему, самому важному.

8. Период борьбы за независимость. Становление государственности ДНР (2014-настоящие дни). Это самый важный этап в формировании информационного поля, поскольку региональный масс-медийный комплекс становится национальным, происходит постепенная перестройка сознания граждан и понимание себя не просто частью страны, но самостоятельным государством, которое сражается за свою свободу и право на самоидентификацию.

Описание журналистики Донбасса в указанные периоды даёт представление о фундаментальности современного масс-медийного комплекса ДНР, а также исторической основательности её информационного пространства.

Список литературы

1. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях: моногр. / А. В. Манойло. – Москва: МИФИ, 2003. – 388 с.
2. Проскурин С. А. Геополитическое измерение глобального информационного пространства / С. А. Проскурин // Геополитика: Учеб. – Москва: РАГС, 2007. – 261 с.

УДК 070

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЦВЕТНЫМ РЕВОЛЮЦИЯМ В РЕАЛИЯХ НОВЫХ МЕДИА

Артамонова И.М., д-р наук по соц. комм., проф., ***Гречук В.В.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
inesa_artamonova@mail.ru, grechuk.vladislav@mail.ru

Введение. Влияние новых медиа на жизнь всего человечества многократно усилилось за несколько прошедших лет. Внушительную роль в этом сыграла пандемия коронавируса, что вынудило значительное число людей перенести часть своей социальной жизни и экономической деятельности в цифровую среду. Эти факторы открывают практически безграничный простор для манипулятивного воздействия, насаждения идей и смыслов посредством новых медиа, что делает их невероятно эффективными в деле трансформации мира под нужды манипуляторов.

Анализ современных технологий и возможностей новых медиа в манипуляции общественным мнением с целью насаждения деструктивных идей и смыслов сейчас критически важен и актуален. **Цель исследования:** выявить новые и перспективные технологии воздействия на массы, обозначить возможные методы противодействия цветным революциям в цифровом пространстве.

Основная часть. Обострение в противостоянии ведущих мировых держав внесло значительные коррективы в вектор развития новых медиа и существенно изменило условия ведения информационной войны. Если еще недавно можно было говорить о том, что абсолютно все пользователи Сети связаны между собой посредством используемых для взаимодействия цифровых площадок и потребляемого контента, то сейчас наблюдается явная попытка со стороны Запада отрезать Российскую Федерацию, Республику Беларусь, а также их потенциальных союзников от общемирового информационного пространства. Выражается это прежде всего в ограничениях на распространение медиапродукции (кинофильмов, сериалов, видеоигр, книг и прочего), введенных западными медиагигантами с подачи руководства США и ЕС. Это в комплексе с другими санкциями должно было стать одним из катализаторов массовых недовольств, которые потенциально могли бы вылиться в цветные революции.

Однако, как можно наблюдать сегодня, данные действия, хоть и нанесли некоторый урон отечественному бизнесу, задействованному в разработке и дистрибуции медиаконтента, своей основной цели не достигли. Более того, они в значительной степени сработали против их инициаторов: они не только недополучили прибыль, но и, что более важно в контексте нашего исследования, разрушили механизм целенаправленной работы мягкой силы с гражданами РФ и РБ. Теперь недружественные каналы распространения деструктивных идей и смыслов доступны для

нашей аудитории только посредством пиратства, обхода блокировок при помощи VPN (или аналогичных по сути действий) и того, что можно с некоторыми условностями назвать параллельным импортом в цифровой среде. Можно с уверенностью утверждать, что это несколько снизит уровень потребления их продукции отечественными пользователями.

Таким образом, интернет-пространство стало менее централизованным, что открывает большие возможности для наполнения по меньшей мере своего сегмента интернета идейно верным контентом, который значительно снизит возможности недружественных государств для подготовки цветных революций и нагнетания недовольства. Однако, это возможно только при условии производства цифровых площадок, товаров и материалов для них такого качества, которое бы соответствовало или превосходило аналогичные у оппонентов по информационному противостоянию. Обусловлено это тем, что полностью ограничить доступ пользователей к нежелательному контенту и платформам в Сети невозможно, а соответственно, пользователю нужно предоставить дополнительный стимул для перехода на отечественные площадки, кроме нежелания сталкиваться с трудностями.

Ввиду этого стоит обратить внимание и на другие тенденции развития новых медиа. Так стоит отметить, что постепенно на смену поколению интернет-пользователей, предпочитающих взаимодействовать друг с другом в рамках социальных сетей, приходит поколение, заинтересованное в более иммерсионном взаимодействии в Сети. Так, уже в период пандемии, в сфере образования занятия в виртуальной реальности были не редкостью ввиду большей наглядности и наличия чувства сопричастности к процессу взаимодействия у их участников. Хотя до создания полноценных метавселенных еще достаточно далеко, предпосылки того, что они, если и не станут основной средой для интернет-пользователей, то займут весьма значимое место в цифровой инфраструктуре, а значит и будут играть важную роль в деле агитации и пропаганды, достаточно велики. Исходя из этого, вопросу разработки аналогов отечественными компаниями следует уделить должное внимание.

При этом, как показали недавние события в Республике Беларусь, мессенджеры являются весьма эффективным средством воздействия на общественное мнение и, как следствие, организации цветных революций. При этом, в данный момент мы оказались в такой ситуации, когда все востребованные у нас мессенджеры находятся под юрисдикцией недружественных государств и в любой момент грозят стать рупором враждебной пропаганды. Эта ситуация требует урегулирования, и наиболее быстрым способом ее решения может стать постепенный переход на платформу WeChat (самый популярный мессенджер Китая).

Выводы. Таким образом, для эффективного превентивного противодействия тактике цветных революций, результативность которой сейчас целиком и полностью зависит от превосходства в информационном

поле, крайне важно создать собственную систему актуальных цифровых площадок, а также обеспечить их актуальным у аудитории и качественным контентом, который соответствовал бы востребованным в государстве идеологическим императивам.

УДК 070

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРОТИВОБОРСТВО РОССИИ И УКРАИНЫ В РЕАЛИЯХ НОВЫХ МЕДИА: СПОСОБЫ И МЕТОДЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Артамонова И.М., д-р наук по соц. комм., проф., ***Кухтин А.В.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
inesa_artamonova@mail.ru, kukhtin.2000@inbox.ru

Введение. В 2013 году, в преддверии государственного переворота на Украине, началась активная информационная компания по дерусси-фикации и украинизации населения страны. Популяризация этой компании в народных массах Украины привела к неизбежной реакции со стороны населения её юго-восточной части и большинства россиян, которые были недовольны несправедливым отношением к русскоговорящему населению Украины.

Следствием данной информационной кампании стало незаконное свержение государственной власти в Киеве и начало гражданской войны на востоке страны, в результате которой жители самопровозглашённых республик ЛДНР отказались признавать власть украинских националистов и радикалов.

Цель. Рассмотрение способов и методов ведения современных информационных войн с использованием преимущественно новых медиа, чтобы выработать комплекс мер по выявлению и предотвращению влияния деструктивной информации на сознание граждан.

Основная часть. В 2013 году на территории Украины была проведена масштабная информационная кампания по свержению действующего правительства. В данной компании были задействованы частные СМИ пятой колонны Украины, а также новые медиа, в которых активно применялись технологии управления массами.

На тот момент различные мессенджеры – WhatsApp, Viber и Telegram – ещё не были широко распространены. По этой причине призывы выходить на майдан исходили по большей мере из частных телерадиоканалов и онлайн- ресурсов, в которых активно разжигались ненависть и радикальные настроения.

После проведения такой русофобской акции, Россия не могла оставаться в стороне и начала свою информационную компанию по защите населения Донбасса и Крыма в информационном пространстве, давая свою альтернативную точку зрения.

Чтобы повлиять на население, которое оказалось в сфере влияния нового киевского режима и донести до большинства украинцев свою позицию касательно сложившийся ситуации, России пришлось активно подключать к работе свои новые медиа, так как пророссийское лобби понесло серьёзные потери на территории Украины. Сначала информация распространялась через такие социальные сети, как «ВК» и «Одноклассники», которыми в большинстве своём пользовались все жители Украины и без особых трудностей лично могли пообщаться с жителями Крыма и ЛДНР.

В результате активной фазы боевых действий на востоке Украины информационная война переросла в более агрессивную стадию с элементами военной пропаганды. Однако Киев постепенно перешёл от лёгкого «закручивания гаек» к «охоте на ведьм»: так, в 2017 году на территории Украины были заблокированы российские социальные сети «ВК» и «Одноклассники», а также сервисы «Яндекс» и «Mail.ru», а в 2021 г. закрыты телеканалы Виктора Медведчука – «112 Украина», NewsOne, ZIK.

Также к ведению информационной войны против России подключились и страны коллективного Запада, которые всячески препятствуют поступлению информации из России всеми возможными методами, начиная от блокировки федеральных телеканалов на распространённых видеохостингах и заканчивая высылкой российских журналистов из стран Евросоюза и США.

Информационное пространство в 2022 г значительно отличается от того, что было 10 лет назад, когда конфликт между Украиной и Россией только начинался. Сегодня новые медиа активно вытесняют традиционные СМИ, и всё больше людей начинает пользоваться интернетом, современными соцсетями, мессенджерами и видеохостингами. Это связано со стремительным развитием сферы IT технологий и их доступностью для широких масс населения.

Такие используемые технологии в представлении информации, как недосказанность, намеренная недостоверность, троллинг, психологические атаки, вербовка и т.п. носят деструктивный характер, направленный на нанесение ущерба, как государству, так и отдельным его представителям.

Подобную информацию легче всего распространять через новые медиа, так как ограничить к ним доступ внутри государства довольно проблематично. Помимо этого, информация агитационного характера может быть распространена и на совершенно неполитизированных сайтах в виде баннеров с надписью *«Россия напала на Украину»* или *«Пока ты смотришь это видео, Россия обстреливает мирные города»*, что может привлечь внимание пользователя, который просто зашёл на сайт по своим делам.

Яркими примерами деструктивной информации в период военного времени выступают видео уничтожения техники противника, снятые с БПЛА, на которых невозможно установить, какой стороне принадлежат уничтоженные объекты и где именно это происходило. Неоднократно

бывали случаи, когда выдавали видео из компьютерных игр за реальную работу БПЛА.

СБУ неоднократно выкладывало в сеть «перехваченные» записи разговоров российских военных, которые легко может смонтировать любой человек, так как установить личность практически нереально.

Во всех подобных материалах прослеживается один чёткий тезис, в котором российская армия выставляется исключительно с негативной стороны.

Таким образом Украина искусственно создаёт видимость анархии в рядах ВС РФ. Это один из приёмов, который оказывает демотивирующий эффект на население и армию в частности.

Видео допроса военнопленных, где могут использоваться нанятые актёры или реальные военнопленные, которых заставляют говорить на камеру подготовленный написанный текст или определённые тезисы.

Одним из серьёзнейших методов военной пропаганды могут выступать различные инсценировки расстрела мирных жителей, как, например, это было в Буче или Бородянке, особенно если эту информацию форсируют известные мировые издания. У многих людей могут возникнуть определённые сомнения и замешательства.

Для того, чтобы снизить влияние деструктивной информации, необходимо выработать комплекс мер по её пресечению и выявлению. К таким мерам можно отнести:

- Публичное разоблачение фейков.
- «Ликбез» для населения по выявлению манипуляций в информационной среде и грамотному потреблению информации.
- Принятие законов, способствующих предотвращению распространению деструктивной информации.
- Выявление элементов, распространяющих деструктивную информацию для проведения профилактических бесед или применения наказания в зависимости от тяжести преступления.
- Закрытие площадок и сайтов, намеренно дискредитирующих государственную власть, даже после предварительного предупреждения о приостановке их деятельности на территории государства, если вредоносная информация не будет удалена в течение определённого времени.

Заключение: перечисленные меры, с одной стороны, помогут лучше понять, как работают инструменты пропаганды в новых медиа, а с другой, помогут снизить воздействие и влияние деструктивной информации на население.

УДК 070:001.12/.18

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ БРЕНД-ЖУРНАЛИСТИКИ НА ТЕЛЕВИДЕНИИ ДНР

Артамонова И.М., д-р наук по соц. комм., проф., ***Ларшина А.Д.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
inesa_artamonova@mail.ru, anastasia.larshina2016@yandex.ru

Введение. Как и любая другая система, телевизионная среда подвергается изменениям и принимает, и реализует новые форматы. Бренд-журналистика является одной из таких форм.

Результатом конвергенции, а именно слияния разных направлений и специализаций (журналистика, маркетинг и пиар), стало возникновение нового феномена в современном обществе бренд-журналистики [2].

Однако для использования преимуществ бренд-журналистики, контент, который журналист предоставляет своей аудитории, должен создаваться в соответствии с определенными принципами.

Так, важно предоставлять актуальную и достоверную информацию, иначе произойдет разрыв между компанией и ее аудиторией. Контент должен отвечать на ее вопросы, уведомлять о новых телепродуктах, а также взаимодействовать с реципиентом. Нужно учитывать стратегии компании, хорошо знать свою целевую аудиторию, настроение и мнение аудитории, ситуацию в отрасли и на рынке. Кроме того, качество содержания должно быть на уровне: информацию следует подавать так, ее было легко понять.

Цель исследования состоит в выявлении особенностей коммуникативных технологий бренд-журналистики на телевидении, а также изучении специфики использования данных технологий в процессе вещания на республиканских телеканалах Донецкой Народной Республики.

Актуальность темы обусловлена несколькими аспектами.

Во-первых, специфика функционирования рынка СМК. Иными словами, высокая конкуренция заставляет бороться за свое место на рынке. Компании, обладающие явным рядом преимуществ, ставят СМИ в положение, когда правильное позиционирование и хороший ребрендинг компании является если не главным, то хотя бы первостепенным вопросом в XXI веке.

Во-вторых, изменение форматов телевещания. На сегодняшний день современное телевидение обретает новый облик. К традиционному линейному вещанию добавляются интерактивность, персонализация, а также возможность быть не только зрителем, но и напрямую участвовать в процессе создания телевизионного продукта.

Научно-теоретическую базу составляют труды теоретиков: Е. Вартановой, Ю. Чемякиной, Л. Лободенко., Л. Шестеркиной, О. Якимовой и др.

Основная часть. Конвергентные СМИ способны менять традиционный порядок функционирования журналистики, о чем свидетельствует появление бренд-журналистики. Продукт, созданный посредством совмещения в себе частей трех главных сфер массовой коммуникации, содержит в себе уникальные характеристики каждой составляющей, и благодаря трансформации и взаимовлиянию на уровне медиатекста, медиаконтента, медиапродукта и медиабренда, создается совершенно уникальный продукт [3].

В данном случае PR составляющая бренда, а именно имиджевая функция СМИ, реализуется посредством предоставления информационно-коммуникационного ресурса, содержащего сведения о медиакомпании и способствующего формированию его имиджа, рекламная – посредством продвижения медиапродуктов, которые производит СМИ [1].

В западной практике технология поддержания коммуникативных связей между СМИ и общественностью активно применяется не так давно, но при этом имеет широкое применение в работе пиар-специалистов.

В русскоязычной литературе по массовой коммуникации и связям с общественностью бренд-журналистика и ее богатый инструментарий в рамках построения общения между телевизионной компанией и зрителем практически не изучен.

Заключение. На сегодняшний день напряженная геополитическая обстановка в мире позволяет понять, что поддержание правильного имиджа телекомпании и успешно выстроенная коммуникация с общественностью, – залог результативной работы новостной редакции.

Грамотное использование приемов бренд-журналистики позволяет увидеть истинную картину действительности происходящего вне экранов. При этом дает возможность задать правильный вектор и защищает зрителя от нескончаемого потока фейковых новостей.

Бренд-журналистика, хотя является относительно новым понятием в сфере средств массовой информации, но уже активно набирает обороты и используется многими журналистами для продвижения бренда. Бренд-журналистика способна дать телекомпании авторитет в своей отрасли и на рынке, привлекая клиентов. При правильном исполнении такая журналистика значительно повышает узнаваемость телекомпании на информационном рынке, а также ее популярность.

Список литературы

1. Котлер Ф. Маркетинг-менеджмент. Экспресс-курс / Ф. Котлер. – СПб, 2006. – С. 37
2. Мирошниченко А. Бренды как медиа: борьба за внимание [Электронный ресурс] – URL: https://slon.ru/future/brendy_kak_media_borba_za_vnimanie-598950.xhtml.
3. Петрова Е. И. Интернет-СМИ и социальные сети: этапы конвергенции // Коммуникативные исследования. [Электронный ресурс] – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/internet-smi-i-sotsialnye-seti-etapy-konvergentsii

УДК 070.11+159.99

КАК НА УКРАИНЕ ФОРМИРОВАЛОСЬ ОТНОШЕНИЕ К РЕФЕРЕНДУМУ В КРЫМУ

Безродный В.П., канд. хим. наук, с.н.с.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
v.bezrodnyi@donnu.ru

Последние годы вопрос об использовании манипулятивных технологий в подаче той или иной информации является одним из важнейших элементов общественно-политического дискурса. В подтверждение активного использования разнообразных приемов манипуляции общественным сознанием приведем детальное исследование подачи информации одним из ведущих украинских телеканалов о проведении референдума в Крыму. Значимое для крымчан событие, предопределившее дальнейшую судьбу народов, населяющих Крымский полуостров, воспринимается на Украине как нечто несущественное, нарушающее все нормы международного права. Откуда такое отношение к самому демократичному способу выявления общественного мнения – референдуму? Его истоки в той подаче, тон которой был задан политическими авантюристами, незаконно захватившими власть на Украине в результате военного переворота весной 2014 года.

5 телеканал Украины. Сюжет от 16 марта 2014 года. День проведения референдума в Крыму. Время 13:00. В студии Янина Соколова.

Манипулирование сознанием зрителей начинается с первой минуты сюжета. Ведущая говорит: «Спасибо, что нам доверяете». Таким образом, человеку на подсознании внушается, что информации, которую ему будут преподносить в ближайшее время, можно доверять. Это своего рода игра с подсознанием человека.

Также в левом углу экрана зрители наблюдают небольшой квадратик с украинским флагом. Ниже флага надпись *«Єдина країна».* Это также является визуальной манипуляцией.

Далее ведущая начинает рассказывать телезрителям о событиях в Крыму в день проведения там референдума. Словами *«результаты нелегитимного референдума»* ведущая изначально настраивает телезрителя на то, что референдум является незаконным, однако при этом не упоминается, что на этот *«нелегитимный референдум»* жители полуострова идут как на праздник. Это прием манипулирования – констатация факта. Благодаря такой уловке во время показа видео с избирательных участков у телезрителя уже будет сформировано отношение, что референдум-то все равно незаконный. К тому же, следует обратить внимание на интонацию и мимику лица ведущей, свидетельствующих о крайне негативном отношении к вышеупомянутым событиям. Когда ведущая сообщает, что глава избирательной комиссии

г. Севастополь Валерий Медведев заявляет, что люди с целью проголосовать выстраиваются в очереди, ее лицо меняет выражение с нейтрального на возмущенное, соответственно меняется интонация голоса.

Говорит ведущая и о международной реакции на референдум, подчеркивая, что *«нелегитимный референдум в Крыму поддержали Россия, Венесуэла и Сирия».* С помощью приема изменения голоса, тембра и интонации, ведущая делает акцент на том, что ни украинское правительство (кстати, незаконное), ни большинство стран мира не признают законность этого референдума. Такая игра голосом и мимикой является одним из приемов манипулирования, который используется на телевидении.

Прямым манипулированием является фрагмент сюжета, где речь идет о том, что на референдуме проголосовать могут не только крымчане, но и жители других стран, имеющих лишь вид на жительство в Крыму. Приводится пример, что будто бы журналистка Екатерина Сигартськова, являясь гражданкой России и имея лишь вид на жительство в Крыму, смогла свободно проголосовать. При этом в сюжете нет никакого подтверждающего материала о том, что она действительно голосовала, имея лишь вид на жительство. Показывают женщину, предъявляющую на камеру обложку документа вида на жительство и мельком показывая его главную страницу, на которой невозможно разобрать фотографию. Эта женщина делает заявление на камеру о том, что она проголосовала на референдуме в Крыму, не являясь его жительницей. Это чистой воды манипуляция – фабрикация фактов или прямая ложь. Также прямой ложью является заявление ведущей о том, что к тем людям, которые не идут голосовать, приходят домой с милицией, дабы заставить идти голосовать.

В сюжете постоянно употребляется слово *«псевдореферендум»,* что продолжает убеждать телезрителей в незаконности прошедшего голосования.

В анализируемом сюжете для большей убедительности о незаконности референдума в Крыму, дается заявление представителя официального Киева, в частности, и.о. президента Украины Александра Турчинова. Он называет референдум *«провокацией Кремля»* и призывает людей его бойкотировать, так как он нарушает украинскую и крымскую конституции. На этом примере можно четко увидеть пример манипулирования, который называется спираль умолчания. Умолчание о том, что и.о. президента Александр Турчинов пришел к власти в результате государственного переворота. Он, как минимум, не имеет морального права говорить о незаконности референдума в Крыму, указывать, что референдум не соответствует украинской и крымской конституциям, поскольку сам не является законно избранным руководителем страны. Умалчиваются и причины референдума в Крыму как реакция жителей полуострова на государственный переворот в Киеве.

В данном сюжете также был использован один из самых эффективных методов манипулирования – прием запугивания. Телезрителям сооб-

щают, что результаты *«псевдореферендума»* уже составлены в Москве. Сообщается, что России необходим повод, чтобы ввести свои войска на украинские земли и начать войну, которая разрушит человеческие судьбы и экономические перспективы Крыма. Целью этот приема является внушение телезрителям того, что Россия – захватчик, который только и ищет повод, чтобы напасть на Крым и уничтожить живущих там людей.

Для того, чтобы окончательно убедить телезрителей в агрессии России и в том, что крымчане совершают самую большую ошибку в жизни, в сюжете используют заявление командующего военно-морских сил Украины Сергея Гайдука, в котором он призывает крымские власти и отряды самообороны к рассудительности. Заявление показывают очень быстро, его текст набран на компьютере. Видеообращения командующего как такового нет. Идет видео с военными, поверх которого наложены комментарии ведущей. Это тоже один из способов манипуляции.

Следующую манипуляцию можно наблюдать, когда ведущая заявляет, что продолжается осада украинских военных российскими оккупантами. Здесь используется метод классификации. Слово оккупант несет само по себе отрицательный оттенок, а, следовательно, вызывает у телезрителей негативные ассоциации. Далее следует сообщение, что подразделение российской морской пехоты блокирует почти два десятка бронетранспортеров с украинскими военными. Ведущая, сообщая телезрителям эти данные, ссылается на информацию, полученную 5 каналом от старшего лейтенанта отряда пехоты Анатолия Мозгового. Для того, чтобы убедить зрителей в достоверности информации, в эфире дают запись рассказа лейтенанта. Однако нет никаких доказательств, что это говорит именно военный, воинскую часть которого блокируют «российские оккупанты». Телезрители видят на экране телевизора картинку городского телефона и слышат голос так называемого лейтенанта. Этот вид манипуляции называют обратной связью. У телезрителей формируют уверенность, что лейтенант говорит в прямом эфире, чтобы поделиться «важной информацией».

Проанализированный сюжет – один из многочисленных материалов о референдуме в Крыму, которыми было насыщено украинское информационное пространство. Такого же рода приемы использовались украинскими медиа по указке киевских властей при информировании о событиях на Донбассе, продолжают использоваться и в настоящее время при подаче информации о специальной военной операции России, референдумах в Донбассе, Запорожье и на Херсонщине. Такие манипулятивные приемы, применяемые в течение восьми лет, дают свои плоды, формируя негативное отношение жителей Украины к событиям в Крыму, Донбассе, создавая атмосферу нетерпимости ко всему русскому.

УДК 070.1:004.738.5:82-1/-9

ЭМЕРДЖЕНТНЫЕ СИСТЕМЫ: КАК СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ПРИОБРЕТАЕТ НОВЫЕ СМЫСЛЫ

Безродный В.П., канд. хим. наук, с.н.с., ***Шамраев Д.А.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
fobos.prod@gmail.com

21-й век ознаменовал свое начало резким скачком в развитии цифровых и информационных технологий. Уже сейчас банально начинать доклад с фразы «Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного человека…» и т.п. Это лишний раз иллюстрирует скорость возникновения, принятия и последующее видоизменение новых явлений для человека.

Одним из таких явлений можно обозначить журналистику в ее классическом представлении. Ее исходные цели, инструменты, жанры, методы формировались на протяжении сотен лет под влиянием социальных и технологических процессов. Однако в современном мире ввиду все тех же процессов проявило себя новое явление – эмерджентность.

Эмерджентность – (от англ. emergent – возникающий, неожиданно появляющийся) в теории систем – наличие у какой-либо системы особых свойств, не присущих её элементам, а также сумме элементов, не связанных особыми системообразующими связями; несводимость свойств системы к сумме свойств её компонентов; синоним – системный эффект [4].

В качестве примера эмерджентной системы часто приводят колонию муравьев, где присутствует деление на классы, в которых отдельный муравей выполняет конкретную несложную работу, но за счет различия классов и их взаимодействия возникает колония, которая способна жить и развиваться. Еще одним примером может послужить обычный домашний компьютер. Состоящий из нескольких компонентов, различных по функционалу и выполняющих относительно незамысловатые функции, он способен производит сложные вычисления, воспроизводить медиа и т.д. Как мы можем видеть, эмерджентность характерна как для природных систем, так и возникает в искусственных и технологических и/или же объединяет их все. Эмерджентность можно воспринимать как многоуровневое явление, которое зависит от сложности и количества вовлеченных в эмерджентную систему компонентов.

Мы видим, насколько глобальным и всеобъемлющим может быть данный феномен, который, возможно, и звучит изначально как нечто «банальное», «очевидное», но понимание принципа возникновения эмерджетных систем позволяет нам приблизиться к вопросу о том, как из простых компонентов, находящихся в хаосе, возникают многоуровневые сложные системы: будь то муравейник, компьютер, мозг человека или даже виртуальный мир.

Теперь, когда мы разобрались с понятием «эмерджентность», рассмотрим ее проявление и влияние внутри существующих систем массового информирования.

Темп современного развития технологий постоянно ускоряется, и на таких скоростях понятия и явления «смазываются». Изначальное предназначение того или иного инструмента, компонента, сегмента и т.д. человеческой деятельности меняется, расширяется его потенциал и сфера использования (в качестве примера можно привести феномен социальных сетей, которые изначально создавались лишь как инструмент общения между людьми, а сейчас данные сети используются для работы, покупок, развлечений и даже отслеживания рациона питания т.п.).

Журналистика не стала исключением в данной тенденции. Если раньше понимание профессии журналиста было однозначным (работаешь в газете, на радио или на телевидении, значит ты журналист), то на данный момент журналистами можно считать и рекламщиков, и пиарщиков, и копирайтеров и т.д. Более того, с появлением такого мощного и доступного инструмента коммуникации как Интернет, расширился так называемый сегмент гражданской журналистики. Возникло и стало популярным явление блогеров, видеоблогеров, ютуберов, стримеров.

Посредством сети Интернет люди не из числа журналистов стали собирать вокруг себя аудиторию (комьюнити), для которых конкретный блогер, ютубер, стример и т.д., его контент, действия, реакции, знания, способ подачи контента, является предметом интереса и обсуждения. Таким образом, возникает сообщество, своего рода «кокон», центральной и действующей фигурой в котором является конкретный субъект, с которым способен напрямую (без посредников) взаимодействовать практически любой участник сообщества.

Другими словами, мы говорим о связи, взаимообратной связи, которая осуществляется с нехарактерной для классических видов СМИ простотой. Более того, подобная связь поддерживает не только канал «вещатель – реципиент», но и «реципиент – реципиент», при котором участники сообщества способны взаимодействовать между собой с вышеупомянутой простотой. Подобные возможности стали доступны благодаря медиатизация реальности.

Говоря о **медиатизации реальности**, мы подразумеваем процесс влияния средств массового информирования на социальные, бытовые политические и т.д. сферы деятельности человека.

В своей работе «Философия эмерджентных медиа: Понимание, оценка и применение» Дж. Флойд и Дж.Э. Катц утверждают, что эмерджентные медиа возникают как раз в результате случайных культурных отклонений (флуктуаций) и что данные медиа в крайней степени зависимы от интереса аудитории. По своему характеру они являются *медиаэстетическими*, т.е. объединяют в себе технологии и восприятие, которое направленно на поиск новых ощущений,

переживаний, эмоций, на основе которых у аудитории формируются новые смыслы. Это отчасти объясняет то, почему у наработок, созданных для решения одних задач, возникает иной, порой совершенно отличный от задуманного, способ применения и смысл. [3]

При таком подходе к пониманию журналистики человека, который в классических видах СМИ является лишь потребителем информации, имеющим ограниченный канал взаимодействия как с источником информации, так и с другими людьми, в эмерджентной коммуникационной среде можно воспринимать (человека) как действующего участника (либо же как компонент эмерджентной системы), связанного с другими такими же участниками информационными каналами (в первую очередь, сетью Интернет). И если в классическом представлении журналист – это человек, который создает и распространяет журналистский продукт, то сейчас журналиста можно ассоциировать с регулировщиком потока информации, способного анализировать, корректировать, создавать, разрушать, направлять эти потоки, протекающие между остальными людьми. Он является связующим звеном этой сети, состоящей из людей-компонентов.

Ввиду всего вышеописанного у нас возникает потребность в изучении процессов, механизмов и способов взаимодействия людей внутри таких эмерджентных медиасистем. Данный феномен многогранен, затрагивает множество сфер человеческого знания, поэтому в исследованиях необходимо полагаться на такие основные науки как: психология, социология, политология и журналистика, само собой разумеющееся. Все это позволит нам в дальнейшем разработать комплекс механизмов по структурированию и оптимизации подобных систем для раскрытия их максимального потенциала.

Список литературы

1. Asimina Michailidou, Hans-Jörg Trenz «Rethinking journalism standards in the era of post-truth politics: from truth keepers to truth mediators» – URL: https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/01634437211040669
2. Barry Smith «Towards a Science of Emerging Media» – URL: https://philarchive.org/archive/SMITAS-8v3
3. Juliet Floyd, James E. Katz «Philosophy of Emerging Media: Understanding, Appreciation, Application» – URL: https://academic.oup.com/book/27766
4. Значение слова «эмерджентность» – URL: https://clck.ru/328bP5
5. ФРИИ «Добро пожаловать в эпоху эмерджентности» – URL: https://www.iidf.ru/media/articles/trends/dobro-pozhalovat-v-epokhu-emerdzhentnosti/

УДК 070

РЕДАКЦИОННАЯ СТРУКТУРА РЕГИОНАЛЬНОГО СОВЕТСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛАХ СТАЛИНСКОЙ (ДОНЕЦКОЙ) СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ)

Болдырев С.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
s.boldyrev@donnu.ru

Введение. Эффективность работы любого предприятия во многом зависит от взаимодействия его структурных элементов и организации успешной управляемости процессами производства на всех уровнях. Если говорить о телевидении, то основой организационной структуры любой телекомпании являются **редакции**. В статье рассматриваются вопросы создания редакционной структуры творческого коллектива Сталинской (Донецкой) студии телевидения в период становления и развития. Также изучена динамика изменений организационной структуры телекомпании в 50-х – 80-х годах XX века.

Основная часть. Сталинский (впоследствии Донецкий) телецентр начал свою работу 25 августа 1956 года. На начальном этапе деятельности штат сотрудников телестудии ограничивался десятью специалистами. Создание каких-либо организационных структур на тот момент не требовалось. За первый год работы количество персонала выросло в восемь раз, а в 1958 году на студии уже работало более 150 человек [1]. Для эффективной работы столь значительного коллектива уже было необходимо внедрение системы подразделений с определенной организацией управления. Как отмечают современные исследователи: «Деление организации на функциональные звенья обусловлено необходимостью специализации и позволяет более эффективно решать задачи по распределению и координации работ. Организационная структура служит так же формальным механизмом связи, с помощью которого осуществляется передача информации между подразделениями организации» [2, с. 43].

Несмотря на то, что телевизионное производство было абсолютно новым видом СМИ в 50–60 годы, работники и руководство телевизионных студий решали организационно-структурные вопросы, используя уже существующие технологические схемы. Так, при создании редакций отталкивались от уже проработанных структур организации производства в журналах и газетах, при подборе персонала опирались на сходство телевидения с кинопроизводством и театром.

Разрабатывая организационную структуру, руководители Сталинской телестудии использовали определенное технологическое сходство телевидения и прессы. На начальном этапе были созданы четыре редакции, позволяющие охватить весь спектр тематической направленности передач регионального ТВ:

1. Редакция общественно-политического вещания;
2. Редакция художественного вещания;
3. Редакция музыкального вещания;
4. Редакция вещания для детей и юношества.

В дальнейшем эта структура неоднократно менялась. Так, в 1959 году редакция общественно-политического вещания была разделена на две: «…редакцию народного хозяйства, которая будет освещать работу промышленности, строительства, транспорта и сельского хозяйства, и редакцию общественно-политических передач, которая будет заниматься вопросами марксистско-ленинской теории, массово-политической работы, атеистической пропагандой, работой среди женщин, историей нашего края, передачами на медицинские и другие темы» [3]. В этом же году была организована отдельная редакция молодежных программ. В 1960 году к ним добавилась редакция телевизионной хроники: «…за счет сокращения штата редакторов детской и литературно-драматической редакций создать новую редакцию телевизионной хроники. Подобрать в состав редакции умеющих оперативно работать, хорошо знающих народное хозяйство, политическую и культурную жизнь области трех журналистов и одного режиссера» [5].

Значительные изменения произошли в организационной структуре студии в 1961 году. Были созданы две **главные редакции**: политических и художественных передач. Все остальные отраслевые редакции (уже существующие и вновь созданные) вошли в их состав. Так, в составе главной редакции общественно-политических программ оказались: редакция пропаганды, народного хозяйства, телевизионных новостей, редакция молодежных и спортивных передач, вновь создаваемая редакция сельского хозяйства. Литературно-драматическая, музыкальная, редакция передач для детей и юношества и кинoредакция объединились в главную редакцию художественных программ.

Дальнейшие изменения относятся к 70-м годам. Так, в 1977 году на Донецком телевидении появилась новая специализированная редакция, которая готовила материалы для центральных студий телевидения: «С целью более полного освещения жизни области по Центральному и Украинскому телевидению, упорядочении работы редакции хроники, приказываю: Создать редакцию по подготовке информационных материалов на ЦТ и УТ» [4]. В 1979 г. молодежную редакцию объединили с редакцией передач для детей, однако уже через год эти редакции вновь стали самостоятельными. К 1982 году в составе главной редакции общественно-политического вещания появилась Редакция писем и массовой работы, в структуру ТВ добавилась также обособленная третья Главная редакция по производству и обмену телефильмов.

В 1988 году был предпринят эксперимент по оптимизации структуры, в рамках которого были упразднены все отраслевые редакции на телевидении, кроме редакции писем и информации. В составе Комитета по телевидению и радиовещанию остались две главные редакции:

1. Главная редакция общественно-политических программ (с подчинением ей редакции информации и писем);

2. Главная редакция художественных программ;

3. Общекомитетская (ТВ и радио) редакция писем и изучения аудитории.

В дальнейшем деятельность некоторых отраслевых редакций (молодежной, спортивной) была восстановлена.

Заключение. Создание редакций и организация их взаимодействия – важный элемент повышения эффективности работы регионального телевидения. В период становления и развития Сталинской (Донецкой) студии телевидения организационная структура компании много раз менялась, осуществлялся поиск оптимальных управленческих решений. Опыт разработки редакционной структуры советского телевидения может быть использован современными телекомпаниями.

Список литературы

1. Болдырев С. М. Кадровый вопрос на региональном советском телевидении в период становления и развития (на материалах Сталинской (Донецкой) студии телевидения) // Материалы VI Международной научной конференции «Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности» – Том 4, Филологические науки, ч. 2: Языкознание, литературоведение, журналистика. – Донецк: Изд-во ДОННУ, 2021. – С. 264–266.
2. Немировская М. Л. Телевидение как среда для реализации продюсерских проектов: монография / М. Л. Немировская. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 199 с.
3. Отчет Комитета по радиовещанию и телевидению про работу на коллегии Республиканского комитета при Совете Министров УССР 14.08.59 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 278. Л. 8.
4. Приказ №14 Председателя Комитета по радиовещанию и телевидению при исполкоме Донецкого областного совета депутатов трудящихся от 15.04.77 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 2449. Л. 20.
5. Приказ №24 Председателя комитета по радиовещанию и телевидению при Сталинском облисполкоме трудящихся от 11.02.60 г. // Гос. архив ДНР. Ф. Р4674. Д. 411. Л. 46.

УДК 070

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ОБЩЕСТВО В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТОВ

Вартанова Е.Л., , д-р филол. наук., проф., акад. РАО

ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», г. Москва, РФ

Современная медиасреда характеризуется комплексной структурой, в которой одновременно активно действуют различные субъекты разной природы. Во-первых, это институционализированные субъекты – то есть

так называемые «традиционные СМИ» (или массмедиа), зарегистрированные на территории Российской Федерации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) и осуществляющие деятельность в соответствии с «Законом о СМИ» РФ и другими действующими нормативными документами средства массовой информации. В условиях цифровизации практически все традиционные СМИ вне зависимости от канала распространения меняют форматы и уходят в онлайн-среду, но в своей деятельности продолжают следовать принципам социальной ответственности, оставаясь источниками объективного, достоверного и профессионально произведенного содержания журналистами. Это является частью профессионального статуса журналиста и подразумевает следование законам, этическим нормам, профессиональным стандартам и сути общественного договора.

Принципиально новую группу в цифровой медиакоммуникационной среде представляют неинституционализированные медиа, которые можно назвать «новыми профессионалами»: это блогеры / инфлюэнсеры / лидеры мнений, ведущие информационно-коммуникационную деятельность в онлайн-среде. Они имеют разные интересы и производят неоднородное по качеству и потенциалу воздействия содержание, поскольку не встроены в полной мере в медиасистему России ни юридически, ни профессионально. Неясным остается также их экономический статус. Однако их воздействие на свои аудитории зачастую оказывается весьма значительным, применительно как к политическому участию, так и к рекреации и потреблению.

К отдельному – третьему – типу субъектов медиапространства следует отнести аудиторию, которая отчасти пересекается со вторым типом субъектов – блогерами, но ее «активность» в производстве медиасодержания не носит системный характер, проявляется спорадически и не имеет финансовых оснований. Вместе с тем роль аудитории в распространении информации, ее циркуляции, интерпретации и формировании оценочности посредством публикаций в социальных сетях, постов и комментариев сегодня весьма значительна.

В данном контексте медиарепрезентация конфликта, а также его «жизненный цикл» претерпевают большие изменения. Освещение конфликта в медиа на всех этапах его протекания (предконфликтная ситуация, инцидент, эскалация, кульминация, завершение конфликта, постконфликтная ситуация), а также первичные (очевидные) и вторичные (неочевидные) медиаэффекты репрезентаций конфликта в аудитории приобретают новые формы и свойства. Принимая во внимание актуальные теоретические подходы к конфликту, рассматривающие его как неотъемлемую часть общественного развития, многочисленные конфликтогенные факторы, приводящие к социальным конфликтам,

высокую конфликтогенность интернет-коммуникации в русскоязычном онлайн-пространстве, сложную многокомпонентную структуру медиасреды и ряд других факторов, изучение медиарепрезентаций наиболее резонансных социальных конфликтов в цифровой медиакоммуникационной среде различными ее субъектами на разных этапах их эскалации и выявление основных закономерностей, их характеризующих и описывающих, становится важной и актуальной научной проблемой.

Контент-стратегии репрезентации конфликта, а также его продолжительность, интенсивность, динамика, результат, социальный эффект в краткосрочной и долгосрочной перспективе, возможности прогнозирования и потенциал регулирования конфликтов в дальнейшем напрямую зависят от типа субъекта медиакоммуникационного пространства и его роли в освещении конфликта, от типа освещаемого конфликта, а также от степени вовлеченности того или иного субъекта на разных этапах «жизненного цикла» конфликта.

В число актуальных исследовательских вызовов сегодня входит и теоретический анализ полисубъектной структуры медиасреды (традиционные СМИ; новые медиа; активная аудитория), порождающей новые ситуации репрезентации, эскалации и разрешения или обострения социальных конфликтов, которые не поддаются однозначному прогнозированию. Поскольку субъекты медиапространства имеют различную природу и выполняют разные роли, а также реализуют детерминированные противоречивыми интересами контент-стратегии, медиаэффекты отражения тех или иных конфликтов могут быть принципиально разными и часто непредсказуемыми.

Традиционные СМИ призваны освещать конфликт, опираясь на профессиональные принципы журналистики, они ориентированы на достижение общественного баланса и стабильности с учетом особенностей неформального общественного договора. В фокус внимания массмедиа попадают в основном конфликты социально значимого или государственного масштаба. Тем не менее, как показали некоторые исследования, журналисты склонны воспринимать конфликт как новостную ценность. Интернет-среде еще в большей степени свойственен конфликтогенный потенциал: во внимание попадают конфликты разного уровня, в том числе межличностные и локальные, и их освещение ориентировано на другие цели и задачи. Стратегии медиарепрезентации конфликтов также существенно различаются и напрямую зависят от типа субъекта медисреды.

Именно такой подход требует дальнейшей теоретической проработки и концептуализации, поскольку управление медиарепрезентацией конфликта на разных этапах ее “жизненного цикла” и как следствие предупреждение рисков потенциальной киберугрозы имеет очевидное этическое и моральное значение.

УДК 070

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАДИОСТАНЦИЕЙ «КОМЕТА» СОВРЕМЕННЫХ КАНАЛОВ КОММУНИКАЦИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ «ВКОНТАКТЕ» И «ТЕЛЕГРАМ»)

Гудова Т.В.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
t.gudova@donnu.ru

Введение. Роль радиовещания в информировании населения и поднятии его морального духа во время ведения активных боевых действий, которые последние 8 лет происходят на территории ДНР, сложно переоценить.

Основная часть. Для начала нужно совершить небольшой экскурс в историю. В годы Великой Отечественной войны радио было самым популярным средством массовой информации, ему верили и доверяли, сообщений из радиоприемников ждали, как глотка свежего воздуха.

Во время ВОВ радио выполняло важнейшие информационно-пропагандистские функции, было мощным организатором, выполняло различные военно-политические, социально-экономические и идеологические задачи. Оно стало неотъемлемой частью жизни людей. Постоянно во всех программах рассказывалось о мужестве и героизме советских людей на фронте и в тылу. Радио связывало с Большой землей жителей оккупированных районов и партизан. В осажденном Ленинграде все 900 дней блокады радио работало, поддерживая в ленинградцах жизнь, волю к победе [2].

Как тогда, так и сейчас в условиях вооруженного противостояния Донбасса и Украины, радио было и остается верным другом слушателей. Современные информационно-коммуникационные возможности позволяют радиовещанию в полной мере реализовать свои основные преимущества – диалогичность и интерактивность.

«Использование интернета как радиоканала для комплексного радиовещания в сетевом пространстве позволяет обойти традиционные географические и технологические ограничения для доступа слушателей в радиоэфир» (Пер. авт. И.М. Артамонова) [1].

В постоянный обиход вошли такие понятия: «аудиовещание», «подкаст», «онлайн трансляция» и другие. Всё это говорит о том, что радиовещание, несмотря на его традиционность и классическую принадлежность, не отстает от других средств массовой коммуникации и активно заявляет о себе в различных социальных сетях и мессенджерах.

Рассмотрим и проанализируем использование соцсетей на примере одной из ведущих станций Донецка «Комета». Данное радио имеет свою группу во ВКонтакте «Радиостанция Комета Донецк» и помимо

традиционного эфирного вещания выходит и онлайн http://donetsk.kometa.fm:8000/kometa_donetsk_inet.ogg. Можно сказать, что здесь возможности интернета и социальных сетей в полной мере компенсируют тот недостаток радио, который заключается в отсутствии визуализации. В сообществе представлены клипы на популярные музыкальные хиты, фото с гостями, запечатлены ведущие «Кометы» на рабочем месте – за микшерским пультом, представлены актуальные новости. Подписчики группы могут видеть процесс ведения радиоэфира, что, несомненно, улучшает и уровень восприятия услышанной информации, и повышает доверие слушателей к радиостанции.

Но необходимо отметить, что страдает уровень оперативности в данном сообществе, контент наполняется не систематически. А своевременное информирование своих подписчиков об актуальных событиях в период ведения активных боевых действий особенно важно.

Также существенным недостатком является отсутствие качественной обратной связи с радиослушателями, когда люди пишут в группу и пытаются, например, узнать контакты со станцией, чтобы передать приветы и поздравления в популярной и полюбившейся многим радиопередаче «Рабочий полдень», но нет никакой реакции на их вопросы. Когда скоропостижно скончалась директор «Кометы» Инна Лановецкая, люди высказывали коллективу соболезнования и слова поддержки, что, к сожалению, тоже осталось без ответа.

Может быть именно поэтому данная группа в популярной соцсети ВКонтакте имеет всего 455 подписчиков, что говорит о недостаточном позиционировании и раскрутке сообщества, и несомненно, требует доработки и корректировки.

Радиостанция «Комета» имеет и свои телеграм-каналы: официальный «Радиостанция Комета Донецк 98,6 FM» и канал «On air» (пер. «В эфире»), который создала и ведет бессменная ведущая «Кометы», настоящий профессионал и патриот своего дела – Ольга Попова. Как она сама часто говорит, видимо вместе с фамилией была предопределена и ее профессиональная судьба.

И вот здесь уже дела обстоят совсем по-иному. Читая канал «On air», напитываешься такой человечностью, неравнодушием и отзывчивостью, что невольно вспоминаешь один из основных девизов вещания: «Радио – это человек человеку о человеке». Контент данного телеграм-канала затрагивает самые актуальные и животрепещущие проблемы, с которыми сталкиваются люди в период ведения военных действий. Поднимаются вопросы помощи военным, разыскиваются пропавшие без вести, предоставляются оперативные фронтовые сводки и многое другое. Находясь в самом центре столицы ДНР, офис радиостанции неоднократно попадал под жесточайшие обстрелы ВСУ, была нарушена целостность здания и его остекление. Всё это иллюстрируется соответствующим фото- и видеоматериалом. Но благодаря позитивному настрою, которым

пропитан канал, читая даже самые негативные новости, понимаешь, что всё обязательно наладится и наступит долгожданный мир. Так, в качестве примера можно привести следующие высказывания Ольги Поповой: «Вещаем всем назло!», «А день удался… Господи, спасибо. Живем дальше», «Слава Богу, все живы и здоровы. Спасибо, Господи», «Слава Богу, суббота. Остальное починим». Ни грамма отчаяния в этих словах, только моральная поддержка для всех подписчиков канала и слушателей «Кометы». В этом заключается интегративная (консолидирующая) функция радиовещания, которая во время войны является главенствующей и затмевает все остальные функции.

Что касается официального телеграм-канала «Радиостанция Комета Донецк 98,6 FM», то здесь, как и полагается, больше прослеживается патриотическая направленность, продемонстрирована деятельность самой радиостанции, её многочисленные программы («Великие люди Донбасса», «Гость в студии», «Экологический вестник», «Наши дети на Комете», «Медицина республики», «Культура» и др.). Также представлен телеграм-бот, с помощью которого читатели и слушатели могут заказать онлайн приветы и поздравления. Особое внимание на канале уделено авторскому проекту Эллы Михайловой «Быть военным – это гордость!», в котором идет речь о судьбе наших защитников, их профессиональном и личностном становлении, гражданской позиции. Материал канала систематически обновляется, иллюстрируется соответствующими фото и видео.

Выводы. Необходимо отметить, что сообщество радио «Комета» во Вконтакте проигрывает по содержательной составляющей и обратной связи телеграм-каналам, которые более активные и «живые». Следует обратить внимание на те недостатки, которые были выделены при анализе данных каналов коммуникации, чтобы привлечь в ряды поклонников «Кометы» как можно больше слушателей.

Список литературы

1. Артамонова И. М. Інтернет-журналістика в Україні: еволюція, соціоінформаційний контекст, системні характеристики: спеціальність 27.00.01 – теорія та історія соціальних комунікацій: дисертація на здобуття наукового ступеня доктора наук із соціальних комунікацій / Артамонова Інеса Михайлівна; Київський національний університет ім. Тараса Шевченка. – Київ, 2009. – 427 с.
2. Смирнов В. В.: Радиожурналистика в современном эфире. – Таганрог: Центр развития личности, 2007 г. – 166 с.
3. Шерель А. А. Радиожурналистика. – М., Изд-во Моск. ун-та, 2000 г. – 478 с.
4. Медиастанция. Портал для Media sapiens [Электронный ресурс] – URL: https://mediastancia.com/articles/4144/

УДК 659

PR-ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОДВИЖЕНИЯ ТЕАТРАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ПРОДУКТА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЙ

Каика Н.Е., канд. филол. наук, доц., ***Борисенко А.С.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
n.kaika@donnu.ru

Введение. Одной из важных составляющих успешной реализации творческого потенциала театра является обеспечение эффективных связей с общественностью. Связи с общественностью решают задачи формирования благоприятной коммуникативной среды, деловой репутации, имиджа театра как учреждения культуры, как социального института, имиджевых характеристик артистов в глазах общественности [1, с. 3].

В современной научной литературе немногочисленны диссертационные исследования, в которых проблемы театра, театрального культурного продукта анализируются в контексте СМИ, паблик рилейшнз (С. М. Апфельбаум, М. М. Груздева, Т. В. Козлова, К. И. Фокина). Требует осмысления и роль самого театра в современном механизме формирования общественных связей в условиях кризисных ситуаций.

Основная часть. Цель исследования – проанализировать PR-инструментарий продвижения театрального культурного продукта в условиях кризисных ситуаций.

Донецкий государственный академический театр оперы и балета им. А. Б. Соловьяненко (Донбасс Опера) – профессиональный творческий коллектив, хорошо известный не только в Донецкой Народной Республике, но и далеко за ее пределами [2]. Коллектив театра осуществил более 250 постановок спектаклей – лучших образцов мирового и отечественного классического оперно-балетного репертуара, а также оперетт, детских музыкальных сказок.

Продвижению театрального культурного продукта способствует его эффективное позиционирование (например, акцентирование уникальности культурного продукта – оперы «Carmina Burana», балета «Пер Гюнт», детского спектакля «Алиса в стране чудес» и др.), апелляция к авторитетам, звездам Донбасс Оперы (Раисе Колесник, Александру Коробейченко, Юрию Гуляеву, Лидии Качаловой, Николаю Момоту, Вадиму Писареву и многим другим).

Важную роль в продвижении театра и театрального культурного продукта играет GR. Донбасс Опера принимает активное участие в реализации культурной политики ДНР, плодотворно взаимодействует с Министерством культуры Донецкой Народной Республики. 14 сентября в торжественном собрании, посвященном 90-летию театра, принял участие и.о. Министра культуры Донецкой Народной Республики Михаил Желтяков.

В деятельности театра широко используются коллаборации с учреждениями культуры, в частности, проводятся совместные культурные мероприятия Донбасс Оперы с Донецким республиканским художественным музеем, с Домом работников культуры г. Донецка и др. Такие коллаборации, реализуемые через культурный кобрендинг, безусловно, повышают ценность создаваемых культурных продуктов, узнаваемость донецких культурных брендов, способствуют привлечению внимания аудитории к ним, а также к учреждениям культуры Донбасса в целом.

Формирование стратегии и тактик информационного сопровождения культурного продукта на всех этапах его сценической жизни на основе синтеза театрального и коммуникационного подходов обеспечивает результативность применения PR-инструментария.

Театр выпускает трейлеры к спектаклям, создается красочная, стильная и информативная реклама театрального культурного продукта с учетом содержания спектаклей, занятых артистов, специфики разных площадок (основной сцены, холл-сцены, театральной гостиной) и формы подачи спектаклей.

Привлечение внимания к театральному культурному продукту обеспечивается и посредством участия артистов театра в различных культурных мероприятиях ДНР, телевизионных программах («Арт-коктейль» на ТК «Оплот ТВ» и пр.).

Многочисленные интервью с артистами и рецензии на новые спектакли регулярно появляются в прессе ДНР: «Донецк Вечерний», «Макеевский рабочий», «Голос Республики», «Донецкое время», в материалах интернет-ресурсов («Театральная площадь» и др.). На телеканалах «Оплот ТВ», «Юнион» и «Первый Республиканский» выходят телевизионные программы, посвященные деятельности театра.

Актуальными площадками для продвижения театрального продукта Донбасс Оперы являются социальные сети Facebook, Instagram (использовались до 14 марта 2022 г.), Telegram, ВКонтакте. Так, например, число просмотров видеороликов, посвященных балету П. И. Чайковского «Спящая красавица», на официальном You Tube-канале Донбасс Оперы демонстрирует живой интерес целевых аудиторий: «Подготовка к спектаклю» (https://youtu.be/Wy62IUFOUJg) – 600 просмотров; «Репетиция спектакля» (https://youtu.be/SBj87Bbdb-4) – 445 просмотров; «Итоги премьеры» (https://youtu.be/xeYAFxaQN48) – 826 просмотров.

В сообществе «Театральная площадь» можно ознакомиться со зрительскими отзывами на спектакли Донбасс Оперы. Изучение рецензий и мнений театральных критиков, сравнение их с отзывами зрителей способствует формированию эффективной репертуарной политики театра, который стремится обеспечивать максимальную заполняемость залов.

В текущих реалиях ограниченных внешних коммуникаций гастрольные туры – существенный фактор продвижения театра и

театрального культурного продукта. В Российской Федерации коллектив театра представил свои постановки в Москве, Волгограде, Астрахани, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Воронеже, Ставрополе и Сочи, принял участие в фестивалях «Большие гастроли» и «Видеть музыку» и др. Так, например, 18 сентября 2022 года на Новой сцене Государственного академического Большого театра России бал представлен балет «Пер Гюнт», постановку которого 25 лет назад осуществил известный хореограф, народный артист Украины Вадим Писарев.

В условиях кризисных ситуаций, в том числе военно-политического конфликта, возрастает роль театра как социального института. При этом PR-коммуникации нацелены не только на продвижение театрального продукта, но и на формирование, трансляцию, распространение системы ценностей и образов, внедрение в сознание аудитории адекватной мировоззренческой картины мира, социально позитивных установок.

Социальная миссия театра актуализирует использование социальных PR-технологий в деятельности всех учреждений культуры ДНР, в том числе и Донбасс Оперы. Артисты театра приняли участие в многочисленных патриотических, благотворительных мероприятиях. Солистка Донбасс Оперы, заслуженная артистка Украины Фатима Касьяненко исполнила и записала песню «Гимн Донбассу»! [3] и др. В День освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков состоялось торжественное открытие восстановленного мемориала «Саур-Могила». Артисты хора Донбасс Оперы приняли участие в масштабном концерте, посвященном этому знаменательному событию.

Заключение. Как видим, используемый в условиях кризиса PR-инструментарий способствует продвижению театрального культурного продукта Донбасс Оперы, а также реализации культурно-образовательной, культурно-эстетической, культурно-воспитательной функции театра, в частности, и его социальной миссии в целом.

Список литературы

1. Апфельбаум С. М. Связи с общественностью в театральном деле: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.01 / С. М. Апфельбаум; Рос. акад. театр. искусства (ГИТИС). – Москва, 2005. – 24 с.
2. Донбасс Опера. – URL: https://donbassopera.ru/ (дата обращения: 10.09.2022).
3. ART Коктейль. – Выпуск № 271-2 от 19.03.2022. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=QPFZbHWTlWI&t=24s (дата обращения: 18.09.2022).

УДК 070 (575.172)

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКОЙ ПРЕССЫ КАРАКАЛПАКСТАНА

Кудайбергенов М.А.
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус,
Республика Каракалпакстан, Узбекистан
kudaybergenov_murat@bk.ru

Введение. В период глобализации появляется проблема сущности образования и воспитания, его организации, для решения данной проблемы перед человечеством особенно требуются современные подходы. Действительно, ни для кого не секрет, что современный век технологии в определенной степени несет угрозу для духовности детей и молодежи. Если говорить о вопросах воспитания, каждая нация ведет работу исходя из своего менталитета, обычаев и традиции [1, с. 84-87].

Основная часть. Как сказала исследовательница Дильфуза Камалова, пресса на сегодняшний день остается одним из основных средств наполнения сознания человечества, не только человечества, но и всего общества различной информацией [2, с. 18-21]. Поэтому в вопросе образования мы должны опираться на СМИ.

Газетные материалы отличаются освещением, композицией, даже количеством строк. Они делятся на большие три группы: информационные, аналитические и художественно-публицистические [3, с. 86-89]. Конечно, начинающие журналисты в начеле профессиональной деятельности должны заниматься информационными жанрами. К тому же не стоит забывать о том, что на сегодняшний день информационные материалы занимают половину газеты. Само настоящее время, скорость потока информации требует этого. Самая главная задача информационного материала – подача фактов. А факт для журналиста – самая главная вещь. А различия в освещении этих фактов приводят к появлению различных жанров.

К аналитическим жанрам относятся статья, корреспонденция, рецензия. Корреспонденция анализирует группу фактов. В статье объединяются и анализируются факты и явления. Если в корреспонденции события переходят от единичного к общему, то в статье наоборот. В статье берутся факты глобального масштаба, анализируются и поднимается до научно обоснованного заключения [3, с. 86-89].

В художественно-публицистических жанрах точные документальные факты отходят на второй план. Основное внимание уделяется авторскому замыслу, его впечатлениям от фактов, событий. Как сказал ученый Жанабай Марзияев: «Художественно-публицистические жанры более эмоционльно воспринимают происходящие вокруг события, журналисты в них обобщают действительность. Потому в данное время журналисты мало обращаются к возможностям этого жанра» [3, с. 86-89] (на примере журналистики Каракалпакстана – *М.К.*)

Конечно, все выше перечисленные жанры могут и не встречаться в детских изданиях. Потому что, мышление ребенка, его интересы, а самое главное, его требования совершенно отличаются от требований взрослых. Например, они не воспринимают длинные интервью, беседы о воспитании детей, о методике преподавания. Поэтому интервью для детей должны быть краткими, содержание и направления должны быть в кругу интересов детей, потому что беседы о различных методиках, о воспитании детей могут наскучить детям. Если используются такие жанры, как статья, интервью, комментарии или другие в детской газете, то основное внимание должно уделяться уровню мышления детей, что и является первостепенной задачей журналиста.

В газете «Жеткиншек» и прежде, и в настоящее время больше представлены литературные жанры, например, повесть, рассказ, случившаяся история, поэма, стихи, и используются. Причина в том, что литература всегда учит человека вежливости, воспитывает человека.

Вместе с этим в газете «Жеткиншек» эффективно использованы и основные жанры журналистики: статьи, отчерки, зарисовки, можно встретить и другие жанры. В изданиях почему-то на сегодняшний день кажется исчезает жанр интервью. Вместо статьи об образцовом ученике, или успешном спортсмене полезнее беседа с ним. Потому что в нем спортсмен может рассказать о пути, пройденном до успеха, живо передаются его внутренние переживания, чувсвта. А это может иметь больше влияния, чем статья написанная журналистом.

В последнее время в газете публикуются больше статьей, которые были написаны читателями газеты – самими детьми. А корреспонденты газеты поставили в правильное русло организацию специальных клубных работ и публицистических статьей. Вместе с тем подготовка информационных материалов выпала на долю работников редакции. Это тоже доказывает, что журналисты, работающие в редакции газеты стараются работать по-новому. Конечно, статьи хорошие, с высокой художественностью, написанные в рамках журналистских жанров. Но, здесь нельзя не вспомнить про возраст детей. Детям не очень нравятся назидательные статьи и статьи, написанные с большой художественностью. Вместо этого им интересно то, что написано ровесниками о том, что пережили они. Поэтому, в газете «Жеткиншек» в последнее время уменьшилось количество статьей, подготовленных работниками редакции, их место больше занимают клубы, это конечно же, хорошее явление. Здесь тоже чувствуется стиль журналиста. Конечно, это бросается в глаза не в статье, а в подготовке клуба, в направлении работы клуба в нужное русло.

Заключение. Проанализировав, считаем необходимым привести следующие выводы:

1. В газете «Жеткиншек» на сегодняшний день большое место занимают информационные жанры. Также, очень много произведений, относящихся к литературным жанрам. Но большинство из них составляют обзор писем, отрицательные стороны современных технологий, чтение книг.

2. Единственная цель детских и подростковых изданий на сегодняшний день заключается в том, что они должны глубоко изучить взгляды детей, их интересы.

3. Увеличивается количество любителей клубов в детских изданиях Каракалпакстана. Но этот фактор не влияет на тираж газеты. Поэтому, в будущем считаем уместным газете «Жеткиншек» установить непосредственную связь (через телеграмм-канал) или через газету.

4. В газете почти не встречается жанр беседы-интервью. Для входа во внутренний мир детей, для понимания их мыслей и взглядов проведение беседы или блиц-опроса должны быть приоритетным в определении перспективных направлении.

Список литературы

1. Marziyaev J.K., Qudaybergenov, M. A. Children's press in Karakalpakstan: problems and solutions / J.K. Marziyaev, M.A. Qudaybergenov // International Scientific Journal (ISJ) Theoretical & Applied Science. Philadelphia, USA. 2020 – URL: http://www.t-science.org/arxivDOI/2020/11-91/PDF/11-91-20.pdf
2. Marziyaev J.K. Youth press in Karakalpakstan: problems and solutions / J.K. Marziyaev // International Scientific Journal (ISJ) Theoretical & Applied Science. Philadelphia, USA. 2021. – URL: http://www.t-science.org/arxivDOI/2021/11-103/PDF/11-103-123.pdf
3. Камалова Д.Э. Баспасөзде новелланың жанрлық өзгешелиги (Жанровые особенности новеллы в прессе) [Genre features of the novel in print] // Материалы республиканское научно-практической конференции. – Нукус. Наука. 2019.
4. Марзияев Ж.К. Роль и место публицистических жанров в современной каракалпакской печати. Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск. – 2012 – № 6 (260) – Стр. 88-92.
5. Атажанов Х.А., Марзияев Ж.К. и др. Баспасөз типологиясы (Типология печати) [Typology of printing] / Х.А. Атажанов, Ж.К. Марзияев. – Tashkent. Uzbekistan. 2018. – С. 80.

УДК 070 (575.172)

РАДИО КАРАКАЛПАКСТАНА: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Кутлымуратов М.К.

Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус,
Республика Каракалпакстан, Узбекистан
minajkk@bk.ru

Введение. Радио – одно из самых оперативных средств массовой информации. В системе средств массовой информации радиовещание выступает не изолированно, а совместно с такими средствами как печать, телевидение, информационные агентства. Вместе они характеризуют систему СМИ в целом: ее оперативность, информативность, эмоциональность. Как средства массовой информации они призваны передавать социальные ценности, знания, знакомить с достижениями

культуры. Поэтому в данной работе мы рассмотрим пути развития радиожурналистики Каракалпакстана.

Основная часть. В Узбекистане материально-техническая база радиопередач была организована с 1924года.

Своеобразием радио является живое слово как основное средство выражения. Радио – один из самых великих изобретений человечества [1;49].

Если мы взглянем на историю Каракалпакского радио, решением Президиума Исполнительного комитета Каракалпакской автономной области от 17 декабря 1931 года в городе Турткуль был создан Каракалпакский областной комитет радиовещания. В то время начальником областного радиокомитета Каракалпакстана был назначен Гаврил Александрович Лехин. Радио Каракалпакстан начало свои первые передачи в 1932 году в городе Турткуле. Однако специфические трудности в области техники, а также в социально-экономической сфере не позволили радиоаппаратуре дойти до каждой семьи. По этой причине радиоаппаратура была доступна только в местах большого скопления людей. Например, радиоаппаратура была встроена в клубы, на открытые площадки, и в те времена люди с пристальным вниманием слушали каждую радиопередачу [4; 127-128].

В целях дальнейшего развития радиовещания в те годы были проведены большие работы, в частности были построены радиоприемные и передающие станции, радиоузлы в Чимбайском, Нукусском и других районах.

Радио Каракалпакстан начало свои первые передачи с коротких информации, рассказывающих о событиях и происшествиях, происходящих на территории нашей республики. Эти информации велись в основном на двух языках, русском и каракалпакском. К 1935 году время радиопередач были увеличены до трех часов.

После 90-х годов прошлого века радио Каракалпакстан уделяло особое внимание этапу своего развития. До 1991 года ежедневный объем радиопередач составлял 3,5 часа, с 1992 года – 6 часов, а с 1993 года объем передач был увеличен до 6,5 часов [3].

Среди них одно из достижений, достигнутых за последние годы – с сентября 1999 года вещание «Ёшлар канали» (Радиоканал Молодёжи) запущено в эфир непрерывно. Конечно, можно сказать, что говорит о пристальном внимании представителям молодёжи в нашей стране, ведь молодёжь – строители нашего будущего [4, 127-128].

Заключение. В целом, сегодня сфера радиожурналистики Каракалпакстана развивается в соответствии с требованиями современности. В частности, выступление журналистами [5, 18-21] и радиоведущими на профессиональном уровне в прямых эфирах, излияние разного рода мнений и тем на радио аудиторию, свободное выступление ведущих перед микрофоном, возможность радиожурналистов использовать новые современные коммуникационные технологии и приемы.

И безусловно, всё это сегодня можно считать достижением радиожурналистов Каракалпакстана.

Список литературы

1. Абдуазизова Н. А. История национальной журналистики / Н. А. Абдуазизова. – Ташкент, Шарк. 2012. – 368 с.
2. Рихсиев Б. Тўлқинлар қанотида (На крыльях волн) / Б. Рихсиев. – Ташкент, 1967.
3. Қарақалпақстан радиосына 60 жыл (60 лет Радио Каракалпакстан). (Подготовлено к публикации: Рустем Даулетмуратов, Сагындык Ембергенов) НПК-Б-92 г., (70 лет Радио Каракалпакстан). – Нукус. Билим 2002.
4. Марзияев Ж. К., Дауенова Н. О. Қарақалпақстан радиосы тарийхынан (Из истории радио Каракалпакстана) [From the history of radio Karakalpakstan]. / Ж. К. Марзияев, Н. О. Дауенова // Материалы Республиканской научной конференции молодых ученых Каракалпакстана. – Нукус. Наука. 2012.
5. Камалова Д. Э. Баспасөзде новелланың жанрлық өзгешелиги (Жанровые особенности новеллы в прессе) [Genre features of the novel in print] / Д. Э. Камалова // Материалы республиканское научно-практической конференции. – Нукус. Наука. 2019. – С. 18-21.

УДК 37.032

ФЕЙКОВОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Левкович В.А.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

v.levkovich@donnu.ru

Введение. Переизбыток информации сопровождает каждого пользователя, так или иначе связанного с новыми цифровыми СМИ. Находясь постоянно в информационном «шуме», аудитория перестает уделять внимание вырабатыванию своего критического отношения к появляющимся медиаматериалам. Правдивые сообщения от ложных крайне сложно отличить. Происходит это не только благодаря постоянному совершенствованию программ и методов подачи информации, но и благодаря пресыщенности реципиентов. Не каждый пользователь имеет время, желание и умение разбираться в сообщении подозрительного характера.

Основная часть. Эксперты в области медиаобразования под медиатекстом понимают «сообщение, содержащее информацию и изложенное в любом виде и жанре медиа (газетная статья, телепередача, видеоклип, фильм и др.)» [2], «произведение информационного или художественного характера, созданное для трансляции средствами массовой коммуникации (статья, фильм, радио/телепередача и т.д.)» [3].

Аудитория окружена давлением и потоком сообщений, которые транслируются по печатным, аудиальным или аудиовизуальным каналам. Ежегодно креативное агентство We Are Social и сервис для SMM Hootsuite проводят глобальное исследование состояния диджитал сферы [4][5]. Так,

по состоянию на январь 2022 года население планеты составляет 7,91 млрд человек. Более половины, а именно 67,1 % используют мобильные телефоны. Если сравнивать с предыдущим годом, то на 1,8 % показатель увеличился.

Что касается использования интернета, то 62,5 % имеют возможность и реализуют ее. В отчете, опубликованном на момент января 2021 года, представленные данные отличались на 4 %. То есть за год почти 192 млн человек присоединились ко Всемирной сети.

По приобщению к социальным сетям также наблюдается рост показателей. Теперь 4,62 млрд населения планеты имеют аккаунт в одной из социальных сетей.

Данные исследования наглядно демонстрируют необходимость выработки критического мышления у пользователей цифровых медиа, потому что новые медиа занимают лидирующее место по фейковости представленной информации. Это связано с рядом факторов:

1. Погоня за оперативностью. СМИ, паблики в социальных сетях и каналы в мессенджерах стремятся удержать и увеличить свою аудиторию. Основной критерий выбора для пресыщенного пользователя – оперативность. В связи с этим не хватает времени на проверку собранных мнений и фактов.
2. СМИ-«однодневки». Проблема обнаружения фейкового источника в интернете актуальна. Зачастую для «вброса» необходимой информации используют специально созданный канал, который после распространения новости быстро исчезает путем удаления страницы или сайта.
3. Отсутствие саморегулирования. В интернете нет прочной журналисткой этики. Работник традиционных СМИ, прежде чем выдать ту или иную информацию, тщательно её соизмерит, посоветуется с коллегами, какой эффект это может принести редакции в целом. В интернете такими вопросами задаются редко, потому что анонимность источников, анонимность текстов позволяет сделать много виртуальных «я» без последствий для карьеры.

Изложенные аргументы говорят о том, что забота о безопасности потребляемого контента смещается с государства и редакций непосредственно на аудиторию. Чтобы проводить фильтрацию, необходимо знать определенные базовые правила и владеть навыками по распознаванию фейковой информации. Главное – выработка критического мышления.

Следуя указанным пунктам, этого можно добиться, если:

- обогащать свои знания;
- использовать индивидуальное мышление;
- рассматривать каждую проблему с нескольких сторон;
- проанализировать, не подает ли автор информацию одностороннне;
- проследить, к каким аргументам в медиатексте обращается автор – рациональным или эмоциональным;
- использовать правило «трех источников».

Заключение. Умение анализировать медиатексты качественно – неотъемлемая черта уверенного пользователя интернета XXI века, необходимо получить знания для социализации с миром, для понимания устройства социальных институтов.

Для того, чтобы население имело базисные навыки в данной сфере, целесообразно говорить о внедрении обязательного курса медиаграмотности в школьную программу. Такое решение позволит и преподавателям, и школьникам познавать и совершенствовать мир интернета не только в качестве реципиентов, но и в качестве авторов.

Список литературы

1. Артамонова И. М. Медиаобразование как инструмент формирования медиаграмотной личности / И. М. Артамонова, О. В. Держак// Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы V Международной научной конференции (Донецк, 17-18 ноября 2020 г.). – Том 4: Филологические науки. Культура и искусство / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2020. – 424 с. – С. 222-225.
2. Федоров А. В. Медиаобразование: история, теория и методика / А. В. Федоров. – Ростов-на-Дону, 2001. – 708 с.
3. Фонд развития информационной политики. Программы учебных курсов по специализации «Медиаобразование» 03.13.30. [Электронный ресурс]. URL: http://www.frip.ru /newfrip/cnt/library/books/0018/part8.3 (дата обращения: 29.08.2022)
4. Global Digital 2021: последние данные исследования We Are Social и Hootsuite – 2021. – URL: https://mmr.ua/show/digital-2021-poslednie-dannye-issledovaniya-we-are-social-i-hootsuite (дата обращения: 01.09.2022).
5. Global Digital 2022: вышел ежегодный отчёт об интернете и социальных сетях – главные цифры: электронный— 2022. – URL: https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html (дата обращения: 01.09.2022).

УДК 316.77; 070

О НЕОБХОДИМОСТИ ВКЛЮЧЕНИЯ МЕДИАГРАМОТНОСТИ В ПЕРЕЧЕНЬ ОБЯЗАТЕЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ

Лемак В.В.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

v.lemak@donnu.ru

Введение. С необходимостью развития медиаграмотности во всех социальных группах населения мы столкнулись в 2014 г. С тех пор многие отечественные исследователи уделили внимание развитию медиаобразования в целом и медиаграмотности в частности (например, Артамонова И. М., Ангелина Э. А., Чуприна И. И., Шаханская А. Ю.). Однако единый механизм обучения реципиентов навыкам дозированного, осознанного потребления информации не выработан. Некоторые ученые (например, Захарова М. В., Демина Л. И., Махаева Д. С., Гафнер В. В., Джовтханова Х. Х.) пишут об информационной грамотности с позиции

технического овладения потреблением и воспроизводства информации, а не критического мышления. Мы считаем такой подход неактуальным в данный момент времени. И. М. Артамонова инициировала предложение о внедрении «…медиаобразования в учебные программы общеобразовательных учреждений Донецкой Народной Республики. Такая мера при правильной реализации обеспечила бы повсеместное воспитание медиакомпетентных личностей». [2; с. 241] В данный момент времени низкий уровень медиаграмотности в нашем обществе используют в информационной войне против граждан Российской Федерации.

Цель: составить перечень направлений для возможной программы обучения дошкольников, школьников, студентов всех направлений подготовки по развитию медиаграмотности в образовательных учреждениях; проанализировать дидактические подходы обучению медиаграмотности.

Основная часть. «Информация – явление безграничное, наднациональное, феномен глобального уровня и поэтому она потенциально владеет пространством и временем» [1; с. 144] По мнению Д. Букингэма: «Медиаобразование не стремится ограждать человека от влияния медиа, а развивает его, основываясь на его знаниях о медиа». Исследователи направлений медиаобразования делают акцент на функции медиаобразования в качестве подготовки, а не защиты от медиасреды. «Грамотность чтения и переосмысления медиатекстов способствует выяснению вопроса: «Кем я становлюсь, когда вижу это?»». [3; с. 11] Необходимыми компетенциями для реализации программы по развитию медиаграмотности населения обладают педагоги кафедры журналистики: они владеют знаниями и навыками по созданию медиапродукции, ее функционированию в информационной среде и влиянию на реципиента, а также необходимым педагогическим опытом и могут в полном объеме донести необходимую информацию, сформировать навык анализа потребляемой информации и развить критическое мышление. Перечислим направления предполагаемого курса по медиаграмотности для муниципальных общеобразовательных заведений:

- источники информации;
- фейковые сообщения и манипулятивные технологии в СМИ;
- сознание, восприятие, эмоции как инструменты управления реципиентом недобросовестными журналистами;
- критическое мышление как инструмент противостояния и защиты человеческого ресурса в информационной войне;
- принципы работы сетевых СМИ с реципиентом.

Каждое направление будет делиться на темы. Также обращаем внимание, что теоретической части по заявленным направлениям мало. Необходимо развитие навыков и умений по отбору информации, умению находить первоисточник информации, анализировать содержание информации, анализировать личностное состояние после потребления информации, проверять визуальный контент на подлинность, знать о

принципах функционирования личностного сознания, восприятия и эмоций, выявлять инструменты искажения реальности. Школьник после изучения курса должен осознавать, что СМИ борются за возможность формирования его картины мира в свою пользу и обязан уметь не допустить подобного. Приобретенные навыки и умения также должны быть доведены до автоматизма.

Считаем, что перечисленные направления в сфере развития медиаграмотности населения необходимо также включить в учебные планы среднеспециальных учебных заведений и высших профессиональных. Данное действие позволит снабдить необходимыми для жизни навыками больший процент населения, что со временем должно привести к укреплению гражданской позиции в обществе.

В работе по формированию медиаграмотности у дошкольников акцент необходимо делать на знакомстве с разными типами СМИ согласно психофизиологическим навыкам ребенка, и постоянномму информированию родителей о необходимости выстраивания стратегии медиаобразования для каждого ребенка в отдельности. Согласно проведенному нами совместно с Общественной Палатой ДНР исследованию методом анкетного случайного серийного опроса в начале февраля 2022 г., 51 % родителей Донецкой Народной Республики не разрабатывают стратегию медиаобразования своих детей. Под медиаобразованием 58 % опрошенных родителей подразумевают исключительно получение знаний и навыков через гаджеты. Также считаем возможным знакомить ребенка дошкольного возраста с возможными профессиями в медиасфере.

Заключение. Отечественные исследователи акцентируют внимание на необходимости развития медиаграмотности у населения. На наш взгляд, необходимо объединиться всем ученым, работающим в сфере медиаобразования, для разработки детальной концепции образовательной программы, ее своевременной редакции в зависимости от изменяющейся реальности и воплощению в действительность. Такая программа должна стать опорой и подготовкой для дальнейшей жизни личности в современном мире. Необходимо срочное внедрение медиаграмотности в образовательные программы всех уровней, т. к. низкий уровень медиаграмотности способствует разделению общества, повышению уровня тревоги каждой личности, снижению уровня доверия к СМИ.

Список литературы

1. Ангелина Э. А. Специфика информационной цивилизации / Э. А. Ангелина // Актуальные проблемы информационного противоборства в современном мире: вызовы и угрозы для России и Русского Мира: Материалы IV Международной научно-практической конференции (Донецк, 30 октября 2019 г.) / Под общей редакцией С. В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2019. – С. 114-116. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41488694 (дата обращения: 17.09.2022).

2. Артамонова И. М. Медиаобразование в эпоху цифровизации / И. М. Артамонова // Донецкие чтения 2021: образование, наука, инновации инновации, культура и вызовы современности: матер. VI Междунар. научн. конф. (Донецк, 26—27 октября 2021 г.). – С. 239-241. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47291921 (дата обращения: 20.09.2022).
3. Федоров А. В. Медиаобразование: история и теория: учебное пособие / А. В. Федоров. – М.: МОО «Информация для всех», 2015. – 450 с.

УДК 070

ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ МЕДИАТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА: МЕТОДЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВУЮ АУДИТОРИЮ

Ломидзе К.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
karina.lomidze@mail.ru

Введение. Политические коммуникации сегодня в фокусе внимания российских исследователей. Социально-политические преобразования повлекли изменение политических взаимодействий в Российской Федерации – развиваются реальные политические коммуникации, влияющие на ситуацию в стране. Политический текст, являясь основным носителем политической информации и эффективным средством убеждения и мобилизации аудитории, выступает и как одна из центральных единиц анализа таких взаимодействий. Структура текстов, их контент, жанровые формы, способы реализации авторской интенции, специфика лексики («язык политики»), приемы манипулирования и другие характеристики текстов исследуются в рамках различных научных дисциплин: политологии, семиотики, политической лингвистики, политической журналистики.

Цель исследования – выделить критерии интенциональности политических медиатекстов современных военных конфликтов (на примере украинского конфликта), проанализировать и охарактеризовать основные особенности российской журналистики современных военных конфликтов.

Основная часть. Политический конфликт – это дефицит единства между двумя и более субъектами, при этом индивидуальные черты субъекта накладывают большой отпечаток на поведение участников в конфликте. Его причина состоит в несовместимости политических интересов, целей, задач, так или иначе связанных с государственным или общественным управлением.

При исследовании заявленной темы имеет большое значение выбор единиц анализа массива журналистских текстов, посвященных проблемам современных политических конфликтов. Среди этих единиц принципиально важными для анализа являются: причины политического конфликта, цели политического конфликта, результаты политического конфликта, образы героев и антигероев, образы жертв, типы субъектных пози-

ций журналистов, прогнозы на условия завершения конфликтов и постконфликтное устройство, жанровые формы реализации журналистского замысла.

Средства массовой информации транслируют генерируемые государственными органами ключевые концепты или самостоятельно создают смыслы, с помощью которых у населения формируется картина вооруженных конфликтов, их причин и поводов к возникновению, образов героев и антигероев, формулируется морально-нравственная оценка происходящего и складывается собственное отношение к боевым действиям.

2014 год ознаменовал собой начало затянувшегося российско-украинского кризиса, спровоцировавшего ухудшение геополитических связей на мировой арене. Кровавые события на Майдане, разделившие украинцев на два борющихся лагеря, свержение действующего президента В. Януковича и приход к власти команды П. Порошенко побудили правительство Российской Федерации вмешаться в конфликт с миротворческой миссией. Провозглашение Донецком и Луганском своей независимости, а также присоединение Крыма и Севастополя к Российской Федерации окончательно ухудшили взаимоотношения с ведущими западными и европейскими державами, посчитавшими, что российские власти преследуют свои исключительно корыстные интересы.

Предметом рассмотрения настоящего исследования является соотношение стратегий эскалации и деэскалации в политическом медиатексте при освещении российско-украинского кризиса в российском и украинском медиадискрусе. Используется комплекс методов для оценки: количественный контент-анализ, дискурс-анализ на тему «Российско-украинский кризис». Контент-анализ построен на фиксировании следующих индикаторов: поиск договоренностей; поддержка позиций России; совпадение мнений; готовность разговаривать; конструктивный диалог с Москвой: равноправный диалог; совместное решение проблем; совместные действия; восстановление отношений, борьба с Россией; антироссийские санкции; противостояние; отказ от переговоров; борьба за лидерство; конкуренция; политика ультиматума; отказ от взаимодействия; умеренная оппозиция; отказ от переговоров; против России.

Интенциональность современных политических текстов может быть выражена определенными составляющими. Рассмотрим на примере новой фазы украинского конфликта публикации Российских СМИ за февраль 2022 года. Военный конфликт на Юго-Востоке Украины – это затяжная конфронтация со сложными структурными отношениями. Среди наиболее важных для понимания изучаемой проблемы отметим следующие:

– позиция, декларируемая политическими лидерами и являющаяся частью государственной дипломатической концепции по обсуждаемому вопросу;

– комментирование, осуществляемое представителем политического руководства страны или авторитетной общественной организации;

– использование мнения политического или общественного деятеля в качестве экспертного как для оценки сложившейся ситуации, так и для прогноза развития событий. Например: *«Между Россией и странами НАТО может произойти конфликт на фоне ситуации на Украине, считает глава МИД Британии Лиз Трасс. Как сказала дипломат, если не «остановить» Россию, то спецоперация на Украине по защите Донбасса перерастет в конфликт со странами-участницами НАТО. По словам Трасс, под угрозой окажутся государства Прибалтики, Польша, а также Молдавия»;*

– комментарии и официальные заявления министерств и ведомств по событиям, происходящим в ходе вооруженного конфликта и при его урегулировании. Например: *«В связи с возможным ухудшением ситуации с безопасностью в РФ, прежде всего для граждан стран ЕС и НАТО, МИД Чехии призвал граждан республики отказаться от посещения РФ, а тем, кто уже находится в РФ, покинуть ее территорию»;*

– публикация официальных заявлений независимых политических институтов, авторитет которых признается всеми сторонами конфликта;

– публикация официальных заявлений руководителей или высших органов военно-политических союзов;

– публикация заявлений авторитетных организаций гражданского общества, работающих в политическом сегменте;

– публикация заявлений руководящих органов политических партий или их лидеров;

– публикация заявлений исследовательских центров и организаций, специализирующихся на политической и военно-политической проблематике.

Взаимодействие журналистики конфликтов с политическим дискурсом носит взаимопроникающий характер. Это взаимопроникновение проявляется в том, что политики, чье мнение и оценки используют журналисты, в свою очередь сами находятся под влиянием журналистских материалов, черпая из них не только факты и аналитические выводы, но и морально-нравственные оценки, и перенося эти оценки в политическую деятельность – выступления, законодательные акты, декларации, заявления, публикации, статьи и т. д. Одной из проблем освещения боевых действий в журналистике вооруженных конфликтов является проникновение в ее публикации политических установок, в том числе детерминированных концептами государственной (провластной) пропаганды и информационной войны.

Заключение. Масс-медиа влияют на политическую, экономическую и общественную жизнь как страны в целом, так и конкретного региона, пропорционально статусу и масштабам конфликта. СМИ изменяют направленность и интенсивность информационных потоков, а также количественные и качественные характеристики составляющих этих сообщений, осуществляя определенное воздействие на общество посредством влияния на массовое сознание. Вследствие этого, СМИ как

транслятор информационных потоков, автоматически становится участником политического конфликта и оказывает непосредственное влияние на его развитие.

Список литературы

1. Артамонова И. М. Технологии информационной войны в современных медиа / И. М. Артамонова // Донецкие чтения 2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Материалы IV Международной научной конференции (Донецк, 31 октября 2019 г.). – Том 4: Филологические науки. Культура и искусство. Часть 2 / под общей редакцией проф. С. В. Беспаловой. – Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. – 410 с. – С. 226-229.
2. Герасимович О. П. Конфликтология журналистики: учеб.-метод. комплекс / О. П. Герасимович. – Минск: БГУ, 2014. – 116 с.
3. Глухова А. В. Политические конфликты: основания, типология, динамика. Теоретико-методологический анализ / А. В. Глухова. – М.: Эдиториал УРСС, 2010. – 280 с.

УДК 070.1. (575.172)

ОБЗОР ПЕРЕДАЧ КАРАКАЛПАКСКОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Марзияев Ж.К., д-р филос. наук, доц.
Каракалпакский государственный университет им. Бердаха, г. Нукус,
Республика Каракалпакстан, Узбекистан
janga-tv@mail.ru

Введение. В последнее время в обществе особую роль играет телевидение. Это ярко выразилось в период пандемии прошлых лет. Каракалпакское телевидение начало свою деятельность в 60-е годы прошлого века, и с тех пор твердо проходит этапы своего развития. Мы в данной работе ставили перед собой цель: вкратце рассмотреть историю появления первых передач Каракалпакского телевидения.

Основная часть. На начальных этапах развития Каракалпакского телевидения было несколько проблемным обеспечение киносюжетами и фотоснимками. Уместно отметим, что передаваемая в «Теленовостях» в те годы информация наводила скуку на телезрителей [1, 27]. Несмотря на это, стало в эфире стал появляться ряд передач и со стороны политико-социальной редакции. Приобрело новую форму и содержание передачи на социально-политические темы: «Разговор напрямую», «Актуальное интервью», «Экран народного контроля» и другие. Также со стороны литературно-художественной редакции передавались в эфир множество передач, которые оставляли хорошее впечатления у зрителей. С начала 1989 года литературно-художественный отдел подготовил для общественности и представил передачи «Писатель и время», «Наследие», «Творческий портрет», «Беседа», телепостановки «Наставления предков –

источник мудрости», «Равшан» («Созерцание»), представления «Слово о музыке», «Поют бахши (сказители)» и другие программы. Вместе с тем, с телеэкрана заняли место такие передачи, как «Концерт-очерк», «Фонд нашего духовного богатства» «Наши гости», «Наш календарь», «Писатели на хлопковых полях».

В тележурнале «Волна» велись разговоры о новых хороших произведениях и озвучивались литературные критики на них, поэты и писатели информировали о своих произведениях и высказывались о мастерах художественного слова, о стоящих перед ними требованиях литературы и времени, о проблемах в творчестве. Отделы журнала «Литература и сегодняшний день», «Литературная критика» имели свое особое место среди почитателей. В этих передачах звучали размышления, высказанные по теме писателями и литературоведами, такими как Т. Алланазаров, К. Султанов, И. Курбанбаев, А. Алымов, С. Бахадырова, Т. Мамбетниязов, которыы впечатлили аудиторию.

На Каракалпакском телеэкране с 1971 года можно наблюдать более 100 передач тележурнала «Волна». В те годы велись споры по поводу литературных вопросов, литературной критики, высказывались хорошие отзывы о мастерах сцены и творчестве художников, писатели и поэты знакомили телезрителей со своими новыми произведениями.

Из известных творческих личностей Ж. Аймурзаев, Т. Жумамуратов, И. Юсупов, Т. Каипбергенов, С. Аббазов, Т. Кабулов, К. Рахманов, У. Пиржанов, О. Абдирахманов, Ж. Избасканов и другие начали свою журналистскую деятельность и в эфире рассказывали о новых своих произведениях. В рубриках «Страница молодых литераторов», «Букет для девушек» тележурнала принимали участие и молодые талантливые поэты и писатели.

Передачу «Наследие», которая подготавливалась раз в два месяца стали вводить в сетку эфира с 1973 года, чтобы познакомить с обычаями и традициями нашего народа, с его устными и письменными литературными памятниками. Первый раз вёл передачу профессор К. Максетов, затем ученые А. Алымовым, Д. Аймуратовым подробно рассказывали о народных музыкальных инструментах, как дутар, кобыз и другие, о происхождении некоторых народных инструментов, об их исполнителях, приглашали специалистов и историков. Подготавливались замечательные и содержательные передачи и об экспозициях в музеях. Вместе с тем, в передаче «Наследие» освещались археологические памятники территории, вопросы их охраны. В частности, специалисты археологи высказывали свои мнения относительно исследования исторических памятников, таких как «Гулдурсин», «Аязкала», «Кой кырылган кала», «Топырак кала», «Буркут кала».

На передачу «Встреча» приглашались известные писатели, артисты, были встречи с творческой личностью. В основном подобные встречи проводились в больших залах, многие из которых записывались на телестудии.

Как сказала исследовательница Дильфуза Камалова, пресса на сегодняшний день остается одним из основных средств наполнения сознания человечества, не только человечества, но и всего общества различной информацией [2; 18-21]. Телевидение тоже. На сегодняшний день количество передач на Каракалпакском телевидении увеличилось. Также увеличилась и продолжительность телепередач. Чувствуются и жанровые успехи. В качестве примера можно привести передачи информационного характера: «Здравствуй, Каракалпакстан!», «Новости», «Еженедельник», из аналитических передач – «Точка зрения», «Зеркало правосудия», «Свободное мнение», передачи «Человек и природа», «Разговор напрямую», «Беседа с депутатом», «Шаги реформ», «Экономика и мы», художественные передачи «Память», «Уроки жизни», передачи «Кино+театр», «Золотое наследие», «Радуга» «Знание-ринг», «Думай, смекни, находи», «Волшебный мир», «Ласточка», «Литература и время», «Кто ловчей, кто быстрей», «Поиск», «Здравствуй, Каракалпакстан!», «Жемчужные слова», «Крылатые песни», «Великое наследство», «Приятного аппетита», «Полёт молодежи», «Кино+театр», «Великие личности», «Волшебство мелодий», «Встреча», «Весёлые старты», «Для девушек…» и другие. В подготовке этих передач к эфиру, особо следует отметить мастерство журналистов – К. Даулетмуратова, А. Отениязовой, У. Абдижамиловой, Р. Хамидовой, Б. Есмурзаева, Д. Алламбергеновой, Л. Сейдановой, В. Сариевой, Л. Есемуратовой, У. Еримбетовой, С. Жуманазаровой [3; 159-162].

Заключение. В заключение считаем целесообразным изучить стадии развития Каракалпакского телевидения, разделив их на следующие этапы:

- 1960-1991 годы;
- 1991-2016 годы;
- 2017-2021 годы;
- период с 2022 года.

В ходе этих периодов наблюдаются достижения в жанровом разнообразии телепередач Каракалпакского телевидения. И это свидетельствует об успешной творческой деятельности журналистов в духе времени.

Список литературы

1. Мадреимов Т. Телевидение – средство гласности. на кк.яз. / Т. Мадреимов. – Нукус. Каракалпакстан. 1989. – 107 с.
2. Камалова Д. Э. Жанровые особенности новеллы в прессе. [Genre features of the novel in print] / Д. Э. Камалова // Материалы республиканское научно-практической конференции. – Нукус. Наука. 2019.
3. Марзияев Ж. К. и др. Этапы развития каракалпакского телевидения / Ж. К. Марзияев // Материалы Международной научно-практической конференции «Наука и образование в современном мире: вызовы XXI века». Секция 9. Филологические науки. – Нур-Султан. Казахстан. 2019.
4. Марзияев Ж. К. Роль и место публицистических жанров в современной каракалпакской печати / Ж. К. Марзияев // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск. – 2012 – № 6 (260). – С. 88-92.

5. Камалова Д. Э. Вопросы художественного мастерства в каракалпакских новеллах / Д. Э. Камалова // International Journal of Central Asian studies (ISSN: 1226-4490). The International Association of Central Asian Studies. Korea University of International studies. Volume: 23. 2019. – С. 93-111.

УДК 378.147.091: [81'243+070]

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ И МЕДИАТИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Москаленко Н.М.
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
n.moskalenko@donnu.ru

В условиях постоянно растущей медиаграмотности и ускорения процессов медиатизации современного общества высшая школа принимает необходимые меры, обеспечивая медиазапросы многочисленных аудиторий и корректируя свои медиакоммуникационные практики, формирует новые.

В этой сфере деятельности вузы учитывают один из основных рисков, с которыми сталкивается сегодня наше общество возрастающую киберзависимость и связанные с ней в свою очередь социокультурные, экономические и технологические риски. В цифровую эпоху медиаграмотность становится одной из важнейших компетенций, что требует от академического сообщества новых подходов и принятия эффективных решений.

Когда весь мир вовлечен в единую информационную систему, которая работает в режиме реального времени, правильно потреблять эту информацию помогает медиаграмотность как способность различать типы медиа, понимать их разнообразие. По данным Institute fort he Future, медиаграмотность включена в перечень навыков будущего, необходимых для эффективного взаимодействия с людьми. Особенно это актуально в свете того, что медиа и информация сейчас не просто влияют на культуру, а сами являются культурой.

Получение доступа, анализ, оценка, отражение, создание и произведение различных медиа составляют совокупность компетенций медиаграмотности. Впервые концепция медиаграмотности была связана с пассивным потреблением медиа. Но сегодня на первое место выходит просьюмер («производитель» и «потребитель/консьюмер» – термин предложил в 1980 году Элвин Тоффлер) [1]. Просьюмер, в отличие от пассивного зрителя, участвует в процессе создания медиа. А это уже влечет за собой появление навыков, отображающих использование новых медиа (цифровые и мобильные медиа, соцсети). Появляется новая экосистема медиа, в которой появляются и новые понятия: медиаграмотность, цифровая грамотность и т.д.

Медиаграмотный человек – это личность, умеющая пользоваться разными типами медиа, понимающая, как они устроены, критически оценивающая сообщения из различных источников, а также умеющая самостоятельно передавать эти сообщения другим людям.

Важность медиаграмотности для современного общества переоценить невозможно, поскольку она влияет на критическое мышление, вырабатывает умение различать надежные источники информации и повышает уровень ответственности за различные экспертные оценки и выбор средств массовой коммуникации, имеющих надежную профессиональную репутацию.

В последнее время во всем мире медиаграмотность стала школьным предметом. В России и в Донбассе картина несколько иная. На это влияет тот факт, что у нас все еще доминирует телевидение, а культуру участия в создании контента в будущем предстоит еще развивать. В этом важную роль играет уровень образования и возраст, также доступность медиа, состояние медиаиндустрии и гражданская активность. Некоторые ученые считают, что в России огромное влияние на медиаграмотность имеет государство, а основные источники информации сильно подвержены корпоративному контролю.

ЮНЕСКО приняты пять законов в области медийно-информационной грамотности, которыми мы руководствуемся [2]. Их стратегия направлена на объединение медийной и информационной грамотности в единый комплекс знаний, умений и навыков, необходимых для жизни и работы в XXI веке, на определение понятий, общих для обеих сфер. Эти законы говорят о том, что все поставщики информации гражданам равны по статусу и по важности; каждый гражданин имеет право на доступ к информации и может быть ее создателем; каждый гражданин должен понимать, что информация не всегда нейтральна, и это необходимо учитывать в работе с ней; право гражданина на получение новой информации неоспоримо и не должно нарушаться; медийно-информационная грамотность – это навык, над которым надо работать на протяжении всей жизни.

По мнению Европейской комиссии, медиаграмотность состоит из нескольких аспектов: умение взаимодействовать с разными типами медиа: от печатных до онлайн-сообществ; умение достоверно оценивать контент; активно использовать разные формы медиа; осуществление критического подхода к контенту; умение творчески использовать медиа [3].

Высшее учебное заведение является важным элементом системы образования, и потому для вузов присутствие в медиапространстве приобретает особую актуальность, поскольку общество нуждается в постоянном получении информации об образовании и науке. Также информационная работа вуза – это еще и своего рода форма отчетности перед обществом, которое выделяет финансирование на научно-образовательную сферу.

Научно-образовательная сфера является стратегически важным направлением деятельности в государстве, имеющего тенденцию к устойчивому развитию, в частности это касается медиакоммуникационной составляющей и возможности популяризации отечественной науки. Все чаще и российские вузы, и вузы ДНР ищут новые способы общения со

всеми целевыми аудиториями, огромную роль в эпоху цифровых медиа играют в этом онлайн-медиа – прежде всего официальный интернет-сайт как визитка вуза в интернет-пространстве, где представлена наиболее полная информация о высшем учебном заведении, а также официальные страницы в соцсетях. В информационной работе следует также учитывать, что эффективное взаимодействие со всеми целевыми аудиториями влияет на конкурентоспособность вузов.

Значительный потенциал в медиакоммуникационной деятельности состоит в способности вуза создавать и развивать собственные медиа, особенно если новостная повестка дня формируется в соцсетях, которые могли бы стать основой собственных медиа в современном вузе.

Процесс медиатизации в общем сводится к внедрению медиа и их логики в различные сферы жизнедеятельности и формированию единой культурно-коммуникационной системы социума.

Сегодня на первый план выходят новые медиа, которые функционируют в глобальной Сети и охватывают не только пространство Интернета, но и социальные отношения. Самая активная целевая аудитория сетевых медиа, естественно, молодежь в силу того, что она наиболее восприимчива к инновациям. Интернет приобретает особое значение, поскольку в нем реализуются медиакоммуникационные практики различных социальных групп.

Медиатизация существенно изменила жизнь общества, в котором она охватывает все сферы жизнедеятельности. Появляются такие понятия, как «медийный человек», «медийный город». Сегодня мы уже наблюдаем трансформацию городской инфраструктуры в единый медийно-архитектурный комплекс, в котором протекает вся социальная жизнь человека. Как видим, медиа активно влияют на формирование, развитие и сознание социума, поэтому важность медиаграмотности существенно возрастает с медиатизацией общества.

Задача вузов в продвижении медиаграмотности заключается в том, чтобы трансформировать медиапотребление в активный критический процесс, что способствует осознанию потенциальной манипуляции, а также формирует понятие роли СМИ в восприятии реальности.

Список литературы

1. Вартанова Е. Л. Медиа в контексте общественных трансформаций: к постановке проблемы / Е. Л. Вартанова // Медиаальманах. – 2018. – №1 (84). – С. 8-13.
2. Гуреева А. Н. Концептуализация процесса медиатизации в России и за рубежом / А. Н. Гуреева// Медиаальманах. – 2018. – № 5. – С. 24-31.
3. Тофлер Э. Третья волна / Э. Тофлер. – М.: АСТ, 2010. – С. 45-51.
4. Стратегический план Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» (2008–2013 гг.). – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2009. – 48 с.
5. Захарова М. В. Медиакомпетентность современного общества: опыт и тенденции развития / М. В. Захарова // Историческая и образовательная мысль. – Т. 9, № 1/1. – 2017. – С. 139-144.

УДК 070

СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА «ВОЛГА»

Муха А.В.
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
ekstazi15@mail.ru

Введение. Современные средства массовой информации все чаще становятся не только источником новой информации для аудитории, но и способом формирования общественного мнения, смыслов. С этой задачей справляются современные литературно-художественные журналы. Например, журнал «Волга».

Целью данной статьи является изучение структурно-содержательных особенностей литературно-художественного журнала «Волга».

Основная часть. Литературно-художественный журнал «Волга» издается в Саратове с января 1966 года. В разные годы главными редакторами издания были Н. Шундик, Н. Палькин, Н. Благов. Сегодня журнал возглавляет А. Сафронова. Цель редакционной политики данного издания заключается в предоставлении качественного литературного контента целевой аудитории. Редакция журнала находится в Саратове. Объем журнала составляет 196 страниц. Журнал выходит с периодичностью раз в два месяца. Электронная версия «Волги» представлена на сайте «Журнальный зал» (http://magazines.gorky.media/volga).

В содержании журнала присутствуют такие рубрики, как «Проза», «Поэзия», «Три стихотворения», «Перевод», «Из культурного наследия», «Путешествие», «В своем формате», «Воспоминания», «Из первых рук», «Литературная критика», «Жизнь художников», «Архив», «Non-fiction», «Библиоман», «Непрочитанная книга», «Драматургия», «Ретроспектива», «Пространство текста» и др. Подробная рубрикация издания представлена в таблице 1.

Таблица 1

Рубрикация журнала «Волга» с 2008 по 2021 гг.

ГОД	РУБРИКИ
1	*2*
2021	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Воспоминания», «Путешествие», «Перевод», «Архив», «Жизнь художника», «Non-fiction»
2020	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Воспоминания», «Путешествие», «Перевод», «Архив», «Жизнь художника»
2019	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Драматургия», «Путешествие», «Перевод», «Архив», «Жизнь художника», «Non-fiction», «Ретроспектива»
2018	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Дебют», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Воспоминания», «Путешествие», «Перевод», «Жизнь художника», «Ретроспектива»

Продолжение табл. 1

1	*2*
2017	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Путешествие», «Перевод», «Архив», «Жизнь художника», «Ретроспектива»
2016	«Проза», «Поэзия», «Литературная критика», «Путешествие», «Архив», «Жизнь художника», «Ретроспектива»
2015	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Дебют», «Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Кинообозрение», «Путешествие», «Перевод», «Архив», «Жизнь художника»
2014	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Воспоминания», «Перевод», «Архив», «That's the question»
2013	«Проза», «Поэзия», «Три стихотворения», «Дебют», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Перевод»
2012	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Дебют», Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Кинообозрение», «Драматургия»
2011	«Проза», «Поэзия», «В своём формате», «Дебют», «Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Литературная критика», «Кинообозрение», «Драматургия», «Опыт пропадания и возникновения», «Параллельный мир», «Путешествие по тексту», «Кино без правил», «Путешествие»
2010	«Проза», «Поэзия», «Дебют», «Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Заочный диалог», «Литературная критика», «Кинообозрение», «Драматургия», «Воспоминания», «В кругу смога», «Путешествие»
2009	«Проза», «Поэзия», «Дебют», «В своем формате», «Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Переписка», «Заочный диалог», «Литературная критика», «Вспоминая Волгу», «Кинообозрение», «Драматургия», «Из истории», «Воспоминания»
2008	«Проза», «Поэзия», «Дебют», «В своем формате», «Три стихотворения», «Из культурного наследия», «Переписка», «Прямая речь», «NB: Новая форма», «Заочный диалог», «Литературная критика», «Вспоминая Волгу», «Кинообозрение», «Воспоминания»

Нами также были рассмотрены выпуски журнала «Волга» с 2020 по 2022 гг. и выявлены темы публикаций. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Тематика публикаций в литературно-художественном журнале «Волга» в период с 2020 по 2022 гг.

№ п/п	Тема	Количество материалов, в %
1	*2*	*3*
1.	Культура	24
2.	Любовь	17
3.	Взаимоотношения	7
4.	Философия	5
5.	Общество	11
6.	Природа	8
7.	Литература	7
8.	Родина	7
9.	Воспоминания	14

Темы, освещаемые в журнале можно разделить на такие категории, как культура («О музыке» Владимир Ермолаев, №1-2 2008 г.), любовь («Едут король с королевой», № 1-2, 2013 г.), общество («Пассажиры бумажного кораблик» Александр Белов, № 3-4, 2010 г.), природа («Залив» Янис Грантс, № 1-2, 2008 г.), литература («Поэзия философия: три трамплина для прыжка в глубину» Олег Рогов, № 3-4, 2010 г.), философия («Вода и ветер» Елена Георгиевская, № 1, 2008 г.), взаимоотношения («Котельников и Татьяна Мантач» Владимир Шапко, № 7-8, 2013 г.), история из жизни («Зина,Танюша и Михаил» Владимир Шапко, № 7-8, 2013 г.), путешествия («Приключения» Владимир Ерофеев, № 1-2, 2018 г.), родина («Национальная идея» Александр Титов, № 1, 2008 г.).

Заключение. Таким образом, структурно-содержательные особенности литературно-художественного журнала «Волга» традиционны. В рубриках поднимаются важные проблемы современного общества. Редакция издания предоставляет качественную и достоверная информацию, которая вызывает интерес у целевой аудитории. Главными темами издания являются «Культура», «Любовь», «Воспоминания» и «Общество».

Список литературы

1. Муха А. В. Литературно-художественные журналы Дона и Кубани / А. В. Муха // Коммуникативная культура: история и современность: Материалы XI Международной научно-практической конференции в рамках III Международного научного форума "Наследие". В 2-х частях, Новосибирск, 29 октября 2021 года / Редколлегия: О. Д. Журавель (отв. ред.), А. С. Зуев (отв. ред.), Ю. С. Елисеева (отв. секретарь) [и др.]. – Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 2021. – С. 86-89. – DOI 10.25205/978-5-4437-1258-1-86-89.

УДК 070

ТЕМАТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЖУРНАЛА «ДОН»

Муха А.В.
ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
ekstazi15@mail.ru

Введение. После 1990-х годов в России намечается спад интереса у аудитории к литературно-художественным изданиям, так как они не могли предоставить оперативную информацию и справиться с конкурентами – интернет-изданиями. Однако, в последние годы литературно-художественные издания снова начинают набирать популярность, так как у читательской аудитории появляется запрос на большие и качественные тексты. В этом и состоит актуальность данной темы.

Целью научной статья является выявление тематического разнообразия литературно-художественного журнала «Дон».

Эмпирической базой исследования послужили выпуски литературно-художественного журнала «Дон», номера журнала с 1945 по 2022 гг.

Основная часть. Литературно-художественный журнал выходит в Ростове-на-Дону с апреля 1945 года. Изначально он издавался как литературно-художественный альманах, позднее был переименован в литературно-художественный и общественно-политический журнал, потом в литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал, а в 1990-х годах стал называться литературно-художественный журналом. До возникновения журнала «Дон» в Ростове-на-Дону выходили такие издания, как литературно-критический журнал «Лава» (1925–1926 гг.), ежемесячный журнал литературы «На подъеме» (1927–1935 гг.), литературно-художественный сборник «Литературный Ростов» (1938–1939 гг.).

Журнал «Дон» известен по всему миру, так как в нём печатали свои произведения А. Калинин, В. Закруткин, Г. Шолохов-Синявский, М. Шолохов и др.

В материалах литературно-художественного журнала «Дон» всегда поднимались актуальные проблемы современности. Например, такие как восстановление Ростова-на-Дону после Великой Отечественной войны, разоружение стран, репертуар театров Ростова-на-Дону и Ростовской области и др.

В связи с этим особенно актуальным является анализ тематического наполнения журнала. Нами были проанализированы публицистические тексты литературно-художественного журнала «Дон» в период с 1945 по 2022 гг.

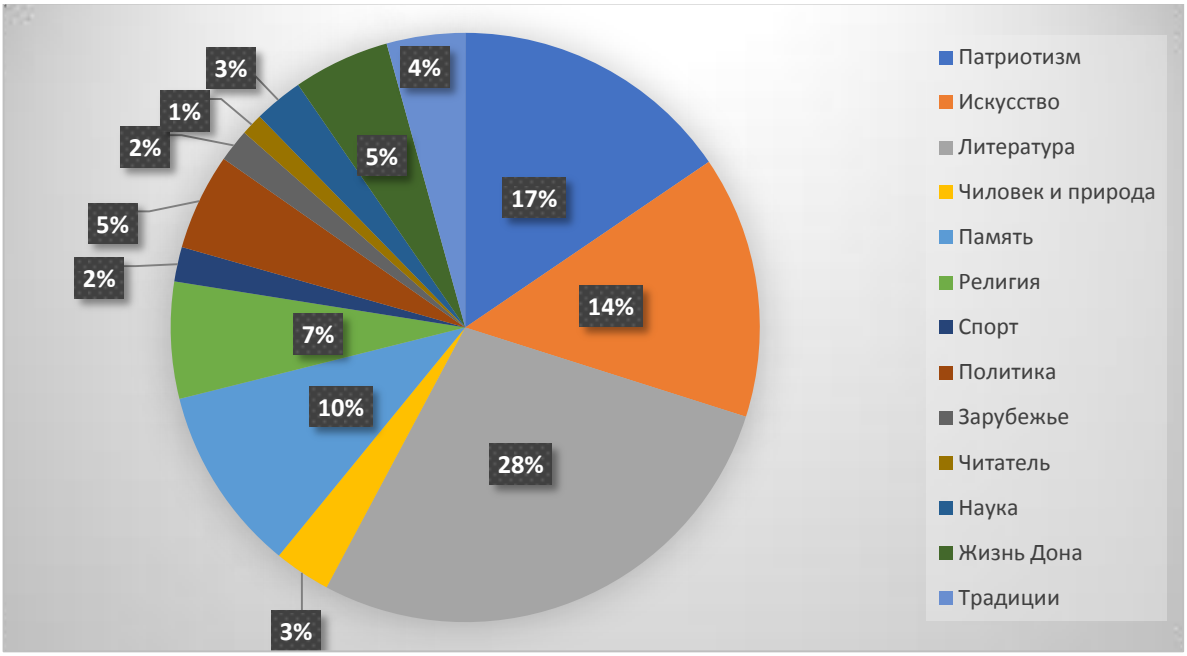

Рис. Тематика публикаций в журнале «Дон» (1945-2021 гг.)

Например, литературной тематике посвящен материал Б. Куликова «Я за все кругом в ответе…» (№ 6, 1990 г.) [3], на тему искусства опубликован материал Я. Ребайн «Набережная порта пяти морей» (№ 2, 1953 г.) [2].

Заключение. Проведенный анализ тематического разнообразия публикаций в литературно-художественном журнале «Дон» позволяет сделать вывод о том, что в издании преобладают такие темы, как «Литература» (28%), «Память» (17%) и «Искусство» (14%). Полученные результаты закономерны, так как главной задачей литературно-художественных изданий является приобщение читателей к качественному литературному контенту, воспитание эстетических чувств и формирование общественного мнения.

Список литературы

1. Головин Ю. А. Региональные литературно-художественные журналы в постсоветский период: структурно-функциональные особенности: специальность 10.01.10 «Журналистика»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Головин Юрий Алексеевич. – Москва, 2005. – 30 с.
2. Журнал «Дон». – Ростов-на-Дону, 1953 год, № 2. – 324 с.
3. Журнал «Дон». – Ростов-на-Дону, 1990 год, № 6. – 240 с.
4. Тесля Е. В. Интернет-среда для литературно-художественных журналов: альтернативы использования / Е. В. Тесля // Библиография и книговедение. – 2019. – № 3(422). – С. 14-19.

УДК 070

ИМИДЖЕВАЯ МОДЕЛЬ ЦЕНТРА ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ Г. КРАСНОДАРА В СМИ

Муха А.В., Зима О.И.

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»,
г. Ростов-на-Дону, РФ
ekstazi15@mail.ru

Введение. На сегодняшний день вопрос о понимании имиджевой модели организации стоит остро, так как положительный имидж организации влияет на популярность и эмоционально-психологическое восприятие аудиторией деятельности предприятия.

Целью научной статья является описание имиджевой модели Центра патриотического воспитания молодежи г. Краснодара в средствах массовой информации.

Эмпирической базой исследования послужили журналистские материалы в СМИ Краснодарского края в период с 2021 по 2022 гг.

Основная часть. Понятие имиджа вошло в науку в 1940-х годах. Основными носителями имиджа являются фирмы и корпорации,

аудитория или целевые группы, товары или услугу, профессии, страны и фирмы или корпорации.

Согласно современным определениям, под термином «имидж» понимается элемент символического мира, создающийся в процессе типизации. Отметим, что символизация и типизация взаимосвязаны между собой. Мир интерпретируется людьми в некотором роде символами. В сознании человека вещи, люди, объекты природы, процессы и события определяются с помощью символов, таким символом может выступать имидж. Например, реальные люди в восприятии окружающих могут интерпретироваться как «плюшкины», «карьеристы», «эгоисты», «гении», «казановы», «серые мыши» и т. д.

Однако в данной статье предметом нашего внимания выступает не индивидуальный имидж, а корпоративный. В связи с этим под термином «корпоративный имидж» понимается

Традиционная модель имиджа организации изображена на рисунке.

Рис. Компоненты модели имиджа организации

В этом исследовании обратим внимание на такой компонент, как социальный имидж организации, который складывается с помощью информирования общественности о социальных аспектах деятельности предприятия. К социальным аспектам деятельности организации стоит отнести:

- спонсорство;
- меценатство;
- поддержка общественных движений;

– участие в решении проблем экологии, занятости, здравоохранения и т.д.;

– содействие конкретным лицам.

Также особо важным в формировании социального имиджа организации является представленность информации о предприятии в средствах массовой информации.

В данной работе особое внимание уделяется вопросу формирования социального имиджа Центра патриотического воспитания молодежи г. Краснодара в средствах массовой информации Краснодара.

Центр патриотического воспитания молодежи г. Краснодара способствует формированию патриотического духа среди молодежи, популяризирует значимые события нашей Родины, рассказывает о известных людях страны.

Организация поддерживает такие общественные движения, как «Почетный караул», «Ратник», «Защитник», «Краеведческий поисковой отряд «Патриоты Кубани», «Динамика», «Вершина, «Медведь» и «Авангард».

Неоднократно о деятельности Центра патриотического воспитания молодежи были опубликованы статьи в средствах массовой информации. Например, в материале «На Кубани создадут центр военно-патриотического воспитания молодежи «Авангард» на сайте телеканала «Кубань 24» упоминается о деятельности Центра. Сюжет по данному вопросу появился на телеканале 14 мая 2021 г. Другой материал «Три центра военно-патриотического воспитания молодежи «Авангард» откроют в Краснодарском крае в 2022 году» опубликован на сайте мультирегионального агрегатора BezFormata.Ru, в котором также упоминается о деятельности Центра патриотического воспитания молодежи г. Краснодара.

Таким образом, можно констатировать, что имидж Центра патриотического воспитания молодежи г. Краснодара представлен в средствах массовой информации только как положительный.

Заключение. Итак, имидж организации − это сложное социальное образование, формирование которого зависит не только от самой организации, но и от социального окружения. На формирование имиджа организации влияет представленность информации о нем в средситвах массовой информации. В связи с этим донести до общественности смысл деятельности организации, регулировать взаимодействие, гармонизировать его − важная составляющая в проблеме идентификации имиджа организации. С этими задачами старается справиться Центр патриотического воспитания молодежи г. Краснодара при конструировании собственного имиджа.

Список литературы

1. Мажоров Д. М. Формирование имиджа в СМИ: имиджеобразующие тексты / М. Д. Мажоров // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2007. – №2-II. – С. 302-309.

УДК 070.004

ОСОБЕННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В МОБИЛЬНЫХ МЕССЕНДЖЕРАХ

Наливайко Ю.Ю., канд. филол. наук, доц., ***Рыжкова Е.Д.***
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
ekaterinaryzhkova00@mail.ru

Введение. Развитие технологий, повышение роли и уровня образования населения, развитие различных сфер жизни привели к тому, что человек ежедневно получает, обрабатывает и распространяет большие потоки информации благодаря Всемирной сети. Он становится полноправным участником процесса создания и передачи контента.

Меняются тенденции медиапотребления, взаимодействия с интернет-ресурсами. Закономерно стремительно изменяется и традиционная модель коммуникации аудитории со СМИ. Всё это требует от средств массовой информации пересмотра методологии деятельности.

Возрастающая конкуренция и борьба за аудиторию с каждым днём подводит средства массовой информации к поиску новых каналов распространения журналистских материалов. Одной из новых платформ для деятельности СМИ, «ворвавшейся» в медиапространство несколько лет назад, сейчас по праву можно считать мобильные мессенджеры [1].

Основная часть. Мессенджер – это приложение для передачи быстрых сообщений с помощью Всемирной сети в настоящем времени. Современный функционал предусматривает передачу текстов, изображений, видео- и аудиозаписей.

Среди пользователей сети интернет мессенджеры пользуются большой популярностью благодаря быстрому доступу к информации, низкому трафику, простоте и удобству интерфейса. Официальные средства массовой информации осваивают новые технологии создания публикаций в мессенджерах, новые СМИ создаются на базе данной площадки, а иногда и функционируют только в мобильном мессенджере.

За последние несколько лет мобильные мессенджеры стали не просто приложениями для звонков и сообщений, обмена личными фотографиями и видео. Теперь они стали полноценным каналом распространения массовой информации [4].

Происходящий процесс глобализации дает пользователям доступ к огромному числу источников получения информационного и развлекательного контента, а Всемирная сеть помогает журналистам увеличивать аудиторию средств массовой информации и получать взаимовыгодное сотрудничество с пользователями [5].

Методы потребления информации с появлением и распространением мессенджеров в большой степени изменились и не прекращают меняться.

Современные пользователи сами воссоздают необходимые модели потребления информации, «расставляют тематические и платформенные акценты» [3].

Текущее состояние информационной среды также характеризуется изменением направления читательского интереса [1]. Теперь аудитория чаще обращается к смартфону, чтобы узнать последние новости, а постоянное присутствие онлайн в социальных сетях и мессенджерах делает их более популярными и востребованными по сравнению с традиционными средствами массовой информации.

С развитием электронных устройств, смартфонов и ноутбуков, а также с развитием новых медиа средствам массовой информации становится всё сложнее притягивать и удерживать внимание пользователей.

Медиа сегодня вынуждены бороться не только со своими непосредственными конкурентами, но и с социальными сетями, пользовательским контентом и с прочей информацией, передаваемой через интернет-страницы. Просматривая новостную ленту, пользователь мгновенно может отвлечься и перейти на личную переписку, страницу с видео или онлайн-магазин, чтобы совершить покупку [3].

Одной из популярных и удобных для передачи контента платформ является мессенджер Telegram. Деятельность СМИ в Telegram возможна в двух направлениях: создание нового средства массовой информации и расширение уже имеющегося издания, сайта, телеканала и так далее с помощью данной платформы – трансформация в мультиканальные издания. В обоих случаях дальнейшее развитие возможно только после создания Telegram-канала – собственно площадки для творчества и информирования аудитории [2].

Для средств массовой информации создаётся публичный канал, на который выкладывать информацию, фотографии и видеоматериалы может только администратор, а реципиенты могут только подписаться на понравившийся чат и уже непосредственно потреблять контент.

В отличие от веб-сайтов или сообществ в социальных сетях Telegram не предоставляет возможность пользователям комментировать публикуемые материалы – это одновременно является и плюсом, так как можно избежать споров и агрессии в обсуждениях, и минусом – так как администратор не видит оценки аудитории.

Взаимодействие с пользователями возможно при помощи опроса или голосования, а также дополнительно подключенной через сторонний ресурс опции комментариев.

Необходимость создания канала для средства массовой информации в мессенджерах также обусловлена удобством потребления контента аудиторией [5].

В первую очередь, пользователь охватывает публикацию полностью – начиная с заголовка и заканчивая мультимедийным элементом. Информация подаётся линейно, читателю не нужно переходить по

многочисленным ссылкам, чтобы прочитать продолжение, а журналисту, в свою очередь, уже не нужно привлекать аудиторию кликбейтными заголовками и броскими фразами. Достаточно кратко изложить новость и дополнить мультимедийными материалами.

Еще одной особенностью мессенджера Telegram и неоспоримым преимуществом для средств массовой информации, которые хотят организовать свою деятельность инновационно, является возможность сегментации контента – создание тематических каналов [2].

Подобно тому, как газеты и журналы, телеканалы и радиостанции делятся по своей направленности, так и СМИ в мессенджере может предложить аудитории выбрать понравившийся сегмент и подписаться. Журналистскую деятельность можно осуществлять как на одном тематическом канале, так и на совершенно разных – привлекая большее количество интернет-пользователей.

Заключение. Развитие и трансформация средств массовой информации, возникновение новых медиасообществ на базе мобильных мессенджеров является не только желательным, но скорее необходимым условием для дальнейшего функционирования на рынке информационных услуг [5].

Список литературы

1. Авасенян Н. Л. Telegram как пример мессенджера: возможности и перспективы развития / Н. Л. Аванесян // Научный потенциал XXI века: материалы Международной научно-практической конференции – Академия: 2017. – С. 61-65.
2. Зинкин Е. А. Приложения, социальные сети и мессенджеры как платформы распространения новостного контента СМИ / Е. А. Зинкин // Теория и практика современной журналистики. – 2019. – № 1. – С. 8-16.
3. Мессенджеры. Больше, чем обмен сообщениями // blog.ingate.ru – URL: https://blog.ingate.ru/detail/messendzhery-bolshe-chem-obmen-soobshcheniyami/ (дата обращения: 4.09.2022).
4. Петрова Е. Интернет-СМИ и социальные сети: этапы конвергенции / Е. Петрова // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2 – С. 128-133.
5. Семь важных практик СМИ по работе с мессенджерами // MediaToolbox.ru – URL: http://mediatoolbox.ru/blog/7-vazhnyih-praktik-smi-po-rabote-s-messendzherami/ (дата обращения: 8.08.2022).

УДК 070

TELEGRAM КАК ПЕРСПЕКТИВНАЯ ПЛОЩАДКА ДЛЯ СМИ В 2022 ГОДУ

Неренц Д.В., канд. филол. наук, доц.
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва, РФ
ya.newlevel@yandex.ru

С начала 2022 года мир медиа стал подвергаться кардинальным трансформационным процессам. Изменилось многое: информационная

картина мира, повестка дня, перестали работать привычные способы монетизации контента, были закрыты многие СМИ, некоторые заблокированы, фокус внимания аудитории стал все активнее смещаться с традиционных СМИ на интернет-ресурсы, более того, на социальные медиа. Это подтверждают последние исследования по медиапотреблению россиян. Ресурс «Ромир» опубликовал сведения, согласно которым стабильно снижается время телесмотрения, и российская аудитория обращается к ТВ как к источнику новостей все реже [1]. В то же время компания Mediascope по итогам собственного анализа приводит данные о том, что с февраля 2022 года Интернетом в стране пользуется уже 80% населения, наблюдается значительный всплеск интереса к ВКонтакте и Telegram [2]. При этом именно социальные сети отнимают большую часть времени, которое российские пользователи проводят онлайн [3].

Подобная тенденция представляется вполне закономерной в силу нескольких факторов. Прежде всего ежегодное старение телеаудитории как многолетний тренд заставляет показатели телесмотрения стабильно снижаться, а показатели обращения к официальным сайтам и социальным сетям, наоборот, расти. Социальные потрясения, вызванные сначала пандемией Covid-19, а затем спецоперацией на Украине и введенными экономическими санкциями, ввели аудиторию в состояние неопределенности, стремиться выйти из которого люди стали с помощью поиска всех возможных альтернативных точек зрения, интересуясь не только официальной, но и противоположной точкой зрения на происходящие в данный момент события и на то, что может ожидать в будущем. Стоит выделить еще одну (хотя и не ключевую причину) – признание ряда СМИ инагентами и последующая блокировка (или закрытие) ряда из них. Часть аудитории, стараясь не потерять привычный контент, ушла в социальные сети, где можно было продолжать читать частично или полностью материалы уже знакомых и любимых изданий. И во многом эту потребность помог удовлетворить Telegram, где многие издания («Медуза», «Важные истории», «Медиазона», DOXA и др., признанные иностранными агентами) продолжили выкладывать посты со ссылками на полную версию материалов, дополнительные данные, фотографии и видеоролики и т.п.

Важно отметить, что Telegram обладает преимуществом над такими социальными сетями, как, например, ВКонтакте или Одноклассники, поскольку является мессенджером, а, значит, доставляет пользователю каждый пост в формате личного сообщения, что представляет дополнительную гарантию того, что информация не потеряется и не будет проигнорирована на фоне беспрерывного новостного потока. Это, безусловно, дает редакторам СМИ заметные преимущества [4]. Первые Telegram-каналы в Рунете принадлежали РБК и радиостанции «Эхо Москвы» (в 2022 году уже не работающей), стремившимся «поймать» мобильную

платежеспособную аудиторию, которая использовала данный мессенджер с целью общения в групповых чатах. Уже к 2016 году Telegram стал для СМИ настолько же привычным, насколько ВКонтакте или Твиттер.

Анализируя причины популярности этой площадки для пользователей, можно отметить, что часть аудитории прельщает специфика подачи информации: поскольку на таких ресурсах не предусмотрена публикация лонгридов и объемных аналитических статей, то можно предположить, что пользователей привлекает возможность, не вдаваясь в подробности, узнать основные новости, прогнозы, экспертные оценки. Например, в Telegram-канале издания «Агентство» публикуются краткие тезисы журналистских расследований, где представлены ключевые факты, описанные в материале, а в Telegram-канале издания «Важные истории» (признанного инагентом), помимо кратких тезисов авторы делают карточки (как в материале «Журналистика данных, часть 1. История», где каждая знаковая веха была вынесена в отдельную карточку, а пользователь мог их просмотреть как фотогалерею) или инфографику для лучшего понимания статистики. Подобные форматы подачи информации активно используют и крупные массмедиа («Комсомольская правда», «Московский комсомолец», «Россия 1», «Российская газета», «КоммерсантЪ»), чье количество подписчиков превышает отметку в 100 тысяч человек.

В целом, такой всплеск интереса СМИ к данному мессенджеру объясним массовым притоком туда россиян, особенно после блокировки и ограничения работы ряда социальных медиа. Статистика показала увеличение количества пользователей Telegram с апреля по июнь 2022 года на 40 млн человек (всего аудитория ресурса достигла уже 700 млн человек) [5]. Указанный данные подтверждают, что пользователи активно пользуются площадкой, которая стала в 2022 году не только эффективным коммуникативным каналом, но и местом, где можно найти любую информацию по любой теме.

Таким образом, в современных социально-политических условиях мессенджер Telegram сделал возможным:

- для аудитории: продолжать получать альтернативную повестку дня, получать новости в формате «выжимки» (максимально короткие сообщения о самом главном), потреблять информацию не только в текстовом варианте, но и в формате фотоизображений, коротких видеороликов или инфографики и оперативно комментировать ее (оставлять свою реакцию в виде смайликов или в виде текста);
- для СМИ: максимально тиражировать информацию, сохранять и приумножать молодежную аудиторию, привлекать внимание к важным материалам, увеличивать количество авторского контента (оценочные материалы с ярко выраженной позицией журналиста становятся все более востребованными).

Список литературы

1. Ромир: Как изменилось медиапотребление россиян с февраля 2022. – URL: https://romir.ru/studies/kak-izmenilos-mediapotreblenie-rossiyan-c-fevralya-2022 (дата обращения: 25.08.2022).
2. Пфанштиль И. Mediascope опубликовали обзор трендов медиапотребления в России 2022. – URL: https://rusability.ru/news/mediascope-opublikovali-obzor-trendov-mediapotrebleniya-v-rossii-2022/628512261a332d0019ab2c7a (дата обращения: 22.08.2022).
3. Татур И. А., Кознова Н. Н. Особенности присутствия СМИ в «Telegram». – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-prisutstviya-smi-v-telegram (дата обращения: 25.08.2022).
4. Едакин А. Аудитория Телеграма в 2022 году: насколько выросла и как это использовать бизнесу. – URL: https://smmplanner.com/blog/auditoriia-tielieghrama-v-2022-ghodu-naskolko-vyrosla-i-kak-eto-ispolzovat-bizniesu (дата обращения: 25.08.2022).

УДК 659

СЛОВО КАК ОРУЖИЕ

Рубцов В.Н.
Академия социальных технологий, г. Москва, РФ
psyman@rubtsovstyle1.ru

Введение. Сегодня любая война носит гибридный характер. Каждая сторона постоянно ведет информационные «обстрелы» общества. Целью этих «обстрелов» является формирование определенного восприятия событий у максимального числа членов общества. Благодаря этому можно будет применять меньшее число силовых методов, и, иногда, даже выиграть войну без проведения войсковых операций.

Основная часть. Слово лечит и слово калечит. Это выражение каждый из нас слышал неоднократно. Правильное использование слова может внести существенные изменения в сознание, систему ценностей человека, изменить его поведение и даже повлиять на работу его внутренних органов. Подтверждением тому является вся немедикаментозная и неаппаратная психотерапия [1]. Методы психотерапии успешно используются и в комплексной терапии тяжелых заболеваний. Что является основным инструментом воздействия психотерапевта? Правильно – слово! Верно подобранные и вовремя произнесенные слова изменяют сознание, состояние и поведение человека.

Теперь давайте рассмотрим, чем занимается журналист. Он своими словами и представленным видеорядом сообщает людям информацию о том или ином событии. Например, в своих исследованиях Элизабет Лофтус доказала, что количество ложных свидетельств в суде при расследовании ДТП зависит от того, как был сформулирован вопрос, поставленный свидетелю, и от возможности внедрения ложных воспоминаний [2].

Таким образом, журналист, используя слова и видеоряд, может сформировать то или иное восприятие и даже создать новую, отличающуюся от объективной, реальность. То есть, слово для журналиста, в широком его смысле и понимании, – это инструмент формирования и изменения общественного мнения и поведения больших масс людей.

Рассмотрим особенности работы журналиста в период войны. Сегодня любая война носит гибридный характер. Каждая сторона постоянно ведет информационные «обстрелы» общества. Целью этих «обстрелов» является формирование определенного восприятия событий у максимального числа членов общества. Благодаря этому можно будет применять меньшее число силовых методов, и, иногда, даже выиграть войну без проведения войсковых операций.

То есть, в период войны журналист становится «бойцом информационного фронта» и каждый его репортаж, каждый выпущенный им материал – это «выстрел», хочет он того или нет, но это так.

Что крайне важно учитывать журналисту, готовящему свой материал? Важно понимать, во-первых, на чьей он стороне. Если он этого не понимает, то его «выстрелы» будут направлены хаотично и будут поражать всех подряд без разбору. Во-вторых, на какую аудиторию рассчитан его материал (дружественную, сомневающуюся, аудиторию вражеского лагеря). При работе с аудиторией важно учитывать и нахождение потребителей информации в личных «информационных пузырях», преодоление границ которых является достаточно сложной коммуникационной задачей [3, 4].

Зачастую форма журналистских сообщений бывает намного важнее даже чем её содержание. Мы все понимаем, что журналисту в период информационной войны нужно придерживаться исключительно реальных фактов, которые можно подтвердить объективными методами доказывания.

Это связано с тем, что журналист формирует и корректирует систему ценностей и убеждений своих слушателей и зрителей. Существует четыре основных фактора, влияющих на формирование новых и корректировку уже существующих убеждений: уже существующие (априорные) убеждения; степень уверенности человека в правильности и верности априорных убеждений; доказательства правильности и верности новых убеждений; степень уверенности в достоверности доказательств новых убеждений

То есть, представленный материал должен быть построен по форме представления доказательств в соответствии с теорией доказывания, что влечёт за собой необходимость подачи информации в определенной форме. Каждый выдвигаемый тезис должен быть доказан предоставлением необходимым и достаточным количеством фактов, не вызывающих сомнения в их истинности.

При представлении аргументов следует учитывать фильтры восприятия слушателей, в том числе существующие когнитивные

искажения восприятия информации и принятия решений, которые уже выявлены и описаны многими исследователями [5].

В качестве примера можно привести «Эффект Делмора» в соответствии с которым человек скорее сосредоточит своё внимание на каких-то малозначимых, сиюминутных моментах, чем примет решение о глобальном. Человек будет стремиться пойти по пути рассуждений, которыми он много раз ходил и постарается избежать рассуждений, которые потребуют от него существенных усилий.

Хорошо работает «Иллюзия Корреляции», суть которой заключается в том, что мы сами себе придумываем закономерности, которых нет на самом деле. Так «работают» все приметы.

«Иллюзия справедливости», суть которого заключается в том, что подавляющее большинство людей считают, что если у человека случилось что-то плохое, то это расплата за его грехи, а если человек «правильный» и хороший, то у него обязательно всё наладится.

«Эффект Поллианны», суть которого в том, что позитивную, приятную информацию мы воспринимаем некритически, а негативную информацию проверяем критически, в результате чего она существенно дольше обрабатывается в нашей голове и занимает наши мысли. Это приводит к тому, что для создания баланса «хороших» и «плохих» новостей первых должно быть значительно больше. Также эффект выражается в том, что, если информация касается непосредственно нас, то мы концентрируемся на позитивной информации о себе и исключаем из своего сознания негативную информацию.

Подобных когнитивных искажений очень много. Они являются фильтрами восприятия поступающей информации и напрямую влияют на принятие человеком того или иного решения.

Заключение. Зная о когнитивных искажениях и правильно используя их в своей работе, журналист с помощью слова, облечённого в определённую форму, может получить доступ к формированию и коррекции существующей у аудитории системы ценностей. Когнитивные искажения могут стать той дверью, через которую журналист получит доступ к формированию нужного мировоззрения у своих слушателей.

Список литературы

1. Аткинсон Р. Л. Введение в психологию [под общ. ред. В. П. Зинченко] / Аткинсон Р. Л., Аткинсон Р. С., Смит Э. Е., Бем Д. Дж., Нолен-Хоэксема С.— Санкт-Петербург: Прайм-Еврознак, 2007. – 816 с.
2. Шелуханова А. В. Ложное воспоминание как форма психологической защиты личности / А. В. Шелуханова // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1(274). – С. 213-216.
3. Гуров Ф. Н. Информатизация общества и трансформация субъекта коммуникативных практик / Ф. Н. Гуров // Гуманитарный вестник. – 2019. – № 4(78). – С. 7. – DOI 10.18698/2306-8477-2019-4-618.
4. Дружинин А. М. Преодоление «информационного пузыря»: постановка задачи, методология, аналитическое чтение / А. М. Дружинин, Е. В. Иноземцева,

Ф. Н. Гуров // Ценности и смыслы. – 2022. – № 3(79). – С. 96-110. – DOI 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110.
5. Филатов АВ. Ловушки и иллюзии мозга. Как мозг нас обманывает и как использовать это в своих интересах / А.В. Филатов. – Москва: АСТ, 2021. – 352 с. – ISBN: 978-5-17-120324-5

УДК 81-25

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННО-РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО МЕДИАДИСКУРСА (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕШОУ «THE GRAND TOUR»)

Скоков И.В.
ГОУК ЛНР «Луганская государственная академия культуры и искусств имени М. Матусовского», г. Луганск, РФ
jaguar_lg@mail.ru

В XXI веке весьма весомый объем использования любого языка приходится на сферу массовой коммуникации. Медийные тексты являются одними из самых широко представленных и распространяемых, и представляют собой основную единицу медиадискурса. «**Медаидискурс** – объект медиалингвистики, который изучается в различных структурных проявлениях: от связанных на тех или иных основаниях высказываний до цельных текстов и совокупностей текстов: тип институционального дискурса, объективирующего в медиаречи журналистской, рекламной и PR-деятельности, ориентированные на массовое воздействие через передачу информации» [1, с. 126]. Особое место в современном медиапространстве занимает контент информационно-развлекательного характера, реализуемый прежде всего в разного рода телешоу. Телепрограммы этого жанра обусловили в том числе и значительный рост популярности профессия ведущего-шоумена, которому отводится существенная роль не только в собственно реализации медиапродукта такого рода, но и в его подготовке и организации. Это относится в том числе и к выбору *стиля общения* с аудиторией, который в данном случае призван практически в равной степени обеспечивать выполнение двух ключевых в данном случае функций – информативной и воздействующей.

Безусловный исследовательский интерес с точки зрения заявленной проблемы представляет деятельность команды ведущих британского автомобильного телешоу «The Grand Tour» (они же – соавторы сценариев этой телепрограммы): Джереми Кларксона (Jeremy Clarkson), Джеймса Мэй (JamesMay) и Ричарда Хаммонда (Richarda Hammond).

В настоящей публикации мы остановимся на анализе диалогических сегментов этого телешоу, которые в ходе проведения последнего перемежаются фрагментами монологического свойства, а также явными полилогами. С нашей точки зрения, именно диалогические композиционно-речевые формы позволяют, с одной стороны, выявить

речевые средства, наиболее активно «участвующие» в реализации информативной и воздействующей функций соответственно, с другой – становить своеобразие языковой личности каждого из соведущих. Помимо этого, исследовательский интерес представляет не только взаимодействие авторов телешоу с аудиторией, на которую ориентировано их телешоу, но и коммуникативно-речевое взаимодействие их самих, как членов команды, что заслуживает детального рассмотрения. Остановимся на рассмотрении ряда фрагментов диалогического общения соведущих.

Фрагмент 1:

Jeremy Clarkson:

The internal organs from a *Land Rover Discovery, mated to the* ***beautiful skin of a glamorous*** *Mercedes SL, to create a vision of a pure... what's the word?..*

JamesMay:

- ***Rubbish****!* [2]

Более пространная реплика (в данном случае это реплика-стимул), принадлежащая Дж. Кларксону, содержит преимущественно нейтральную по стилистической окраске лексику (*internal organs, skin*) [3], хотя и включает номинации моделей автомобилей, что абсолютно оправдано темой телешоу. В то же время это высказывание не лишено оценочных лексических единиц (*beautiful* – ‘красивый’), что свидетельствует о взаимодействии в приведённом контексте двух функций, о которых речь шла выше. Наиболее выразительной оценочной номинацией является номинация *glamorous*, имеющая значение ‘шикарный’ (*save word* – ‘приличное слово’, положительной коннотации [3]).

Лаконичная ответная реплика Дж. Мэя (реплика-реакция в приведённом диалоге) выражена лишь одним словом – *rubbish*, обладающему однозначно негативной коннотацией (досл. ‘*мусор*’, в коннотации ‘*of poor quality*’ [3]). С нашей точки зрения, употребление этой, явно оценочной, номинации имеет целью донести – как до собеседника, так и до зрителей – свою позицию, которая выражается в очевидном неодобрении внешнего вида обсуждаемой автомобильной модели, в частности – к компоновке его деталей.

Фрагмент 2:

James May:

- *Well, let's take a look at* ***the new car Audi have got announced*** *then!*

Jeremy Clarkson:

- *Yes, we've got a new Audi Etron, sure, the only problem is...* ***«Etron» is a French word for turd****...* [2]

В приведённом фрагменте реплика-стимул и реплика-реакция приблизительно равны по объёму, но не по характеру заключённого в них содержания: в речи Дж. Мэя ведущей является информативная функция – он интригует зрителей сообщением о предстоящем представлении им новинки от Audi, что находит выражение в преобладании в его высказываниях нейтральной лексики: *new* (‘новый’), *car* (‘автомобиль’) [3].

В ответной реплике, принадлежащей Дж. Кларксону, напротив, преобладает воздействующая функция, обусловливающую более явную оценочность в его речи: телеведущий негативно относится к тому, что название новой модели марки *Audi* звучит как *Audi* ***Etron,*** т. е. абсолютно совпадая с французским словом *étron*, обозначающим ‘какашка’ Оценка Кларксоном этого факта прямо выражена во второй части высказывания*: «Etron» is a French word for turd*... (*«Etron» на французском обозначает* ‘*какашка*’).

Фрагмент 3:

Jeremy Clarkson:

-*This a sport car, it should've been* ***cutting it, like a razor blade in the hands of a surgeon*.**

Richard Hammond:

- *But actually it's rather a* ***sickle in the hands of a drunk peasant*** [2].

В приведённом диалогическом фрагменте Дж. Кларксон и Р. Хаммонд произносят реплики, примерно равные как по объёму, так и по оценочности и образности, что свидетельствует о преобладании в диалоге воздействующей функции. Модель спорткара, о которой идёт речь, сравнивается обоими собеседниками с режущими инструментами, используемыми в различных целях: *razor* (‘бритва’), *sickle* (‘серп’) [3]. Дж. Кларксон оценивает ожидаемое поведение автомобиля в предстоящем тест-драйве выражением *like a razor blade in the hands of a surgeon*, сравнивая его с ‘лезвием в руках хирурга’; образность этому выражению придаёт его сходство с гоночным жаргонизмом, обозначающим свойство машины контролируемо «срезáть» поворот: *cutting it* [3], – в результате в смысл фразы одновременно включаются два значения семантически сходных слов. Р. Хаммонд используя выражение *sickle in the hands of a drunk peasant* (сравнение с ‘серпом в руках пьяного деревенщины’), ничуть не менее экспрессивно передаёт своё отношение к управляемости спорткара.

Таким образом в диалогической речи всех соведущих телешоу наблюдается ***сочетание*** информативной и воздействующей функций, однако в каждой конкретной ситуации общения роли коммуникантов в диалоге и, соответственно, превалирование в их речи той или иной функции различны. Подобное речевое поведение, безусловно, требует от коммуниканта как минимум гибкого владения языком.

Список литературы

1. Дускаева Л. Р. Медиадискурс / Л. Р. Дускаева // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / Л. В. Балахонская, А. А. Беловодская, А. В. Болотнов [и др.]; под редакцией Л. Р. Дускаевой; редколл.: В. В. Васильева, Ю. М. Коняева, А. А. Малышев, Т. Ю. Редькина. – Москва: ФЛИНТА, 2018. – 440 с. – С. 126.
2. The Grand Tour: официальный сайт: [Электронный ресурс]. – URL.: http://grandtour.tv. (дата обращения 18.09.2022).
3. Word Reference: Словарь: официальный сайт: [Электронный ресурс]. – URL.: https://www.wordreference.com (дата обращения 19.09.2022).

УДК 101.1:316

НАВЯЗАННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПУЗЫРИ

Сорина Г.В., д-р филос. наук, проф., ***Гуров Ф.Н.,*** канд. филос. наук
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»,
г. Москва, РФ
gsorina@mail.ru, filipp.gurov@rsv.ru

Введение. Понятия «навязанная идентичность», «принуждение к идентичности» впервые введены авторами данного доклада в работе [1]. В этой статье было показано, что один и тот же человек обладает множественной идентичностью (речь идет, к примеру, о национальной и религиозной принадлежности, вхождении в те или иные клубы и др.). В современных реалиях мы часто сталкиваемся с навязыванием идентичности извне с помощью различных коммуникационных технологий. Эти технологии зачастую носят манипулятивный характер и способствуют вовлечению людей в религиозные секты, националистические группы и иные деструктивные организации. Существуют различные инструменты мониторинга и выявления подобной деятельности. Для этого, в частности, может использоваться специально разработанное программное обеспечение [2].

Основная часть. Г.В. Сорина предложила идею «когнитивного присвоения», процедуры произвольного отбора субъектом достижений коллективной интеллектуальной деятельности [3]. Каждый пользователь смотрит на мир через призму «присвоенных» когнитивных установок и ценностей сообществ, к которым он относится. Пытаясь справиться с бесконечным потоком неструктурированной информации, человек постепенно ограничивает набор медийных каналов, подвергает фильтрации круг общения в социальных сетях, образуя вокруг себя «информационный пузырь» [4]. Подобные «пузыри» делают пользователя невосприимчивым к альтернативным точкам зрения, постепенно сужая его картину мира. Если же формирование «информационного пузыря» произошло в процессе деструктивного навязывания идентичности, индивидуум может представлять серьезную опасность для социума. Подобные процессы в конечном счете способствуют эскалации социальных конфликтов.

Возникает вопрос о механизмах противодействия деструктивному навязыванию идентичности и вывода пользователей из нежелательных «информационных пузырей», если они туда уже попали.

В первую очередь, необходимо настраивать системы мониторинга и предиктивной аналитики. Так, исследования Ф.Н. Гурова в Казахстане показали, что работа в социальных медиа, направленная на формирование протестных настроений, системно велась задолго до событий января 2022

года. Своевременное выявление подобной деятельности могло бы значительно сократить число жертв этих трагических событий.

Британская и австралийская политтехнологические школы часто используют так называемую стратегию «дохлой кошки». С помощью шокирующих объявлений внимание медиа переключается с проблемных для заказчика зон на иные сферы. В краткосрочной перспективе подобный подход, хотя и противоречит принятой этике public relations, может решать определенные коммуникационные задачи. Подобная стратегия позволяет разово «пробить» «информационный пузырь» пользователя, однако не приводит к долгосрочным позитивным эффектам и снижает уровень социальной стабильности.

Заключение. Нам представляется, что при организации коммуникационной работы, направленной на преодоление «информационных пузырей» и «принуждения к идентичности», оптимальной стратегией является критический анализ целевых установок тех субъектов, которые были заинтересованы в создании этих «новообразований». PR-технологии позволяют расширять технологии критического анализа социального пространства.

В более широком плане требуется комплексно реализовывать различные инструменты «мягкой силы» [5], – только такой подход создает долгосрочный противовес враждебным информационным воздействиям извне.

Список литературы

1. Сорина Г. В. Принуждение к идентичности. Как это возможно? / Г. В. Сорина, Ф. Н. Гуров // Вестник Воронежского государственного университета, серия Философия. – 2022. – № 3 (45). – С. 39-48.
2. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2022664283 Российская Федерация. Программа выявления навязывания идентичности в интернет-пространстве: № 2022662483: заявл. 06.07.2022: опубл. 27.07.2022 / Г. В. Сорина, Ф. Н. Гуров. – EDN JKWGWS.
3. Сорина Г. В. Интеллектуальная деятельность: присвоение, отчуждение, способы хранения / Г. В. Сорина // Ценности и смыслы. – 2020. – № 4(68). – С. 85-103. – DOI 10.24411/2071-6427-2020-10036.
4. Дружинин А. М. Преодоление «информационного пузыря»: постановка задачи, методология, аналитическое чтение / А. М. Дружинин, Е. В. Иноземцева, Ф. Н. Гуров // Ценности и смыслы. – 2022. – № 3(79). – С. 96-110. – DOI 10.24412/2071-6427-2022-3-96-110.
5. Ярмак Ю. В. Многоликая мягкая сила: монография / Ю. В. Ярмак. – Москва: ИЭТ, 2020. – 316 с.— ISBN 978-5-904212-45-2.

УДК 070

МЕДИАПИРАТСТВО И ПРИЕМЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ

Тулупов В.В., д-р филол. наук, проф.
ФГБОУ «Воронежский государственный университет», г. Воронеж, РФ
vlvtul@mail.ru

Введение. Медиапиратство – это информационная деятельность в СМИ, социальных сетях, телеграм-каналах и др. по захвату участников медиапространтства путем активного применения по отношению к ним приемов манипулирования и с целью внушения им ложного представления о событиях и явлениях текущей действительности. Необходимость в обозначении таким образом данной деятельности современных троллей и хейтеров, достигшей поистине мировых масштабов, и введении в научный оборот особого понятия – «*медиапиратство»* – вполне обосновано.

Основная часть. Сегодня, в эпоху постправды [5], у потребителей медиаинформации, с одной стороны, нет стопроцентного доверия к большинству источников информации, кроме избранных ими в соответствии с их мировоззрением; с другой стороны, некритичное восприятие информации приводит к искаженному восприятию тех или иных фактов. Тем более что современные медиаманипуляторы используют изощренные методы и приемы воздействия на аудиторию.

Ключевым понятием в дискурсе постправды является понятие *фейка* (от англ. *fake* – подделка, фальшивка, обман), включающего в себя «ряд самых разнообразных явлений медиасреды: от поддельных текстов, а также фото-, видео- или аудиозаписей до искусственно созданной по заданию заказчика популярности личности, произведения, проекта (как правило, при помощи интернет-ботов и (или) тех же фальшивых аккаунтов, выставляющих “лайки” и постящих одобрительные комментарии)» [4, 89]. Фейковая новость – это всегда преднамеренная фальсификация, сознательная манипуляция общественным сознанием, т. е. дезинформация, преследующая негативные цели, и прежде всего подрыв репутации. Разновидность фейка – *дипфейк*, представляющий собой созданную с помощью нейросетей реалистичную подмену фото-, аудио- и видеоматериалов.

Один из популярнейших сегодня приемов манипулирования сознанием массовой аудитории – *«правдоподобность ложных новостей»*, построенных на части реальных деталей.

Так, в сентябре 2022 г. прозападные персоязычные СМИ распространили новость о том, что Али Хаменеи скончался. На фоне массовых беспорядков в иранском Курдистане и сообщениях о тяжелой болезни 83-летнего Высшего руководителя Ирана массовая аудитория охотно повелась на эту «утку». Фейковая же медиаистория продолжалась несколько дней, и, видимо, ее организаторы добились определенных

результатов в ходе обострения аппаратной борьбы за кресло руководителя между персидскими кланами.

В том же месяце социальные сети, блогосферу заполонила информация о военном перевороте в Китае, об аресте руководителя страны Си Цзипина и премьера Ли Кэцяна, о походе к Пекину танкового батальона, растянувшегося на 80 километров, о прекращении авиасообщений и железнодорожных перевозок, о закрытии телевидения и интернета. Через какое-то время был найден источник дезинформации – американка китайского происхождения Дженнифер Зенг, которая уже несколько раз объявляла в Твиттере о китайском путче. И в этом случае контекст реальных событий (судебный процесс над рядом руководителей юстиции и внутренних сил правопорядка) сыграл на руку создателям фейков, дошедших до самых крупных мировых СМИ.

Прием *«навешивание ярлыков»* можно проиллюстрировать на примере ситуации с Венгрией: депутаты Европарламента выразили свое недовольство позицией этой страны по отношению к энергокризису предложением отныне считать режим Венгрии «выборной автократией», что мгновенно подхватили западные медиа.

Прием *«игра с определениями»*, основанный на корректировке дефиниций ключевых понятий, также активно используется манипуляторами, по воле которых искажается смысл важнейших политологических и экономических понятий. Например, «расизм» стали трактовать не как ненависть на расовой почве, а как любое противодействие цветным; «рецессию» – не как замедленный экономический рост в течение двух или более кварталов подряд, а как временный переходный кризис. Понятие «пропаганда» со времен Геббельса приобрело сугубо отрицательные коннотации, и из содержательных элементов, логических и эмотивных сложился негативный стереотип, используемый в идеологическом и политическом противостоянии. Между тем, пропаганда (лат. *propaganda* – подлежащая распространению), как и агитация, – всего лишь один из методов, применяемых при любом и почти при каждом информационном воздействии, распространении фактов, аргументов, взглядов. Скорее, следует говорить о конкретной информационной политике, заведомо нацеливающей коммуникаторов на оперирование ложными сведениями, на манипулирование общественным мнением; о том, что в иные времена уровень эксплуатации данного метода действительно резко повышается.

Прием *«перенос негативных оценок»* проявляется, в частности, в том, что понятие фашизма стали применять по отношению к России, а не по отношению к прибалтийским странам, где национальными героями объявлены «лесные братья» и легионеры ваффен СС, или к Украине, генконсул которой в Гамбурге Василь Марущинц публично ратует за государство, где будут проживать чистые арии, откровенно заявляя, что быть фашистом почетно.

Следующий прием – *«утвердительные заявления»*. Так в мае 2022 г. телеграм-каналы Харьков.Лайф, Харьков, Всевидящее око, *Nexta* и Труха

распространили информацию, что российская армия ночью атаковала позиции ВСУ в Харькове. Был применен также прием «*эмоциональное воздействие»*: информацию сопровождали видеокадры ночного боя, который на самом деле проходил на Донбассе в 2016 г. Видео набрало более миллиона просмотров, что неслучайно: ведь общая аудитория этих крупнейших телеграм-каналов превышает 6 миллионов подписчиков.

Под видом засады ВСУ под Мариуполем проукраинские медиа демонстрировали видеозапись 2015 г., снятую в США во время знаменитого открытого стрельбища в Кентукки *Knob Creek Machine Gun Shoot*. А обстрел ТОСами позиций шиитской группировки в Йемене в начале февраля 2022 г. выдали за взрыв «термобарической бомбы» в Николаеве. По похожей схеме распространялась непроверенная информация о том, что якобы российские войска атаковали Краматорск, что довольно легко получило опровержение.

Следует отметить, что приемы манипулирования (добавим к вышеназванным *«повторение одного и того же утверждения», «дробление целостной картины восприятия», «изъятие из контекста», «смешение информации и мнения»* [1; 3]) применяются комплексно. Например, в дезинформации про «злобных москалей», уничтоживших единственный на Украине генетический банк растений («Орда орков превратила в пепел уникальную коллекцию семян, десятки тысяч образцов, на которые не поднимали руку даже оккупировавшие когда-то Харьков гитлеровцы!»), есть и *утвердительность заявления*, и *намёк, несущий негативную окраску*, и *эмоциональное воздействие,* и *сенсационность.* Непосвященному человеку трудно понять, что демонстрируемое пепелище, по которому ходит человек, представляющийся «сотрудником Института растениеводства им. Юрьева Сергей Авраменко», не может быть национальным центром генетических ресурсов растений Украины, ведь, по информации самих сотрудников центра, подавляющее большинство хранимых там образцов должны находиться в холодильных камерах. Но очевидно, что обвинения России в провоцировании мирового голода – это одна из актуальных тем в ведущейся против нашей страны информационной войне.

Заключение. Цели использования «газетных уток» (мистификаций, пастиша, мокьюментари) могли быть и могут быть самыми разными, но прежде эти акции все же касались достаточно узких групп людей, потому эффект был не столь значителен. Но сегодня апелляция к личным убеждениям людей и их эмоциям стала не просто тенденцией, а чуть ли не медиапринципом, и она, к сожалению, считается более действенной, чем ссылка на объективные факты – распространение фейковых новостей в социальных сетях стало массовым явлением, более того: ученые делают логичный вывод о появлении «повседневной политической культуры, которая по аналогии с постмодерном названа постправдой…» [2, 249].

Список литературы

1. Безлепкин Н. И. Язык и информационные войны / Н. И. Безлепкин. – URL: http://www.oboznik.ru/?p=60487.
2. Ершов Ю. М. Феномен фейка в контексте коммуникационных практик / Ю. М. Ершов // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2018. – № 52. – С. 245-257.
2. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. Век XXI / С. Кара-Мурза. – М., 2015. – 462 с.
3. Суходолов А. П. Феномен «фейковых новостей» в современном медиапространстве / А. П. Суходолов // Евроазиатское сотрудничество: гуманитарные аспекты. – 2017. – № 1. – С. 87-106.
4. Тулупов В. В. Медиаобразование в эпоху «постправды» / В. В. Тулупов // Вопросы журналистики. – 2020. – № 8. – С. 16-26.

УДК 81

СЕМАНТИКО-СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ КОНЦЕПТА «ПАНДЕМИЯ» В СМИ ЯКУТИИ

Хундань Ч., Хунвэй Ц.
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет
имени М.К. Аммосова» г. Якутск, РФ
hongdan.zhang@mail.ru

Введение. Поскольку в связи с пандемией появилось много новых слов, связанных с лексикой «пандемии», эти родственные понятия стали предметом пристального внимания ученых. Целью данного исследования является анализ семантико-синонимических рядов в СМИ Якутии, касающихся концепции «пандемии». Актуальность исследования заключается в изучении характеристик русских синонимов по мере их развития во времени и функций, в которых они используются в СМИ.

Основная часть. Концепт как одна часть из конгнитивной семантики, которая играет в важную роль в современной лингвистике при сравнительных исследованиях. Конгнитивная семантика является перспективной сфера языкознания, которая начала формироваться в конце двадцатого века в результате сочетания лингвистики с культурологией, этнологией и этнографией. Таким образом, в данной работе мы склоняемся к точке зрения В. И. Карасика [5, с. 56-58].

Карасик В.И. отметит, что «концепт как ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта или фрагмент жизненного опыта человека или многомерное ментальное образование, в составе которого выделятся образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [3, с. 435].

В соответствии с подходом Карасик В.И. обращает внимание на то, что «новости о концепте «пандемия» и отклики на них в публичном

дискурсе и СМИ свидетельствуют о том, что критичность восприятия информации во времена потрясений резко понижается» [2, с. 25-26].

Особенности концепта «пандемия» в СМИ Якутии как средство массовой информации с функцией влияния, информирования и распространения, также ограничивается формированием общественного мнения по актуальным вопросам, фокусируясь на ключевых аспектах представленной информации и эмоционально заряжая получателей. При этом СМИ передают информацию от субъекта (правительства) к народу, и, хотя часто говорят, что эта степень независимости относительна, в демократических обществах принято подчеркивать различия, которые могут существовать между официальной позицией властей и прессы [2, с. 25-26].

Семантико-синонимический анализ был использован для изучения характеристик концепции «пандемия» в СМИ Якутии. При анализе работы И.А. Кудрейко указала, что семантико-синонимические ряды существует опорное слово, то, как Ж.Д. Апресян, «это наиболее употребительный синоним с наиболее полной парадигмой, самым широким диапазоном синтаксических структур, самым широким диапазоном сочетаемости, стилистически, семантически, прагматически, коммуникативно и морфологически нейтральный» [4, с. 27-28].

Далее мы рассмотрим концепт “пандемия” и связанную с ним семантико-синонимические ряды концепта “пандемия”, которые появились в СМИ Якутии.

Первый семантико-синонимический ряд: новой коронавирус, COVID-19, SARS-COV-2, NCP (пневмония, вызываемая новым типом коронавируса), «дельта-штамм коронавируса», «альфа-вариант коронавируса», «бета-вариант коронавируса», «ойта-штамм коронавируса» и «омикро-вариант коронавируса».

COVID-19 (Coronavirus disease 2019) – официальное наименование заболевания, буквально понимаем как заболевание 2019 г., вызванное коронавирусной инфекцией; SARS-COV-2 (severe acute respiratory syndrome coronavirus 2) – официальное наименование вируса, у него тяжелый респираторный синдром; NCP (Novel Coronavirus Pneumonia) – власти Китая присвоили новому коронавирусу временное название.

В связи с пандемией в начале 2020 года по настоящее время в медицинском дискурсе появились концепты новой коронавирус, COVID-19, SARS-COV-2, NCP, по мере распространения коронавируса появились лексики в связи с концептом «пандемия», все вышеперечисленные лексики являются вариантами передачи «пандемия», и также все семантически обозначают понятие «пандемия». Таким образом, вышеуказанные данные лексики являются семантико-синонимическом рядом.

Второй семантико-синонимический ряд: наибольшее число выявленных, превысило впервые, максимальное количество, наибольший рост, максимум зафиксировали, оставаться на высоком уровне, бить

рекорды, новый максимум, впервые выявили, впервые превысил максимальную отметку

Во втором группа семантико-синонимический ряде подразумевает лексики, относящиеся к количеству людей, заражённых пандемий, лексики, которые часто появлялись в новостных сообщениях Якутии с момента начала действия ковида-19. Данные лексики имеют общее значение «максимальное значение», указывающее на то, что число инфицированных пациентов превысило показатели предыдущего дня. Поэтому такие вышеуказанные могут стать семантико-синонимическом рядом.

Заключение. Таким образом, исходя из семантико-синонимических рядов, проанализированных выше, можем сделать вывод, что наиболее важной функцией семантико-синонимических рядов, используемых в текстах СМИ Якутии, является функция замещения. Использование таких фраз важно для того, чтобы избежать избыточного употребления слов. Использование семантико-синонимических рядов помогает показать разнообразие русской лексики.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Исследования по семантике и лексикографии: в 2-х томах / Ю. Д. Апресян. – Москва: Издательство "Языки славянских культур", 2009. – 586 с. – (Studia philologica; Парадигматика). – ISBN 978-5-9551-0304-4.
2. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2020. – № 2(80). – С. 25-34. – DOI 10.26170/pl20-02-02.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / Волгоград. Гос. Пед. Ун-т; Н. -И. Лаб. "аксиол. Лингвистика". – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с. – библиогр.: – С. 435-476.
4. Кудрейко И. А. Синонимические ряды терминов родства восточнославянских языков / И. А. Кудрейко // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2021. – № 2. – С. 27-32.
5. Солдатова М. А. Понятие лингвокультурного концепта в лингвистических исследованиях [Текст] / Мария Солдатова. – Казань: Изд- во Казан.ун-та, 2003. – 260 с.

УДК 070:177

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ ВОЕННОЕ КИНО О ДОНБАССЕ В АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ

Чайка О.С.

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ

o.chayka@donnu.ru

Без сомнения, XXI век – это век информации и информационных войн, на фронтах которых идёт борьба не только за человеческие умы – идёт борьба за души, как бы патетически это не звучало. Проиграть

сражение за нравственные ценности так же опасно, как и реальное на поле боя, поскольку последствия непредсказуемы в обеих ситуациях. Особенно восприимчиво к потокам информации молодое поколение, в результате чего появляется опасность, что вскоре ему будут чужды те традиционные ценности, которые всегда были важны для нашего общества. Во многом на это и рассчитывают потенциальные и реальные идеологические противники: подчиняя сознание людей посредством как продуктов массовой культуры, так и журналистских материалов, особенно тех, которые посвящены конфликту на Донбассе.

Целью нашего исследования является определение роли документального военного кино о Донбассе в аспекте формирования гуманистической системы ценностей.

Во время постоянных атак на мировоззрение русского человека через подмену исторических фактов и событий, как никогда становится важным совместное усилие всех видов медиа для защиты истории государства и национального достоинства от информационно-психологических ударов со стороны идейных противников. Потенциал документального кино в данном аспекте чрезвычайно велик. Благодаря своим жанровым характеристикам (актуализация, сохранение, редактирование и формирование реальности), оно способно влиять на понимание истинных ценностей, выступать в качестве морально-нравственных ориентиров, способствовать осмыслению гуманистических ценностей.

О.В. Володина в своей работе «Гуманизм как личностно-ориентированный идеал мироустройства» подчеркивает, что «осмысление человеком действительности происходит на различных культурных языках (на рациональном – через понятия и логику; на художественном (чувственном) – через эмоционально-окрашенные образы; на поведенческом и моральном – через образцы поведения и ценностные ориентации) и ведет к наделению смыслом окружающего мира, а также поиску собственного смысла» [1, с. 177].

В процессе освещения вооруженного конфликта военное документальное кино выполняет ряд функций, в частности – просветительскую, поскольку в такого рода проектах демонстрируемые события служат фоном для рассуждений на тему вечных понятий, таких как добро и зло, честь и порочность, нравственность и аморальность, милосердие и жестокость, смелость и малодушие.

Как часто говорят военные корреспонденты, работающие в зоне проведения СВО, главным «сокровищем» были, есть и будут люди: те, кто отстаивает своё право на мирную жизнь, продолжая выполнять свой профессиональный долг. Врачи, работники ЖКХ, учителя, строители, и многие другие, стоя плечом к плечу перед угрозой полного уничтожения, являются ориентирами в системе гуманистических ценностей для остальной части общества. Своим примером они способны вдохновлять людей на подвиги, пусть и в рамках их обычной жизни: волонтёрство, участие в сборах

финансовой помощи, поддержка политики своей страны в личных разговорах и интернет-дискуссиях. Вместе эти и многие другие показатели формируют у общества иммунитет против информационных атак противника.

Но важно не только сейчас победить в идеологическом сражении, важно заложить фундамент для воспитания подрастающего поколения. Только такие действия смогут предотвратить дальнейшую работу по влиянию и внушению нашим соотечественникам тех норм и правил, которые соответствуют интересам враждебных стран и их культур. Так, Президент российского гуманистического общества профессор В. Кувакин пишет, что «особая миссия гуманизации человека и общественных отношений лежит на тех, кто завтра придет в школы и другие образовательные учреждения страны и будет обучать школьников и студентов основополагающим ценностям личного и общественного бытия» [2, с. 45]. И немаловажно, на каком именно материале они будут прививать эти ценности будущим поколениям.

Анализируя документальное кино о Донбассе, мы пришли к выводу, что такие материалы учат своего зрителя ценить жизнь, свободу, своё право говорить на родном языке, быть верным своим идеалам, ценить простые радости жизни, любить семью и Родину. К примеру, в описании проекта режиссера Александры Франк «Лики Донбасса» [3], который реализуется под эгидой «Фонда поддержки регионального кинематографа», сказано, что в основе каждого выпуска —«портрет, за которым вырастает судьба нашей Родины».

Продюсером проекта выступает донецкая поэтесса Анна Ревякина, автор известной поэмы «Шахтёрская дочь». Она же становится одним из героев документального цикла. В её словах мы считываем цель всего проекта: *«Мы все, по-моему, сошли с ума от любви к нему (к Донецку – прим. авт.) … Мы любим его так, будто бы сегодняшний день может стать последним и для него, и для нас. Всем сердцем».* [3] Нравственный облик героев по-своему раскрывается в каждом интервью. Примеры некоторых приводим ниже.

- Анна Александровна Железная – заместитель генерального директора Донецкого республиканского центра охраны материнства и детства: *«Мы надеемся на то, что Богу есть, за что нас беречь»* [3]*;*
- Ирина Макаренко – руководитель движения «Волонтёры Победы»: *«Я верю, что мир наступит и я хочу быть одной из тех людей, кто его будет восстанавливать»* [3].
- Родион Савенко – фельдшер бригады скорой помощи: *«Донецк стоит и будет стоять. Мы Дома, это наш Дом»* [3].
- Афенченко Альбина Альбертовна – директор гимназии №6 г. Донецка: *«Будущее в детях. Если любого ребёнка спросить, нашего, донецкого, русского ребёнка, он скажет, что он любит свой город. Он знает о Великой Отечественной войне, он ходит с портретом своего прадеда в «Бессмертном полку»* [3].

- Федоренко Элеонора Михайловна – советник Главы ДНР по правам ребёнка: *«Война и детство – даже рядом эти два слова не должны стоять»* [3].

Каждый из героев данного проекта представляет собой ту или иную социальную группу: вдова бойца ДНР, ветеран ВОВ, ребёнок, проживающий в прифронтовом районе, протоиерей, художница и так далее. Все они разного возраста, у всех своя история, но каждый из них осознает ценность человеческой жизни и мирного неба над головой. Эти личные истории способны повлиять на отношение человека к конфликту на Донбассе, трансформировать его картину мира и обратить внимание на те ценности общества, которые созидают, а не разрушают.

Отметим, что документальное военное кино о Донбассе в настоящий момент играет важную роль в информационной борьбе с противниками, отмечая все правонарушения по отношению к мирному населению, но, вместе с этим, стоит выделить высокий потенциал идеологического воздействия и возможность использования его в качестве своеобразного исторического зеркала – источника культурной и ценностной идентификации.

Список литературы

1. Володина О. В. Гуманизм как личностно-ориентированный идеал мироустройства/ О. В. Володина // Сибирский педагогический журнал. – 2012. – №5 – С. 174-178.
2. Кувакин В. Современный гуманизм / В. Кувакин // Высшее образование в России. – 2002. – №4 – С. 41-54.
3. Лики Донбасса. [Электронный ресурс] URL: https://www.youtube.com/channel/UCsTdLXNdRpLvMjoj47HcfXQ/about – заглавие с экрана (дата обращения: 12.09.2022).

УДК 304.44

ФАКТЫ И СМЫСЛЫ В МЕДИАПРОДУКТЕ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИСКУССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

Чумиков А.Н., д-р полит. наук, проф.
ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
г. Москва, РФ
chumikov@pr-club.com

Введение. Эффективным и этичным компонентом медиапродукта, под которым мы понимаем любой материал СМИ, традиционно и формально считается *факт,* что в буквальном переводе с латинского *factum* означает «сделанное». К этому слову аналитики добавляют: «событие, результат», а также «реальное, а не вымышленное». Соответственно, большинство экспертов выступают за то, чтобы в

медийном поле присутствовала информация исключительно о реальных, а не вымышленных событиях и результатах.

Однако ориентация на использование фактов – это лишь одна из двух условных моделей медийного производства: ее еще называют *make story* (повествование-рассказ, журналистика факта). Вторую модель именуют *make sense* (интерпретация случившегося, журналистика смысла/мнения).

Основная часть. О возможностях разделения данных понятий, в числе многих исследователей, рассуждает М. Григорян. В первом случае, в соответствии с его трактовкой, журналист просто описывает факт. Во втором – пробует найти за фактом его истинный смысл, представить правду события. Однако далее происходит столкновение с одной из закономерностей журналистики: автор не в состоянии увидеть всей правды. Причин много: журналист не имеет возможности проникнуть за кулисы происходящего, понять побуждения действующих лиц, проследить за всеми перипетиями. Бывает, что увлеченный желанием высказать свою точку зрения автор попадает в плен гражданских, национальных или патриотических настроений. И возникает «правда» вместо правды [1].

Дискуссия по поводу дилемм «смысл – факт», «зависимость – беспристрастность» и т.п. восходит к началу XX в. и трудам В.И. Ленина, где речь шла о возможности сочетания «партийности прессы» и «свободы печати». По мнению политика, эти понятия вполне сочетаются. Ведь свободная печать должна существовать «не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от капитала, свободы от карьеризма; – мало того: также и в смысле свободы от буржуазно-анархического индивидуализма…

Речи об абсолютной свободе – одно лицемерие. В обществе, основанном на власти денег, не может быть «свободы» реальной и действительной… Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания». [2].

Спустя более полувека после приведенных высказываний на мировом рынке появилось информационное агентство *Prensa Latina*, чей слоган и к третьему десятилетию XXI в. оставался одним из самых известных в мире: «Мы объективны, но не беспристрастны». В статье, посвященной 60-летнему юбилею Агентства, мексиканский журналист Т. Рентерия писал: «Те, кто попытается прочитать историю империалистических центров информации, написанную ими самими, увидят, что с начала прошлого века они разделили мир, как пирог, чтобы каждая империя могла скрывать от угнетенных народов новости, которые интересовали их больше всего. Империалисты субсидировали свои агентства, чтобы народы Латинской Америки ничего не знали друг о друге и были неизвестными для остального мира».

Уже в январе 1959 г., в первые дни после свержения на Кубе диктаторского режима, новые лидеры страны Ф. Кастро и Че Гевара объявили «Операцию Правда»: ряд мероприятий, направленных на независимое освещение деятельности Революции. В ходе операции и начало свою деятельность Латиноамериканское информационное агентство *Prensa Latina.* Его целью стало противодействие искажению информации о событиях на Кубе [3].

Современный ракурс анализа смыслообразующих конструкций связан с глобальными количественно-качественными изменениями механизмов формирования и распространения общественно значимой информации в конце XX–XXI вв., получившими название *медиатизации*. В синтезированном виде это явление и термин определяются как процесс переплетения социально-политической и социально-экономической сфер общества с пространством СМИ, в результате чего представления граждан о текущих процессах действительности существенно виртуализируются.

Непосредственное, либо основанное на доступной информации восприятие событий прошлого и настоящего всё в большей степени дополняется и заменяется их смысловой интерпретацией, что вызвало к жизни появление целой группы новых понятий, в числе которых постправда, постреальность, постфактуальная политика и т.п. Они означают, что в ситуации колоссального и прогрессирующего роста источников и объемов информации «настоящая» реальность отходит на второй план, уступая место бесконечному потоку интерпретаций, которые определяют мысли и поведение потребителей. В то время, как «прежняя правда» рассматривалась в качестве объективного фиксатора нашей действительности в конкретный период, текущая «постправда» становится инструментом маркирования любых персон, организаций и событий в соответствии с интересами инициаторов такой маркировки.

Если внимательно вчитаться в стандарты новостного производства от ведущих информационных агентств мира – медиаструктур, в наибольшей степени заинтересованных в беспристрастности, то и здесь можно обнаружить «лазейки» по созданию вокруг фактов смыслового контекста.

Так, в Reuters Handbook of Journalism, с одной стороны, проводится фундаментальное различие между своими новостями, основанными на фактах, и материалами других СМИ с различными мнениями о событиях. Агентство прямо заявляет, что его журналисты не выражают собственное мнение во всех типах новостей, и это на протяжении многих лет служит основополагающим принципом и вызывает доверие к Reuters.

Подчеркивается, что журналисты Агентства никогда не отождествляют себя с какой-либо стороной проблемы или конфликта, а стремятся отражать позиции всех сторон, будь то сделка по поглощению, политический спор или военный конфликт. Взаимные обвинения сторон не должны подаваться как факт или признак вины.

С другой стороны, указывается, что объективность не всегда сводится к предоставлению равного пространства всем сторонам. «Исполнитель злодеяния» или «лидер маргинальной политической группы», возможно, заслуживает меньшего внимания, чем жертвы или основные политические силы [4]. Нетрудно заметить, что за рамками стандарта остаются критерии, по которым некоторый субъект будет отнесен к «злодеям» или «лидерам».

Заключение. В этих условиях модель make sence становится не столько альтернативной, сколько неизбежной. Она ориентирована на то, что смысл излагается внутри содержания новости в качестве его отдельного элемента. При этом недостающие куски информации (или даже вся информация) могут заменяться смысловой интерпретацией, «подсказками» на основе ранее известных сведений. Целью такого рода операций является непосредственное включение индивида в актуальный социальный контекст для последующей реализации запрограммированных целей [5].

Список литературы

1. Григорян М. Пособие по журналистике / М. Григорян. – М.: Права человека, 2007. – 192 с. 14-15. ISBN 978-5-7712-0372-0
2. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература. ПСС, 5-е изд / В. И. Ленин. – Т. 12. – С. 99-105.
3. Моисеев А. Пренса Латина передает из России / А. Моисеев. – Международная жизнь. 6.09.2014. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/11777 (Дата обращения 21.09.2022).
4. Reuters Handbook of Journalism. – Thomson Reuters, 2008. – URL: https://www.mediareform.org.uk/wp-content/uploads/2015/12/Reuters_Handbook_of_Journalism.pdf (Дата обращения 21.09.2022).
5. Чумиков А. Н. Конфликтные коммуникации в медийном поле / А. Н. Чумиков // Коммуникология. – 2021. – Том 9. – № 2. – С. 125-142. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-2- 125-142

УДК 81’42+070

СТРУКТУРА РЕЧЕВОГО ЖАНРА «СКАМ-КОММЕНТАРИЙ» В МЕССЕНДЖЕРЕ «ТЕЛЕГРАМ»

Якель А.О., канд. филол. наук
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк, РФ
o.yakel@donnu.ru

С началом проведения специальной военной операции (СВО) существенно активизировалось развитие мессенджера Telegram как новостной площадки. По данным компании Mediascope, данное социальное медиа показало максимальный рост среди прочих популярных ресурсов – охват населения Российской Федерации в марте 2022 составил

около 35 % (в феврале 2022 года – 22 %). Для сравнения, социальная сеть «ВКонтакте» за аналогичный период показала всего 2 %-прирост в охвате населения РФ (хотя и продолжает удерживать лидирующую позицию среди популярных в России соцмедиа по указанному параметру – в марте 2022 года соцсетью были охвачены почти 40 % населения РФ). «Телеграм» начал постепенно изменяться, при этом «трансформации коснулись не только системы СМИ, но и характера выстроенных внутри них коммуникаций». [2, с. 224]

Учитывая рост популярности данной площадки, существенно увеличилось число и влияние новостных телеграм-каналов. Так, по данным TGStat, телеграм-канал «РИА Новости» увеличил число подписчиков с 339 000 по состоянию на 18 февраля 2022 года до 2 340 000 по состоянию на 30 сентября 2022 года. Выросла аудитория и у авторских проектов военкоров. Например, за тот же период число подписчиков у телеграм-канала WarGonzo (руководитель проекта – военкор Семён Пегов) увеличилось со 187 000 до 1 196 000.

На волне успеха указанных медиа пользователи начали создавать площадки в Telegram, ретранслирующие сообщения, связанные с СВО, а также раскручивать проекты других ниш, спекулируя на данной тематике. Одним из методов продвижения телеграм-каналов стало использование скам-комментариев (от англ. scam – «мошенничество», «афера»).

Следует заметить, что до начала СВО в основном данный метод применялся для продвижения площадок по распространению незаконного контента (акты насилия, порнография и т. д.), а также запрещенных товаров (оружие, наркотические средства и т. п.) внутри анализируемого мессенджера. Авторы исследования, посвященного борьбе с наркопреступностью в «Телеграм» [3], выделили пять основных коммуникационных инструментов на изучаемой площадке, актуальных на 2019 год: диалоги, группы, сохраненные сообщения, каналы, чат-боты. Учитывая динамику развития мессенджера, данный перечень существенно расширен. И хотя комментарии к постам телеграм-каналов не являются стандартной функцией, они активно используются популярными медиабрендами.

В частности, комментарии включены и активны в новостном телеграм-канале Readovka (около 1 155 000 подписчиков). Скам-комментарии, размещенные на данной площадке за период от начала проведения СВО и до момента написания данных тезисов, являются материалом нашего исследования. Всего было собрано 106 таких текстовых сообщений, посвященных тематике, связанной с освещением военного конфликта.

В отечественной науке внимание скам-комментариям почти не уделено. Однако множество публикаций посвящено спам-сообщениям (близким текстам в отношении морфологии речевого жанра [РЖ]). На наш взгляд, показательным является определение, данное В. В. Арутюновым в 2021 году: «спам можно определить как нелегальную массовую рассылку

по электронной почте рекламных и других не интересующих получателя материалов». [1, с. 44] Автор выделяет такие виды спама, как: «нигерийские письма», фишинг, рассылки религиозного содержания, массовая рассылка для перегрузки почтовых серверов, рассылка вирусных программ, а также реклама. Последняя разновидность, обычно содержащая ссылку на продвигаемую страницу, близка по своей природе к скам-комментарию.

Однако учитывая специфику коммуникации в комментариях (публичность, массовость, полилоговость) и особенности коммуникации с помощью электронной почты (закрытость, персональность, диалоговость), мы считаем, что скам-комментарии необходимо изучать, как отдельный речевой жанр.

Разработка описания структуры изучаемого речевого жанра позволит лучше понять природу данного явления, уточнить соответствующее понятие.

Проанализировав собранные текстовые фрагменты, мы пришли к выводу, что скам-комментарий в «Телеграм» состоит из двух основных компонентов:

1. Категорическое суждение, описывающее предлагаемый ресурс или указывающее на сенсационное/шокирующее событие. Например: «*Список ссылок на видеосвидетельства преступлений ВСУ и властей Украины*» (прим. – тут и далее сохранены авторская орфография, грамматика, лексика, синтаксис и пунктуация), «*Спецоперация в Мариуполе глазами танкиста оперативно-боевого тактического формирования ДНР*», «*Канал сотрудника спецслужб дружественной стороны*» или «*АЗОВЦЫ ЗРЕРСКИ НАСИЛУЮТ ЗНАКОМУЮ КАДЫРОВА И СНИМАЮТ ЭТО НА КАМЕРУ*», «*МГНОВЕННАЯ КАРМА – ГРУЗИНСКОМУ НАЕМНИКУ ПРИЛЕТАЕТ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ*», «*Чеченский спецназ поймали одного из главных нациков «Азова» по кличке Калина, видео с его допросом и последующей денацификацией, опубликовали в закрытом Telegram-канале*» и т.д.

2. Ссылка на продвигаемую страницу или телеграм-канал. Заметим, что она может быть указана в формате, эквивалентном записи в адресной строке, или «вшита» в призывающий по ней кликнуть текст (оформлена как кликабельный текст).

Кроме указанных выше компонентов в структуре речевого жанра «скам-комментарий» могут находится следующие элементы:

1. Призыв к действию. Например: «*Следите за реальными новостями*», «*СМОТРЕТЬ*», «*Подписывайтесь*», «*Убедитесь сами*», «*Поддержите наших ребят*» и т. д.

2. Характеристика продвигаемого ресурса. Например: «*это самый достоверный канал*», «*!ОСТОРОЖНО ВИДЕО СТРОГО 18+ !*», «*Военные с обеих сторон присылают видео, и ведут прямые трансляции с боевых зон на этом канале*» и т. д.

3. Призыв или риторический вопрос после ссылки: «*Za наших! Сила в праVде! Ахмат сила!*», «*ПОЧЕМУ МОЛЧИТ ЗАПАДНОЕ СМИ!?????*», «*Заходи к нам, соратник …*» и т. д.

4. Псевдорепортаж: «*СОБР «Омега» и СОБР «ТОЛПАР» находятся в окружении, выходят на связь, все хорошо, держаться! Наши резервы почти подошли к Балаклеи*», «*Сейчас в Балаклею на помощь нашим зашли отряды Вагнера и Спецназ МО РФ*» и т. д.

5. Псевдо-тайм-коды (в скам-комментариях, придвигающих ссылку на видео или псевдовидео). Например: «*Кадыровцы поставили офицеров на колени и жестоко наказали за смерть своих братьев. Брат за брата, таковы традиции. 13:01 – нацики на коленях 13:03 – жуют землю 13:06 – орут как суки*» и т. п.

Таким образом, структура речевого жанра «скам-комментарий» состоит из двух основных (категорическое высказывание и ссылка) и пяти возможных переменных компонентов (призыва к действию, характеристики продвигаемого ресурса, риторических вопросов, псевдорепортажа, псевдо-тайм-кодов). Дальнейшее изучение данной темы в аспекте использования данного речевого жанра позволит сформировать его типологию, а также определить наиболее эффективные пути применения скам-комментария как инструмента продвижения ресурсов в «Телеграм», так как «прагматический подход в исследовании интернет-комментария с учетом специфики виртуального дискурса позволяет решить проблему категориальной принадлежности данного РЖ, а также выявить его инструментальные разновидности». [4, с. 76]

Список литературы

1. Арутюнов В. В. Спам: история возникновения и противодействие его распространению / В. В. Арутюнов, V. V. Arutyunov // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. – 2012. – № 1. – С. 44-48.
2. Бурляй А. С. Эффективные коммуникативные инструменты формирования имиджа бренда в социальной сети Instagram / А. С. Бурляй, А. О. Якель, В. П. Безродный // Донецкие чтения 2017: Русский мир как цивилизационная основа научно-образовательного и культурного развития Донбасса: Материалы Международной научной конференции студентов и молодых ученых. Посвящена 80-летию ДонНУ, Донецк, 17–20 октября 2017 года / Под общей редакцией С.В. Беспаловой. – Донецк: Донецкий национальный университет, 2017. – С. 244-246.
3. Суходолов А. П. Цифровые технологии и наркопреступность: проблемы противодействия использованию мессенджера "Телеграм" в распространении наркотиков / А. П. Суходолов, А. М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13. – № 1. – С. 5-17.
4. Якель А. О. Речевой жанр "агрессивный комментарий" как коммуникационный инструмент в виртуальном дискурсе новых медиа / А. О. Якель // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология. – 2019. – № 3. – С. 76-80.

УДК 070.1:316.3

ЧТО ТАКОЕ SMM-КОПИРАЙТИНГ?

Якубова У.А.
Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана,
г. Ташкент, Узбекистан
journalist6789@mail.ru

Введение. SMM-копирайтинг – это сфера новая. Изучать его со всех сторон будет лучше прежде всего для людей, работающих в социальных сетях. Социальные сети – мощная рекламная площадка. И ее можно использовать для продажи товаров, сервисов, продвижения личного бренда, реклам, чтобы ускорить узнаваемость бренда, личности и так далее. Привлечь клиентов изначально было просто. Но пройдя определённое время, привлекать их стало трудным. Для поддержания неугасающего интереса пользователей SMMщики начали находить подходы. Например, работали с контентом, с визуализацией, с текстом, с комьюнити менежментом. И очень большую роль в этом сыграл именно копирайтинг.

Основная часть. SMM-копирайтинг – это написание информационных и продающих текстов и не только. Эти тексты адаптированы для соцсетей и являются частью SMM-продвижения**.**

Если в бизнес аккаунте красивый, хороший, понятный текст, то пост будет актуальным. Непонятный текст пугает и даёт возможность клиентам посмотреть в другие аккаунты.

Ключевое требование – качество материалов. Они должны быть лаконичными, интересными и полезными. Чтобы подобрать темы, актуальные с учетом характеристик целевой аудитории, нужна стратегия.

Задача SMMщика – говорить с подписчиками на одном языке. Для салона красоты не подойдут сложные тексты с многочисленными терминами, в то время как от медицинского центра пользователи ждут экспертного мнения. Нужен и важен баланс смотря с каким типом аккаунта он работает. Самое главное каждая публикация – должна вызывать желание оставить комментарий или сделать репост. А также не помешают лайки.

Мы все знаем, что копирайтер нужный человек во всех сферах. Но SMM-копирайтер должен действовать несколько иначе.

Можно сказать, что многие подписчики уже узнают почерк копирайтеров. Пост – это пост, и он не должен быть похожим на статью. Посты в социальных сетях отличаются от написания обычной статьи. Пользователь просматривает публикацию за несколько секунд, поэтому нужно «зацепить» с первого предложения, чтобы материал был прочитан полностью. В SMM-копирайтинге нужно придерживаться следующих требований:

1. Оригинальность текста. Креативные посты цепляют подписчика сразу. И именно поэтому такие тексты прочитываются полностью.

2. Краткость текста. Длинные тексты часто остаются без внимания, поэтому столь важно емко сформулировать основную мысль без лишней «воды».

3. Актуальность текста. Изучение и понимание интересов целевой аудитории поможет грамотно «играть» на чувствах и предпочтениях, что приведет к распространению и сохранению постов, а соответственно ускорит продвижение страницы.

4. Tone of voice (в переводе означает «тон коммуникации»). С 2019 года о нём стали говорить чаще и до сих пор упоминают, когда имеют в виду общение брендов со своей аудиторией). Tone of voice можно перевести, как «голос бренда». Это не то, что мы говорим, а как именно. Слова важны, но теперь пользователь обращает внимание и на их тональность, наличие или отсутствие сленговых фразочек, эмоцию и посыл. «Голос бренда» позволяет сформировать впечатление о себе и выделяться. Именно такие тексты больше всего держит за руку подписчиков.

5. Текст без ошибок. Если текст креативен, серьёзен, но в нем много ошибок, то хороших отзывов не дождёшься. Важно писать без ошибок. Многие начинающие SMM-копирайтеры допускают одинаковую ошибку – скучные посты. В результате, полезная публикация, на которую было потрачена уйма времени, остаются незамеченной – пользователи просто пролистывают её.

6. Яркие заголовки. Это привлекает подписчиков, но главное, чтобы основной материал в результате не разочаровал. А иногда бывает так что пост классный, но сам товар не соответствует этим словам.

7. Эмоции. Как же без этого? Делясь впечатлениями, сетуя на неудачи, рассказывая об успехах, удается поддерживать контакт с аудиторией, инициируя живое общение.

8. Структурирование текста. Обязательны абзацы, списки. Материал должен быть разбит на несколько отдельных отрывков, которые хорошо смотрятся визуально и отлично воспринимаются.

9. Призыв к действию. В тексте нужен скрытый призыв к действию – предложение обсудить материал или рассказать о собственном опыте. Интересный, «живой» контент – основа успешного продвижения страницы, которая поможет быстро завоевать популярность.

10. Игривые шрифты. В социальных сетях почти одинаковые шрифты во всех аккаунтах. Если дать значение и на смысл, и на шрифт то будет конфетка.

SMM-менеджер занимается соцсетями в целом: составляет контент-план, создает дизайн постов и сторис, пишет тексты и делает публикации. Копирайтинг для него − только одна из обязанностей. Но сейчас копирайтингом занимается отдельный человек, который пишет посты под

заказ SMMщика. SMM-копирайтер только пишет. Но пока эта профессия не до конца отделилась от смежных, поэтому в должностных обязанностях по вакансиям можно встретить самые разные требования.

Первые тексты для сайтов писали веб-разработчики, потом SEO-специалисты. Но Интернет развивался такими темпами, что понадобились профессиональные копирайтеры. Сейчас сходные этапы развития проходят социальные сети.

В Узбекистане не много учебных центров, в которых можно обучатся копирайтингу. Профильные курсы SMM-копирайтинга только начинают появляться.

Заключение. Для успешной работы в этой сфере стоит подойти к образованию комплексно: освоить графические редакторы, научиться делать продающие фотографии, получить базовые знания маркетинга в социальных сетях и разобраться с инструментами SMM вроде Pepper.Ninja. В нем, например, есть инструмент «Анализ сообществ», который позволяет узнать интересы подписчиков, чтобы тексты и креативы попадали точно в цель. Это значительно повысит вашу ценность для работодателя и позволит претендовать на высокооплачиваемые вакансии.

Список литературы

1. Каплунов Д. А. Нейрокопирайтинг. 100 приёмов влияния с помощью текста / Д. А. Каплунов. – М.: ЭКСМО, 2016. – 320 с.
2. Шардаков,Д. Копирайтинг с нуля / Д. Шардаков. – Москва: Издательство АСТ: Кладезь, 2020 – 352 с:
3. Кот Д. Продающие тексты. Модель для сборки. Копирайтинг для всех / Д. Кот. – Издательство «Питер». 2017. – 180 с.
4. Марзияев Ж. К. Истиқлол ва Қорақалпоғистон матбуоти (Независмость и печать Каракалпакстана) [Independence and the press of Karakalpakstan] // Экономика. Социальная защита. Образование. Занятность в XXI веке. матер. междунар. научн. прак. конф. – Самарканд: СамГУ, 2007. – С. 228-233.
5. Kamalova D. E. Theoretical and practical study of the genre of novella in karakalpak literature // International Scientific Journal Theoretical and Applied Science. – 2020. №03(83). – P. 269-273. – URL: https://dx.doi.org/10.15863/TAS.2020.03.83.51

UDC 070 (575.1)

PRESS OF POLITICAL PARTIES OF UZBEKISTAN: BRIEF REVIEW

Marziyaev J.K., PhD, ***Aleuatdinova G.M.***
Karakalpak State University, Karakalpakstan, Uzbekistan
janga-tv@mail.ru

Introduction. Today, political parties are considered one of the main vapors of the policy of Uzbekistan. In this regard, newspapers published by political parties should also have their place in society. It will also be to name

political parties as a separate segment in the Press market. That is, the party Press has a typological feature. A number of scientists have also expressed their opinion on what is the place in the system of typology of the press of political parties and what features it has. In our work, we set ourselves the goal of considering the activities of the press of these political parties.

Main part. The party press must serve internal and external purposes. On the one hand, internal exchange of ideas is significant, that is, to the spiritual and psychological environment, to come to an internal agreement, to agree on actions. Secondly, to promote the party program, to bring the party direction high in the struggle with other parties, to attract political supporters [1; 69-72].

The function of the press of political parties has differences and characteristics from those characteristic of other media. For example, establishing the political life of citizens, increasing the socio-political activity of the people, formation of social thought among the population, there are such tasks as promoting the formation of political culture and political knowledge of citizens.

Currently, five political parties operate in Uzbekistan. They are as follows:

1. People's Democratic Party of Uzbekistan. Publications – «Voice of Uzbekistan» (Uzbekiston ovozi) newspapers and «Muloqot» magazine [2].

According to the structure of the party, 1 Central, 14 territorial – Republic of Karakalpakstan, 12 regions and Tashkent and 22 cities and 179 district organizations, there are also more than 10,000 primary organizations that unite party members by place of work and place of residence.

2. Uzbekistan-sosial Democratic Party «Adalat». Newspaper – «Adalat» newspaper.

3. Uzbekistan «Adalat» SDP was established on February 18, 1995. Registered by the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan on February 18, 1995. The program and Charter of the party were adopted, and the main slogan was designated «in power – justice» [3].

4. Uzbekistan-Democratic Party "national revival". Newspaper – «National revival» newspaper.

On June 20, 2008, The Congress of the Union of the Democratic Party of Uzbekistan «national revival» and the National Democratic Party «devotees» was held and on the basis of these two parties, the new Uzbekistan Democratic Party «national revival» [4].

5. Movement of entrepreneurs – Liberal Democratic Party of Uzbekistan. Newspaper – «21 century» newspaper.

October 4-5, 2003-a group of entrepreneurs-representatives of small businesses, a layer of proprietors made up of entrepreneurs and farmers, highly qualified production specialists and representing the interests of management personnel, businessmen and a nationwide political organization that protects, that is they took the initiative to create a party. The party was organized on this basis [5].

6. Environmental party of Uzbekistan and its newspaper – «Family and nature» newspaper.

On January 24, 2019, the Ministry of Justice conducted state registration of the Ecological Party of Uzbekistan. The main goal of the new party is sustainable development, achieving environmental safety, conservation of natural resources for the present and future generation and ensuring the implementation of state policy aimed at creating a favorable environment, Environmental Protection and the preservation of Natural Resources is aimed at promoting the achievement of the task of every citizen of the state, society and country.

Conclusion. So, in the typology of the media today, the press of political parties plays a special role. Because the party press increases the socio-political activity of the people, forms social thought among the population and political culture of citizens and promotes the formation of political knowledge. In this context, establishing the media of political parties in society and its development is required.

References:

1. Атажанов Ҳ., Марзияев Ж., Ермекбаева Ҳ. Сиясий партиялар баспасөзи (Пресса политической партии. Political party press). // Filologik tadqiqotlar-VIII. Ilmiy-amaliy anjuman materiallari. – Toshkent. «Navoiy universiteti» nashriyot-matbaa uyi. 2018.
2. Uzbekiston Ovozi – URL: https://top.uz/company/golos-uzbekistana-i-uzbekiston-ovozi-redaktsiya-gazet
3. Adolat – URL: http://www.adolatgzt.uz/
4. Milliy tiklanish – URL: https://mt.uz/gazeta
5. ACP – URL: https://21asr.uz/k

UDC 070 (575.72)

A BRIEF OVERVIEW OF JOURNAL PUBLICATIONS OF THE REPUBLIC OF KARAKALPAKSTAN

Marziyaev J.K., PhD, ***Tolibaev O.O.***
Karakalpak State University, Karakalpakstan, Uzbekistan
janga-tv@mail.ru

Introduction. Today, magazine publications are also of particular importance within publications. Magazine publications also cover materials specific to the journalism genre. Magazines, like other media publications, are also covering the events and events taking place at the same time in a timely manner. In this regard, it can be seen that some magazines are becoming more active even from newspaper publications. Therefore, we set ourselves the goal of studying the specifics of magazine publications in this work.

The main part. Magazine-is considered one of the media of the press. The magazine, like a newspaper, affects social consciousness, forms a social opinion on the needs of social groups, political parties, organizations [1; 116].

In the 19th century, magazine publishing began to develop rapidly. By this time, the methods and methods of providing information in magazines will begin to change. With intensity, the circulation of magazines increases and the cost of falling on itself is reduced. At the end of the 19th century at the beginning of the 20th century, mixed-type and specialized magazines for many, which were well decorated in terms of illustration, aroused great interest among readers.

Magazines are not based on operability, but special cycles are printed, that is, weekly, monthly. Many magazines, like other media, give the audience a social orientation, make them aware of changes in science and culture, literature.

The purpose of the journals is to illuminate the facts through deep domestication, not from a first glance. On the channel of magazines, information is reflected not outdated, but facts that do not lose their curiosity over time.

When comparing with a newspaper, information in the journal is directed in one direction. Magazines, together with the audience Factor, have features in terms of typological characteristics, the nature of Information, speed, scale.

By the nature and content of information, the information that the burns deliver is different:

- analytical information;
- instructional Journal;
- News information (new directions in Science, News in social, cultural life);
- information and suggestive information;
- advertising information [2; 40-49].

Looking at the history of the magazine, the magazine first appeared in Western states in the second half of the 16th century. And in Uzbekistan, publications in the form of the first magazine began to appear at the end of the 19th century. The first magazine in the republic was the Central Asian Bulletin, which began publication in 1896. Its editor and publisher was E.G. Smirnov. The newspaper «Turkestan Vedomosti» wrote about this: «Smirnov is allowed to publish in Tashkent together with Geyer the monthly magazine «Central Asian Bulletin» with the appendix «News of the day» («Turkestan Vedomosti». 1896. No. 18).

At the beginning of the XX century, the magazines «Turkestan agriculture» (1906-1918), «For the People» (1907), «Turkestan Scorpion» (1907-1910), «Central Asia» (1910-1911), «Turkestan Karakurt» (1911), «Al-Isloh» (1915-1918 G.G.), «Al-Izoh» (1917-1918), the almanac «Steppe Mirages» (1914) and other publications intended mainly for the official circle and high-ranking persons [3; 46].

In Karakalpakstan, special attention is paid to magazine publications today. The journal «Amudarya» is one of the historical journals of karakalpaks.

The magazine is a literary and artistic magazine. It is published in the city of Nukus in the Karakalpak language. The organ of the Union of Writers of the Karakalpak ASSR. Published since 1932 (with a break in 1941-55). The original name was «Miynet edebiyaty» («Literature of Labor»), since 1934 – «Audarispak; zhalyny» («Flame of Revolution»), since 1935 – «Zhenis hauazy» («Voice of Victory»), in 1939-58 – «Karakalpakstan edebiyaty ham art» («Literature and art of Karakalpakia»), in subsequent years – «Amudarya».

To date, the magazine «Amudarya» is the only magazine of the Republic of Karakalpakstan, comprehensively covering in full the literary processes, journalism, poetry and prose of Karakalpak authors. The magazine works closely with the Union of Writers of the Republic of Karakalpakstan [4; 1018-1022].

The journal "Bulletin" of the Karakalpakstan branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan is being published. The first issue of the magazine came out on November 26, 1960. The Journal has made a significant contribution to the development of Science and science in Karakalpakstan.

The journal «Science and society» was published by the Nukus State Pedagogical Institute named after Ajiniyoz, which was founded in 2004. Published four times a year.

The journal «The message of the University of Karakalpak» will also be published at Berdaq Karakalpak State University. The magazine was founded in 2008. Published four times a year.

It is known that the magazine is a periodical. It, like the newspaper, serves to form the worldview of the public. The magazine differs from other mass media in its colorfulness and weight.

Conclusion. Hence, journal publications approach all changes taking place in society based on their new typological nature. In satisfying the personal curiosity of readers, the role of magazine publications is distinguished.

References

1. Лозовский Б. Н. Журналистика: краткий словарь / Б. Н. Лозовский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 115 с.
2. Атажанов Х. А., Марзияев Ж. К., Киличов Н. Р. Баспасоз типологиясы (Типология прессы, Typology of the press). – Т.: Университет Навоии, 2018.
3. Абдуазизова Н. История национальной журналистики (период национальной независимости). Отв. ред. Н. Комилов; пер. с узб. Д.Б.Кабуловой; Академия государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан, Центр новой истории Узбекистана. – Т.: «Sharq», 2012. – 368 с.
4. Atajanov H. A., Marziyaev J. K. Development trend of regional journal periodicals of the Republic of Karakalpakstan (Тенденция развитие региональной журнальной периодики Республики Каракалпакстан). // International Scientific Journal (ISJ) Theoretical & Applied Science. 12 (104). – Philadelphia, USA. 30.12.2021. – URL: http://www.t-science.org/arxivDOI/2021/12-104/PDF/12-104-109.pdf

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Русский язык. Грамматика и словообразование

Алексеенко О.Н. Морфологическое своеобразие словообразования относительных прилагательных 5

Борозенец Д.И. Классификация единиц лексико-семантического поля когниции (на материале русского языка) 7

Брацун Д.А., Теркулов В.И. Ономасиологические модели интерпретации точечных объектов 10

Будник С.А. Когнитивно-ономасиологический анализ глагола «сидеть» 13

Гращенков П.В. Моделирование усвоения падежного параметра в русском языке: номинатив и локатив» 16

Гордиенко О.А., Трунова Е.А. Популяризации русского языка в формате геймификации (на материале формообразования и словообразования) 17

Емельянова К.Ю. Понятие об абброаффиксоиде 20

Колесникова Е.И. К вопросу об инновационном фрагменте лексико-семантического поля «социальная политика» 23

Косаренко О.Т., Косаренко С.В. О параметре статистической устойчивости атрибутивных словосочетаний, изоморфных ассоциативным реакциям в поле «авторитет» 26

Лялюк А.А. Сложные апеллятивы в современном масс-медийном дискурсе 29

Михайлова Е.Н. Реляционная семантика сложносокращённого слова 31

Мочалова Е.А., Евтушенко Т.Г. Языковые средства выражения субъективной модальности в тексте научно-популярных видеолекций 33

Назар Р.Н. Аббревиация и сокращения в текстах современных СМИ 36

Онипенко Н.К. Семантика и прагматика глагольных форм 2-го лица во вводной позиции 39

Рязанова В.А. Аббревиатуры-апеллятивы и аббревиатуры-онимы как объекты словарного описания 40

Ситько Ю.Л., Захарова И.И. Динамический и статический подходы во взглядах советских лингвистов-ономасиологов 43

Смирнова И.Р., Теркулов В.И. Об особенностях формальной эквивалентности неинициальных абброконструктов 46

Халабузарь А.О. Лексико-семантическая группа «субъект» аббревиатурной группы «авиа» 49

Чуриков С.А. О системном описании средств выражения обстоятельственных отношений в русском языке 52

Русский язык. Актуальные проблемы лингворусистики. Подсекция 1

Бабенко Н.А., Рабчун Д.В. Роль дидактических игр в развитии речи 55

Бессарабов О.В., Бессарабова Ю.В. Русский язык – объединяющая сила 58

Бурляй А.С. Особенности реализации коммуникативных потребностей языковой личности донецкого военного корреспондента 61

Выркова Н.А., Гладкая Н.В. Коммуникативные стратегии и тактики в новостном дискурсе 64

Гладкая Н.В. Мем как особый вид паралингвистического активного текста в интернет-коммуникации 67

Гордиенко В.П. Роль русского языка в сохранении нравственных ценностей русского народа 69
Евтягина И.В., Венжик Т.В. Использование видеоуроков при изучении русского языка (на примере электронного пособия «Уроки текстоведения и развития речи. Русский язык. 5 класс») 72
Крылов С.А. Корпусные методы в историографии лингвистической русистики 75
Мозговой В.И. Роль национального языка в строительстве российского государства 78
Никулкина О.Г. Культурологический подтекст зоонимов в русских народных сказках 83
Овсяная Е.С., Гладкая Н.В. Особенности сетевого этикета рунета 86
Прокудина И.М., Талалаева О.Г. К проблеме оценки значимости изучения истории языка 88
Стебунова А.Н. Роль дисциплины «Русский язык и культура речи» в формировании конкурентоспособной личности 91
Хуснутдинов А.А. Кексикографический портрет слова и выражения в научном и методическом аспектах 93

Русский язык. Актуальные проблемы лингворусистики. Подсекция 2

Арзямова О.В., Анисимова Е.А. Особенности функционирования сложных предложений в цикле н. в. гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» 97
Арзямова О.В., Суторомина Ю.И. Средства выражения эмотивно-оценочных коннотаций в речи комментаторов фигурного катания 100
Доброва С.И. Антропоморфизация природных объектов на материале образного параллелизма в русских народных приметах 103
Доброва С.И., Терехова Е.С. Вербализация гендера в былинных текстах 106
Дьякова Т.А. Роль словаря Владимира Даля в исследовании творчества Михаила Матусовского 109
Евсеева М.Г. К вопросу о соотнесенности понятий *концепт* и *концептосфера* 112
Заварзина В.А. Размышления об одной культурной истореме русского языка 115
Зайцева И.П. Своеобразие ремарочного пласта современной драматургии 117
Калмыкова Д.А. Лингвокультурные особенности русской бытовой лексики с номинацией «еда/напитки» в структуре драматических произведений Н. В. Гоголя 121
Капиносова М.А., Гладкая Н.В. Языковая игра в текстах современной российской рекламы 124
Карпенко А.В. Базовые характеристики лингвокультуремы *игра* 126
Казютина Е.С. Стилистическая специфика художественного текста Б. Васильева «Завтра была война» 129
Ковригина Е.А. Образ *болезни* и народные средства воздействия на неё (на материале картотеки архангельских говоров) 132
Ляшева М.Н. Советские идеологемы в неформальном интернет-дискурсе: коммуникативно-прагматическая специфика 132
Малышева М.С. Дискурсивное пространство рок-поэзии 1980-х: современное прочтение 135
Мудрая М.В., Ансимова Е.А. Гендерно маркированные зоонимы в пословицах русского народа 138

Панчехина М.Н. «Город» как лингвокультурема в поэзии Алексея Парщикова 140
Твердюк А.Д. Специфика использования религиозной христианской лексики в гражданской поэзии Д. Трибушного 142
Филатова М.И. «Человеческое краеведение» Ю. М. Кургузова как метод постижения истории Воронежского края 145
Шевелева Т.Н., Лаухина С.С. К вопросу о критериях разграничения внутрикатегориальных фразеологических омонимов 148

Русский язык. Актуальные проблемы регионалистики

Герасименко И.А., Алексеенкова У.Р. Микротопонимы города Горловки сквозь призму принципов номинации 151
Герасименко И.А., Пивень А.В. Антропоморфный культурный код сквозь призму годонимикона современной Горловки 154
Трунаева А.С. Причины и профилактика безграмотности населения Донецкой Народной Республики 157
Шубина Н.Г. Мотивировочные признаки в диалектных наименованиях артефактов (на примере лексики оскольских говоров) 159

Общее, славянское и прикладное языкознание

Агафонова М.П., Кутьева А.В. Фонетическая интерференция в речи китайских студентов на русском языке 162
Арзямова О.В., Панова А.А. Концептосфера ВОЙНА и ее реализация в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» 165
Борисова Л.П. Лексема служить в истории русского языка 168
Волков Ю.В. Компьютерный анализ терминов 171
Джиоева В.П., Букулова В.М. Способы терминологического моделирования в сфере экономических отношений 174
Дмитриева Ю.Л. Параметры пространственной модели мира: бинарные признаки характеристики пространства 177
Касьяненко Н.Е. «Словарь русского языка X–XVIII веков» Е. С. Отина: к вопросу об объеме и состав 180
Могила Н.Н. Дидактические возможности художественного текста при формировании у студентов лингвокультурологической компетенции 183
Могила Н.Н., Могила С.А. Методика использования студентами частотно-синтаксического анализа при изучении синтаксиса 186
Могила С.А. Функционирование иноязычной лексики в периодических изданиях Донбасса (на материале газеты «Комсомольская правда») 190
Першина Кл. В. Внутригородские хоронимы Донецка: реализация пространственного кода 192
Титаренко Э.А. Полисемичность русского слова мир: сравнительный аспект 194
Чижова Л.А. Лексико-грамматические значения в онтологическом аспекте (на примере русского языка) 197
Шокотко Н.А. Формирование поликультурных компетенций у студентов-филологов на примере языковой подготовки международных космических экипажей 200
Янышевская В.В. Проблемные вопросы изучения бытовой и деловой литературы на практических занятиях по истории русского языка 203

Ярошенко Н.А. Сложные номинации лица в «Общероссийском классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов – 2018»: общая характеристика состава 206
Ярошенко Н.А., Ладнова Е.В. Годонимы г. Тореза ДНР: структурные типы 210
Ярошенко Н.А., Менякина А.А. Особенности реализации зооморфной метафоры в политическом дискурсе А. А. Проханова 214

Актуальные проблемы изучения и преподавания славянских языков

Казанцева И.Г. К вопросу об особенностях деловой коммуникации 218
Кулиш С.В., Сторчак Л.В. Обусловленная ситуативность моделей речевого общения 221
Светличная В.Ю. Звуковой повтор с позиций фоносемантики 224
Субботина М.В., Морозова Е.В. Вопрос о средствах выразительности при подготовке к стилистическому анализу текста в рамках ЕГЭ 226
Суслова И.А. Языковая картина мира как одна из важнейших составляющих формирования языковой личности 229

История русской литературы и теории словесности

Борисова У.Ю. Антропонимы в рассказе Л. Н. Толстого «Алеша Горшок» 232
Губарева М.А. Путешествие как метажанр: основные признаки 235
Даренский В. Ю. Поэты-традиционалисты Серебряного века 237
Житкова Л.Н. Н. Г. Чернышевский и В. Г. Белинский: корректировка наследия..... 240
Зыкова Г.В. Я. А. Сатуновский в днепропетровской «Звезде» (1937–1938 гг.) 245
Криволап С.С. Фабульность лирики в художественном мире А. Твардовскому 248
Курылко М.Э. Роль гротеска в пьесе Владимира Маяковского «Клоп» 251
Лардыгина О.А. Лермонтовские реминисценции в художественном мире ранних повестей М. Е. Салтыкова-Щедрина 254
Логвинова И.В. Стихотворные сборники о войне за русский мир на Донбассе как исторический документ и художественное явление 258
Майборода Н.В. Ритмическая организация стихотворений для детей (на примере произведений донецких поэтов) 261
Ничипоров И.Б. Современная антиутопия: о романе Д. Данилова «Саша, привет!» .. 264
Овчаренко А.И., Кораблев А.А. О жесте Германна в «Пиковой даме» А. С. Пушкина..... 267
Озерова Е.Г. Поэтика художественного текста 268
Панасенкова В.В. К вопросу о специфике духовной поэзии XVIII века..... 270
Петренко Н.В. Проблема отношения русских к европейцам в произведении Ф. М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях» 273
Плахтий Т.П. Функции архетипических образов в нарративе древнерусской религиозной драмы..... 276
Пращерук Н.В. Святоотеческая традиция и литературоведение: о духовной прозе свт. Игнатия (Брянчанинова) 279
Пустовит В.Ю. Эпистолярий как источник изучения творческой биографии писателя 282

Рябцева Н.Е. Образ ребенка в поэзии Б. Ахмадулиной 285
Савинков С.В. К вопросу о типологии характеров в творчестве Ф. М. Достоевского 288
Сенчина Л.Т. Формирование жанра сентиментальной повести в русской литературе (на материале «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина) 291
Слинько М.А. Десятикнижие В. В. Будакова 293
Сорокин А.А. Поиск «феномена западнизма» в романе «Желтый дом» А. А. Зиновьева 296
Таирова И.А. Место авторской песни в поэзии «шестидесятников» 299
Талалаева О.Г., Прокудина И.М. Литературный процесс в современном интернет-пространстве 302
Шевкопляс А.М., Миролюбова А.Ю. Мотив памяти и его реализация в романе В. В. Набокова «Машенька» 304
Ягодина И.Д. Лексико-семантические группы глаголов как средство репрезентации женского образа в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» 306
Ярошевич И.А. Художественное наследие П. Байдебуры в литературном процессе Донетчины 309
Ярошевич И.А., Шулика А.В. Автор-повествователь и герой-рассказчик в шахтерских сказах Донбасса 312

Журналистика и медиакоммуникации: доминанты в информационном контексте

Антипова А.С., Ильченко Д.С., Смирнова О.В., Денисова Г.В. Семантические признаки космоса в российском медиадискурсе (2020–2021 гг.) 315
Антоненко Ц.А. Информационное пространство современного Донбасса: ретроспективный аспект 318
Артамонова И.М., Гречук В.В. Противодействие цветным революциям в реалиях новых медиа 321
Артамонова И.М., Кухтин А.В. Информационное противоборство России и Украины в реалиях новых медиа: способы и методы противодействия деструктивной информации 323
Артамонова И.М., Ларшина А.Д. Особенности коммуникативных технологий бренд-журналистики на телевидении ДНР 326
Безродный В.П. Как на Украине формировалось отношение к референдуму в Крыму 328
Безродный В.П., Шамраев Д.А. Эмерджентные системы: как современная журналистика приобретает новые смыслы 331
Болдырев С.М. Редакционная структура регионального советского телевидения (на материалах сталинской (донецкой) студии телевидения) 334
Вартанова Е.Л. Медиакоммуникации и общество в условиях конфликтов 336
Гудова Т.В. Использование радиостанцией «Комета» современных каналов коммуникации во время войны (на примере «ВКонтакте» и Телеграм) 339
Каика Н.Е., Борисенко А.С. PR-инструментарий продвижения театрального культурного продукта в условиях кризисных ситуаций 342
Кудайбергенов М.А. Жанровые особенности детской прессы Каракалпакстана 345
Кутлымуратов М.К. Радио Каракалпакстана: вчера и сегодня 347
Левкович В.А. Фейковость в современных медиатекстах 349

Лемак В.В. О необходимости включения медиаграмотности в перечень обязательных образовательных предметов 351
Ломидзе К.М. Интенциональность медиатекста политического конфликта: методы воздействия на массовую аудиторию 354
Марзияев Ж.К. Обзор передач каракалпакского телевидения: исторический подход 357
Москаленко Н.М. Медиаграмотность и медиатизация деятельности вузов в современных условиях 360
Муха А.В. Структурно-содержательные особенности литературно-художественного журнала «Волга» 363
Муха А.В. Тематическое разнообразие журнала «Дон» 365
Муха А.В., Зима О.И. Имиджевая модель центра патриотического воспитания молодежи г. Краснодара в СМИ 367
Наливайко Ю.Ю., Рыжкова Е.Д. Особенности деятельности средств массовой информации в мобильных мессенджерах 370
Неренц Д.В. Telegram как перспективная площадка для СМИ в 2022 году 372
Рубцов В.Н. Слово как оружие 375
Скоков И.В. Особенности современного информационно-развлекательного медиадискурса (на примере телешоу «The Grand Tour») 378
Сорина Г.В., Гуров Ф.Н. Навязанная идентичность и информационные пузыри 381
Тулупов В.В. Медиапиратство и приемы манипулирования 383
Хундань Ч., Хунвэй Ц. Семантико-синонимические ряды концепта «пандемия» в СМИ Якутии 386
Чайка О.С. Документальное военное кино о Донбассе в аспекте формирования гуманистической системы ценностей 388
Чумиков А.Н. Факты и смыслы в медиапродукте: историческая дискуссия и современный дискур 391
Якель А.О. Структура речевого жанра «скам-комментарий» в мессенджере «Телеграм» 394
Якубова У.А. Что такое SMM-копирайтинг? 398
Marziyaev J.K., Aleuatdinova G.M. Press of political parties of Uzbekistan: brief review 400
Marziyaev J.K., Tolibaev O.O. A brief overview of journal publications of the Republic of Karakalpakstan 402

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДОНЕЦКИЕ ЧТЕНИЯ 2022: ОБРАЗОВАНИЕ, НАУКА, ИННОВАЦИИ, КУЛЬТУРА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Материалы
VII Международной научной конференции,
посвящённой 85-летию
Донецкого национального университета,
27–28 октября 2022 г.,
г. Донецк

ТОМ 4
Филологические науки
Часть 1

под общей редакцией проф. *С.В. Беспаловой*

Дизайн обложки	*А.Ю. Гурина*
Технические редакторы	*В.Г. Медведева, М.В. Фоменко*
Компьютерная верстка	*А.С. Бурляй*

Адрес оргкомитета:
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
ул. Университетская, 24, г. Донецк, 83001, ДНР, РФ.
E-mail: *science.prorector@donnu.ru*

Подписано в печать 20.10.2022 г.
Формат 60×84/16. Бумага офисная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 24,02.
Тираж 100 экз. Заказ № 22окт17/4а.
Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.